

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ

1902.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1902.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Марта 26 дня 1902 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

СЪЯТЕЛЬ.

Се изыде съяй, да съеть (Мате. 13, 3).

Съятель вышелъ съ большою кошницею
Поле засъять янтарной пшеницей.
Крѣпкой и сильной привычной рукою
Смыло онъ съялъ пшеницею тою.
Вѣтеръ ему помогаль понемногу.
Но... зерна иныя отнесъ на дорогу.
Люди прошли и зерно затоптали,
Птицы примчались—его поклевали.
Тамъ, гдѣ на камняхъ земля не глубока,
Зерна упавшія вышли до срока,
Словно малютки изъ теплой постели.
Благи корнямъ они мало имѣли:
Солнце сожгло ихъ горячимъ дыханьемъ,
Высушилъ вѣтеръ палящимъ лобзаньемъ.
Въ терниі частомъ и въ тѣни ихъ черной
Вышли былинкою слабою зерна,
Словно затворницы съ краскою блѣдной;
Скоро погибли толпою безслѣдной...
Только лишь тучная, сочная нива
Зазеленѣла, какъ бархатъ, красиво:
Выросли зерна янтарной пшеницы,
Плодь принеся полнолѣсній сторицей.

* * *

Міръ весь широкій есть Божія нива;
Гдѣ разсѣваетъ Христось терпѣливо
Дивныя зерна високаго слова,
Чистыя зерна ученья святого...

Священникъ В. Бѣлкинъ.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ІОНАННА VII (ЦАЦОСЬ).

БЕСѢДА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ.

Иисусъ общается ученикамъ Своимъ внутренній миръ.

28) *Изыдохъ отъ Отца, и приидохъ въ міръ: и нынѣ оста-
вляю міръ, и иду ко Отцу.* 29) *Глаголаша Ему ученицы
Его: се нынѣ не обихуяся глаголемъ, а притчи николяже
не глаголемъ.* 30) *Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не потребуемъ,
да кто Тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога из-
шелъ еси.* 31) *Отвѣща имъ Иисусъ: нынѣ ли вѣруете? 32) Се
придетъ часъ, и нынѣ прииде, да разидетсѣи кѣждо во своя,
и Мене единого оставите: и тѣмъ единъ, яко Отець со
Мною естъ.* Иоан. XVI, 28—33.

§ 1. Апостолы увѣровали въ то, что Иисусъ «отъ Бога
изыде»; но одно—вѣровать въ Него безъ малѣйшаго даже
сомнѣнія, и другое — поступать согласно съ такой вѣрою,
то-есть все переносить, все претерпѣвать, всѣмъ сопроти-
вляться ради исповѣданія своего.

§ 2. Подобная вѣра не бываетъ обыкновеннымъ плодомъ
перваго впечатлѣнія, но скорѣе слѣдствіемъ постояннаго
воздѣйствія на сердце Духа Святаго, благодаря чему мысль

*) См. мартовскую кн. Душепол. Чт. 1902 г.

человѣка и различныя стремленія ума ограничиваются надлежащими предѣлами истины. Господь зналъ хорошо, что ученики Его не могли еще говорить съ такимъ убѣжденіемъ, съ какимъ говорилъ позднѣе вдохновляемый Духомъ Святымъ апостоль Павелъ: «ни едино творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію» (Дѣян. XX, 24). Иисусъ зналъ, что наступить часъ, уже близкій, когда каждый удалится «во своя», когда каждый будетъ искать собственной безопасности, и оставлять Его такимъ образомъ одного; но Господь прибавляетъ при этомъ: «И нѣсмь единъ, яко Отець со Мною есть».

§ 3. Самъ Христось по человѣчеству Своему находилъ въ высказанной Имъ истинѣ ободреніе, проповѣдуя и внушая ученикамъ Своимъ, что подобно тому, какъ Онъ въ скорбяхъ и испытаніяхъ Своихъ не былъ оставленъ, такъ и призываемые Учителемъ своимъ на страданія и испытанія не оказываются одни, «яко Отець съ ними есть». И какъ земное благоденствіе безъ Божьяго присутствія въ сердцѣ не можетъ быть прочнымъ и вѣрнымъ, такъ и Его явленіе можетъ напротивъ восполнить все, чего въ мірѣ мы лишены. Истина сія открывается еще яснѣе въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ Господомъ ученикамъ предъ разлукой съ ними:

33) *Сія глаголахъ вамъ, да во Миръ миръ имате. Въ миръ скорбни будете: но держайте, яко Азъ побѣдихъ миръ.*

§ 4. Слова «въ мирѣ скорбни будете» кажутся жестокими и могутъ привести въ отчаяніе: «Возложатъ на вы руки своя, и ижденуть, предающе на сонмища и темницы, ведомы къ царемъ и владыкамъ... и умертвятъ отъ васъ» (Лук. XXI, 12, 16); но «держайте» во всѣхъ этихъ испытаніяхъ, «яко Азъ побѣдихъ миръ». Были ли въ силахъ ученики Христовы послѣдовать дѣйствительно этому внушенію? Мы читаемъ въ божественной книгѣ «Дѣяній», что когда архіереи, садукееи и другіе враги истины повели апостоловъ въ сѣнедріонъ и «бывше запретиша имъ не глаголати о имени Иисусовѣ, они убо идяху радующеса отъ лица собора, яко

за имя Господа Іисуса сподобихася безчестіе пріяти» (V, 40—41). Въ той же книгѣ читаемъ мы, что «сидеся народъ на апостолы; и воеводы растерзавше имъ ризы, веляху палицами бити ихъ. Многи же давшє имъ раны, всадиша въ темницу, завѣщавше темничному стражу твердо стрещи ихъ. Иже таково завѣщаніе пріемъ, всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ владѣ. Въ полунощи же Павелъ и Сіла молящєся по яху Бога: послушаху же ихъ юзницы» (Дѣян. XVI, 22—25).

§ 5. Итакъ, сами апостолы представляютъ намъ примѣръ и доказательство тому, что сказавшій имъ «держайте», могъ дать имъ и силу послушаться Его. Мы видимъ ихъ хотя и въ жалкомъ состояніи «по плоти и крови», но тѣмъ не менѣе—исполненными мужества и невыразимой радости и стоящими выше внѣшнихъ скорбей, обидъ и пытокъ своихъ. Истина, согласно съ которой они дѣйствовали, истина, заключающаяся въ словахъ Іисусовыхъ: «держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ» непреложна и неопровержима и представляетъ апостоламъ будущее ихъ болѣе славнымъ, чѣмъ всѣ надежды и обѣщанія міра сего. «Держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ»: въ этомъ — не человѣческая беспомощность, а Божье дѣло, преодолѣвающее зло діавола и смягчающее неизбѣжныя скорби, отъ которыхъ апостолы не только не уклонялись, но которымъ радовались даже, взирая не на видимое и тлѣнное, а на невидимое и нетлѣнное, зная, что «еже нынѣ легкое печали ихъ, по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ имъ» (2 Кор. IV, 17). Но какъ апостолы не были въ искушеніяхъ и испытаніяхъ міра сего оставлены Богомъ; такъ и всѣ, кто дерзновенно вѣруетъ, не бывають одни. Христіанинъ нисколько не избавленъ отъ бѣдствій міра сего: случается и ему, какъ и другимъ, подвергаться скорбямъ, испытаніямъ и несчастіямъ: случается и ему терять дѣтей и друзей, бывшихъ отрадою его въ жизни, или же—впадать въ нужду, въ болѣзни и во всевозможныя бѣдствія, какія только родъ человѣческій претерпѣваетъ ради великаго прародительскаго

первороднаго грѣха. Христіанинъ, хотя и пользуется Божьей любовью и благоволеніемъ, не менѣе вслѣдствіе сего причастенъ общему всей твари наказанію; но онъ не падаетъ духомъ въ бѣдности, не безпомощенъ въ болѣзняхъ, не безутѣшенъ въ скорбяхъ своихъ. Подобно тому какъ Богъ послѣ потопа заключилъ завѣтъ съ Ноемъ и поставилъ радугу на небѣ въ знакъ того, что, хотя оно и будетъ покрываться густыми тучами и разверзаться проливнымъ дождемъ, воды никогда не преступятъ положенныхъ имъ предѣловъ и не затопятъ землю; такъ и вѣрныхъ Своихъ рабовъ ободряетъ Онъ въ ихъ печаляхъ и скорбяхъ, указывая имъ на знаменіе Завѣта Своего, на знаменіе вѣчное, а именно на кровь возлюбленнаго Своего Сына, изліянную на Голгоѣѣ. Молніи великаго благоутробія Его прорвутся сквозь густыя тучи, нависшія надъ вѣрующимъ, и онъ скажетъ, нисколько не теряя мужества, слова Іова: «Яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно! (Іов. 1, 21). Тогда-то по преимуществу и исполняется обѣтованіе Господне: «Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ» (Іоан. XIV, 23). Многіе, испытавшіе исполненіе этого обѣтованія, засвидѣтельствовали, что большая земная печаль вызывала и большее духовное утѣшеніе. Богъ посѣщалъ ихъ, давалъ имъ новыя силы и ободреніе въ скорбяхъ и часто настолько умѣрялъ печали ихъ, что они забывали о своемъ злосчастіи и находили въ присутствіи Божіемъ «исполненіе радости». Они имѣли въ себѣ то, что возвышаетъ надъ міромъ симъ, надъ всѣми его превратностями, надъ разнообразными неудачами, опасеніями и тревогами его: они охвачены были живымъ чувствомъ въ рь. Вѣрующіе бывали, конечно, «въ мірѣ скорбни», но «дерзали», ибо Тотъ, въ Кого они вѣрують, «побѣди міръ» и «даде имъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже имъ вредить» (Лук. X, 19). Да, возлюбленный, «Господь даровалъ тебѣ оружія: панцырь правды, поясъ истины, шлемъ спасенія,

щитъ вѣры, мечъ Духа; Онъ даровалъ тебѣ залогъ спасенія, Онъ тѣломъ Своимъ питаетъ тебя, кровь Свою даетъ въ питіе, Онъ вручилъ тебѣ крестъ, какъ копье, какъ копье никогда несокрушимое. Сатану связалъ Онъ, низринулъ, такъ что уступчивость твоя (злomu духу) не имѣетъ, слѣдовательно, оправданій и у тебя нѣтъ извиненій, если ты пораженъ, ибо ты имѣешь безчисленные средства въ побѣдѣ. Сѣть сокрушится, и мы избавлены бѣхомъ. Помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю ¹⁾. Видишь, какого имѣешь ты Вождя?— Какого Царя? Вѣдь Онъ—Творецъ всего, создавшій словомъ такія тѣла, такое пространство, столько величественнаго. Не падай же, стой отважно: ничто не мѣшаетъ трофею твоему держаться славно... Итакъ, возлюбленные, сознавая все это, будемъ трезвиться, будемъ подвизаться, не будемъ дремать, но очистивъ оружія и возбудивъ въ себѣ бодрость, будемъ постоянно низлагать врага, чтобы, одержавъ блистательную побѣду, насладиться намъ со мною славою царствіемъ небеснымъ» (Златоустъ). Аминь.

Съ благословенія **Его Святѣйшества**, перевелъ съ греческаго Настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ протоіерей *Александръ Смирнопуло*.

¹⁾ Псаломъ СХХІІІ, 7—8.

ЗНАЧЕНИЕ ЧУДЕСЪ ВЪ ДѢЛѢ ВѢРЫ ВО ХРИСТА И ХРИСТОВУ ЦЕРКОВЬ.

Поученіе въ недѣлю о разслабленномъ.

Въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи повѣствуется о двухъ чудесахъ, совершенныхъ апостоломъ Петромъ въ Финикійскихъ городахъ—Лиддѣ и Іоппіи, во время его апостольскаго путешествія. Въ Лиддѣ онъ исцѣлилъ разслабленнаго Енея, восемь лѣтъ неподвижно лежавшаго на постели. Петръ сказалъ ему: «Еней! исцѣляетъ тебя Иисусъ Христосъ; встань съ постели твоей. И онъ тотчасъ всталъ». Въ Іоппіи Петръ воскресилъ нѣкую ученицу Христову Тавиѳеу. Она была приготовлена къ погребенію и положена въ горницѣ. Петръ выслалъ всѣхъ изъ горницы и, преклонивъ колѣна, помолился и «обращая къ тѣлу рече: Тавиѳе, востани. Она же отверзе очи свои и видѣвши Петра сѣде». То и другое чудо произвело столь сильное впечатлѣніе въ первомъ случаѣ—на всѣхъ знавшихъ разслабленнаго, что они «обратилися ко Господу», а о чудѣ воскрешенія Тавиѳеи увѣдано бысть по всей Іоппіи и мнози увѣроваша въ Господа (Дѣя. 9, 33—42). Таково вообще значеніе чудесъ въ дѣлѣ распространенія вѣры Христовой, совершенныхъ Христомъ, Его апостолами и прочими вѣропроповѣдниками. Они служили очевидными, для всѣхъ понятными, доказательствами истины вѣры Христовой. Ученіе Христово, содержащееся въ евангеліи и хранимое въ Церкви Христовой, само за себя свидѣтельствуешь о происхожденіи своемъ отъ Бога, а не отъ естественнаго человѣческаго разума. О немъ можно сказать

тоже самое, что сказали слуги, посланные фарисеями схватить Иисуса. Они не посмѣли это сдѣлать: вмѣсто того, чтобы наложить руки на Иисуса, учившаго въ то время народъ, они стали слушать Его и до того увлеклись Его ученіемъ, что ни съ чѣмъ возвратились къ пославшимъ ихъ и на вопросъ ихъ: для чего вы не привели Его? отвѣтили: никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ (Іоан. 6, 46). Къ сожалѣнію, не всѣ настолько развиты умственно и отчасти нравственно, чтобы оцѣнить ученіе Христово по внутреннему его достоинству. Для большинства гораздо вразумительнѣе и убѣдительнѣе чудеса, какъ наглядное, для всѣхъ очевидное свидѣтельство истины Христовой. Всякій знаетъ, что чудеса совершаются силою Божіею и что совершающій чудеса есть посланникъ Божій, и что стало быть все, что онъ говоритъ о Богѣ, о спасеніи души, есть непреложная истина, ибо никакъ нельзя думать, чтобы Господь своею всемогущею силою могъ содѣйствовать тому, кто говоритъ не истину, а ложь. Вотъ почему Самъ Христосъ ссылался на свои чудеса въ доказательство, что Онъ дѣйствительно есть тотъ, за кого Себя выдавалъ, т. е. посланникъ Божій, превысшій всѣхъ посланниковъ, и что ученіе Его есть непреложная истина. *Аще Мнѣ не вѣруете*, говорилъ Онъ Іудеямъ, *дѣломъ Моимъ вѣруйте* (Іоан. 10, 38). *Дѣла яже даде Мнѣ Отецъ да совершу я, яже азъ творю, свидѣтствуютъ о Мнѣ яко Отецъ Мѣ посла* (Іоан. 5, 30). Однажды св. Іоаннъ Предтеча, находясь въ темницѣ, послалъ двоихъ учениковъ своихъ къ Иисусу спросить Его: Ты ли Тотъ, Который долженъ придти или ожидать намъ другого? И сказалъ имъ Иисусъ въ отвѣтъ: пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ; и блаженъ, кто не соблазнится о мнѣ (Мате. 11, 3—6). Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ Креститель самъ никогда не соблазнился и не сомнѣвался, что Христосъ есть Сынъ Божій и Спаситель міра, и посылалъ учениковъ къ Христу не для себя, а для своихъ учениковъ, для ихъ удостовѣ-

ренія въ истинѣ посланничества Христова и ученія Христова. Нѣтъ также сомнѣнія, что въ этой истинѣ убѣдились и ученики Іоанновы. Не таковы были враги Христовы. Они видѣли своими глазами знаменія и чудеса Христовы, и вида не видѣли. Вражда до того ослѣпила ихъ, что они отвергали очевидную истину и, хотя не могли отрицать ихъ, называли дѣйствіями князя бѣсовскаго. Изрыгая такую хулу, они, по слову Христа Спасителя, виновны были въ хулѣ противъ Святаго Духа, силою Котораго пророки возвѣщали истину и свои обѣщанія подкрѣпляли чудесами. Вотъ почему Христось, обличая враговъ своихъ въ хулѣ на Святаго Духа, сказалъ, что сей грѣхъ не простится имъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущей (Матѣ. 12, 32). Они кругомъ виноваты, ибо намѣренно возставали противъ истины. Тотъже самый приговоръ о тяжести грѣха ихъ и о непростительности его слышенъ въ словахъ Христовыхъ: «еслибы Я не пришелъ и не говорилъ имъ и еслибы Я не сотворилъ между ними дѣла, какихъ другой никто не сдѣлалъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ, а теперь видѣли и возненавидѣли Меня и Отца Моего (Іоан. 15, 22. 24).

Итакъ, чудеса Христовы основательно свидѣтельствовали не только о достоинствѣ лица Его, но и объ истинѣ ученія Его, объ истинѣ всего, что Онъ говорилъ для просвѣщенія людей. Но какъ понимать слова Его, что Онъ сотворилъ между ними дѣла, какихъ никто не дѣлалъ? Извѣстно, что подобныя дѣла творили и другіе подобные люди, начиная съ апостоловъ, и самъ Христось сказалъ, что вѣрующій въ Него сотворить дѣла, которыя творю Я, и даже больше сихъ сотворить (Іоан. 14, 12). Должно полагать, что если и дѣйствительно вѣрующіе во Христа могутъ сотворить больше, чѣмъ Онъ, чудесъ, то это превосходство вѣрующихъ предъ Христомъ не есть личное ихъ превосходство, а означаетъ только то, что Самъ Христось будетъ творить чрезъ вѣрующихъ больше чудесъ, что они будутъ творить ихъ не своею силою, но Его же силою и во имя Его. Ему одному по самому человѣчеству *дадеса всякая власть на небеси и на*

земли, и безъ Него никто не можетъ ничего чудеснаго со- творить. О безусловномъ превосходствѣ Иисуса Христа предъ всѣми чудотворцами свидѣтельствуется особенно чудо Его воскресенія изъ мертвыхъ. Поразительны чудеса апостоловъ и другихъ святыхъ людей: тѣ и другіе, по вѣрѣ и молитвѣ ко Христу, воскрешали мертвыхъ, но никто изъ нихъ не воскресилъ самого себя,—сіе чудо могъ совершить только Христосъ, по Его собственнымъ словамъ: «Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Я самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее (Іоан. 10, 17. 18). Вотъ почему чудо воскресенія Христова славнѣе всѣхъ чудесъ, такъ что вся вѣра наша во Христа, по ученію Апостола, держится на вѣрѣ въ это чудо. *Аще Христосъ не воста тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша* (1. Коринѳ. 15, 14).

За что Іудеи, враждовавшіе противъ Иисуса Христа, такъ безсовѣстно отвергали чудеса Его? За то, что Онъ не исполнилъ ихъ ожиданія: они мечтали видѣть во Христѣ царя земного, которому должны покорятся всѣ другіе земные цари. Христосъ же утверждалъ, что Онъ хотя и царь, но царство Его не отъ міра сего, оно есть царство духовное, т. е. святая Церковь; оно не грозитъ разрушеніемъ никакому земному царству и мирно уживется въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ, такъ что слуги царя Христа, покорные сыны Церкви, суть вмѣстѣ вѣрные подданные земныхъ царей, даже языческихъ. По той-же причинѣ, т. е. по враждѣ на Христа за неисполненіе надежды на открытіе земного царства, не благосклонно относятся къ чудесамъ Христовымъ и современные намъ Іудеи. Ни разсѣянiе ихъ по всей вселенной, которымъ они наказаны за отверженіе Христа, ни явное исполненіе пророчествъ, относящихся ко Христу и къ Его царству, ни развалины Іерусалимскаго храма, который Іудеи тщетно, при содѣйствіи Юліана богоотступника, пытались возстановить вопреки предсказанію Христову о конечномъ запустѣніи храма вмѣстѣ съ Іерусалимомъ, ни другія много-

численныя знаменія явнаго промысленія Божія о христіанской вѣрѣ,—ничто не ослабляетъ вражды къ ней іудеевъ. Они видя не видятъ сія знаменія и употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать ея распространенію въ своей средѣ.

Предубѣжденіе противъ чудесъ Христовыхъ, къ прискорбію, раздѣляютъ многіе изъ христіанъ, несмотря на то, что подобныя чудеса до сихъ поръ совершаются во имя Христа въ Его святой Церкви для поддержанія вѣры въ слабыхъ, для возбужденія ея въ невѣрующихъ и сомнѣвающихъ. Они не хотятъ признать въ нихъ ничего сверхъестественнаго; они или совсѣмъ не вѣрятъ свидѣтельствамъ о чудесахъ, утверждая, что свидѣтели введены въ обманъ по невѣжеству и легковѣрію, или злонамѣренно выдаютъ за чудо собственный вымыселъ. Напрасно кто сталъ бы предлагать такимъ невѣрамъ, чтобы они провѣрили свидѣтельство о томъ или другомъ чудѣ личнымъ дознаніемъ, очень возможнымъ, если чудо совершилось недавно и здравствуютъ тѣ лица, надъ которыми оно совершилось, и живы очевидцы совершившагося чуда. Напрасно во имя истины стали бы вы взывать къ безприсрастію невѣрующихъ въ чудо: они только на словахъ любятъ истину и къ чудесамъ относятся съ однимъ предубѣжденіемъ.—Другіе изъ невѣрующихъ удивляются чудесамъ Христовымъ, но не хотятъ признать въ нихъ ничего сверхъестественнаго. Они, пожалуй, соглашаются, что чудеса необъяснимы изъ извѣстныхъ имъ законовъ природы, но необъяснимы только потому, что законы природы намъ не всѣ извѣстны. Это правда, что не всѣ законы природы намъ извѣстны; но для того, чтобы признать чудо чудомъ, не нужно знать всѣхъ силъ и законовъ природы, а довольно только видѣть и понять, могла ли та именно сила или вообще причина, отъ которой произошло чудесное событіе, сама собою произвести его, могло ли, на примѣръ, одно слово человѣка мгновенно утишить бурю морскую и воскресить мертваго, одно прикосновеніе мгновенно исцѣлить больного.

Говорять, что чудеса совершаются по вѣрѣ въ чудотворцевъ, равно также по вѣрѣ желающихъ получить то или другое благо по вѣрѣ. Но если дѣйствительно въ семъ случаѣ имѣеть значеніе вѣра, то она ли сама собою непосредственно производитъ чудо? Отнюдь нѣтъ. Чудо совершается единственно благодатію Божіею, а вѣра есть только условіе для привлеченія сей благодати; притомъ не всякому вѣрующему дается сія благодать. Господь не расточаетъ своихъ даровъ по однимъ нашимъ желаніямъ, ибо всегда дѣйствуетъ согласно съ своею премудростію и благостію. Что вѣра сама по себѣ независимо отъ благодати Божіей не можетъ быть чудотворною, это видно изъ того, что чудо можетъ совершаться надъ всякими предметами безъ посредства всякой вѣры. Таково, на примѣръ, чудо изсушенія смоковницы. Это чудо было дѣломъ одной воли Господа Иисуса. Никто Его не просилъ проклясть смоковницу и ни отъ кого Христосъ въ этомъ случаѣ не требовалъ проявленія вѣры.

Возблагодаримъ, братіе, Господа, сподобившаго насъ быть чадами православной Христовой Церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней пребываетъ благодать и истина, судя по тому, что въ нѣдрахъ ея не прекращаются чудеса чрезъ чудотворныя иконы и святыя мощи къ посрамленію враговъ Церкви и хулителей ея, каковы особенно раскольники. Напрасно они говорятъ, что отъ православной Церкви отступила благодать Божія, что въ ней воцарился антихристъ. Вражда ихъ противъ Церкви до того ослѣпила ихъ, что сдѣлала ихъ похожими на Іудеевъ, враждовавшихъ противъ Иисуса Христа во дни Его земной жизни. Они хулятъ ту Церковь, которую Господь прославляетъ своими чудесами. Какія, на примѣръ, поразительныя чудеса совершаются при мощахъ новоявленныхъ святыхъ православной Церкви! — Хулятъ они наши новописанныя иконы, хотя знаютъ, что чудеса совершаются и чрезъ нихъ, на примѣръ, чрезъ Черниговскую новописанную икону Богоматери. Видя эти чудеса, они притворяются невидящими, слыша о нихъ затыкаютъ свои уши. Помолимся, братіе,

да просвѣтитъ ихъ Господь свѣтомъ истины, да откроетъ имъ очи сердечныя своею благодатію подобно тому, какъ Онъ открылъ, ослѣпленныя враждою противъ Христа и противъ церкви, очи Савла и содѣлалъ его Павломъ, да вкупѣ съ нами они прославятъ единѣмъ сердцемъ и устами главу Церкви Господа Иисуса, присутствующаго въ ней Своею благодатною силою.

Епископъ Виссаріонъ.

Раскольники временъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ.

Поученіе въ недѣлю о Самаряныиъ.

Не прикасаются жидове самаряноиъ
(Іоан. 4, 9).

Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи повѣствуется о бесѣдѣ Господа Іисуса Христа съ самарянокою. Самаряне, такъ называвшіеся по главному городу занимаемой ими области, были раскольники. Они принадлежали къ колѣну Ефремову и исповѣдывали одну вѣру съ іудеями, ходили въ храмъ Іерусалимскій для поклоненія истинному Богу. Но послѣ Вавилонскаго плѣна они отдѣлились отъ іудеевъ. Вопреки предписанію закона Моисеева, чтобы у народа Божія для поддержанія единства богопочтенія былъ одинъ храмъ, одно мѣсто для общественнаго богослуженія, Самаряне устроили въ своей области другой храмъ, завели у себя особое священство, во главѣ котораго сталъ бѣглый іерусалимскій священникъ, и потому, какъ священство ихъ было незаконно, такъ и общественное ихъ богослуженіе было незаконно. Поистинѣ они стали раскольниками, на которыхъ похожи наши русскіе раскольники, отдѣлившіеся отъ православной Церкви. Одни изъ нихъ имѣютъ священниковъ, убѣжавшихъ отъ православной Церкви, другіе завели у себя епископовъ со времени убѣжавшаго къ нимъ православнаго, греческаго митрополита. Вслѣдствіе отдѣленія Самарянъ отъ Іудеевъ возникла между ними ожесточенная вражда. Іудеи до того ненавидѣли Самарянъ, что самое имя самарянина сдѣлалось у нихъ браннымъ словомъ; равно не-

навидѣли Іудеевъ Самаряне. Прямой путь изъ Іудеи въ сѣверную часть обѣтованной земли Галилею лежалъ чрезъ самарійскую область. Гнушаясь Самарянами, Іудеи обходили самарянскія владѣнія и слѣдовали на сѣверъ и обратно окольнымъ путемъ. Равно и Самаряне не пропускали ихъ чрезъ свою землю. Тѣ и другіе почитали оскверненіемъ сообщеніе между собою. Но Іисусъ Христосъ не раздѣлялъ этой междуплеменной вражды. Онъ пришелъ на землю затѣмъ, чтобы водворить повсюду миръ и любовь, соединить въ своей Церкви всѣ народы, раздѣленные языкомъ, вѣрою, обычаями, происхожденіемъ по плоти отъ разныхъ родоначальниковъ. Посему Онъ не чуждался Самарянъ, не почиталъ грѣхомъ сближеніе съ ними, съ цѣлію обратить ихъ къ истинной вѣрѣ. Сему служитъ доказательствомъ Его описанное въ сегодняшнемъ Евангеліи путешествіе изъ Іудеи въ Галилею прямо черезъ Самарію. На семъ пути Онъ остановился для отдыха близъ одного колодезя при самарійскомъ городѣ Сихемѣ и здѣсь, увидѣвъ самарянку, пришедшую за водою, попросилъ у ней воды. Удивилась женщина, какъ это Господь, въ Которомъ она узнала Іудея, хочетъ пить изъ ея сосуда, когда Іудеи почитаютъ грѣхомъ какое либо общеніе съ самарянами въ пищѣ и питіи. *Не прикасаются жидове самаряномъ*, сказала она. Это обстоятельство дало Іисусу Христу поводъ предложить ей ученіе о водѣ духовной, т. е. благодати Св. Духа, утоляющей духовную жажду, жажду спасенія. Бесѣда Его съ нею кончилась тѣмъ, что не только она увѣровала во Христа, но и ея сограждане, явившіеся по ея приглашенію на мѣсто этой бесѣды. Былъ и другой случай снисхожденія Іисуса Христа къ Самарянамъ. Незадолго до Своего страданія и смерти Онъ шелъ съ своими учениками изъ Галилеи въ Іудею чрезъ Самарію. На пути Онъ восхотѣлъ остановиться въ одномъ самарянскомъ селеніи, о чемъ предварилъ жителей чрезъ своихъ апостоловъ. Но жители не приняли Его за то одно, что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ ненавистный для нихъ Іерусалимъ. Негодуя на нихъ, апостолы

Иаковъ и Иоаннъ сказали Ему: «Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ?» Но Онъ запретилъ имъ и сказалъ: «не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать» (Лук. 9, 51—56). Если Господь скорбѣлъ не о томъ, что Самаряне не приняли Его, то причина скорби была та, что не дали Ему возможности побесѣдовать съ ними о спасеніи души. Его любвеобильному сердцу Самаряне были такъ же жалки, какъ и Іудеи. Онъ не только не раздѣлялъ вражды къ нимъ Іудеевъ, но еще сочувствовалъ имъ, какъ людямъ болѣе чѣмъ іудей способнымъ принять ученіе о спасеніи. Такъ въ притчѣ о самарянѣ, спасшемъ отъ смерти путника, израненнаго и ограбленнаго разбойниками, Онъ указалъ іудеямъ примѣръ для подражанія. Исцѣливъ однажды десятирехъ прокаженныхъ мужей, Онъ выразилъ удивленіе, что только одинъ изъ нихъ возблагодарилъ Господа за Его милость. Это былъ самарянинъ, а прочіе девять были іудеи, которыхъ Онъ и упрекнулъ за эту неблагодарность.

Снисходительность Іисуса Христа къ самарянамъ, хотя они были раскольники, служить и намъ примѣромъ для подражанія Ему въ этомъ отношеніи. Мы не должны чуждаться общенія съ раскольниками и вообще съ разновѣрцами въ житейскихъ отношеніяхъ. Мы не должны забывать, что живя съ ними въ одномъ государствѣ, подъ сѣвію единой самодержавной власти, подъ защитою однихъ и тѣхъ же общихъ гражданскихъ законовъ, мы составляемъ общую семью и, какъ члены этой семьи, должны относиться другъ къ другу по-братски. Но каковы должны быть наши отношенія къ раскольникамъ и иновѣрцамъ въ религіозномъ отношеніи? Поведеніе Іисуса Христа въ началѣ бесѣды Его съ самаряною не можетъ ли служить основаніемъ къ тому, что мы должны снисходительно смотрѣть на расколъ, что мы не должны видѣть въ расколѣ препятствій къ спасенію души и что ревность наша къ вразумленію раскольниковъ не имѣетъ разумнаго основанія? Такъ по крайней

мѣръ смотрять на расколъ свободномыслящіе люди. Они вообще не придають никакого значенія въ дѣлѣ спасенія разногласіямъ въ вѣрѣ. По ихъ мнѣнію можно спастись во всякой вѣрѣ, ибо во всякой вѣрѣ можно быть честнымъ и благочестивымъ человѣкомъ; спасаетъ, говорятъ, не вѣра, а неукоризненная нравственная жизнь. Въ послѣднемъ отношеніи раскольники и другіе сектанты будто даже превосходятъ православныхъ, ибо ведутъ себя гораздо строже послѣднихъ, степеннѣе, трезвѣе и трудолюбивѣе. Раскольникъ, переходящій въ православіе, дѣлается будто бы не лучше, а хуже по жизни, начинаетъ пьянствовать, перенимать у православныхъ дурныя привычки, напр. куреніе табаку и т. п. Къ сожалѣнію, это нерѣдко случается; но даетъ ли это право относиться къ расколу безразлично, мириться съ заблужденіями раскольниковъ, не возставать противъ сихъ заблужденій, не почитать ихъ опасными и душепагубными?—Нѣтъ, что православные ведутъ себя иногда хуже раскольниковъ, въ этомъ виновата отнюдь не вѣра православная, а своеволіе людей православныхъ. Вѣра православная учитъ только одному добру, вольно же не слушать ея тѣмъ, которые исповѣдуютъ ее. А что расколъ душепагубенъ несмотря на благовидную въ нравственномъ отношеніи жизнь раскольниковъ и что потворствовать ему грѣшно, это не только не опровергается, а скорѣе подтверждается ученіемъ Христа Спасителя. Раскольники откололись отъ Церкви, ибо ни въ чемъ не слушаютъ ее, а кто Церковь преслушаетъ, тотъ, по суду Христа, есть тоже, что язычникъ и мытарь (Мат. 18, 17). Церковь есть тѣло Христово, а отторгшійся отъ этого тѣла не имѣетъ права называться христіаниномъ: онъ отторгся отъ самого Христа, слѣдственно лишенъ надежды спасенія. Что Христосъ не возгнущался самарянкою, кротко и ласково бесѣдовалъ съ нею, это отнюдь не значить, что Онъ потворствовалъ расколу. Напротивъ, въ этой же самой бесѣдѣ Онъ явился обличителемъ раскола. Когда самарянка заговорила съ Христомъ о вѣрѣ, желая отъ Него узнать, чья вѣра правая,

православная—іудейская, исповѣдующіе которую кланяются Богу въ Іерусалимѣ, или самарянская, исповѣдники которой отдѣлились отъ іудеевъ и вопреки закону Моисееву совершаютъ богослуженіе общественное въ отдѣльномъ храмѣ, построенномъ на горѣ Гаризинъ, тогда Іисусъ Христосъ что сказалъ въ отвѣтъ? Похвалилъ ли Онъ самарянъ за ихъ расколъ? Сказалъ ли, что въ этомъ нѣтъ никакой бѣды? Напротивъ, Онъ сказалъ ей: «вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаемъ чему кланяемся, ибо спасеніе отъ іудеевъ» (Іоан. 4, 22). Сими словами Господь Іисусъ Христосъ укорилъ самарянъ въ религіозномъ невѣжествѣ. Правда, самаряне кланялись тому же Богу, Котораго чтили іудеи, приносили Ему такія же жертвы и вообще соблюдали тѣ же обряды и законы, какіе заповѣданы Богомъ чрезъ Моисея; они вѣровали также въ грядущаго Христа на основаніи пророчествъ Пятокнижія Моисеева, но принимая въ руководство одно Пятокнижіе Моисеево, они не принимали пророческихъ писаній, незнакомы были съ дальнѣйшими откровеніями Божиими и въ этомъ отношеніи походили на нашихъ раскольниковъ, которые руководствуются одними старопечатными книгами, а книги исправленныя признаютъ незаконнымъ новшествомъ, даже еретическими. Упрекая въ новшествахъ православную Церковь, раскольники не замѣчаютъ, что не Церковь православная, а они заслуживаютъ этотъ упрекъ. Ибо, прервавъ общеніе съ Церковію и безъ ея благословенія совершая церковныя службы, они своевольно уклонились отъ древней Церкви, дозволили себѣ то, чего не знала древняя Церковь, допустили незаконное, несогласное съ церковными правилами, нововведеніе, напимѣръ, совершеніе таинствъ незаконными священнослужителями. Вина раскольниковъ и въ семъ случаѣ вполне одинакова съ своеволіемъ самарянъ, отдѣлившихся отъ православныхъ іудеевъ, которые вопреки Моисееву закону устроили свой храмъ и служеніе въ немъ предоставили незаконнымъ служителямъ.

Возблагодаримъ, братіе, Господа, что родились и воспитались въ нѣдрахъ православной Церкви. Будемъ жить по церковному, сохранять полное послушаніе ея священноначалію, ревновать объ исполненіи долга освященія себя ея спасительными таинствами, о строгомъ соблюденіи ея уставовъ относительно поведенія во дни праздниковъ и постовъ.

Епископъ Виссаріонъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЦЕРКОВНАГО ПѢСНОПѢНІЯ ПРАЗДНИКА ВОЗНЕСЕНІЯ.

Почуеніе въ праздникъ Вознесенія Господня.

*Еже о насъ исполнивъ смотрѣніе и
яже на земли соединивъ небеснымъ, воз-
несся еси во славу, Христе Боже
нашъ, никакоже отлучаяся, но пребывая
неотступный и воія любящимъ Тя:
Азъ есмь съ вами и никтоже на вы
(Кондакъ Вознесенію).*

Въ семь церковномъ пѣснопѣніи прославляется вознесеніе Господа Иисуса Христа съ плотію на небеса. Посвятимъ нѣсколько минутъ на благоговѣйное размышленіе, по руководству сего пѣснопѣнія, о значеніи этого событія въ дѣлѣ нашего спасенія.

Еже о насъ исполнивъ смотрѣніе, и яже на земли соединивъ небеснымъ. Вознесеніе Христова было завершительнымъ событіемъ въ исторіи *смотрѣнія о насъ*. Что значить смотрѣніе о насъ? Значить попеченіе или промышленіе Божіе о нашемъ спасеніи, подобное попеченію домохозяина о своемъ домѣ и семействѣ, и потому точнѣе оно называется домостроительствомъ. Рядъ этихъ смотрительныхъ дѣйствій начинается со времени грѣхопаденія нашихъ прародителей. Изрекши строгій приговоръ за преступленіе данной имъ заповѣди, Господь вмѣстѣ преподалъ имъ утѣшеніе обѣтованіемъ о сѣмени жены, которое сотретъ главу змія, то-есть о имѣющемъ родиться отъ жены безъ участія мужа или безсѣменно Христъ, который вконецъ побѣдитъ и поразитъ діа-

вола, принявшаго на себя образъ змія и въ семь образѣхъ склонившаго людей къ грѣхопаденію. Затѣмъ слѣдовали многія другія обѣтованія и пророчества о Христѣ, приготовлявшія людей къ принятію Спасителя, также прообразованія, то-есть лица, обрядовыя учрежденія и событія, которыя образно предуказывали Христа и Его служеніе спасенію человѣческаго рода. Для храненія относящихся ко Христу пророчествъ и обѣтованій, подкрѣпляемыхъ прообразованіями, избранъ былъ изъ среды всего человѣчества одинъ народъ, который былъ предметомъ особеннаго попеченія Божія и огражденъ былъ отъ языческихъ суевѣрій строгими законами, хотя весьма часто уклонялся отъ истиннаго богопочтенія. Но избравъ особый народъ для сей цѣли, Господь «не переставалъ свидѣтельствовать о себѣ благодѣяніями» (Дѣян. 14, 17) и язычникамъ. Онъ и ихъ приготовлялъ мало-помалу къ познанію и принятію великаго таинства спасенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ средѣ ихъ сохранялись остатки первобытнаго откровенія. Нѣкоторыя истины вѣры и въ особенности обѣтованія, данныя въ началѣ для всего человѣчества еще прежде, чѣмъ избранъ былъ одинъ народъ для ихъ храненія, были общимъ достояніемъ для всѣхъ народовъ, и, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ предковъ къ потомкамъ черезъ устное наставленіе, не совсѣмъ были забыты языческими народами, какъ свидѣтельствуется объ этомъ сохранившіяся у нихъ, хотя въ искаженномъ видѣ, преданія о происхожденіи и первобытномъ состояніи человѣка или о золотомъ вѣкѣ, о грѣхопаденіи прародителей въ раю, и, что всего важнѣе, преданіе объ искупителѣ рода человѣческаго, и ожиданіе Его пришествія. Въ дѣлѣ приготовленія язычниковъ въ вѣрѣ во Христа не мало значенія имѣли также многократныя по разнымъ случаямъ сношенія ихъ съ избраннымъ народомъ. Евреи вступали въ сношенія почти со всѣми народами древняго міра по случаю путешествій, мореплаванія, войнъ, плѣненій и торговли, и не могли не знакомить язычниковъ съ своею вѣрою и своими надеждами о пришествіи Христовомъ. Сему знакомству наипаче способ-

ствовали переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ на общераспространенный греческій языкъ, появившійся за два столѣтія до явленія Мессіи, и такимъ образомъ ученіе, содержащееся въ сихъ книгахъ, и между прочимъ ученіе о пришествіи Христа, сдѣлалось доступнымъ не только ученымъ язычникамъ, но черезъ нихъ многимъ другимъ. Сверхъ того языческой міръ предъ рождествомъ Христовымъ дошелъ до такой крайности нечестія и разврата, что въ лучшихъ людяхъ, сколько-нибудь вѣрующихъ въ промыслъ Божій, не могло не возникнуть сознанія неотложной нужды въ божественной помощи для выхода изъ этого состоянія. Это сознаніе имѣло значеніе одного изъ условій приготовленія людей къ вѣрѣ во Христа. Наконецъ послѣ продолжительнаго приготовленія къ принятію Спасителя, Онъ явился въ міръ и *исполнилъ*, т.-е. довершилъ *еще о насъ смотрѣніе*, ибо сдѣлалъ все, что надлежало сдѣлать для нашего спасенія. Сей Спаситель есть Сынъ Божій, второе лице Святыя Троицы, единосущный Отцу и Святому Духу. Онъ содѣлался чело-вѣкомъ, воспріавъ въ Свою божескую ипостась душу и тѣло человѣческое отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, прожилъ на землѣ тридцать три съ половиной года, просвѣтилъ людей свѣтомъ истины, пролилъ за нихъ на крестѣ Свою пречистую кровь для умилостивленія сею искупительною жертвою разгнѣваннаго грѣхами ихъ Бога. Послѣднимъ дѣломъ Его пребыванія на землѣ была побѣда Его надъ смертію и адомъ. Словами апостоловъ: *яже на земли соедини небеснымъ*, указывается на плоды Его сошествія въ адъ. Символъ сошествіемъ разрушена преграда отдѣлявшая небо отъ земли, небожителей отъ земнородныхъ. Правда, и до сего событія не прекращалось общеніе между ангелами и людьми. По временамъ во многихъ чрезвычайныхъ случаяхъ ангелы нисходили съ неба на землю и являлись орудіями промысленія Божія о людяхъ. Не только избранный народъ пользовался ихъ покровительствомъ, особенно въ лицѣ праведниковъ, какъ, напримѣръ, патріархъ Іаковъ, видѣвшій во снѣ таинственную лѣстницу, соединившую небо съ землею, и нисхожденіе по сей лѣстницѣ къ

ложу его однихъ ангеловъ и восхождение другихъ, но и языческіе народы не лишены были охраненія ангельскаго; напримѣръ, пророкъ Даніиль видѣлъ ангеловъ разныхъ царствъ и народовъ, охраняемыхъ ими. Но это общеніе ангеловъ съ человѣками относилось только къ земной судьбѣ людей, оно продолжалось только до смерти ихъ. Смерть прекращала это общеніе: никто изъ умершихъ земнородныхъ не соединялся съ небожителями. Всѣ люди по смерти, не исключая величайшихъ праведниковъ, нисходили въ адъ и пребывали въ немъ до тѣхъ поръ, пока Христось, возлежа тѣломъ во гробѣ, душою сошелъ въ адскую темницу. Онъ принесъ благовѣстіе о спасеніи всѣмъ душамъ, находившимся въ ней, и тѣхъ изъ нихъ, которые съ вѣрою приняли Его благовѣстіе, извелъ въ рай, въ область небожителей, святыхъ ангеловъ. Вмѣстѣ съ прочими умершими сподобился послѣдовать за Христомъ въ рай, согласно Его обѣтованію, умершій на крестѣ разбойникъ, увѣровавшій въ Него и раскаявшійся:—ему не долго пришлось оставаться въ адѣ. Съ тѣхъ поръ всѣмъ земнороднымъ, истинно вѣрующимъ во Христа, открытъ путь прямо въ рай, въ общество небожителей, св. ангеловъ. Таковъ смыслъ выраженія: *яже на земли соедини небеснымъ*. Земнородные вступили въ общеніе съ небожителями не только на землѣ, но и на небесахъ вслѣдствіе побѣды Христа надъ адомъ. Эта побѣда была послѣднимъ подвигомъ пребыванія Христа на землѣ. Теперь Христу уже не зачѣмъ было оставаться на землѣ. Время подвиговъ кончилось. Все, что надлежало совершить на землѣ, Онъ совершилъ, Ему ничего больше не оставалось, какъ оставить землю, и Онъ съ пречистою Своею плотію вознесся на небеса.

Но разлучившись отъ насъ видимо, Христось продолжаетъ пребывать съ нами невидимо. Вознесись съ плотію на небеса, Онъ присутствуетъ среди насъ *неотступно* въ святой своей Церкви. Церковь, Имъ основанная на землѣ, соединена съ Нимъ не однимъ происхожденіемъ отъ Него, но самой жизнію въ непрерывно продолжающемся общеніи съ

Нимъ. Жизнь ея неразрывна съ жизнію Христа. Она есть тѣло Христово во всемъ своемъ составѣ, а вѣрующіе суть члены этого тѣла (1 Кор. 12, 27). Христосъ именуется главою Церкви (Еф. 1, 22), такъ что безъ Него Церковь, какъ тѣло безъ головы, жить не можетъ. Церковь видимо управляется священноначаліемъ. Что такое священноначаліе? Что такое пастыри и учителя? Органы и уста Христовы. Черезъ нихъ Онъ Самъ учитъ и руководствуетъ людей, такъ что кто слушаетъ ихъ, слушаетъ Самого Христа, и отвергающійся ихъ, отвергается Его Самого (Лук. 10, 17). Христосъ присутствуетъ въ святомъ Евангеліи. Это не мертвая книга. Въ ней доселѣ глаголетъ Самъ Христосъ. Читающій и слушающій евангельское слово, внемлетъ Самому Христу.—Тѣсное общеніе Христа съ вѣрующими проявляется преимущественно въ таинствахъ. Въ крещеніи они облачаются во Христа, то-есть становятся близкими къ Нему, какъ срачица близка къ тѣлу; спогребаются и совоскресають вмѣстѣ съ Нимъ. Въ таинствѣ причащенія дѣлаются единокровными Ему. Христосъ такъ близокъ къ намъ, что все дѣлаемое нами для вѣрующихъ, дѣлается для Него, что оскорбленія и униженія, причиняемыя имъ, Онъ относитъ къ Себѣ. *Савле, Савле, что мя гониши?* сказалъ Онъ одному изъ жестокихъ гонителей учениковъ Христовыхъ. Раздирающій Церковь ересями и расколами раздираетъ ризу Христову. Христосъ «всегда живъ, чтобы ходатайствовать за насъ» (Евр. 7, 23). Поистинѣ Христосъ пребываетъ съ нами неотступно по неизреченной любви къ намъ. Что воздадимъ Ему за сію любовь? За любовь воздадимъ любовью. Благо любящимъ Его. Онъ вопіетъ къ нимъ: *Азъ есмь съ вами, и никтоже на вы.* «Не бойся, я съ тобою и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла», сказалъ Онъ однажды Павлу въ видѣніи (Дѣян. 18, 10). Враги Христовы могутъ причинить много зла любящимъ Его, но побѣда останется за ними. При помощи благодати Христовой никакому врагу не удастся побѣдить ихъ любви къ Нему. Да поможетъ всѣмъ намъ Господь стяжать такую любовь и утвердиться въ ней.

Епископъ Виссаріонъ.

РОЖДЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ И БЛАГОДАТНОЕ.

Поученіе въ день рожденія **Государыни Императрицы Александры Теодоровны**, 25 мая.

*И будетъ тебѣ радость и веселіе,
и мнози о рождествѣ Ея возраду-
ются (Лук. 1, 14).*

Сіи слова изрекъ архангелъ Гавріилъ священнику Захаріи, предвозвѣщая рожденіе отъ него и его жены Елизаветы сына, предтечи Христова Іоанна. Это предвозвѣщеніе сбылось, и рожденіе Іоанна было предметомъ великой радости, какъ дѣло величайшей милости Божіей. Ибо онъ родился отъ неплодныхъ и престарѣлыхъ родителей. Не только родители, но и сосѣди и родственники радовались, видя въ этомъ чудо милости Божіей. Съ особенною радостію и благодарностію исповѣдалъ эту милость Захарія. Ибо ему предсказано было Архангеломъ, что сынъ его будетъ великъ предъ Господомъ, что онъ исполнится Святаго Духа отъ чрева матери своея, что онъ предназначенъ быть предтечею Христа, готовить народъ израильскій къ принятію Его посредствомъ покаянія, что онъ съ силою и духомъ будетъ обличать нечестивыхъ. Все это дѣйствительно сбылось. Вотъ почему святой Іоаннъ Предтеча не только во время жизни своей былъ славенъ, но и послѣ мученической кончины память его прославляется и будетъ прославляться до скончанія вѣка, какъ память величайшаго избранника Божія, о которомъ Самъ Христосъ сказалъ: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Матѣ. 11, 11). Вотъ почему православная Церковь празднуетъ не только день кон-

чины его, какъ празднуетъ память прочихъ святыхъ, но также дни зачатія и рожденія его и троекратное обрѣтеніе честныя главы его. Сегодня празднуется третье обрѣтеніе ея. Сверхъ того во вторникъ каждой седмицы Церковь совершаетъ въ честь Іоанна особую службу.

Память Іоанна Предтечи чествуется со дня рожденія его. Но и день рожденія всякаго человѣка достоинъ чествованія. Онъ дорогъ прежде всего для него самого, кто бы онъ ни былъ, знатный или незнатный, богатый или убогій, потому что жизнь, которая начинается съ рожденія, есть величайшая милость Божія уже потому самому, что это есть жизнь существа, украшеннаго образомъ и подобіемъ Божиимъ, поставленнаго владычествовать надъ земными тварями, даже послѣ грѣхопаденія не вполнѣ утратившаго эту власть и по своему превосходству предъ ними во всѣхъ отношеніяхъ не многимъ чѣмъ умаленнаго предъ ангелами. Не для всѣхъ сладка эта жизнь, для многихъ она очень горька; но какъ бы она ни была горька, всякій дорожить ею, никому не хочется умереть преждевременно, за исключеніемъ людей невѣрующихъ въ загробную жизнь или впадшихъ въ отчаяніе. Судя по великому значенію жизни, какъ драгоценнѣйшаго дара Божія, понятно, почему начало ея служить предметомъ радости. Радуется прежде всего мать новорожденнаго не потому только, что освободилась отъ мукъ рожденія, но наипаче потому, что чадородіе есть благословеніе Божіе и что родившееся отъ нея существо есть *человѣкъ*, великая тварь Божія въ ряду земныхъ существъ. Равно и этотъ человѣкъ, когда по мѣрѣ развитія сознанія начнетъ понимать цѣну жизни, радуется, чувствуя ежегодно знаменательный день рожденія своего. Его радость раздѣляютъ и всѣ сколько-нибудь любящіе и почитающіе его. Степень этой радости соразмѣряется съ общественнымъ значеніемъ лица, рожденіе котораго празднуется. Таково, напримѣръ, совершаемое сегодня празднованіе рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Всѣ мы вѣрноподданые должны съ радостію прославлять Господа за дарованіе жизни той, которой су-

ждено промысломъ Божиимъ быть супругою нашего Благочестивѣйшаго Царя, быть матерью нашего отечества, принимать участіе въ заботахъ царственнаго супруга о нашемъ благосостояніи, облегчать его многотрудное служеніе доставленіемъ ему семейныхъ радостей.

Величіе милости Божіей, даруемой намъ съ тѣлеснымъ рожденіемъ, возвышается рожденіемъ духовнымъ, то-есть крещеніемъ, которымъ полагается начало жизни духовной и условливается вступленіе въ царствіе Божіе. Всѣ мы рождаемся во грѣхахъ и зачинаемся въ беззаконіяхъ и даже рождающіеся отъ христіанскихъ родителей, пока не крещены, не свободны отъ власти діавола. Въ водахъ крещенія мы омываемся отъ первороднаго, наслѣдованнаго нами грѣха, и, какъ возрожденные для жизни духовной, дѣлаемся чадами Божиими по благодати, членами и наслѣдниками царствія Божія, ибо *еще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Вода крещенія возрождаетъ насъ для жизни духовной потому, что она служитъ видимымъ вещественнымъ проводникомъ невидимой духовной благодати Святаго Духа. И благо тому, кто сподобился сей благодати, ибо онъ сталъ не только сыномъ Божиимъ, но и наслѣдникомъ царствія Божія. Какъ въ житейскомъ быту природный сынъ есть наслѣдникъ своего отца, такъ и усыновленный Богу Отцу благодатию Святаго Духа есть наслѣдникъ Божій. *Тѣмже убо нѣси рабъ*, говоритъ Апостоль возрожденному, *но сынъ. Аще ли же сынъ, то и наслѣдникъ Божій Иисусъ Христомъ* (Гал. 4, 7).

Такъ велики права и преимущества крещенныхъ и возрожденныхъ въ таинствѣ крещенія. Но съ этими правами и преимуществами соединяются обязанности въ отношеніи къ Господу и ближнимъ. Если Богъ такъ возлюбилъ насъ, что чрезъ возрожденіе въ таинствѣ крещенія содѣлалъ насъ чадами своими, то чѣмъ мы воздадимъ за сію любовь, какъ не любовью къ Нему? А любовь сія должна выражаться въ сыновнемъ послушаніи Ему, въ безкорыстной ревности объ исполненіи заповѣдей Его, во всецѣлой преданности Его свя-

той волѣ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни. Съ любовію къ Отцу небесному должна быть соединена надежда на Его милости, на Его снисхожденіе къ нашимъ молитвамъ, ибо и дѣти земныхъ родителей просятъ у нихъ того или другого блага съ надеждою быть удовлетворенными въ просьбѣ; ибо у какого же отца достанетъ духа отказать сыну въ его невинной и справедливой просьбѣ? Но «если вы, сказали Спаситель, будучи злы, умѣете даянія благія давать чадамъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него» (Матѳ. 7, 14). Грѣхи не должны колебать наше упованіе на Бога Отца, ибо раскаивающагося грѣшника Отецъ небесный всегда готовъ помиловать и принять въ свою любовь, какъ это ясно изъ притчи о блудномъ сынѣ. Но если Отецъ небесный иногда и не исполняетъ нашихъ желаній, если вмѣсто ожидаемыхъ отъ Него даровъ и благъ Онъ посылаетъ намъ горе, мы не должны роптать на Него, но съ сыновнею покорностію Его святой волѣ переносить свою участь, зная, что и въ этомъ случаѣ Онъ поступаетъ съ нами отечески. Ибо «Господь кого любить того наказываетъ. Есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ?» (Евр. 12, 6. 7).—Какъ чада Отца небеснаго по благодати отъ рожденія, всѣ мы братья между собою, и потому должны жить въ братской любви, въ мирѣ и единомысліи. Ибо какому отцу пріятно видѣть немиролюбіе и даже вражду между своими дѣтьми? Никакія молитвы, никакія подвиги благочестія неугодны Отцу небесному, если соединяются съ враждою другъ къ другу чадъ Его и слѣдовательно братій. Сыны Божіи по благодати суть вмѣстѣ наслѣдники, какъ сказано выше, царствія небеснаго, то-есть вѣчнаго блаженства на небесахъ. Оно состоитъ въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Господомъ и Святыми Его. Ихъ проистекающей отсюда неизреченной радости не возмущаютъ никакія искушенія и напасти, ибо тамъ не будетъ грѣха, не будетъ искушенія на грѣхъ отъ міра, плоти и діавола, неизбѣжныхъ въ земной жизни, не будетъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, не будетъ недовольства отъ неудачи въ

познаніи истины и въ стремленіи къ духовно нравственному совершенству: тамъ истина будетъ зрима безъ покрова, любовь къ истинѣ и добру вполне будетъ удовлетворена. Вотъ какое блаженство уготовано наслѣдникамъ царствія небеснаго, сынамъ Божиимъ по благодати. Всѣмъ ли имъ однако достанется это наслѣдіе? Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о тѣхъ, которые, живя на землѣ, такъ пристрастились къ земнымъ благамъ и радостямъ, что совершенно забыли о благахъ царствія небеснаго, которые не дорожатъ наслѣдіемъ ихъ и не предпочитаютъ ихъ чувственнымъ наслажденіемъ, подражая Исаву, который отказался отъ наслѣдованія преимуществъ своего первородства и промѣнялъ ихъ на ничтожное кушанье, испрошенное имъ у брата его Іакова. Горько впоследствии оплакивалъ Исавъ свое пренебреженіе къ правамъ первородства, но уже было поздно: наслѣдіе его предвосхищено было у отца братомъ его Іаковомъ. Въ этомъ заключается, братіе, урокъ для всѣхъ насъ: всѣмъ намъ обѣщаны и уготованы блага царствія небеснаго, но не всѣмъ они будутъ дарованы въ наслѣдіе, а только тѣмъ, которые въ продолженіе всей жизни помышляли о немъ, предпочитая ему всѣ блага земныя, и въ скорбяхъ и лишеніяхъ утѣшали себя надеждою наслѣдія благъ вѣчныхъ и небесныхъ. Да сподобитъ Господь этого наслѣдія всѣхъ сыновъ Божіихъ по благодати, истинно любящихъ Его и благо общенія съ Нимъ на землѣ и на небесахъ предпочитающихъ всякому земному благу и радости.

Епископъ Виссаріонъ.

ИСТИНА АПОСТОЛЬСКАГО И СВЯТООТЕЧЕСКАГО УЧЕНИЯ.

Поученіе въ недѣлю отецъ 1-го вселенскаго собора.

*Святи ихъ во истину Твою: слово
Твое истина есть* (Іоан. 17, 17).

Сіи молитвенныя слова Іисуса Христа къ Богу Отцу объ ученикахъ своихъ содержатся въ Его, такъ называемой, первосвященнической молитвѣ, изреченной наканунѣ Его крестной смерти послѣ тайной вечери на пути изъ Іерусалима въ Геесиманію. Избираемъ для размышленія эти слова въ настоящій разъ потому, что часть этой молитвы (отъ стиха 1-го до 13-го) вошла въ составъ сегодняшняго евангельскаго чтенія.

Святи ихъ во истину Твою. Кого — ихъ? Одиннадцать апостоловъ, сопровождавшихъ Христа въ Геесиманію (двѣнадцатый Іуда не пошелъ съ ними, а придетъ туда черезъ нѣсколько часовъ для преданія Его врагамъ). Подъ *истиною* разумѣется ученіе Христа объ истинѣ, т.-е. о томъ, что нужно имъ знать и дѣлать для спасенія души. Это ученіе передавалъ Онъ имъ по волѣ Бога Отца, пославшаго Его въ міръ и сообщившаго Ему все, что Онъ долженъ былъ возвѣщать людямъ. Какъ принявшій на себя служеніе искупленія, Христосъ долженъ былъ относиться къ Отцу, какъ рабъ, Ему покорный въ дѣлѣ ученія. Вотъ почему Онъ и прежде говорилъ: *мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя* (Іоан. 7, 18). *Азъ отъ себе не глаголахъ, но пославый Мя Отецъ, той мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю* (Іоан. 12, 49). Хорошо знали это ученики Христовы и потому внимали Его ученію съ увѣренностію, что Онъ есть

посланникъ Божій (Іоан. 17, 7. 8) и что слово Его, какъ слово отъ Бога Отца, есть непреложная истина. Но они, доколѣ не сошелъ на нихъ Святой Духъ, не все въ достаточной мѣрѣ понимали въ этомъ словѣ. Имъ, напримѣръ, трудно было отрѣшиться отъ неправильнаго понятія о Мессіи, какъ о земномъ царѣ, и усвоить ученіе Христова о необходимости Его страданій и смерти для нашего спасенія. А между тѣмъ они призываются были къ тому, чтобы повсюду возвѣщать это ученіе и насаждать во всемъ мірѣ вѣру въ спасительную силу креста Его, страданій и смерти, какъ необходимыхъ условій для спасенія. Потребна была особая благодать Святаго Духа для того, чтобы они сами хорошенько уразумѣли то, что должны были возвѣщать другимъ, чтобы они сами достигли непоколебимаго и полного убѣжденія въ тѣхъ истинахъ, которыя будутъ предметомъ ихъ благовѣствованія, ихъ всемірной проповѣди. И вотъ о дарованіи сей благодати апостоламъ Господь Іисусъ умоляетъ Бога Отца: *святи ихъ во истину Твою*, т.-е. даруй имъ освящающую благодать не только для полного уразумѣнія истины, но и для распространенія ея повсюду, ниспосли на нихъ Святаго Духа, Который есть Духъ истины, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ умы и помогъ имъ полнѣе усвоить разумѣніемъ то, что они до сихъ поръ не вполнѣ разумѣли, хотя внимательно слушали ученіе Христова. И что сія молитва Христова объ освященіи апостоловъ сею благодатію дѣйствительно дарована была имъ въ день сошествія Святаго Духа, объ этомъ свидѣлствуетъ вся исторія ихъ служенія. Апостолъ Петръ, который во время земной жизни Іисуса Христа дерзнулъ противорѣчить Ему, услышавъ Его предсказаніе о предстоящемъ Ему страданіи и смерти, по пріятіи просвѣщающей благодати Святаго Духа, сталъ дерзновенно во всеуслышаніе возвѣщать словомъ и писаніемъ, что Христосъ «яко Агнецъ непорочный и пречистый пролилъ за насъ честную свою кровь, что грѣхи наши Онъ вознесе на тѣлѣ своемъ на древо, да отъ грѣхъ избывше правдою поживемъ, что язвою Его мы исцѣлѣли» (1 Петр. 1, 19.

2, 24). Такowymi проповѣдниками истины Христовой явились и всѣ апостолы, вслѣдствіе чего Церковь Христова, утвержденная на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ (Ефес. 3, 20), содѣлалась хранилищемъ, столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. 3, 15). И эта истина, наслѣдованная отъ апостоловъ и хранимая Церковью, пребываетъ и пребудетъ въ ней во вѣкъ. Никогда не оскудѣютъ въ ней блюстители истины въ лицѣ церковнаго священноначалія. Пастыри и учителя Церкви, входящіе въ составъ священноначалія, суть преемники апостольскаго служенія и строго охраняютъ ученіе и преданія апостольскія. Посему и Церковь, окормляемая ими, именуется апостольскою. По обѣтованію Христа Спасителя, Духъ Святой пребудетъ съ апостолами во вѣкъ (Іоан. 14, 16). Это означаетъ, что Онъ будетъ пребывать во вѣкъ во всей апостольской Церкви, а не въ однихъ лично апостолахъ, ибо имъ не суждено жить вѣчно. Они жили и померли, но въ основанной ими Церкви, въ преемникахъ апостольскаго служенія Духъ Святой живетъ вѣчно, и чрезъ нихъ благодать Его наполняетъ всю Церковь и дѣлаетъ ее непогрѣшимою въ отношеніи къ истинѣ. Римская церковь достоинство непогрѣшимости усваиваетъ одному римскому первосвященнику. Церковь вселенская не раздѣляетъ этого мнѣнія опровергаемаго исторіею многихъ отступленій папъ отъ истины. Выше авторитета единоличной власти надъ всею Церковію она поставляетъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ, на которыхъ присутствовали пастыри и учителя Церкви по возможности со всей вселенной. По примѣру перваго апостольскаго собора въ Іерусалимѣ, постановленія каждаго вселенскаго собора начинаются заявленіемъ: «изволися Духу Святому и намъ». Духъ Святой есть Духъ истины, слѣдственно вселенскіе соборы можно назвать главными органами Святаго Духа въ объясненіи и утвержденіи истины. Въ нынѣшній день мы совершаемъ память перваго вселенскаго собора, который созванъ былъ для утвержденія догмата православной вѣры о лицѣ Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа. Противъ

этого догмата возставалъ нечестивый Аріѳ, отвергая равносущіе Христа съ Богомъ Отцемъ, одинаковое божеское достоинство съ Нимъ. Ересь Арія грозила сдѣлаться господствующею во всей христіанской вселенной, и еслибы ей удалось восторжествовать повсюду, погибло бы все христіанство, погибла бы вѣра во Христа, какъ Испуителя нашего, спасаго насъ отъ гибели умилостивительною на крестѣ смертію. Ибо почему мы почитаемъ эту жертву вполнѣ достаточною для нашего спасенія? Потому что эту жертву принесъ не простой человѣкъ и вообще не тварь, но Богъ во плоти, единосущный по Божеству первому лицу Святыя Троицы, Богу Отцу. Ересь Арія подрывала значеніе догмата искупленія, ибо отвергала истину единосущія. Святыи Духъ, глаголавшій въ апостолахъ, глаголалъ и устами преемниковъ ихъ служенія, отцевъ перваго вселенскаго собора. Они побѣдоносно ниспровергли лжеученіе Арія и въ слѣдующихъ словахъ изложили ученіе о лицѣ Христовомъ: «вѣруемъ во единого Господа Исуса Христа, Сына Божія, едиnorodнаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша». Въ семь членѣ символа вѣры, что ни слово, то сокрушительный камень, вдребезги разбивающій нечестивое Аріево ученіе и утверждающій на непоколебимомъ основаніи ученіе истины, противоположной ему.

По сему исповѣданію православной вѣры Исусъ Христосъ есть единый истинный Господь надъ всѣми вкупѣ съ Отцемъ и Духомъ. Наименованіе въ семь исповѣданіи Исуса Христа единымъ Господомъ равносильно наименованію Бога Отца Вседержителемъ и указываетъ на одинаковую власть Христа надъ всѣмъ міромъ и такимъ образомъ ниспровергаетъ лжеученіе Арія, который признавалъ только служебное участіе Исуса Христа Сына Божія въ управленіи міромъ, а отнюдь не единодержавное, вкупѣ съ Богомъ Отцемъ, въ каковомъ отношеніи Онъ былъ бы не выше или немного выше ангеловъ, ближайшихъ слугъ Господа.

Аріи не отрицалъ, что Господь Иисусъ есть Сынъ Божій, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и ангелы называются сынами Божиими, т.-е. по милости, по усыновленію, а отнюдь не отъ природы. Вопреки сему въ символѣ вѣры Онъ называется Сыномъ Отца *единороднымъ*, т.-е. единственнымъ по происхожденію отъ Отца, Сыномъ по Божескому естеству въ противоположность сынамъ Божиимъ по благодати.

Аріи училъ, что Христосъ Сынъ Божій произошелъ во времени, что было время, когда Его не было. Вопреки сему лжеученію въ символѣ вѣры сказано, что Онъ отъ Отца, т.-е. отъ сущности Отца, рожденъ прежде всѣхъ вѣковъ, слѣдственно совѣченъ Ему, такъ что не было времени, когда бы не было Его, какъ не было времени, когда бы не было Отца. Понятіе о рожденіи Сына отъ Отца давало Арію поводъ думать, что рожденіе не можетъ быть мыслимо безъ времени, ибо рождающій предшествуетъ бытію рожденнаго. Но это справедливо только по отношенію къ человѣческому рожденію. Что же касается до рожденія Бога Сына отъ Бога Отца, то оно можетъ быть сравниваемо только съ рожденіемъ солнечнаго свѣта, озаряющаго землю, отъ свѣта, сосредоточенно въ солнцѣ. Тотъ и другой свѣтъ неотдѣлимы по времени появленія. Подобно сему Сынъ Божій есть присносущный свѣтъ отъ присносущнаго свѣта, есть совѣчное Богу Отцу сіяніе славы Отца (Евр. 1, 1). Въ семъ смыслѣ, вопреки лжеученію Арія, отрицавшаго совѣчность Сына Божія Богу Отцу, Сынъ Божій именуется свѣтомъ отъ свѣта.

Аріи признавалъ Сына Божія Богомъ только не въ собственномъ смыслѣ; вопреки ему мы научились исповѣдывать Его Богомъ въ собственномъ смыслѣ, Богомъ истиннымъ, отъ Бога истиннаго, такимъ же Божескимъ лицомъ, какъ и Богъ Отецъ, отъ котораго Онъ произошелъ.

Далѣе вопреки Арію Церковь научила насъ исповѣдывать Христа Сына Божія единосущнымъ Отцу въ томъ смыслѣ, что Онъ имѣетъ одинаковую съ Отцемъ божескую природу и одни и тѣже божескія совершенства. Исповѣданіемъ единосущія отвергается не только Аріево ученіе о различіи

Сына Божія отъ Бога Отца по божеству, но и полуарианское мнѣніе о подобосущи.

Наконецъ, въ противоположность ученію Арія, что Сынъ Божій есть тварь, отцами вселенскаго собора утверждена вѣра въ Него, какъ въ Творца, *Имже вся быша*, т.-е. отъ котораго все произошло, получилъ бытіе міръ видимый и невидимый.

Будемъ, братіе, твердо хранить ученіе истины не только относительно Сына Божія, содержимое апостольскою Церковію и на основаніи апостольскаго ученія раскрытое отцами перваго вселенскаго собора, празднуемаго въ сей день, но вообще весь составъ православнаго вѣроученія, наслѣдованнаго нами отъ апостоловъ, которыми Христосъ Иисусъ, какъ первосвященникъ, испросилъ у Бога Отца освящающую благодать для уразумѣнія истины, для благовѣствованія о ней повсюду: *Отче, святы ихъ во истину Твою, слово Твое истина есть*. Это святое слово содержится въ евангеліи, въ апостольскихъ посланіяхъ, въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви, въ церковныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Вотъ источники истины, которыми мы должны питать нашу вѣру, всячески избѣгая мутныхъ мудрованій и ученій чело-вѣческихъ, могущихъ только отвлечь отъ истины людей невѣжествующихъ въ вѣрѣ и легковѣрныхъ.

Епископъ Виссаріонъ.

ПОПРАВКА. Въ Апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ *Миръ духовный*,— на стр. 553. 8-я строка сверху, вкралась ошибка:

Напечатано
седьмой и восьмой заповѣдей

Слѣдуетъ читать
шестой и седьмой заповѣдей

МУЖИ ДОЛГА.

Страница изъ исторіи старой духовной школы.

Въ нашъ вѣкъ колебаній мысли, исканія утраченныхъ основъ жизни съ особеннымъ чувствомъ глубокой грусти видимъ, какъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ ряды мужей крѣпкихъ духомъ, замѣчательными представителями которыхъ были недавно скончавшіеся, извѣстные не одной Москвѣ, достопочтенные Московскіе отцы протоіереи: М. С. Боголюбскій (19 января 1902 г.), А. Ѳ. Некрасовъ (20 октября 1901 г.) и редакторъ-издатель *Душеспольнаго Чтенія* Д. Ѳ. Касицынъ (3 декабря 1901 г.). Это были мужи, соединившіе съ основательнымъ научнымъ образованіемъ и широтою просвѣщенной мысли живую дѣтски-простую вѣру, съ свободою глубокаго христіанскаго чувства—горячую приверженность къ установленіямъ и обрядамъ православной Церкви. Вся внѣшняя дѣятельность и внутренняя жизнь этихъ крѣпкихъ духомъ мужей утверждалась на одномъ крѣпкомъ и неизмѣнномъ нравственномъ началѣ. Это были преимущественно мужи нравственнаго долга, во имя долга всецѣло посвятившіе себя тому служенію, къ которому были призваны.

Почившіе отцы протоіереи были воспитанниками Виѣанской духовной семинаріи и воспитались въ ней подъ влияніемъ того строя, который существовалъ въ нашихъ духовныхъ школахъ до реформы ихъ въ 60-хъ годахъ. Въ эпоху реформы старая духовная школа подверглась рѣзкимъ порицаніямъ, но не вполне справедливымъ. Ста-

рую дореформенную школу признали малоприспособленною къ цѣлямъ духовнаго образованія и въ особенную вину ей ставили, что изъ нея вышли извѣстные въ нашей литературѣ представители отрицательнаго направленія или такъ называемаго нигилизма. Но эти немногіе, вышедшіе изъ духовной школы, представители отрицательнаго направленія, едва ли притомъ вполнѣ искренно вѣровавшіе въ свои ученія и своею жизнію нерѣдко ихъ отрицавшіе, совершенно терялись въ многочисленномъ сонмѣ славныхъ, крѣпкихъ духомъ православія воспитанниковъ старой духовной школы.

Какой строй духовной школы воспитывалъ этотъ мощный духъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужать предлагаемая вниманію читателей свѣдѣнія изъ исторіи духовной школы, въ которой получили свое воспитаніе недавно почившіе отцы протоіереи М. С. Боголюбскій, А. Ѳ. Некрасовъ и Д. Ѳ. Касицынъ.

Внѣшній строй старой духовной школы созидался тѣми матеріальными средствами, какими она располагала. Такихъ средствъ въ распоряженіи школы было весьма недостаточно, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ школьной жизни. Правительство заботилось объ увеличеніи средствъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, но школа со своими средствами всегда оставалась позади времени съ его быстрымъ вздорожаніемъ жизненныхъ припасовъ и пониженіемъ монетной цѣнности.

Въ Виѣанской семинаріи ученики помѣщались въ двухъ каменныхъ двухъэтажныхъ корпусахъ — старомъ, болѣе изящномъ по архитектурѣ, чѣмъ удобномъ для жительства, и новомъ, построенномъ въ 1826 году на средства, отпущенныя по Высочайшему повелѣнію изъ суммъ Коммиссіи Духовныхъ училищъ. Обширныя семинарскія зданія сельскихъ жителей, не выдавшихъ лучшихъ зданій, могли поражать своею величиною и могли казаться имъ дворцами. Правда, эти зданія не были приспособлены ко всѣмъ требованіямъ благоустроенныхъ школьныхъ помѣщеній и со-

держались на скудные средства весьма неисправно,—имѣли холодные корридоры, некрашенные грязные полы съ щелями, изъ которыхъ во время классныхъ уроковъ выходили большія крысы къ развѣченію учениковъ, невозможныя по нечистотѣ «мѣста», но все это въ то время было довольно обычною принадлежностію школьныхъ помѣщеній, и тогдашніе воспитанники не представляли себѣ, что теплые корридоры, блестящіе чистотою полы и т. п. должны быть необходимою принадлежностію школы. Воспитанники, выросшіе въ простой обстановкѣ, не испытывали вреднаго вліянія отъ не вполне гигиеническихъ условій своей школьной жизни, отъ того, что безъ верхней одежды ходили по холоднымъ корридорамъ, бѣгали во всякую погоду чрезъ дворъ въ столовую, въ спальныхъ помѣщеніяхъ дышали такимъ воздухомъ, значительное присутствіе въ которомъ углерода и недостатокъ кислорода измѣрялись не кубическими мѣрами, а представленіемъ, что въ такомъ воздухѣ могъ бы свободно висѣть и топоръ. Для молодого организма болѣе существенною потребностію является хорошая пища. Старая школа не могла надлежащимъ образомъ удовлетворять этой существенной потребности. На каждаго казеннаго воспитанника отпускалось 48 р. 50 коп. въ годъ. Но этимъ незначительнымъ окладомъ пользовались немногіе воспитанники, преимущественно сироты. При многочисленности бѣдныхъ учениковъ въ семинаріи казенные оклады дѣлились на половины и на эти половины (24 р. 25 коп.) содержались бѣднѣйшіе ученики, которые назывались полуказенными. Полуказенные пользовались казеннымъ столомъ и помѣщеніемъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ выдавалось кое-что изъ одежды и обуви. Въ семинарскомъ общежитіи жили и кормились пансіонеры за плату самую ничтожную, для нашего дорогого времени мало вѣроятную: 20, 15 и даже 10 рублей въ годъ. Только соблюдая самую строгую экономію, семинарское начальство могло на такія средства прокормить ученика въ теченіе учебнаго года, но, конечно, прокормить не очень

сытно. Обыкновенно столъ семинаристовъ состоялъ изъ щей и каши. Въ скромные дни щи, съ прибавленіемъ не очень значительнаго количества каши, были еще достаточною пищею, но постные щи, получившіе отъ отсутствія въ нихъ навару и ихъ ѣдкости характерное прозваніе «купоросныхъ», не удовлетворяли самыхъ непритливыхъ, и семинаристамъ въ постные дни часто приходилось довольствоваться однимъ чернымъ хлѣбомъ. Судя по количеству припасовъ, показанныхъ въ экономическихъ отчетахъ, столъ воспитанниковъ, не обильный всегда, въ нѣкоторые годы, когда особенно заботились соблюсти строгую экономію въ расходованіи припасовъ, чтобы покрыть другія хозяйственныя нужды, былъ весьма скудный. Воспитанники мирились со скудостью своею содержанія не потому, что не имѣли лучшаго содержанія въ домахъ своихъ родителей, но потому, почему мирились и со всѣми другими тяготами школьной жизни. Они живо помнили, что поступленіе въ семинарію и окончаніе въ ней курса было предметомъ горячихъ желаній, молитвенныхъ воздыханій, заботъ и скорбей для ихъ родителей, ясно сознавали, что имъ должно учиться, какъ бы ни горьки казались жорни этого ученія, чтобы стать людьми. И не только мирились съ своею непрigлядною жизнію, но и съ чувствомъ глубокой признательности вспоминали потомъ воспитавшую ихъ школу, какъ школу родную.

Воспитанниковъ старой духовной школы отличала глубокая привязанность къ воспитавшей ихъ школѣ ¹⁾. Пи-

¹⁾ Эту глубокую привязанность къ школѣ бывшіе воспитанники Виѣанской семинаріи выразили въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ семинаріи въ 1900 г. по случаю исполнившагося столѣтія ея существованія. См. сборникъ, изданный по случаю столѣтія Виѣанской семинаріи. Въ нашей литературѣ можно встрѣтить и такія воспоминанія о семинарской жизни, гдѣ жизнь эта изображается мрачными красками. Но это—воспоминанія такихъ людей, которые, отличаясь впечатлительностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и односторонностію, не могли должнымъ образомъ разобраться во впечатлѣніяхъ своей школьной жизни и среди дурного отыскать хорошее.

томцы хранили привязанность къ своей школѣ не потому только, что съ годами школьной жизни соединяется лучшая пора жизни человѣка, но и потому, что считали себя обязанными школѣ тѣмъ духовнымъ богатствомъ, какое они пріобрѣтали во время своего школьнаго обученія. А школа прежняго времени не очень щедро надѣляла своихъ питомцевъ этимъ богатствомъ. Не говоря уже о недостаткѣ учебныхъ пособій, несовершенствѣ методовъ преподаванія и несовершенствѣ тогдашняго научнаго знанія, немного этого научнаго знанія давала школа. Хотя реформы духовныхъ школъ и стремились улучшить духовное образованіе сообразно съ требованіями времени, но въ духовныхъ школахъ долгое время сохранялся старый учебный строй. Семинарсій курсъ расширялся введеніемъ въ него новыхъ общеобразовательныхъ и богословскихъ предметовъ, но въ семинаріяхъ до 60 хъ годовъ прошлаго столѣтія сохранялось раздѣленіе всѣхъ научныхъ предметовъ на главные и второстепенные. Ученики учились по главнымъ предметамъ, какими были: словесность въ низшемъ отдѣленіи, философскія науки въ среднемъ и богословіе съ священнымъ писаніемъ въ высшемъ, и мало занимались по всѣмъ другимъ предметамъ, имѣвшимъ значеніе второстепенныхъ. Изъ второстепенныхъ предметовъ получали значеніе и усердіе изучались только тѣ, которые преподавались наставниками наиболѣе даровитыми, умѣвшими привлечь вниманіе и усердіе учениковъ къ преподаваемому предмету. Умственное развитіе учениковъ совершалось подъ вліяніемъ наставниковъ главныхъ предметовъ. Вліяніе главныхъ наставниковъ на учениковъ, по словамъ одного изъ бывшихъ питомцевъ старой школы, было такъ велико, что складъ мышленія и способъ выраженія мыслей наставника отражался и въ письменныхъ работахъ учениковъ¹⁾. Главные наставники, имѣя большее число уроковъ, а главное руководя учениковъ въ

¹⁾ Покойнаго о. протоіерея М. С. Боголюбскаго.

письменныхъ работахъ, знали въ точности ихъ умственныхъ силы и могли направлять ихъ развитіе съ полнымъ знаніемъ и ихъ особенностей и степени восприимлемости. При такомъ вліяніи главныхъ наставниковъ въ каждомъ классѣ, умъ учениковъ развивался въ одномъ направленіи и не терялся отъ разнообразія недостаточно согласованныхъ вліяній. Въ курсѣ семинарскихъ наукъ главные предметы выдѣлялись не столько широкою научною постановкою сравнительно съ другими предметами, сколько своимъ вліяніемъ на умственное развитіе учащихся. Главные предметы представляли какъ бы фокусы, въ которыхъ сосредоточивалось все научное семинарское образованіе. Въ семинаріяхъ не было первоклассниковъ, второклассниковъ, третьеклассниковъ и т. д. съ неопредѣленнымъ различіемъ въ степени ихъ развитія, а рѣзко раздѣленные: риторы, философы и богословы. Правда, семинарское образованіе мало обогащало учениковъ познаніями, но оно имѣло болѣе внутренняго единства. Изъ старой школы выходили воспитанники съ малымъ запасомъ знаній, недостаточно знакомые и съ будущимъ служеніемъ, но съ способностію ко всякому служенію, а въ частности и къ тому, къ которому предназначались своимъ происхожденіемъ и воспитаніемъ.

Науки преподавались по программамъ, составленнымъ наставниками. Изъ этихъ программъ можно видѣть, что при преподаваніи обращалось вниманіе на главное и существенное въ наукѣ, на выясненіе общихъ основаній, чѣмъ на сообщеніе частныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Въ старой школѣ главнымъ средствомъ къ развитію учениковъ служили сочиненія. Ученики постоянно упражнялись въ писаніи сочиненій и въ каждомъ классѣ въ теченіе года подавали до 22 сочиненій. Темы для сочиненій давались общаго, отвлеченнаго характера, которыя имѣли своею цѣлію возбудить въ ученикѣ самодѣятельность и приучить его къ логическому построенію мыслей. Для нашего времени представляется безъинтереснымъ позна-

комиться съ тѣми вопросами, какіе рѣшали въ своихъ сочиненіяхъ ученики старой школы. Въ 50-хъ годахъ ученикамъ Виѳанской семинаріи давались такого рода темы для сочиненій. Въ низшемъ отдѣленіи: Неблагодарный самъ себя вредить. Чрезмѣрное попеченіе о житейскихъ потребностяхъ недостойно христіанина. Любы не завидуетъ. Смиреномудріе—отважность. О пользѣ чтенія житій святыхъ. За все должно благодарить Бога. Безъ совѣта ничего не твори. Не даждь сна очима твоима. Лучшій способъ отражать обиды—забывать ихъ. Разборъ разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости. Добрая совѣсть не боится клеветы. О непрестанной молитвѣ. Въ среднемъ отдѣленіи: Образование ума, не соединенное съ образованіемъ сердца, болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы. О важности жизнеописаній и достопамятныхъ изреченій христіанскихъ подвижниковъ для психолога. Какимъ образомъ научное изученіе внутренней природы человѣка ведетъ его къ вѣрѣ во І. Христа? Какъ надобно приобрѣтать познанія спасительныхъ истинъ, чтобы предотвратить несчастное разногласіе между знаніемъ и жизнью? Христіанскій постъ есть необходимое условіе христіанскаго любомудрія. Объ отношеніи поведенія къ усиліямъ въ наукахъ. Нужно ли образованіе ума для христіанской религіи? О средствахъ избѣгать заблужденій, происходящихъ отъ чувствъ. Объ отношеніи логики къ грамматикѣ. Объ истинности опытнаго познанія. Какія мысли и чувства долженъ имѣть ученикъ семинаріи при переходѣ изъ одного отдѣленія въ другое? Въ высшемъ отдѣленіи: Какіе пути Промысла Божія можно усматривать въ томъ, что нѣкоторые люди бываютъ одержимы бѣсами? Дѣйствіе благодати Божіей въ таинствахъ зависитъ ли отъ нравственнаго состоянія лицъ совершающихъ и приемиющихъ таинство? Размышленіе христіанина объ изреченіи: послѣ смерти нѣтъ покаянія. Изреченіе Апостола Павла: *будетъ Богъ всяческая во всяхъ* не противорѣчитъ ли ученію о вѣчномъ мученіи грѣшниковъ? Почему разумъ самъ по

себѣ не можетъ быть руководителемъ въ Богопознаніи? Какъ согласить съ правосудіемъ Божиимъ вмѣняемость первороднаго грѣха? Какія назидательныя мысли можетъ извлечь христіанинъ и особенно готовящійся къ служенію церкви изъ ученія о святости Божіей, изъ ученія о благодати Божіей и изъ ученія о правосудіи Божиимъ? О причинахъ, по коимъ допускается на нивѣ Божіей расти плевеламъ вмѣстѣ съ пшеницею до жатвы. Можетъ ли быть истинно нравственнымъ человѣкъ не религіозный, и, если не можетъ, то почему? Какимъ образомъ прощевіе грѣховъ согласуется съ правосудіемъ Божиимъ? Для письменныхъ работъ ученикамъ и по предметамъ не богословскимъ по преимуществу давались такія темы, которыя касались вопросовъ религіозно-нравственныхъ.

Хотя въ старой школѣ было рѣзкое различіе между классами общеобразовательными и богословскимъ, но преподаваніе всѣхъ предметовъ было запечатлѣно однимъ характеромъ и направлено къ одной цѣли. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Виѣанской семинаріи въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что «наставники ясно сознавали святость вѣреннаго имъ служенія, единодушно старались о возбужденіи въ воспитанникахъ преданности православной Церкви, помня, что имъ поручено образованіе и воспитаніе молодыхъ людей, готовящихся на служеніе Церкви. Богословскими науками, при усердіи наставниковъ, естественно развивалась въ насъ любовь къ слову Божию и поддерживался духъ церковности. Отраднo вспомнить, что и преподаватели другихъ наукъ дружно содѣйствовали достиженію той же цѣли. Это яснѣе будетъ изъ примѣровъ. 1844 года 5 сентября начались лекціи. Профессоръ словесности Александръ Семеновичъ Миловановъ началъ дѣло чтеніемъ изъ первыхъ главъ книги Бытія о сотвореніи человѣка и потомъ ясно и поучительно говорилъ намъ о драгоцѣнности дара слова. Въ лекціяхъ сего наставника много было примѣровъ изъ Священнаго Писанія. Такъ для фигуры олицетворенія приведены слѣдующія

слова: вся земля вопієть съ веселіємъ, и древа Ливанова возвеселишася о тебѣ, и кедръ Ливанскій (Исаіи 14, 7—15). Много и въ классѣ и дома писали мы задачъ на русскомъ, а частію на латинскомъ языкѣ. Весьма часто темы для нихъ давались изъ Священнаго Писанія. Такъ для первой хріи даны были слова Господа Спасителя: блажени милостивіи: яко ти помилованы будутъ (Матѣ. 5, 7). Профессоръ словесности въ классѣ много читалъ намъ изъ книги Премудрости Іисуса Сына Сирахова и нерѣдко давалъ изъ нея темы для задачъ; вторую хрію писали мы на слова: язва бичная струны творить, язва же язычная сокрушаетъ кости (Сир. 28, 20). Профессоръ физико-математическихъ наукъ Димитрій Васильевичъ Разумовскій лекціи по физикѣ началъ словами апостола Павла о Богѣ: невидимое Его, вѣчная сила Его, и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы (Рим. 1, 20). Далѣе Димитрій Васильевичъ объяснялъ намъ то, какъ долженъ священникъ для наученія прихожанъ пользоваться разными явленіями природы. Помнили о важности своего призванія даже преподаватели сельскаго хозяйства и медицины. Первый упоминалъ о томъ, сколь велико значеніе церковныхъ молитвъ «о благораствореніи воздуховъ, о изобиліи плодовъ земныхъ», второй на лекціяхъ не разъ приводилъ тексты изъ Священнаго Писанія и говорилъ намъ о дѣятельности священника въ тѣхъ случаяхъ, когда прихожане будутъ просить его о врачебной помощи».

Школьная наука никогда не удовлетворяла и не удовлетворяетъ умы наиболѣе пытливые и любознательные, а тѣмъ болѣе наука старой духовной школы, заботившейся преимущественно о формальномъ развитіи ума учащихся, а не о разнообразіи и интересѣ научнаго знанія. На ряду со школьнымъ обученіемъ шло самообразование воспитанниковъ. Старая школа предоставляла просторъ самодѣятельности учениковъ. Лучшіе ученики мало занимались приготовленіемъ уроковъ, а болѣе—самостоятельными работами: писаніемъ сочиненій, чтеніемъ книгъ и переводами.

Какого рода самостоятельными работами занимались лучшіе воспитанники, объ этомъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ питомцевъ Впеанской семинаріи ¹⁾).

«Наставники въ то время требовали отъ хорошихъ учениковъ умѣнья написать хорошо сочиненіе, умѣнья толково разрѣшить какой-либо затруднительный вопросъ, умѣнья отличиться на экзаменахъ, а приготовленія классныхъ уроковъ отъ нихъ не требовали, и если хорошей ученикъ не зналъ заданнаго урока, то этому не придавалось никакого значенія, такъ какъ цифровой оцѣнки ученическихъ отвѣтовъ въ то время не существовало. У хорошихъ учениковъ тогда оставалось много времени и на писаніе сочиненій, весьма серьезныхъ для ихъ возраста, и для усидчивыхъ занятій тѣмъ или другимъ излюбленнымъ дѣломъ. Такъ я то увлекался сочиненіями Цицерона, просиживая за ними по нѣскольکو часовъ каждый день, то, по желанію одного преподавателя Академіи, занимался переводомъ одного церковно-историческаго сочиненія, то просиживалъ цѣлые вечера за проповѣдями митрополита Филарета, находя для себя наслажденіе въ уясненіи вопросовъ: почему Филаретъ сказалъ именно то, что сказалъ, почему сказалъ такъ, а не иначе, сказалъ въ такомъ порядкѣ, а не въ другомъ; изучивши проповѣдь, сердечно радовался, когда мнѣ казалось, что мнѣ удалось разгадать или уяснить себѣ ту или другую тонкость гениальнаго ума святителя. Лучшимъ ученикамъ наставники назначали особеннаго рода работы. Такъ пламенно преданный своему дѣлу о. Порфирій (Поповъ) безъ всякаго смущенія далъ лучшему ученику такого рода задачу: сличить двѣ проповѣди митрополита Филарета и Иннокентія (Херсонскаго), различно рѣшавшіе одинъ и тотъ же вопросъ, и показать достоинство и недостатки ихъ рѣшенія. Тогдашній инспекторъ семинаріи о. Наѳанаилъ

¹⁾ Профессоръ Московской Духовной Академіи П. И. Горскій-Платоновъ.

(Нектаровъ), умный и острословный преподаватель, далъ мнѣ такую работу: на основаніи такихъ-то латинскихъ книгъ составить урокъ по Священному Писанію о такомъ-то вопросѣ и затѣмъ, исправивъ и дополнивъ представленное, заставлялъ другихъ учениковъ готовить этотъ урокъ къ классу. Ректоръ семинаріи, Леонидъ, также привлекалъ лучшихъ учениковъ къ особымъ занятіямъ. Благодаря ему я приобрѣлъ первоначальныя познанія въ англійскомъ языкѣ. «У тебя, Горскій, свободнаго времени много, сказалъ однажды мнѣ ректоръ, приходи ко мнѣ заниматься англійскимъ языкомъ въ такой-то часъ».

Самообразование, приобретаемое путемъ чтенія книгъ, всегда оказываетъ весьма сильное вліяніе на умственное развитіе ученика и нерѣдко сообщаетъ его уму неправильное направленіе. Это самообразование въ старой школѣ находило должное ограниченіе не столько въ школьной наукѣ, сколько въ живомъ благотворномъ вліяніи на учениковъ наставниковъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаютъ питомцы старой школы о вліяніи на ихъ умственное и нравственное развитіе бывшихъ своихъ наставниковъ. «Мы обязаны искреннею и глубокою благодарностію нашимъ наставникамъ», говоритъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Виѣанской семинаріи, заслуженный профессоръ Московской Духовной Академіи Д. Θ. Голубинскій. Другой воспитанникъ семинаріи, профессоръ той же Академіи, П. И. Горскій, съ благодарностію вспоминаетъ о вліяніи на его развитіе преподавателя словесности И. Н. Александровскаго, преподавателя логики Я. И. Владыкина, преподавателя богословія о. Порфирія и особенно преподавателя церковной исторіи В. П. Нечаева ¹⁾. Наставники налагали особенную печать на духовное развитіе лучшихъ и болѣе воспримчивыхъ своихъ учениковъ. Ученика старой школы отличала привычка и склонность къ умственному труду, пытливость мысли и критическое направленіе

¹⁾ Ншиѣ епископъ Костромской Виссаріонъ.

ума, соединенное съ строгою его дисциплиною. А строгая дисциплина ума вносила дисциплину и въ область чувства и подчиняла его требованію нравственнаго долга. Эти черты, отличавшія лучшихъ питомцевъ старой школы, выразились въ жизни и дѣятельности извѣстныхъ своимъ многополезнымъ служеніемъ нашей церкви о. протоіереевъ—мужей долга.

Протоіерей А. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Просвѣтленіе очей слѣпорожденнаго—символь возстановленія омрачившихся умственныхъ очей человѣчества.

Слово въ недѣлю о слѣпомъ и въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II Александровича, на 6-е мая 1901г. ¹⁾.

„Азъ свѣтъ въ міръ приидохъ“... (Іоан. XII, 46).

Родиться слѣпымъ—вакое великое несчастіе! Не имѣть возможности видѣть свѣта и ближнихъ, любоваться этимъ прекраснымъ міромъ, восхищаться яснымъ голубымъ небомъ, восторгаться гладью и ширью морей, наслаждаться зеленью деревьевъ, прелестью цвѣтовъ, красотою разныхъ изящныхъ видовъ, и далѣе—не имѣть возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ, просвѣтитъ свои умственные глаза такъ, какъ это возможно видящимъ... о, какое страшное, тяжелое бѣдствіе, какое тяжкое, гнетущее бремя! Въ такомъ именно страданіи находился и повѣствуемый въ нынѣшнемъ Евангеліи слѣпецъ. И несчастіе его оставалось бы неустрашимымъ, еслибы не величайшій и единственный въ мірѣ Благодѣтель человѣчества, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возвратившій зрѣніе, по свидѣтельству Евангелія, не одному слѣпцу. Но если Господь Іисусъ Христосъ исцѣлилъ тѣхъ или другихъ, встрѣтившихся Ему на пути, слѣпцовъ, то Онъ навсегда исцѣлилъ весь міръ отъ духовнаго ослѣпленія.

И въ самомъ дѣлѣ, человѣчество около времени пришествія въ міръ Божественнаго Просвѣтителя находилось на

¹⁾ Произнесено въ каведральномъ Кишиневскомъ соборѣ.

самой низкой ступени религіозно-нравственнаго упадка и во всецѣломъ разложеніи и потому бессильно было возстановить первобытное, райское, состояніе человѣка, даровать ему желанное спасеніе. Языческій міръ, религіозныя воззрѣнія котораго были разрушены наукою, представлялъ собою безпримѣрное въ исторіи явленіе ужасающаго безвѣрія и крайней распущенности нравовъ. Общій духъ времени, чрезъ знакомство евреевъ съ разными языческими народами, проникъ въ самую ограду Іерусалима и произвелъ тамъ разладъ между поклонниками истиннаго Бога, раздѣлилъ ихъ на многія разномыслящія партіи. Самое понятіе о Богѣ подверглось у іудеевъ глубокимъ измѣненіямъ. Суевѣріе, фанатизмъ и замкнутость — отличительныя черты іудейства около времени пришествія Христова. Словомъ, религіозное и нравственное паденіе языческаго и іудейскаго міра тогдашняго было до того глубоко, что болѣе оставаться такъ не могло: человѣчеству грозила явная гибель. И только лучшіе люди тогдашняго времени находились въ трепетѣ какого-то таинственнаго ожиданія: язычники—пришествія съ востока всеобщаго властителя, а іудеи—явленія въ міръ Мессіи, Котораго они представляли земныхъ Царемъ, имѣющимъ освободить ихъ силою оружія и подчинить Себѣ и имъ весь міръ.

И это ожиданіе оказалось не напраснымъ, и окончательная гибель людей, по домостроительству спасенія рода человѣческаго, была предотвращена, уничтожена. Явился свыше истинный Свѣтъ (Іоан. III, 19), и мракъ іудейскій, а равно и тьма языческая разсѣялись. Явилась Сама Истина (Іоан. XIV, 6), и неправыя вѣрованія іудейства, а равно и ложныя воззрѣнія язычества пали. Принесенное Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ ученіе о Богѣ, какъ высочайшемъ и совершеннѣйшемъ Духѣ (Іоан. IV, 24; Матѣ. V, 45), единомъ по Существо (Марк. XII, 29), но троячномъ въ Лицахъ (Матѣ. XXVIII, 19), — о Себѣ, какъ Икупителѣ и Примирителѣ между Богомъ и человѣкомъ (Іоан. III, 16; XVII, 21), — о человѣкѣ, его паденіи и

возстаніи,—о дѣйствительныхъ средствахъ спасенія (Іоан. III, 5; XIV, 6) и достиженія вѣчно-блаженной жизни за гробомъ (III, 16),—о братствѣ всѣхъ людей между собою и объ ихъ взаимной самоотверженной любви (Матѣ. XXII, 37—39; Марк. VIII, 34),—объ участи праведниковъ и грѣшниковъ послѣ страшнаго суда (Матѣ. XXV),—это единственно-истинное ученіе замѣнило собою всѣ существовавшія тогда ученія вѣры и благочестія и стало жизненнымъ, незыблемымъ, вѣчнымъ. Это возвышенное, Божественное, ученіе указало человѣчеству и безконечный идеалъ развитія, совершенствованія. Именно, Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: *«будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть»* (Матѣ. V, 48). Въмѣстѣ съ тѣмъ Онъ далъ и всѣ средства для постояннаго приближенія къ этому идеалу—въ основанной Имъ Церкви, которой, по Его словамъ, *«и врата ада не одолѣютъ»* (Матѣ. XVI, 18). Въ отношеніи ея Онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, тоже, что глава и сердце въ отношеніи тѣла. Онъ сообщаетъ Церкви Своей жизнь и теплоту и является неизсякаемымъ и вѣчнымъ Источникомъ святости и блаженства. Онъ путь, истина, животъ (Іоан. XIV, 6) и воскресеніе (XI, 29). Онъ хлѣбъ небесный (VI, 41). Онъ источникъ воды живою (IV, 14; VII, 38). Онъ лоза истинная, и пребывающіе въ Немъ приносятъ плодъ многій (XV, 2), а безъ Него не могутъ творить ничего (5). И Онъ пребудетъ съ Церковію *«во вся дни, до скончанія вѣка»* (Матѣ. XXV, 20).

Это ученіе Христово совершенно переродило нравственную и духовную жизнь человѣчества и продолжаетъ имѣть на него, какъ и всегда будетъ имѣть, могущественнѣйшее нравственное и духовное вліяніе, всегда будетъ для человѣчества истиннымъ Свѣтомъ. Вліяніе этого Свѣта, Господа нашего Іисуса Христа, замѣтно на каждой страницѣ исторіи и во всѣхъ учрежденіяхъ, законодательствѣ, мысли, нравственности, языкѣ, общественной жизни; словомъ, все истинное просвѣщеніе современнаго человѣчества создано подъ вліяніемъ Христова ученія. Это потому, что ученіе

Господа нашего Иисуса Христа не только предохраняетъ умъ человѣка отъ заблужденій и бесплодныхъ исканій, но и само вызываетъ его къ такому высокому развитію и просвѣщенію, какое невозможно внѣ христіанства. Свѣтъ Христова ученія въ основанныхъ христіанскими проповѣдниками первыхъ школахъ современныхъ европейскихъ народовъ посѣялъ первыя сѣмена полезныхъ знаній; подъ влияніемъ этого Свѣта тамъ уяснились и всѣ высшіе вопросы человѣческой исторіи и любомудрія; въ этихъ же школахъ зародились начала тѣхъ дѣйствительно великихъ и полезныхъ открытій, которыя нынѣ получили такое широкое примѣненіе. И если современная наука, въ своемъ крайнемъ направленіи, стремится къ какому-то другому, и ей самой невѣдомому, свѣту и оспариваетъ великое просвѣтительное значеніе Свѣта истины, Божественнаго Просвѣтителя человѣчества, Господа нашего Иисуса Христа, то она (наука) напоминаетъ тѣхъ неблагодарныхъ питомцевъ, которые, въ своемъ самоуниженіи и самообольщеніи, дерзко встаютъ противъ призрѣвшаго и возрадившаго ихъ пѣстуна и руководителя и безумно бросаютъ камни въ стѣны воспитавшаго ихъ священнаго пріюта... ¹⁾ Да и что положительнаго о вѣчныхъ вопросахъ сказала намъ современная наука, не руководящаяся истиннымъ Свѣтомъ при своихъ изысканіяхъ? Не дошла ли она до того «незнанія» ²⁾, которое будетъ вѣчнымъ, если не будетъ освѣщаться и согрѣваться истиннымъ Свѣтомъ, Солнцемъ правды? «Первоначально существовала огненно-жидкая масса, пребывавшая въ глубокомъ покоѣ»... А кто или что, какая именно сила вывела эту массу изъ покоя, такъ что развились двѣ силы—центробѣжная и центростремительная и начали дѣйствовать цѣлесообразные законы, произведшіе эти чудные, земной и небесный, міры,—это современной наукѣ неизвѣстно, да и

¹⁾ Изъ рѣчи А. А. Олесницкаго,—см. *Церк. Вѣдом.* 1890 г., № 5, 145 стран.

²⁾ *Душев. Чтеніе* 1901 г., январь, стран. 6-я.

едвали когда станетъ ей извѣстнымъ. Эта неизвѣстность, какъ и слѣдовало ожидать, привела къ отрицанію ея, науки. Отсюда тѣ гибельные выводы, какіе дѣлаются людьми науки въ области чистой мысли. «Всякая забота о личномъ нравственномъ совершенствѣ излишня и даже вредна, и въ уничтоженіи личности, какъ источника зла, заключается спасеніе человѣка», по мысли нашего безбожнаго писателя, заразившагося духомъ западничества ¹⁾. Высказывается и другое мнѣніе, основанное на мысли о постоянномъ, непрерывномъ развитіи, совершенствованіи,—мнѣніе, не отрицающее науки, а ограничивающее ее избранниками. По этому мнѣнію, если человѣкъ могъ произойти отъ того, что ниже человѣка, то отъ человѣка можетъ произойти то, что выше человѣка, «вышечеловѣкъ», т. е. существо съ высшими органами чувствъ, съ высшими способностями. Но прежде происхожденія такого существа необходимо обособить все высшее и лучшее въ человѣчествѣ отъ умственныхъ низовъ, отъ массы, которые должны погибнуть въ тяжелой и черной работѣ людямъ науки и искусства,—нужно, чтобы они, лучшая часть человѣчества, по спинамъ и костямъ своихъ рабовъ поднимались все къ высшему и высшему совершенствованію...²⁾ И это—послѣднее слово науки въ области чистой мысли. Если припомнить все, что высказывалось и прежде представителями ея о человѣческой жизни, ограничиваемой ими только зсмлею, то при представленіи себѣ приведенныхъ взглядовъ на личность человѣка и его будущее становится на душѣ мрачно, темно, хладно, безотраднo; какая-то безпросвѣтная тьма и леденящій холодъ наполняютъ всю душу... Невольно припоминаются слова Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Свѣта: *«безъ Мене не можете творити ничесоже; якоже роза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете* (Іоан. XV, 5. 4).

¹⁾ *Страшникъ* 1901 г., январь, 33 стран.

²⁾ Ницше,—см. *Душепол. Чтеніе* 1901 г., январь, 18—19 стр.

Между тѣмъ, какъ свѣтло, отрадно, покойно на душѣ, если руководствоваться во всей своей жизни истиннымъ Свѣтомъ Христова ученія. И, благодареніе Господу, мы видимъ, что этотъ Свѣтъ съ неослабною силою свѣтитъ въ жизни и современнаго человѣчества, и святая правда Евангелія сознается имъ (человѣчествомъ) все шире и глубже. Человѣчество слабо, ссорится, воюетъ, обманываетъ, совершаетъ преступленія но все яснѣе и яснѣе чувствуетъ оно свою слабость и преступность и рѣшительно стремится стать лучше. Оно продолжаетъ воевать, но уже возмущается войною. Совершаются преступленія, и преступники караются, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчество заботится и объ исправленіи ихъ. Люди обманываютъ другъ друга, но все шире и шире развивается среди нихъ взаимопомощь и благотворительность ¹⁾, и они ревностно заботятся объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о труждающихся и обремененныхъ, о нищихъ тѣломъ и слабыхъ духомъ, объ увѣчныхъ и прокаженныхъ, о калѣбахъ всякаго рода и слѣпыхъ ²⁾.

И эту заботливость о несчастныхъ страдальцахъ принимаютъ на себя лучшіе люди нашего общества, лучшіе христіане, и въ особенности Члены нашей Царской Семьи, благочестивѣйшіе и православные христіане. Въ вѣдѣніи Ихъ и подъ ближайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны находится въ высшей степени благотѣльное «Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ». Заботясь, главнымъ образомъ, о слѣпыхъ, которыхъ въ нашемъ Отецествѣ около 200 тысячъ, облегчая ихъ тѣлесныя страданія и просвѣщая ихъ душу,—подготавливая какъ малолѣтнихъ, такъ и взрослыхъ слѣпыхъ къ самостоятельной трудовой жизни, достославное Попечительство принимаетъ всѣ мѣры и къ предупрежденію слѣпоты въ нашемъ Отецествѣ чрезъ свои, такъ называемые, «летучіе глазные отряды». И сколько

¹⁾ Душенол. Ученіе 1901 г., февраль, 201 стр.

²⁾ Январь, 13-я стр.

несчастныхъ страдальцевъ получило и получаетъ облегченіе, утѣшеніе и возможную отраду! И все это, благодаря истинному свѣту Христова ученія, Христовой любви.

А такое облегченіе человѣческаго страданія сколько радости доставляетъ любвеобильнѣйшему сердцу нашего возлюбленнаго Государа Императора, Николая Александровича, человѣколюбивѣйшаго Монарха, день рожденія Котораго мы свѣтло празднуемъ нынѣ! Не видѣнъ ли въ этомъ чувствѣ Царя нашего тотъ истинный свѣтъ Христова ученія, Христовой любви, который будетъ вѣчно сіять на лонѣ человѣческой жизни? Эта радость нашего Державнаго Вѣнценосца побуждаетъ и почтенное Попечительство къ усиленной дѣятельности, и насъ, вѣрныхъ слугъ Царевыхъ, къ возможному содѣйствію Попечительству своими посильными пожертвованіями ¹⁾.

Будемъ же, возлюбленные во Христѣ братіе, крѣпко держаться истиннаго Свѣта, Солнца правды, Востока Свыше, Божественнаго Просвѣтителя человѣчества, Господа нашего Иисуса Христа! Не увлекаясь вѣтромъ ученій, всегда будемъ неуклонно руководствоваться во всей своей жизни этимъ Свѣтомъ! Не престанемъ, при этомъ, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, заботиться о несчастныхъ страдальцахъ всякаго рода, а также и о слѣпыхъ. Эта заботливость наша о страждущемъ человѣчествѣ, вмѣстѣ съ нашею чистосердечною молитвою,—самый лучшій подарокъ нашему Батюшѣ-Царю въ нынѣшній радостный день въ Его жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ всегда будемъ пребывать въ самомъ тѣснѣйшемъ единеніи съ нашимъ благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ и свято исполнять всѣ благія начинанія Его, такъ какъ въ точномъ и безукоризненномъ исполненіи предначертаній Державной воли, въ этой непоколебимой, безпредѣльной и беззавѣтной преданности Престолу,—залогъ славы, величія и благоденствія нашего Отечества! Живо помня ту великую опасность, ка-

¹⁾ Церк. Вѣстникъ 1901 г., № 17, стр. 532.

шой подвергалась драгоцѣнная жизнь Его Величества, пораженная тяжкимъ недугомъ, всегда будемъ возсылать къ Престолу Царя царей, Милосердому Отцу небесному, горячія молитвы о здравіи, спасеніи и сохраненіи Царя нашего на всѣхъ путяхъ Его жизни—для блага Его и нашего.—Аминь.

Инспекторъ классовъ Кишиневскаго епархіальнаго женск. училища и законоучитель *священникъ*
Петръ Орловъ.

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА - ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К. *)

30 юля 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

То, что вы теперь гадаете, лучше несравненно Мурома, хоть бы и не было того опасенія, которое отклоняетъ васъ отъ него.—Даруй вамъ Господи устроиться такъ.

Мнѣ и самому приходило въ голову—предложить вамъ то же; но удерживался, полагая, что вамъ виднѣй, какъ пригожѣй устроиться.

Лиза съ вами!—Какъ это пріятно. Съ собою ее возьмите, когда переселяться будете, если это не трудно будетъ. Молочное лѣченіе прекратилъ, потому что каждое утро сталъ чувствовать ознобъ, — нѣчто вродѣ лихорадочныхъ припадковъ... въ каковомъ случаѣ приказано переставать пить молоко. Прежде этого со мною не было.

Будемъ ждать васъ постомъ... поговѣете и причаститесь... Павла и Софью хорошо бы крапивою выжарить.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Е. Теофанъ.

*) Продолженіе. См. октябрьск. кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1901 г.

Милость Божія буди съ вами!

Очень радъ, что вы настолько оправились, что можете и поговѣть. Да благословить Господь трудъ вашъ,—и да вознаграждаетъ васъ дарованіемъ вамъ полной благодати, какой опредѣлено сподобляться причащающимся.

Всякаго вамъ благословенія испрашиваю у милостиваго Господа!

Вашъ доброхоть

Е. Теофанъ.

21 авг. 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

Причастились?! Да будетъ сіе вамъ въ утѣшеніе, укрѣпленіе силъ и умиротвореніе помышлений.

Илію благослови Господи быть подражателемъ св. пророка въ ревности по вѣрѣ и богоугожденію. Святые Муромскіе повліяють на него своимъ молитвеннымъ Муромомъ осѣненіемъ.

Лиза умница! Благослови ее Господи. Чтеніе духовное умиротворяетъ душу.—Ангель Хранитель поруководитъ ее и въ чтеніи, и во всемъ прочемъ.

То, что васъ смущаютъ мелочи такія, какъ цвѣтъ или покрой платья—есть вражья уловка; просто—чтобъ пошутить надъ вами. Не придавайте сему важности,—и пройдетъ.

На Вышу желаете?!—Ворота всегда отворены... Милости просимъ.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Е. Теофанъ.

29 авг. 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

Рѣчь Иліи пріятно слышать. Помогите ему Господи привести въ исполненіе свое доброе намѣреніе. Приложите и свою къ тому усердную молитву. Ничья молитва о дѣтяхъ такъ недоходна до Господа, какъ молитва матери.

Грѣхъ вашъ по случаю слова старушки: плохенькая... произошелъ отъ погрѣшительнаго понятія слова сего. *Плохенькій, хиленькій* — значить здоровья слабаго, или отъ болѣзни или отъ старости... У васъ и то и другое есть. Потому грѣшно видѣть въ семь отзывѣ что-либо оскорбительное... Или вы все еще молодитесь?!..

Не хотите въ Арзамасъ, поѣзжайте въ Москву, не хотите въ Москву, поѣзжайте въ Аносинъ... къ Леонидѣ.— Весь міръ вамъ и всѣ пути открыты.

Книжку Лизѣ посылаю. Пусть вникаетъ... Тутъ много наговорено не худаго.

Благослови Господи всѣхъ васъ!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Очень радъ, что вы такъ избавились отъ ушиба. И нынѣ у Креста Господня воздайте благодареніе Господу.

Вотъ и Выша!—и Воздвиженіе Честнаго Креста! Праздникъ сей установленъ въ прославленіе милости Божіей, давшей торжество христіанству. Попирали крестъ, а поклонявшихся распятому тѣснили, гнали, мучили и убивали. Пришло время, стали чествовать крестъ, поклоняться Распятому,—и въ чести имѣть поклоняющихся Ему... Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Объ умницѣ сироткѣ радуюсь, и утѣшаюсь ея благонастроеніемъ. Да сохранить ее Господь!

Моя болѣзнь пустая. Вдругъ начинается боль въ крест-

цѣ, — гдѣ кости ножныя соединяются съ спинною, — боль непостоянная, а когда двинуться надо. Это не въ первый разъ. Начнется и пройдетъ, сама собою. И теперь уже прошла, чуточку осталось.

Даруй вамъ Господи утѣшиться подъ кровомъ Матери Божіей.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМЪ ОТКРОВЕНІИ. ¹⁾

Разборъ возраженій противъ Откровенія.

Несмотря на то, что возможность Откровенія съ очевидною ясностью свидѣтельствуется историческимъ религіознымъ опытомъ, имѣеть основаніе въ духѣ человѣческомъ, она оспаривается весьма многими. Главными противниками Откровенія являются деизмъ и раціонализмъ. Деизмъ и раціонализмъ связаны между собою логически и исторически. Явившись послѣдовательно одно за другимъ, оба эти направленія представляютъ собою различныя степени отчужденія отъ христіанства, совпадаютъ между собою въ отрицаніи или, по крайней мѣрѣ, молчаливомъ отклоненіи сверхъестественнаго Откровенія. Истинная религія, по мнѣнію деистовъ, сообщается людямъ двоякимъ образомъ: при помощи естественнаго откровенія разума и посредствомъ внѣшняго историческаго благовѣствованія. Но историческое Откровеніе не имѣеть въ строгомъ смыслѣ слова сверхъестественнаго значенія; послѣднимъ критеріемъ истины является разумъ. Онъ отличаетъ истинное Откровеніе отъ ложнаго, онъ судить о достоинствѣ Откровенія. «Откровеніе истинно не потому, что оно откровенно, а потому, что оно разумно». Отнимая, такимъ образомъ, у Откровенія сверхъестественность — главный признакъ его, деизмъ въ сущности отрицаетъ Откровеніе.—

¹⁾ Окончаніе. См. март. кн. *Душен. Читенія* 1902 г.

Рационализмъ, усвоивъ рѣшающее слово во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни разуму (ratio), считаетъ его источникомъ и нормою для всѣхъ религіозныхъ истинъ. На мѣру разумности низводится поэтому и Откровеніе. При этомъ подъ разумомъ рационализмъ разумѣеть субъективное (личное) мышленіе отдѣльныхъ людей, какъ оно опредѣляется представленіями времени, въ которомъ живетъ данное лицо, или господствующій духъ времени. Бэконъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «человѣчскій духъ нужно расширять до величія божественныхъ тайнъ, а не божественныя тайны сокращать до узкости нашего разума». Рационализмъ прибѣгаетъ какъ разъ къ противоположному правилу. На ряду съ главенствующимъ значеніемъ разума рационализмъ учитъ о естественной неповрежденности человѣка (Руссо), такъ что онъ можетъ развиваться исключительно изъ самого себя, изъ задатковъ и основъ, заложенныхъ въ его природѣ. Естественнымъ выводомъ изъ этихъ предпосылокъ являлось отрицаніе Откровенія.—Умѣренный рационализмъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. Онъ прямо не отрицаетъ Откровенія, но разумѣеть подъ нимъ не внѣшнее сообщеніе Богомъ извѣстныхъ истинъ, а необходимое съ развитіемъ человѣчества расширеніе и углубленіе человѣческаго религіознаго знанія. Откровеніе, значить, является только въ качествѣ вспомогательнаго средства, ускоряющаго естественное развитіе человѣка; самостоятельнаго значенія оно не имѣетъ (Кантъ, Фихте, Лессингъ).

Какъ видимъ, и деизмъ, и рационализмъ отвергаютъ Откровеніе во имя свободы своего духа и независимости мысли. Но ничто не можетъ быть печальнѣе такого самонвѣнія. Труднѣе всего освободить раба, который мнитъ себя свободнымъ, и въ своемъ освободителѣ готовъ видѣть главнаго врага. Кто принялъ Откровеніе, тотъ знаетъ, что онъ не потерялъ свободы, а обрѣлъ ее. Христосъ говорилъ, что кто уразумѣетъ истину Откровенія, тотъ будетъ свободнымъ (Іоан. VIII, 31—32). Тѣ же, которые не чувствуютъ въ Откровеніи его освобождающей силы, оче-

видно, не вошли еще, такъ сказать, въ себя, не проникли въ священную и таинственную глубину своей богоподобной природы. Не удивительно, если Откровеніе не звучить для нихъ, какъ родной отеческій голосъ, дающій отвѣтъ на завѣтныя и возвышенныя чаянія и мысленные запросы. Не удивительно, если они не могутъ сказать о себѣ и о подобныхъ себѣ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. VI, 68).

Но разсмотримъ ближе и подробнѣе главнѣйшія возраженія рационалистовъ противъ Откровенія.

1) Содержаніе Откровенія, говорятъ, не только превышаетъ познавательныя силы нашего разума, но весьма часто противорѣчитъ ему, а что не происходитъ изъ самаго духа человѣка, то не можетъ быть воспринято и усвоено имъ. — Но Откровеніе, если оно соотвѣтствуетъ своему имени, должно превышать нашъ разумъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о новыхъ высшихъ истинахъ, которыхъ мы не можемъ найти при помощи естественныхъ средствъ познанія. Если ужъ идеи, обязанныя своимъ происхожденіемъ творческому гению философовъ, поэтовъ, художниковъ, далеко возвышаются надъ умами простыхъ смертныхъ, то это еще болѣе приложимо къ истинамъ Откровенія, источникомъ которыхъ является разумъ Божественный, а не человѣческій. Требовать полнаго познанія Откровенія это значитъ уравнивать, вмѣстѣ съ античнымъ и новѣйшимъ пантеизмомъ, самосознаніе человѣческое съ самосознаніемъ Божественнымъ (Гегель). Но при всей своей возвышенности истины Откровенія въ безчисленныхъ точкахъ соприкасаются съ человѣческою жизнію и разумомъ и находятъ себѣ отголосокъ въ сердцѣ человѣка. Особенность и преимущество Откровенія въ томъ и состоитъ, что оно сообщаетъ такія идеи, которыя могутъ быть раскрываемы вездѣ, гдѣ только есть хотя зародыши человѣческихъ чувствъ, напр., благоговѣнія, любви и стремленія къ святости. Въ то же время онѣ могутъ дать пищу уму человѣка на цѣлую жизнь, быть неисчерпаемымъ

предметомъ мыслительной дѣятельности для человѣка, достигаемаго высшихъ степеней нравственной и ученой жизни. Истины Откровенія равно могутъ быть доступны и юнымъ умамъ (Мѡ. XI, 25), и высоко развитымъ и ученымъ мужамъ, оставаясь въ то же время вѣчною тайною, всю глубину которой не могутъ объять даже Ангелы (1 Петр. I. 12).

Пусть содержаніе Откровенія не только превышаетъ разумъ человѣческой, но иногда находится въ противорѣчій съ естественнымъ разумомъ, представляется для однихъ соблазномъ, а для другихъ—безуміемъ (1 Кор. II, 23 св. Дн. XVII, 32), и это еще не можетъ служить опроверженіемъ Откровенія. Если бы наше естественное мышленіе было въ совершенно нормальномъ состояніи, въ такомъ случаѣ Откровеніе не должно бы было находиться въ противорѣчій съ нимъ. Но извращеніе нашей нравственной природы и вмѣстѣ съ тѣмъ мышленія, зараженіе послѣдняго гордостью и высокомеріемъ — фактъ, проверенный личнымъ сознаниемъ каждаго и исторіей человѣческой мысли. Поэтому Богъ и избираетъ провозвѣстниками Откровенія, по слову Апостола, «немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ» (1 Кор. 1, 27). Значитъ, противорѣчіе Откровенія естественному разуму есть новое доказательство его истинности. Если бы существовало такое Откровеніе, которое сводило бы все къ нашему собственному дѣлу и заслугѣ, то оно понравилось бы намъ, потому что давало бы пищу нашему высокомерію,—но именно потому оно и не было бы истиннымъ. Но такъ какъ Откровеніе сводитъ все къ снисхожденію и благодати Божіей, то оно и не нравится намъ, потому что смиряетъ насъ, — но именно по этому самому оно и есть истинное Откровеніе.— Но кромѣ высокомернаго разума человѣкъ обладаетъ сокровенною истиною въ своей нравственной природѣ. Это—внутреннее ощущеніе и увѣренность, что мы существуемъ для Бога и идемъ къ Богу; это — глубокое нравственное сознание, что мы—грѣшники и нуждаемся въ благодати и помилованіи. Съ этимъ смиреннымъ разумомъ согласно

Откровеніе. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Откровеніе не *выше и не противъ*, а для разума. И разумъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ способность и прямую склонность къ принятію Откровенія. Откровеніе необходимо предполагаетъ познающій духъ. Иначе оно было бы мертвымъ капиталомъ, тогда какъ его прямая цѣль—содѣйствовать развитію ума и воли. «Намъ дано разсудительное начало ума для познанія истины,—говоритъ св. Василій Великій. Самоистина же есть Богъ нашъ. Такимъ образомъ дѣло ума есть по преимуществу познавать Бога нашего». Вся задача при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить нашъ разумъ въ правильное отношеніе къ Откровенію, которое такимъ образомъ могло бы изливать свой свѣтъ въ него, и *желать*, чтобы оно свѣтило. Часто случается, что мы не видимъ или не слышимъ того, что между прочимъ находится у насъ предъ глазами, или дѣйствуетъ на наше ухо. Это потому, что мы не обращаемъ своего вниманія на эту вещь, не отдаемъ ей вполнѣ. Точно также мы не можемъ постигнуть Откровенія, если не предадимся ему вполнѣ. Эта преданность познанія есть любовь. Всякое познаніе есть погруженіе въ предметъ съ любовью, и безъ нея невозможна никакая наука. Тѣмъ болѣе это примѣнимо къ усвоенію Откровенія. Замѣчательно вѣрно сказалъ Паскаль: «человѣческія вещи нужно познавать, чтобы любить ихъ, а Божественныя нужно любить, чтобы познавать ихъ». Кто идетъ этимъ путемъ любви, тотъ узнаетъ, что Откровеніе имѣетъ полную сообразность съ разумомъ, что оно есть истина нашего разума и можетъ быть воспринято и усвоено имъ. Не напрасно многія истины Откровенія представляются намъ столь близкими и родными, что онѣ сверхъестественнымъ дѣйствіемъ какъ будто только вызваны въ область нашего сознанія изъ глубины нашего собственнаго духа.

2) Самое главное возраженіе раціоналистовъ направляется противъ такъ называемыхъ тайнъ Откровенія. Откровеніе, разсуждаютъ они, имѣетъ свою цѣлью про-

свѣтить человѣка, а тайны или непостижимыя для ума истины лишь погружаютъ человѣка во тьму. — Противъ этого возраженія необходимо имѣть въ виду, что тайны Откровенія заключаютъ въ себѣ двѣ стороны: одну—непостижимую, темную, а другую—доступную для ума, свѣтлую. Въ этомъ случаѣ тайны Откровенія ничѣмъ не отличаются отъ всякаго другого нашего знанія. Опытъ говорить, что во всякой наукѣ пытливый умъ человѣка, какъ только дѣлаетъ попытку проникнуть далѣе вѣншей стороны явленія, въ его внутреннюю сущность и причины, его производящія, вступаетъ въ область гадательнаго, вѣроятнаго и довольствуется предположеніями. Такъ возьмемъ, напр., познаніе психологическое, столь сродное по своему характеру познанію религіозному. Мы можемъ постигать душевныя явленія съ одной лишь стороны: опредѣлять взаимную связь этихъ явленій, распредѣлять ихъ по сходству и т. п. Но когда ставимъ вопросъ о внутренней основѣ и сущности этихъ явленій, то здѣсь уже начинается область темнаго. То же самое видимъ въ тайнахъ Откровенія. И онѣ не безусловно закрыты для человѣка, а, напротивъ, освѣщаютъ многое для него. Для примѣра остановимся на тайнѣ паденія человѣка и искупленія. Непостижимая сторона первой тайны заключается въ томъ, какъ въ лицѣ одного могли пасть всѣ люди. Свѣтлую сторону этой тайны составляетъ наиболѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла изъ свободы человѣка и о сущности его, какъ чисто нравственнаго дѣянія. А вѣдь извѣстно, что вопросъ о злѣ былъ всегда самымъ жгучимъ вопросомъ практической философіи. Непостижимая сторона тайны искупленія — страданія и смерть Сына Божія и усвоеніе плодовъ ихъ всѣми людьми. Но много и постижимаго въ этой тайнѣ. Постижимы сила и виновность грѣха, ничтожество и безсиліе человѣка спастись безъ помощи Божіей, постижима безконечная любовь Бога, постижимо и вождѣльное торжество добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою, правды надъ неправдою.—Какъ

видимъ, откровенныя тайны являются далеко не простыми загадками, нисколько невразумительными, совершенно недоступными для человѣка. Заключая въ себѣ глубокое значеніе, имѣя ближайшее отношеніе къ человѣческому духу, его задачамъ и стремленіямъ, тайны Божественнаго Откровенія, въ своей совокупности, даютъ законченное и всеобъемлющее міровоззрѣніе христіанское, подобнаго которому мы напрасно стали бы искать въ какой-либо иной религіи или философіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ историческіе примѣры людей пытливыхъ, мудрыхъ, тщетно старавшихся найти истину въ ученіяхъ человѣческихъ и обрѣтшихъ «свѣтъ и разумъ» (1 Іоан. V, 20) въ христіанствѣ. Таковы: Іустинъ мученикъ, Августинъ и др.

3) Вооружается раціонализмъ и противъ самаго способа усвоенія Откровенія посредствомъ вѣры, объявляя ее несовершеннымъ, низшимъ методомъ познанія въ сравненіи съ знаніемъ — Но и здѣсь раціонализмъ нарушаетъ, прежде всего, простую справедливость. Пусть вѣра есть дѣло по преимуществу чувства, воли, но справедливо ли придавать значеніе только даннымъ разума и пренебрегать данными сердца и воли? И всякое знаніе въ сущности молчаливо признаетъ все значеніе вѣры для науки. Это прекрасно раскрыто Климентомъ Александрійскимъ въ его «стромахъ». Онъ показалъ, что основоположенія всякаго знанія недоказуемы логически, и научное знаніе всегда опирается на началахъ, которыя не выводятся изъ какихъ-либо высшихъ началъ, но обыкновенно принимаются безъ доказательствъ — на вѣру, какъ несомнѣнныя и истинныя. Такъ и основныя истины Откровенія логически недоказуемы и потому принимаются на вѣру. Но логическая недоказуемость вѣры не является показателемъ ея необоснованности и бездоказательности. Содержаніе вѣры принимается за истину на основаніи самоочевидности его, непосредственнаго свидѣтельства сознанія, какъ и первыя начала всякой науки — аксіомы, идеи, принципы и т. п. Психологическій законъ достаточнаго основанія не нарушается ни

здѣсь, ни тамъ. Значить, вѣра религиозная не различается въ данномъ отношеніи отъ того, что называютъ знаніемъ, и, подобно ему, можетъ служить методологическимъ (познавательнымъ) началомъ. Мало того. Вѣра по своей идее есть не только непосредственное вѣдѣніе, свободное ощущеніе сердца, но и сознательное убѣжденіе въ истинахъ Откровенія. Это ясно изъ одного того, что и Священное Писаніе, и отцы церкви вѣру и невѣріе дѣлаютъ предметомъ вѣнненія челоуѣку. Отъ вѣры требуется, чтобы она представила оправданіе разумности и моральности (нравственной пригодности) своихъ воззрѣній. Но коль скоро вѣра есть свободно-сознательное принятіе Откровенія, то ясно, что она вовсе не заключаетъ въ себѣ элемента ирраціональнаго (неразумнаго), и Оригенъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: «какой смыслъ въ упрекѣ, дѣлаемомъ намъ Цельсомъ, будто мы говоримъ: не ходи къ намъ никто—ни ученый, ни мудрый, ни смышленный? Пусть приходитъ и ученый, и мудрый, и смышленный, если захочетъ». Вѣра для желающихъ и стремящихся къ тому можетъ всегда приближаться къ знанію по своей разумной сознательности. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ на Ап. Павла, который говорилъ о себѣ: «я знаю, въ Кого увѣровалъ, и убѣжденъ (*πέπεισμαι*) (2 Тим. 1, 12). Блаж. Августинъ также утверждаетъ, что всякій обязанъ стараться видѣть въ свѣтѣ разума то, что уже принялъ чрезъ вѣру. Процессъ религиознаго познанія идетъ отъ вѣры чрезъ разумѣніе (Ис. VII, 9) къ видѣнію (1 Кор. XIII, 12), по свидѣтельству самого же Откровенія. Правда, послѣднее состояніе усвоится будущей жизни, но нельзя, разумѣется, думать, чтобы настоящая жизнь не имѣла никакого отношенія и не приготовляла къ такому состоянію. И здѣсь разумъ можетъ доходить до такой степени совершенства, когда онъ можетъ граничить съ созерцаніемъ вѣчной истины. Въ твореніяхъ Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, Василія Великаго и другихъ отцовъ церкви мы видимъ, до какой высоты можетъ достигнуть разумъ въ

своемъ умозрѣніи о предметахъ вѣры. Здѣсь открылось единеніе вѣры и разума,—и открылось въ то время, когда и вѣра должна была защищать свои высочайшіе догматы, и разумъ, во что бы то ни стало, долженъ былъ достигнуть постиженія вѣры, побуждаемый къ тому ересями, подвергавшими предметы вѣры разумному изслѣдованію.

На основаніи изложенныхъ соображеній объ отношеніи вѣры къ разуму не слѣдуетъ ли скорѣе, въ интересахъ справедливости, считать вѣру и знаніе отличными, но не противоположными познавательными способами? Есть явленія и предметы, къ которымъ разумъ съ своими законами мышленія подойти не можетъ, а между тѣмъ сознаніе своего незнанія тяготитъ человѣка, нудитъ его проникнуть въ тайну и найти объясненіе интересующихъ его фактовъ и такимъ образомъ успокоиться. На помощь приходитъ вѣра и отвѣчаетъ запросу человѣка о разрѣшеніи тайны, опираясь на внутренней строй его духа, требованія разумно-нравственной природы его. Вѣра, такимъ образомъ, вовсе не является стѣсняющимъ тормазомъ для разума. Она не подавляетъ и не унижаетъ разумъ, а напротивъ, благопріятствуетъ его развитію и всячески помогаетъ ему на пути къ истинѣ, заключающейся въ Откровеніи, подобно тому какъ совѣсть въ сущности не стѣсняетъ человѣка, а лишь помогаетъ ему разбираться между добромъ и зломъ. Отсюда люди обычно отрицаютъ Откровеніе потому, что въ ихъ сердцахъ нѣтъ вѣры, а не потому, что они имѣютъ знаніе.

Исторія Откровенія.

Сверхъестественное Откровеніе явилось не сразу въ своемъ законченномъ видѣ, но раскрывалось постепенно. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что сущность Откровенія—идея домостроительства спасенія рода человѣческаго—тѣсно связывалась съ общей исторіей человечества и развитіемъ человѣческаго духа. А такъ какъ чело-

вѣчество постепенно созрѣвало и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніи, то и Откровеніе подчинялось этому всеобщему закону развитія. «Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить» (Іоан. XVI, 12), говорилъ Иисусъ Христосъ. Богъ всегда открывалъ человѣку столько, сколько человѣкъ могъ вмѣстить по своему умственному развитію и нравственному состоянію. Эта мысль весьма подробно раскрыта у отцовъ и учителей Церкви первыхъ вѣковъ. Такъ св. Иринеи говорить: «мать можетъ дать ребенку полную пищу, но дитя не можетъ принимать пищи, которую ѣлъ бы взрослый человѣкъ. Совершенно то же самое относится къ Богу и человѣку: Богъ могъ бы искони дать человѣку истину во всей полнотѣ, но человѣкъ былъ неспособенъ къ ея принятію, потому что былъ ребенкомъ», конечно, въ духовномъ смыслѣ. А Оригенъ указываетъ другое основаніе для исторической преемственности Откровенія. На возраженіе Цельса, что евангельская истина, если она дѣйствительно древняя и всеобщая, должна была явиться вдругъ послѣ грѣхопаденія, Оригенъ отвѣчалъ: «у Бога никогда не было недостатка въ хотѣніи спасти людей: во всѣ времена Онъ посылалъ Свою мудрость въ святыхъ души. Во всѣ вѣка Онъ сходилъ посредствомъ Своего слова для исправленія людей, но требовать внезапнаго Откровенія, внезапнаго просвѣщенія истиной тотчасъ послѣ появленія грѣха—это значить уничтожить свободу и отрицать сущность добродѣтели, которая можетъ быть только свободною. Исправленіе должно имѣть свои степени, а потому и Откровеніе—исторію».—Историческое начало Откровенія, записаннаго въ Библии, нужно относить ко времени изгнанія прародителей изъ рая, когда имъ дано было такъ называемое перво-евангеліе о Сѣмени жены—Мессіи. Сущность и основная мысль этого перво-евангелія оставалась всегда неизмѣнною, но съ теченіемъ времени она расширялась, съ вѣками возвышалась и углублялась въ сознаніи людей. Носителями Откровенія въ

собственномъ смыслѣ были патріархи еврейскаго народа, а затѣмъ, главнымъ образомъ, пророки, такъ что первый періодъ исторіи Откровенія—ветхозавѣтный—закрывается въ тѣсныхъ предѣлахъ еврейскаго народа. Но это не значитъ, чтобы Откровеніе дано было въ удѣлъ одному еврейскому народу. Не лишены были свѣта Откровенія и языческіе народы. Несмотря на тѣму языческихъ заблужденій, онъ свѣтилъ и среди нихъ, и «тьма не объяла его» (Іован. 1, 5). Путемъ и средствомъ къ тому были, прежде всего, остатки первобытнаго Откровенія, сохранившіеся въ различныхъ мифахъ и легендарныхъ сказаніяхъ язычниковъ о происхожденіи и первобытномъ состояніи чело-вѣка, о паденіи прародителей въ рай и, что всего важнѣе, о пришествіи Искупителя рода человѣческаго ¹⁾. Другимъ средствомъ—и болѣе надежнымъ—къ распространенію Откровенія среди язычниковъ служили прямыя сношенія язычниковъ съ избраннымъ народомъ Божиимъ, чему въ особенности способствовали пребываніе евреевъ въ Египтѣ, откуда вмѣстѣ съ евреями вышло «множество разноплеменныхъ людей» (Исх. XII, 38), плѣнъ Ассирійскій и Вавилонскій, разсѣяніе евреевъ со времени Александра Македонскаго, когда они дѣятельно занялись прозелитизмомъ, и переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта на греческій языкъ, сдѣланный слишкомъ за два столѣтія до

¹⁾ У Грековъ, напр., это ожиданіе нашло себѣ глубокомысленное выраженіе въ сказаніи о Прометѣѣ. Прикованный къ скалѣ для ежедневной муки, онъ высказываетъ ему только извѣстное пророчаніе, что нѣкогда господство Зевса будетъ прекращено Сыномъ Божиимъ, который будетъ могущественнѣе Зевса, и онъ самъ видѣлъ своего избавителя въ отдаленномъ будущемъ въ лицѣ Геркулеса; но не безъ искупительныхъ страданій состоится это избавленіе, какъ возвѣщаетъ ему Гермесъ. „Отъ такой бѣдственности не надѣйся на избавленіе раньше, чѣмъ не явится въ качествѣ искупителя твоей муки Богъ, готовый для тебя сойти въ неизслѣдимое царство ада, въ мрачную глубину тартара. Избавленіе совершится тогда, когда сынъ Хроноса, Хиронъ, справедливѣйшій и мудрѣйшій изъ центавровъ, отдастъ самого себя въ жертву, а Геркулесъ убьетъ орла у его груди и освободитъ его отъ мукъ“.

Рождества Христова.—И несомнѣнно, что истины Божественнаго Откровенія возвѣщались все бѣльшимъ и бѣльшимъ кругамъ человѣчества и воспринимались имъ. Такъ, съ несомнѣнностью мессіанскіе идеалы отразились въ такъ называемыхъ Сивиллиныхъ книгахъ и у греческихъ писателей, какъ въ знаменитой четвертой эклогѣ Виргилія. Нѣкоторые отцы Церкви допускали даже особенное озареніе отъ Логоса лучшихъ изъ язычниковъ, какъ Сократа, Платона, благодаря чему было возможно нѣкоторое предвосхищеніе ими христіанскихъ истинъ. Особенно яркое выраженіе эта мысль нашла себѣ у св. Іустина въ его ученіи о *Λογοςῶν σπερματικὸς*. Христосъ «есть Слово, Которому причастенъ весь родъ человѣчскій. Тѣ, которые жили согласно съ Словомъ, суть христіане, хотя бы считались за безбожниковъ: таковы между Еллинами Сократъ и Гераклитъ и имъ подобные» (Апологія 1, 46). Въ нихъ «была посѣяна часть Слова» (Апол. II, 8 ср. гл. 10). Ученіе Платоново «не совершенно различно отъ Христова», но и не «во всемъ съ нимъ сходно, равно какъ и ученіе другихъ, какъ то стойковъ, поѣтовъ и историковъ... Всѣ тѣ писатели посредствомъ врожденнаго Сѣмени Слова могли видѣть истину, но темно» (Апол. II, 13).

Въ полнотѣ и совершенствѣ Откровеніе было принесено на землю Самимъ Іисусомъ Христомъ (Евр. 1, 2). Ученіемъ Іисуса Христа и Его непосредственныхъ учениковъ закончилась исторія Откровенія на землѣ, и потому мнѣніе протестантствующихъ мистическихъ сектъ о продолжающемся до послѣдняго времени Откровенія чрезъ дѣйствіе Св. Духа должно быть признано совершенно неосновательнымъ. По яснымъ словамъ Іисуса Христа дѣятельность Духа Св. будетъ состоять въ напоминаніи и оживленіи слова и ученія Іисуса Христа (Іоан. XIV, 16), а вовсе не въ сообщеніи новыхъ Откровеній.

Ив. Николинъ.

ПИСЬМА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ.*)

Сестра о Господѣ и чадо духовное мать N!

Письмо твое отъ 28 февр. получилъ 7 марта и заразъ отвѣчаю тебѣ.

Пишешь, что я сержусь на тебя, что долго не отвѣчаю. Нисколько я на тебя не сержусь, а болѣзнь и крайній недосугъ не позволили мнѣ писать тебѣ. И теперь пишу кратцѣ по тѣмъ же причинамъ.

Поздравляю тебя съ облаченіемъ въ мантию и милости Божіей желаю. Спрашиваешь, принимать ли тебѣ сестеръ отъ пострига. Скажи имъ, что, если вы не боитесь скорби, то я не отказываюсь; но только впередъ говорю, что васъ будутъ другіе подозрѣвать въ наговорахъ мнѣ и будутъ ненавидѣть, вотъ вамъ и примѣръ, одну я взяла съ охотой, и теперь всѣ ее гонютъ.

Спрашиваешь еще, водяныя или духовыя устроить въ церкви печи. Водяныя неудобны и два раза нужно въ сутки топить; а лучше устроить духовыя новаго изобрѣтенія, но не Амосовскія, отъ которыхъ иконостасъ портится.

Благожелательно о Господѣ привѣтствую мать игуменію N.

Призывая на обѣихъ васъ и на обитель вашу миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ.

Многогр. *І. Амвросій.*

7 марта 1890 года.

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душеполезнаго Чтенія*. 1902 г.

Сестра о Господѣ и чадо духовное матушка казначея!

Держись болѣе средняго тона; такъ будетъ благонадежныѣе и вѣрныѣе. Письмо твое получилъ, въ которомъ описываешь борьбу твою съ помыслами тебя огорчающими. Ты болѣе всѣхъ трудишься, а другіе этого не хотятъ цѣнить, и первая мать игуменія, которая съ своей стороны мнѣ пишетъ, что готова всячески тебя успокоить и сочувствуетъ тебѣ въ твоей борьбѣ, но не имѣетъ возможности заставить другихъ, чтобы цѣнили твои труды и хлопоты по обители.

Предлагаю тебѣ два средства къ твоему успокоенію.

1) Мать N по болѣзни своей никакъ не согласилась бы принять настоятельство, а рѣшилась принять его лишь ради того, чтобы вывести тебя изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ ты находилась въ N монастырѣ, какъ сама ты все это мнѣ объясняла. Помни это и не забывай. Когда это будешь помнить, то менѣе будешь претендовать на игуменію, когда она по должности своей и обязанности подаетъ свой голосъ, такъ какъ и невозможно всегда молчать игуменію. А матери казначеи слѣдуетъ иногда при другихъ и примолчать до времени, когда дѣлаются м. игуменію о чемъ-нибудь вопросы, хотя бы послѣ эти дѣла пришлось заканчивать матери казначеи.

Такъ требуетъ порядокъ духовный. Наединѣ м. игуменію все можно говорить, а при другихъ съ осторожностію нужно заявлять свое вѣдѣніе и значеніе, чтобы не соблазнять постороннихъ, которые могутъ говорить, что казначея беретъ верхъ надъ игуменію. Есть мудрая пословица: «тише ѣдешь, дальше будешь».

2) Примѣръ Бисмарка долженъ тебя успокоить въ твоей борьбѣ. Бисмаркъ былъ только канцлеръ, но значеніе имѣлъ болѣе нежели Императоръ, не только въ Пруссіи, но и во всей Европѣ, и пока держалъ себя въ предѣлахъ умѣренности, до тѣхъ поръ и продолжалось это значеніе,

а какъ Бисмаркъ началъ заявлять неумѣренныя претензіи, то значеніе это потеряло свою силу. Ежели человекъ самъ не цѣнитъ своихъ трудовъ, тогда оцѣниваетъ ихъ не только Богъ, но и люди; въ противномъ случаѣ противное и бываетъ. Лучше всегда и во всемъ трудиться Бога ради, и ради славы Божіей, а не ради славы своей. Слава земная маловременна и скоропреходяща, а слава отъ Бога вѣчна и безконечна. Послѣдняго и должны мы держаться, чтобы не потрудиться вотще и бесполезно.

Передай отъ меня благожелательное привѣтствіе матушкѣ игуменіи N.

Желаю обвѣимъ вамъ взаимнаго мира и взаимной любви, и да не попуститъ всеблагій Господь бесполезно смущать васъ ненавистнику мира и всякаго добра. Всю обитель вашу да хранитъ Господь отъ подобнаго смущенія.

Многогр. *І. Амвросій.*

7 января 1891 г.

Сообщилъ Начальникъ Оптинскаго Скита
Иеромонахъ о. Юсифъ.

КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.*

О седьмой заповѣди.

Седьмая заповѣдь закона Божія читается, братіе, такъ: *Не прелюбы сотвори*. Этою заповѣдію запрещается грѣхъ любодѣянія, иначе сказать, незаконная, преступная плотская любовь между мужчиною и женщиною. Грѣхъ этотъ можетъ выражаться въ различныхъ видахъ и всѣ эти виды грѣха тяжки предъ Богомъ и настолько преступны для человѣка, что св. апостоль Павелъ совѣтуетъ и не говоритъ христіанамъ о сихъ мерзостяхъ (Ефес. 5, 3). И только по необходимости, для предохраненія отъ сихъ грѣховъ, должно, братіе, наименовать нѣкоторые изъ нихъ. Таковы суть грѣхи: 1) *блудъ*, или беспорядочная плотская любовь между людьми, не находящимися въ супружествѣ. Св. апостоль Павелъ убѣждаетъ каждаго предохранять себя отъ этого грѣха, когда говоритъ: *блудницы царствія Божія не наслаждаются* (6, 9—10). 2) Второй тяжкій грѣхъ—это *прелюбодѣяніе*, когда находящіеся въ супружествѣ незаконно обращаютъ супружескую любовь къ постороннимъ и тѣмъ нарушаютъ супружескую вѣрность. Насколько тяжекъ этотъ грѣхъ видно изъ того, что въ ветхомъ заветѣ законъ повелѣвалъ такихъ грѣшниковъ побивать каменьями (Втор. 22, 22). Ветхозавѣтный богодухновенный мудрецъ гово-

*) Продолженіе. См. апрѣльск. кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

рить объ этомъ грѣхѣ: *прелюбодній за скудость ума поимбелъ души своей содѣваетъ, болъзни же и безчестіе понесетъ: поношеніе же его не заладится во вѣкъ* (Притч. 6, 32—33). А въ новомъ завѣтѣ св. Апостолъ учитъ: *прелюбоднїи царствїя Божїя не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9—10). Третій тяжкій грѣхъ противъ седьмой заповѣди есть *кровосмѣшеніе*, когда союзомъ подобнымъ супружескому соединяются ближніе родственники. Въ ветхомъ завѣтѣ таковыя грѣшники, по ученію пророка Моисея, подпадали проклятію (Втор. 27, 20—23), а въ новомъ завѣтѣ строго осудилъ этотъ грѣхъ св. апостолъ Павелъ, когда повелѣлъ вѣрующимъ изгнать изъ своей среды кровосмѣсника и предать его сатанѣ въ изможденіе плоти (1 Кор. 5, 5. 13).

Кромѣ упомянутыхъ грѣховъ къ грѣхамъ противъ седьмой заповѣди относятся также, братіе, *тонкое, внутреннее прелюбоднійство*, т. е. когда человѣкъ остается чистымъ по тѣлу своему, но погрѣшаетъ въ сердцѣ своемъ. Такъ именно училъ понимать седьмую заповѣдь Самъ Господь Іисусъ Христосъ, когда объяснялъ ее. *Слышасте, говорилъ Онъ, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любоднійствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѣ. 5, 27—28). Господь этими словами научаетъ насъ именно тому, что человѣкъ можетъ погрѣшать противъ седьмой заповѣди не только тѣломъ, но и сердцемъ своимъ, и это есть тоже тяжелый грѣхъ, потому что, какъ говорить св. Іоаннъ Златоустъ, «Іисусъ Христосъ пришелъ избавить отъ злыхъ дѣлъ не только тѣло, но еще болѣе душу», и только тотъ можетъ войти въ общеніе съ Богомъ, кто имѣетъ чистое сердце. Но можетъ быть кто нибудь скажетъ: великій ли грѣхъ, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сдѣлаю? На это отвѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ: «*чрезъ сіе то ты и равняешься съ любодѣями. Такъ опредѣлилъ законодатель, и ты не долженъ болѣе любопытствовать. Когда однажды, дважды или трижды посмотришь такъ, какъ говоришь,*

то, быть можетъ, еще въ состояніи будешь преодолѣть страсть; но если непрестанно будешь дѣлать сіе и вожжешь пламень, то непременно будешь побѣжденъ. Ибо ты не выше природы человѣческой. Увидѣвъ дитя, держащее мечъ хотя безвредно для себя, наказываемъ его за сіе и запрещаемъ впредь прикасаться къ оному: такъ и Богъ запрещаетъ страстное воззрѣніе еще прежде дѣйствительнаго преступленія, дабы намъ когда - либо не впасть въ самое преступленіе. Ибо кто однажды возжегъ въ себѣ страстное пламя, тотъ и въ отсутствіи видѣнной имъ женщины безпрестанно строить въ воображеніи образы постыдныхъ дѣлъ, и сими образами нерѣдко увлекается къ самому дѣйствию. Посему Иисусъ Христосъ запрещаетъ и любодѣйное движеніе сердца» (Бес. на Матѣ. 17).

Изъ сказаннаго вы сами можете видѣть, братіе, какъ тяжки и отвѣтственны предъ Богомъ грѣхи противъ седьмой заповѣди, но чтобы еще яснѣе видѣть вамъ тяжесть этихъ грѣховъ, обратимъ вниманіе на значеніе тѣла человѣка, по ученію божественному, и на то, какъ вредны и губельны эти грѣхи для человѣка. Св. апостоль Павелъ учитъ: *сія есть воля Божія, святость ваша, хранить себе самѣхъ отъ блуда: и вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святости и чести, а не въ страсти похотнѣй, якоже и языцы невѣдѣющіи Бога: зане мстителъ есть Господь о всѣхъ сихъ, якоже и прежде рекохомъ вамъ, и засвидѣтельствовахомъ; не призва бо насъ Богъ на нечистоту, но во святость* (1 Сол. 4, 3—7). Здѣсь св. Апостоль подъ словомъ *сосудъ* разумѣетъ тѣло человѣка, которое и указываетъ соблюдать въ святости и чести. Такъ, конечно, и долженъ поступать истинный христіанинъ. Тѣло наше есть важная часть нашего существа: оно получило бытіе вмѣстѣ съ душою отъ Бога Творца, освящено св. таинствами, по воскресеніи вмѣстѣ съ душою получить возданіе отъ Бога. Посему слово Божіе и побуждаетъ насъ хранить тѣла наши въ чистотѣ, служить Богу нашимъ тѣломъ. «Умоляю васъ, братіе», пишетъ св. ап. Павелъ,

«милосердіемъ Божиимъ представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумнаго служенія вашего (Рим. 12, 1), и не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности (6, 13); прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи (1 Кор. 6, 20), и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа Нашего Іисуса Христа» (1 Сол. 5, 23). Кромѣ этого, братіе, слово Божіе указываетъ намъ на достоинство нашего тѣла въ другомъ отношеніи, оно именно представляетъ его членомъ тѣла Іисуса Христа и храмомъ Духа Святаго. «Развѣ вы не знаете», писалъ коринѣскимъ христіанамъ св. апостолъ Павелъ, «что тѣла ваши суть члены Христовы? Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою цѣною» (1 Кор. 6, 15. 19—20). Посему тяжко согрѣшаетъ блудникъ предъ Богомъ своими грѣхами. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: что за оскорбленіе Христу Богу, если человѣкъ оскверняетъ тѣло свое грѣхами блудными? На это отвѣтимъ вамъ, братіе, словами Св. Димитрія Ростовскаго: «поистинѣ— великое оскорбленіе! Тѣло всякаго христіанина не принадлежитъ ему: оно Христово, какъ сказано: *вы есте тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. 12, 27), и еще: *нѣсте свои, куплены бо есте цѣною* (6, 20), цѣною крови Христовой, не тлѣннымъ серебромъ или златомъ искуплены вы, но *честною кровію яко Лица непорочна и пречиста Христа*. Посему, христіанинъ, глава, которою ты мечтаешь о плотскихъ блудныхъ дѣлахъ,—не твоя, Христова, и не подобаешь тебѣ Христовою главою мечтать о скверныхъ нечистыхъ дѣлахъ! Ноги, коими ты идешь на беззаконіе, не твои, а Христовы, и не подобаешь тебѣ Христовыми ногами идти на грѣшное дѣло! Руки, которыми ты сквернодѣйствуешь, не твои, а Христовы, и не подо-

баеть тебѣ Христовыми руками творить нечистыя дѣла! Все тѣло твое, которое ты оскверняешь блуднымъ грѣхомъ,—не твое, а Христово, и не подобаеть тебѣ Христово тѣло осквернять плотскими скверными грѣхами,—кромѣ законнаго супружества, ибо ты домъ Христовъ, по Апостолу: *храмъ Божій святъ, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17, Соч. т. 2, стр. 246—247).—Наконецъ, братіе, слово Божіе указываетъ и еще одно побужденіе избѣгать блуда и жить цѣломудренно, а именно св. Апостоль Павель учитъ: *бѣгайте блудодѣянія. Всякъ бо грѣхъ, еможе аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудяи во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18). Это значить то, что другіе грѣхи причиняють человеку зло внѣ его тѣла, а блудникъ вредить собственному тѣлу. И дѣйствительно, братіе, любострастный, нецѣломудренный человекъ повреждаетъ свои душевныя способности, у него слабѣеть память и помрачается разсудокъ. Послѣдствіемъ грѣховъ его являются, какъ учить преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, «безпечность, безчувствіе, неразумительность и слѣпота. Сказанное теперь очень ясно знаютъ тѣ, которые уцѣломудрились отъ блуда, сократили свою вольность въ рѣчахъ, и изъ безстыдства пришли въ чувство, знаютъ, какъ по отрезвленіи ума, по окончаніи его слѣпотствованія, или, лучше сказать, искаженія, стыдятся они внутренно самихъ себя за то, что прежде говорили и дѣлали, живя въ ослѣпленіи» (сл. 26, 8—9). Въ тоже время любострастный и нецѣломудренный человекъ теряетъ и здоровье тѣла, бодрость, свѣжесть лица, ясность очей, стройность голоса, сокращаетъ лѣта своей жизни и преждевременно старѣется и умираеть, особенно, если случится болѣзнь, которая по словамъ Св. Димитрія Ростовскаго, «какъ червь неусыпающій снѣдаетъ тѣло, острупляетъ отъ ногъ до головы, смрадъ золь испускаеть, и всѣмъ мерзка творить человека, и бѣгаютъ того, яко лютейшаго вреда» (Соч. т. 2, стр. 106). Мало того, его грѣхи отзываются и на его потомствѣ, и дѣтямъ такого грѣшника приходится страдать

за грѣхи его родителей. Такъ, братіе, тяжки грѣхи любодѣянія предъ Богомъ. Посему и слово Божіе очень строго осуждаетъ эти грѣхи. Тѣла наши суть храмы живущаго въ насъ Духа Божія, а *еще кто Божій храмъ растлитъ*, говоритъ св. Апостоль Павелъ, *растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17). Тотъ же Апостоль не разъ указываетъ, что блудники и прелюбодѣи царствія Божія не наследятъ (1 Кор. 6, 9—10; Гал. 5, 19—21), а св. Апостоль Іоаннъ Богословъ говоритъ, что такимъ грѣшникамъ предстоитъ *часть въ езеръ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая* (Апок. 21, 8). Слово Божіе указываетъ намъ и примѣры того, какъ Господь строго наказывалъ за подобные грѣхи; такъ напр. распутно жили люди предъ потопомъ, и за свои грѣхи истреблены были водами потопа; предавались распутству жители Содома и Гоморры и были истреблены, и мн. др.

Если, братіе, такъ тяжки грѣхи любодѣянія, то мы должны особенно стараться беречь себя отъ этихъ грѣховъ, и не только отъ ви́шняго, тѣлеснаго, но и отъ тонкаго, внутренняго, любодѣянія ибо, какъ мы говорили, отъ него рождаются грѣхи и ви́шняго тѣлеснаго любодѣянія. А чтобы намъ не впасть въ тонкое внутреннее любодѣяніе, для этого, братіе, должно убѣгать всего, что можетъ возбудить въ сердцѣ нечистыя чувствованія, какъ то: сладострастныхъ пѣсень, плясокъ, сквернословія, нескромныхъ игръ и шутокъ, нескромныхъ зрѣлищъ, чтенія книгъ, въ которыхъ описывается нечистая любовь; должно стараться, по Евангелію, и не смотрѣть на то, что соблазняетъ. *Аще око твое десное соблазняетъ тя*, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, *изми е, и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удѣ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную* (Матѣ. 5, 29). Такимъ образомъ, по слову Спасителя, человѣку нужно вырвать глазъ свой, если онъ соблазняетъ его, т. е. конечно, нужно вырвать его не рубою, а волею: кто твердо рѣшился и не смотрѣть на то, что соблазняетъ, тотъ уже

вырвалъ у себя соблазняющій глазъ. Также нужно поступать, братіе, и со слухомъ и съ другими чувствами. Если же кто не хранить своихъ чувствъ, тотъ легко побѣждается соблазнами. Посему каждый долженъ всегда смотрѣть за собою и бодрствовать надъ самимъ собою. Напомню вамъ, братіе, совѣтъ, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ, совѣтъ, данный однимъ подвижникомъ: «когда горшокъ снизу подогрѣвается огнемъ, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не можетъ прикоснуться къ нему; когда же простываетъ, тогда онѣ садятся на него. Тоже бываетъ и съ монахомъ: доколѣ онъ пребываетъ въ духовномъ дѣланіи, врагъ не можетъ поразить его» (Дост. сказ. 212 стр.)—Затѣмъ, братіе, чтобы избѣгать грѣховъ противъ седьмой заповѣди, нужно имѣть самоотверженіе, бороться съ собою, обуздывать свое тѣло. *Аще кто хочетъ по Мнѣ ити, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ* (Матѣ. 16, 24). Это значить, всякій, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ, долженъ отречься отъ себя, т. е. отъ своихъ страстей, отъ своихъ грѣховныхъ привычекъ. Мы уже говорили съ вами, братіе, при объясненіи первой заповѣди закона Божія, что исполненіе нашихъ обязанностей къ Богу требуетъ отъ насъ, по слову Божію, труда, усилій, скорбей, лишеній и т. п. Господь училъ входить въ царство небесное *узкими вратами и тѣснымъ путемъ* (Матѣ. 7, 13—14); Онъ говорилъ, что *царствіе небесное нудится* (т. е. силою берется) *и нуждницы* (т. е. употребляющіе усиліе) *восхищаютъ е* (11, 12). Подобно Ему и Апостолы учили со страхомъ и трепетомъ совершать спасеніе (Филипп. 2, 12), распинать плоть свою со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Точно также и св. подвижники вѣры и благочестія учили, что для достиженія спасенія необходимы труды, лишенія и самоотверженіе,—учили не только на словахъ, но и своимъ примѣромъ. Объ этомъ, братіе, нужно всегда твердо помнить каждому, кто хочетъ исполнить волю, помнить,

что безъ труда и усилій ничего нельзя достигнуть. О прѣ-
 Іоаннѣ Многострадальномъ разсказывается, что онъ раз-
 жигаемый блудною похотью, чтобы побороть эту страсть,
 морилъ себя голодомъ, жаждою, носилъ тяжелыя вериги и
 наконецъ зарылъ себя по самую грудь въ землю. Въ та-
 комъ положеніи онъ испытывалъ страшныя муки, но Гос-
 подь избавилъ его наконецъ отъ блудной похоти (Чет.
 Мин. Іюля 18). Разсказывается также объ одномъ пустын-
 никѣ, что къ нему однажды къ вечеру, по навожденію
 діавола и злыхъ людей, пришла распутная женщина, что-
 бы прельстить его, но пустынный, отражая козни лука-
 ваго, держалъ пальцы своей руки надъ зажженнымъ свѣ-
 тильникомъ до утра и чувствомъ боли и представленіемъ
 огня геенскаго заглушилъ въ себѣ страсти и даже блуд-
 ницу обратилъ на путь спасенія (Патер. гл. 5). Въ част-
 ности, братіе, для борьбы съ самимъ собою нужно избѣ-
 гать и пресыщенія и пьянства, а также и праздности.
 «Кто при чревоугодіи и пресыщеніи», говоритъ преп. Іо-
 аннѣ Львѣвичникѣ, «хочетъ преодолѣть блуднаго демона,
 тотъ подобенъ человѣку, который тушитъ пожаръ ма-
 сломъ» (сл. 15). Точно также и *праздность*, какъ мы уже
 въ свое время говорили съ вами, братіе, со словъ древ-
 няго благочестиваго мудреца, *учитъ насъ многому худому*
 (Сир. 33, 28), или, какъ говорили другіе мудрецы, лѣ-
 ность есть мать пороковъ. Кто бываетъ часто безъ дѣла,
 тотъ скорѣе подвергается разнымъ искушеніямъ, а кто
 трудится и постоянно за дѣломъ, тотъ лучше можетъ бо-
 роться съ грѣхами. Для той же цѣли борьбы съ грѣхами
 противъ седьмой заповѣди нужно избѣгать худыхъ людей.
 Св. апостолъ Павелъ учитъ: *тлѣтъ обычаи блани бестыды*
злы (1 Кор. 15, 33). И дѣйствительно, братіе, худой, раз-
 вращенный человѣкъ можетъ, конечно, соблазнить ко грѣху
 другого, не окрѣпшаго еще въ добрыхъ навыкахъ; посему
 то и нужно всегда избѣгать худого товарищества. *Сыне,*
 говоритъ древній благочестивый мудрецъ, *да не прельстятъ*
тебе мужіе нечестивіи. Не иди въ путь съ ними: уклони

же ногу твою отъ стезь ихъ (Притч. 1, 10. 15). Также нужно избѣгать и чтенія соблазнительныхъ книгъ, потому что читать такія книги значить то же, что и говорить съ развращеннымъ человѣкомъ. Наоборотъ, братіе, для поддержанія въ себѣ духа цѣломудрія нужно больше читать или слушать о жизни святыхъ угодниковъ Божіихъ. Они оставили намъ уроки и примѣры того, какъ нужно бороться съ соблазнами и искушеніями. Часто размышляя о жизни и подвигахъ ихъ, мы этимъ самымъ какъ бы входимъ въ общеніе съ ними и располагаемся подражать имъ.—Наконецъ, братіе, для той же цѣли борьбы со грѣхомъ любодѣнія мы чаще должны обращаться къ Господу Спасителю съ молитвою о помощи. Однажды апостолы, услыжавъ о томъ, что богатому трудно войти въ царство небесное, сказали: *кто можетъ спасенъ быти?* Господь отвѣтилъ имъ: *невозможная у человека, возможна суть у Бога* (Лук. 18, 27). Посему къ Богу мы и должны обращаться за помощію въ надеждѣ, что Онъ подастъ намъ просимое, какъ и говорилъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ: *Его же аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоанн. 15, 16). Вотъ почему и св. Апостоль, въ надеждѣ на помощь свыше, съ увѣренностію сказалъ о себѣ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусъ Христѣ* (Фил. 4, 13).—Вотъ, братіе, тѣ средства, которыми мы должны бороться съ грѣхами любодѣнія. Но эти средства указываютъ намъ и св. отцы и подвижники. Изъ многихъ уроковъ и наставленій, приведемъ для васъ, братіе, наставленіе св. Іоанна Златоустаго и св. Тихона Задонскаго. «Пещь не разгорится», говоритъ первый св. Отець, «если не подложишь огня, — не разгорится и похоть, если не дать ей пищи: не станешь засматриваться на благообразныя лица, не станешь ходить на зрѣлища, — не будешь утучнять плоти пресыщеніемъ, не станешь потоплять ума въ винѣ.—И этого достаточно скажешь? Нѣтъ, этого одного недостаточно, а нужно присовокупить и нѣчто другое: непрестанныя молитвы, общеніе со святыми, сообраз-

ный постъ, постоянное воздержаніе, нудную непраздность,—и прежде всего страхъ Божій, памятованіе о будущемъ судѣ, о нестерпимыхъ мукахъ и обѣтованныхъ благахъ. Соблюдая все сіе, ты можешь обуздать свирѣпѣющую похоть» (Святоот. наст. 89 стр.). Другой святи- тель Тихонъ Задонскій учить: «чистоту и цѣломудріе весьма береги; къ чему средства сіи вѣдай: мало ѣшь и пей, но постъ люби: Никогда не будь празденъ, но всегда дѣлай что-нибудь. Помни всегда, что предъ Богомъ ходишь, и Онъ на тебя вездѣ смотреть и назираетъ твои дѣла, слова и мысли. Какъ мысль худая приходитъ, отгоняй отъ себя и молись: Господи Іисусе Христе! помози мнѣ грѣшному. Безъ молитвы и помощи Божіей цѣломудрія и прочихъ добродѣтелей имѣть не можемъ. Глазъ отъ смотрѣнія на красныя лица и уши отъ нескромныхъ и скверныхъ словъ береги. Въ церкви стоя, не смотри по сторонамъ, но въ землю смотри, и къ алтарю святому, а умъ къ Богу возводи» (Душ. чт. 1897 г. Янв. 188 стр.).

Итакъ, братіе, будемъ памятовать, что мы христіане и что тѣла наши—храмъ живущаго въ насъ Духа Божія, а *еще кто Божій храмъ растлитъ*, говоритъ св. апостолъ Павелъ, *растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17). Будемъ стараться и въ мысляхъ и на дѣлѣ сохранять цѣломудріе,—это есть высшее достоинство человѣка, какъ существа разумно-свободнаго. Животное живетъ по влеченію страстей, да и то, по природѣ, наблюдаетъ мѣру и время въ удовлетвореніи ихъ, а человѣкъ долженъ быть выше животнаго. «Блудъ и всякая нечистота», по слову Апостола, «не должны даже именоваться у васъ, какъ прилично святымъ» (Ефес. 5, 3). Посему будемъ, братіе, всѣми силами и средствами *оберегитися отъ плотскихъ похотей, яже воютъ на душу* (1 Петр. 2, 11), не предаваясь сладострастію и распутству (Рим. 13, 13). Особенно, братіе, берегите дѣтей своихъ съ малыхъ лѣтъ, словомъ и примѣромъ приучайте ихъ къ цѣломудрію въ словахъ и дѣлахъ, удаляйте ихъ отъ соблазновъ и искушеній, отъ

общенія съ дурными людьми, старайтесь сблизить ихъ съ хорошими, цѣломудренными людьми, и главнымъ образомъ приучайте ихъ къ Богу и внушайте имъ страхъ Божій. Аминь.

О седьмой заповѣди.

Въ прошедшей бесѣдѣ мы говорили съ вами, братіе, о томъ, что седьмою заповѣдію закона Божія запрещается грѣхъ любодѣянія. Запрещая этотъ грѣхъ, та же заповѣдь тѣмъ самымъ предписываетъ сохранять *супружескую любовь и вѣрность*, а для тѣхъ, которые могутъ вмѣстить, совершенную *чистоту и цѣломудріе*.

При объясненіи таинства брака мы говорили уже съ вами, братіе, о томъ, что безбрачіе, сохраненіе дѣвства почитается выше супружества. Самъ Господь Іисусъ Христосъ Своимъ примѣромъ къ ученіемъ (Матѣ. 19, 11—12) указалъ на него, какъ на совершеннѣйшій образъ жизни. И слово Божіе обѣщаетъ дѣвственникамъ особую награду на небѣ (Апок. 14, 3—5). Но только то дѣвство почитается выше супружества, которое сохраняется въ чистотѣ. Если же оно не хранится въ чистотѣ, то не можетъ быть угоднымъ Богу, и строго порицается въ словѣ Божіемъ. Блудники царства Божія не наследуютъ, по слову Апостола (1 Кор. 6, 9. 18). Посему, братіе, тѣ, которые не могутъ вмѣстить ученія о безбрачїи и сохранить его въ чистотѣ, должны вступать въ благословенное Богомъ супружество. Благословенное Богомъ супружество, хотя и ниже безбрачїа, сохраненія дѣвства, имѣетъ однако свое великое достоинство, ибо оно установлено было Самимъ Господомъ Богомъ еще въ раю при самомъ сотвореніи первыхъ людей для распространенія рода человѣческаго. Въ новомъ завѣтѣ божественное установленіе брачнаго союза было

подтверждено Господомъ Исусомъ Христомъ и поставлено въ ряду таинствъ, какъ мы уже бесѣдовали объ этомъ, братіе, при объясненіи таинства брака. Установленный Богомъ для распространенія рода человѣческаго, брачный союзъ послѣ грѣхопаденія людей служить, по ученію слова Божія, средствомъ къ приведенію въ порядокъ естественныхъ влеченій одного пола къ другому, къ избѣжанію блуда (1 Кор. 7, 2. 9), къ облегченію трудовъ и скорбей (Быт. 2, 18), къ христіанскому воспитанію дѣтей, и основою государства чрезъ воспитаніе полезныхъ членовъ общества. Отсюда открывается высокое достоинство брачнаго союза. Вотъ почему св. Апостоль Павелъ тѣхъ, которые унижаютъ достоинство брака и возбраняютъ вступать въ бракъ, называетъ лжецами, сожженными въ своей совѣсти, духами обольстителями, а ученіе ихъ бѣсовскимъ (1 Тим. 4, 1—3). Вотъ почему и св. Отцы и подвижники, сохраняя строгое дѣвство, почитали брачный союзъ и добродѣтели семейственныя боголюбезными. О преп. Макаріи разсказывается, что онъ однажды во время молитвы услышалъ гласъ: «Макарій ты по сіе время еще не уподобился двумъ женщинамъ, которыя живутъ въ близлежащемъ городѣ». Старецъ взялъ жезлъ и пошелъ въ городъ; отыскивая домъ, постучался въ двери, и немедленно вышла женщина, съ великою радостію приняла праведника и ввела въ комнаты, гдѣ встрѣтила его другая женщина. Тогда святой старецъ сказалъ имъ: «единственно для васъ я принялъ на себя великій трудъ; я пришелъ изъ дальней пустыни, чтобъ узнать дѣла ваши; не таясь, откройтесь предо мною». — «Человѣкъ Божій, отвѣчали на это съ дѣвическою стыдливостію женщины, можно ли чего нибудь богоугоднаго требовать отъ тѣхъ, которыя безпрестанно заняты домашними попеченіями и должны исполнять обязанности супружества». — Но святой Макарій настоялъ, чтобы объявили ему, какъ онѣ провождаютъ жизнь свою. Тогда добродѣтельныя хозяйки смиренно сказали ему: «мы двѣ свои, супруги родныхъ братьевъ; пятнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ и въ

это время ни одного досаднаго слова другъ отъ друга не слышали, не имѣемъ дѣтей; а если Господь дастъ ихъ, то первое наше попеченіе будетъ молить Его, чтобы помогъ намъ воспитать ихъ въ вѣрѣ и благочестіи; съ рабами поступаемъ ласково. Неоднократно совѣтовались между собою вступить въ ликъ святыхъ дѣвъ; но не могли испросить на то позволенія у супруговъ. Чувствуя ихъ къ намъ любовь, мы рѣшились остаться съ ними и служить имъ утѣшеніемъ. А чтобы жизнь наша хотя нѣсколько походила на жизнь святыхъ пустынницъ, мы положили на сердцѣ своемъ, убѣгать шумныхъ бесѣдъ, чаще быть дома и заниматься хозяйствомъ». Выслушавъ это, святой Макарій сказалъ: «поистинѣ Богъ не смотритъ, дѣва ли кто, или супруга, инокъ или мірянинъ, но ищетъ только сердечнаго произволенія на добрыя дѣла: сіе произволеніе Господь пріемлетъ, и взирая на оное, всякому ниспосылаетъ Святаго Духа, дѣйствующаго и управляющаго житіемъ cadaго, желающаго спастися» (Учил. благочестія. I т. 218 стр.). Такъ строгій дѣвственникъ говоритъ по поводу брачнаго союза! Такое отношеніе строгаго дѣвственника къ брачному союзу вполне, братіе, естественно и понятно: безбрачіе и дѣвство съ одной стороны и брачный союзъ съ другой — имѣютъ въ христіанскомъ обществѣ можно сказать, тѣсное взаимное отношеніе. Истинное дѣвство и безбрачіе имѣютъ высокое положеніе, получаютъ, такъ сказать, цѣну только въ томъ обществѣ, гдѣ есть отрицаніе божественнаго установленія брака, гдѣ люди по особымъ духовнымъ побужденіямъ, оставляютъ то, что они сами считаютъ достойнымъ почитанія и законнымъ, т. е. брачный союзъ. Здѣсь на нихъ такъ и смотрятъ, какъ на подвижъ, который требуетъ отъ человѣка усилія и извѣстнаго нравственнаго совершенства. Тамъ же, гдѣ унижается или отвергается брачный союзъ, какъ божественное установленіе, гдѣ на словахъ проповѣдуется безбрачіе и дѣвство, на дѣлѣ царитъ самый гнусный развратъ.

Такимъ образомъ, братіе, высоко почитается дѣвство, и

велика награда предстоить тѣмъ, которые въ чистотѣ сохраняютъ его, но и брачный союзъ имѣеть свое достоинство въ христіанскомъ обществѣ. Онъ имѣеть божественное установленіе, и высокое достоинство его видно изъ того, что онъ служитъ образомъ таинственнаго союза Господа Иисуса Христа съ Церковію (Ефес. 5 гл.). Вотъ почему св. Апостоль Павелъ называетъ христіанское семейство домашнею церковію (1 Кор. 14, 19). Если, братіе, брачный союзъ имѣеть такое важное достоинство, то и супруги должны соблюдать его свято и строго исполнять тѣ обязанности, которыя налагаются на нихъ брачнымъ союзомъ. Обязанности эти частію—общія для обоихъ супруговъ, а частію особенныя—однѣ мужа, а другія жены. Прежде всего супруги должны помнить, что брачный союзъ имѣеть особую важность, потому что ему ввѣрено Богомъ продолженіе бытія рода человѣческаго. Посему они должны чаять дѣтей, какъ великаго дара Божія, и *молиться* о семъ благословеніи. Бездѣтные супруги дѣйствительно суть нѣчто обремененное, хотя иногда это бываетъ и по особеннымъ намѣреніямъ Божиимъ. Молясь же, они должны и *себя готовить* къ тому, чтобы быть добрыми родителями добрыхъ чадъ; для сего хранить *цѣломудріе супружеское*, т. е. трезвенную отчужденность отъ сладострастія; хранить *здоровье*, ибо оно неминуемое есть наследство дѣтей; больное дитя что за радость? Хранить *благочестіе*, ибо, какъ бы ни происходили души, а онѣ въ живой зависимости отъ сердца родительскаго, и характеръ родителей иногда очень рѣзко отпечатлѣвается на дѣтяхъ. Любимое чадо, когда Богъ его дастъ, надобно будетъ воспитать, а для того имѣть достатокъ; пусть же заботятся о немъ заранѣе не на настоящее только, но и на будущее (Еп. Теофанъ, Письма о хр. жизни, приб. 341 стр.). Затѣмъ, братіе, высокое достоинство брака налагаетъ на супруговъ обязанность хранить взаимную *супружескую любовь*, любовь не плотскую только, но и духовную, которая основывается на любви къ Богу и Его заповѣдямъ. Объ этой

именно любви учить Ап. Павелъ, когда говорить: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христось возлюбилъ Церковь, и Себе предаде за ню* (Ефес. 5, 25). Только такая любовь и даетъ прочность брачному союзу. Плотская любовь со временемъ ослабѣваетъ, но никогда не ослабнетъ духовная любовь между супругами, если она основана на любви къ Богу и Его заповѣдямъ. Конечно, братіе, люди—не ангелы, у каждаго есть какіе нибудь недостатки. Естественно поэтому, что между мужемъ и женою, какъ бы они ни любили другъ друга, встрѣчаются взаимныя неудовольствія и непріятности. Но мужъ и жена, если только помнить Бога, стараются овазывать взаимное снисхожденіе къ недостаткамъ и терпѣливо переносить взаимныя неудовольствія. Въ виду того, что въ наше время особенно часто слышатся жалобы на взаимное неудовольствіе между супругами, приведу вамъ ученіе св. Іоанна Златоустаго по сему поводу. «Если каждый изъ супруговъ, говоритъ онъ, будетъ стараться исполнять свои обязанности, то за симъ скоро послѣдуютъ и взаимныя для нихъ выгоды: если, на примѣръ, жена готова будетъ терпѣть и жестокаго мужа, а мужъ не станетъ раздражать жену гнѣвливою, то между ними водворится совершенная тишина, и жизнь ихъ будетъ подобна пристани, свободной отъ волнъ. Итавь пусть жена не ожидаетъ напередъ добродѣтелей отъ мужа, чтобъ потомъ уже показать ему свои,—потому что это будетъ не важное дѣло; равнымъ образомъ и мужъ пусть не ожидаетъ благонравія отъ жены прежде, чтобы потомъ уже пещись о ней, потому что, и съ его стороны, это уже не будетъ добродѣтель; но каждый, какъ я сказалъ, пусть напередъ выполняетъ свои обязанности. Если мы обязаны и по отношенію къ постороннимъ поступать такъ, что когда кто либо изъ нихъ ударитъ васъ въ ланиту, мы должны подставить ему и другую; то кольми паче надобно терпѣть жестокаго мужа. Я не то говорю, чтобы мужъ билъ свою жену, вѣтъ:—это крайнее безчестіе не только для того, кого бьютъ, но и для бьющаго. Напротивъ, если ты жена,

по какому либо случаю выберешь такого супруга, то не досадуй, помышляя о приготовляемой тебѣ за сіе награды *тамъ*, и заслуживаемой тобою похвалѣ въ сей жизни. И вамъ, жены, и вамъ, мужа, говорю: сохрани васъ Богъ отъ такого грѣха, который бы доводилъ мужа до необходимости бить жену. Но что я говорю о женѣ? Для мужа благороднаго должно быть несносно бить и даже поднимать руку и на рабыню. Если же для мужа великое безчестіе бить служанку,—то кольми паче безчестно поднимать руку на свободную. Эго всякому извѣстно даже изъ языческихъ законовъ, которые не обызываютъ жены, претерпѣвшей отъ мужа побоя, жить вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ недостойнымъ ея сожителемъ. И безчестить, какъ рабыню, подругу своей жизни,—которая давно уже помогаетъ тебѣ въ необходимыхъ дѣлахъ, не есть ли знакъ крайняго беззаконія? Такого мужа (если только можно назвать его мужемъ, а не звѣремъ) я ставлю наравнѣ съ отцеубійцею и матереубійцею. Ибо, если намъ заповѣдано оставлять, ради жены, отца и матеръ, не съ тѣмъ, чтобы ихъ обидѣть этимъ, но чтобы исполнить законъ божественный, столько вождельный для самихъ родителей, что они, будучи оставляемы, благодарятъ Бога и соглашаются на сіе съ великимъ усердіемъ: то не крайнее ли безуміе оскорблять ту, для которой Богъ повелѣлъ оставлять даже родителей? Но одно ли безуміе это? А безславіе, происходящее отъ сего? Какое слово въ состояніи даже выразить то, когда вопли и стenanія жены разносятся по улицамъ, и когда сосѣди, и проходящіе стекаются,—какъ бы къ жилищу нѣкогого звѣря, внутри логовища пожирающаго свою добычу,—къ дому того, кто производитъ такое безчестіе? Лучше было бы, еслибы земля поглотила такого нечестивца, нежели ему опять показываться въ общество. Но жена, скажешь ты, обнаруживаетъ дерзость. Пусть и такъ; но ты не забывай, что она жена—сосудъ слабый, а ты мужъ. Ты для того и поставленъ начальникомъ, и главою, дабы сносить слабость жены, которая должна повиноваться тебѣ. Посему

поступай такъ, чтобы власть твоя была почтенною, а она будетъ такою тогда, когда ты не станешь безчестить подчиненную тебѣ.—Посмотри на земледѣльцевъ, какъ они всячески воздѣлываютъ землю, которая однажды приняла сѣмена,—хотя бы она имѣла безчисленныя невыгоды, т. е. хотя бы была суха и произращала дурныя травы, хотя бы, по измѣнной своей почвѣ, затоплялась дождями, такъ и ты поступай;—тогда ты первый будешь наслаждаться и добрыми плодами, и безмятежнымъ спокойствіемъ. Когда въ домѣ случится что либо непріятное отъ того, что жена твоя погрѣшаетъ, утѣшай ее, а не увеличивай печали. Хотя бы ты все потерялъ,—но ничего нѣтъ прискорбнѣе, какъ имѣть въ домѣ жену, которая живетъ съ мужемъ безъ добраго къ нему расположенія. На какой бы ты грѣхъ ни указалъ, но ты ничего не можешь представить такого, что болѣе причиняло бы скорби, чѣмъ раздоръ съ женою. Посему то любовь къ ней должна быть для тебя драгоценнѣе всего. Если каждый изъ насъ долженъ *другъ друга тяготы носить* (Гал. 6, 2): то тѣмъ болѣе мужъ обязанъ поступать такъ по отношенію къ своей женѣ. Хотя бы она была бѣдна, не унижай ее за это; хотя бы она была глупа, не нападай на нее, но лучше исправляй: она часть тебя, и ты составляешь съ нею одно тѣло. «Но она сварлива, пьяница, склонна къ гнѣву». Если такъ, то надобно скорбѣть о семъ, а не гнѣваться; надобно молиться Богу, чтобы Онъ исправилъ ее, надобно увѣщавать ее, уговаривать и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить въ ней эти пороки. Если же ты станешь бить и угнетать жену; то симъ не излѣчится болѣзнь, потому что жестокость усмиряется кротостію. Вмѣстѣ съ симъ помышляй еще и о томъ, что за кроткое обхожденіе твое съ женою, тебя ожидаетъ награда отъ Бога. Хотя бы тебѣ можно было развестись съ своею супругою, не дѣлай сего по страху Божию, но переноси и великіе недостатки ея, боясь даннаго о семъ закона, который запрещаетъ изгонять жену, какимъ бы недугомъ она ни страдала; за сіе полу-

чишь ты неизреченную награду и приобрѣтешь величайшія блага, потому что и ее заставишь быть скромнѣе, и самъ сдѣлаешься болѣе кроткимъ съ ней. Говорять, что нѣкто изъ языческихъ философовъ имѣлъ жену злую, сварливую и дерзкую; когда его спросили для чего онъ, имѣя такую жену, терпитъ ее? мудрецъ отвѣчалъ, что въ ней онъ имѣетъ въ домѣ какъ бы школу и училище любомудрія: я буду, говорилъ онъ, терпѣливѣе другихъ, если ежедневно стану учиться въ семь училищъ. Васъ чрезвычайно удивляетъ сіе? А я тяжело вздыхаю, когда вижу, что язычники поступаютъ мудрѣе насъ,—насъ, коимъ заповѣдано подражать Ангеламъ или лучше, коимъ повелѣвается подражать самому Богу въ разсужденіи кротости. Говорять, что философъ по тому самому и не изгонялъ злой жены своей, что она имѣла дурной характеръ; а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ даже и взялъ ее по причинѣ такого ея характера. Но я, поелику многія люди расположены къ женамъ своимъ не такъ, какъ повелѣваетъ разумъ, увѣщаваю мужей употреблять сначала всѣ мѣры къ тому, чтобы взять жену благодѣтельную и исполненную всякой добродѣтели. Купецъ не отправитъ корабля въ море и не станетъ заниматься никакою торговлею, прежде нежели заключить съ своимъ сообщникомъ условія, которыя могли бы ручаться за взаимное ихъ согласіе. Такъ и ты употребляй напередъ всѣ средства къ тому, чтобы имѣть совершенное, внутреннее согласіе съ будущею сообщницею въ занятіяхъ твоей жизни—подобной кораблю. Если же ошибешься въ выборѣ невѣсты и введешь въ домъ жену недобрую и несносную: въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, подражай языческому философу и всячески исправляй свою жену, а худаго ничего ей не дѣлай. А когда станешь переносить супружеское иго въ согласіи съ нею, то чрезъ сіе приобрѣтешь, по своему желанію, и другія выгоды, и въ духовныхъ дѣлахъ весьма легко успѣешь (26 бес. на 1 посл. къ Коринѣ.). Такъ учитъ св. отецъ о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ! О еслибы мы, христіане, глубже

и тверже проникались этимъ ученіемъ св. отца о важности и достоинствахъ христіанскаго брака, то меньше бы было у насъ жалобъ на взаимное неудовольствіе супруговъ.—Наконецъ супруги должны свято и нерушимо хранить обѣтъ взаимной супружеской вѣрности. Этотъ обѣтъ дали они свободно предъ Богомъ и Церквію и освятили его таинствомъ брака, посему и должны соблюдать его свято и принадлежать только другъ другу, какъ и св. Апостоль учить: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ; но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена* (1 Кор. 7, 4). Тотъ, кто нарушаетъ супружескую вѣрность, тяжко погрѣшаетъ предъ Богомъ и Церквію, унижаетъ свое человѣческое достоинство, становится хуже животнаго,—ибо животныя иго наблюдаютъ во взаимныхъ сношеніяхъ время и мѣру, а нарушающей супружескую вѣрность не хочется знать никакихъ преградъ для своихъ страстей. Мало того, онъ разстраиваетъ свою семью: вносить въ нее раздоръ, разстройство имущества, нерадѣніе о дѣтяхъ и гибельный примѣръ для нихъ. Вотъ почему слово Божіе строго осуждаетъ прелюбодѣевъ. Въ ветхомъ завѣтѣ за нарушеніе супружеской вѣрности налагалось наказаніе смертію (Лев. 20, 10). Въ новомъ завѣтѣ Господь осудилъ даже взглядъ на чужую жену съ нечистою мыслию (Мате. 5, 28). А св. апостоль Павелъ, сказавъ, что *честна женитба во всѣхъ и ложе нескверно*, присовокупилъ: *блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. 13, 4).

Что касается теперь особенныхъ частныхъ обязанностей мужа и жены, то они вытекаютъ, братіе, изъ вышеуказанныхъ общихъ обязанностей. По слову Божію *мужъ есть глава жены* (Ефес. 5, 23). Мужу такимъ образомъ принадлежитъ главенство въ семьѣ, но это главенство говорить ему скорѣе не о правахъ его, но объ обязанностяхъ. По слову Божію, въ отношеніи къ будущей жизни, къ вѣчному спасенію, нѣтъ различія между мужемъ и женою: *О Христъ Іисусъ*, говоритъ Апостоль, *нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо едино суть* (Гал. 3, 28). Зна-

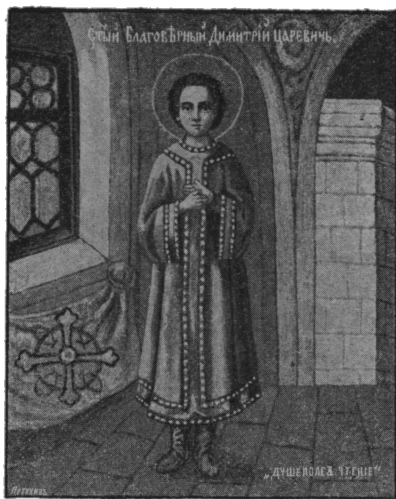
чить, въ дѣлѣ достиженія спасенія, вѣчной жизни мужъ и жена одинаково могутъ и должны давать совѣты другъ другу, другъ друга убѣждать къ исполненію заповѣдей Христовыхъ и предостерегать отъ грѣховъ. Главенство же касается собственно устройства земной жизни и состоитъ въ томъ, что мужъ долженъ заботиться о содержаніи своей семьи, а затѣмъ о порядкѣ и благоустройствѣ ея. На немъ лежитъ главная отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми за нерадѣніе объ этомъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ жена является главною совѣтницею его и помощницею. Вотъ почему слово Божіе, хотя и говоритъ о главенствѣ мужа, однако учитъ, чтобы мужъ относился къ женѣ съ особенною любовію. «Мужья, любите своихъ женъ», учитъ св. апостоль Павелъ, «какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь, и предалъ Себя за нее». Такъ «должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла; любящій свою жену любить самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь Церковь» (Еф. 5, 25, 28—29). Другой Апостоль, св. Петръ, убѣждаетъ мужей уважать своихъ женъ. «Мужья», говоритъ онъ, «обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ» (1 Петр. 3, 7). Таковы должны быть отношенія мужей къ женамъ.—Что касается обязанностей женъ и отношенія ихъ къ мужьямъ, то слово Божіе заповѣдуетъ женѣ повиновеніе мужу. *Жены, своимъ мужемъ повинуйтесь, якоже Господу*, учитъ св. Апостоль (Еф. 5, 22), и: *жена да боится своего мужа* (33). Но слово Божіе, какъ можно видѣть изъ того, что говорили мы объ обязанностяхъ мужей къ женамъ, разумѣетъ здѣсь не рабское повиновеніе и страхъ, а искреннее и свободное повиновеніе по сознанию, что мужъ по самой природѣ своей, по своимъ силамъ, имѣетъ преимущество предъ нею, и что съ этимъ преимуществомъ соединяются и труднѣйшія обязанности его. Такое отношеніе, вмѣстѣ съ доброку

правственной жизни, особенно бываетъ благодѣтельно для мужей въ ихъ обращеніи къ богоугодной жизни, какъ Апостоль учить: «жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе» (1 Петр. 3, 1—2).—Затѣмъ жена должна помогать мужу заботами о домѣ, о дѣтяхъ и хозяйствѣ, а также и бережливостію. Ей особенно принадлежитъ забота о малыхъ дѣтяхъ: она первая должна позаботиться научить ихъ вѣрѣ и благочестію, а для этого отъ нея самой требуется истинное благочестіе, ибо учить должна она прежде всего своимъ примѣромъ. На ней лежатъ заботы и о хозяйствѣ и о домашнемъ бытѣ. Народъ нашъ давно уже замѣтилъ, что «если мужъ плохъ, то полдома горитъ, а если жена плоха, то весь домъ горитъ». А посему жена должна избѣгать расточительности и пристрастія къ нарядамъ и свѣтскимъ удовольствіямъ, какъ и Апостоль учить: «да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ неплѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоценно предъ Богомъ» (3—4). Таковы должны быть обязанности женъ и ихъ отношеніе къ мужьямъ.

Видите теперь, братіе, какое высокое значеніе имѣеть въ христіанской Церкви богоустановленный брачный союзъ! Какъ посему мы должны относиться къ нему и оберегать святость его! Къ сожалѣнію, братіе, нельзя не замѣтить того, что нынѣ мало сознаютъ высоту богоустановленнаго брачнаго союза. Прежде всего замѣтно увеличивается между нами уклоненіе отъ законнаго супружества и усиленіе разврата. И прежде люди грѣшили и отступали отъ седьмой заповѣди закона Божія, но тогда такъ и смотрѣли на эти отступленія, какъ на грѣхъ, сокрушались о своемъ увлеченіи и старались исправиться. Но нынѣ уже не рѣдкость, что люди, какъ мужчины, такъ и женщины, уклоняются отъ законнаго супружества и безъ всякаго стыда и раска-

янія ведутъ развратную жизнь. И вотъ плодомъ такой жизни является все увеличивающееся въ наше время число незаконнорожденныхъ дѣтей. Несчастные дѣти! Хотя правительство и заботится объ ихъ воспитаніи, но сколько ихъ умираетъ преждевременною смертію! Какую жизнь приходится вести безъ родительской ласки и утѣшенія такимъ дѣтямъ! Далѣе и въ зрѣломъ возрастѣ приходится встрѣчать изъ нихъ такихъ лицъ, которыя не безъ горечи и скорби высказываютъ свое сожалѣніе, что не знаютъ роднаго отца и матери, что лишены родительской ласки и утѣхи. Поистинѣ, великое несчастье незаконнорожденныхъ дѣтей! Но и жалки родители ихъ! Бросая своихъ дѣтей, они даже не понимаютъ,—какъ унижаютъ они свое чело-вѣческое достоинство! Животное ито любить и беречь свое дѣтище, а чело-вѣкъ, удовлетворяя свою животную страсть, кидаетъ своихъ дѣтей и даже не сознаетъ тяжести грѣха своего. Но тяжкій отвѣтъ дадутъ предъ Богомъ такіе родители за своихъ брошенныхъ дѣтей, слезы которыхъ дойдутъ до Бога.—Потеря сознанія важности и святости супружескаго союза отразилась, братіе, и на законныхъ супружествахъ. Семейные раздоры, нарушеніе супружеской вѣрности и разводы супруговъ достигли неслыханныхъ прежде размѣровъ. Нужно ли говорить, братіе, сколько бѣдъ происходитъ отъ такой жизни! Какую тяготу отъ нея несутъ сами супруги, какое огорченіе для родственниковъ ихъ, и какое несчастье для дѣтей ихъ! Да, братіе, забываютъ люди Бога, нѣтъ въ нихъ страха Божья, отъ того и страдаютъ люди, отъ того и падаетъ наша семейная жизнь. Помните, братіе, о важности и святости брачнаго союза, храните его свято, дѣтей своихъ охраняйте отъ всего, что можетъ развратить ихъ, берегите ихъ цѣломудріе, чтобы и они впоследствии цѣнили важность и святость богоустановленнаго брачнаго союза. Аминь.

Священникъ С. Садковскій.

Т р о п а р ъ.

Царскую лѣдицу ѡбагриши еси кровію твоєю богомудре
 мучениче, за свѣптръ крестъ въ руку прійми, явилася
 еси повѣдоносецъ, и жѣртву испорбичну владыцѣ принёсла
 еси себѣ: ꙗкѡ во ѡгнецѣ незлбвивъ ѡ раба заколенъ еси:
 ѡ нынѣ радуєся предстоиши свѣтлѣй трбницѣ молиєся о
 державѣ сродникѡвъ твоиѡхъ богоугбднѣй быти и сы-
 новѡмъ руссѣйскимъ спастѣся.

ЦАРСТВЕННЫЙ МУЧЕНИКЪ.

Историческій очеркъ.

„Юный царевичъ оказывалъ умъ и свойства, достойныя отрока державнаго; говорили о томъ съ умиленьемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность для невиннаго младенца, видѣли цѣль клеветы—и не обманулись: если Годуновъ боролся съ совѣстью, то уже побѣдилъ ее и, приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димитрія“.

(Карамзинъ).

Слишкомъ тристаѣтъ прошло съ того рокового дня, когда русская земля обогрилась кровью царственнаго младенца. Совершилось ужасное неслыханное злодѣяніе на св. Руси... Кто настоящій виновникъ сего злодѣянія, вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается открытымъ, недоказаннымъ и служитъ темой для многихъ сочиненій нашихъ ученыхъ—историковъ. Лѣтописцы, нѣкоторые изъ историковъ, а также и составитель житія цар. Димитрія, свят. Димитрій митрополитъ Ростовскій—прямо указываютъ на Годунова. Въ наше время—время всеобщаго безвѣрія, явились и такіе историки и изслѣдователи старины, которые доказываютъ, хотя не ясно и сбивчиво, большей частью, на основаніи изслѣдованій иностранныхъ ученыхъ—что убитъ въ Угличѣ не царевичъ Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго, а его сверстникъ; Димитрій же царствовалъ, и былъ убитъ родовитыми боярами.

Кто же тогда три вѣка покоится открыто въ усыпальницѣ царей Русскихъ? Чьи нетлѣнныя мощи даруютъ вѣрующимъ немощнымъ исцѣленіе? И за эти три столѣтія сколько милліоновъ русскихъ людей преклоняли свои колѣна передъ гробомъ царственного мученика, прося его молитвъ. Вмѣстѣ съ народомъ преклонялись и преклоняются передъ симъ гробикомъ и православные наши государи.

Къ сердечному прискорбію всякаго истинно-вѣрующаго русскаго человѣка, нелѣпая, недоказанная исторія о томъ, что сынъ Грознаго, Димитрій, будто-бы убитъ не въ младенчествѣ въ 1591 году въ Угличѣ, а во время возмущенія въ Кремлѣ въ 1606 г.—проникла не только въ историческія «изслѣдованія», но и въ популярную повѣствовательную литературу, гдѣ рассказываютъ, что не Самозванецъ, не темный польскій выходецъ убитъ въ 1606 г., а истинный сынъ Грознаго, въ Угличѣ же былъ убитъ какой-то «поповскій сынъ», благодаря своему сходству съ Димитріемъ, принятый убійцами за царевича!

Три столѣтія имя царственного мученика произносится съ благоговѣніемъ и молитвою за царственныхъ «средниковъ»,—«благоговѣйно имъ быти, и сыновемъ Россійскимъ спастися»... Минуютъ еще вѣка, и память царевича Димитрія такъ же будетъ свѣтла и чиста въ православной Руси. Не только тѣло, но и кости ученыхъ изслѣдователей, бросающихъ тѣнь на дорогое намъ имя царственного младенца, истлѣютъ, и превратятся въ прахъ, а его мощи и въ грядущіе вѣка будутъ собирать вокругъ себя вѣрующахъ.

Было 15-ое мая 1591 года.

Весна стояла теплая и ясная. Ослѣпительными потоками горячаго свѣта заливаешь солнце землю, снова покрывшуюся зеленымъ бархатнымъ ковромъ. Птицы весело порхаютъ съ вѣтки на вѣтку въ густомъ зеленомъ саду и заливаются на всѣ лады звонкою пѣснею...

Садъ тотъ находится при государевомъ теремѣ, въ большомъ городѣ Угличѣ. Государевъ теремъ построенъ изъ кирпичей, съ вышкою, съ рѣзбою затѣйливою, стеклами разноцвѣтными «венецѣйскими»... Въ томъ теремѣ живетъ царственный отрокъ Димитрій, младшій сынъ Іоанна IV-го; живетъ царевичъ въ Угличѣ съ своею матерью, царицею Маріей Ѳеодоровной, изъ рода бояръ Нагихъ, а старшій братъ Димитрія, Ѳеодоръ Ивановичъ царствуетъ надъ все Русью православною.

Царь Ѳеодоръ, «слабый духомъ и тѣломъ», неспособный къ правленію—царствуетъ только по названію, государствомъ же править Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, великій бояринъ-правитель, шуринъ царскій. Годуновъ сумѣлъ отдалить законнаго наслѣдника престола Димитрія отъ его державнаго брата и поселилъ младенца-царевича подалше отъ Москвы. Царь былъ бездѣтенъ, по его смерти, на престолъ долженъ былъ вступить царевичъ Димитрій, и тогда могущество и власть Годунова окончится, его близкое къ трону мѣсто,—займутъ родичи вдовы—царицы—бояре Нагіе... Онъ правитель, царскій шуринъ будетъ въ опалѣ, а можетъ и въ ссылкѣ... Въ ту пору закатится звѣзда его величія и славы...

«Умреть государь—и все, все умреть... Всему конецъ... отъ трона оттолкнуть меня Нагіе... Опала въ ту пору меня постигнетъ, а можетъ и того хуже».

Эта мысль не давала покоя Годунову,—и дума черная, преступная запала въ его честолюбивую душу.

Великъ и славенъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, все предъ нимъ преклоняется; одинъ шагъ, — и онъ на тронѣ...

Но поперекъ его дороги сталъ державный отрокъ... И чудятся Борису ясные глаза царевича Димитрія, грозно на него устремленные, — читаетъ въ нихъ себѣ великій правитель опалу, ссылку...

Ужасается Годуновъ, а честолюбіе не дремлетъ, оно неотступно нашептываетъ ему въ уши: «что задумалъ—вершай скорѣе, пока есть время!»

— Да, да, надо вершать скорѣй... Не долговѣченъ шуринъ мой царь Феодоръ... Немочь душевная и тѣлесная скоро сведуть его въ могилу...

И Борисъ Годуновъ рѣшилъ...

«Насталъ день, ужасный происшествіемъ». Въ десятомъ часу утра царевичъ Димитрій съ матерью-царицей ходилъ къ обѣднѣ и, возвратившись изъ церкви, перемѣнилъ одежду; соборный священникъ принесъ царевичу просфору, и, пока накрывали прислужники обѣдъ, къ царевичу подошла его мамка Василиса Волохова, сообщница злодѣйскаго умысла Годунова и его клеветовъ, и обратилась къ Димитрію съ такими словами:

— Пойдемъ, государь царевичъ, до обѣда погуляемъ по двору. Тебя, государя, заждались ребятишки боярскіе, твои сверстники.

— Пожалуй пойдёмъ...—отвѣчалъ царевичъ.

— Охъ, царевичъ мой, Димитрій Ивановичъ, золотой мой, обожди маленько: съ государыней пойдешь, съ своей матушкой родимой! отговаривала царевича его кормилица, Ирина Жданова.

Она горячо любила своего царственнаго выходка и, какъ-бы предчувствуя несчаствіе, старалась отговорить Димитрія отъ прогулки съ боярыней Волоховой.

— Смолкни!.. Не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ!—крикнула сердито Волохова на кормилицу царевича.

— Царевичъ, батюшка, послушай не ходи ты съ ней, дождись матушку...

— Молчать, холопка! пойдёмъ, государь; день нонѣ красенъ, до обѣда погуляешь...

Димитрій колебался...

Волохова чуть не силой вывела его въ сѣни и спустилась къ заднему крыльцу.

Царскій теремъ находился въ Углицкомъ кремлѣ. Это было почти квадратное каменное зданіе, которое сохранилось и до настоящаго времени. Кругомъ терема

сгруппировались пристройки, избы «брусяныя» для «жильцовъ» и прислуги. Тутъ же находились: Преображенская церковь и «Разрядная», т. е. «дьячья изба» — дворцово-удѣльное управление того времени.

На противоположномъ берегу Волги находилась княжеская дача, на что нынѣ только указываетъ сохранившаяся «царское озеро» — прудъ съ прекрасною ключевою водой.

Положеніе почетной изгнанницы царицы, матери Дмитрія, не казалось бы пожалуй печальнымъ, если бы она была окружена близкими ей людьми, но ее окружали все люди чужіе, преданные Борису, доносившіе ему рѣшительно все, что дѣлается во дворцѣ. Эта несчастнѣйшая изъ царицъ, прожившая почти всю жизнь въ изгнаніи, естественно обратила всю свою любовь, всѣ помыслы на сына, и заботами о его воспитаніи наполнила всѣ свои дни.

Несмотря на непродолжительное пребываніе въ Угличѣ, она и царевичъ Дмитрій пріобрѣли общую любовь горожанъ, впослѣдствіи тяжело за это поплатившихся. —

Кормилица Ирина Жданова послѣдовала за своимъ царственнымъ питомцемъ.

Здѣсь уже его дожидались убійцы: Осипъ Волоховъ, Данила Битяговскій и Никита Качаловъ. Волоховъ подошелъ къ Дмитрію, взялъ его за руку и дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— Государь, никакъ у тебя новое ожерельце?

— Нѣтъ, старое — отвѣчалъ ничего не подозревая царевичъ и поднялъ свою головку, чтобы показать ожерелье.

Сверкнулъ ножъ въ рукахъ убійцы, но дрогнула въ рѣшительный моментъ дерзкая рука, и ножъ выпалъ; Волоховъ бросился бѣжать.

Все это видѣла Жданова, она обхватила руками царственного питомца и старалась защитить его отъ злодѣевъ, зовя на помощь. Къ несчастію, на государевомъ дворѣ никого не было, кромѣ убійцъ.

Битяговскій и Качаловъ, какъ звѣри, ринулись на кор-

милицу, избили ее до полусмерти, такъ что Жданова «об-
мертвѣвъ» упала на землю. Затѣмъ они вырвали изъ ея
рукъ царевича... и...

Свершилось страшное, неслыханное злодѣяніе!

Раздавшійся на мѣстѣ прѣступленія крикъ Ждановой
вспокоилъ обитателей дворца: первою выбѣжала не-
счастливая мать царевича—ей представилась потрясающая
картина: ея любимый сынъ, надежда свѣтлыхъ дней, «тре-
петаль, какъ голубь» обливаясь кровью, и, «испуская духъ»,
скончался, не слыжавъ вопля отчаянной матери».

Никѣмъ не остановленные, злодѣи бросились бѣжать;
но пролитая кровь царственнаго мученика не осталась
безъ возмездія. «Всевышній мститель присутствовалъ!»
Мимо государева терема въ то время случайно проходилъ
«сторожъ-звонарь Максимко Дмитріевъ, сынъ Кузнецовъ».
Онъ видѣлъ, какъ свершилось преступленіе; ужасъ объявъ
Максимку, онъ со всѣхъ ногъ кинулся на колокольню,
заперъ за собою дубовую дверь и привычною рукою
взялся за веревку, привязанную къ языку большого ко-
локола. И вотъ въ тихомъ безвѣтренномъ воздухѣ зако-
лыхались, загудѣли тревожные звуки набата; раскати-
стымъ эхомъ неся тотъ скорбный звонъ по улицамъ,
посадамъ, по всѣмъ слободамъ большого города.

Зашумѣлъ народъ углическій, заволновался... Всѣ вы-
сыпали на улицу, и старъ и младъ, всѣ торопились узнать
причину набата...

Пожаръ? Нѣтъ, ни огня, ни дыму нигдѣ не видно... А
набатъ все гудитъ и гудитъ, подхватываемый сосѣдними
колоколами... Народъ недоумѣвалъ... Вдругъ, какъ элек-
трической токъ, мгновенно облетѣла толпу ужасная вѣсть:
«царевича зарѣзали!»

Замерла въ гробовомъ молчаніи пораженная толпа, за-
мерла, какъ море передъ бурей... И разразилась буря,
загремѣли грозные, бѣшеные крики:

— Смерть душегубамъ!

— На казнь убійць!

— Доконали—таки проклятые государя!..

— Это Бориса дѣло!..

— Его окаяннаго, его... Онъ подослалъ злодѣевъ!..

Съ ревомъ и шумомъ ринулась толпа къ кремлю. Широко распахнулись ворота дубовыя подъ натискомъ толпы, заполонилъ народъ государевъ дворъ и замеръ въ невольномъ ужасѣ:

Димитрій лежалъ распростертымъ на рукахъ кормилицы, глубокая рана зіяла на его шеѣ, алая кровь сочилась изъ раны, заливая парчевой кафтанъ; предсмертное страданіе не исказило лица младенца-мученика: оно было свѣтло и покойно. Царица-мать истерически рыдаетъ у трупа сына-страдальца.

Обнажила головы многочисленная толпа, возсылая молитвы Богу за безгрѣшную душу своего «надежды — царевича».

Прошло время скорбной молитвы и слезъ; снова вспыхнула злоба къ убійцамъ, и еще грознѣе забушевала толпа: «смерть злодѣямъ!» снова загремѣло во дворѣ государева терема.

Михайло Битяговскій, присланный въ Угличъ Годуновымъ для правленія «земскимъ дѣломъ», отецъ Данилы Битяговскаго, одного изъ убійцъ царевича, бросился къ колокольнѣ, откуда все еще неслись звуки набата, но дверь была заперта изнутри; тогда Битяговскій смѣло явился среди народа, уговаривая горожанъ разойтись по домамъ.

— Не вѣрьте, что царевича зарѣзали: онъ самъ въ припадкѣ порѣзалъ себѣ горло; самъ на ножъ напнулся! — стараясь успокоить угличанъ,—говорилъ Михайлъ Битяговскій.

Эта наглая ложъ еще болѣе озлобила народъ, и злодѣй тутъ же у трупа невиннаго младенца-царевича принялъ должное возмездіе.

Умертвивъ Битяговскаго, народъ кинулся къ «разрядной избѣ», гдѣ скрылись Никита Качаловъ и Данила Битягов-

скій, отыскали ихъ и также убили. Злодѣи, обгравшіе руки въ крови младенца-царевича, приняли казнь.

Тѣло мученика-отрока, «прибранное» въ царское одѣяніе, въ парчевомъ гробѣ, поставлено было на пышномъ катафалкѣ въ Соборной церкви Спаса Преображенія.

Множество народа день и ночь толпилось около дорогого гробика: каждому хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на горячо-любимаго царевича.

Громкій плачь мѣшался съ пѣніемъ панихидъ. Царица Марья Θεодоровна съ братьями боярами Нагими ни на минуту не отходила отъ гробика любимаго сына.

— Охъ горе горькое... закатилось наше солнце красное, померкла звѣздочка ясная!—извели супостаты нашего царевича, нашу надежу; — такъ съ горькимъ плачемъ причиталъ народъ угличскій, вглядываясь въ кроткое лицо царевича-мученика.

— Это годуновское дѣло... онъ подослалъ злодѣевъ...

— Покойничекъ-царевичъ поперекъ горла ему сталъ...

Сюда въ церковь, ко гробу мученика привели угличане полумертваго отъ страха Волохова, здѣсь же и убили. Оросился церковный помостъ его злодѣйской кровью. Такъ же получили должное возмездіе и другія лица, уличенныя въ сообщничествѣ съ убійцами царственнаго младенца.

Василису Волохову оставили въ живыхъ въ виду ея важныхъ показаній передъ царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ. Угличане взяли съ нея страшную клятву, что она повѣдаетъ царю истину и скажетъ по чьему приказу умертвили царевича.

«Углическіе начальныя люди» отправили въ Москву гонца съ доносомъ, гдѣ правдиво, безъ утайки описали кровавое дѣло.

«Беззаконно совершивъ месть, хотя и праведную» пишетъ Карамзинъ— «отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви

къ царской крови, забывъ гражданскіе уставы—извиняемый чувствомъ усердія, но виновный передъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ и съ безпокойствіемъ ждалъ указа изъ Москвы».

Правитель Годуновъ, узнавъ отъ своихъ клеветовъ о происшествіи въ Угличѣ, распорядился по дорогѣ отъ Углича къ Москвѣ разставить преданныхъ ему людей, со строгимъ приказомъ не пропускать безъ обыска ни коннаго, ни пѣшаго, и если найдутъ какую либо грамоту къ царю, то представляли бы ему, правителю. Поэтому и правдивая грамота, посланная угличанами къ царю, попала къ Годунову, и тотъ измѣнивъ ее по своему, написавъ, что Димитрій самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, порѣзалъ себѣ горло; притомъ указавъ на недосмотръ Нагихъ, приставленныхъ блюсти здоровье царевича.

При печальномъ извѣстіи горько заплакалъ кроткій государь Феодоръ Ивановичъ: оплакивалъ старшій братъ раннюю смерть младшаго; честолюбецъ Годуновъ тоже плакалъ и «смѣшалъ слезы крокодиловъ съ искренними слезами добраго, нѣжнаго брата».

По сказанію нѣкоторыхъ нашихъ историковъ, Борисъ Годуновъ, не прибѣгая еще къ кровавымъ мѣрамъ, старался лишить царевича Димитрія права на престолъ: ссылаясь на уставы православной церкви, объявилъ царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына пятой жены царя Ивана Васильевича Грознаго и запретилъ въ церквахъ поминать Димитрія на ектеніяхъ. Но, какъ извѣстно, церковь благословила этотъ бракъ царя съ Маріей, изъ рода Нагихъ, и признала дѣйствительнымъ. Потерпѣвъ въ этомъ неудачу, Борисъ черезъ своихъ клеветовъ старался распуścić слухъ о жестокостяхъ царевича, который будто бы былъ совершеннымъ подобіемъ отца; на примѣръ, будто царевичъ приказалъ сдѣлать изъ льда и снѣга нѣсколько человѣческихъ фигуръ, назвалъ ихъ име-

нами первыхъ бояръ и сталь саблей рубить имъ головы. Но и этой выдумкой не удалось Годунову поколебать любовь и привязанность народа къ царевичу. Тогда мамка Волохова и сынъ ея Осипъ, душею и тѣломъ преданные правителю, не разъ подсыпали, по приказанію Годунова, ядовитаго зелья въ кушанья младенца, но «зелья смертоносныя—говорить лѣтописецъ—не вредили младенцу ни въ явствахъ, ни въ питіяхъ». Тогда злодѣи избрали другой, болѣе вѣрный способъ, отдѣлаться отъ царственнаго отрока.

19 Мая 1591 года въ Угличъ прибыли князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольникій Клешиня, митрополить крутицкій Геласій, дьякъ Вылузгинъ и другіе, присланные государемъ и правителемъ для «слѣдственнаго дѣла».

Они прямо отправились въ соборъ, гдѣ все еще стояло окровавленное тѣло мученика.

Въ продолженіе четырехъ сутокъ, днемъ и ночью толпились угличане у гробика Димитрія; тутъ же почти безвыходно находились царица-мать и ея братья.

Князь Шуйскій со слезами, можетъ быть и притворными, подошелъ къ гробику: онъ увидалъ какъ живое лицо младенца, съ ангельской всепрощающей улыбкой на посинѣлыхъ губахъ. Гробъ, окровавленное тѣло—все это заставляло невольно содрогнуться всякаго; царскіе слѣдователи сразу увидѣли, что рана на горлѣ царевича нанесена ему сильною, твердою рукою, и это служило несомнѣннымъ доказательствомъ убійства.

Поспѣшили погребеніемъ царевича. Митрополить Геласій съ многочисленнымъ духовенствомъ совершилъ отпѣваніе. Тѣло Димитрія было погребено въ Спасскомъ соборѣ.

По окончаніи погребенія приступили къ допросамъ; въ этомъ кровавомъ дѣлѣ Шуйскій запятналъ себя безсовѣстной ложью; въ угоду Годунову онъ велъ это дѣло такъ, какъ хотѣлъ правитель, и укрѣпилъ своей подписью

что «Димитрій въ среду, мая двѣнадцатаго, занемогъ па-
дучею болѣзнію; въ пятницу ему стало лучше; онъ ходилъ
съ царицею къ обѣднѣ и гулялъ на дворѣ; въ субботу
также послѣ обѣдни вышелъ на дворъ съ мамкою, съ
кормилицею, съ постельницею и съ молодыми жильцами;
началъ играть съ ними ножомъ въ «тычку» и въ новомъ
припадкѣ чернаго недуга проткнулъ себѣ горло ножомъ;
долго бился о землю и скончался».

«Сію нелѣпость утвердили своею подписью воскресен-
скій архимандритъ Феодоритъ, два игумена и духовникъ
Нагихъ, отъ робости и малодушія; а свидѣтельство исти-
ны, мірское единоголасное, было утаено: записали только
отвѣты Михайлы Нагого, какъ явнаго клеветника, упрямо
стоявшаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки
злодѣевъ» ¹⁾.

Съ такимъ-то ложнымъ доносомъ возвратились царскіе
слѣдователи въ Москву. Слѣдствіемъ неправильнаго «обы-
ска» были казни угличанъ и паденіе самаго Углича.
Нѣкогда большой и цвѣтущій городъ, въ которомъ по пре-
данію было 30 тысячъ жителей и 150 церквей, превра-
тился въ маленький, запустѣлый, опальный городишко.
Годуновъ не оставилъ безъ наказанія даже и колоколь,
въ соборѣ Спаса, въ который Максимка-звонарь уда-
рилъ набатъ. Этотъ колоколь попалъ въ опалу: ему от-
рубили мѣдныя уши, свезли въ Сибирь, и повѣсили на
колокольнѣ бѣдной церкви ²⁾.

Жестоко отплативъ за убійство своихъ клеветовъ, Го-
дуновъ имъ мертвымъ воздалъ честь. Тѣла убійць, валяв-
шіяся безъ погребенія, правитель приказалъ отпѣть и
предать погребенію съ «честію». Волоховой Борисъ далъ
богатыя помѣстья; такъ же щедро наградилъ онъ и жену
Битяговскаго съ дочерьми.

¹⁾ Карамзинъ.

²⁾ Теперь этотъ колоколь находится въ Угличѣ: по просьбѣ горо-
жанъ, лѣтъ пять тому назадъ его привезли изъ Сибири.

Богъ прославилъ святаго мученика Димитрія: «отъ гроба страстотерпца въ градъ Угличъ больша творяхуся чудеса, всякія бо недуги врачевахуся, съ вѣрою притекающимъ и проходяше о томъ слава по всей Россіи».

Въ 1606 году, при царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ, святыя мощи царевича Димитрія перенесены изъ Углича въ Москву. Пятнадцать лѣтъ пребыло тѣло младенца-мученика въ землѣ и осталось нетлѣнно. «Благоуханіе не малое отъ тѣхъ святыхъ мощей исхождаше».

Гробъ царевича изъ Углича несли духовенство, бояре именитые, воины, граждане. Въ Москвѣ навстрѣчу вышелъ царь и духовенство съ крестнымъ ходомъ. Царь взялъ гробъ мученика «на рамена» свои и несъ вплоть до Архангельскаго собора.

Вслѣдъ затѣмъ по повелѣнію царя Василия Шуйскаго была «объявлена вездѣ грамота», гдѣ излагались причины и обстоятельства перенесенія мощей св. Димитрія. «Въ прошломъ 99 году (1599)—за грѣхи всего православнаго христіанства великаго государя царевича Димитрія Ивановича не стало послѣ убивства Годунова, который, что невинный агнецъ убить и святая и праведная его душа, а погребенъ есть на Угличѣ и многихъ исцѣлилъ больныхъ различными болѣзнями». Далѣе, описывая въ какомъ видѣ сохранились св. мощи, говорится, «сказываютъ, что коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ, и въ ту пору его убили и орѣхи кровью полились, и того для тые орѣхи ему въ горсти положили и тые орѣхи цѣлы»¹⁾. Такъ черезъ 15 лѣтъ была торжественно раскрыта истина мученической кончины св. царевича Димитрія, и раскрыта тѣмъ лицомъ, которое нѣкогда изъ страха передъ всемогущимъ правителемъ и великимъ бояриномъ, скрыло ее.

Д. Дмитріевъ.

¹⁾ Собор. Госуд. грам. и догов. II.

Ж И З Н Ь

ПУСТЫШНИЦЫ АНАСТАСІИ (СЕМЕНОВНЫ ЛОГАЧЕВОЙ),

ВПОСЛѢДСТВІИ МОНАХИНИ АѦАНАСИИ,

И

ВОЗНИКНОВЕНІЕ НА МѢСТѢ ЕЯ ПОДВИГОВЪ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ ¹⁾.

Высокій и знаменитый въ монашествѣ подвижникъ отецъ Серафимъ Саровскій своею благочестивою жизнію, даромъ прозорливости, духомъ совѣта прославился по всей Россіи. Къ нему отовсюду приходили за разрѣшеніемъ недомѣній и нуждъ духовныхъ; отъ него получаютъ и по кончинѣ его благодатное исцѣленіе и отъ недуговъ тѣлесныхъ.

Между прочимъ по его благословенію, указанію и совѣту возникли три знаменитыхъ женскихъ монастыря: Серафимо-Дивѣевскій, Серафимо-Понетаевскій и Ардатовскій Покровскій, находящіеся не въ далекомъ разстояніи отъ Саровской пустыни, гдѣ подвизался отецъ Серафимъ. Первые два успѣли прославиться уже и сами по всей Россіи. Старѣйшій Дивѣевскій своими подвижницами, строгимъ соблюденіемъ устава церковнаго, правилъ, данныхъ имъ въ руководство отцомъ Серафимомъ, нѣкоторыми предметами ему принадлежащими, — келліею, въ которой онъ подвизался, крестомъ которымъ благословила его родитель-

¹⁾ *Курилинской* (Нижегор. губ., Ардатовскаго уѣзда), официально извѣстной подъ именемъ *Курилинскаго Богодѣльнаго Дома*.

нища, камнемъ и проч. Второй, Понетаевскій, кромѣ строго-иноческой жизни, славенъ соблюденіемъ правилъ отца Серафима, художествомъ въ живописи, мозаикѣ, особымъ благоволеніемъ Богоматери въ новопрославленной чудотворной иконѣ Знаменія Пресвятыя Богородицы. Идущіе и ѣдущіе въ Саровъ на поклоненіе отцу Серафиму почитаютъ своимъ долгомъ посѣтить Дивѣевскій и Понетаевскій монастыри, какъ самыхъ близкихъ его духовныхъ чадъ, имъ порожденныхъ, воспитанныхъ, подражающихъ ему своимъ житіемъ, находящихся подъ особымъ его молитвеннымъ покровомъ. Быть въ Саровѣ, но не побывать въ Дивѣевскомъ или Понетаевскомъ монастыряхъ, значить не исполнить своего паломничества, не закончить своего общанія.

Мнѣ, какъ жившему въ восьми верстахъ отъ Саровской пустыни, поневолѣ приходилось имѣть сношеніе съ богомольцами, иногда давать имъ ночлегъ и пріютъ, а потому и слышать отъ нихъ то, что я сейчасъ высказалъ. Но Понетаевскій монастырь за послѣднее время превзошелъ свою старшую сестру—Дивѣевскій: онъ самъ становится особымъ центромъ и источникомъ милостей Господнихъ къ православнымъ христіанамъ. Водича отъ чудотворной иконы Богоматери, маслице изъ лампы предъ Нею горящей, принимаемая съ вѣрою на тысячеверстномъ разстояніи отъ Понетаевского монастыря и возставляющія отъ смертнаго одра чрезъ четверть, или половину сутокъ здоровыми, привлекаютъ въ эту обитель богомольцевъ съ Сѣвера и Юга, Востока и Запада помимо уже и Саровской пустыни ¹⁾.

¹⁾ Проживая въ Понетаевскомъ монастырѣ (на гостинной) болѣе двухъ лѣтъ, принимая на исповѣдь странниковъ по ихъ желанію, изъ устъ самихъ исцѣленныхъ слышалъ я и объ исцѣленіяхъ, и объ образцовомъ порядкѣ, трудолюбіи и благочестивой жизни инокинь. Основательница сего монастыря, игуменія Евпраксія, при всякихъ недоумѣніяхъ, препятствіяхъ при устроеніи обители прибѣгала за помощію къ Богоматери, прося и сестеръ читать акаѣнсты по келліямъ, кромѣ храма, и дѣло всегда

Но вотъ возникаетъ четвертая женская обитель и тоже по благословенію отца Серафима Саровскаго и не въ далекомъ разстояніи отъ Саровской пустыни (при-мѣрно въ 40 верстахъ)—въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Мѣсто сіе пустынное, окруженное лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, — жилища отъ сего мѣста: на Сѣверъ въ 7 верстахъ деревня Кавлеи, на Югъ Илевскій заводъ въ 15 в., на Юго-Западъ Вознесенскій заводъ въ 20 в., именуется «Куриха». А по какимъ причинамъ возникаетъ сія обитель въ такой глуши, гдѣ не болѣе 11 лѣтъ тому назадъ былъ непроходимый лѣсъ,—это самое я и имѣю въ виду изложить. Но не сказавши о жизни и подвигахъ крестьянской дѣвицы Анастасіи Семеновны Логачевой, въ монашествѣ Аеанасіи, этого невозможно выяснить.

Въ 1809 году 16 декабря, какъ значится въ метрическихъ книгахъ, хранящихся при Николаевской церкви села Кудлей, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской епархіи «Удѣльнаго вѣдомства у крестьянина Семена Васильева и жены его Мавры Логачевыхъ родилась дочь, нареченная во святомъ крещеніи Анастасія». До восьмилѣтняго возраста она отличалась отъ своихъ сверстницъ только тихостію своего характера; но съ восьмилѣтняго возраста въ ней стало проявляться сильное стремленіе къ молитвѣ и уединенной жизни. Отецъ ея отданъ былъ въ военную службу; онъ потребовалъ къ себѣ и жену, которая съ другою меньшею ея дочерью отправилась къ нему, оставивъ свою Настю на попеченіи свекора, свекрови и братьевъ мужа. Безъ отца и матери при другихъ дѣтяхъ дядиныхъ Настя была какъ бы чужая: всякій ребенокъ льнулъ къ своей матери,

приводилось къ доброму концу для возникавшей. обители. То же соблюдается и ея преемницей: въ слезныхъ ночныхъ молитвахъ, обращаемыхъ съ крѣпкою вѣрою къ Богородицѣ и Ея чудотворной иконѣ, сестры испрашиваютъ Ея благоволенія къ сей обители.

а ей не къ кому было прибѣгнуть. Мать, какъ богобоязненная женщина, при разлукѣ съ дочерью убѣждала ее, чтобы она не плакала, а молилась Богородицѣ, поручая ее покрову Богоматери и утѣшая тѣмъ, что она скоро вернется домой и съ тяткою. Дѣвочка поняла тяжесть разлуки съ родною матерью, а равно и ея наставленія. Когда ей бывало грустно, тяжело, она заберется въ скотную избушку, стоящую на дворѣ, и начнетъ молиться Владычицѣ Богородицѣ со слезами и до того заплачется, что тутъ же на голомъ полу и заснетъ, забывая, что она тутъ одна и что семейные будутъ ее отыскивать. Пріятна и усладительна была для нея молитва; поэтому она стала ее учащать, скрываясь отъ людей, гдѣ и какъ могла по своему возрасту,—за безвѣстную отлучку получала выговоры, брань, а иногда и побои, какъ необходимыя, по тогдашнему понятію, средства при наставленіи и обученіи дѣтей всему доброму. Но ребенокъ не озлоблялся, а болѣе прилѣплялся къ молитвѣ своимъ сердцемъ. Любовь къ Божіей Матери въ дѣвочкѣ возростала и крѣпла. Благодать Божія начала открываться въ ней и въ другихъ ея дѣйствіяхъ; съ двѣнадцатилѣтняго своего возраста она стала избѣгать общенія съ подружками въ играхъ, отказалась отъ всякихъ нарядовъ, оставила самыя невинныя удовольствія и увеселенія. Зайдутъ за нею ея подружки съ приглашеніемъ погулять,—она съ радостію соберется и пойдетъ съ ними по улицѣ; но когда отойдетъ отъ дома на довольное разстояніе, выдѣлится изъ среды ихъ, убѣжитъ въ овинь, оврагъ или поле, и тамъ, по выраженію ея подругъ, примется за свое ремесло,—то-есть начнетъ молиться Богу. Подружки ея подтверждаютъ, что видали ее въ оврагахъ стоящую на молитвѣ, или на колѣнахъ, или на ногахъ, съ распростертыми къ небу руками.

Настя любила ходить къ богослуженію въ храмъ Господень; съ ударомъ колокола спѣшно собиралась и уходила въ него, молилась Богу съ усердіемъ, не озираясь

по сторонамъ, не разговаривая и не выбѣгая изъ храма по обычаю малолѣтнихъ дѣтей.

Съ 12 лѣтъ Настя стала уходить въ лѣсъ къ своему родному дѣду Василию Логинову Логачеву на пчельникъ, стоявшій на томъ самомъ мѣстѣ, которое теперь отведено подъ владбище для Курихинскаго богадѣленнаго дома: гдѣ полагалось начало ея уединенной жизни и молитвы, тамъ теперь покой до второго пришествія Господня для подражательницъ ея жизни, проживающихъ на мѣстѣ ея подвиговъ. Убѣгая по оврагу вверхъ саженъ на двѣсти и болѣе отъ пчельника, она облюбовала мѣстечко, гдѣ намѣревалась приготовить себѣ уединенное жилище, стараясь косаремъ, который она уносила изъ дома, вырыть въ горѣ пещерку. Попытка эта сначала оставалась тщетною. Оставаясь на пчельникѣ у дѣда своего на недѣлю и болѣе, она приучала себя къ посту, отказываясь отъ обѣда, ужина, утоляла свой голодъ ягодами, дягилемъ, дикимъ лукомъ, избѣгая вареной пищи. Кто съ такихъ раннихъ лѣтъ училъ ее поститься, неизвѣстно,—развѣ дѣдъ, любившій свою внучку и бравшій ее на пчельникъ, какъ послушливую во всемъ.

Слыша о высокоподвижнической жизни отца Серафима Саровскаго и о томъ, что онъ никому не отказываетъ въ руководственныхъ совѣтахъ въ дѣлѣ спасенія, отправилась къ нему и Анастасія, чтобы испросить у него благословеніе на пустынножительство, когда еще ей было около 17 лѣтъ. Отецъ Серафимъ, окруженный толпою народа, пришедшаго изъ разныхъ мѣстъ, обратился прежде всѣхъ къ Анастасіи, стоявшей позади толпы, съ робостію и вмѣстѣ страхомъ смотрѣвшей на святаго старца, и сказалъ: «поди ты сюда, Анастасія». Подошедши къ нему, испросивъ у него благословеніе, она какъ бы онѣмѣла и по робости ничего не сказала; самъ отецъ Серафимъ предупредилъ ее, сказавъ: «о чемъ ты думаешь, чего желаешь, благословить тебя Царица Небесная, но не пришло еще время». Съ сими только словами и отпустилъ ее. Чрезъ

нѣкоторое время (чрезъ годъ, два или три никто не помнитъ опредѣленно) Анастасія Семеновна вторично пришла къ отцу Серафиму съ тою же завѣтною мыслию о пустынножительствѣ. На сей разъ онъ далъ ей совѣтъ сходить въ Кіевъ на поклоненіе святымъ Угодникамъ Божиимъ и просить тамъ чрезъ нихъ благодатной помощи на такое трудное дѣло. Съ великою радостію стала собираться въ далекій путь Анастасія Семеновна—съ полною надеждою на молитвенное въ семь пути содѣйствіе со стороны отца Серафима, подѣо осѣненіемъ его святаго благословенія. Во время этого путешествія въ Кіевъ она между прочимъ научилась грамотѣ,—у кого именно и такъ скоро, неизвѣстно. Есть преданіе, что она научилась грамотѣ у дѣвиць келейницъ, дававшихъ пріютъ странницамъ.

Не за долго до кончины отца Серафима Анастасія Семеновна въ третій и послѣдній разъ явилась къ нему за благословеніемъ на уединенное въ лѣсу жительство. На сей разъ онъ благословилъ ее поселиться тамъ, гдѣ ощутить она запахъ курящагося ладона, и носить вериги для усмиренія плотскихъ похотей,—въ сіе время ей было уже около 23 лѣтъ. Но между окончательнымъ ея переселеніемъ въ лѣсное безысходное пустынножительство и послѣднимъ свиданіемъ съ отцомъ Серафимомъ былъ не малый промежутокъ времени; а когда она стала уже извѣстна, какъ молитвенница и подвижница,—прошло 17 лѣтъ, когда ей было отъ роду 41 годъ. По какимъ причинамъ было отложено переселеніе въ лѣсъ немедленно, неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе потому, что отецъ Серафимъ не давалъ совѣтовъ оставлять безъ помощи престарѣлыхъ родителей, которые жили въ это время по келейному ¹⁾

¹⁾ Мать Анастасіи скончалась прежде своего мужа, убитаго въ Горскомъ лѣсу. Преступники не одинъ разъ приходили къ трупу убитаго, чтобы скрыть его; но подходя къ нему, каждый разъ видѣли его дочь, Анастасію, читавшую надъ нимъ Псалтирь, почему и скры-

и за старостію трудиться не могли. Для обезпеченія въ жизни родителей и себя, Анастасія занималась чтеніемъ Псалтири по усопшимъ, пряденіемъ, полевыми работами. По смерти родителей, у нея еще былъ избытокъ и отъ такихъ трудовъ, такъ что она могла удѣлять и другимъ: она отличалась полною нестяжательностію. Лично для нея требовалось немного; одежду она носила самую простую, многозаплатную; питалась часто зернами гороха, ржи, иногда квасною гущею и квашеною капустою, избѣгая вареной пищи. Въ сіе-то время, какъ сама она передавала дѣвицѣ Любви, нынѣ монахинѣ Людмилѣ, о которой сказано будетъ ниже, нападали на нее въ особенности бѣсы: они являлись ей въ разныхъ образахъ, чтобы устрашить ее и отвлечь отъ молитвеннаго подвига, лишить благодатнаго настроенія, увлечь въ мірскую жизнь. Но, укрѣпляемая Божіею благодатію, пустынница побѣждала всѣ ихъ козни.

Въ это время пошла Анастасія въ Муромъ на поклоненіе святымъ мощамъ, съ двумя односельскими дѣвицами. Не доходя до деревни Саваслейки, она такъ ослабѣла, что хозяева, гдѣ онѣ остановились ночевать, отправили посланца къ приходскому священнику, чтобы онъ прибылъ въ ихъ домъ для напутствованія заболѣвшей странницы. Однако, до его прибытія она оказалась уже какъ-бы мертвою ¹⁾, но на третій день она пробудилась какъ бы отъ сна. Хозяева, у которыхъ она лежала, спрашивали ее, что съ нею случилось, и не видѣла ли она чего въ это время. «Схожу домой, спрошу старшей, если велить, все вамъ расскажу»,—отвѣчала Анастасія. Кого разумѣла она подъ именемъ старшей, неизвѣстно, такъ какъ съ нею никто не жилъ.

вались; между тѣмъ, какъ дочь его даже и не знала, гдѣ ея родитель находился въ это время.

¹⁾ Священникъ, посмотрѣвъ на „умершую“ Анастасію, сказалъ: мнѣ думается, что она не умерла, а обмерла, оставьте ее въ покоѣ.

По пробужденіи своемъ, она вмѣстѣ съ своими спутницами отправилась въ Муромъ; была тамъ между прочимъ у известнаго въ то время прозорливаго старца Антонія, который совѣтовалъ ей еще разъ сходить въ Кіево-Печерскую Лавру на поклоненіе святымъ мощамъ. Была она потомъ и въ Саваслейкѣ и вотъ что здѣсь рассказала.

«Когда я умерла, то раскрылся потолокъ вашего дома и кровля, спустились ко мнѣ два юноши въ бѣлыхъ одеждахъ, препоясанныхъ златовидными діакопскими ораями, взяли за руки и вознесли чрезъ отверстую кровлю; предъ нами была дорога прямо ко храму; церковныя наружныя двери отворились сами собою, мы вошли въ храмъ; отверзлись и царскія врата; ввели меня во святой алтарь, сами положили по три земныхъ поклона, облобызали святой Крестъ и Евангеліе на престолѣ, велѣли и мнѣ тоже сдѣлать. Раскрылся верхъ алтаря, юноши пошли вверхъ и меня понесли; предъ нами была какъ бы облачная дорога, по которой мы и пошли. По обѣ стороны дороги шли ангелоподобные юноши, которые пѣли духовныя пѣсни: нѣсколько понимала ихъ, но передать не могу; въ рукахъ у нихъ были свѣщи. Потомъ открылось предъ нами поле, усѣянное златовидными садами... Въ сторонѣ былъ виденъ громаднѣйшій домъ, со множествомъ трубъ, безъ оконъ; изъ каждой трубы виднѣлась младенческая рука. Что это такое,—спросила Анастасія сопровождавшихъ ее юношей? Въ семь домѣ,—отвѣчали они,—находятся души умершихъ младенцевъ не крещеныхъ, которые, хотя и не терпятъ мученій, но лишены свѣта; поднимая руки, они спрашиваютъ, скоро ли будетъ второе пришествіе Христова, послѣ котораго участь ихъ измѣнится къ лучшему. Потомъ подошли мы къ морю, по которому перешли, какъ по сухому пути; въ правой сторонѣ я видѣла прекрасныя сады, на деревьяхъ сидѣли райскія птицы и пѣли невыразимо пріятно. Въ лѣвой сторонѣ виднѣлась темная скала, гдѣ ютились темные, черные видомъ люди, гонимые

не милостивыми ангелами и были слышны удары какъ бы пастушескаго влута и ужасные вопли гонимыхъ¹⁾...

А потомъ Анастасія отправилась и въ Кіевъ, какъ ей со-вѣтовалъ старецъ Антоній, съ своею двоюродною сестрою дѣвицею Ѳевроніею. Въ Кіевѣ съ нею сдѣлалось обмира-ніе на цѣлый день; по пробужденіи ее спрашивали: не видѣла ли она чегонибудь въ это время? Но о своемъ ви-дѣніи она никому ничего не говорила, ссылаясь на то, что запрещено говорить; только Ѳевроніи сказала: «будто мы съ тобою стоимъ на облакахъ, и вотъ изъ лѣса вы-летѣлъ черный воронъ и унесъ тебя»... Эта самая дѣвица уже сорока лѣтъ вышла замужъ²⁾.

Такъ проводила время «Настасьюшка», какъ величали ее при жизни, что и нынѣ весьма часто слышится въ селѣ Кудлеяхъ. Во избѣжаніе особаго почтенія и прославленія, она вознамѣрилась уже навсегда поселиться вдали отъ людей въ лѣсу въ пещеркѣ, куда иногда удалялась вре-менно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обоняла запахъ ла-дана, по предреченію отца Серафима, и гдѣ она, еще бу-дучи малолѣткою, косаремъ копала себѣ пещерку, на урочищѣ, именуемомъ «Куриха» въ 12 верстахъ отъ села Кудлей; по прошествіи болѣе тридцати лѣтъ со времени ея удаленія отсюда, устроится здѣсь женская общинка³⁾.

¹⁾ Крестьянинъ села Кудлей, Павелъ Логачевъ, племянникъ Анаста-сіи, усердный собиратель свѣдѣній о ней, нарочито ходилъ въ Савас-лейку, гдѣ отъ самихъ хозяевъ слышалъ рассказъ о семь видѣніи.

²⁾ О семь мнѣ сообщили деревни Березовки, Ардатовскаго же уѣзда, крестьянская дѣвица Параскева Иванова Котова, учившаяся грамотѣ у Ѳевроніи и Параскева Егорова, обѣ просфорницы,—первая въ селѣ Дубовкѣ, а вторая въ Кудлеяхъ, самыя близкія по духовнымъ отно-шеніямъ къ Анастасіи Семеновнѣ и подражательницы ея житію.

³⁾ Въ 1898 году одинъ человѣкъ, не очень довѣрчивый развѣтъ ви-дѣніямъ и сказаніямъ объ Анастасіи Семеновнѣ, два раза проходя площадью вблизи храма, обонялъ запахъ росваго ладана, обонялъ въ такое время, когда въ храмѣ не было здѣсь богослуженія. Объявить имя сего лица я не могу; но достовѣрность подтверждаю,—какъ свя-щенникъ. Чувствуютъ здѣсь запахъ ладана и другіе.

Землянки, которыхъ было три, Анастасія устроила такъ: выкапывалась въ горѣ яма по размѣру; туда опускался срубъ деревянный съ дверью, около которой небольшой коридорчикъ; изъ него устраивался самый узкій выходъ подъ гору (какъ только можно проползти человѣку) — аршина въ три и четыре длиною. Такъ устраивались пещерки по причинѣ песчанаго грунта земли. Въ первой пещеркѣ она проводила время никѣмъ не знаемая: посѣщали ее только дѣвица Анна Кокужева изъ деревни Кавлей и Параскева Егорова, о которой выше сказано. Эти дѣвицы доставляли ей потребное и помогали въ устроеніи самой пещерки. Нерѣдко около ея землянки появлялись лѣсные звѣри: ибо мѣсто сіе («Раменье») было непроходимымъ лѣсомъ. Здѣсь то она свободно предавалась молитвеннымъ подвигамъ, боролась съ невидимыми врагами, которые не оставляли ея въ покоѣ, воздвигая потоки непотребныхъ помысловъ; но при помощи Божіей, слезною молитвою, постомъ, частыми колѣнопреклоненіями она побѣждала всѣ ихъ козни. Не далеко отъ землянки былъ устроенъ погребъ и огородъ въ нѣсколько грядъ, на которыхъ отшельница сажала лукъ, огурцы, капусту и картофель (слѣды погреба, грядъ и первой землянки видны и въ настоящее время). Когда Анастасія Семеновна устроила и обдѣлывала гряды, у нея были Анна Кокужева, уже умершая, и Параскева Котова, помогавшія ей въ семъ трудѣ. Днемъ устроить гряды, а ночью медвѣдь всѣ гряды перепортить. Нѣсколько разъ такъ было. Однажды, послѣ молитвы Настасьюшка вмѣстѣ съ Котовой вышли изъ келліи къ грядамъ—вечеромъ; медвѣдь подходилъ уже къ грядамъ; но она взяла палку, постучала ею въ землю, приговаривая: «медвѣдь, а медвѣдь! мы тебя не трогаемъ, и ты насъ не трогай». Медвѣдь повернулъ въ сторону, скрылся и никогда уже ихъ не беспокоилъ. Изъ своего уединенія Анастасія изрѣдка навѣщала своихъ родныхъ, жившихъ въ селѣ Кудлеяхъ, приходила всегда ночью и уходила въ ту

же ночь, пробывъ у нихъ часа два или три, чтобы никто ея не видалъ, не сошлись бы посторонніе изъ любопытства,—приходила по бѣльшей части именно тогда, когда что-нибудь не доброе происходило въ семьѣ, и всегда убѣждала родныхъ жить по Божьему.

Кудлеевскій крестьянинъ, по имени Давидъ, блуждавшій однажды по лѣсу, идя вдоль ручья Курихи, пораженъ былъ необыкновеннымъ явленіемъ,—стоитъ женщина среди разваленной муравьиной кочки, униженная съ ногъ до головы муравьями и множествомъ оводовъ (день былъ жаркій); кровь струилась по ея тѣлу. Въ изумленіи остановился Давидъ на томъ мѣстѣ, съ котораго увидалъ ее,—это стояла Настасьюшка. «Добрый мужъ, сказала она ему, ты узналъ меня, заклинаю тебя Богомъ, молчи, о мѣстѣ моего жительства никому не объявляй, пока я сама не открою, или какъ Богъ о семъ промыслить».

Не долго скрывалась, однако, отъ людей подвижница Анастасія. Нѣтъ ничего сокровеннаго, чего не узнали бы, говорить Спаситель нашъ, Господь Иисусъ Христосъ (Лук. XII, 2). Слухъ о ея мѣстопребываніи разнесся по окрестнымъ селеніямъ. Миръ не любитъ благочестивыхъ и добрыхъ людей; но иногда самъ же ихъ, скрывающихся отъ него, отыскиваетъ, удивляясь ихъ подвигамъ и пользуясь ихъ совѣтами. Такъ случилось и съ Настасьюшкой: стали приходиться къ ней изъ окрестныхъ селеній жители, просить о себѣ святыхъ ея молитвъ, совѣтовъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, а нѣкоторые поучиться, какъ спастись и молиться. Никого не отпускала она безъ добраго слова, безъ назиданія, вразумленія, не утоливши голода или жажды посѣтителей. Трудно было для нея принимать посѣтителей въ первой землянкѣ, такъ какъ она была очень мала; посему она озаботилась въ 15 саженьяхъ отъ первой ископать другую пещерку болѣе просторную съ коридоромъ, а рядомъ съ нею малую землянку, въ которой она одна могла помѣститься для молитвы. Новая землянка была

устроена съ тремя малыми, въ 6 вершковъ квадратныхъ, окнами, съ русскою печью и лавками, чтобы можно было посѣтителямъ не только отдохнуть, а и ночевать. Въ устроеніи сей землянки принимали участіе Анна Кокужева, с. Кудлей бр. Василій Андреевъ и д. Кавлей Яковъ Зуевъ.

Свящ. Александръ Приклонскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отецъ Игуменъ Данилъ, настоятель
Геосиманскаго скита и пещеръ.

О. ИГУМЕНЪ ДАНИИЛЪ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЕОСИМАНСКАГО СКИТА И ПЕЩЕРЬ.

(† 20 февраля 1902 года).

*Блаженни мертвии, умирающии о
Господь отнынѣ; ей, малоетъ Духъ,
да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла
бо ихъ ходять въ славь съ ними (Апок.
14, 13).*

I.

20 февраля, безъ четверти въ восемь часовъ вечера, среди вечерней тишины въ морозномъ воздухѣ, ясно донесся до Сергіевой Лавры ударъ большого колокола въ Геосиманскомъ скиту. Лишь замерли послѣдніе звуки перваго удара, послышался другой, потомъ третій. Вотъ понеслись въ воздухѣ такіе же протяжные, мѣрные удары съ колокольной пещерь. Рѣдкіе, заунывные звуки колокола, казалось, плакали въ воздухѣ и печалью наполняли душу. Не одно сердце встрепенулось при этомъ. Всякій догадывался, что случилось. Не стало отца игумена Даниила, уже давно и безнадежно болѣвшаго. И невольно рука складывалась для крестнаго знаменія, а уста шептали молитву.

Итакъ, предъ нами свѣжая могила. Остановимся хотя на короткое время предъ нею. Раскроемъ хотя только отчасти завѣсу земной жизни о. игумена, развернемъ его жизненный клубокъ, въ который скатались его жизнен-

чныя нити, и посмотримъ, что тамъ. Вотъ жизненная нить почившаго.

О. игумень Даниилъ, въ мѣрѣ Димитрій Петровичъ Соколовъ, родился въ 1835 г. 9 февраля, въ селѣ Першутинѣ, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи. Родители его Петръ и Валентина были дворовыми людьми господъ Сушковыхъ. Дѣтство, отрочество и юношество Димитрія прошли въ домѣ господъ Сушковыхъ. Сушковы не постоянно жили въ своемъ селѣ Першутинѣ; по временамъ они прѣзжали въ Москву и жили здѣсь въ своемъ собственномъ домѣ, на Мѣщанской улицѣ. Съ господами на жительство въ Москву переѣзжали обыкновенно и служившіе у нихъ Петръ и Валентина вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Димитріемъ. Когда Димитрій подросъ нѣсколько, онъ также сталъ служить господамъ вмѣстѣ съ родителями. Къ своему дѣлу Димитрій относился съ необыкновеннымъ рвеніемъ и усердіемъ. Господамъ былъ глубоко преданъ, отличался вѣрностью и честностію. Жизнь въ господскомъ домѣ, обращеніе съ людьми образованными и благородными, наложили на него неизгладимый отпечатокъ. Домъ господъ Сушковыхъ для него былъ практической школой, въ которой онъ получилъ такія свѣдѣнія, какихъ не получилъ бы, еслибы учился даже въ какой нибудь школѣ. Необыкновенная любовь къ порядку, чистотѣ, опрятности и почти непрерывному труду, умѣнье обходиться съ людьми различнаго возраста и положенія, быстро понимать людей, проникать по временамъ въ сокровенныя тайники ихъ души, умѣнье вести и поддержать разговоръ на различныя, иногда очень замысловатыя, темы, чрезвычайная практическая сообразительность, широкій кругозоръ,—все это въ значительной мѣрѣ пріобрѣтено имъ въ теченіе многолѣтняго пребыванія въ домѣ господъ Сушковыхъ.

Въ школѣ Димитрій не учился. Грамотѣ онъ выучился дома, между дѣломъ, посвящая ей свободныя отъ занятій часы. Природныя богатыя дарованія, любовь къ книгѣ

дали возможность ему достигъ весьма многого въ грамотѣ. Въ то время еще почти всѣ учились исключительно по церковнымъ книгамъ. Изъ нихъ и Димитрій почерпалъ свои свѣдѣнія. Благодаря этому онъ хорошо зналъ Псалтирь, Четьи-Минеи, прологъ, различныя благочестивыя сказанія, богослужебныя книги.

Съ раннихъ поръ родители старались приучить своего сына къ возможно неопустительному посѣщенію храма Божія. И не напрасны были ихъ труды. Димитрій былъ очень религіознымъ мальчикомъ. Съ ранняго дѣтства онъ любилъ ходить въ церковь и молиться тамъ. Когда онъ жилъ вмѣстѣ съ господами въ Москвѣ, то обыкновенно ходилъ въ церковь св. митрополита Филиппа, что на Мѣшанской. Приходя въ храмъ, нерѣдко Димитрій становился на клиросъ и здѣсь принималъ участіе въ пѣніи и чтеніи.

Замѣчательно, что шумная, веселая, безпечная жизнь, съ различными балами и приѣмами, какая была въ домѣ господъ Сушковыхъ, не только не увлекала Димитрія, но нисколько не смущала и не соблазняла его. Въ полѣ и лѣсу часто приходится наблюдать, какъ прекрасный цвѣтокъ растетъ среди травы, какъ бы какимъ чудомъ заброшенный сюда. Кругомъ несродная обстановка, но она не подавляетъ и не заглушаетъ его. Тоже было и съ Димитріемъ. Несмотря на веселье, свидѣтелемъ котораго приходилось ему постоянно быть съ раннихъ лѣтъ, онъ сталъ мечтать о монастырѣ. Подвиги св. угодниковъ, о которыхъ онъ читалъ въ Четьи-Минеехъ, наполняли его юную душу необыкновеннымъ восторгомъ и заставляли бѣжать отъ міра куда либо въ глубь лѣсовъ, чтобы тамъ отдать всего себя подвигамъ поста и молитвы. Годы шли, а думы о монастырѣ и монашескомъ подвигѣ не оставляли Димитрія. Не разъ уже онъ думалъ о томъ, какъ бы ему оставить своихъ господъ. Но въ то время, хотя и немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—это было весьма нелегко сдѣлать. Предстояло не мало затрудненій, чтобы

выхлопотать у господъ себѣ свободу, уволиться отъ нихъ совершенно и зажить своею самостоятельною жизнію. Каждый рабъ былъ для господъ своего рода капиталомъ, деньгами. Одинъ представлялъ собою сотенную бумажку, другой болѣе, третій менѣе. И чѣмъ умнѣе, способнѣе, расторопнѣе былъ слуга, тѣмъ труднѣе было разстаться съ нимъ господамъ, потому что онъ представлялъ собою, такъ сказать, наиболѣе выгодную, съ большими процентами, бумагу. Какъ и слѣдовало ожидать, когда Димитрій сталъ просить своихъ господъ отпустить его на волю въ монастырь, они долго не соглашались на это, отговаривая его отъ исполненія имъ своего намѣренія. Больше всего ихъ, кажется, смущало намѣреніе Димитрія пойти отъ нихъ въ монастырь. Наконецъ, уступая настойчивымъ его просьбамъ, убѣдившись въ искренности и непреклонности его намѣренія, они отпустили его на свободу.

Получена давно желанная, дорогая свобода. Димитрій сталъ теперь самъ себѣ господиномъ. Получивши увольненіе отъ своихъ господъ, Димитрій обратился за совѣтомъ, что ему предпринять, въ какую направиться обитель, къ великому святителю московскому, митрополиту Филарету. Слава о немъ въ то время уже давно гремѣла среди народа вездѣ и всюду. Митрополитъ Филаретъ, будучи строгимъ монахомъ, весьма любилъ монашество и охотно бесѣдовалъ со всѣми, ищущими этого служенія. Вотъ почему его весьма часто можно было застать бесѣдующимъ съ самымъ простымъ инокомъ въ бѣдной убогой одеждѣ, съ юродивымъ въ раздранныхъ одеждахъ, безъ сапогъ и шапки на головѣ, въ веригахъ, съ какой-либо палкой въ рукахъ, съ простецами мірянами, ищущими монашеской жизни, богомольцами. Къ этому великому святителю направился и Димитрій, чтобы повергнуть предъ нимъ свои давнишнія завѣтныя думы о монашествѣ, отдать себя на его мудрое благоусмотрѣніе. Повергшись въ страхъ и смущенія предъ святителемъ, Димитрій просилъ благословить его поселиться въ томъ самомъ мо-

настырѣ, что устраивался недалеко отъ лавры заботами самого митрополита и знаменитаго намѣстника лавры архимандрита Антонія. Разспросивши подробно Димитрія о всемъ, святитель послалъ его къ намѣстнику лавры о. Антонію.

Въ 1857 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ котомкой за плечами, въ простой одеждѣ, мы видимъ входящимъ въ Лавру молодого странника. Ему шель всего 23-й годъ. То былъ Димитрій Соколовъ. Прибывши въ лавру, послѣ молитвы у раки великаго угодника земли русской Преп. Сергія, онъ отправился къ о. намѣстнику. О. намѣстникъ, испытавъ чистоту и твердость его намѣреній, послалъ въ Геесиманскій скитъ къ строителю скита, іеромонаху о. Анатолю. Димитрій охотно былъ принятъ о. строителемъ въ число новоначальныхъ послушниковъ скита. Съ этого времени и начинается для Димитрія новая жизнь,—жизнь въ монастырѣ, не прерывавшаяся вплоть до самой его смерти. Съ этого знаменательнаго дня въ его жизни, онъ навсегда умеръ для міра и его утѣхъ и болѣе никогда не возвращался въ него.

II.

Димитрія можно назвать весьма счастливымъ человекомъ. Онъ пришелъ въ скитъ, кажется, въ самую лучшую пору его существованія. Слава объ этомъ скитѣ и высотѣ духовной жизни его насельниковъ успѣла уже распространиться весьма далеко среди народа. Рассказы о подвигахъ старцевъ, отшельниковъ привлекали сюда народъ отовсюду громадными толпами. Кажется, эти общія народныя симпатіи къ Геесиманскому скиту и заставили Димитрія устремиться именно сюда, а не въ другое какое либо мѣсто. Онъ пришелъ сюда, слѣдуя молвѣ народной. И дѣйствительно, исторія скита въ эту пору его существованія незабвенна. Достаточно вспомнить хотя нѣсколько именъ, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ:

Въ разсматриваемое время еще живъ былъ «блаженный Филиппушка», «Филиппушка блаженненькій съ голубкомъ», «Божій человекъ», какъ называлъ его народъ. Молва о немъ такъ широко распространилась, что его зналъ не только простой народъ, митрополитъ Филаретъ, высокопоставленныя лица, но даже и самъ государь. Это—былъ весьма замѣчательный человекъ. Сравнительно очень рано онъ принялъ на себя тяжелый, древній подвигъ юродства. Въ теченіе всего времени своего юродства «Филиппушка» носилъ одного вида одежду—холодный, всегда ветхій, крашенинный подрясникъ, надѣтый на ветхое, худое бѣлье. Лѣтомъ и зимою, не смотря ни на какія перемѣны погоды, обуви на ногахъ онъ не имѣлъ, ходилъ всегда съ открытой головой. Носилъ постоянно вериги, прямо на тѣлѣ, вѣсомъ въ 21 фунтъ, въ рукахъ желѣзный посохъ въ 37 фунтовъ, окрашенный въ дубовый цвѣтъ, съ литымъ изъ мѣди голубемъ на верху. Никогда онъ не выпускалъ его изъ своихъ рукъ ни на одну минуту. Если онъ ѣлъ или что нибудь дѣлалъ, то держалъ посохъ лѣвой рукой, пока была занята правая.

«Филиппушка» былъ человекомъ весьма высокой духовной жизни и всѣхъ поражалъ своею мудростью, проницательностію, знаніемъ души человѣческой. Отъ него сохранились такія дивныя изреченія, которыя могли бы доставить честь всякому самому просвѣщенному человеку. Какъ чудные брилліанты, блещутъ они оригинальнію, глубиною, жизненностію, привлекательностію мысли и чувства. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Филиппушка» обыкновенно никому не давалъ прикасаться къ своему посоху. Когда его спрашивали о причинѣ этого, то онъ отвѣчалъ: «это—вѣсь грѣховъ моихъ! что чужую тяготу грѣховную пытатъ?» О голубкѣ на своемъ посохѣ «Филиппушка» говаривалъ: «Духъ Святой птичку любить, видѣ ея пріялъ. У голубка головка не величка, да умна, носокъ востеръ, на добро шустеръ, а у насъ голова величка, да дурочка, и носъ тупъ,—адскій

нюхаетъ путь». Однажды захватила его полиція въ г. Арзамасѣ и стала снимать съ него допросъ. Допрашивалъ одинъ чиновникъ «съ перомъ за ухомъ». Раздраженный замысловатыми отвѣтами блаженнаго, чиновникъ выхватилъ изъ его рукъ посохъ и, едва приподнявъ отъ земли, сталъ кричать: «Какъ ты смѣешь таскать такой ослопъ? Ты имъ человѣка легко можешь убить!» На это «Филиппушка» спокойно отвѣчалъ: «Братъ мой! тѣмъ перышкомъ, которое торчитъ у тебя изъ-за уха, ты скорѣе, будь увѣренъ, можешь убить нѣсколько человѣкъ, нежели я своей опорой». Однажды въ г. Киевѣ полицейскій чиновникъ, спросилъ «Филиппушку»: «откуда ты?» Блаженный отвѣчалъ: «до живого царя животомъ далеконекъ, а къ смертному царю приблизиться не успѣлъ». Полицейскій потребовалъ отъ него паспортъ. На это требованіе «Филиппушка» отвѣчалъ: «Отъ смертнаго царя мертвыхъ словъ у меня нѣтъ, а вотъ отъ живого царя живыя слова есть». Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана карты трфовой или *крестовой* масти и показалъ чиновнику. «Что ты, съ ума что ли сошелъ? засмѣялся чиновникъ. Развѣ это паспортъ? Это карты, въ которыя играютъ». Тогда «Филиппушка» спокойно отвѣчалъ: «Играютъ *крестами* только жида хриstopродавцы, а мы христіане чтимъ ихъ и молимся». При этомъ онъ поцѣловалъ крестъ на картѣ.

Находясь въ Москвѣ, «Филиппушка» отправился въ одинъ изъ кремлевскихъ соборовъ къ обѣднѣ. Былъ царскій день. «Куда ты идешь?—спрашиваетъ его городской. «Иду къ царю обѣдать»,—отвѣчалъ блаженный. Его, конечно, сейчасъ же арестовали и посадили въ часть. Выручать бѣднаго пріѣхала графиня Толстая. Увидавши блаженнаго, она спросила его: «Тебѣ чай не хорошо здѣсь?» На это «Филиппушка» съ улыбкой отвѣчалъ: «Лучше ада, молодушка! Видишь меня здѣсь берегутъ, да стерегутъ». Въ г. Владимірѣ у каедральнаго собора однажды блаженнаго спросилъ одинъ видный вліятельный священникъ: «Что ты здѣсь дѣлаешь?» Онъ спокойно от-

вѣчалъ: «бумажками на мѣста торгую, отецъ святой!..» Намѣстника о. Антонія звалъ «широкій», а митрополита Филарета «бѣлый ангелъ». Однажды «Филиппушку» спросилъ Государь: «Да ты ужъ монахъ?» «Не знаю, монахъ ли,—смиренно отвѣтилъ старецъ,—а хотѣлъ бы побыть монахомъ, хоть одинъ часъ, Государь!»

Жилъ «Филиппушка» въ убогой сторожкѣ близъ Геосиманскаго скита. Однажды онъ началъ усиленно просить намѣстника позволить ему выкопать рядомъ со сторожкой «погребокъ». «Зачѣмъ это тебѣ понадобился погребокъ?»,—спросилъ о. намѣстникъ. «А ты ужъ только благослови, погребокъ-то нуженъ»,—продолжалъ настаивать блаженный. «Ну, Богъ благословить, копай»,—отвѣчалъ намѣстникъ. Такъ было положено начало тѣмъ пещерамъ при скитѣ, которыя съ такой любовію теперь всѣ посѣщаютъ.

Но «Филиппушка» былъ далеко не единственнымъ добрымъ насельникомъ новой обители. Какъ нѣкоторыя звѣзды ярко горятъ на небосклонѣ, рѣзко выдѣляясь среди другихъ звѣздъ, такъ и среди братіи скита, отличавшейся вообще высотой жизни, были такіе иноки, которые всѣхъ превосходили своими подвигами и нравственнымъ совершенствомъ. Вспомнимъ хотя кратко нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ о. Александръ. Онъ не несъ никакихъ особенныхъ подвиговъ, бросавшихся каждому въ глаза, но жизнь его была въ высшей степени назидательна. Онъ никогда не увлекался никакимъ особеннымъ видомъ подвижничества, а старался только въ точности исполнять свои монашескія обязанности. Церковную службу посѣщалъ неопустительно. Къ утрени всегда приходилъ за полчаса или за четверть часа до начала и выходилъ изъ церкви непременно послѣ всѣхъ. Въ трапезу ходилъ ежедневно къ обѣду и къ ужину, но пищу употреблялъ всегда въ умѣренной степени и только въ трапезѣ. Въ келліи своей никогда ничего не имѣлъ, ни на какіе званые обѣды ни къ кому не ходилъ. Къ особенному уединенію и отдале-

нію отъ всѣхъ, какъ дѣлали другіе, онъ не стремился, но за то всегда избѣгалъ всякихъ праздныхъ разговоровъ. Одежду носилъ только ту, какая выдавалась братіи монастырскимъ начальствомъ. Ничего своего собственнаго онъ не имѣлъ. Старцы, болѣе строгіе во внѣшнемъ подвижничествѣ, не ходили въ баню, не заботились о чистотѣ своего тѣла, о. Александръ всегда былъ чистъ, опрятенъ, не отказывался ходить въ баню, но за то такъ заботился о чистотѣ своей души, какъ немногіе. Такая ровная, строго соразмѣренная жизнь о. Александра снискала ему всеобщее уваженіе. И дѣйствительно, это былъ подвигъ и притомъ подвигъ весьма великій. Братія такъ за это уважала старца о. Александра, что боялась празднословить и проводить время въ бездѣліи, какъ бы «не увидалъ или не услышалъ о. Александръ». За высоту своей жизни о. Александръ удостоенъ былъ даже дара прозрѣнія. Покойный о. игуменъ Данииль не разъ вспоминалъ объ о. Александрѣ и рассказывалъ одинъ весьма удивительный случай его прозрѣнія. О. Александръ умеръ въ 1870 году, имѣя 70 л. отъ роду ¹⁾).

Вотъ іеросхимонахъ о. Иларіонъ. По принятіи схимы, болѣе 10 лѣтъ онъ жилъ въ отдѣльной келліи въ лѣсу. Сохраняя строжайшее уединеніе и отшельнической образъ жизни, часто оставлялъ свои келліи и переходилъ съ мѣста на мѣсто. Келліями его были простыя мазанки или землянки; въ нихъ не было никакого устройства, такъ что ихъ всегда съ легкимъ сердцемъ можно было оставить. О. Иларіонъ отличался необыкновенною начитанностью въ Св. Писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ, обладалъ обширною памятью и даромъ слова. Отличаясь прямою характера, онъ не стѣснялся никого обличать, когда это было нужно. Примѣръ его подвижнической жизни имѣлъ

¹⁾ Мы не приводимъ этого разсказа, засвидѣтельствованнаго многими, такъ какъ онъ уже сообщенъ въ печати со словъ о. игумена Даниіла. См. „Геосиманск. скитъ“, стр. 136—138, 1889 г.

большое значеніе для братіи. Къ о. Иларіону часто обращались за различными духовными совѣтами. Умеръ о. Иларіонъ въ 1878 году, 77 л. отъ рожденія.

Вотъ іеросхимонахъ о. Израиль. Необыкновенно начитанный въ Св. Писаніи и отеческихъ книгахъ, онъ выдѣлялся изъ ряда другихъ своей особенной простотой, любвеобильностью, общительностью. Его бесѣды съ приходившими къ нему отличались необыкновенною сердечностью и задушевностью, что производило на каждого неизгладимое впечатлѣніе. Скончался о. Израиль въ 1878 г., на 83 году своей жизни.

Вотъ братскій духовникъ скитскихъ пещеръ о. Тихонъ. За необыкновенно доброе отношеніе къ братіи онъ снискалъ со стороны ея всеобщую любовь къ себѣ. Его вротость, состраданіе, чистая любовь къ каждому, приходившему къ нему на исповѣдь или для духовной бесѣды, были такъ глубоки, что нерѣдко, утѣшая другихъ, онъ самъ плакалъ. Несмотря на высоту своей жизни, будучи глубокимъ старцемъ, убѣленный сѣдинами, о. Тихонъ каждую недѣлю, съ посохомъ въ рукахъ, бредеть бывало пустынною лѣсною дорогой къ своему старцу о. Θεодоту. Замѣчательно, старецъ и ученикъ умерли черезъ день одинъ послѣ другого († 1873 г.). Объ о. Тихонѣ покойный о. игуменъ Даніилъ рассказывалъ еще и слѣдующее: Рабочіе, копая рвы для стѣнъ новаго монастырскаго храма, вырыли гробъ о. Тихона. Когда гробъ былъ обкопанъ кругомъ, и задняя доска его отвалилась, то всѣ увидѣли, что тѣло старца совершенно не подверглось тлѣнію. Оно какъ будто бы было только недавно погребено. Братія осторожно вынули тѣло изъ прежняго гроба, положили въ новый, похоронили его внутри храма, въ придѣлѣ во имя Антонія и Θεодосія печерскихъ. Тѣло о. Тихона пробыло въ землѣ со дня смерти цѣлыхъ 15 лѣтъ.

Вотъ о. Даніилъ. Будучи строгимъ подвижникомъ и отшельникомъ, онъ жилъ одиноко въ лѣсу, не далеко отъ скита, въ небольшой келліи. Въ жизни отличался необык-

чювеннымъ воздержаніемъ. При употребленіи пищи, онъ обыкновенно мѣрилъ ее ложками и никогда не позволялъ себѣ съѣсть больше разъ навсегда положеннаго у него числа ложекъ. Вотъ о. Александръ-схимонахъ, затворникъ. Многіе изъ его собратій были болѣе расположены къ виѣшнему подвижничеству. Этимъ путемъ шли не только сами, но имъ вели за собой и своихъ учениковъ. О. Александръ-затворникъ все свое вниманіе обращалъ на внутренній подвигъ, на борьбу съ своими страстями, тайными помыслами, на очищеніе главнымъ образомъ внутренняго человѣка. Для достиженія этихъ цѣлей онъ завелъ среди своихъ учениковъ ежедневное откровеніе помысловъ. Этотъ добрый обычай, существующій въ строгихъ лучшихъ обителяхъ, сохранялся долгое время среди братіи и по смерти о. Александра, послѣдовавшей въ 1878 г. Вотъ о. Анатолій, строитель скита, впоследствии схимонахъ Алексій. Онъ отличался другими духовными дарованіями. Это былъ хозяинъ-строитель, строгій хранитель монастырскаго порядка и чина. Всѣхъ онъ увѣщавалъ, просилъ и требовалъ даже хранить въ точности установленный въ скиту чинъ церковный, трапезный, хозяйственный, со всѣмъ усердіемъ проходить всякаго рода послушанія, какія будутъ кому назначены начальствомъ, сохранять строгое общежитіе.

Не мало было и другихъ замѣчательныхъ старцевъ подвижниковъ въ Геосиманскомъ скиту, которые по чистотѣ своей жизни были украшеніемъ обители. Но мы не будемъ вспоминать ихъ ¹⁾. Достаточно и приведенныхъ примѣровъ.

Вспоминая жизнь поименованныхъ старцевъ, не знаешь, какихъ подвиговъ имъ еще не доставало. Ими въ своей жизни, кажется, были раскрыты всѣ прекрасныя стороны души человѣческой, всѣ виды подвига. Они представляли собою какъ бы одинъ какой роскошный букетъ, полный

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ соч. цит. стр. 111—167.

разнообразныхъ цвѣтовъ, благоухающихъ различными запахами. Ихъ можно сравнить еще съ чудной зеленѣющей полянкой, не тронутой ногой человѣческой, среди которой тамъ и здѣсь, въ дивной гармоніи, разсѣяны разнообразные цвѣты. Въ самомъ дѣлѣ, чему нельзя было научиться здѣсь въ этой высшей школѣ различныхъ добродѣтелей человѣческихъ, существующихъ не на бумагѣ только, не на словахъ, какимъ бы краснорѣчіемъ они ни отличались, но и осуществленныхъ вполне въ самой дѣйствительности, осязаемыхъ, такъ сказать, постоянно? У одного можно было учиться братолюбію, у другого смиренію, у третьяго воздержанію, у четвертаго отшельничеству и затворничеству, у пятаго полному нестяжанію, у шестаго строительству, хозяйствованію и начальствованію, у седьмого благодушію и непрестанной радости, и у всѣхъ вмѣстѣ—необыкновенному трудолюбію, воодушевленію и высотѣ духа. Это было какъ бы какое мѣсто для соревнованія въ добродѣтели, своего рода ристалище. Нужно ли говорить, какъ эти «столпы» скита вліяли своимъ великимъ подвигомъ, своимъ постояннымъ, безропотнымъ «крестоношеніемъ» на иноковъ только что устроявшейся обители, какъ поддерживали ихъ духъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и соблазнами міра, какою радостью наполняли ихъ юныя еще сердца, прямо равшіяся къ великому подвигу? Вотъ та нравственная атмосфера, среди которой пришлось проводить свои первые лучшіе годы Димитрію Соколову, только что принятому въ Геосиманскій скитъ. Она оказала на него весьма сильное вліяніе. Мнѣ самому не разъ приходилось слышать отъ покойнаго о. игумена, съ какимъ воодушевленіемъ онъ рассказывалъ объ этихъ годахъ своей жизни, какъ онъ ходилъ по старцамъ изъ келліи въ келлію по дѣсу, днемъ и тайно ночью, ища совѣта, наставленія, утѣшенія, разрѣшенія смущавшихъ его душу вопросовъ, тайныхъ помысловъ. Видя кругомъ себя живые примѣры высокой духовной жизни, юный послушникъ и самъ рвался душой часто къ такимъ подвигамъ, какіе даже не въ со-

стояніи было понести его тѣло. Опытнымъ старцамъ нерѣдко приходилось останавливать его въ своихъ чрезмѣрныхъ стремленіяхъ къ подвигамъ поста и молитвы, умѣрять его порывы къ небу. Ему приводили мудрое правило древнихъ подвижниковъ, которые говорили о такихъ юныхъ инокахъ: «если молодой инокъ слишкомъ сильно устремляется къ небу, то его нужно сдернуть за ноги на землю, чтобы въ послѣдствіи онъ не впалъ въ какое-либо искушеніе или не охладѣлъ духомъ». И дѣйствительно, когда силы свѣжи и напряжены, человѣкъ почти не знаетъ усталости и не видитъ конца этимъ силамъ. Но быть въ такомъ напряженіи всегда нельзя. Нуженъ и для святаго человѣка нѣкоторый отдыхъ. И струна можетъ быть натянута только до извѣстной степени, въ противномъ случаѣ она лопнетъ, порвется. Итакъ, нисколько не удивительно, что эти годы остались навсегда памятными для Димитрія. Въ теченіе ихъ онъ приобрѣлъ то, чѣмъ жилъ въ послѣдствіи. Это вѣдь духовная весна человѣка, которая никогда болѣе не вернется. Послѣ 30 лѣтъ, говаривалъ покойный, человѣкъ начинаетъ уже сгибаться, какъ бы онъ не бодрился, и смотрѣть въ могилу. Вотъ почему объ этихъ годахъ своей жизни покойный о. игуменъ всегда вспоминалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и любовью.

III.

Итакъ, уже самая обстановка, среди которой пришлось жить Димитрію Соколову, могла дать все, что нужно для воспитанія начинающаго инока. Но это еще далеко не все, что встрѣтилъ Димитрій въ скиту благоприятнаго для своего усовершенствованія. Во главѣ скитскаго братства стоялъ человѣкъ высокой духовной жизни, съ твердой волей, не любившій и не терпѣвшій никакого непорядка и бездѣлія. Мы разумѣемъ о. строителя іеромонаха Анатолія. Этотъ человѣкъ самъ дѣлалъ и отъ другихъ всегда

настойчиво требовалъ дѣла. Онъ умѣлъ каждого заставить трудиться, если бы даже кто этого и не совсѣмъ хотѣлъ. Каждому, являвшемуся въ скитъ, о. строитель тотчасъ же давалъ то или другое послушаніе. Не оставилъ онъ безъ послушанія и молодого послушника Димитрія Соколова. Димитрій Соколовъ въ различное время проходилъ одно за другимъ различныя послушанія и несъ ихъ безъ всякаго ропота.

Былъ онъ одно время токаремъ. Токаръ—это мастеръ, выдѣлывающій, вытачивающій изъ дерева на особомъ станкѣ различныя деревянные вещицы, наприм., подсвѣчники различныхъ фасоновъ и величинъ, тарелки, стаканчики, ложки и другіе предметы. На первый взглядъ, кажется, что это весьма не трудное занятіе. Многіе и изъ образованныхъ людей имѣютъ токарныя станки. Но одно дѣло имѣть станокъ для развлечения и легкихъ гимнастическихъ упражненій, и совершенно другое—имѣть станокъ для производства вещей,—станокъ, какъ машину или какъ небольшую фабричку. Тутъ ужъ не до удовольствія и не до развлеченій. «Подрягай-ка ногой цѣлый день,—разсказывалъ покойный о. игумень. Не разъ обольешься весь потомъ и радъ, радъ, когда доберешься до конца». Впрочемъ, молодому, сильному, расторопному, смѣтливому послушнику эта наука далась сразу, и онъ сдѣлалъ въ ней большіе успѣхи. Вещи его точенія отличались немалымъ искусствомъ. Какъ человекъ отъ природы трудолюбивый, горячій, Димитрій работалъ спѣшно, быстро и хорошо, лѣниться не любилъ. Иногда токарямъ давали уроки, т.-е. заставляли въ опредѣленное время выточить извѣстное количество подсвѣчниковъ. Димитрій обыкновенно первымъ оканчивалъ свой урокъ и послѣ этого пользовался свободой. Иногда ему разрѣшали собирать въ это время въ лѣсу грибы.

Былъ Димитрій «водильщикомъ»,—«путеводителемъ» по скиту. Обязанность «водильщика» заключается въ слѣдующемъ. Онъ долженъ водить богомольцевъ по скиту, по-

казывать имъ достопримѣчательности скита, давать по возможности отвѣты на различные ихъ недоумѣнія. А недоумѣній у темнаго и малопросвѣщеннаго нашего люда не мало. Не легко было и это послушаніе. Со стороны оно кажется какими-то прогулками, когда наприм., смотришь въ настоящее время на «водильщика», переходящаго съ кучкой народа отъ храма къ храму. Но взгляните хорошенько въ лицо «водильщика», посмотрите, какая усталость и какое утомленіе видны на немъ, посмотрите на эту медленную походку и почти едва передвигающіяся ноги, особенно подъ вечеръ, и вы убѣдитесь, что это далеко не простая и пріятная прогулка. Это трудъ, работа и притомъ немалые. Жизнь и дѣятельность «водильщика» начинается съ ранняго утра и продолжается до поздняго вечера. Съ шести, семи часовъ утра и до шести, семи часовъ вечера продолжается его путешествіе по скиту. Особенно это нужно сказать о лѣтнемъ времени, когда въ скиту бываетъ масса богомольцевъ изъ простаго народа, у котораго жизнь обыкновенно начинается очень рано. Сколько же разъ въ теченіе этого времени онъ пройдетъ отъ храма къ храму, сколько разъ поднимется и сойдетъ съ различныхъ лѣстницъ, сколько разъ изо дня въ день, монотоннымъ голосомъ, какъ бы во снѣ, повторитъ онъ это утомительнѣйшее, однообразное описаніе однихъ и тѣхъ же достопримѣчательностей... Прибавьте къ этому еще частое непониманіе нашимъ простымъ народомъ и этой простой несложной мудрости, назойливые разспросы о томъ, о другомъ, — и вы получите ясное представленіе о трудѣ «водильщика» и скажете, что это подвигъ и подвигъ весьма немалый. Покойный о. игуменъ не разъ жаловался на трудность этого подвига. «Часто подъ вечеръ, — говаривалъ онъ, — ногъ подъ собой не чувствуешь. А тамъ продолжительная служба. Ноги горятъ какъ въ огнѣ. Бывало скинешь туфли и прямо стоишь на чугунномъ холодномъ полу. Здѣсь я и получилъ жестокій ревматизмъ, отъ котораго страдалъ всю жизнь». Былъ послушникъ

Димитрій въ просфорной. Нѣкоторое время вмѣстѣ съ другими занимался печеніемъ просфоръ. Дѣло это также весьма нелегкое: страшная, постоянная жара, трудность дѣла многимъ не давали возможности долгое время оставаться на этомъ послушаніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Успенскій, наприм., постъ приходилось ежедневно по пяти пудовъ расходовать на просфоры. Сколько же нужно было употребить труда, чтобы всю эту массу тѣста превратить въ маленькія просфорки. Но Димитрій обладалъ однимъ замѣчательнымъ свойствомъ характера, не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями, какъ бы велики они ни были. Это спасало его отъ унынія и давало ему возможность смѣло идти впередъ. Былъ онъ завѣдующимъ просфорной. Много нужно было и здѣсь имѣть умѣнья и сообразительности, чтобы за всѣмъ услѣдить въ своемъ, хотя и небольшомъ, но сложномъ и весьма отвѣтственномъ хозяйствѣ.

Исполнялъ Димитрій и другія различныя послушанія. Былъ будильникомъ, келаремъ, дѣлъ на клиросѣ. Клиросное послушаніе дало возможность Димитрію познакомиться съ столповыми напѣвами, изучить уставъ, особенности монастырскаго богослуженія, прологъ, четьи-минеи, благовѣстникъ и другія книги назидательнаго характера. Впослѣдствіи въ своихъ рѣчахъ и разговорахъ съ приходившими къ нему онъ много черпалъ отсюда. Его рѣчь обыкновенно вся умѣло пересыпана была различными мѣтками церковными изреченіями, назидательными рассказами. Не было случая въ жизни, на который не имѣлось бы у него въ запасѣ какого-либо назидательнаго рассказа, примѣра.

Былъ Димитрій келейникомъ у о. строителя, почти черезъ годъ послѣ смерти котораго самому пришлось стать строителемъ. О. строитель былъ весьма строгій и взыскательный человекъ. Нужно было много имѣть умѣнья и расторопности, чтобы вездѣ поспѣть и со всѣмъ справиться. Нужно было убираться въ комнатахъ, вести по-

чти все домашнее хозяйство, быть на побѣгушкахъ, ходить за часто болѣвшимъ строителемъ. Множество посѣтителей, особенно въ пріѣзды въ скитъ митрополита Филарета, еще болѣе дѣлали сложной и трудной жизнь келейника. А тамъ продолжительныя монастырскія службы съ правилами, на которыхъ приходилось класть цѣлыми сотнями земные и поясные поклоны, домашнее келейное правило, назначавшееся каждому живущему въ монастырѣ. Въ часы, свободные отъ ближайшаго послушанія, Димитрій принималъ еще участіе въ работахъ на лугахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нужны были рабочія руки.

Архимандритъ Евдокимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С Л О В О
ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ДИРЕКТОРА
МОСКОВСКОЙ ШЕСТОЙ ГИМНАЗИИ,
ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА РЯЗАНЦЕВА.

Однажды скорби такъ тѣсно обложили св. пророка Давида, что нѣмъ и безгласенъ онъ былъ предъ тяжестію ихъ, не могъ говорить даже добраго слова. Тогда взору его ясно представилась вся ничтожность жизни человѣческой, и воззвалъ онъ ко Господу: *«скажи мнѣ, Господи, кончину мою, и число дней моихъ, какое оно»*,—и это не для того, чтобы утѣшаться долгою жизнью, но чтобы видѣть, какъ ничтоженъ человѣкъ въ своемъ земномъ бытіи. *Вотъ, Ты далъ мнѣ дни, взывалъ Давидъ, какъ пяди, и вѣкъ мой, какъ ничто предъ Тобою. Подлинно, совершенная суета всякій человекъ живущій... Напрасно онъ суетится* (Псал. 38, 5. 6. 7).

Подобно призраку появляется человѣкъ на землѣ, и подобно призраку исчезаетъ отъ дуновенія вѣтра. И въ чемъ искать утѣшенія и успокоенія при совершенной безнадежности на жизнь? *И нынѣ чего ожидать мнѣ, Господи?* вопрошаетъ Давидъ, и только святая вѣра говоритъ ему: *надежда моя на Тебя, Господи!* Въ волѣ Господа и возвести въ жизнь,—въ волѣ Господа подвергнуть насъ тяжкимъ испытаніямъ; въ Его же волѣ и прекратить нашу жизнь, когда восхоцетъ Онъ. Убѣжденный въ сѣмъ, уже не испытываетъ и не вопрошаетъ пророкъ Давидъ, а съ

полною покорностію волѣ Божіей говорить: *я сталъ нѣмъ,— не открываю устъ моихъ; потому что Ты содѣлалъ это* (Псал. 38, 8. 10).

Эти размышленія пророка Давида о ничтожествѣ земной жизни и о необходимости покоряться волѣ Божіей невольно воспоминаются при видѣ сего гроба, при молитвахъ о новопреставленномъ бояринѣ Василии, смерть котораго есть живая проповѣдь о суетѣ земной жизни, земныхъ предположеній и надеждъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ недавно трудился онъ съ нами, такъ недавно бесѣдовалъ съ нами, и ничто не давало знать, что это послѣдніе его труды,— послѣднія бесѣды. Строго умѣренный въ жизни, не позволявшій себѣ тѣхъ излишествъ, которыя губительно разрушаютъ организмъ человѣка, онъ могъ обѣщать себѣ еще жизнь довольно продолжительную, или, по крайней мѣрѣ, могъ надѣяться, что истощеніе силъ и болѣзнь будутъ постепенны и медленны; но положилъ на него Господь руку Свою, и болѣзнь такъ быстро стала разрушать его жизнь, что какъ тѣнь исчезающая, какъ паръ разсѣивающійся, исчезли силы его. Не мало на землѣ людей, которые, повидимому, уже окончили свои земныя дѣла, которые скучаютъ на землѣ, и все еще живутъ. Много такихъ, для которыхъ жизнь составляетъ едва выносимую тягость, которые призываютъ къ себѣ смерть, но смерть бѣжитъ отъ нихъ. Неисчетно велико число тѣхъ, которые живутъ не только безъ пользы, но даже во вредъ другимъ, и однако жизнь ихъ тянется очень долго. Не таковъ былъ почившій бояринъ Василій. Онъ поистинѣ былъ добрый рабъ Божій, честный дѣятель и притомъ на одномъ изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ поприщъ— на педагогическомъ, которому посвятилъ всю свою жизнь. Поставленный во главѣ нашей школы почти при самомъ ея учрежденіи, онъ всею душою предался ей, и, можно сказать, создалъ ее. Его стараніями приобрѣтена была земля для нея въ прекрасной тихой мѣстности. Его трудами зданіе школы было приведено въ благоустроенный

видъ. И любилъ же онъ свое дѣтище,—свою школу! Вотъ почему и на смертномъ одрѣ онъ такъ часто говорилъ о ней, заботился о ней. Не трогательно ли это? Не очевидное ли это проявленіе его глубокой любви къ школѣ? Любя свою школу, отдавая ей всѣ свои силы, онъ являлся въ ней и для соразработниковъ своихъ и для питомцевъ примѣромъ и прежде всего въ самомъ важномъ и святомъ,— въ вѣрѣ и благочестіи. Если бы наша мысль стала искать истиннаго христіанина, христіанина глубоко-вѣрующаго, украшеннаго многими добродѣтелями, то она смѣло и радостно могла бы остановиться на почившемъ бояринѣ Василии. Его бесѣды, которыя онъ такъ часто велъ съ нами, говорили объ его глубокой, чистой, несмущаемой никакими сомнѣніями вѣрѣ, его поступки доказывали его религиозное настроеніе души. Уставы св. Церкви онъ чтилъ и исполнялъ. Храмъ Божій онъ любилъ. Не было праздника, когда бы онъ не ходилъ въ храмъ. Вотъ почему видѣрить святую вѣру въ сердце своихъ питомцевъ, сдѣлать ихъ религиозными онъ считалъ самымъ важнымъ дѣломъ. Имѣя Бога въ сердцѣ, говорилъ онъ, человѣкъ имѣетъ крѣпкую силу дѣлать добро, бороться со зломъ, преодолевать искушенія. Поучителемъ онъ былъ и для насъ, его соразработниковъ, и для питомцевъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Трудолюбіе и добросовѣстность служебная отличали усопшаго во всю его жизнь. Не по мѣрѣ своихъ силъ, но нерѣдко и выше мѣры силъ своихъ трудился онъ при исполненіи своего долга. Самое быстрое развитіе его послѣдней болѣзни, можно думать, произошло отъ того, что онъ не удержался отъ служебныхъ трудовъ своихъ, когда болѣзнь уже началась. Но что особенно привлекательно было въ немъ,— это его изумительная скромность. Никогда, — никогда-то онъ не гордился и не превозносился. А какъ это рѣдко бываетъ въ нашъ вѣкъ гордыни и себялюбія!.. Достолюбезна и привлекательна была и кротость его. Онъ являлся для питомцевъ отцомъ любящимъ. На нихъ онъ дѣйстви-

валь не мѣрами строгости, а мѣрами, исполненными любви, мѣрами кротости. Для насъ, его соратниковъ, онъ былъ старшимъ любящимъ братомъ. Иъ нему всегда легко было обратиться. Всякій изъ насъ могъ сказать ему откровенно свое слово и въ отвѣтъ всегда могъ услышать столь же откровенное слово. Эти-то качества и заставляли любить его всѣхъ тѣхъ, которые приходили въ близкое соприкосновеніе съ нимъ. Тайна такихъ качествъ почившаго— смиренія и кротости—заключалась въ томъ, что онъ имѣлъ сердце, исполненное любви. А любовь, по слову св. Апостола, не превозносится и не гордится (1 Кор. 13, 4). Какой бы, казалось, жизни и желать продолжительности, какъ не этой жизни полезной, поучительной, благотворной?

Но постигла его болѣзнь, и онъ подкашивается косою смерти, подобно былинкѣ, подобно полевому цвѣтку, скошенному земледѣльцемъ. И невольно приходитъ на умъ: зачѣмъ живутъ люди бесполезные, а умираютъ люди, жизнь которыхъ благотворна и полезна? Много и еще вопросовъ является въ умѣ человѣка при видѣ такихъ противорѣчій, но въ концѣ-концовъ человѣкъ вмѣстѣ съ св. пророкомъ Давидомъ долженъ будетъ сказать: *я сталъ нѣмъ и не открываю устъ моихъ, потому что Ты содѣлалъ это.* Воля Божія изводитъ насъ въ жизнь безъ нашей воли, та же всемогущая воля воззываетъ насъ изъ жизни, не спрашивая нашего согласія, и кто можетъ противиться этой всемогущей волѣ? Да и нужно ли противиться ей, когда эта воля есть воля Отца нашего небеснаго, Который такъ любить насъ, какъ отецъ и мать земные не умѣютъ любить дѣтей своихъ? Нѣтъ, съ полною покорностію волѣ Божіей мы должны проводить свою земную жизнь, съ полною покорностію встрѣчать и смерть. Правда, въ виду приближающейся смерти невольный трепетъ возникаетъ въ самой безтрепетной душѣ, но уже и то служить добрымъ признакомъ христіанской преданности волѣ Божіей, если умирающій съ вѣрою и упованіемъ прибѣгаетъ къ святымъ таинствамъ Церкви. Съ искреннимъ утѣшеніемъ

мы должны сказать, что почившій бояринъ Василій предъ смертію очистился отъ грѣховъ чрезъ таинство покаянія и, убѣдивъ свою душу, съ упованіемъ соединился съ Господомъ чрезъ таинство св. причащенія. На наше предложеніе исповѣдаться и причаститься онъ съ радостію согласился и съ сердечнымъ умиленіемъ, со слезами благодарилъ Господа, пришедшаго въ храмину души его. Съ Господомъ въ душѣ онъ и отошелъ отъ насъ въ страну вѣчности.

Въ полной покорности волѣ Божіей должно искать себѣ утѣшенія и подкрѣпленія и осиротѣвшее семейство боярина Василя. Не легко, конечно, скорбящее сердце покорить волѣ Божіей, но покорить должно: воля Божія совершилась, и измѣнить ее нельзя. И для этой покорности есть полнѣйшее основаніе,—всеобъемлющая и никого не оставляющая любовь Божія, — все устрояющая къ благу нашему. Надежда на людей можетъ посрамить, а на Бога никогда.

Св. Церковь постоянно и учитъ насъ и молитвенно испрашиваетъ намъ помощи, чтобы мы и сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предавали.

Съ молитвами вѣры, упованія и любви предадимъ же Христу Богу и душу почившаго дорогого нашего боярина Василя. Помолимся Богу, всеблагому и премилосердному, да вселить Онъ душу почившаго въ обителяхъ небесныхъ и да даруетъ ему вѣчный покой. Аминь.

Свящ. С. Успенскій.

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ДИРЕКТОРА

МОСКОВСКОЙ ШЕСТОЙ ГИМНАЗИИ,

ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА РЯЗАНЦЕВА.

«Слушающій слово Мое, и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣеть жизнь вѣчную». При объясненіи этихъ и дальнѣйшихъ словъ Спасителя, проливающихся свѣтъ на нашу жизнь въ здѣшнемъ мірѣ глубокой скорби, взятыхъ изъ евангелія, которое положено Церковію читать при погребеніи умершихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ евангеліяхъ и особенно въ евангеліи отъ Іоанна, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, главнымъ предметомъ рѣчи евангелистовъ служитъ личность Спасителя, а не ученіе Его или нравственныя правила, предложенныя Имъ.

Это частію относится и къ остальнымъ писателямъ новаго завѣта. Если бы они хотѣли главнымъ образомъ и преимущественно изложить только ученіе Христа или нравственныя правила, предложенныя Имъ, то, можетъ быть, изложили бы ихъ въ систематическомъ порядкѣ, который сдѣлалъ бы излишними, или и вовсе ненужными, всѣ послѣдующія богословскія системы!

Евангелисты поступали иначе. Предъ ихъ глазами постоянно предносилась личность Спасителя, они были очевидцами и служителями Слова, и изображали, насколько было это для нихъ возможно, Его именно дѣятельность, а

все остальное у нихъ было выводомъ изъ главнаго содержанія ихъ рѣчи.

Отъ этого произошло то, что нравственныя правила и догматическія истины разбросаны безъ всякаго порядка и системы по разнымъ частямъ Новаго Завѣта, и людямъ стоитъ немалого труда и усилій приводить эти правила и истины въ порядокъ и взаимную связь.

Тутъ, если возможно сравненіе, произошло нѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ видимомъ мірѣ. Солнце свѣтитъ и грѣетъ, и его энергія выражается въ безчисленныхъ проявленіяхъ красокъ и цвѣтовъ, въ оживленіи и произрастаніи разныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ существъ и въ разнаго рода другой естественной и искусственной дѣятельности. Если мы будемъ изучать только цвѣта и краски, не относя разныхъ свѣтовыхъ явленій къ одной общей причинѣ и не объясняя ихъ ею, то едва ли уловимъ единство въ многообразіи, едва ли поймемъ порядокъ въ разнородныхъ и, повидимому, даже совсѣмъ несходныхъ между собою явленіяхъ.

Такъ и въ евангеліяхъ и особенно въ евангеліи отъ Іоанна. Разсматривая въ этомъ послѣднемъ евангеліи отдѣльное ученіе, отдѣльныя нравственныя правила, отдѣльные догматы, мы должны одновременно смотрѣть удивленными глазами и на самую личность Спасителя, если хотимъ сколько-нибудь понять внутреннюю связь того обширнаго догматическаго и нравственнаго матеріала, который содержится въ евангеліи.

Такимъ образомъ, трудно читаемыя и объясняемыя бесѣды Спасителя съ Никодимомъ и самарянкой сдѣлаются для насъ совершенно ясными, если мы обратимъ вниманіе на то, что главная цѣль указанныхъ бесѣдъ была навести, такъ сказать, этихъ людей на созерцаніе самаго образа Спасителя, заставить ихъ поднять глаза свои на свѣтъ или восходящаго или уже взошедшаго солнца!

Нѣчто подобное—и въ евангеліи, которое Церковь назначила читать по умершимъ. При чтеніи его нужно имѣть

въ виду прежде всего самый свѣтъ, а не тѣ его отливъ и переливы, которые, какъ въ кристаллахъ, блестятъ разнообразными цвѣтами и привлекаютъ къ себѣ изумленныхъ зрителей.

Слова, приведенныя въ евангеліи, произнесены Спасителемъ съ такою силою и властію, какихъ не имѣлъ и не имѣетъ ни одинъ изъ сыновъ человѣческихъ, и до настоящаго времени, послѣ многолѣтнихъ усилій науки, послѣ тщательнѣйшаго и подробнѣйшаго изученія устройства человѣческаго организма и духовной жизни человѣка, послѣ огромныхъ и славныхъ успѣховъ врачей, представляющія своей задачей поддержаніе и продленіе человѣческой жизни, являются предъ нами единственно-надежной путеводной звѣздой, освѣщающей предъ нами нашу будущую судьбу, единственнымъ знаменемъ, около котораго мы можемъ смѣло идти, не смущаясь и не опасаясь паденія!

Кто этой судьбой не интересуется? Кто не размышляетъ о томъ, что на мѣсто постоянно текущихъ и измѣнчивыхъ явленій должно же когда-нибудь наступить нѣчто прочное, постоянное и неизмѣнное?

Кто отрицаетъ за гробомъ продолженіе человѣческой жизни, въ какихъ-либо формахъ?

Часто вѣдь и невѣрующіе предпринимаютъ и совершаютъ во время своей здѣшней земной жизни невѣроятные и необъятные труды, которые представлялись бы безсмыслицей, если бы не предположеніе, что и эти люди, открыто отрицающіе Бога и загробную жизнь, имѣютъ однако нѣкоторое внутреннее убѣжденіе въ необходимости существованія этихъ предметовъ, и что такое убѣжденіе служитъ на самомъ дѣлѣ главнымъ мотивомъ всей ихъ дѣятельности.

Загадка относительно нашей будущей судьбы, насколько возможно и нужно для насъ, разрѣшается для насъ личностію и жизнію Спасителя. Онъ говоритъ, что слушающіе слово Его и вѣрующіе въ посланнаго Его, имѣютъ

жизнь вѣчную. Даже и въ то время, когда жилъ на землѣ Спаситель, духовно-мертвые оживали и переходили въ лучшую жизнь. А жизнь эта—въ Немъ самомъ. И этому не долженъ никто удивляться. Ибо, говорить Спаситель, наступитъ время, въ которое всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни...

Какъ все это поучительно! Дѣлайте добро, постоянно взирая на образъ Христа, возвышайтесь подъ руководствомъ Его божественной личности, и умственно и нравственно, и получите жизнь вѣчную, пробудитесь въ воскресеніи жизни!

Образъ Спасителя и свѣтъ, отъ него исходящій, не только освѣщаютъ предъ нами загробную тьму и бездну, въ которую неминуемо падаютъ люди, но и облегчаютъ здѣшній нашъ путь скорби и страданій. Какъ часто, въ минуты счастья, мы отвращаемся отъ этого образа и блуждаемъ по опаснымъ и невѣрнымъ путямъ! Но лишь только коснется сердца нашего печаль, лишь только мы чувствуемъ въ членахъ своихъ боль и страданіе, мы снова и снова обращаемся къ этому образу и ищемъ въ лицезрѣніи Спасителя улады и утѣшенія.

Вотъ эти бранные останки почившаго раба Божія, новопреставленнаго боярина Василия. Свѣтъ, исходящій отъ Спасителя, освѣщаетъ и ихъ, и самый гробъ, въ который положено тѣло почившаго.

Какъ человѣкъ, глубоко вѣрующій, преданный сынъ Церкви, полный глубокаго смиренія, онъ несомнѣнно при жизни своей видѣлъ этотъ свѣтъ и слышалъ гласъ Сына Божія, призывающій къ вѣчной жизни. Какъ человѣкъ, много заботившійся о здѣшнемъ учебномъ заведеніи и даже создавшій его и въ часы смерти своей собравшій около себя единокорное и многочисленное общество своихъ питомцевъ, сослуживцевъ и почитателей, онъ несомнѣнно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ свѣта, исходящаго отъ Сына Божія, несомнѣнно старался провести въ жизнь

евангельскія начала, наставленія и правила, чѣмъ и объясняется успѣхъ его дѣятельности.

Да увидеть же онъ въ радость Господа своего! Да исполнятся на немъ слова Христовы, въ которыхъ говорится, что творившіе добро изыдутъ въ воскрешеніе жизни!

Вѣримъ, что наступитъ моментъ, когда личное, индивидуальное сознание человѣка снова пробудится и снова освѣтитъ омраченные смертію предметы видимаго міра, и что мы тогда узнаемъ снова лицъ, когда-то бывшихъ къ намъ близкими, и что вся прежняя жизнь человѣка и окружающихъ его прояснится...

Вѣримъ, что тогда жившіе здѣсь, на землѣ, увидятъ новое небо и новую землю, увидятъ и то, что прежнее небо и прежняя земля миновали. И услышатъ они громкій голосъ съ неба, говорящій: «се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ и отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло»...

Молимся и надѣемся, что Господь Богъ упокоитъ душу раба Своего, новопреставленнаго боярина Василя, въ лонѣ праведныхъ!

Свящ. М. Оувейскій.

27 февраля 1902 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ УЧЕНИКОВЪ МОСКОВСКОЙ МАРОНОВСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ МОНАСТЫРИ НИКОЛО-УГРЪШСКОЙ, САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОЙ И СЕРГІЕВУ ЛАВРУ.

Зная, какъ сильны впечатлѣнія дѣтства, читая и слыша о паломничествѣ малолѣтнихъ учениковъ многихъ школъ, будучи самъ большимъ любителемъ путешествовать пѣшкомъ и не на близкія разстоянія (на 40 вер. ходилъ со всей своей семьей, не исключая и 6 лѣтн. дѣвочки), я еще прошлымъ лѣтомъ имѣлъ намѣреніе посѣтить хоть одну св. обитель съ своими школьниками. Что не удалось лѣтомъ 1900 года, то Господь благословилъ привести въ исполненіе прошлымъ лѣтомъ.

Не зная выносливости своихъ учениковъ, я для перваго выхода выбралъ Николо-Угрѣшскій монастырь, какъ ближайшій къ Москвѣ.

Днемъ путешествія назначили 6 іюня.

Когда я объявилъ мальчикамъ, которыхъ могъ лично видѣть, о намѣреніи идти съ ними на Угрѣшу, то встрѣтилъ съ ихъ стороны и со стороны ихъ родителей живой сердечный откликъ. Скоро мальчики сообщили своимъ товарищамъ, и вотъ 5 іюня къ вечеру собралось сравнительно ¹⁾ значительное количество пожелавшихъ участво-

¹⁾ Нѣкоторые изъ нашихъ мальчиковъ на лѣто имѣютъ возможность уѣзжать въ деревню къ роднымъ.

вать въ богомольи. Рѣшено было ночевать въ школѣ, чтобы раннимъ утромъ (4—4½ ч.) выйти къ Рязанскому вокзалу и съ поѣздомъ въ 6 ч. 20 м. ѣхать до ст. Люберцы. Какъ занимала дѣтей мысль о путешествіи, было видно по ихъ веселымъ сіяющимъ лицамъ. Мальчики явились въ праздничной чистой одеждѣ, а нѣкоторые даже въ новой. Какъ съ вечера ¹⁾ не было конца взаимнымъ разговорамъ, такъ и утромъ половина мальчиковъ съ 3 час. уже не могла спать (самъ я почти не спалъ во всю ночь).

По прочтеніи утреннихъ молитвъ (какъ обычно въ школѣ), пропѣли тропарь Св. Николаю, и затѣмъ мальчики (16 чел.) вышли въ предшествіи «дядьки» и въ сопровожденіи моемъ и учительницы Анаст. Дм. Успенской (она, лишь только узнала о намѣреніи нашемъ, объявила, что пойдетъ съ нами, куда угодно). Помолившись на храмъ, парами двинулись мы въ путь. Нечего и говорить, что путь до вокзала былъ пройденъ «веселыми ногами»... Быстро заняли мальчики мѣста въ вагонѣ, причемъ каждая пара сидѣла у отдѣльнаго окна. Недолго и... свистокъ, а затѣмъ... все новые и новые виды. Впечатлѣніямъ, вопросамъ не было конца. Оказалось, что больше половины нашихъ спутниковъ никогда не видали деревни... Но вотъ уже и Люберцы. Со станціи было намѣреніе итти непременно пѣшкомъ, хотя дороги никто изъ насъ не зналъ. Скоро мы вышли въ поле, а затѣмъ и къ лѣсу. Разговоры между мальчиками и попутныя бесѣды съ ними мои и учительницы почти не прерывались... Дорогой попались бѣлые грибы. Сколько радости! «Покажи, покажи!!!» десятокъ голосовъ къ счастливцу,... а счастливецъ нагнулся и еще нашелъ тоже бѣлый... Незамѣтно добрались до обители. Пришли къ началу литургіи (поздней), отстояли, конечно, до конца. Было около 11 час., когда кончилась литургія, а дѣти и мы еще ничего не вкушали, посему рѣшено было сейчасъ

¹⁾ Съ вечера я прочелъ мальчикамъ небольшую брошюру о Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ.

же подкрѣпить себя пищею. Идемъ въ гостинницу. Дорогой мальчики навели справки: далеко ли купанье и хорошо ли? День былъ очень жаркій. По лицамъ мальчиковъ можно было видѣть, что имъ очень хочется освѣжиться хорошимъ купаньемъ. Идемъ къ Москвѣ р. Видимъ песчаный берегъ и рѣшили купаться «на волѣ». Черезъ 2—3 мин. мои мальчики всѣ барахтались въ водѣ,—нѣкоторые плаваютъ и недурно. Берегъ на большое разстояніе очень мелкій, опасности не можетъ быть никакой, даже для не умѣющихъ плавать. Выкупались мы здѣсь съ такимъ удовольствіемъ, о которомъ московскіе мальчики никогда не могутъ и мечтать. Приходимъ въ гостинницу; здѣсь насъ ждетъ чай съ сладостями и бѣлымъ хлѣбомъ. Анаст. Дмитр. вошла въ роль хозяйки: напоила и накормила всѣхъ досыта. Рѣшено было теперь осмотрѣть монастырь. Обошли вездѣ и все. Были въ монастырской лавочкѣ, гдѣ каждый купилъ себѣ на память или книжку (нѣкоторые по 2 и бол.), или образочекъ. Были между прочимъ около архіерейскихъ покоевъ, на могилахъ архимандр. Пимена и многими москвичами почитавшагося и поминаемаго старца іеросхимон. Іосифа (Іова). Долго, очень долго любовались наши мальчики знаменитыми угрѣшскими прудами, кормили, по обычаю, рыбу, совершенно изумляясь тому, что рыба не только не боится народу, а сама идетъ цѣлыми стаями туда, гдѣ больше людей.

Молебень Угоднику Божію Св. Николаю условились мы служить въ 2 часа. Когда настало время, всѣ чинно отправились въ соборъ; здѣсь предъ чудотворнымъ образомъ возжена была свѣча отъ усердія паломниковъ, и мною былъ отслуженъ молебень, причемъ все пѣли мальчики одни безъ учителя (онъ никакъ не могъ намъ сопутствовать).

Долго мы любовались съ паперти стараго собора прекраснымъ видомъ селъ и засѣянныхъ полей, живописно расположившихся на скатѣ праваго берега Москвы-рѣки.

Выкупавшись еще разъ и закусивши тѣмъ, что было

взято съ собою, мы двинулись около 3 час. дни въ обратный путь. При входѣ въ лѣсъ мы сдѣлали недолгій привалъ и затѣмъ мелколѣсьемъ двинулись къ станціи. Палящіе лучи солнца падали почти отвѣсно. Тѣни нѣтъ. Малыши вскорѣ (вер. черезъ $1\frac{1}{2}$ —2) запросили еще привала. Сѣли... разговариваемъ... вдругъ, поровнявшись съ нами, останавливается пара лошадей... за ней еще пара... «Батюшка, мы довели бы»... «недорого возьмемъ»... Я оглядѣлъ мальчугановъ и прочиталъ, что ясно говорили ихъ лица. Начался торгъ... минута... другая, и ребята, лишь только услышали: «ну-пожалте», мигомъ заняли небольшіе 2 экипажа, т. н. линейки, и мы трое большихъ оставались безъ мѣста. Пришлось рассадить на 2 линейки всѣхъ... Никто не остался безъ мѣста. Всѣ веселы. Въ полномъ благодушіи въ 5 часу возвратились мы въ Люберцы, гдѣ и дождались поѣзда, отходящаго съ этой именно станціи, причемъ опять заняли въ совершенно свободномъ вагонѣ почти всѣ мѣста у оконъ. Веселые, довольные добрались мы до Москвы и двинулись попарно къ Краснымъ ворот., по Мясницкой и т. д. Къ Якиманкѣ подходили часовъ въ 9. Если вспомнить, что день 6 іюня начался у насъ съ $3\frac{1}{2}$ час. утра, то станетъ понятнымъ, почему многіе изъ насъ—были и 8-лѣтніе—добрались до дому уже утомившись. Видѣлъ это я, виновникъ путешествія и, признаюсь, день—два меня не оставяла мысль, что мои спутники 2-й разъ едва ли куда-нибудь пойдутъ со мной.

Въ субботу 9 іюня предъ всенощной, увидавъ чело-вѣкъ 6—8 изъ паломниковъ своихъ, я спросилъ ихъ: отдохнули ли, понравилось ли путешествовать, пойдутъ ли еще куда-нибудь. Въ отвѣтахъ мальчиковъ я не могъ замѣтить и тѣни какого-либо недовольства, намека на усталость. Такъ было въ субботу, а въ воскресенье 10-го числа меня мальчики допрашиваютъ: когда и куда еще пойдѣмъ? Я имъ объявилъ, что, если они не боятся устать, хорошо бы побывать въ Саввиномъ монастырѣ (гдѣ самъ я бы-

валъ не разъ съ своей семьей и гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно, природа такъ богата, что окрестности Звенигорода и особенно Саввина монастыря считаются живописнѣйшими изъ подмосковныхъ). Объявилъ я своимъ собесѣдникамъ и приглашеніе одного московскаго врача Ник. Мих. Галактионова,—который состоитъ директоромъ санаторія въ Аляуховѣ,—пожаловать къ нему на ночлегъ. Аляуково отстоять отъ ст. Голицыно вер. въ 9—10, а отъ Саввина монастыря вер. въ 5—6. Слѣдовательно, мы, объясняя я, на полпути будемъ имѣть и ночлегъ, и угощеніе.

Назначили день—13 іюня, ровно чрезъ недѣлю послѣ путешествія на Угрѣшу. Я объявилъ, что выйти придется съ Бабьяго городка въ среду въ 1 часъ дня, а возвратимся въ пятницу совсѣмъ къ вечеру. И вотъ въ среду 13 числа въ первомъ часу стягиваются малыши къ школѣ, у каждаго небольшая корзина или кружка, или кувшинъ. Это, по моему предложенію, на случай, если будетъ попадаться земляника. Нѣкоторыхъ малышей привели родители.

1 часъ дня... Сборы къ концу... «Мальчики въ пары!..» Вышли со школьнаго двора, помолились на храмъ и напутствуемые добрыми пожеланіями и даже крестнымъ знаменіемъ родителей (нѣкоторые изъ нихъ умилились до слезъ при видѣ группы паломниковъ 8—12 л.), направились къ Смоленскому вокзалу. День былъ очень жаркій... Среди дня пришлось идти частію по раскаленнымъ тротуарамъ (часть пути лежала бульварами), и паломники по приходѣ въ вокзалъ устремились къ водѣ. Поездъ до ст. Голицыно отходилъ минутъ чрезъ 40—50... Билеты взяты, идемъ въ вагонъ, и опять у каждаго окна по 2 мальчика. Зная, что жажда будетъ одолевать насъ и дорогой, мы запаслись (въ кувшинахъ и кружкахъ) водой. Когда же мы въ эту воду опустили изрѣзанные лимоны, то получилось у насъ весьма пріятное питье, которымъ и утоляли жажду всѣ желавшіе.

Какъ извѣстно, по обѣимъ сторонамъ полотна Бр. ж. д.

почти непрерывный рядъ дачъ, которыя нерѣдко отличаются замѣчательнымъ убранствомъ. Мальчики не отрывались отъ оконъ, интересуясь постоянно смѣняющимися картинами. При остановкѣ поѣзда на ст. Одинцово любовались на вокзалъ. Я сказалъ своимъ спутникамъ, почему здѣсь такой хорошій—красивый вокзалъ: очень часто здѣсь бываетъ Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Бываетъ здѣсь даже Государь Императоръ... Но вотъ и Голицыно... Ник. Мих. приказалъ одному изъ служащихъ у него дожидаться насъ на станціи и проводить въ «Аляухово». И вотъ въ предшествіи путеводаителя двинулись мы (числомъ 21: я, учительница, дядька и еще 1 спутникъ и 17 мальчиковъ). Было 5½ час. веч. Нашъ путеводаитель повелъ насъ кратчайшею дорогою, гдѣ можно было къ тому же избѣгать ужасной пыли (какъ по шоссе) и пользоваться по временамъ тѣнью. Прошли мы 1½—2 вер. и вышли на широкое старое можайское шоссе, по которому въ 1812 году шель къ Москвѣ грозный завоеватель—Наполеонъ. (Это, конечно, дало поводъ къ бесѣдамъ). Вдоль шоссе тянется валъ, а по валу и въ канавкѣ масса земляники. Можно себѣ представить радость дѣтей! (Очень многіе изъ нихъ доселѣ не видывали, какъ и гдѣ растеть земляника). Скоро такъ увлеклись всѣ, что уже едва-едва двигались впередъ. И лишь когда прошли весь этотъ валъ (вер. 3—4), тогда сѣли для отдыха. Дальше путь лежалъ лѣскомъ... Верстахъ въ 6—7 отъ ст. Голицыно лежитъ дер. «Раево», по которой течеть рѣчка съ холодной ключевой водой. Какъ всѣ мы обрадовались водицѣ! Съ жадностію припали къ ручью, такъ какъ всѣхъ насъ, прошедшихъ 6—7 вер. въ жаркій лѣтній день, опять мучила сильная жажда. Освѣжившись у родника, мы поднялись на очень крутую гору и сейчасъ же вошли въ лѣсъ, принадлежащій гр. Шереметеву, который перешли очень скоро. По выходѣ изъ лѣса нашъ путеводаитель объявилъ: «вотъ и Аляухово (видно вер. за 1½). Былъ 9-й часъ вечера. Подходимъ... насъ ждуть,

встрѣчаютъ самъ директоръ, его жена съ маленькой дочкой, братъ и сестра его. Многіе изъ проживающихъ въ санаторіи знали о приходѣ школьниковъ съ священникомъ и тоже вышли навстрѣчу. Сначала дичившіеся мои малыши, лишь только увидали искреннюю привѣтливость, ласку со стороны хозяевъ, освоились съ своимъ положеніемъ «званныхъ и жданныхъ гостей» и, привыкшіе въ большинствѣ къ убогой обстановкѣ семейной жизни, чувствовали себя какъ дома, находясь въ богатомъ, роскошно убранномъ санаторіи. Самъ директоръ предложилъ передъ чаемъ, который былъ уже готовъ, искупаться. Мальчики обрадовались такому предложенію. Минуты 3 и мы у купаленъ. Купальни (4) на громадномъ глубокомъ пруду (запружена рѣка; есть даже мельница). Освѣжились чудно!.. «Ну, ребятки! Теперь къ чаю», сказалъ привѣтливо директоръ, искупавшійся вмѣстѣ съ нами. За чаемъ наши малыши, оказалось, могли въ изобиліи подкрѣпить себя и пищею.

Прошло 1—1½ часа, какъ мы въ Аляуховѣ. Дѣти вздохнули, подкрѣпились и глядѣли веселыми и довольными. Директоръ пришелъ освѣдомиться: сыты ли его гости и отдохнули ли? Зная, что нѣкоторые наши мальчики обладаютъ хорошими и даже очень хорошими голосами и довольно искусны въ пѣніи (Ник. Мих. былъ въ числѣ приглашенныхъ на елку въ нашей школѣ 30 дек. 1900 года), гостепріимный хозяинъ просилъ нашихъ малышей что-нибудь пропѣть, упомянувъ при этомъ, что желали бы послушать ихъ пѣніе и проживающіе въ санаторіи. Такимъ образомъ мальчикамъ предстояло дать что-то въ родѣ дѣтскаго концерта въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ и обществѣ и, къ довершенію всего, безъ руководителя ¹⁾... На первое время головщиками нашего дѣтскаго хора овла-

¹⁾ Учит. пѣнія И. Еф. Кондратьевъ изъ Москвы отправился вмѣстѣ съ нами, но со станціи направился прямо въ Звенигородъ: онъ былъ съ женой.

дѣла робость, но было рѣшено устроить хоть небольшую репетицію. Ни нотъ, ни словъ съ ними, конечно, не было. Поэтому если что можно было пѣть, то нужно было пѣть все на память.. Репетиція ободрила головщиковъ, а за ними смѣло шли и остальные. Къ концу репетиціи пришелъ братъ директора и сказалъ, что ждутъ пѣвцовъ, всѣ собрались въ «курзалъ». Идемъ чинно, куда насъ ведутъ. Входятъ малыши въ курзалъ. Народу человѣкъ, кажется, 20—25, кромѣ тѣхъ, которые слушать рѣшили съ террасы или сидя невдалекѣ на скамьяхъ въ саду. Курзалъ!.. Это очень большой залъ, въ одномъ концѣ котораго устроена сцена съ эстрадой, занавѣсомъ и пр. (большой домашній театр). И вотъ къ эстрадѣ поставили «славныхъ артистовъ». Признаюсь,—живо это помню,—лично я находился въ довольно сильномъ волненіи... Мальчики расположились сами по голосамъ... минута тишины... Несмѣлый робкій голосъ начинается: «Колокольчики мои»..., секунда-другая присоединяются всѣ... дальше—смѣлѣе, смѣлѣе... Но вотъ и конецъ этой недлинной пѣсенки... Публика надѣляетъ исполнителей знаками одобренія. Совсмѣло, по домашнему поется: «Славься, славься»... Болгарскій маршъ... «Коль славенъ»... «Птичка Божія» (дуэтъ) и др. Чѣмъ больше пѣли мальчики, тѣмъ становились смѣлѣе. Въ заключеніе «артисты» съ воодушевленіемъ пропѣли народный гимнъ, который всѣми былъ выслушанъ стоя... Смолкли наши пѣвцы... Громко повторили слушатели знаки своего одобренія... Начались разспросы: «какой школы; сколько кому лѣтъ; какъ могутъ пѣть наизусть безъ учителя?..» Кто-то изъ присутствовавшихъ добавилъ: «а я предполагалъ, что въ церковныхъ школахъ только церковному пѣнію учатъ». Я на это сказалъ, что церковное пѣніе нашимъ мальчикамъ такъ извѣстно, что мы въ Саввиномъ монастырѣ намѣреваемся пѣть одни всѣ литургійныя пѣснопѣнія... И это не въ первый разъ: многократно пѣвали въ Москвѣ въ своемъ приходскомъ храмѣ.

Какъ передалъ мнѣ потомъ при свиданіи Ник. Мих.,

впечатлѣніе отъ пѣнія нашихъ малышей было довольно сильное и послужило поводомъ къ немалымъ разговорамъ (исключ. лестнымъ для пѣвцовъ).

По окончаніи «концерта» (былъ 11-й часъ) дѣти были отведены на ночлегъ въ большой флигель, который (и единственно онъ) тогда, на наше счастье, былъ свободенъ. Уставшіе путники скоро всѣ заснули на свѣжемъ снѣгѣ такъ крѣпко, какъ умѣетъ спать только счастливая беззаботная дѣтвора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКОРЬ И УТЪШЕНІЕ.

Взыскую «грядущаго града», христіанинъ православный не можетъ равнодушно относиться и къ участи градовъ земныхъ, къ судьбамъ народовъ и царствъ, и прежде всего—къ судьбѣ нашего дорогого Отечества. Въ счастливыхъ обстоятельствахъ его исторической жизни, въ его процвѣтаніи и благополучіи онъ видитъ знаменіе милости Божіей. Напротивъ, въ событіяхъ печальныхъ, въ упадкѣ и разстройствѣ жизни, со скорбію усматриваетъ грозный персть Божій, наказывающій людей за грѣхи ихъ.

И о, если бы мы постоянно были проникнуты духомъ тѣхъ истолкователей исторіи человѣчества, которые научаютъ насъ, особенно уроками изъ исторіи ветхозавѣтной, разсматривать судьбы народовъ, какъ судъ Божій надъ ними! О, если бы мы всегда стремились соотносить событія нашей общественной и государственной жизни съ нашею собственною жизнью!

Православно-русскому чувству, за послѣднее время, ниспослано, по законамъ суда и правды Божіихъ, много тяжкихъ испытаній. Волны неразумнаго и неосмысленнаго ропота, захватившія преимущественно нашу, беспомощную и легко увлекаемую всякими «вѣтрами ученія», молодежь, выбросили на поверхность жизни самое негодное, что есть въ ней,—въ лицѣ тѣхъ, забывшихъ о Богѣ, долгѣ и чести, людей, которые предательски-преступно дерзнули посягнуть на слугъ Царевыхъ. Отъ ихъ преступной руки одинъ за другимъ «пали сильные», мужи долга, слуги Царя и Отечества,—министры: Н. П. Боголѣповъ и Д. С. Сипягинъ.

Россія оплакиваетъ ихъ и скорбитъ о нихъ скорбью матери. И не о нихъ только, но и о тѣхъ, поистинѣ несчастныхъ, отъ руки которыхъ они пали. Скорбитъ и о себѣ самой ибо вѣдь изъ ея нѣдръ вышли эти несчастные посягатели на чужую жизнь.

Но вотъ, среди этой скорби, какъ лучъ свѣта среди сумрачнаго дня, просіяла вѣсть о томъ, что тотъ, кого Верховная Воля избрала въ преемники сраженному злодѣйскою рукою государственному мужу,—вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве,—тотчасъ-же по назначеніи на важный и отвѣтственный постъ, идетъ искать помощи и вразумленія въ одномъ изъ тѣхъ средоточій православно-русской жизни, куда всегда стекаются, ради духовнаго обновленія, толпы православно-русскихъ людей: у мощей Преподобнаго Сергія.

Обрадованное и утѣшенное въ скорбяхъ своихъ этимъ извѣстіемъ, православно русское чувство привѣтствуетъ новаго слугу Царскаго своими благожеланіями: «да дастъ Господь по сердцу его и да вразумитъ его Своею мудростію! Да поможетъ ему проходить трудное и отвѣтственное поприще согласно ученію Вѣры Православной и великимъ завѣтамъ поучительной Русской Исторіи!»

Непосредственно за симъ мы помѣщаемъ привѣтственную рѣчь, сказанную у мощей Преподобнаго Сергія министру В. К. фонъ-Плеве досточтимымъ о. казначеемъ Троицко-Сергіевой Лавры, архимандритомъ Никономъ. Она служить отраженіемъ одного изъ тѣхъ важныхъ историческихъ моментовъ, въ которые государственная мудрость ищетъ освѣженія и укрѣпленія въ живыхъ струяхъ православно-русскаго чувства, сосредоточеннаго въ Богѣ и великихъ Угодникахъ Его.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, В. К. фонъ-Шлеве,
у мощей преподобнаго Сергія, при поднесеніи ему св. иконы,
12 апрѣля 1902 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Боголюбивый Вячеславъ Константиновичъ!

Одинъ изъ почившихъ нашихъ старцевъ говорилъ: «полюби святого Сергія: онъ былъ Русскій въ душѣ; полюби его искренно, и онъ тебя полюбитъ». А что же другое, если не любовь къ Преподобному Сергію, привело Васъ сюда? Вы пришли къ его гробу, чтобъ получить здѣсь благословеніе на новый великій подвигъ служенія, или, скажу по-монашески—на новое святое послушаніе, возлагаемое на Васъ волею Благочестивѣйшаго нашего Государя. И гдѣ благоприличнѣе искать сего благословенія, если не у гроба великаго Споручника Русскаго Самодержавія? Да, Преподобный Сергіи есть споручникъ Самодержавія Царей нашихъ: его святая подпись скрѣпила актъ величайшей государственной важности—завѣщаніе Димитрія Донскаго, то завѣщаніе, изъ котораго, можно сказать, органически выросло Русское Самодержавіе.—Онъ великій печальникъ Русской земли: кто не знаетъ, что о стѣны его святой обители, какъ о скалу несокрушимую, разбились всѣ козни и своихъ воровъ измѣнниковъ, и чужихъ враговъ Русской земли въ 1608—10 гг.? И въ 1812 году нога вражья не переступала порога его обители.—Онъ—великій ревнитель Православія: въ смутную эпоху междоусобицы, когда Москва была въ рукахъ поляковъ, въ

его обители одинъ вѣрный сынъ родной земли, служитель Церкви, разъ оплакивалъ судьбу отечества: ему казалось, что теперь уже насталъ конецъ Православію на Руси. И вотъ онъ, утомленный печалью, задремалъ, и вдругъ слышитъ голосъ: «кто ты, который думаешь, будто не быть на Руси Православію, и хочешь испытывать судьбы Божіи? А того не знаешь, что за васъ молятся угодники Божіи, да и вашъ Сергій чудодѣйствующій. И будетъ на Руси Православіе — по прежнему». — Преподобный Сергій — великій, Богомъ избранный воевода Русской земли: одинъ его жизнеописатель справедливо говоритъ, что время общественныхъ бѣдствій на Руси — *его* время: когда кажется, что все уже гибнетъ, что нѣтъ больше никакихъ средствъ ко спасенію отечества, возстаетъ — Сергій, и Русь снова спасена, и снова выходитъ на свой историческій путь. Вотъ почему въ сознаниі народа живъ онъ, угодникъ Божій: вѣдь онъ не умиралъ, онъ, по выраженію церковному, — только *преставился* отъ земли на небо и тамъ молится Богу за родную Русь, на которую и смотритъ съ высоты небесной... Вотъ почему мы, иноки его святой обители, вчера съ радостью узнали, что Вы идете на поклоненіе преподобному нашему небесному Игумену: мы вѣруемъ, что онъ поможетъ Вамъ въ предстоящемъ многотрудномъ служеніи Вашемъ родной землѣ. И пусть эта святая икона, освященная прикосновеніемъ къ его нетлѣннымъ мощамъ, будетъ видимымъ знаменіемъ его Вамъ благословенія: притекайте къ нему во всѣхъ своихъ скорбяхъ, повѣдайте ему всѣ свои нужды и затрудненія: онъ вразумитъ, научитъ, отъ всякой бѣды покроетъ и поможетъ Вамъ разсѣять тотъ туманъ, который въ послѣднее время такъ сгустился надъ Русскою землей... Да воскреснетъ Богъ, да возстанетъ Преподобный Сергій, и расточатся всѣ враги дорогой нашей Русской земли!..

Архимандритъ Никонъ.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ІАНАННА VII (ЦАЦОСЬ).

БЕСѢДА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

**Первосвященническая молитва Іисусова къ Отцу Его
небесному.**

1) *Сія глагола Іисусъ, и возведе очи Свои на небо, и рече: Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя: 2) Якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный. 3) Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Еюже послалъ еси Іисусъ Христа.*

Іоан. XVII, 1—3.

§ 1. Излагаемая въ настоящей главѣ возвышеннѣйшая молитва Іисусова отрываетъ сама по себѣ величіе дѣла искупленія, отъ коего весьма многіе, увы! отвращаютъ взоръ свой съ холоднымъ равнодушіемъ, и никто не можетъ и до гроба оцѣнить это дѣло по истинной его силѣ! Безумны и безразсудны обрекающіе душу свою на погибель! Если бы дѣйствительно понимали, Кто за насъ молится, къ Кому Онъ молится и о чемъ, то, конечно, отнюдь не дѣлали бы того, что нынѣ необдуманно творять, не сознавая, какое важное значеніе имѣло и какую силу приобрѣло искупленіе человѣческаго рода Христомъ. Дѣло сіе должно было со-

*) См. майскую кн. Душепол. Чт. 1902 г.

вершиться на крестѣ, на которомъ Иисусъ испустилъ духъ, «Праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови» (1 Петр. III, 18)... Господь нашъ сказалъ ученикамъ Своимъ: «Нынѣ прославися Сынъ Человѣческой, и Богъ прославися о Немъ» (Іоан. XIII, 31); но когда именно «нынѣ?» Подразумѣваетъ ли Господь время, когда «внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во Человѣцѣхъ благоволеніе?» (Лук. II, 13—14). Не подразумѣваетъ ли Господь то время, когда Онъ «видѣ разводящая небеса, и Духа яко голубя, сходяща Нанъ. И гласъ бысть съ небесе: Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ?» (Мар. 1, 10—11). Не подразумѣваетъ ли Господь время, когда Онъ «преобразися предъ ученики Своими, и просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы яко свѣтъ?» (Матѣ. XVII, 2). Или, быть можетъ, Господь имѣетъ въ виду то время, когда «народъ многъ пріяша ваіа отъ фѣникъ, и изыдоша въ срѣтеніе Ему, и зваху глаголюще: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ?» (Іоан. XII, 13). Конечно, нѣтъ. Какое же время и какую славу подразумѣваетъ Господь нашъ, говоря: «Нынѣ прославися Сынъ Человѣческой?» Безъ сомнѣнія — то время, когда Ему предстояло на крестѣ прославиться исполненіемъ воли Отца Его небеснаго и совершеніемъ искупительной за міръ весь жертвы. Онъ подразумѣваетъ ту славу, когда Ему надлежало «чада Божія расточеная собрати во едино» (Іоан. XI, 52) и составить изъ нихъ «едино стадо», святую Свою Церковь, «яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утверженіе истины» (1 Тим. III, 15), «ейже глава—Христосъ» (Ефес. V, 23; Кол. 1, 18).

§ 2. Чрезъ крестъ Спасителя надлежало прославиться Отцу чудеснымъ и поразительнымъ явленіемъ святости и милосердія Его. «Отче, прослави Сына Твоего»: соверши божественною Твоею силою спасеніе міра, близкаго къ гибели, «да и Сынъ Твой прославить Тя», свидѣтельствуя грѣшному міру, что «чисто око Твое еже не видѣти зла, и

взирати на труды болѣзненные» (Аввак. 1, 13) и что «такъ возлюбилъ еси міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго далъ еси, да всякъ вѣруяй Вошь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный» (Іоан. III, 16). Вотъ какимъ образомъ «прославился Сынъ человѣческой и Богъ прославился въ Немъ», або «Богъ далъ Ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ есть Ему, дастъ имъ животъ вѣчный».

§ 3. «Всяко еже далъ есть Ему Отець» — всѣ эти вписаны «въ книгахъ животныхъ Агнца заколеннаго отъ словенія міра» (Апок. XIII, 8), то-есть—всѣ, кому предстоитъ воспользоваться Христовымъ искупленіемъ, такъ какъ «никтоже можетъ прійти ко Христу, аще не Отець привлечетъ его» (Іоан. VI, 44); привлеченные даны Ему такимъ образомъ Отцемъ. Сказано уже было, что «все еже даетъ Ему Отець, къ Нему пріидетъ» (Іоан. VI, 37). Вѣра, конечно, приводитъ ко Христу, но вѣра—даръ, принятый отъ Него; а спасеніе, которое — плодъ этой вѣры есть, даръ Божій Сыну; подлежащая же Ему радость, ради коей Онъ подвергался униженію и поруганію, есть удовлетвореніе за скорбь души Его.

§ 4. Въ этомъ — нѣкоторая тайна, въ которую, въ счастію, можемъ мы проникнуть. Намъ открылъ ее Самъ Господь, утверждая, что Богъ «не хочетъ смерти грѣшника» (Іезк. XVIII, 32), но «всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прійти» (1 Тим. II, 4). «Трости сокрушены не сотреть и льна курящаяся не угасить» Онъ (Ис. XLII, 3). Когда грѣшникъ еще вдали отъ Него, Богъ видитъ его, призываетъ его, какъ любвеобильный Отець, чтобы тотъ принялъ милость Божию. «Грядущаго къ Нему не изженетъ Онъ вонъ» (Іоан. VI, 37). Такъ говоритъ Онъ чрезъ пророка Своего: «И ты о Бозѣ своемъ обратишися, милость и судъ снабди, и приближайся къ Богу своему присно» (Ос. XII, 6). «И нынѣ глаголетъ Господь Богъ вашъ: обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постъ и въ плачи, и въ рыданіи, и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша, и обратитесь ко Господу Богу вашему:

яко милостивъ и щедръ есть, долготерпѣливъ и многомилостивъ, и раскаявайся о злобахъ» (Іоил. II, 12—13). Господь отнюдь не оставилъ насъ въ неувѣренности ни относительно истинъ, отъ коихъ зависитъ вѣчная жизнь, ни относительно того, кому принадлежитъ она. Если бы мы и ничего объ этомъ не знали, то нашли бы себѣ разъясненіе въ словахъ Иисусовой молитвы: «Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа».

§ 5. «Да знаютъ Тебе». Вотъ—цѣль искупленія во Христѣ Иисусѣ, «да приведетъ ны Богови» (1 Петр. III, 18). Предоставленные естественному уму своему, мы никогда не могли бы составить себѣ должное и истинное о Немъ познаніе, потому что оно не исчерпывается признаніемъ «внѣшнихъ» мудрецовъ, что Богъ—Творецъ вселенной. Мы говоримъ о познаніи Бога, какъ Господа-Промыслителя, всеправеднаго, всеблагаго; о такомъ познаніи свойствъ Его, какое имѣлъ патриархъ Іаковъ, напр., давшій обѣтъ служить Ему, — какое имѣлъ патриархъ Іосифъ, не желавшій выходить изъ повиновенія Ему, — какое имѣлъ старецъ Ілій, безропотно подчинявшійся святой Его волѣ, — какое, наконецъ, имѣлъ царь-пророкъ Давидъ, всегда чтившій и возносившій Его. Такимъ познаніемъ не обладаютъ люди, которые, несмотря на нетрудность сего познания, не стремятся пріобрѣсти его. И дѣйствительно, какое множество изъ насъ, живущихъ въ «последніе дни сіи», особенно же изъ среды молодежи, гордятся многими своими познаніями, а отъ богопознания уклоняются настолько, что, увы! держатъ отрекаться отъ всемогущаго и всеблагаго Бога жизнью и дѣлами своими. Какая рѣдкость увидѣть человѣка, охотно приходящаго къ почтеннѣйшимъ служителямъ Вышняго, чтобы поучиться чудесамъ закона и откровенію о безграничныхъ любви и милосердіи Божіихъ къ грѣшному человѣку. Напротивъ, какъ часто видишь, что люди пренебрегаютъ священнѣйшими своими обязанностями, поносятъ божественное, издѣваются надъ

нимъ и многое, многое творять къ положительному униженію вѣры, вѣры отцевъ своихъ, духа которой не знаютъ, впадая часто во многообразныя пустословія и ереси! Справедливо говорить въ одномъ случаѣ св. Златоустъ: «Легковѣрна молодежь, легко обманывается, легко погибаетъ и нуждается въ сильнѣйшей уздѣ, ибо она, какъ костеръ нѣкій, воспринимающій все извнѣ приходящее, легко и быстро разгорается». Зло, своевременно не устраняемое, съ лѣтами разрастается все болѣе; дурныя наклонности отдаляютъ людей отъ Бога, и вотъ приближается постыдная и болѣзненная старость, послѣ которой въ полномъ, наконецъ, отчаяніи постыдно же умираютъ оставляющіе потомкамъ непристойную по себѣ память.

§ 6. А между тѣмъ «Богъ явился во плоти» (1 Тим. III, 16), чтобы дать намъ боговѣдѣніе. Иисусъ Христосъ, Который посланъ міру, приводитъ насъ къ познанію единаго истиннаго Бога, «призвавшаго насъ славою и добродѣтелію» (2 Петр. 1, 3), и—не только къ познанію божественнаго и славнаго Его величія, но и къ испытанію чудной Его благодати. Признавать прежде всего, что Онъ—Вышній, Иже живетъ въ высокихъ во вѣкъ, «Святый Святыхъ» (Ис. LVII, 15)—это приводитъ насъ не къ отчаянному страху, но къ радости и утѣшенію. Познавать же Его, какъ познаемъ мы Его чрезъ Иисуса Христа, есть познаніе, дающее жизнь. Онъ — Богъ, Который «близъ сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ» (Пс. XXXIII, 19); Онъ—Богъ, «творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія, и неправды, и грѣхи» (Исх. XXXIV, 7) и «не убіетъ праведника съ нечестивымъ, да будетъ праведникъ яко нечестивый» (Быт. XVIII, 25). Онъ предоставилъ намъ вѣчное искупленіе, какого человѣкъ не могъ бы никогда обрѣсти самъ по себѣ и собственными силами и «нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаяться» (Дѣян. XVII, 30) и «всякому вѣрующему во Христа оставленіе грѣховъ пріяти именемъ Его» (Дѣян. X, 43) и «знати единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ Онъ Иисусъ Христа».

§ 7. Познаніе о Богѣ подобно всѣянному въ сердцѣ зерну пшеничному, которое разрастается и возвышается до вѣчной жизни. Познаніе Бога ведетъ и приводитъ насъ къ любви Бога, «яко Той первѣе возлюбилъ есть насъ» (1 Іоан. IV, 19); оно приводитъ насъ къ послушанію; чтобы мы, какъ рабы Христовы, творили волю Его. Познаніе Бога приводитъ насъ, наконецъ, къ единенію съ Нимъ и къ сердечному довѣрію къ Нему; и все это въ настоящей жизни—зачатки и залогъ вѣчнаго царства. Совершенное же познаніе о Богѣ, любовь и подобіе между Нимъ и нами, (которыхъ Онъ «умалилъ есть малымъ нѣчимъ отъ ангелъ: славою и честію вѣнчалъ, и поставилъ есть надъ дѣлы руку Свою») (Евр. II, 6) дадутъ намъ наиболѣе ясное и точное понятіе, какое можемъ мы имѣть о небѣ, гдѣ «престоль Божій и Агнечъ будетъ: и раби Его послужать Ему... и воцарятся во вѣки вѣковъ» (Апок. XXII, 3, 5).

§ 8. Въ настоящей жизни должны мы всесильно подвизаться, чтобы пріобрѣсти твердыя начала богопознанія, которое усовершится, когда мы приступимъ въ вѣчности «къ Іерусалиму небесному торжеству, и Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ» (Евр. XII, 22—23). Если мы обладаемъ такимъ богопознаніемъ, то весьма легко найдемъ въ себѣ самихъ доказательство тому, что и мы даны Отцемъ Христу. Изъ общаго же богопознанія вытекаютъ слѣдующія частныя:

А. Познаніе правды Божіей, которая состоитъ въ томъ, что Богъ-Судія праведный (2 Тим. IV, 8) и потому, когда Онъ придетъ «на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою мною» (Матѣ. XXIV, 30) «судити живымъ и мертвымъ» (2 Тим. IV, 1), тогда «воздастъ коемуждо по дѣламъ его» (Римл. II, 6), то-есть Онъ наградитъ за добрыя дѣла: «еже аще сотворитъ благое, сіе приметъ отъ Господа кійждо, аще рабъ, аще свободъ» (Еф. VI, 8) и накажетъ за злыя дѣла: «скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое» (Римл. II, 9). Итакъ, «страшно есть еже власти

въ рупѣ Бога живаго» (Евр. X, 31). «Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь» (Второз. XXXII, 36). Будемъ бѣжать грѣха, потому что онъ не приходитъ одинъ, но со многими множествомъ гибельныхъ послѣдствій.

Б. Изъ познанія Бога вытекаетъ и познаніе Его благодати и милосердія. Свойства эти состоятъ въ томъ, что Богъ, какъ Самъ по Себѣ—высшее и безпредѣльное благо и совершенство, такъ и словеснымъ Своими твореніямъ даруетъ такое благо и совершенство, какое только въ состояніи принять растлѣвшая ихъ природа. Что касается человѣка, Священное Писаніе называетъ Бога отцемъ нашимъ, отъ Коего «всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца свѣтовъ» (Іак. 1, 17). Онъ даруетъ «намъ вся обилно въ наслажденіе» (1 Тим. VI, 17); но самое большее, конечно, то, что Онъ даже «Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его» (Римл. VIII, 32), «да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея благодостынею на насъ» (Еф. II, 7). Необходимо, слѣдовательно, во всей жизни нашей величайшее трезвленіе, чтобы сподобиться и самимъ намъ Божьей благодати и милосердія и чтобы мы благодарили Его до послѣдняго даже нашего издыханія. Неблагодарность и безчувственность относительно Бога—самый тяжкій и непростительный грѣхъ. «Не десять ли очистишася? да девять гдѣ? Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу?» (Лук. XVII, 17). Будь же и ты, христіанинъ, благъ ко всѣмъ, даже и къ самимъ врагамъ твоимъ, какъ благъ и благоутробенъ Богъ «на безблагодатныя и злыя» (Лук. VI, 35). Будь милостивъ къ нуждающимся и страждущимъ, къ вдовицамъ и къ сиротствующимъ, чтобы сподобиться ублаженія Господня: «Блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ» (Матѣ. V, 7). «Будите убо милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть» (Лук. VI, 36).

В. Изъ богопознанія проистекаетъ и познаніе всемогущества Божія. Оно состоитъ въ томъ, что Богъ приводитъ въ исполненіе все угодное святой и свободной Своей волѣ.

Свящ. Писаніе въ очень многихъ мѣстахъ открываетъ намъ всемогущество Божіе. «Не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь» (Лук. 1, 37). «Невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога» (Лук. XVIII, 27). Да будетъ же твердой и непоколебимой надежда наша на Бога. Онъ можетъ «паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ» (Еф. III, 20). Праведный ничего не боится: «Аще Богъ по насъ, кто на ны?» (Римл. VIII, 31). Бойся же Бога и смиришь подъ вѣрную руку Его!

Г. Изъ богопознанія вытекаетъ, наконецъ, и познаніе святости Его. Она состоитъ въ томъ, что Богъ, какъ Самъ непричастенъ никому злу и свойственно Ему только благо, такъ и въ насъ любить и желаетъ видѣть то, что согласно съ нравственнымъ закономъ, и ненавидитъ все противоположное добру. Священное Писаніе изобилуетъ мѣстами, гдѣ говорится о святости Божіей. «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ» (Ис. VI, 3). «Святы будите, яко Азь святъ (есмь) Господь Богъ вашъ» (Лев. XIX, 2). Святость Божія обязываетъ насъ уподобляться Ему святостью и чистотою жизни нашей. «Безъ святыни никтоже узритъ Господа» (Евр. XII, 14) Господь желаетъ, чтобы люди подражали Его святости, и апостоль Петръ напоминаетъ намъ объ этомъ слѣдующими побудительными словами: «по звавшему вы Святому, и сами святы во всемъ житіи будите: зане писано есть: святы будите яко Азь святъ есмь» (1 Петр. 1, 15).

§ 9. Совершенное же познаніе Иисуса Христа состоитъ въ томъ, чтобы мы взирали на Него, какъ на «Ходатая Бога и человѣковъ» (1 Тим. II, 5). Онъ—Посредникъ между правдой Божіей и великимъ беззаконіемъ человѣка. Мы должны познавать Его, какъ Спасителя своего, Который, такъ возлюбивъ насъ, достоинъ вѣры, любви и преданности съ нашей стороны; мы должны познавать Его, какъ Господа, Который «ны искупилъ есть отъ клятвы законныя» (Гал. III, 13) честною кровью Своею и достоинъ нашего почитанія и обожанія. Такого познанія требовалъ и апостоль Павелъ, говоря: «Вѣмъ, Емуже вѣровахъ, и

извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранить въ день оны» (2 Тим. 1, 12). Таково было богопознаніе, какое имѣли христіане, о которыхъ говорить блаженный апостолъ Петръ: «Иисусъ Христосъ, Егоже не видѣвше любите и на Негоже нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною» (1 Петр. 1, 8). «Се есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Егоже послалъ еси Иисусъ Христа». Не будемъ никогда забывать спасительную сію истину, заключающуюся въ приведенныхъ словахъ Господнихъ; безъ нея нѣтъ спасенія, нѣтъ жизни вѣчной.

§ 10. Вѣдѣніе же Божіе—непосредственно, то-есть Богъ знаетъ все не чрезъ внѣшнія чувства, не чрезъ представленія, не чрезъ сопоставленія, не чрезъ отвлеченія, но Онъ все знаетъ, каково оно есть въ дѣйствительности, Онъ видитъ самую сущность сущаго. «Утаися же отъ Него ничтоже» (Іов. XXXIV, 21). Вотъ истина и—весьма утѣшительная для человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма страшная. Утѣшительно, что Богъ знаетъ всѣ нужды наши, всѣ немощи и скорби наши, всѣ помышленія и стремленія сердца нашего, что очи Его всегда и всюду видятъ прибѣгающихъ къ Нему со страхомъ, уши Его всегда и всюду слышатъ и внимаютъ молитвамъ и прошеніямъ нашимъ; но и весьма страшно, что Онъ «испытуетъ сердца и утробы» (Апокал. II, 23), что никакое зло въ сердцѣ нашемъ не скрыто отъ Него и что мы не можемъ ввести Его въ заблужденіе лицемеріемъ или обманомъ. Ужасно привлекать взглядъ чистѣйшихъ свѣта очей Господнихъ на наши нечистыя дѣла, на всѣ наши скверны. Для улученія жизни вѣчной необходимо, какъ говоритъ великій апостолъ язычниковъ: «ходити достойнѣ Богу во всякомъ угожденіи и всякомъ дѣлѣ блазѣ, плодоносяще и возрастающе въ разумѣ Божіи» (Кол. 1, 10).
Аминь.

Съ благословенія Его Святѣйшества, перевель съ греческаго настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ прот. *Александръ Смирнопуло*.

СВѢТОНОСНАЯ БЛАГОДАТЬ СВ. ДУХА.

Поученіе на Троицынъ день.

Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небснаго, обрѣтохомъ въ ру истинную, нераздѣльный Троицѣ поклоняемся, та бо насъ спасла есть.

Въ семь церковномъ пѣснопѣніи, принадлежащемъ къ числу стихиръ праздника Пятидесятницы и пѣваемомъ въ концѣ литургіи, прославляется Духъ Святой, какъ наставникъ нашъ въ дѣлѣ познанія истины, или правой вѣры.

Видѣхомъ свѣтъ истинный. Истиннымъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, называется Христось, называется и самое ученіе Христа. Онъ пришелъ въ міръ затѣмъ, чтобы невѣрующихъ, невѣжествующихъ, ослѣпленнымъ суевѣріемъ и лжемудріемъ наставить на путь истины. И всѣ, которые отъ истины, послушали гласа Его и увѣровали въ Него. Но ихъ вѣра была недостаточна, ибо многого, чему училъ Христось, они не понимали, или понимали превратно. Напримѣръ: одному изъ своихъ слушателей Иисусъ Христось предложилъ ученіе о рожденіи свыше, какъ о необходимомъ условіи вступленія въ царствіе Божіе. Слушатель понялъ слова Христовы въ грубо-чувственномъ смыслѣ. Онъ сказалъ: *какъ можетъ человекъ родитися старъ сынъ? Еда можетъ второе внити во утробу матере своя и родитися?* Иисусъ Христось растолковалъ ему, что подъ рожденіемъ свыше должно разумѣть рожденіе водою и Духомъ, то-есть, крещеніе (Іоанн. 3, 3. 4. 5.). Понялъ ли и правильно-ли понялъ это толкованіе слушающій, неизвѣстно. Зато из-

вѣстно о другихъ слушателяхъ Христовыхъ, что они до самаго сошествія Святаго Духа не понимали Христова ученія о Его духовномъ царствіи и раздѣляли мнѣніе современниковъ о чувственномъ царствѣ Мессіи; не понимали также Его ученія о необходимости Его крестныхъ страданій и смерти для нашего спасенія. Все это и многое другое они усвоили только по сошествіи Св. Духа. Только тогда они *увидѣли свѣтъ истинный*, или познали истину. Только тогда открылись ихъ духовныя очи къ пріятію сего свѣта. Воспріяли они этотъ свѣтъ потому, что *пріяли Духа небеснаго*, то есть Духа Святаго, посланнаго съ небесъ Сыномъ Божиимъ отъ Отца для того, чтобы Онъ напомнилъ имъ всё, что они слышали отъ Христа, и разъяснилъ имъ то ученіе, которое преподавалъ имъ Христосъ, которое однако не вмѣщалось въ ихъ умахъ. Апостолы затруднялись въ разумѣніи истины, слышанной отъ Христа, но когда сошелъ на нихъ Святой Духъ, не только сами ясно уразумѣли эту истину, но смѣло стали возвѣщать ее другимъ. Всѣ мы, вѣрующіе во Христа, уже черезъ нихъ узрѣли свѣтъ истинный, отъ нихъ приняли просвѣщающую свѣтомъ истины благодать Духа небеснаго. Черезъ ихъ ученіе обрѣли вѣру истинную. Всѣ мы, принадлежащіе къ православной Церкви, исповѣдуемъ эту вѣру въ томъ видѣ, какъ она предана намъ отъ апостоловъ. Посему и Церковь православная именуется апостольскою. Самое высокое и глубокое таинство вѣры, преподаваемой намъ апостолами, есть таинство Святыя Троицы Единосущныя и Нераздѣльныя. Оно и теперь въ своей сущности непостижимо и навсегда останется непостижимымъ; зато участіе всѣхъ лицъ Святыя Троицы въ устроеніи нашего спасенія намъ хорошо извѣстно, и потому мы съ любовію и благоговѣніемъ *поклоняемся Нераздѣльной Троицѣ, Та бо насъ спасла есть*. Богъ Отецъ такъ возлюбилъ насъ, что для нашего спасенія послалъ Единороднаго Своего Сына и предалъ Его за насъ на смерть. Сынъ Божій исполнилъ волю Отца, облекся въ нашу плоть и въ сей плоти пострадалъ и умеръ за насъ. Духъ Святой довершилъ дѣло на-

шего спасенія тѣмъ, что благодатію своею споспѣшествуетъ намъ усвоить плоды искупительной жертвы Христовой.

Что воздадимъ Единосущнѣй и Нераздѣльнѣй Троицѣ за участіе каждаго изъ Лицъ Ея въ совершеніи нашего спасенія? Лица Святыя Троицы составляютъ едино не только по существу, но и по единомыслію. Подобное единомысліе должно соединять и всѣхъ вѣрующихъ въ Пресвятую Троицу. О семъ единеніи ихъ самъ Христосъ Спаситель молилъ Бога Отца: *да вси едино будутъ. Да будутъ едино, яко мы едино есмы* (Іоанн. 17, 21. 22). Это значить, что вѣрующіе во Святую Троицу должны быть единомысленны въ исповѣданіи ея, такъ чтобы всѣ могли единымъ сердцемъ и едиными усты славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Въ чемъ должно выражаться это единомысліе? Въ томъ, что мы должны признавать не только различіе каждаго Лица другъ отъ друга, по личнымъ свойствамъ, вѣруя, что Богъ Отецъ не рожденъ, Сынъ Божій рожденъ отъ Отца, Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца, не смѣшивая ихъ, но вмѣстѣ признавать, что сіи отдѣльныя Лица составляютъ единое Божество, обладаютъ одними и тѣмиже свойствами Божества и совершенствами, единою властію, господствомъ и силою, такъ что, поклоняясь всѣмъ лицамъ Святыя Троицы, мы поклоняемся не тремъ отдѣльнымъ богамъ, но единому Тріипостасному Богу, *Нераздѣльный Троица* и въ семъ отношеніи отличаемся отъ язычниковъ, вѣровавшихъ во многихъ боговъ.

Далѣе, для того, чтобы наше поклоненіе Богу Тріипостасному было угодно Ему, мы должны не только единомысленно чтить Его, избѣгая всякаго разномыслія въ ученіи вѣры о Немъ, но вмѣстѣ соединяться любовію другъ къ другу. Богъ есть любовь, всѣ три Лица Божества соединены любовію не только другъ къ другу, но ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, особенно вѣрующимъ во имя Его. Этой же любви Онъ требуетъ отъ насъ. Ему не угодны дѣла благочестія, не угодны возносимыя Ему мольбы, благодаренія, хвалы, если мы не соединены любовію къ ближнимъ, если въ серд-

цахъ людей, чтущихъ и повидимому любящихъ Бога, господствуетъ вражда и злоба на ближняго. Кто говорить, что онъ любитъ Бога, хотя враждуетъ противъ ближняго, тотъ говорить ложь. Богъ любить всѣхъ насъ, стало быть и мы должны любить всѣхъ. Кто не любитъ тѣхъ, кого Богъ возлюбилъ, тотъ даетъ поводъ сомнѣваться въ искренности любви къ Богу, и потому Богъ не принимаетъ чествованія отъ него, хотя бы оно возносимо было къ Нему въ единомыслии съ другими. Вотъ почему на литургіи передъ тѣмъ, какъ вѣрующіе должны исповѣдать свою вѣру чтеніемъ сѣмвала вѣры, они приглашаются къ исполненію долга любви къ ближнимъ: *возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣтмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.*

Наконецъ, мы не должны забывать, что въ прославленіи Святыя Троицы мы соединяемся съ ангелами, окружающими Тріпостаснаго Бога и непрестанно воспѣвающими Ему Трисвятую пѣснь. Что нужно для того, чтобы достойно, вкупѣ съ ними воспѣвать ту же пѣснь? Нужно проникнуться тѣмъ благоговѣніемъ и смиреніемъ, съ какимъ воспѣвали эту пѣснь серафимы во время видѣнія, котораго сподобился Исаія въ то время, когда былъ призванъ къ пророческому служенію. Громогласно возглашая предъ престоломъ Господа: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ*, они въ то же время двумя крыльями закрывали лица свои въ знакъ того, что преисполнены были страхомъ присутствія Его. Чего, казалось, страшиться присутствія Божія существамъ святымъ и безгрѣшнымъ? Они одного страшились, ибо, какъ ни велика ихъ святость, какъ ни высоки ихъ духовныя совершенства, они все-же сознавали свое ничтожество предъ неизмѣримо высокими совершенствами святыя Троицы. Исаія, свидѣтель этого зрѣлища, пришелъ въ ужасъ при мысли о своемъ недостойнствѣ; онъ назвалъ себя окаяннымъ, ибо никакъ не могъ ожидать чести видѣть Господа Саваоѳа, присутствовать въ обществѣ Ангеловъ, словословящихъ Его чистыми устами, тогда какъ онъ имѣетъ нечистыя уста и живетъ

среди людей, имѣющихъ нечистыя уста. Можетъ быть онъ и самъ хотѣлъ принять участіе въ славословіи серафимовъ, но не дерзнулъ на сіе, вспомнивъ, что его уста, можетъ быть, осквернены произношеніемъ словъ гнилыхъ, словами ропота на Бога, поношеній на ближняго. Вотъ примѣръ для нашего подражанія. Прежде чѣмъ приступить къ прославленію Святыя Троицы своимъ языкомъ, мы должны помыслить о своемъ недостоинствѣ, о нечистотѣ нашего языка, вообще о грѣхахъ, совершаемыхъ посредствомъ словъ, и постараться очистить свой языкъ отъ этихъ грѣховъ, чтобы чистыми устами прославлять Бога серафимскою Трисвятою пѣснью и чтобы впередъ своихъ устъ освященныхъ именемъ Святыя Троицы не осквернять словами гнилыми, студными, бранными, кощунственными, богохульными. Отъ сего оскверненія своихъ устъ мы должны удерживать себя также мыслию, что эти уста освящаются прикосновеніемъ къ нимъ тѣла и крови Христовой. Образомъ этого прикосновенія служить для насъ прикосновеніе къ устамъ Исаи раскаленнаго угля, взятаго однимъ изъ серафимовъ съ жертвенника для очищенія устъ Исаи отъ той нечистоты, на которую онъ жаловался.

Таковы, братія, духовныя расположенія, какими мы должны быть проникнуты, когда поклоняемся Троицѣ Единосущнѣй и Нераздѣльнѣй, если хотимъ, чтобы наши поклоненія были Ей угодны.

Епископъ Виссаріонъ.

НЕБРЕЖЕНИЕ О ДѢЛѢ ГОСПОДНЕМЪ.

Поученіе при погребеніи протоіерея Костромской Благовѣщенской церкви Павла Горскаго.

*Проклятъ человекъ, творяій дѣло
Господне съ небреженіемъ, и проклятъ,
возбраняя мечу своему отъ крове
(Іерем. 48, 10).*

Сими словами Господь Богъ устами пророка Іереміа изрекаетъ строгій судъ противъ Моавитянъ. Моавитяне навлекли на себя гнѣвъ Божій, вражду противъ народа Божія, также нечестіемъ и идолопоклонствомъ. Еще во дни Моисея они, по совѣту Валаама, вовлекли народъ Божій въ любострастіе, а черезъ любострастіе въ идолопоклонство. Окончательно судъ Божій совершился надъ ними чрезъ Вавилонянъ, которые опустошили всю Моавитскую землю, жителей ея избили или увели въ плѣнъ. Вавилоняне въ семъ случаѣ совершили дѣло Господне, хотя сами были нечестивы. Походъ противъ Моавитянъ имѣлъ священное значеніе и потому поистинѣ былъ дѣломъ Господнимъ, которое Вавилоняне должны были совершить со всею строгостію противъ Моавитянъ, никому изъ нихъ не давая пощады. Проклятъ всякъ изъ нихъ, который бы дерзнулъ сотворить сіе дѣло съ небреженіемъ, оказать снисхожденіе и пощаду нечестивцамъ. Какъ царь Саулъ отверженъ былъ Господомъ Богомъ за то, что поразивъ Амиликлитянъ, онъ, вопреки повелѣнію Господню, оставилъ въ живыхъ царя ихъ и, вмѣсто того, чтобы уничтожить всю добычу, доставшуюся отъ нихъ, сберегъ лучшую часть ея для принесенія въ жертву

Богу, такъ Вавилонянамъ Господь грозить проклятіемъ вслучаѣ, еслибы они, по жалости къ Моавитянамъ и по корыстолюбію, дерзнули пощадить кого-либо изъ нихъ. Это значило бы творить дѣло Господне съ небреженіемъ.

Вотъ какъ тяжекъ грѣхъ небреженія въ твореніи воли Господней, или грѣхъ непослушанія Господу. Къ сожалѣнію, въ семь грѣхѣ виновны многіе изъ христіанъ, призванные къ тому, чтобы добросовѣстнымъ исполненіемъ Его святой воли засвидѣтельствовать, что они суть вѣрные слуги Господа. Прокляты они, если оказываются невѣрными слугами Его, неисправными орудіями въ исполненіи Его воли. Таковы, на примѣръ, начальники, которые забываютъ, что они должны пользоваться данною имъ властію для блага вѣренныхъ попеченію ихъ, которые взираютъ на свою власть, не какъ на дѣло служенія Господу и ближнимъ, а какъ на пищу самоугодію, своекорыстію, честолюбію. Тяжкую отвѣтственность предъ судомъ правды Божіей они принимаютъ на себя за небрежное отношеніе къ подчиненнымъ. Тоже должно сказать о лицахъ, облеченныхъ судебною властію; строгому суду Божію подлежатъ они, если забываютъ, что судебная власть ввѣрена имъ отъ Бога для защиты невинныхъ, для обузданія беззаконниковъ, посягающихъ на честь, на собственность, даже на жизнь ближнихъ. Горе имъ, если они забываютъ, что они призваны творить судъ Божій, что они суть орудія правосудія Божія, если обвиняютъ правыхъ, оправдываютъ явнаго преступника и потворствомъ преступникамъ поощряютъ ихъ къ новымъ преступленіямъ въ надеждѣ на безнаказанность. Въ нихъ нѣтъ страха Божія, и потому они небрежно исполняютъ дѣло Господне. Прокляты таковые. Сему приговору суда Божія подлежатъ также родители, если небрежно относятся къ дѣлу воспитанія дѣтей, если всѣ заботы ихъ о дѣтяхъ состоятъ только въ томъ, чтобы они были сыты, одѣты, вообще удовольствованы въ житейскихъ потребностяхъ, а о духовномъ развитіи и воспитаніи ихъ совсѣмъ не заботятся, дѣти у нихъ растутъ въ невѣдѣніи закона Божія,

страха Божія не имѣютъ, въ храмъ Божій не ходятъ, постовъ не соблюдаютъ, благо жизни поставляютъ въ удовольствореніи только житейскихъ и чувственныхъ потребностей и прихотей. За эти грѣхи дѣтей подлежатъ строгому суду Божию особенно тѣ родители, которые подаютъ дурной примѣръ дѣтямъ своею жизнію, не только ихъ не воспитываютъ, но еще развращаютъ, допуская ихъ быть свѣдѣтелями своего безнравственнаго поведенія. Не менѣе таковыхъ виновны также восприемники дѣтей, не знающіе и неисполняющіе своей обязанности помогать родителямъ воспитывать ихъ въ страхъ Божиємъ. Подъ дѣломъ Господнимъ, за небрежное отношеніе къ которому люди заслуживаютъ проклятіе, можно разумѣть также и даже преимущественно дѣло Богочтенія. Въ чемъ состоитъ эта небрежность? Въ томъ, что люди, виновные въ семь грѣхѣхъ, крайне лѣнны молиться Богу, ничѣмъ больше не тяготятся, какъ молитвою домашнею и церковною, не освящаютъ себя молитвою въ началѣ и по окончаніи дѣла, рѣдко полагаютъ на себѣ крестное знаменіе или творятъ его безъ всякаго благоговѣнія, творятъ его на воздухъ, не касаясь перстами ни чела, ни плечей, ни груди, или живота, творятъ его только механически, не помышляя о распятомъ Христѣ. Въ храмъ Божій они рѣдко заглядываютъ, приходятъ въ него поздно, уходятъ не дождавшись конца церковной службы, въ храмъ ведутъ себя разсѣяннo, не обращаютъ вниманія на то, что въ храмѣ читается, поется, проповѣдуется, смѣются, оглядываются по сторонамъ, разговариваютъ, рѣдко говѣютъ, приступаютъ къ таинствамъ исповѣди и причащенія безъ надлежащаго приготовленія, по окончаніи говѣнія радуются не о томъ, что вступили въ тѣснѣйшее общеніе со Христомъ, а о томъ, что освободились отъ исполненія этого священнаго долга. Творящіе дѣло Господне съ такимъ небреженіемъ поистинѣ прокляты суть. Стало быть, благословенны тѣ, которые поступаютъ противоположно всѣмъ таковымъ.

Взирая на предстоящій гробъ, мы задаемъ себѣ вопросъ:

новопреставленный рабъ Божій протоіерей Павель не принадлежитъ ли къ числу сихъ благословенныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь его, какъ и всякаго человѣка, не была вполнѣ безукоризненна; но весьма замѣчательно то, что даже житейскія дѣла, которыя поручаемы были ему довѣріемъ начальства и духовенства, онъ творилъ, какъ дѣло Господне, со страхомъ Божиимъ, съ опасеніемъ, не прогнѣвать бы Господа небрежнымъ отношеніемъ къ возложеннымъ на него трудамъ. Напримѣръ, ему поручено было надзирать за работами по постройкѣ духовнаго училища. Онъ стоялъ во главѣ надзирающихъ и больше всѣхъ трудился по сему дѣлу, вникалъ во всѣ подробности работъ, ежедневно присутствовалъ на нихъ, свидѣтельствовалъ годность матеріаловъ; отъ бдительности его не укрывалась малѣйшая небрежность и недобросовѣстность рабочихъ; онъ исправлялъ недосмотры даже зодчаго, вель строжайшую отчетность расходовъ на работы, такъ чтобы ни одна копѣйка изъ пожертвованной духовенствомъ суммы не пропала даромъ. Осторожность и добросовѣстность въ сихъ случаяхъ доходила даже до мнительности, вводившей его иной разъ въ столкновеніе съ сотрудниками. Тщательное изученіе дѣла, основательное знакомство съ тѣмъ, какъ надобно вести его, давало ему право не соглашаться съ ними и утверждаться на своемъ личномъ мнѣніи, и все, что сдѣлано было подъ его руководствомъ, показало, что онъ былъ правъ. Не самолюбіе, а убѣжденіе въ святости порученнаго ему дѣла, какъ дѣла Господня, предпринятаго во славу Божию и во благо святой Церкви, для служенія которой уготовляются воспитанники духовныхъ училищъ, вотъ что было причиной его бдительности и заботливости о порученномъ ему дѣлѣ. Онъ боялся строгаго суда Божія, изреченнаго противъ творящихъ дѣло Господне съ небреженіемъ. Не менѣе строго и добросовѣстно онъ поступалъ въ качествѣ предсѣдателя управленія свѣчнымъ церковнымъ заводомъ. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что дѣло, къ участію въ которомъ онъ призванъ, поистинѣ было дѣло Господне, потому что цер-

жовныя свѣщи назначаются для жертвы Богу, и только этимъ убѣжденіемъ можно объяснить то неутомимое усердіе, то напряженіе духовныхъ и физическихъ силъ, то, можно сказать, самоотверженіе, съ какимъ онъ не только дни, но и ночи проводилъ въ трудахъ по сему дѣлу. Поистинѣ онъ былъ благословеннымъ дѣятелемъ на службѣ Господу Богу. Наипаче же онъ являлъ въ своемъ лицѣ качество благословеннаго дѣятеля, какъ совершитель Богослуженія. Едва ли кто изъ священнослужителей сего града истовѣе исполнялъ церковную службу. Онъ не только тщательно и благоговѣнно совершалъ все, что положено совершать священнослужителю въ алтарѣ, но ничего не опускалъ безъ вниманія, что совершается внѣ алтаря. Онъ выходилъ изъ алтаря на клиросъ и трудъ чтенія утреннихъ канонѡвъ раздѣлялъ съ клириками. Это онъ дѣлалъ не для того только, чтобы слѣдить за исправностію клирика, но главнѣйше для того, чтобы себѣ самому лично усвоить и принять къ сердцу содержаніе церковныхъ гѣсногѣній. Молитвы къ святому причащенію онъ всегда вычитывалъ дома, почитая грѣхомъ подражать тѣмъ священнослужителямъ, которые имѣютъ непохвальный обычай вычитывать ихъ въ продолженіе утренней церковной службы, не обращая вниманія на то, что и какъ читается и поется на клиросѣ. Для небрежныхъ священно-служителей, слѣдующихъ этому обычаю, не существуетъ утренней службы. Они хотя присутствуютъ на этой службѣ, ведутъ себя такъ, какъбы совсѣмъ не присутствовали, забывая, что службы церковныя совершаются не для стѣнъ, а для людей. Если вниманіе къ церк. службамъ и участіе во всемъ, что совершается въ нихъ, обязательно для всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ, тѣмъ паче оно потребно и обязательно для служителей храма. Благословенны тѣ изъ нихъ, которые боятся творить дѣло Господне съ небреженіемъ, изъ опасенія прогнѣвать Господа небрежностію. Ихъ могутъ осуждать люди за продолжительность церковной службы, за истовость совершенія ея, они не боятся суда человѣческаго, для нихъ всего страшнѣй судъ

Божій, грозящій творящимъ дѣло Господне съ небреженіемъ.

Такъ, братіе, въ жизни почившаго раба Божія протоіерея Павла, есть не мало такого, за что слѣдуетъ помянуть его добромъ. Если же онъ подавалъ кому-нибудь поводъ къ недовольству, къ негодованію на него за его не всегда мягкое обращеніе, простимъ ему, обращая вниманіе не на его недостатки, а на его достоинства и заслуги и не престанемъ въ церковной и домашней молитвѣ поминать его. Сей священный долгъ лежитъ особенно на его паствѣ и на его духовныхъ дѣтяхъ. Онъ всегда усердно и истово совершалъ поминовеніе о вашихъ сродникахъ усопшихъ. Поминайте и вы его съ благодарностію къ нему за его труды, какъ свойственно поступать дѣтямъ въ отношеніи къ родному отцу.

Епископъ Виссаріонъ.

СТѢНА НЕРУШИМАЯ.

Поученіе въ праздникъ Владимірской иконы Богоматери.

*Къ Тебѣ, Богородице, приближаемъ,
яко нерушимый стѣнь.*

Ублажая Пресвятую Богородицу, святая Церковь чувствуетъ ее многими похвальными именами, указующими на ея достоинства, какъ Матери Бога Слова, и на безчисленныя благодѣянія человѣческому роду.

Къ числу таковыхъ именъ относится наименование ея *нерушимую и неборимую стѣною*. Что это значитъ? Значить то, что притекающимъ къ ней съ просьбою о защитѣ отъ враговъ она служитъ такимъ же сильнымъ и благонадежнымъ убѣжищемъ, подобное которому находятъ въ крѣпостныхъ неприступныхъ стѣнахъ осаждаемые воины. Укажемъ на примѣры ея побѣдоносной защиты отъ враговъ. Такъ, по молитвамъ предъ Владимірскою ея иконою, Россія избавлена была отъ нашествій Тамерлана. Казанская икона Пресвятой Богородицы прославилась тѣмъ, что, по молитвамъ предъ ея чудотворною иконою, Москва спасена была отъ нашествія Поляковъ. Новгородъ, осажденный нѣкогда многочисленнымъ войскомъ одного изъ русскихъ князей, обязанъ своимъ спасеніемъ Богоматери, по молитвѣ предъ ея иконою Знаменія; въ лицѣ Ея осажденные, по выраженію церковнаго пѣснопѣнія, стяжали *неборимую стѣну*. Отъ сей стѣны осаждающіе поспѣшно убѣжали. Подобною неборимую стѣною послужила для Тихвинской обители Тихвинская икона Богоматери. По молитвамъ предъ нею осаж-

денныхъ, осаждавшіе обитель Шведы убѣжали вспять и удержаны были отъ дальнѣйшаго движенія внутрь Россіи. Не исчисляемъ многихъ другихъ случаевъ, въ которыхъ Пресвятая Богородица являлась нерушимою стѣною для государства Русскаго и Греческаго въ борьбѣ ихъ съ не-пріятелями. Обратимся къ частнымъ людямъ прибѣгающимъ подъ кровъ Богоматери съ мольбою о защитѣ противъ ихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Къ врагамъ видимыхъ принадлежать злые люди, намъ недоброжелательствующіе и злонамѣренно старающіеся вредить нашему благосостоянію, нашей собственности, личной безопасности и чести. Для многихъ, напримѣръ, честь дороже жизни. Нѣтъ у нихъ ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, зато они неукоризненнымъ поведеніемъ заслужили имя честныхъ и добрыхъ людей. Это главное и единственное для нихъ благо, и есть люди, которые покушаются отнять у нихъ это единственное благо, распространяютъ о нихъ гнусныя клеветы, сочиняютъ относительно ихъ всякія небылицы, для того, чтобы уронить ихъ въ общественномъ мнѣніи; не только устно, но и путемъ печати пятнаютъ ихъ доброе имя и часто достигаютъ своей проклятой цѣли. Какъ спастись отъ этого несчастія, откуда ожидать защиты отъ всѣхъ подобныхъ враговъ? Не грѣшно искать защиты себѣ судебнымъ порядкомъ, но не всегда это благонадежно. Опыты показываютъ, что на нашихъ судахъ часто и невинные оказываются виноватыми, а виноватые правыми, благодаря краснорѣчію защитниковъ и обвинителей. И во всякомъ случаѣ судебное разбирательство дѣла требуетъ не мало судебныхъ издержекъ, непосильныхъ небогатымъ людямъ, и потому волей-неволей имъ приходится отказываться отъ защиты судебнымъ порядкомъ своей собственности, личной безопасности и чести. У нихъ остается одна надежда на Господа Бога. «Ты еси крѣпость моя, Господи, Ты моя и сила», вопіютъ они предъ Господомъ, ища у Него единаго защиты. Съ этою надеждою на защиту они обращаются также къ Богоматери, яко *нерушимъ стѣнъ* и *предста-*

тельству, и не посрамляются въ своей надеждѣ. Она укрываетъ ихъ подъ своимъ всемогущимъ покровомъ и, яко взбранная (бранно-подвизающаяся) воевода, отражаетъ нападеніе на нихъ враговъ видимыхъ.

Но кромѣ видимыхъ враговъ есть у насъ невидимые, старающіеся погубить насъ искушеніями на грѣхъ. *Нысть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). Опасна вражда противъ насъ людей, но несравненно опаснѣе вражескія козни противъ насъ злыхъ духовъ. Можно сказать, что они принимаютъ участіе во всѣхъ нашихъ грѣхахъ. Правда, по слову апостола Іакова (1, 14. 15), *кѣждо искушается отъ своея похоти влекома и прельщаемъ. Также похоть, зачещи, раздаетъ грѣхъ*. Ближайшій источникъ грѣховныхъ искушеній въ насъ самихъ, въ самой нашей природѣ, испорченной грѣхомъ, въ природныхъ влеченіяхъ ко злу, господствующихъ въ насъ, несмотря на то, что умъ и совѣсть признають превосходство добра (Римл. 7, 14). Бѣсы искушители, безъ сомнѣнія, ничего не успѣли бы сдѣлать съ нами, еслибы въ насъ самихъ не было для нихъ опоры, еслибы внутри насъ самихъ не скрывался предатель, заодно дѣйствующій съ ними, ибо большею частію они дѣйствуютъ въ союзѣ съ господствующими въ насъ худыми склонностями. Они тщательно изучаютъ слабыя стороны каждаго и пользуются ими для того, чтобы заронить въ насъ худую мысль, худое чувство; въ особенности они стараются распалять наше воображеніе разными нечистыми мечтами и соблазнительными картинками, а черезъ воображеніе возбуждаютъ и воспаляютъ наши страсти. Иногда они, можно сказать, съ нѣкоторымъ насиліемъ вторгаются въ насъ своими внушеніями. Среди богомыслія, молитвы, изліянія чувствъ умиленія и сердечнаго сокрушенія, вдругъ являются въ душѣ помыслы нецѣломудренныя и хульные. Откуда они, какъ не отъ духовъ злобы? Иногда они употребляютъ въ орудія своей злобы и лукавства противъ насъ людей, съ одними сблизая

насъ, съ другими приводя во враждебное столкновение. Горе беспечнымъ грѣшникамъ, дѣлающимся легкою добычею бѣсовъ искусителей. Но отъ сихъ искушеній несвободны и ревнители благочестія и добродѣтели, вступившіе на путь покаянія. Отъ бѣсовскихъ сѣтей небезопасны даже преуспѣвшіе въ духовной жизни. Самопрельщеніе и духовная гордость—вотъ обычное искушеніе, которому нерѣдко подвергаются отъ лукавыхъ бѣсовъ христіанскіе подвижники. Успѣхи бѣсовскихъ искушеній облегчаются тѣмъ, что искусители, какъ духи, суть существа невидимыя и дѣйствуютъ невидимо. Врагъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ для насъ непримѣтнѣе, ибо чѣмъ онъ непримѣтнѣе, чѣмъ меньше мы подозреваемъ присутствіе его около насъ, тѣмъ онъ свободнѣе въ своихъ душепагубныхъ дѣйствіяхъ. Но слава и благодареніе Господу: какъ ни страшны и злокозненны бѣсы искусители, и какъ ни безсильны мы противъ нихъ, никто не можетъ считать себя беззащитнымъ. Главную защиту мы можемъ находить въ помощи Божіей. Въ ней нельзя сомнѣваться, ибо самъ Господь Іисусъ, пришедшій въ міръ за тѣмъ, чтобы побѣдить діавола, обнадежилъ насъ этою помощію, заповѣдавъ намъ испрашивать ее у Отца небеснаго словами: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*, то есть, не отдай насъ во власть лукаваго искусителя діавола, но избавь насъ отъ его лукавства; или со всѣмъ не попусти насъ подвергнуться его искушеніямъ, или дай намъ силу восторжествовать надъ его искушеніями. Съ молитвою о тойже помощи мы можемъ обращаться и къ Пресвятой Богородицѣ. Святая Церковь научаетъ каждого искушаемаго демонами умолять ее такими словами: *терпѣти не могу демонскаго стрѣлянія, покрова не чмамъ, ниже гдѣ прибѣгну окаанный, всегда побѣждаемъ. Владычице міра, упованіе и предстательство вѣрныхъ, не презри моленіе мое, полезно сотвори*. Влагая въ уста наши сію молитву, святая Церковь научаетъ насъ взирать на Богоматерь, какъ на нерушимую и неборимую стѣну, какъ на благонадежную крѣпость, подъ кровомъ которой каждый,

уязвляемый демонскими стрѣлянiями и побѣждаемый ими, можетъ укрыться съ надеждою избавленiя отъ нихъ. Всегда ли однако сбывается эта надежда? Опытъ показываетъ, что не всегда надѣющiеся на Богоматерь получаютъ отъ нея защиту. Отчего это происходитъ? Отъ тогоже, отъ чего и воины, запершiеся въ крѣпость, осаждаемую непрiателемъ, не всегда спасаются въ ней отъ осаждающихъ. Недостаточно только сидѣть въ крѣпости, надобно еще укрываясь за стѣнами ея употреблять всѣ усилiя для отраженiя врага. Случается, что осаждаемые по трусости сами сдаются въ плѣнъ осаждающимъ: крѣпость остается цѣла и невредима, но осаждаемые сами отворяютъ ворота ея и пускаютъ въ нее непрiателя, не желая продолжать борьбу. Подобное случается съ грѣшниками, прибѣгающими подъ кровъ Богоматери съ надеждою на защиту ея противъ демоновъ, но съ своей стороны не употребляющими никакихъ усплiй, никакихъ подвиговъ для борьбы съ ними. Надежда таковыхъ на Бога и на Богоматерь не спасетъ ихъ. Благодатная помощь подается отъ Бога и Святыхъ Его только трудящимся, а не безпечнымъ и лѣнливымъ грѣшникамъ. Помогать имъ значило бы только потворствовать ихъ лѣности и безпечности. Богоматерь, подъ кровъ которой они прибѣгаютъ съ надеждою на ея защиту, не перестаетъ оставаться нерушимою стѣною, но если сами они отдаются въ плѣнъ бѣсовскiй, то кто же какъ не они виноваты въ томъ, что не получаютъ отъ ней защиты? Да спасетъ всѣхъ насъ Господь отъ этой вины молитвами Богоматери.

Епископъ Виссарiонъ.

МІРЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.*)

Кромѣ призраковъ прижизненныхъ, весьма обширную область телепатіи составляютъ явленія призраковъ по-смертныхъ. Хотя послѣдняго рода явленія нерѣдко по-коятся на чисто субъективныхъ основаніяхъ, тѣмъ не ме-нѣе, реальность большинства ихъ едва ли можетъ быть заподозриваема, какъ въ виду многочисленности фактовъ, такъ и по авторитету свидѣтельствующихъ о нихъ лицъ. Ко-нечно, такого рода явленія могутъ происходить только по-особой волею Божіей ¹⁾. Остановимся на нѣкоторыхъ важ-нѣйшихъ случаяхъ.

Въ журналѣ *Странникъ* ²⁾ мы находимъ такой рассказъ. Въ одномъ приходѣ, по случаю смерти священника, мѣсто было занято другимъ. Вновь поступившій священникъ черезъ нѣсколько дней умеръ; мѣсто его занялъ новый свя-щенникъ, но и тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Эти событія устрешили кандидатовъ священства, и приходъ оставался долгое время вакантнымъ. Тогда духовное на-чальство само назначило на это мѣсто священника. Войдя первый разъ въ алтарь, онъ увидѣлъ здѣсь въ сторонѣ отъ престола незнакомаго священника въ полномъ обла-ченіи, но окованнаго по рукамъ и ногамъ желѣзными пѣ-пями. Не смущаясь присутствіемъ незнакомца, священникъ совершилъ литургію, послѣ чего видѣніе исчезло. Теперь

*) Продолженіе. См. апрѣльск. кн. *Душепол. Читенія* 1902 г.

¹⁾ Арх. Никаноръ. Бесѣды, поуч. и рѣчи, т. 2, стр. 505, 508.

²⁾ За 1867 г., 3 кн., стр. 105.

новый пастырь понялъ, что священникъ есть обитатель иного міра. Этотъ священникъ неоднократно указывалъ на одно мѣсто помоста въ алтарѣ. Такъ продолжалось и послѣ. Новый пастырь увидѣлъ на полу у стѣны небольшой ветхій мѣшокъ. Тамъ оказалось множество поданныхъ для поминовенія записокъ съ именами умершихъ и живыхъ. Онъ началъ поминать ихъ за каждою литургіей, пока не были помянуты всѣ. Обитатель иного міра являлся еще нѣсколько разъ. Наконецъ желѣзныя цѣпи съ шумомъ упали съ его рукъ и ногъ, а самъ онъ поклонился до земли и послѣ этого пересталъ являться.

Нѣкая Ел. Данилова изъ Тирасполя, Херсонской губерніи, рассказываетъ слѣдующее. Я и мой мужъ отправились погостить къ родственникамъ въ имѣніе, недавно ими пріобрѣтенное. Гостей было много, и меня съ мужемъ помѣстили въ гостиной. Около трехъ часовъ ночи я проснулась и увидѣла среди комнаты мужчину. Онъ заговорилъ со мною: «я умеръ въ этой комнатѣ, сказалъ призракъ; мнѣ необходимы ваши молитвы. Помолитесь за упокой души моей; меня зовутъ Иваномъ». Страха въ эту минуту я не ощутила никакого. Я тотчасъ опустилась на колѣни и стала молиться. Мой мужъ видѣлъ меня молящуюся, но не видѣлъ и не слышалъ призрака. Помолившись, я спокойно заснула. Утромъ я рассказала о случившемся моему брату, хозяину имѣнія, и онъ подтвердилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умеръ человѣкъ, по имени Иванъ. Дня черезъ два къ намъ пришла вдова умершаго, которой раньше я никогда не видѣла, и сообщила, что ночью явился къ ней мужъ и велѣлъ ей сходить ко мнѣ и поблагодарить меня за молитву. Фактъ этотъ, заключаетъ рассказчица, сохранился въ моей памяти съ необыкновенною ясностью ¹⁾).

Недавно русскою періодическою печатью сообщенъ такой случай. Учительница одной народной школы Астра-

¹⁾ Р. Лист. за 1899 г., № 187.

хавскаго уѣзда, дѣвушка развитая и не страдающая нервными болѣзнями, какъ-то разъ вечеромъ (въ мартѣ 1901 года) сидѣла въ своей комнатѣ и читала книгу. Вдругъ она почувствовала, что она не одна и, поднявъ глаза, увидѣла предъ собою стараго священника, который неслышными шагами подошелъ къ столу и сѣлъ противъ нея. Удивленная дѣвушка пожелала спросить священника, что ему нужно, и какъ онъ вошелъ въ комнату, когда дверь заперта, но таинственный посѣтитель поднялся съ мѣста, и, приблизившись къ стѣнѣ, неожиданно исчезъ. Впослѣдствіи, когда дѣвушкѣ были доставлены карточки священниковъ, служившихъ въ томъ же мѣстѣ, она узнала, что ея гость—священникъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Астрахани, но служившій болѣе 20 лѣтъ законоучителемъ въ той же школѣ, гдѣ состоитъ учительницей дѣвушка. Очевидно, интересы школы были слишкомъ дороги достойному пастырю, не мало потрудившемуся на пользу юнаго поколѣнія, если духъ его устремился еще разъ взглянуть на оставленную имъ дорогую школу ¹⁾).

Извѣстный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, редакторъ *Современныхъ Извѣстій*, талантливый публицистъ, умъ сильный и глубокий, передаетъ такой разсказъ. Писателю В. М. Далю, автору «Толковаго словаря», приснился какъ-то незнакомецъ, уже умершій, и просилъ написать сыну его, покойника, убивающемуся послѣ смерти отца, нѣсколько строкъ утѣшенія. Проснувшись, Даль записалъ полученный въ сонномъ видѣніи адресъ и, не будучи нимало увѣренъ, что существуетъ на свѣтѣ названное ему лицо, проживающее въ сказанной деревнѣ, послалъ по этому адресу письмо со словомъ утѣшенія, какъ просилъ его явившійся во снѣ покойникъ. Черезъ нѣсколько времени получился отвѣтъ. Оказалось, что есть дѣйствительно такая деревня, и въ ней дѣйствительно проживаетъ человекъ, который, лишившись недавно отца, сильно убивался.

¹⁾ Р. Лист. за 1901 г., № 94.

Онъ былъ тронутъ письмомъ и благодарилъ за утѣшеніе, выражая, что полученнымъ залогомъ безсмертія, онъ укрѣпленъ въ святыхъ упованіяхъ вѣры, успокоенъ и обрадованъ¹⁾.—Въ этомъ разсказѣ представляется непонятнымъ, почему покойникъ обращается не къ сосѣду сына, не къ священнику, а къ Далю. Самъ разсказчикъ высказываетъ предположеніе, что, быть можетъ, потустороннія волны психической энергіи давно и усиленно направлялись къ сыну, но не нашли соотвѣтствующаго отклика, въ виду отсутствія тѣснаго сродства душъ.

Фламмаріонъ сообщаетъ множество примѣровъ явленій умершихъ, которые, подобно приведеннымъ выше, совершенно не поддаются естественному объясненію—изъ психическаго состоянія видѣвшихъ призраки лицъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ.

Двѣ подруги заключили взаимное условіе, по которому одна изъ нихъ должна была явиться послѣ смерти оставшейся въ живыхъ. И дѣйствительно, одна изъ нихъ неожиданно умерла и явилась своей подругѣ въ такомъ костюмѣ, котораго та никогда на ней не видѣла. Когда были наведены справки, то оказалось, что первая была похоронена въ такомъ костюмѣ, въ какомъ явилась своей подругѣ.

Одна изъ корреспондентокъ Фламмаріона разсказываетъ, что ея бабушкѣ явился умершій сынъ съ такимъ сообщеніемъ: «я пришелъ къ тебѣ сказать, что я забылъ заплатить пять франковъ слугѣ Баптисту. Заплати ему слѣдующую сумму, но удержи 10 су за разбитую вещь». Когда она разыскала слугу по указанному умершимъ адресу, то жена слуги, не дожидаясь вопроса, заявила о слѣдующей суммѣ, а самъ слуга подтвердилъ, что онъ разбилъ вещь, стоившую 10 су.

Одному русскому офицеру трижды являлось привидѣніе и знаками умоляло его слѣдовать за нимъ. Затѣмъ оно

¹⁾ Газ. *Rossia* за 1901 г., № 672.

повело офицера и спутниковъ его за городъ и на значительномъ разстояніи отъ города исчезло въ глубокомъ ровѣ. Когда ровъ былъ раскопанъ, тамъ были найдены два трупа молодой четы, совершавшей свадебное путешествіе. Вслѣдъ затѣмъ былъ найденъ и наказанъ совершившій убійство ямщикъ.

Вполнѣ аналогичны съ телепатическими призраками и не менѣе многочисленны явленія двойниковъ. Эти явленія записаны какъ въ историческихъ мемуарахъ, такъ и въ семейныхъ хроникахъ. Укажемъ выдающіеся случаи.

За два дня до смерти Императрицы Екатерины II фрейлины, дежурившія у спальни Государыни, увидѣли, что она въ ночномъ костюмѣ и со свѣчею въ рукахъ вышла изъ спальни и направилась къ тронной залѣ. Когда затѣмъ онѣ, къ своему удивленію, узнали, что Императрица все время оставалась въ спальнѣ, и доложили ей о видѣніи, то она одѣлась и въ сопровожденіи фрейлинъ отправилась въ тронный залъ. Здѣсь она увидѣла себя сидящею на тронѣ. Съ нею случился обморокъ, а чрезъ два дня она скончалась отъ удара ¹⁾.

Равнымъ образомъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны видѣли ея двойника, гуляющаго по тронной залѣ, дежурный офицеръ и солдаты, Биронъ и наконецъ сама Императрица.—Точно также братья Шуваловы видѣли Елизавету Петровну, незадолго до ея смерти, гуляющею въ лѣтнемъ саду въ то время, какъ навѣрное знали, что она находится въ своихъ покояхъ.

Нерѣдко явленія двойниковъ служили предостереженіями предъ какою-либо опасностью, или указывали на коренное измѣненіе въ судьбѣ видѣвшихъ ихъ. Такъ, одинъ бывший студентъ Дерптскаго университета рассказываетъ, что однажды онъ возвращался съ своимъ пріателемъ въ осеннюю ночь къ нему на квартиру. Подошедши къ уединенному флигелю, гдѣ квартировалъ пріятель рассказчика,

¹⁾ Цр. Гр. Дьяченко. Изъ обл. таинств., стр. 111—112.

они замѣтили, что окна квартиры освѣщены. Когда они, въ недоумѣніи, заглянули въ окно, то хозяинъ квартиры увидѣлъ самого себя сидящимъ на диванѣ и читающимъ книгу. Лишь только они вошли въ комнату, свѣтъ исчезъ. Потолковавши о событіи, они улеглись спать въ двухъ смежныхъ комнатахъ, но такъ какъ имъ обоимъ не спалось, то хозяинъ квартиры перешелъ изъ своей комнаты въ залу къ другу. Вдругъ въ оставленной имъ за минуту передъ тѣмъ комнатѣ послышался страшный трескъ, сопровождаемый грохотомъ: потолокъ вибръ съ накатомъ рухнулъ и скрылъ подъ собою все, находившееся въ этой комнатѣ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленія двойниковъ не сопровождаются никакими серьезными послѣдствіями для видѣвшихъ ихъ лицъ. Такъ, извѣстный издатель Новгородской лѣтописи П. И. Савваитовъ видѣлъ своего двойника и послѣ этого прожилъ спокойно и безпечально тридцать лѣтъ. Одна дама, рассказывающая о видѣнномъ ею своемъ двойникѣ, присовокупляетъ, что такія видѣнія у нихъ обычны въ роду: отецъ, прадѣдъ и бабушка имѣли видѣнія своихъ двойниковъ, но подобныя явленія не сопровождались для нихъ печальными послѣдствіями ²⁾.

Патологическая практика указываетъ случаи, когда одна и та же личность періодически являлась вдвойнѣ: въ нормальномъ тѣлесномъ видѣ и въ эфирномъ образѣ, обыкновенно помѣщавшемся сзади. Такова, напримѣръ, была Эмилія Саже, служившая въ различныхъ женскихъ пансіонахъ и обычно увольняемая за свою несчастную способность, обнаруживавшуюся помимо ея воли.

Въ психопатологической литературѣ извѣстны также случаи, когда двойничество сопровождалось обнаруженіемъ особыхъ сверхнормальныхъ способностей раздвоившейся личности. Профессоръ докторъ Жибье сообщаетъ такой

¹⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Изъ обл. таинств., стр. 118—119.

²⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Изъ обл. таинственнаго, стр. 112—115.

разсказъ объ одномъ своемъ пациентѣ. Вернувшись однажды вечеромъ домой, пациентъ Ю. неожиданно почувствовалъ особенную слабость. Едва онъ прилежъ на кушетку, какъ началъ погружаться въ обморокъ, ощущая странное чувство пустоты. Вдругъ онъ очутился посреди комнаты и, еще не давши себѣ отчета въ своемъ перемѣщеніи, съ удивленіемъ увидѣлъ себя же лежащимъ на кушеткѣ. Сначала онъ подумалъ, что это сонъ, но сознавая въ себѣ полную интенсивность психической жизни, началъ думать, что онъ умеръ. Подошедши къ своему тѣлу, онъ удивился, что оно дышитъ, хотя и слабо. Мало того, онъ отчетливо увидѣлъ въ немъ медленное, неровное біеніе сердца, ярко-красную кровь, текущую по сосудамъ, а равно и прочіе внутренніе органы. Затѣмъ онъ попробовалъ повернуть кнопку дымившей лампы, но пальцы безуспѣшно вращались возлѣ нея. Тѣло свое онъ ощущалъ настолько эфирнымъ, что его, казалось, можно было пронизать рукою. Подошедши къ зеркалу, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что взоромъ своимъ онъ проникаетъ сквозь стекло зеркала, сначала до стѣны, а затѣмъ и чрезъ стѣну, чрезъ которую онъ видѣлъ въ сосѣдней квартирѣ комнаты, картины, мебель и всѣ предметы, хотя квартира и не была освѣщена. Затѣмъ и самъ онъ проникъ сквозь стѣну въ сосѣднюю квартиру, гдѣ осматривалъ обстановку и читалъ заглавія книгъ въ библиотечномъ шкапѣ. Очнулся онъ утромъ на кушеткѣ съ страшною головною болью и слабостью въ организмѣ. На другой день ему впервые удалось побывать въ квартирѣ сосѣда, и онъ убѣдился въ точности всего видѣннаго имъ въ состояніи пережитаго имъ раздвоенія личности ¹⁾.

Аналогичный этому случай разсказываетъ мистическій нѣмецкій журналъ объ одномъ пациентѣ, подвергшемся операциі подѣ хлороформомъ. Потерявши сознание, онъ неожиданно ощутилъ себя въ эфирной оболочкѣ вдали отъ

¹⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Изъ обл. тайнств., стр. 125—126.

своего тѣла, неподвижно лежавшаго на операціонномъ столѣ. Сознвая себя духомъ, отдѣлившимся отъ тѣла, онъ пожелалъ перенестись за тысячу верстъ къ своимъ родителямъ и моментально очутился въ родительскомъ домѣ. Онъ пытался обратить на себя вниманіе родителей, но это ему не удалось: онъ оставался невидимымъ для нихъ. Только мать его испытала сильное безпокойство, стала жаловаться на безпричинную тоску и заговорила о немъ съ отцомъ, выражая опасеніе относительно его здоровья. Затѣмъ онъ пожелалъ видѣть своего брата, морского офицера. Моментально онъ очутился на кораблѣ, гдѣ въ это время братъ его стоялъ на дежурствѣ. Братъ въ ужасѣ отшатнулся и протеръ себѣ глаза.—Послѣ этого онъ услышалъ голосъ врача, распорядившагося о приведеніи оперируемаго въ чувство. Пришедши въ полное сознаніе, онъ снова увидѣлъ себя въ тѣлесномъ образѣ на операціонномъ столѣ.

Подобнаго рода рассказы многочисленны, но фактическая сторона ихъ не можетъ быть удостовѣрена надлежащимъ образомъ.

Причины явленія разнаго рода призраковъ и двойниковъ вообще необъяснимы, такъ какъ въ нихъ замѣчается превышеніе извѣстныхъ намъ способовъ дѣйствія души. Предполагается лишь изслѣдователями—со стороны агента—освобожденіе особой психической энергіи во время его глубокаго сна, обморока, болѣзненнаго состоянія организма, или высшаго психическаго возбужденія, — а со стороны перципіента—сильное желаніе свидѣться съ извѣстною личностью и сосредоточеніе на ней мысли. Въ качествѣ же матеріальнаго условія образованія призраковъ и двойниковъ нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ существованіе въ человѣческомъ организмѣ особаго рода элементовъ, отдѣляющихся отъ тѣла въ его болѣзненномъ состояніи и особенно въ моментъ смерти. Получается такимъ образомъ какъ бы флюидическій человѣкъ, способный къ мгновенному передвиженію. Такой призракъ,

какъ полагаетъ Гартманъ, можетъ уплотняться настолько, что получаетъ способность пользоваться матеріальными орудіями и производить различныя дѣйствія, на примѣръ: писать, говорить, играть на инструментахъ, прикасаться къ тѣламъ руками и т. п. Матеріальную оболочку, въ которой является призракъ, М. Перти называетъ астральнымъ тѣломъ. Ванъ-Гельмонтъ, по поводу явленія призраковъ, говоритъ: существуетъ нѣкоторая экстагическая сила, которая, будучи возбуждена пылкимъ желаніемъ, можетъ переносить нашъ духъ на значительныя разстоянія, причѣмъ онъ облачается особымъ астральнымъ тѣломъ. Карпентеръ старается объяснить эти явленія изъ физиологическихъ основаній. Въ нервной силѣ организма онъ видитъ особый родъ физической энергіи, способной дѣйствовать на разстояніи и вызывать умственные образы ¹⁾. Охоровичъ, Битнеръ и др. видятъ въ телепатическихъ образахъ обнаруженіе электрической энергіи, присущей, по ихъ мнѣнію, каждому организму. При этомъ они предполагаютъ, что человѣкъ одними усиліями воли можетъ заставить эфирныя частицы отдѣлиться отъ тѣла и воплотиться въ образѣ личности, являющейся на разстояніи. Вслѣдствіе этого, человѣкъ, будто бы, можетъ призрачно являться въ любомъ мѣстѣ по желанію, или въ разныхъ мѣстахъ одновременно. Указывая многіе примѣры такихъ явленій, Битнеръ называетъ ихъ телефаническими ²⁾.

Извѣстный спиритъ А. Н. Аксаковъ видитъ въ телепатическихъ образахъ, призракахъ и двойникахъ не простыя галлюцинаціи, а явленія реальныя, объективныя, и пытается объяснить ихъ теоріей анимизма, или внѣтѣлеснаго дѣйствія живого человѣка. Сущность этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Физическая и психическая дѣятельность человѣка не ограничивается его периферіей. Человѣкъ можетъ дѣйствовать психически за предѣлами

¹⁾ Основанія физиологіи ума, стр. 634.

²⁾ Битнеръ. Вѣрить, или не вѣрить, — стр. 89—106.

тѣла: можетъ, напримѣръ, воздѣйствовать на психическую дѣятельность другого человѣка и вызывать въ немъ собствєнные впечатлѣнія, мысли, ощущенія; можетъ и переноситься къ нему въ пластическомъ образѣ, имѣющемъ различныя атрибуты тѣлесности. Онъ можетъ дѣйствовать и физически на неодушевленные предметы, на значительномъ разстояніи производя передвиженія ихъ. Эта внѣтѣлесная дѣятельность иногда выражается въ томъ, что человѣкъ, оставаясь въ извѣстномъ мѣстѣ въ состояніи обморока, или глубокаго сна, посылаетъ на значительное разстояніе свой пластическій образъ, который можетъ стучать въ дверь, говорить, писать и производить другія явленія. Этою теоріей, по мнѣнію Аксакова, легко объясняются: стуки со стороны умирающихъ съ цѣлью извѣщенія о своей смерти, различныя явленія въ непокойныхъ домахъ, явленія двойниковъ и призраковъ, писаніе ими карандашомъ, оставляемые ими отпечатки рукъ и ногъ и т. п. Тѣми же способностями, по мнѣнію Аксакова, отличаются и души умершихъ людей, а самый анимизмъ есть только низшая ступень спиритизма ¹⁾.

Всѣ эти гипотезы не имѣютъ за собою твердыхъ и убѣдительныхъ фактическихъ основаній. Безспорно лишь одно, что телепатическія явленія имѣютъ чисто духовную природу. По убѣжденію Вл. Соловьева, телепатія никогда не можетъ быть изъяснена изъ физическихъ основаній, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ непонятная сила должна была бы уменьшаться съ разстояніемъ, или задерживаться препятствіями. При этомъ Соловьевъ предполагаетъ въ душѣ способность къ особаго рода мистическимъ воспріятіямъ, происходящимъ безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ ²⁾. Авторы извѣстнаго сочиненія «Прижизненные призраки», англійскіе ученые Герней, Майерсъ и Подморъ, а равно французскій астрономъ Фламмаріонъ, также ви-

¹⁾ Анимизмъ и спиритизмъ, 2 изд., 1901 г., стр. 557—558.

²⁾ Вопр. философіи и психол. за 1901 г., кн. 1, стр. 11, 15, 20.

дять въ телепатическихъ образахъ явленія чисто духовнаго характера, обнаруживающія таинственныя дѣйствія магическихъ силъ души. Они допускаютъ такую аналогію: если духъ Божественный можетъ вліять на духъ человѣка, то и души людей также могутъ оказывать другъ на друга соотвѣтствующее вліяніе. Германскій поэтъ Гете, равнымъ образомъ, былъ убѣжденъ въ сверхчувственномъ общеніи душъ и испыталъ его съ яркою опредѣленностью на самомъ себѣ въ моменты особенно сильныхъ эмоцій. Нельзя также, при сужденіяхъ о телепатіи, отрицать и дѣйствія Божественнаго промысла, посылающаго людямъ видѣнія для какихъ-либо высшихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, какъ, на примѣръ: для обличенія нечестія и невѣрія, для напоминанія о загробномъ мірѣ и безсмертіи души и т. п. Вообще же точное объясненіе этихъ загадочныхъ явленій превышаетъ средства науки въ настоящемъ ея состояніи.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРИ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ.*)

II. Отвѣтъ благосклоннымъ къ латинской церкви о несправедливомъ величаніи папистовъ мнимымъ достоинствомъ ихъ церкви.

Напрасно нѣкоторые изъ Православныхъ удивляются существующей пропагандѣ Римской церкви, мнимому самоотверженію и дѣятельности ея миссіонеровъ и усердію Латинскихъ сестеръ милосердія, и неправильно приписываютъ Латинской церкви такую важность, что будто бы по отпаденіи оной отъ Православной Церкви, сія послѣдняя не пребыла такою же, а имѣетъ необходимость искать соединенія съ нею. По строгомъ изслѣдованіи мнѣніе сіе оказывается ложнымъ; а энергическая латинская дѣятельность не только не возбуждаетъ удивленія, но напротивъ возбуждаетъ глубокое сожалѣніе въ сердцахъ людей благомыслящихъ и разумѣющихъ истину.

Православная Восточная Церковь отъ временъ Апостольскихъ и доселѣ соблюдаетъ неизмѣнными и непогрѣжденными отъ нововведеній, какъ ученіе Евангельское и Апостольское, такъ и преданіе св. отцевъ, и постановленія Вселенскихъ Соборовъ, на которыхъ Богоносные

*) Продолженіе. См. февр. кн. *Дух. Чит.*

мужи, собравшись отъ всей вселенной, соборнѣ составили Божественный Символь Православной вѣры и, провозгласивъ его вслухъ всей вселенной во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ и полнымъ, воспретили страшными прещеніями всякое прибавленіе къ нему и убавленіе, или измѣненіе, или переставленіе въ немъ хотя бы одной іоты. Римская же Церковь давно уклонилась въ ересь и нововведеніе. Еще Василій Великій обличалъ въ этомъ нѣкоторыхъ епископовъ Рима въ посланіи своемъ къ Евсевию Самосатскому. «Истины они не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми, кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь» (Окруж. посл. § 7).

Апостоль Павелъ заповѣдуетъ удалиться отъ поврежденныхъ ересью, а не искать съ ними соединенія, говоря: *еретика чловѣка, по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся: вѣдый, яко развратися таковой и согрѣшаетъ и есть самоосужденъ* (Тим. 3, 10. 11).

Соборная Православная Церковь не двукратное, а многократное дѣлала вразумленіе частной Римской Церкви, но послѣдняя, несмотря на всѣ справедливыя убѣжденія первой, пребыла упорною въ своемъ ошибочномъ образѣ мыслей и дѣйствій.

Еще въ седьмомъ столѣтіи породилось въ западныхъ церквахъ неправое мудрованіе, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына.

Вначалѣ противъ сего новаго умствованія возставали нѣкоторые папы, называя оное еретическимъ. Папа Дамась такъ о немъ говоритъ въ соборномъ опредѣленіи: «Кто объ Отцѣ и Сынѣ мыслить право, а о Духѣ Святомъ не право, тотъ еретикъ» (Окруж. посл. § 5). Тоже подтверждали и другіе папы, Левъ III и Іоаннъ VIII. Но большая часть ихъ преемниковъ, обольстившись правами на преобладаніе и нашедши въ томъ для себя много мірскихъ выгодъ, дерзнули измѣнить Православный догматъ объ исхожденіи Св. Духа, вопреки постановленій седми Вселенскихъ Соборовъ, такъже и вопреки ясныхъ словъ

самого Господа во Евангеліи: *уже отъ Отца исходитъ* (Іоанн. 15, 26).

Но какъ одна ошибка, которую не считаютъ ошибкою, всегда влечетъ за собою другую, и одно зло порождаетъ другое, такъ случилось и съ Римскою Церковью. Едва только успѣло явиться на западѣ сіе неправое мудрованіе, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, какъ само породило другія подобныя тому исчадія, и ввело съ собою мало по малу другія новизны, бѣльшую частію противорѣчащія ясно изображеннымъ въ Евангеліи заповѣдямъ Спасителя нашего, какъ-то: кропленіе вмѣсто погруженія въ Тайнствѣ Крещенія, отъятіе у мірянъ Божественной Чаши и причащеніе только подъ однимъ видомъ хлѣба, употребленіе оплатковъ и опрѣсноковъ вмѣсто хлѣба кваснаго, исключеніе изъ Литургіи Божественнаго призыванія Всесвятаго и Животворящаго и Всесовершающаго Духа. Также ввело новизны, нарушающія древніе Апостольскіе обряды Соборной Церкви, какъ-то: устраниеніе крещаемыхъ младенцевъ отъ Мвропомазанія и принятія Пречистыхъ Тайнъ, устраниеніе брачныхъ отъ Священства, признаніе папы за лице непогрѣшительное и за мѣстоблжстителя Христова и проч. Такимъ образомъ низвратило весь древній Апостольскій чинъ совершенія почти всѣхъ Тайнствъ и всѣхъ Церковныхъ учрежденій,—чинъ, который содержала древняя, святая и православная Церковь Римская, бывшая тогда честнѣйшимъ членомъ Святой Соборной и Апостольской Церкви (Окруж. посл. § 5 пунктъ 12).

Но главная ересь Римской Церкви, не по существу, а по дѣйствию, есть измышленный догматъ главенства, или вѣрнѣе горделивое исканіе преобладанія епископовъ Рима надъ прочими четырьмя Восточными патріархами. Ради сего преобладанія приверженцы Римской Церкви поставили своего папу выше правилъ и учрежденій Вселенскихъ Соборовъ, вѣруя въ его непогрѣшительность. Но какова эта папская непогрѣшительность, свидѣтельствуеть неложная исторія. О папѣ Іоаннѣ XXIII говорится въ

опредѣленіи Констанцскаго Собора, низложившаго сего папу: «Дознано, что г. Іоаннъ папа есть грѣшникъ закоренѣлый и неисправимый, былъ и есть беззаконникъ, справедливо обвиняемый въ челоуѣкоубійствѣ, въ отравленіяхъ, и другихъ тяжкихъ злодѣяніяхъ, который часто и упорно предъ различными сановниками духовными утверждалъ и доказывалъ, что душа челоуѣческая умираетъ и потухаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ челоуѣческимъ, подобно душѣ животныхъ и скотовъ и что умершій отнюдь не воскреснетъ въ послѣдній день». Беззаконія папы Александра VI и его сыновей были такъ чудовищны, что, по мнѣнію современниковъ, этотъ папа заботился о водвореніи на землѣ царства сатаны, а не Царства Божія. Папа Юлій II упивался кровію Христіанскою, постоянно для своихъ цѣлей вооружая Христіанскіе народы другъ противъ друга (Духовн. Бесѣда 1858 года № 41). Есть много и другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о великихъ погрѣшностяхъ папъ; но теперь говорить о нихъ не время. При такихъ историческихъ свидѣтельствахъ о поврежденіи ересью и о погрѣшностяхъ папъ, справедливо ли величаются паписты мнимымъ достоинствомъ Римской Церкви? Справедливо ли уничижаютъ Православную Восточную Церковь, основывающую свою непогрѣшительность не на одномъ какомъ либо лицѣ, но на ученіи Евангельскомъ и Апостольскомъ и на правилахъ и постановленіяхъ седми Вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ? На сихъ соборахъ были со всей вселенной мужи Богодуховенные и святые, и установили все касающееся до потребностей и духовныхъ нуждъ Церкви, согласно съ Св. Писаніемъ. Поэтому основательно ли поступаютъ паписты, которые ради мірскихъ цѣлей поставляютъ лице своего папы выше правилъ Вселенскихъ Соборовъ, почитая папу своего болѣе непогрѣшительнымъ?

По всѣмъ высказаннымъ причинамъ Соборная Восточная Церковь пресѣкла общеніе съ частною Римскою Цер-

ковію, какъ отпадшею отъ истины и отъ правилъ Соборной Православной Церкви. Римскіе же епископы, какъ начали гордостію, гордостію и оканчиваютъ. Усиливаются они доказывать, что *будто* бы Православная Соборная Церковь отпала отъ ихъ частной Церкви. Но это несправедливо и даже нелѣпо. Истина свидѣтельствуеть, что Римская Церковь отпала отъ православной. Хотя паписты ради мнимой правоты выставляютъ на видъ, что патріархатъ ихъ, во время единенія съ Соборною Православною Церковію, въ числѣ пяти былъ первый и старшій; но это ради царственного Рима, а не по духовному какому достоинству, или власти надъ другими патріархіями. Несправедливо назвали они и церковь свою католическою, т. е. соборною. Часть цѣлымъ никогда называться не можетъ; а Римская Церковь до отпаденія своего отъ православія составляла только пятую часть единой Соборной Церкви. Особенно же потому Римская Церковь соборною называться не должна, что она отвергла постановленія Вселенскихъ Соборовъ, послѣдуюя неправымъ своимъ умствованіямъ.

Нѣкоторымъ бросается въ глаза численность и повсюдность приверженцевъ латинской церкви, и потому думаютъ недостовѣрно разумѣющіе истину, что не должна ли ради сей причины называться Латинская Церковь Вселенскою или Соборною? Но мнѣніе это весьма ошибочно, потому что нигдѣ въ Св. Писаніи не приписывается особеннаго духовнаго права множеству и численности. Господь ясно показалъ, что признакъ истинной Соборной Церкви не заключается во множествѣ и численности, когда говорить въ Евангеліи: *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ Царство* (Луки 12, 32). Есть и примѣръ въ Св. Писаніи не въ пользу множества. По смерти Соломона при сынѣ его раздѣлилось царство Израильское, и Св. Писаніе десять колѣвъ представляетъ отпадшими, а два колѣна, пребывшія вѣрными долгу своему, не отпадшими. Посему напрасно Латинская

Церковь старается доказывать правоту свою множествомъ и численностію и повсюдностію.

Признакъ Вселенской Церкви на Вселенскихъ Соборахъ св. Отцами означенъ совѣмъ иной, т. е. соборнѣ положено: *вървать во Едину, Святую, Соборную, и Апостольскую Церковь*, а не просто во вселенскую, или повсюдную Церковь. Римская Церковь хотя имѣетъ повсюду во вселенной своихъ послѣдователей, но такъ какъ не хранить свято соборныхъ и Апостольскихъ постановленій, а уклонилась въ нововведенія и неправыя мудрованія, то совѣмъ не принадлежитъ къ Единой, Святой и Апостольской Церкви.

Также весьма ошибочно разсуждаютъ къ Латинамъ благосклонные, которые думаютъ во 1-хъ, что по отпаденіи западныхъ отъ православія, въ Соборной Церкви будто бы чего-то недостаетъ. Ущербъ сей замѣненъ давно премудрымъ Промысломъ—основаніемъ на Сѣверѣ Православной Церкви Русской. Во 2-хъ будто бы ради прежняго старѣйшинства и ради численности Римской церкви Православная Церковь имѣетъ потребность въ соединеніи съ оною. Но ивъ судъ человѣческой и ивъ судъ Божій. Апостоль Павелъ ясно говоритъ: *кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14)?—т. е. что свѣтъ истины Христовой съ тьмою еретичества никогда совмѣщаться не можетъ. Латины же своей ереси оставить не хотятъ, и упорствуютъ, какъ свидѣлствуютъ о нихъ, на дѣлѣ исполняющіяся столько столѣтій, слова Василія Великаго: «истины они не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми, кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь», какъ сказано выше.

Благосклонные къ Латинамъ вмѣсто сего должны бы лучше разсуждать о сказанномъ во Псалмахъ: *возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ* (Псал. 25, 5), и пожалѣть о тѣхъ, которые ради преобладанія и сребролюбія, и другихъ мірскихъ цѣлей и выгодъ, возмущали едва не всю вселенную посредствомъ инквизицій и лукавыхъ іезуит-

скихъ происковъ, и доселѣ возмущаютъ и оскорбляютъ православныхъ въ Турціи черезъ своихъ миссіонеровъ. Миссіонеры латинскіе не заботятся обращать въ христіанскую вѣру природныхъ Турокъ, а стараются совращать съ истиннаго пути православныхъ Грековъ и Болгаръ, употребляя для сего всякія небогоугодныя средства и ухищренія. Не лукавство ли это, и не злобное ли лукавство? Благоразумно ли было бы искать единенія съ такими людьми? По этой же причинѣ стоитъ ли удивляться мнимому усердію и мнимому самоотверженію сихъ дѣятелей, т. е. латинскихъ миссіонеровъ и сестеръ милосердія? Это прямо жалкіе подвижники. Они стараются не ко Христу обращать и приводить людей, а къ своему папѣ.

Что сказать еще на вопросы: Латинская Церковь и другія вѣроисповѣданія могутъ ли называться Новымъ Израилемъ и ковчегомъ спасительнымъ? и какъ разумѣть о Евхаристіи настоящей Римской Церкви?

Новымъ Израилемъ можетъ называться только Церковь правовѣрующая, а поврежденная еретическими мудрваніями не можетъ. Св. Апостоль Іоаннъ Богословъ говоритъ: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ: аще бо отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами: но да явятся, яко не суть вси отъ насъ* (1 Посл. 2, 19). И св. апостоль Павелъ говоритъ: *единъ Господь, едина вѣра* (Ефес. 4, 5), т. е. едина вѣра истинная, а не всякое вѣрованіе хорошо, какъ безразсудно думаютъ отдѣлившіеся отъ единой истинной Церкви, о которыхъ св. Апостоль Іуда пишетъ: *яко въ послѣднее время будутъ ругатели, по своимъ похотехъ ходяще и нечестивы: сіи суть отдѣляюще себе отъ единости вѣры, и суть тѣлесни (душевные), духа немущи* (ст. 18, 19). Посему чуждые духа истины какъ назовутся Новымъ Израилемъ? или какъ будутъ кому либо пристанищемъ спасительнымъ, когда и то, и другое не можетъ совершаться безъ благодати Св. Духа?

Въ Православной Церкви вѣруется, что хлѣбъ и вино

въ Таинствѣ Евхаристіи пресуществляются призываніемъ и нашествіемъ Св. Духа. А Латины, какъ сказано выше, сочли ненужнымъ призываніе сіе и исключили оное изъ своей литургіи. И такъ разумѣющій — самъ да разумѣваетъ о Евхаристіи Латинской.

Еще вопросъ: если же, какъ сказано, кромѣ единой, святой, соборной и Апостольской Церкви, каковою называется и есть Церковь Православная, такъ сомнительно спасеніе другихъ вѣроисповѣданій: то почему же въ Россіи не проповѣдуется открыто истина сіа?

На это отвѣтъ очень простой и ясный. Въ Россіи допущена вѣротерпимость, и иновѣрцы наравнѣ съ православными занимаютъ у насъ важныя должности: начальники учебныхъ заведеній по большей части иновѣрцы; начальники губерній и уѣздныхъ городовъ часто бываютъ иновѣрцы; полковые и батальонные командиры — нерѣдко иновѣрцы. Гдѣ ни начни духовное лицо открыто проповѣдывать, что внѣ Православной Церкви нѣтъ спасенія, сановитые иновѣрцы оскорбятся. Отъ такого положенія Русское Православное духовенство и получило какъ бы навыкъ и укоренившееся свойство говорить объ этомъ предметѣ уклончиво. А можетъ быть нѣкоторые, по той же причинѣ, и отъ всегдашняго обращенія съ иновѣрцами, а болѣе отъ чтенія ихъ сочиненій, стали и думать снисходительнѣе въ отношеніи надежды спасенія и прочихъ вѣроисповѣданій.

Несмотря на духъ кротости и миролюбія и терпѣнія Православной Церкви и ея пастырей и послѣдователей, на западѣ издано въ предшествовавшіе вѣка послѣдователями разныхъ христіанскихъ вѣроученій, преимущественно же издается въ наши времена такое множество книгъ противъ ученія Восточной Церкви, что ихъ трудно было бы даже перечестъ, не только оцѣнить по достоинству. И хотя такія книги вообще наполнены клеветами, баснями, порицаніями, очевидными вымыслами и лжами, особенно же умственными ядотворными хитросплетеніями, съ очевидною цѣлю образовать въ Европѣ духъ, враж-

дебный Восточной Церкви, особенно нашему отечеству, и, поколебавъ вѣроученіе нашей Православной Церкви, совратить послѣдователей ея съ пути истины: но такъ какъ онѣ издаются подѣ заманчивыми названіями, въ уютныхъ формахъ, съ такою типографическою опрятностію, что какъ бы невольно увлекають любопытство читателей, то конечно и въ нашемъ отечествѣ, куда сіи сочиненія проникають темными путями, найдется не мало такихъ, которые, имѣя поверхностное понятіе о предметахъ христіанскаго ученія, не могутъ не увлечься мыслями противными истинѣ. Особенно вооружились теперь противъ православныхъ писатели латинской Церкви, провозглашающіе господство своего папы и частной римской Церкви надъ всѣми правительствами, и частными церквами и народами міра; преимущественно же въ настоящее время заняты симъ Іезуиты во Франціи, которые, пользуясь повсемѣстнымъ распространеніемъ французскаго языка, усиливаются съ какою-то лихорадочною дѣятельностію, посредствомъ сочиненій на этомъ языкѣ, насадить повсемѣстно свой образъ мыслей, противный вѣроученію и іерархическому устройству Восточной Церкви,—не щадя для этой цѣли самыхъ чудовишныхъ вымысловъ, очевидныхъ лжей и безсовѣстнаго искаженія историческихъ истинъ. Многие изъ православныхъ образованныхъ, читая эти сочиненія на французскомъ языкѣ, и не читая своихъ, на русскомъ, о православномъ вѣроученіи, легко могутъ повѣрить хитросплетенной лжи вмѣсто истины, которой они хорошо не знаютъ.

Желающему подробно знать тѣ причины, по которымъ паписты такъ далеко уклонились отъ православія, полезно прочесть недавно вышедшее сочиненіе объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ церквамъ—*Авдія Востокова*. Въ этой книгѣ во 2-й части особенно замѣчательны мѣста о присягѣ латинскихъ епископовъ своему папѣ, и о клеветахъ папистовъ на православныхъ, стр. 49, 60 и 137.

ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ОЕОФАНА - ЗАТВОРНИКА

къ И. А. Л.

11 юли 93 г.

Милость Божія буди съ вами!

Въ міру жить по мірски-есть—душу губить. Но если начать жить по - христіански, отказавшись отъ мірской жизни, то этимъ спасеніе стяжется несомнѣнно. Въ началѣ христіанства такъ и было. Тогда мірская жизнь была жизнь по страстямъ и похотямъ. Принимавшіе христіанство, по крещеніи, начинали жить противоположно мірской жизни, отказывались отъ всѣхъ страстепитающихъ обычаевъ и чрезъ то обособлялись отъ живущихъ по-мірски... Это—*по-мірски*—значило—*по-язычески*... Язычники тѣмъ и узнавали христіанъ, что они сразу начинали жить не по ихнему... жить свято, чисто, благоговѣнно.

Христіане въ отособленности отъ язычниковъ жили въ томъ же обществѣ языческомъ. Язычники не любили ихъ и тѣснили,—правительство гнало и мучило,—этимъ христіане были какъ злато въ горнилѣ... чистимы и чрезъ то хранили себя въ чистотѣ, живя отособленно...

Когда христіанство стало господствующею вѣрою, тогда въ него вступали иные безъ оставленія языческихъ обычаевъ... число такихъ расло и расло... и наконецъ взяло верхъ... и начала общая жизнь быть языческою... Съ возрожденія на Западъ, которое было принятіемъ язычества

въ духъ и правило общее, язычество поглотило христіанство... Весь Западъ сталъ языческимъ... Оттуда и къ намъ начало заходить язычество, и теперь Русь вмѣсто православной стала язычницею... Духъ языческой царить у насъ въ обществѣ.

Хочетъ ли кто душу спасти, долженъ отстать отъ жизни общей, яко языческой и потому пагубной. Отставши можетъ онъ и въ общей массѣ общества жить, не касаясь только языческихъ обычаевъ, заведенныхъ въ удовлетвореніе страстей. Такого рода лицъ очень много. Они невидны большею частію; но есть и видныя.

Такъ вотъ вамъ что предложить, если хотите душу спасти... Предложить,—измѣнившись внутренно, по заповѣди: *да отвержется себѣ*,—отстать отъ всѣхъ страстепитательныхъ обычаевъ нынѣшняго общества... и жить среди его особнякомъ,—не только страстямъ не покорствуя, но и обычаевъ страстію дышащихъ не касаясь...

Если вы сознаете для себя такой шагъ неисполнимымъ среди общества; то бѣгите изъ общества... Куда?

Некуда больше, какъ въ монастырь. Нынѣ правда и въ монастыри пробралось язычество. Но тамъ оно случайный гость, и кто пойдетъ наперекоръ ему, можетъ устоять тамъ на своемъ отчужденіи отъ язычества, безъ шума... и большихъ жертвъ.

Въ какой монастырь?—Тамъ у васъ въ губерніи много ихъ. Я указалъ бы, но ни одного не знаю...

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Е. Феофанъ.

(Сообщилъ *свящ. Митрофанъ Серебрянскій*).

О. ИГУМЕНЪ ДАНИИЛЪ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЕОСИМАНСКАГО СКИТА И ПЕЩЕРЬ.*

IV.

Въ прїѣзды митрополита Филарета въ скитъ послушникъ Димитрій ежегодно назначался къ нему въ келейники. Цѣлыхъ десять лѣтъ (1857—1867) онъ былъ по лѣтамъ его келейникомъ. Владыка обыкновенно оставался здѣсь очень долго. Однажды онъ прожилъ въ скиту даже пять мѣсяцевъ (1867). Многое Димитрій видѣлъ и многому научился, находясь въ такой близости къ великому русскому святителю. Какъ были ему извѣстны всѣ подвиги и труды святителя. Сколько примѣровъ его глубокой мудрости и проницательности онъ имѣлъ возможность наблюдать постоянно. Сколько восторговъ, удивленія, преклоненія предъ святителемъ различныхъ русскихъ людей ему приходилось часто видѣть здѣсь. Предъ его глазами прошли цѣлыя массы простого народа, множество образованныхъ людей, высокопоставленныхъ сановниковъ, именитыхъ иностранцевъ, великихъ князей, коронованныхъ особъ и даже лицъ царствующей фамилии, которые приходили къ великому русскому святителю сюда въ этотъ убогій скитъ.

Событія, происходившія во время пребыванія митрополита Филарета въ скиту, такъ глубоко запали въ душу

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чит.* 1902 г.

Димитрія, что онъ въ послѣдствіи живо вспоминалъ ихъ всю свою жизнь и многимъ рассказывалъ ¹⁾). Изъ многочисленныхъ его рассказовъ о великомъ святителѣ мы приведемъ хотя нѣкоторые.

По прїѣздѣ лѣтомъ въ лавру, владыка-митрополитъ тотчасъ же спѣшилъ въ любимый имъ скитъ. Посадамъ онъ вѣхалъ въ каретѣ, но лишь начинался скитскій лѣсъ, выходилъ изъ кареты и шелъ уже пѣшкомъ. Трогательно было смотрѣть, какъ тихо шелъ святитель, въ то время уже старый и немощный, опираясь на трость. Бѣлый крепъ на влобукъ отъ вѣтра часто развивался по воздуху. Всѣ въ какомъ-то необыкновенномъ настроеніи ожидали приближенія владыки. Вотъ онъ спускается съ горки, вотъ онъ уже у скита. Владыка всегда прибывалъ въ скитъ до 8 часовъ, когда тамъ начинается литургія. Войдя въ церковь, святитель дѣлалъ три поклона предъ иконами, потомъ кланялся братіи. Послѣ этого онъ подходилъ къ аналою, что стоялъ посрединѣ церкви, снималъ влобукъ и начиналъ читать акаѣистъ Божіей Матери. Братія, сойдя съ клиросовъ на средину храма, пѣла положенные припѣвы столповымъ напѣвомъ. По окончаніи акаѣиста, владыка снова клалъ три поклона и, поклонившись братіи, уходилъ или въ алтарь или становился за правымъ клиросомъ, гдѣ и слушалъ тотчасъ начинавшуюся послѣ акаѣиста литургію. По окончаніи литургіи, вся братія обыкновенно подходила къ нему подъ благословеніе. Съ нѣкоторыми изъ братіи какъ старшей, такъ и самой младшей владыка милостиво бесѣдовалъ. Поздоровавшись съ братіей, онъ уходилъ въ свои покои. Съ этого дня начиналась строго-размѣренная жизнь. Одинъ день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды. Весь день у владыки былъ распредѣленъ по часамъ. Утро, до конца поздней

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ лѣтъ десять тому назадъ были напечатаны въ различныхъ журналахъ и газетахъ. См. *Дух. Чит.* 1892 г. № 7 и др.

литургіи, онъ посвящалъ молитвѣ. Въ половинѣ 11 часа, по окончаніи литургіи, выпивъ чашку жидкаго чаю, владыка принимался за дѣла, просматривалъ бумаги, читалъ ихъ всѣ непремѣнно, клалъ на нихъ резолюціи, принималъ просителей и нѣкоторыхъ посѣтителей. Обычно всѣ шли къ святителю съ немалымъ страхомъ и смущеніемъ, а нѣкоторые изъ купцовъ, отправляясь къ нему, едва не постились предъ этимъ временемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Владыка для нихъ былъ не обыкновеннымъ смертнымъ человѣкомъ, къ которому можно было идти во всякомъ видѣ и во всякомъ состояніи, а какою-то какъ бы великой святыней, святымъ человѣкомъ. И развѣ такой взглядъ на архипастыря можно назвать худымъ? Многие, изъ искавшихъ у владыки совѣта, выходили отъ него со слезами на глазахъ. Такъ всегда онъ умѣлъ растрогать своихъ посѣтителей.

Приходили сюда нерѣдко по различнымъ дѣламъ и батюшки. Съ однимъ изъ нихъ случилась такая исторія. На батюшку былъ сдѣланъ владыкѣ доносъ и притомъ совершенно справедливый. Вдовый батюшка обвинялся въ преступленіи противъ одной заповѣди. Придя къ владыкѣ, виновный сталъ увѣрять, со слезами на глазахъ, кланяясь въ ноги, что онъ оклеветанъ и невинно страдаетъ. Три раза владыка просилъ его сознаться въ своемъ грѣхѣ, но виновный все время старался всячески убѣдить архипастыря въ своей невинности. Тогда владыка показалъ ему пачку собственноручныхъ его писемъ, которыя не оставляли больше никакого сомнѣнія въ полной его виновности. При этомъ владыка сказалъ: «Если бы ты сознался, то это осталось бы между мною и тобою, я покрылъ бы тебя. Но такъ какъ ты упорно не хотѣлъ сознаться, то я передаю теперь твое дѣло на судъ консисторіи, гдѣ ты и получишь должное возмездіе за грѣхъ свой».

Часто святителя Филарета обвиняють въ безсердечности. Покойный о. игумень Данииль говорилъ, что это былъ

весьма сердечный человекъ; не любилъ онъ только великихъ бездѣльниковъ, которые говорили неправду, совершали различныя беззаконныя дѣянiя и не подавали никакихъ надеждъ на исправленiе,—людей, обманывавшихъ его. А это развѣ безсердечiе?

Въ часть дня святитель Филаретъ обыкновенно отправлялся на предобѣденную прогулку. На прогулку полагался всегда часъ времени. За временемъ владыка слѣдилъ по стариннымъ часамъ «луковицею». Гулялъ обыкновенно одинъ безъ всякихъ провожатыхъ. Надѣвалъ простую черную камлотовую ряску, на голову скуфеечку, въ руки бралъ тростниковую совершенно необдѣланную палку. Въ такомъ видѣ онъ гулялъ по пустыннымъ монастырскимъ дорожкамъ, наслаждаясь чудною свѣжестью воздуха, напоеннаго запахомъ сосны, цвѣтовъ и богатой зелени. Иногда онъ выходилъ и за ворота обители, чтобы пройти по лѣсу и насладиться еще большимъ просторомъ. Часто въ это время обступали его богомольцы съ различными своими разспросами, совершенно не подозрѣвая того, что предъ ними стоитъ великiй святитель русскiй. Они спрашивали его, какъ имъ пройти къ тому или другому старцу, чтобы получить отъ него благословенiе. Иногда онъ не только указывалъ, какъ найти извѣстнаго старца, но и брался самъ довести ихъ почти до самой келлiи того старца. Богомольцы, поблагодаривъ старичка монаха, обыкновенно уходили. Бывало иногда и такъ: лишь только отойдутъ богомольцы въ сторону, монахи, случайно проходящiе мимо святителя, начинаютъ кланяться ему земно и принимать отъ него благословенiе. Богомольцы бѣгомъ устремляются къ этому старцу, разспрашиваютъ, кто онъ, и спѣшатъ наперерывъ другъ передъ другомъ и сами получить отъ него благословенiе.

Владыку часто не узнавали, принимая его за простого монаха. Во время одной изъ прогулокъ владыки, къ нему обратился крестьянинъ съ такимъ вопросомъ:

— Ты, батюшка, здѣсь въ скиту набольшiй или нѣтъ?

— А что тебѣ нужно?—отвѣчалъ архипастырь.

— Да видишь ли, пришло у меня желаніе поступить въ этотъ самый монастырь, чтобы спасти свою душу.

— Ступай къ строителю; онъ здѣсь въ скиту наибольшій, у него просись.

Во время своего пребыванія въ скиту владыка часто хаживалъ въ пустынку, гдѣ жилъ старецъ Филиппъ, извѣстный «Филиппушка». Пробираясь въ пустынку по узкой извилистой тропинкѣ, которая шла густымъ лѣсомъ, владыка встрѣтилъ толпу богомолковъ. Онѣ шли къ «Филиппушкѣ», но не знали дороги. Увидавши владыку и принявъ его за простого монаха, одна изъ нихъ спросила его:

— Ты здѣшній, батюшка.

— Здѣшній,—отвѣчалъ владыка.

— Укажи, родимый, какъ бы намъ пройти въ пустынку къ «Филиппушкѣ».

— Я самъ иду къ нему, ступайте за мной. — И всѣ пошли за нимъ.

Старецъ Филиппъ, завидя приближавшагося знаменитаго гостя, пошелъ къ нему навстрѣчу и до земли ему поклонился. Только въ это время узнали богомолки, кто былъ ихъ проводникомъ.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній пустынки владыка засталъ старца Филиппа и его сыновей-монаховъ сидѣвшими вмѣстѣ около своихъ келлій. Эта картина чрезвычайно тронула и умилила владыку. Улыбаясь и показывая на старца, онъ сказалъ:

— Се азъ и дѣти мои. Миръ вамъ!—И началъ бесѣдовать съ ними.

Владыку не узнавали не только простые люди во время его прогулокъ... Вотъ какой былъ разъ случай. Однажды владыка зашелъ въ гряды и нагнулся, чтобы сорвать нѣсколько ягодъ свѣжей клубники. Строитель о. Анатолій, принявъ владыку за простого послушника, грубо сказалъ:

— Ты это что, прости Богъ, дуракъ, дѣлаешь? зачѣмъ рвешь ягоды?

— Что больно строго отецъ-игумень?—съ улыбкою замѣтилъ владыка.

— Прости же Бога ради, святой владыка, со слѣпа не узналъ! — проговорилъ строитель и повалился въ ноги владыкѣ.

Однажды, гуляя по монастырскому лѣсу, владыка сталъ переходить черезъ канаву, которой отдѣлялась дорога отъ лѣса, и упалъ въ нее. Проходившіе мимо богомольцы помогли встать ему, очистили грязь и землю съ его ряски. Но владыка все-таки пришелъ въ монастырь съ замѣтными слѣдами «крушенія»...

Возвратившись съ прогулки, ровно въ два часа владыка садился за обѣдъ, который отличался необыкновенной скромностью. Послѣобѣденное время удѣлялъ чтенію. Ходя по келліи читалъ и просматривалъ журналы, газеты. Въ это время весьма часто пріѣзжалъ къ нему о. намѣстникъ архимандритъ Антоній, съ которымъ онъ оставался наединѣ по нѣсколько часовъ сряду. Однажды между владыкой и о. намѣстникомъ происходилъ такой разговоръ. Владыка жаловался о. намѣстнику, что въ скиту изъ церкви во время богослуженія иногда выходятъ монахи. «Это не хорошо», — говорилъ владыка. Выслушавъ эти слова, о. намѣстникъ отвѣчалъ владыкѣ:

— Владыко, вѣдь выходятъ изъ церкви старцы по немощи, по нуждѣ; нѣкоторымъ изъ нихъ весьма трудно выстоять продолжительную службу. Да теперь и народу много въ обители, среди котораго есть не только богомольцы, но и злые люди. Поэтому необходимо посмотрѣть и за своей келліей. Вотъ вы и напрасно осудили ихъ.

Выслушавъ эти слова, владыка сказалъ:

— Ну, прости меня, больше не буду.—И заговорилъ о другомъ.

Въ 5 часовъ начиналась въ скиту вечерня. Вечерню владыка слушалъ изъ своей моленной, одно окно изъ которой выходило прямо въ церковь, и выслушивалъ ее до конца. Въ 8 часовъ вечера владыкѣ подавали чай, кото-

рый онъ пилъ съ простымъ братскимъ бѣлымъ хлѣбомъ. Владыка никогда не ужиналъ. Въмѣсто ужина ему подавали иногда два яйца всмятку, причѣмъ онъ ѣлъ только одинъ желтокъ. Въ рыбѣ ѣлъ только спинку. Иногда подавали ему стаканъ молока, иногда тонкій квадратикъ паюсной икры въ величину игральной карты. Владыка обыкновенно разрѣзалъ этотъ квадратикъ на четыре равныя части и съѣдалъ одну только изъ нихъ.

Въ 10 часовъ вечера въ келліяхъ владыки зажигали четыре толстыя восковыя свѣчи, свитыя жгутомъ, и владыка оставался уже одинъ. Когда приходили утромъ, то отъ свѣчей оставались лишь маленькіе огарочки. Владыка нерѣдко бодрствовалъ до самаго начала утрени, которая бываетъ въ скиту въ два часа. Что онъ дѣлалъ въ это время? Съ вечера на его столѣ была всегда такая груда дѣлъ, что изъ-за нихъ было даже не видно старца святителя. Къ утру же не оставалось болѣе ни одной бумажки, и столъ опять готовъ былъ поглотить массу всякихъ дѣлъ, отношеній, проектовъ и т. п. Если съ вечера не было дѣловыхъ бумагъ, то мѣсто ихъ занимали различныя ученныя работы, составленіе и разсмотрѣніе различныхъ проектовъ, по порученію Св. Синода. Секретарь владыки говорилъ, что, несмотря на сравнительно короткое пребываніе его въ скиту, онъ успѣвалъ всегда столько здѣсь передѣлать; сколько не могъ сдѣлать въ Москвѣ даже въ 4 мѣсяца. Несомнѣнно владыка иногда сильно утомлялся во время этихъ ночныхъ работъ. Чтобы отдохнуть хотя немного и освѣжить себя, онъ ходилъ по комнатамъ и часто умывался. Нерѣдко ночью можно было слышать, какъ онъ гремѣлъ простымъ металлическимъ рукояникомъ...

Спалъ онъ весьма мало. Скитская утрени всегда начиналась съ благословенія владыки, а начиналась она въ два часа. Уставныя чтенія во время утрени также всегда владыка благословлялъ самъ. Такимъ образомъ владыкѣ оставалось весьма немного времени на сонъ.

Съ келейниками онъ былъ простъ. Дмитрія часто благодарилъ за его расторопность и сообразительность, дарилъ ему нѣкоторыя вещи. Нельзя при этомъ не отмѣтить одной черты владыки. Когда владыка уходилъ гулять, то онъ, конечно, не могъ постоянно убирать всѣ свои дѣловыя бумаги и хранить ихъ подъ замкомъ. Да и комнаты были проходныя, такъ что нельзя было запереть хотя одну изъ нихъ. Наконецъ нужно же было и убирать ихъ. Святитель весьма искусно испытывалъ вѣрность своихъ слугъ. Онъ клалъ на дѣлахъ или между дѣлами въ различныхъ положеніяхъ и направленіяхъ мелкія монетки. Иногда онъ поступалъ еще мудрѣе. На бумаги и между бумагами клалъ свои волосы. Такъ какъ они были бѣлые, то ихъ трудно было отличить отъ бумаги, далеко не всякій даже могъ и замѣтить ихъ. При такомъ положеніи дѣла, трудно было думать о какомъ-нибудь похищеніи владыкиныхъ тайнъ...

У владыки былъ свой келейникъ, всегда пріѣзжавшій съ нимъ въ скитъ. Звали его о. П—ній. Однажды онъ заперъ своего владыку въ комнатахъ. Думая, что владыка будетъ заниматься, самъ пошелъ побродить по скиту. Но вотъ владыкѣ нужно было выдти къ какому-то неожиданному посѣтителю. Раздался звонокъ... Бросились искать о. П—я. Искали, искали вездѣ, не могутъ найти. Одни говорятъ, что онъ ушелъ гулять въ лѣсъ, другіе утверждаютъ, что недавно видѣли его тамъ-то. Но о. П—й какъ бы въ воду канулъ. Наконецъ, послѣ почти двух-часовыхъ поисковъ, его нашли за монастырской оградой. Здѣсь онъ спокойно кормилъ монастырскихъ куръ и велъ съ ними разговоръ. Владыка сдѣлалъ строгій выговоръ о. П—ю, такъ что батюшка П—й не на шутку разстроился, принимался даже ворчать на владыку въ его присутствіи. Но потомъ скоро все уладилось, и между ними возстановились добрыя отношенія.

Владыка не разъ страдалъ отъ какой-то чисто дѣтской разсѣянности о. П—я. Но все прощалъ и терпѣлъ. Онъ

терпѣлъ даже и большій его недостатокъ, его маленькое неравнодушіе по временамъ къ напиткамъ, запрещеннымъ назореямъ, съ чѣмъ о. П—й никакъ не могъ примириться. Иногда Димитрій убиралъ отъ него «злохудожныя стекляницы», но онъ ухитрялся находить ихъ. Старались преградить о. П—ю доступъ въ нихъ, но онъ и при этомъ какъ-то всегда безъ всякихъ орудій умѣлъ взять крѣпость и твердыню заповорь...

Братію скита владыка считалъ какъ бы родной своей семьей. Въ Успенскій и Петровскій посты онъ обыкновенно говѣлъ вмѣстѣ со всею братією. Исповѣдавшись у о. намѣстника, на другой день служилъ литургію и самъ причащалъ своими руками всю братію. Смотря на это общее собраніе иноковъ около своего архипастыря, невольно хочется сказать: «се азъ и двѣти, яже даде ми Богъ». Владыка всегда самъ рукополагалъ всѣхъ монаховъ своего скита.

Во время пребыванія владыки въ скиту, сюда всегда пріѣзжало множество весьма знатныхъ особъ, пріѣзжали сюда коронованныя лица изъ другихъ земель. Всѣ хотѣли посмотрѣть великаго архипастыря земли русской. Здѣсь не разъ бывали и русскіе государи, великіе князья. Замѣчательно, государь, собираясь пріѣхать въ лавру, извѣстилъ владыку, чтобы онъ не утруждалъ себя и не выѣзжалъ навстрѣчу его. Государь самъ обѣщался пріѣхать къ нему въ скитъ. И дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ скитъ и былъ у владыки вмѣстѣ съ государыней Маріей Александровной, которая послѣ долгой бесѣды съ Филаретомъ вышла отъ него вся въ слезахъ. И государь казался взволнованнымъ. О чемъ была рѣчь въ келіяхъ владыки, это осталось для всѣхъ тайной.

Въ 1867 году владыка былъ уже послѣдній разъ въ скиту. Въ это послѣднее свое посѣщеніе скита, владыка оставался въ немъ значительно дольше обыкновеннаго: съ мая по октябрь мѣсяць. Незадолго до своего отъѣзда изъ скита, въ одну изъ своихъ прогулокъ, онъ пришелъ въ

пещеры, куда обыкновенно рѣдко заходилъ, чтобы не смущать насельниковъ пещеръ и не нарушать ихъ безмолвія. Въ этотъ же разъ онъ обошелъ всѣ пещеры, зашелъ въ пещерный храмъ Архистратига Михаила, долго молился здѣсь предъ иконою Черниговской Божіей Матери. Посѣтилъ владыка и другія достопримѣчательныя мѣста Геосиманскаго скита. Въ день своего отъѣзда изъ скита, онъ простился съ братіей, благословивъ каждаго изъ нихъ. Стоя на валу, долго смотрѣлъ на скитскія постройки, храмы, какъ бы предчувствуя, что болѣе ихъ уже никогда не увидитъ. И братія со слезами провожала своего архипастыря. Многіе ясно чувствовали, что онъ болѣе къ нимъ не вернется. Наконецъ, владыка сѣлъ въ дормезъ и, благословивъ всѣхъ въ послѣдній разъ, поѣхалъ въ лавру. Дормезъ въ мокромъ песчаномъ грунтѣ оставилъ глубокой слѣдъ, который долго хранили въ монастырѣ, какъ напоминаніе о томъ, кто болѣе къ нимъ уже дѣйствительно не вернулся.

Въ скиту сохранилось до настоящаго времени одно очень дорогое дерево. Извѣстно, что владыка Филаретъ долгое время не разрѣшалъ о. намѣстнику устроенія Геосиманскаго скита. На благопріятный исходъ дѣла особенно повліялъ митрополитъ кievскій Филаретъ. Однажды, проѣздомъ изъ Синода, онъ былъ въ лаврѣ. О. намѣстникъ пригласилъ его осмотрѣть мѣсто, на которомъ онъ желалъ, но пока не могъ, построить скитъ. Кіевскій архипастырь пришелъ въ восторгъ отъ этого мѣста. Онъ благословилъ его на четыре стороны, а о. намѣстникъ заломилъ тотчасъ же на деревѣ три вѣтки. Здѣсь предполагалось построить будущій храмъ. Вотъ одно изъ этихъ деревьевъ, подъ которыми великій святитель кievскій и знаменитый намѣстникъ лавры думали о будущемъ устроеніи скита, сохранилось до сихъ поръ. О. игумень указывалъ его мнѣ не разъ. Его нужно беречь, конечно, какъ драгоценность.

Архимандритъ Евдокимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ.

Дарохранительницы Московскаго Большаго Успенскаго собора: 1) изображающая Синайскую гору, и 2) въ видѣ голубя, парящаго въ воздухѣ надъ св. Престоломъ.

Изъ достопримѣчательностей, относящихся къ церковной утвари Московскаго Большаго Успенскаго собора, обращаетъ на себя особенное вниманіе драгоценная Дарохранительница, стоящая на бронзовомъ постаментѣ за святымъ Престоломъ главнаго алтаря собора. Она была устроена генераломъ-аншефомъ, Военной Коллегіи вице-президентомъ, княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ въ 1777 году, и изображаетъ собою Синайскую гору и на ней Моисея, принимающаго отъ Господа Бога Саваооа Скрижали Завѣта; въ пещерѣ горы помѣщенъ Ковчегъ для Святыхъ Даровъ.

Подробная и интересная исторія этой замѣчательной церковной утвари и ея описаніе изложены въ Указѣ Святейшаго Синода за 1777-й годъ¹⁾. Отсюда мы узнаемъ, что 23 августа сего года присланнымъ отъ князя Григорія Александровича Потемкина генераль-поручикомъ Апухтинымъ доведено было Святейшему Синоду, что Военная Коллегія, имѣя въ остаткѣ отъ сборовъ Волоскаго княжества золото рѣкъ той земли, заблагоразсудила соорудить для Успенскаго собора утварь въ честь Господа силъ и

¹⁾ См. Указъ Моск. Святейш. Синода Копторы отъ 5 февраля 1778 г. за № 81, въ архивѣ Моск. Большаго Успенскаго собора.

на память побѣдъ, отъ Него дарованныхъ въ томъ краю, и, положивъ въ подножіе сей утвари рукописаніе Всеавгустѣйшей Самодержицы Россійской, подноситъ оную Святѣйшему Синоду, прося о препровожденіи ея въ Москву по назначенію. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ генераль-поручикъ Апухтинъ представилъ собранію Святѣйшаго Синода какъ самую «утварь», такъ и рукописаніе Ея Императорскаго Величества. При этомъ онъ словесно донесъ Святѣйшему Синоду о желаніяхъ князя Потемкина: 1) такъ какъ въ Московской Святѣйшаго Синода Канторъ теперь находится старшій членъ оной, Преосвященный Платонъ, Архіепископъ Московскій, то ему и было бы поручено отъ Святѣйшаго Синода поставленіе утвари съ рукописаніемъ Ея Императорскаго Величества въ Успенскомъ соборѣ; 2) когда о сей утвари послѣдуетъ въ Святѣйшемъ Синодѣ опредѣленіе, а по оному изготовятся, куда слѣдуетъ, указы, то какъ сіи указы, такъ и «утварь» были бы присланы къ нему, князю Потемкину, для отправления въ Москву съ нарочнымъ офицеромъ.

Тогда же Святѣйшимъ Синодомъ потребована была отъ генерала Апухтина подробная опись доставленной имъ «утвари»; но вмѣсто описи впоследствии былъ имъ представленъ Святѣйшему Синоду счетъ отъ мастера Давида Дювалла; въ этомъ счетѣ значится, что «утварь содержитъ въ себѣ девятнадцать фунтовъ золота, разной доброты, и серебра—девятнадцать фунтовъ двадцать четыре золотника. Считаая по двадцати рублей за фунтъ, за серебро отдано триста восемьдесятъ пять рублей, да за работу большихъ восковой и алебастровой моделей, за каждую особо, за гравированіе большихъ мѣдныхъ досокъ литейщикамъ и другимъ мастерамъ и за прибавленіе, взаимнъ выгорѣвшаго золота и серебра, четыре тысячи двѣсти рублей, а всего 4585 рублей».

Когда же въ канцеляріи Святѣйшаго Синода была слѣлана мастеромъ Алексѣемъ Антроповымъ подробная опись драгоценной «утвари», то оказалось, что подножіе, или

постаментъ, въ которомъ было положено рукописаніе Ея Императорскаго Величества, золотой, но нижняя доска его серебряная, внутри оклеенъ голубымъ атласомъ; поставленное на семь подножій изображеніе Синайской горы сдѣлано изъ золота съ лигатурою, изваянія являющагося на горѣ изъ облаковъ Бога Отца и принимающаго отъ Него скрижали Моисея—вполнѣ золотыя, скрижали же—золотыя съ лигатурою, облака — серебряныя, трехугольникъ съ сіяніемъ золотой, сіяніе же вокругъ облаковъ, состоящее изъ шестнадцати широкихъ лучей, серебряное, но шестьдесятъ четыре узенькихъ лучей—золотыя, изображенія шести херувимовъ—золотыя; въ пещерѣ горы Дарохранительница серебряная, внутри вызолоченная; лежащій на ней свитокъ съ семью печатями золотой, четыре херувима по угламъ Дарохранительницы золотыя, два деревца съ двухъ сторонъ золотыя съ лигатурою, орнаментъ золотой; у подошвы горы камень изъ серебра, на немъ надпись по-гречески: *«Χρυσὸν τόνδε, φόρον τῶν ἐν Βλαχίᾳ θαμέντων ποταμῶν, εἰς ὀβήαν τοῦ ἐν Σινάϊ Νομοδότης καὶ Ταμίον τῶν αὐτογράφων Αἰκατερίνης κοινωφελῶν θεσμῶν, ἀνήθετο ἢ περὶ τὰ πολεμικὰ βουλή ἔτει 1777»*, и по-русски: *«сіе злато дань покоренныхъ въ Валахіи рѣкъ, въ память побѣдъ Господу Савоѳу, посвящено военныхъ дѣлъ Правительствомъ лѣта 1777-го»*. По сторонамъ горы два дерева и два цвѣтка золотыя съ лигатурою. Вся утварь мѣрою: вышины съ сіяніемъ одинъ аршинъ съ полувершкомъ, длины внизу одиннадцать вершковъ съ четвертью, ширины девять вершковъ. Утварь сія доставлена въ деревянномъ футлярѣ, оклеенномъ краснымъ сафьяномъ, съ замками, петлями и крючками мѣдными, и обитомъ внутри синимъ бархатомъ. Мѣшокъ для вложенія рукописанія Ея Императорскаго Величества изъ золотого газета, по краямъ и внутри обложенъ малиновымъ бархатомъ со шнурами и четырьмя кистями золотыми, другой такой же мѣшокъ голубой атласный.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлил: 1)

«Съ оной утвари со всѣми при оной вещами снять чрезъ живописнаго мастера рисунокъ, который оставить, и оставленъ, въ Святѣйшемъ Синодѣ. 2) Съ рукописанія Ея Императорскаго Величества, для свѣдѣнія и предосторожности, чтобъ оное всегда въ цѣлости соблюдаемо было, списать здѣсь, подъ смотрѣніемъ секретаря, точную копію, означивъ на оной, въ какую мѣру листа, что въ оригиналѣ писано, каковую копію освидѣтельствовавъ скрѣпить ему, секретарю, съ описью онымъ предложить Святѣйшему Синоду, и хранить на членскомъ столѣ, что и учинено. 3) По списаніи съ онаго рукописанія Ея Императорскаго Величества копіи, оную утварь, купно съ рукописаніемъ Ея Императорскаго Величества, послать въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору при указѣ, и постановленіе той утвари въ Успенскомъ соборѣ надлежащимъ порядкомъ поручить Синодальному члену, Преосвященному Платону, Архіепископу Московскому, которому о томъ и дать знать указомъ же, и оныя указы, какъ и помянутую утварь съ рукописаніемъ Ея Императорскаго Величества, для отправленія въ Москву, по требованію господина генерала-аншефа и Военной Коллегіи вице-президента князя Потемкина, доставить къ нему, генералъ-аншефу, чрезъ экзекутора, которые и отправлены. 4) Военной Коллегіи дать, и дано, знать указомъ же, что сооруженіе ею показанной утвари Святѣйшій Синодъ за отмѣнный знакъ усердія ея къ святой церкви почитаетъ».

Когда сей Указъ Святѣйшаго Синода былъ полученъ въ Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторѣ, и въ засѣданіи членовъ оной былъ докладываемъ, тогда внесена была въ залу засѣданія Конторы и драгоценная «утварь» въ футлярѣ, освидѣтельствована здѣсь съ находившимся въ ней рукописаніемъ Ея Императорскаго Величества, все это провѣрено по описи и оказалось въ цѣлости. При этомъ Преосвященный Платонъ, Архіепископъ Московскій, словесно предложилъ собранію такое свое мнѣніе: такъ какъ въ сей утвари устроена

Дарохранительница, для храненія Святыхъ Даровъ, а по церковному обряду святыхъ Дарохранительницы поставляются и хранятся на святыхъ Престолахъ, то и означенную утварь, какъ содержащую въ себѣ такую Дарохранительницу, по самому существу оной, слѣдуетъ поставить въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ на святомъ Престолѣ.

Съ этимъ мнѣніемъ Его Преосвященства согласились всѣ синодальные члены, присутствовавшіе въ Конторѣ Святѣйшаго Синода и опредѣлили: драгоценную утварь препоручить на храненіе Синодальному ризничему, игумену Кипріану, для постановленія въ Синодальной Дванадцати апостоловъ церкви, до слѣдующаго дня, что въ присутствіи членовъ Синодальной Конторы и было исполнено, а на другой день, шестого февраля 1778 года, перенести въ Большой Успенскій соборъ по слѣдующему церемонаіалу.

1) Предписать всѣмъ находящимся въ Москвѣ греческимъ и грузинскимъ архіереямъ, а также архимандритамъ и игуменамъ Ставропигіальныхъ и Московской епархіи монастырей собраться 6 февраля въ Синодальную Дванадцати апостоловъ церковь съ надлежащими облаченіями къ девяти часамъ утра, о чемъ разослать повѣстки—чинамъ Синодальнаго вѣдомства отъ Конторы Святѣйшаго Синода, чрезъ ключарей Успенскаго собора, а епархіальнымъ—чрезъ Московскую Духовную Консисторію. Между тѣмъ въ Успенскомъ соборѣ Божественную литургію совершить въ обыкновенное время и тогда же на срединѣ Синодальной Дванадцати апостоловъ церкви приготовить съ приличнымъ украшеніемъ столъ, на который и поставить сію утварь. 2) Въ началѣ десятаго часа утра того же дня имѣють прибыть находящіеся въ Москвѣ Синодальные члены въ присутственную Конторы Святѣйшаго Синода палату, и въ то же время въ Синодальной Дванадцати апостоловъ церкви, предъ Божественною литургіею, Синодальный членъ протоіерей Успенскаго собора Александръ Георгіевичъ Левшинъ съ братіею собора отправить водо-

освященіе, и, по окропленіи святою водою утвари съ Дарохранительницею, положить въ оную святыя Дары. 3) По совершеніи литургіи, утварь со святою Дарохранительницею перенести соборнѣ въ Успенскій соборъ, при пѣвннхъ пѣвчихъ тропаря: «Днесь благодать Святаго Духа нась собра»... и при торжественномъ звонѣ на Ивановской колокольнѣ; нести утварь поручается ключарямъ Успенскаго собора. Передъ тѣмъ въ соборъ посреди церкви долженъ быть приготовленъ столъ съ приличнымъ украшеніемъ. 4) По принесеніи утвари со святою Дарохранительницею въ соборъ и поставленіи ея на приготовленномъ столѣ, отправить соборнѣ молебень Пресвятой Богородицѣ о здравіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, а по окончаніи онаго провозгласить многолѣтіе Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, съ продолженіемъ звона на Ивановской колокольнѣ, а драгоценную утварь со святою Дарохранительницею внести въ алтарь и поставить на святомъ Престолѣ, на обыкновенномъ мѣстѣ, гдѣ принято ставить святыя Дарохранительницы.

Тогда же предписано было Синодальному ризничему и ключарямъ Успенскаго собора внести утварь съ Дарохранительницею въ описную книгу съ хранившимися въ постаментѣ ея рукописаніями Ея Величества Императрицы Екатерины Второй. Эти рукописанія—не что иное, какъ собственноручное Государыни Императрицы Екатерины II начертаніе о новомъ учрежденіи губерній на 240 листахъ ¹⁾. Какъ эти рукописанія, такъ равно и хранившійся впоследствии здѣсь же актъ Государя Императора Николая Павловича о назначеніи Великаго Князя Михаила Павловича Правителемъ Государства, въ случаѣ вступленія Государя Наслѣдника Александра Николаевича на престолъ

¹⁾ Въ этомъ счету писанныхъ цѣльныхъ листовъ 176, бѣлыхъ 16, четвертокъ писанныхъ 30, бѣлыхъ 10, малыхъ частей листа писанныхъ 8.

прежде совершеннолѣтія, 28 мая 1857 г. по Высочайшему повелѣнію были препровождены въ кабинетъ Его Императорскаго Величества.

Кромѣ этихъ документовъ съ другой стороны поста-мента въ особомъ ящикѣ хранились еще слѣдующіе семь актовъ: 1) собственноручно писанный Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ актъ о наслѣдованіи Всероссийскаго Престола, 2) дополнительное о престолонаслѣдїи постановленіе Государя Императора Александра Павловича 20 марта 1820 года, 3) Высочайшій манифестъ Государя Императора Александра Павловича 16 августа 1823 года о назначеніи на Всероссийскій Престолъ Государя Императора Николая Павловича, 4) письмо Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича къ Государю Императору Александру Павловичу отъ 14 января 1822 года объ отреченіи его отъ правъ наслѣдованія Престола, 5) форма присяги для Государя Наслѣдника Престола, при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія, Высочайше утвержденная 22 апрѣля 1834 года, 6) форма присяги для членовъ Императорскаго Дома (кромѣ Наслѣдника Престола) при объявленіи совершеннолѣтія ихъ, Высочайше утвержденная 1 декабря 1851 года и 7) Высочайшій манифестъ 21 мая 1855 года о регентствѣ и опекѣ. Всѣ эти государственные акты хранились въ постаментѣ подъ Дарохранительницею въ Успенскомъ соборѣ до 2 іюня 1880 года, а сего числа, вслѣдствіе постановленія Московской Святѣйшаго Синода Конторы, акты сіи были представлены для препровожденія въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а оттуда переданы въ Государственный архивъ.

Но драгоценная «утварь», изображающая Синайскую гору съ Дарохранительницею въ оной, недолго стояла на св. Престолѣ. Въ скоромъ, послѣ того, времени для нея былъ сдѣланъ деревянный золоченый, съ мраморною, сѣрова-таго цвѣта, крышкою столъ, на которомъ впереди св. Престола и была поставлена утварь ¹⁾. Впослѣдствіи, именно

¹⁾ Въ настоящее время этотъ столъ находится въ залѣ засѣданій Московской Синодальной Конторы.

въ 1851 г., для нея былъ устроенъ, по мысли и желанію митрополита Филарета и одобренному имъ рисунку академика архитектуры М. Д. Быкова, новый изъ бронзы столъ цѣною въ триста рублей серебромъ, стоящій и по сіе время за главнымъ св. Престоломъ подъ сею утварію ¹⁾. А спустя пять лѣтъ послѣ того, по волѣ сего же святителя, въ 1856 году, была устроена въ главномъ алтарѣ Успенскаго собора для запрестольныхъ крестовъ и иконъ, съ рипидами, существующая теперь, отливная бронзовая тумба вѣсомъ въ 25-ть пудовъ, за тысячу рублей серебромъ, вмѣсто стоявшей дотолѣ деревянной тумбы ²⁾.

Другая драгоценная Дарохранительница Успенскаго собора изображаетъ собою голубя съ распростертыми крыльями, летящаго надъ св. Престоломъ. До 1812 года надъ сямъ Престоломъ висѣлъ на серебряной цѣпочкѣ дароносный золотой голубь, упоминаемый въ описи собора 1627 года и въ тріодіонѣ 1668 года, гдѣ сказано: «ключари, свявъ золотой голубь съ Тѣломъ Христовымъ, относятъ на жертвенникъ для того, чтобы, послѣ литургіи, опустить въ потиръ къ потребленію» ³⁾. Въ 1812 году, во время нашествія французовъ, эта драгоценная и древняя утварь была похищена врагами. Употребленіе подобной утвари введено въ православную восточную церковь по примѣру того золотого голубя, который висѣлъ надъ святою Трапезою и сотрясаяся троекратно, когда святой Василій Великій возносилъ святыя Дары на литургіи ⁴⁾. Дароносные голуби украшали древнѣйшіе храмы въ Россіи ⁵⁾, и, между про-

¹⁾ Указъ Моск. Свят. Синода Конторы 9 іюня 1851 г. за № 770, въ архивѣ Успенскаго собора.

²⁾ Указъ Синод. Конторы 2 дек. 1855 г. за № 1572, тамъ же.

³⁾ Новикова. Древняя Россійская Вивлюенка, изд. 2, т. XI, стр. 81.

⁴⁾ Въ житіи свят. Василя Великаго.

⁵⁾ Снегиревъ. Два слова о золотой Дарохранительницѣ. *Моск. Вид.* 1851 г. № 106.

чимъ, Московскій Большой Успенскій соборъ, гдѣ золотая Дарохранительница, въ видѣ голубя, устроена была въ патріаршество Филарета, а при Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ утраченная замѣнена новою. Московское духовенство, при совершеніи двадцатипятилѣтія царствованію Императора Николая I въ 1850 году ознаменовало благодарность свою Государю принесеніемъ золотой Дарохранительницы въ храмъ царскаго вѣнчанія и священнаго помазанія. Она искусно сдѣлана на фабрикѣ Сазикова въ видѣ парящаго надъ св. Престоломъ голубя, какъ бы нисходящаго съ небесъ; надъ нимъ царская корона и держава съ раскрытою хартіей, на которой вырѣзана слѣдующая молитвенная надпись: «Господи, благословивый двадцатипятилѣтіе Помазанника Твоего Николая Перваго, благослови и грядущая лѣта Его къ миру Церкви Твоея, ко спасенію людей Твоихъ».

Это молитвенное начертаніе на священномъ памятникѣ двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора Николая I, составленное приснопамятнымъ святителемъ Филаретомъ, невольно располагаетъ насъ заключить первые наши краткіе очерки «Московской церковной старины» молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу о Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ, Императорѣ Николаѣ II, по исполненіи седмицы лѣтъ Его благополучнаго царствованія, да ущедритъ Его Всевышній долготою дней и крѣпостію силъ, во славу святаго имени Своего и въ истинное благо дорогого нашего Отечества!

Господи, спаси Царя, и услыши ны, въ оныя же аще день призовемъ Тя! (Пс. 19, 10).

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.*)

О восьмой заповѣди.

Восьмая заповѣдь закона Божія читается, братіе, такъ: *не укради*. Этою заповѣдію запрещается *кража*, или присвоеніе какимъ нибудь образомъ того, что принадлежитъ другимъ. Еслибы спросили кого нибудь изъ насъ, хочеть ли онъ, чтобы его обкрадывали другіе или не по праву отнимали у него то, что принадлежитъ ему, то, конечно, каждый бы изъ насъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Такъ, братіе, и мы не должны присвоить незаконнымъ образомъ того, что принадлежитъ другимъ, какъ и Спаситель заповѣдалъ намъ: *вся убо, елика аще хочете, да творятъ вамъ чловѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. 7, 12). Все, что мы приобретаемъ своимъ личнымъ трудомъ, или законнымъ порядкомъ,—по праву, безъ обиды,—отъ другихъ лицъ, есть наша собственность, съ которою связано наше земное благополучіе, и лишеніе которой служитъ для насъ несчастіемъ. Посему Самъ Господь Богъ и заповѣдалъ, чтобы мы не вредили собственности ближнихъ нашихъ, не присвоили незаконнымъ образомъ того, что принадлежитъ другимъ, словомъ не крали.

Незаконное присвоеніе чужой собственности бываетъ, братіе, различно; посему различны бываютъ и грѣхи про-

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Читенія* 1902 г.

тивъ восьмой заповѣди. Прежде всего къ этимъ грѣхамъ относятся *грабительство*, или отнятіе чужой вещи, явно насиліемъ, *воровство*, или похищеніе чужой вещи тайно, и *святотатство*, или присвоеніе того, что посвящено Богу и что принадлежитъ Церкви. Тяжесть этого послѣдняго грѣха увеличивается еще дерзкимъ поруганіемъ надъ святынею. Святотатство совершилъ въ ветхомъ завѣтѣ нѣкто Аханъ, который послѣ взятія Иерихона осмѣлился взять себѣ часть добычи, посвященной скинни. За такой грѣхъ понесли наказаніе всѣ израильтяне и были прощены только послѣ того, какъ виновный былъ побитъ камнями (Ис. Нав. 7 гл.). Къ этому же грѣху принадлежитъ также еще и *духовное святотатство*, которое состоитъ въ томъ, что одни продаютъ, а другіе восхищаютъ священныя должности не по достоинству, но по видамъ корыстнымъ. Этотъ грѣхъ иначе называется *симоніею*, по имени нѣкоего Симона волхва, который, видя что Апостолы чрезъ возложеніе рукъ преподаютъ крещеннымъ даръ Святаго Духа, осмѣлился предложить имъ деньги, чтобы они продали ему такую же власть.—Къ грѣхамъ противъ восьмой заповѣди относится также, братіе, *обманъ*, или присвоеніе чего нибудь чужого хитростію, когда вапр. посредствомъ ложнаго вѣса или мѣры не додаютъ проданнаго. Въ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгахъ говорится: «не дѣлайте неправды въ судѣ, въ мѣрѣ, вѣсѣ и въ измѣреніи. Да будутъ у васъ вѣсы вѣрныя, гири вѣрныя, ефа вѣрная и чинъ вѣрный» (Лев. 19, 35—36). Это изреченіе относится къ тѣмъ торговымъ людямъ, которые обманываютъ покупателей посредствомъ невѣрныхъ мѣръ и вѣсовъ. Совершаютъ также обманъ, когда отдаютъ ложную монету вмѣсто истинной, худой товаръ вмѣсто хорошаго, скрываютъ свое имѣніе, чтобы не платить долговъ, не исполняютъ по условіямъ, или по завѣщаніямъ; когда скрываютъ виновнаго въ кражѣ и чрезъ то лишаютъ удовлетворенія обиженнаго и т. п. Всѣ подобныя примѣры обмана составляютъ кражу и слѣдовательно относятся къ грѣхамъ про-

тивъ восьмой заповѣди. Слово Божіе строго осуждаетъ та-
кіе грѣхи. *Мерзость Господеви Богу твоему*, говорится въ
законѣ Моисеевомъ, *всякъ творяй сія, всякъ творяй не-*
правду (Втор. 25, 16). «Горе тому», говоритъ пророкъ
Іеремія, «кто строитъ домъ свой неправдою и горницы
свои беззаконіемъ, кто заставляеть ближняго своего рабо-
тать даромъ, и не отдаетъ ему платы его» (22, 13). А въ
новомъ завѣтѣ св. Апостоль учитъ: «не обманывайтесь:
воры царства Божія не наследуютъ» (1 Кор. 6, 9—10).
Что пріобрѣтается неправеднымъ путемъ, то служитъ не
на пользу человѣку, а на бѣду, ибо подвергаетъ его гнѣву
Божію и лишаетъ душевнаго мира. Народная мудрость
давно примѣтила это и выразила въ извѣстныхъ погово-
ркахъ, что «чужое въ прокъ не пойдетъ», что «съ чужимъ
добромъ бѣду принесешь въ домъ». Подобно сему и древ-
ніе благочестивые мудрецы поучаютъ: «сладокъ для чело-
вѣка хлѣбъ, пріобрѣтенный неправдою; но послѣ ротъ его
наполнится древою» (Притч. 20, 17); строящій домъ свой
на чужія деньги—тоже, что собирающій камни для своей
могилы» (Сирах. 21, 9).

Всѣ исчисленные примѣры грѣховъ противъ восьмой
заповѣди представляютъ собою, братіе, болѣе или менѣе
грубый способъ кражи, но многіе грѣшатъ противъ этой
заповѣди болѣе утонченнымъ образомъ, такъ что не для
всѣхъ бывають и замѣтны эти грѣхи. Къ такимъ грѣхамъ
относится напр. *мздоимство*, когда берутъ мзду (взятку)
съ подчиненныхъ или подсудимыхъ, и по видамъ корысти
возвышаютъ недостойныхъ, оправдываютъ виновныхъ, при-
тѣсняють невинныхъ. Такіе грѣхи обличалъ напр. пророкъ
Исаія, когда говорилъ о столицѣ царства іудейскаго:
«князья твои законопреступники и сообщники воровъ; всѣ
они любятъ подарки, и гоняются за мздою; не защищаютъ
сироты, и дѣло вдовы не доходитъ до нихъ» (1, 23).—
Къ такимъ же грѣхамъ относится также *тунеядство*, когда
получають жалованье за должность, или плату за дѣло,
но должности и дѣла не исполняютъ, и такимъ образомъ

крадутъ и жалованье или плату, и пользу, которую могли бы трудомъ принести обществу, или тому для кого надлежало работать; также, когда имѣющіе силу пріобрѣтать пропитаніе трудомъ, вмѣсто того, живутъ милостынею. Самъ Господь Богъ заповѣдалъ Адаму, а въ лицѣ его и всѣмъ людямъ, трудомъ добывать себѣ пропитаніе (Быт. 3, 19). Вотъ почему св. апостоль Павелъ гѣхъ, которые не трудятся, считаетъ недостойными употреблять пищу, когда говоритъ: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10).—Къ утонченному воровству принадлежитъ также и *михоимство*, когда подъ видомъ нѣкотораго права, но на самомъ дѣлѣ съ нарушеніемъ справедливости и челоуѣколюбія, обращаютъ въ свою пользу чужую собственность, или чужой трудъ, или даже самая бѣдствія ближнихъ; напр. когда заимодавцы обременяютъ должниковъ ростомъ, когда владѣльцы изнуряютъ зависящихъ отъ нихъ излишними налогами или работами, когда во время голода продаютъ хлѣбъ слишкомъ высокою цѣною. Такіе люди повидимому дѣйствуютъ справедливо и имѣютъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ имъ угодно, но они забываютъ о любви къ ближнимъ и, пользуясь несчастнымъ положеніемъ ихъ, притѣсняють ихъ и такимъ образомъ путемъ обиды и лишеній умножаютъ свое состояніе.

Наконецъ, братіе, къ грѣхамъ противъ восьмой заповѣди нужно отнести и такіе случаи, которые у насъ даже иногда и не считаются грѣхомъ, такъ напр. если кто либо найдетъ потерянную чужую вещь и утаитъ ее, тотъ грѣшитъ противъ восьмой заповѣди. Христіанинъ долженъ удаляться и невинныхъ случаевъ воспользоваться чужимъ добромъ. Въ житіи преп. Василія Новаго, память коего празднуется 26 марта, приводится такой назидательный урочъ. Нѣкто Григорій нашель во время ночлега въ гостинницѣ довольно дорогой поясъ. По утру хозяева спрашиваютъ постояльцевъ, не находилъ ли кто пояса? Григорій представилъ себѣ, что потерявшіе богаты, и что онъ продастъ этотъ

поясъ, и за спасеніе ихъ же души будетъ подавать нищимъ. Казалось бы, при такой доброй и безкорыстной цѣли, не было грѣха утаить найденное. Григорій такъ и сдѣлалъ, но надъ нимъ скоро исполнились слова Спасителя: *въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѣ. 7, 2). Григорій потерялъ такой же собственный поясъ, при томъ же съ немалымъ количествомъ денегъ, которыхъ достало бы ему на путевыя издержки. И вотъ, когда онъ очень жалѣлъ о своей потерѣ, ему является преп. Василій съ разбитымъ горшкомъ, слѣдовательно нигуда негоднымъ и ничего нестоющимъ, и говорить: «если кто и такой горшокъ украдетъ, то съ него взыщется вчетверо или въ сей жизни, или въ будущей; если воръ богатъ, то отнимется вчетверо изъ богатства; если же онъ бѣденъ, то вчетверо увеличится его будущее мученіе». Григорій, нимало не смущаясь, сталъ оправдываться, говоря, что онъ никогда ничего не воровалъ. «Какъ же ты не воровалъ», возразилъ преподобный, «когда утаилъ у дочери гостинника поясъ?»—Да, отче, я не укралъ, а нашелъ.—«Знай же», сказалъ преподобный, «что нашедшій чужую потерю, если не возвѣститъ о ней, кому слѣдуетъ, и не возвратитъ, то осудится, какъ воръ, и тебѣ бы слѣдовало найденное отдать, но ты не отдалъ, и за это самъ потерялъ болѣе, чѣмъ вчетверо; да смотри, не потерпѣть бы тебѣ еще чего горше!»—Къ такимъ же грѣхамъ должны быть отнесены, братіе, также вообще азартныя игры и въ частности картежная игра на деньги. Шестой вселенскій соборъ однимъ изъ своихъ правилъ подтверждаетъ осужденію тѣхъ, которые предаются азартнымъ играмъ. Св. Отцы прибытокъ отъ игры называютъ вообще кражею, напр. Св. Амвросій Медиоланскій, а св. Тихонъ Задонскій картежную игру на деньги называетъ воровствомъ и хищеніемъ. «Воровство и хищеніе есть картежная игра», говоритъ онъ, «въ деньги, ибо кто выигрываетъ, тотъ грѣшитъ противъ сей заповѣди: *не укради*.—А кто не выигрываетъ, тотъ хотя и все имѣніе свое и себя самого проигрываетъ, также похищаетъ волею своею, яко

желаетъ чужаго добра, и грѣшить противъ заповѣди Божіей сей: *не пожелай*. Всякъ убо картежникъ есть тать предъ Богомъ, и какъ тать на судѣ Христовомъ явится, и съ татями осудится. А сколько при той пакостной игрѣ бываетъ другихъ беззаконій, какъ то: хитростей, сквернословій, обмановъ, ссоръ, дракъ, безчинныхъ смѣховъ, и сколько послѣдуетъ домашнимъ проигравшагося печали, негодованія, проклинанія, плача, и самому проигравшемуся стыда и безчестія, о томъ умолчу. Надобно убо христіанину *сердце* свое исправить, и тогда исправенъ будетъ. Сердце же правое есть тое, которое воли Божіей послѣдуетъ, т. е. что хочетъ Богъ, хочетъ и оно, и чего не хочетъ Богъ, не хочетъ и оно,—чего, какъ себѣ, такъ и тебѣ желаю» (Твор. 5 т. 315 стр. и 1 т. 203 стр. Изд. 5). Такъ, братіе, азартныя игры грѣховны и сами по себѣ, а также и по своимъ послѣдствіямъ.

Видите ли теперь, братіе, какъ обширно значеніе восьмой заповѣди закона Божія и какъ многоразличны случаи нарушенія ея. Но значеніе этой заповѣди не ограничивается только запрещеніемъ указанныхъ грѣховъ. Запрещая эти грѣхи, заповѣдь тѣмъ самымъ предписываетъ намъ и особы добродѣтели, а именно: *безкорыстіе, вѣрность, правосудіе и милосердіе къ бѣднымъ*. Чтобы исполнить эту заповѣдь, мы должны помнить ученіе Спасителя о любви къ ближнему: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе, и: вся, елико аще хотите, да творятъ вамъ чловѣки, тако и вы творите имъ* (Матѣ. 22, 40; 7, 12), а также и опредѣленіе св. апостоловъ: *елика не хотите вамъ быти, другимъ не творите* (Дѣян. 15, 29). Посему, довольствуясь каждый своимъ положеніемъ, мы должны относиться къ собственности ближнихъ своихъ безъ всякаго вида корыстолюбія или пристрастія, и наоборотъ желать, чтобы собственность ихъ была цѣлою и неприкосновенною. Если мы видимъ, что ближнему нашему угрожаетъ какая нибудь опасность въ потерѣ имущества, должны помочь ему, сколько можемъ, совѣтомъ или дѣломъ. Если найдемъ что нибудь

чужое, то должны возвратить по принадлежности. Если ввѣряется намъ чужая собственность, то должны беречь ее, какъ свою, не тратить ее напрасно. Все, что необходимо для насъ, должны пріобрѣтать трудомъ, вѣрнымъ и добросовѣстнымъ, а не путемъ неправды, мздоимства или лихоимства. И наконецъ, братіе, мы должны оказывать милосердіе бѣднымъ, ибо, если не будемъ милосердны, то также будемъ повинны въ грѣхахъ противъ восьмой заповѣди. Но можетъ быть кто нибудь спросить: неужели немилосердный къ бѣднымъ грѣшитъ противъ этой заповѣди? Да, братіе, такъ, если онъ имѣетъ чѣмъ помогать имъ. Ибо все, что мы имѣемъ, принадлежитъ собственно Богу, и избытокъ дается намъ отъ провидѣнія Божія для вспоможенія бѣднымъ; а потому, если не удѣляемъ имъ отъ избытка нашего, то чрезъ сіе похищаемъ или утаиваемъ собственность ихъ и даръ Божій. «Хищеніе есть и то», говоритъ святитель Тихонъ Задонскій, «когда богачъ богатство, отъ Бога ему данное, или держитъ въ заперти, или расточаетъ на непотребные расходы, а нищимъ не удѣляетъ, какъ должно христіанину. Ибо Богъ даетъ богатство людямъ не ради ихъ самихъ только, но и ради бѣдныхъ и скудныхъ людей. Ежели кто, глаголетъ Василій Великій, платье сдираетъ съ его хозяина, нахальникомъ и мошенникомъ называется. Не одѣвающій нагого, будучи въ состояніи тое дѣлать, не большій ли нахальникъ и мошенникъ? Алчущаго есть тотъ хлѣбъ, который у тебя находится; нагого есть одежда, которую ты храниши въ своей клѣтѣ; босаго обувь, которая у тебя гніетъ; бѣднаго есть серебро, которое ты, закопавъ въ землю, имѣешь. Вотъ сколь много людей ты обиждаешь, когда, будучи въ состояніи, не дѣлаешь никакого вспомошествованія. Пусть разсуждаютъ скупые и роскошные богачи и внимаютъ тому; что писано есть: идите отъ Меня, проклятыя, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Твор. 5 т. 316 стр.). Такимъ образомъ, братіе, восьмая заповѣдь закона Божія научаетъ насъ милосердію къ бѣднымъ. Можно,

братіе, указать и еще на высшую добродѣтель, противоположную грѣхамъ противъ этой же заповѣди, а именно на *совершенное нестяжаніе*, или отреченіе отъ всякой собственности. Такая добродѣтель предлагается Евангелиемъ не какъ должность всѣмъ, но какъ совѣтъ ревнующимъ о подвигахъ благочестія. *Аще хочещи совершенъ быти*, говорилъ Господь Иисусъ Христосъ богатому юношѣ, *иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаша сокровище на небеси* (Матѣ. 19, 21). Такъ поступали, братіе, древніе христіане, о которыхъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ повѣствуется, что «у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» (Дѣян. 4, 32), и что многіе продавали имѣнія свои и полагали къ ногамъ Апостоловъ цѣну проданнаго (34—35). И дѣлалось это совершенно свободно по силѣ христіанской любви, при полномъ уваженіи къ чужой собственности, а не по принужденію и насилію, или отрицанію права собственности, какъ нѣкоторые хотятъ понимать. Св. ап. Петръ ясно говорилъ Ананіи, утаившему часть изъ цѣны, вырученной имъ отъ продажи имѣнія: «владѣемое не твоимъ ли оставалось и приобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось?» (5, 4), т. е. показалъ этимъ, что и бывшее его имущество и вырученныя отъ продажи деньги составляли его собственность, и что онъ могъ и совсѣмъ не продавать своего имущества, и посему наказалъ его за ложь и лицемеріе. И въ послѣдующее время жизни Церкви Христовой многіе, братіе, исполняли указанную Господомъ для совершенныхъ въ вѣрѣ добродѣтель нестяжанія, такъ напр. св. Антоній Великій, услышавъ вышеуказанныя слова Спасителя богатому юношѣ, роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ. Такъ же поступилъ св. Николай чудотворецъ, получивъ наслѣдство отъ родителей, и св. Павлинъ, епископъ Ноланскій (пам. 24 янв.). О послѣднемъ при этомъ рассказывается, что, когда другіе удивлялись его поступку, онъ смиренно говорилъ: «я подобенъ бойцу, приготавлию-

щемуся на сраженіе, или человекѣку, хотящему плыть чрезъ рѣку: они оба ничего еще не сдѣлали чрезъ то, что скинули съ себя одежду».

Итакъ, братіе, помните заповѣдь Божію, избѣгайте грѣховъ, ею запрещааемыхъ, и исполняйте обязанности, ею предписываемыя. Научайте тому же и дѣтей своихъ съ раннихъ лѣтъ, внушайте имъ, что похищеніе чужой вещи есть великій грѣхъ предъ Богомъ, даже на оставляйте безъ вниманія и малыхъ проступковъ ихъ, потому что отъ малаго легко перейти и къ великому. О преп. Исаакѣ Сиринѣ разсказывается, что онъ, стараясь внушить братіи своего монастыря нестяжательность и трудолюбіе, строго запрещалъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ. «Я знаю брата», говорилъ онъ, «который, когда жалъ въ полѣ и захотѣлъ съѣсть пшеничный колосъ, спрашивалъ хозяина: позволишь ли мнѣ съѣсть пшеничный колосъ? Такъ былъ остороженъ братъ отъ несправедливаго стяжанія, которое обыкновенно начинается съ малаго и незамѣтно доводитъ человекѣка до великаго злопріобрѣтенія». Приучайте ихъ, братіе, къ добросовѣстному труду, чтобы они и въ глазахъ и за глазами вашими всякое дѣло исполняли по совѣсти. Тогда, братіе, и дѣти ваши, придя въ возрастъ, легко исполнять заповѣдь Божію. Аминь.

Священникъ С. Садковскій.

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

Не меньшему порицанію подвергается въ литературѣ и врачебная этика. Не касаясь типовъ различныхъ врачей въ литературѣ, приведемъ только нѣсколько, весьма немного, выдержекъ изъ напечатанныхъ въ «Мірѣ Божіемъ» 1900 года «Записокъ врача» г. Вересаева. «Записки» ведутся отъ имени молодого провинціального врача. Этотъ врачъ былъ въ университетѣ хорошимъ, усерднымъ и добросовѣстнымъ студентомъ, но когда началъ практиковать, ужаснулся и своей полной неумѣлости и невѣжества, и страшной отвѣтственности. «Съ каждымъ днемъ моей практики, пишетъ онъ, предо мною все настойчивѣе возникалъ вопросъ: по какому-то невѣроятному недоразумѣнію я сталъ обладателемъ врачебнаго диплома, имѣю ли я на этомъ основаніи право считать себя врачомъ? И жизнь съ каждымъ разомъ все убѣдительнѣе отвѣчала мнѣ: нѣтъ, не имѣю!.. Бильротъ ¹⁾ говоритъ: «Только врачъ, не имѣющій ни капли совѣсти, можетъ позволить себѣ самостоятельно пользоваться тѣми правами, которыя даетъ ему его дипломъ»... Врачи повсюду идутъ не только на поле сраженія, а и вообще въ жизнь неловкими ре-

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Духиспол. Читенія* 1902 г.

¹⁾ Знаменитый вѣнскій хирургъ, недавно (въ 1895 году) умершій.

крутами, не знающими, какъ взяться за свое оружіе... Врачи все время не устають твердить обществу: «вѣдь мы учимся на *васъ*, мы приобрѣтаемъ опытность цѣною *вашей* жизни и здоровья»... «Нѣтъ, все бросить, заключаетъ молодой врачъ, отъ всего отказаться, и ѣхать въ Петербургъ учиться, хотя бы тамъ пришлось умереть съ голоду»...

И вотъ молодой человѣкъ дѣйствительно бросаетъ службу и ѣдетъ доучиваться въ Петербургъ, гдѣ поступаетъ практикантомъ въ одну изъ хирургическихъ лѣчебницъ. Но здѣсь онъ наталкивается на другія явленія, еще болѣе возмущающія его совѣсть и даже преступныя. Прежде всего его вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что молодымъ совершенно неопытнымъ практикантамъ для выработки практики, свободно дозволяется производить мучительные и часто смертельные хирургическіе и другіе врачебные опыты (трахеотомію и друг.) на людяхъ, тогда какъ ихъ вполне возможно производить на животныхъ. «Мастеръ» вырабатывается долгимъ путемъ ошибокъ и промаховъ. Сколько тяжкихъ мукъ, сколько загубленныхъ жизней лежитъ на пути каждаго врача! «Наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ», сказалъ знаменитый Бильротъ.

Затѣмъ крайне легкомысленное и неосмотрительное употребленіе въ большихъ количествахъ различныхъ сильнодѣйствующихъ средствъ, слѣдствіемъ чего является, разумѣется, масса совершенно излишнихъ мукъ и смертей.

«Яркую картину выработки опытности далъ Пироговъ въ своихъ нашумѣвшихъ «Анналахъ Дерптской хирургической клиники», изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ концѣ 30-хъ годовъ. Съ откровенностью генія онъ разсказалъ въ этой «исповѣди практическаго врача» о всѣхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, которые онъ совершилъ во время своего завѣдыванія клинкою. То, о чемъ другіе рѣшались сообщать лишь въ частныхъ письмахъ, «entre nous»,—Пироговъ, ко всеобщему смущенію и соблазну,

оповѣстилъ на весь міръ. Картина, нарисованная имъ, получилась потрясающая... Медицина, по выраженію одного знаменитаго врача, обогатилась именно своими потерями».

Не менѣе возмущало нашего врача и обиліе новыхъ врачебныхъ средствъ, предлагаемыхъ и рекомендуемыхъ съ величайшею неосмотрительностью. «Преодо мною, пишетъ онъ, раскрылось нѣчто ужасающее. Каждый номеръ каждой врачебной газеты содержалъ въ себѣ сообщенія о десяткахъ новыхъ средствъ, и такъ изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяць (и такъ во всѣхъ медицинскихъ журналахъ и газетахъ, кромѣ лишь одной). Это былъ какой-то громадный, бѣшеный, безконечный потокъ, при взглядѣ на который разбѣгались глаза: новыя лекарства, новыя дозы, новые способы введенія ихъ, новыя операціи, и тутъ же десятки и сотни... загубленныхъ человѣческихъ здоровій и жизней. Нововведенія лопались, какъ пузыри пѣны на потолкѣ, оставляя за собою трупы... Медицинская практика наводняется цѣлымъ моремъ всевозможныхъ новыхъ средствъ, безъ конца и перерыву предлагаются все новыя и новыя химическія вещества; больнымъ вырыскиваютъ самыя разнообразныя бактерійныя токсины и антитоксины, вытяжки изъ всѣхъ мыслимыхъ животныхъ органовъ, изобрѣтаются различнѣйшія операціи, кровавыя и некровавыя... И ужасъ беретъ, когда подумаешь, какою цѣною это будетъ куплено».

Но что въ особенности не только возмущаетъ, но прямо приводитъ въ содраганіе нашего врача,—это преступное, во имя будто бы науки, прививаніе здоровымъ людямъ различныхъ страшныхъ болѣзней и болѣзнетворныхъ ядовъ, производимое въ больницахъ, съ цѣлью опыта.

Во имя грядущаго льется здѣсь кровь...

Этими словами начинается нашъ авторъ главу объ упомянутыхъ прививкахъ.

«Грубо и сознательно врачи не хотятъ вѣдаться съ человѣкомъ, приносимымъ въ жертву наукѣ. Съ порази-

тельною откровенностью и безстыдствомъ разсказываютъ они объ этихъ разбойничьихъ опытахъ. Тысячамъ здоровыхъ людей, между прочимъ *дѣтей*, прививаются страшныя болѣзни: ракъ, сифилисъ, скарлатина, пятнистый тифъ и проч. Въ больницахъ дѣлаются опыты надъ живыми людьми, похожія на лабораторныя живосѣченія низшихъ животныхъ. И <опыты эти не представляютъ собою чего нибудь исключительнаго и случайнаго: они производятся систематически, о нихъ сообщаютъ спокойно, не боясь суда ни общественной совѣсти, ни своей,—сообщаютъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о кроликахъ или о собакахъ... Что безусловно вытекаетъ изъ приведенныхъ опытовъ и чему не можетъ быть оправданія,—это то позорное равнодушіе, какое встрѣчаютъ описанныя звѣрства въ врачебной средѣ. Въдѣ приведенный мною списокъ (мы здѣсь опускаемъ этотъ мартирологъ, такъ какъ онъ очень обширенъ) добытъ мною не путемъ какихъ-нибудь тайныхъ розысковъ,—сами виновники этихъ опытовъ печатно, во всеуслышаніе, сообщаютъ о нихъ! Казалось бы, опубликованіе перваго же такого опыта должно было бы сдѣлать совершенно невозможнымъ ихъ повтореніе; первый же такой экспериментаторъ долженъ бы быть съ позоромъ выброшенъ навсегда изъ врачебной среды. Но этого нѣтъ. Гордо поднавъ головы, шествуютъ эти своеобразные служители науки, не встрѣчая сколько-нибудь дѣятельнаго отпора ни со стороны товарищей-врачей, ни со стороны врачебной науки... Пора обществу перестать ждать, когда, наконецъ, врачи выйдутъ, изъ своего бездѣйствія, и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками.

Девятая и слѣдующія главы <Записокъ Врача> представляютъ собою какую-то похоронную пѣсню надъ медициной и проникнуты неподдѣльнымъ отчаяніемъ. Медицина до того мало еще знаетъ человѣческой организмъ, до того беспильна въ лѣченіи болѣзней, что только гений

может лѣчить сколько-нибудь успѣшно, наука же медицинская, сколько бы ее ни изучали, даетъ безконечно мало. Врачи похожи на людей, играющихъ въ жмурки, или на проводниковъ, не знающихъ дороги и тѣмъ не менѣе ведущихъ людей въ темнотѣ и надъ пропастью. Путники довѣрчиво идутъ за проводникомъ, не подозрѣвая что они каждую минуту могутъ оборваться и слетѣть въ пропасть. Въ медицинѣ есть цѣлый рядъ врачебныхъ средствъ, которыя носятъ специальное названіе: «*ut aliquid riat*»—они совершенно бесполезны, но прописываются только для того, *чтобы больному все-таки казалось*, что его лѣчатъ... Помимо этого, лѣкарства страшно ослабляютъ организмъ, дѣлаютъ его безпомощнымъ противъ болѣзней и совершенно лишаютъ способности самостоятельно бороться съ ними. А между тѣмъ сколько важности и недоступности у врачей. Едва ли есть еще сословіе, которое держало бы себя съ большею важностью и сознаніемъ своего превосходства... Г. Вересаевъ принужденъ сознаться, что «болѣзнь излѣчивается не только лекарствами и назначеніями, но и душою самого больного; его бодрая и вѣрящая душа—громадная сила въ борьбѣ съ болѣзью, и нельзя достаточно высоко оцѣнить эту силу... дѣйствительно, могучую поддержку оказываетъ вѣра, удивительно поднимающая энергію больного и его окружающихъ». Вотъ, значить, въ чемъ дѣло и что дѣйствительно излѣчиваетъ—вѣра!

А какіе гонорары берутъ нерѣдко гг. врачи! Можно ли сравнить съ ними то, что даютъ за требы духовенству, которое и общество и печать такъ любятъ упрекать въ корыстолюбіи?!

Въ послѣсловіи къ «Запискамъ Врача» г. Вересаевъ сообщаетъ, что они подняли противъ него въ нѣкоторой части читателей «бурю негодованія» за то, что онъ осмѣлился такъ писать о медицинѣ не въ специально-медицинской, а въ общей печати. «По поводу моихъ «Записокъ», пишетъ онъ,—мнѣ приходилось слышать отъ врачей воз-

раженія, которыя я положительно не рѣшаюсь привести— до того они дики и профессионально-эгоистичны; а слышать ихъ мнѣ приходилось отъ многихъ»...

Это только немногіе выдержки изъ «Записокъ Врача».

Весьма видное и важное мѣсто въ общественномъ организмѣ занимаетъ чиновничество всевозможныхъ ранговъ. Быть мелкаго чиновничества, пошлость и пустота его жизни много разъ изображались въ литературѣ. Но въ нѣкоторыхъ новыхъ литературныхъ произведеніяхъ выведены предъ читателемъ и крупные чиновники, рѣшители и вершители судьбы своего отечества. Такіе типы мы находимъ въ особенности въ романѣ г. Станюковича «Откровенные» (романъ этотъ посвященъ специально высшему чиновничеству), въ его же романѣ «Равнодушные», въ романѣ г. Гнѣдича «Купальные огни», романѣ г. Потапенко «Встрѣча» и друг.

Центральною фигурою «Откровенныхъ» (самое названіе романа уже указываетъ на отличительную характерную черту его героевъ—откровенную беззащитность въ достиженіи своихъ цѣлей) является нѣкій Маркъ Борщовъ, изъ бѣдности и ничтожества сумѣвшій достигнуть высокаго положенія. Еще въ раннемъ дѣтствѣ Маркъ остается круглымъ сиротою и попадаетъ въ семью дяди, гдѣ знакомится со всею грязью и пошлостью жизни. «Наблюдательный мальчикъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, происходившимъ въ семьѣ дяди, и внимательно вслушивался во всѣ разговоры, знакомившіе его на зарѣ жизни съ грязью, пошлостью и нуждой». И самъ дядя неоднократно даетъ ему такіа наставленія: «А знаешь, Маркъ, безъ подлости не проживешь на свѣтѣ... ни за что. И въ комъ больше этой самой подлости и злости, тому и лучше». Затѣмъ, Маркъ попадаетъ репетиторомъ въ одну интеллигентную семью, но тамъ подлости и грязи видитъ еще больше. И «если бы заглянуть въ душу этого отрока, можно было бы ужаснуться. Въ пятнадцать лѣтъ въ его юной душѣ уже зрѣло сомнѣніе въ необходимости того добра и той прав-

ды, о которыхъ онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ учителей и о которыхъ читалъ въ книгахъ. И умъ и наблюденія подсказывали, что только безъ нихъ можно добиться нѣкотораго успѣха. Надо только понимать людей и умѣть ими пользоваться». И Маркъ, уже умѣющій понимать людей, начинаетъ ими пользоваться для своихъ цѣлей. Онъ втирается въ близкое довѣріе къ своему начальнику, потомъ очень ловко отбиваетъ у него богатую невѣсту, оболотивъ ее красивыми либеральными фразами и, наконецъ, хотя начальникъ его, узнавъ обо всемъ этомъ, все-таки прощаетъ его и еще болѣе приближаетъ его къ себѣ, предаетъ его и занимаетъ его мѣсто. Вообще Борцовъ—«человѣкъ безъ всякихъ предрасудковъ», отжившихъ свой вѣкъ и еще стѣсняющихъ массу людей».

Затѣмъ, въ томъ же романѣ выводится другой дѣлецъ, тоже достигшій подъ конецъ высокаго положенія—нѣкій Иволгинъ—банковскій воротила и дѣлецъ, гласный, ораторъ, свѣдущій человѣкъ, или по отзывамъ газетъ (когда Иволгинъ получаетъ высокій постъ)—«дѣловитый и неутомимый общественный работникъ, практическій общественный дѣятель»,—дѣлецъ, который «могъ куда угодно пролѣзть безъ мыла... Онъ былъ радикаломъ, либераломъ, постепенно переходя изъ одной крайности въ другую, оппортунистомъ глядя по обстоятельствамъ или, какъ онъ самъ себя называлъ, «человѣкомъ жизни», умѣлъ улавливать моментъ». Гдѣ нужно, онъ являлся въ роли оппортуниста, что, впрочемъ, не мѣшало ему при встрѣчѣ съ прежними знакомыми (либералами) хитро подмигивать, цинически скорбѣть, негодуя на новыя времена, и обманывать многихъ наивныхъ людей, которые даже послѣ многочисленныхъ метаморфозъ его продолжали считать за своего. Всюду онъ поспѣвалъ получать чины и деньги. Горе было тому, кто осмѣливался возбудить чѣмъ-нибудь его ненависть, усомниться въ его непогрѣшимости, въ его талантахъ, и осмѣлиться противорѣчить ему. Тогда, деспотичный по натурѣ, Иволгинъ не успокаивался, пока

не стиралъ въ пыль своего врага, и для этой цѣли не брезговалъ никакими средствами». Онъ не только шелъ,— онъ «бѣжалъ вмѣстѣ съ жизнью»—отзывались о немъ газетчики. И многіе считали его замѣчательно умнымъ и честнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Всюду—въ банкѣ, въ ревизіонной комиссіи—были у него свои люди, подставные акціонеры, дутые отчеты и проч. и проч. За растрату чужихъ денегъ ему грозитъ судъ и позоръ, но во время выданная ему, благодаря его связямъ, громадная ссуда, спасаетъ его, а въ скоромъ времени онъ получаетъ весьма важное назначеніе. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ «героевъ времени», про которыхъ у Некрасова говорится:

Ничего не будетъ новаго,
 Если завтра у него
 На спинѣ туза бубнового
 Мы увидимъ—ничего...
 Но гораздо вѣроятнѣе,
 Что его карьера ждетъ
 Деликатнѣе, опрятнѣе—
 Милліоны наживетъ.

И не только милліоны, но и высокое положеніе.

Третій—для того чтобы сдѣлать карьеру, не пренебрегаетъ никакими средствами. Такъ — «далеко не религиозный человѣкъ, онъ находилъ нужнымъ посѣщать каждое воскресенье обѣдни и истово креститься на улицахъ, проѣзжая на своемъ рысакѣ мимо церквей—это давало извѣстный cachet».

Четвертый—почтенный чиновникъ, сокрушавшійся о язвѣ ростовщичества и особенно объ этихъ несчастныхъ молодыхъ людяхъ, попадавшихъ въ руки «кровопійць-жидовъ», и самъ дававшій деньги по пяти процентовъ въ мѣсяць черезъ подставное лицо. Онъ скромно засѣдаетъ въ какомъ-то незначительномъ совѣтѣ, гдѣ получаетъ тысячь пять содержанія за право пріѣхать разъ въ мѣсяць въ коллегію и согласиться съ мнѣніемъ министра.

Въ романѣ г. Потапенко «Встрѣча» крупный чиновникъ Стаховъ укоряетъ своего сына студента въ равнодушіи къ народной нуждѣ и говорить, что когда онъ самъ былъ молодъ, они вели отчаянную борьбу за права человѣка, шли грудью, напроломъ, за права народа и т. п. Сынъ беретъ у отца его послужной списокъ и съ горькою ироніей указываетъ сестрѣ на противорѣчіе между красивыми, либеральными словами отца и его поступками.

«Знаешь ли, говорить онъ сестрѣ, указывая на послужной списокъ отца, что въ тетради этой есть что-то страшное, что если на ней остановиться добросовѣстно и сопоставить съ тѣми прекрасными словами, которыя мы слышимъ каждый день отъ отца, такъ можно съ ума сойти!» Прочитавъ затѣмъ изъ этого послужного списка, какъ быстро отецъ его получалъ должность за должностью, онъ продолжаетъ: «Припомни теперь то, что сейчасъ съ гордостью было сказано отцомъ: «Въ наше время мы боролись за права человѣка въ высшемъ значеніи этихъ словъ... Мы вели борьбу, мы отстаивали права народа... Мы шли напроломъ, рискуя лично свободою и жизнью. Мы сѣяли разумное, вѣчное»... Вотъ какія слова. А записано это (въ послужномъ спискѣ) такъ: за успѣшное завершеніе податныхъ затрудненій — такой-то чинъ... А знаешь ты, что это значить: успѣшное завершеніе податныхъ затрудненій? Не знаешь? такъ я тебѣ скажу. Это значить, что съ прогорѣвшихъ крестьянъ выколачивали послѣдній рубль, продавали съ молотка ихъ имущество, можетъ быть, даже сѣкли ихъ въ волости... А знаешь ты, что въ это самое время въ этой мѣстности была голодовка?.. Оттого и трудно было завершить податныя затрудненія, а онъ завершилъ. Онъ сѣялъ разумное, доброе, вѣчное и завершилъ... Люди умудряются жить на свѣтѣ съ двумя образами мыслей, съ двумя нравственными кодексами, изъ которыхъ одинъ служить имъ съ утра до пяти часовъ дня, въ тѣ часы, когда они носятъ виць-мундиръ, а другой—послѣ пяти часовъ, весь вечеръ»... Я не противъ собиранія податей говорю,—

заключаетъ молодой Стаховъ, — государство не можетъ обойтись безъ податей, но зачѣмъ же тогда рисоваться и говорить красивыя слова. «Развѣ могъ бы отецъ сдѣлать такую карьеру, какую онъ сдѣлалъ, если бы онъ всегда и при всѣхъ случаяхъ громко высказывалъ свои убѣжденія? Нѣтъ. Значить, эта карьера, его блестящее положеніе—построены на обманѣ. Онъ гдѣ-то кого-то обманываетъ и, притомъ, въ теченіе всей жизни, каждый день, на каждомъ шагу, во всѣхъ дѣлахъ, малыхъ и большихъ; кто-то имѣетъ ложное представленіе о его взглядахъ на вещи. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, имѣть двойной комплектъ убѣжденій, одинъ—для дома и для интимныхъ друзей, для частной жизни, а другой для службы»...

И дѣйствительно, когда молодой Стаховъ, не желая слушать упреки отца въ равнодушіи къ народу и общественному дѣлу, впутывается въ студенческую исторію и притомъ такъ энергично, что его увольняютъ изъ университета на три года, — отецъ его приходитъ въ бѣшенство, говорить, что это глупо, что онъ этого не допустить и употребить всѣ свои связи, чтобы постановленіе университетскаго совѣта было отмѣнено. А когда сынъ указываетъ ему на его же рѣчи, онъ говоритъ, что, конечно, онъ говорилъ это, но это сюда не относится, и т. д.

Доселѣ мы говорили объ интеллигентныхъ отцахъ. Теперь перейдемъ къ интеллигентнымъ *матерямъ*.

Много интеллигентныхъ женскихъ типовъ находимъ мы въ литературѣ.

Въ послѣдней комедіи г. Боборыкина «Накипь» выведены представители и представительницы новой денежной аристократіи, столь внезапно и недавно выросшей на рудныхъ богатствахъ нашего юга. Одна изъ такихъ аристократокъ—Нина Воробьина заявляетъ прямо и откровенно, что она декадентка. «Ужъ если декадентить такъ декадентить», — говоритъ она и, обращаясь къ присутствующему тутъ газетному репортеру, прибавляетъ:—«Замѣтьте—это мое собственное слово: декадентить». Репортеръ

находить это слово весьма оригинальнымъ и спѣшить занести его въ свою записную книжку. Декадентство свое она проявляетъ между прочимъ въ томъ, что устраиваетъ у себя *danse macabre* (пляску смерти), а для нея *cabinet macabre* (кабинетъ смерти). Въ этомъ *cabinet macabre*, всѣ, одѣвшись скелетами и при такой же могильной обстановкѣ, должны, взявшись за руки, прыгать подъ звуки «*Danse macabre*» Сень-Санса, «и чтобы это была безумная пляска» — добавляетъ Воробьина. Она проповѣдуетъ «полную свободу отъ всякихъ глупыхъ запретовъ заплѣсневѣвшей морали». «Нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ свободы своего я», — съ апломбомъ заявляетъ она. Она устраиваетъ специальную выставку декадентскихъ картинъ. Выставка стоить безумныхъ денегъ, но Воробьина этимъ не смущается. Другое дѣло — голодающіе. До этихъ Воробьиной нѣтъ никакого дѣла. Чтò жъ изъ того, что гдѣ-то тамъ голодаютъ, — презрительно говоритъ она, — какое намъ до этого дѣло. Мало ли гдѣ голодаютъ; вонъ въ Индіи тоже голодаютъ. «А для насъ всѣхъ, кто не напускаетъ на себя этого фарисейскаго альтруизма, какой-нибудь Царевкокшайскій уѣздъ тоже, что Индія».

Другая героиня той же комедіи — Ольга Мосеева, женщина уже второй молодости, сперва тоже серьезно увлекавшаяся декадентомъ-художникомъ, во время своихъ заграничныхъ шатаній увлекается и привозитъ съ собою какого-то молодого англійскаго художника, котораго всѣмъ рекомендуетъ и пропагандируетъ какъ второго Микель-Анжелло. Съ исключительною цѣлью доставить «этому несравненному преемнику Микель-Анжелло» случай видѣть «самые могучіе рельефы человѣческой мускулатуры»¹⁾,

¹⁾ Микель-Анжелло, великій итальянскій художникъ и скульпторъ XV—XVI вѣка, творецъ знаменитой колоссальной фрески въ Сикстинской капеллѣ „Страшный Судъ“ и многихъ столь же знаменитыхъ статуй, превзошелъ всѣхъ художниковъ міра именно въ изображеніи мускуловъ человѣческаго тѣла.

она выписываетъ (разумѣется, съ безумными издержками) атлетовъ изъ всѣхъ странъ и устраиваетъ у себя состязаніе ихъ.

Въ романѣ того же г. Боборыкина «Переваль» выведена между прочимъ нѣкая Нина Кумачева, урожденная княжна Жеребьева-Зарайская, изъ высокородовитой, но совершенно разорившейся дворянской семьи, вышедшая вслѣдствіе этого замужъ за богатѣйшаго московскаго фабриканта Кумачева. Съ замужествомъ жизнь сложилась для Кумачевой съ самой лучшей стороны, такъ что, по-видимому, ей даже нечего больше и желать. У нея роскошная обстановка, туалеты (до выхода замужъ она должна была жить уроками), лучшая въ городѣ ротонда, великолѣпныя лошади; сама она замѣчательная красавица; мужъ ея ничѣмъ не напоминаетъ «купца»: онъ долго жилъ за границей и говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, вообще совсѣмъ просвѣщенный коммерсантъ, вдобавокъ—мужчина красивой наружности и притомъ на хорошей дорогѣ: не сегодня-завтра онъ генераль, камергеръ и городской голова. Вдобавокъ ко всему этому, у Кумачевыхъ двое дѣтей. Тѣмъ не менѣе Кумачева считаетъ себя обиженною судьбою и несчастною. Несчастлива она тѣмъ, что совершила mésalliance, неравный бракъ, выйдя замужъ за купца (хотя до замужества была совершенно нищею), несчастна тѣмъ, что чрезъ это вышла изъ свѣтскаго аристократическаго круга, несчастна тѣмъ, что носить теперь эту ужасную мѣщанскую фамилію «Ку-ма-че-ва», несчастна, наконецъ, тѣмъ, что мужъ ея лишь путемъ значительныхъ усилій и крупныхъ денежныхъ жертвъ и медленно достигаетъ положенія и чиновъ, которые людямъ ея круга даются сразу и безъ всякихъ усилій. Дѣтей своихъ она совсѣмъ не любитъ и нисколько ими не интересуется: они для нея совсѣмъ лишняя и ненужная обуза и сдаются всецѣло на попеченіе гувернантокъ и нянекъ. И вотъ она начинаетъ тосковать по своему прежнему кругу и всячески ищетъ случая снова сдѣлаться причастной ему. На вечерѣ у знакомыхъ она тоск-

ливо бродить по комнатамъ, тщетно стараясь обратить на себя вниманіе одного кавалергарда и жадно прислушивается къ болтовнѣ барышень-аристократокъ съ этимъ кавалергардомъ. Барышни, стараясь изо всѣхъ силъ ему понравиться, наперебой и захлебываясь, сыплютъ разными гусарскими словечками, а Кумачева, сидя поодаль, жадно къ нимъ прислушивается и старается ихъ запомнить, какъ нѣчто драгоцѣнное, обнаруживающее принадлежность къ ея прежнему кругу; прислушивается, чтобы при случаѣ быть въ состояніи и самой щегольнуть этими словечками.

Еще хуже другая мать—нѣкая Ордынцева, выведенная въ романѣ г. Станюковича «Равнодушные». Ордынцева, хотя уже и далеко не молодая женщина, мать взрослыхъ дѣтей, но еще хорошо сохранившаяся, свѣжая и очень красивая. Мужъ ея состоитъ на частной службѣ и получаетъ хорошее жалованье и могъ бы получать гораздо больше, но будучи очень честнымъ человѣкомъ, не беретъ взятокъ, не допускаетъ совмѣстительствъ и всякихъ иныхъ незаконныхъ способовъ получать деньги. Все это до того не нравится Ордынцовой, которая по своимъ взглядамъ представляетъ совершенную противоположность мужу и очень любитъ роскошную и веселую жизнь, что она начинаетъ ненавидѣть мужа. Вдобавокъ послѣдній держитъ себя по отношенію къ своему начальству слишкомъ независимо и даже ссорится съ нимъ, заступившись за несправедливо обиженнаго имъ мелкаго служащаго, такъ что Ордынцева боится, какъ бы мужъ не лишился мѣста. И она начинаетъ вымещать все это мужу, и всевозможными придирадками, попреками, сценами, язвительными и злобными словами доводитъ Ордынцева, человѣка болѣзненнаго и раздражительнаго, почти до бѣшенства.

Галерею подобныхъ типовъ можно продолжить до безконечности. Почти въ каждомъ современномъ романѣ, повѣсти и рассказѣ можно найти одну или нѣсколько такихъ героинь. Такъ, въ послѣднемъ романѣ кн. Голицына-Муравлина «Отъ смутныхъ дней» нѣкая княгиня Моги-

лова-Стольная, тотчасъ по смерти мужа (смерти насильственной), бросивъ своихъ больныхъ дѣтей на чужое попеченіе, уѣзжаетъ на деньги покойнаго мужа съ итальянцемъ теноромъ за границу. Итальянца вскорѣ смѣняетъ нѣмецъ и т. д. Когда княгиня видитъ, что обобрана этими проходимцами до нитки, она вспоминаетъ о дѣтяхъ и возвращается въ Россію, но вспоминаетъ лишь по тому поводу, что на дѣтей оставлена значительная сумма, и возвращается въ Россію лишь затѣмъ, чтобы затѣять процессъ съ опекунами и отобрать у нихъ эти деньги.—Въ послѣднемъ романѣ г. Боборыкина «Жестокіе» нѣкая Безрукова, жена важнаго чиновника, мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ какъ перчатки, безъ церемоніи увольняя надоѣвшихъ «по третьему пункту», какъ выражается одинъ изъ нихъ, т.-е. безъ всякихъ объясненій, и замѣняя ихъ новыми. Между прочимъ она увлекается молоденькимъ декадентикомъ и соблазняетъ его въ то время, когда черезъ комнату отъ нея умираетъ ея мужъ.

И т. д., и т. д. безъ конца.

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕШЕСТВИЕ УЧЕНИКОВЪ МОСКОВСКОЙ МАРОНОВСКОЙ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ МОНАСТЫРИ
НИКОЛО-УГРЪШСКОЙ,
САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОЙ И СЕРГІЕВУ ЛАВРУ.*)

14 іюня. Рѣшено было выйти изъ Аляхова не позднѣе 6 час. Къ 5 час. мы всѣ были на ногахъ. Съ нами вмѣстѣ проснулось нѣсколько человѣкъ изъ служащихъ въ санаторіи, чтобы напоить насъ чаемъ. Такъ ужъ распорядились предупредительные хозяева! Передъ чаемъ успѣли выкупаться... По совершеніи общей утренней молитвы въ паркѣ подъ открытымъ небомъ, напились чаю и съ бодрыми силами двинулись мы въ путь, какъ и предполагали, ровно въ 6 ч. у. (Для указанія ближайшей дороги къ Саввину монастырю съ нами, по распоряженію хозяина, отправился одинъ изъ служащихъ—мѣстный житель). Братъ директора, воспитаникъ VII кл. гимназіи, желая проводить насъ, дорогой увлекся и дошелъ съ нами до самаго монастыря, увѣряя, что онъ совершенно не замѣтилъ, какъ дошелъ до конца. Дорога отъ Аляхова до монастыря изобилуетъ красивыми, даже живописными мѣстами. (Какъ извѣстно, въ Звенигородскомъ уѣздѣ очень много красотъ природы). То мы шли лощиною, недалеко отъ рѣчки, за которой поднимаются высокія горы, покрытыя лѣсомъ, а

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душенос. Чтенія* 1902 г.

на откосѣ горы, какъ сейчасъ вижу,—на полянкѣ небольшое стадо, представлявшее собою картину, отъ которой глаза долго не хотѣли оторваться. (Случайно, конечно, очень живописно расположился скотъ. Мы не мало жалѣли—здѣсь да и въ другихъ мѣстахъ,—что съ нами нѣтъ любителя фотографіи). То мы поднимались на гору, съ которой открывался широкій горизонтъ: села и деревни,—на пастбищахъ только что выгнанный скотъ, на поляхъ усердные труженики крестьяне, которые стремятся до солнечнаго зноя удобрить или вспахать землю-кормилицу. То мы шли засѣянными полями, на которыхъ высилась рожь на необозримое пространство,—то лугомъ, буквально усѣянными цвѣтами, на верхушкахъ которыхъ, какъ и травы, ярко горѣли при солнечномъ восходѣ капли росы. Шли мы очень быстро и сами не замѣчали того: солнце, конечно, еще не жгло, въ воздухѣ такъ легко. Дѣти и мы благодумствовали и... даже запѣли. Пѣніе началось молитвою за Царя: «Спаси, Господи, люди твоя»..., затѣмъ что пѣли, трудно перечислить: всѣ тропари воскресные (по порядку гласу 1—8) и всѣхъ двенадцатыхъ праздниковъ (по порядку событій), троп. препод. Марону Чуд., Кириллу и Меѳодію и др., пѣснопѣнія всеощныхъ бдѣній: «Благослови, душе моя, Господа», «Хвалите имя Господне», «Благословенъ еси, Господи... Ангельскій соборъ», «Воскресеніе Христово», ирмосы: «Отверзу уста моя», Великое славословіе, на тріо «Величить душа моя Господа» и пр. и пр. Съ пѣніемъ мы прошли около 4 вер. совершенно не подозрѣвая, къ чему мы уже подошли. Было 7 час. утра съ минутами. Идемъ мы лѣсомъ и поемъ... вдругъ опушка лѣса... выходимъ изъ лѣсу и... глазамъ не вѣримъ: прямо передъ нами на такой же высокой горѣ, какъ и мы, стоитъ-красуется обитель св. Саввы, Сторожевскаго Чудотворца. Невольно обнажились головы; преклонили мы колѣна, земнымъ поклономъ возблагодарили Угодника Божія и процѣли тропарь: «Пустыни явился еси доброе прозябеніе»... Невольно также мы провели здѣсь

нѣсколько минутъ, любуясь чудной картиной, сразу развернувшейся передъ нашими глазами: противъ насъ на высокой крутизнѣ стоитъ, какъ стражъ, св. обитель, утопающая въ зелени,—ближе къ намъ длинной лентой дома «посада», расположившагося по песчанымъ берегамъ Москвы-рѣки, правѣе «городокъ» едва видный изъ-за гигантовъ вязовъ и сосенъ, еще правѣе—уѣздный городъ, красиво очень извивается здѣсь и Москва-рѣка. Теперь путь нашъ подъ гору... Съ каждымъ шагомъ мы ближе къ цѣли нашего путешествія. Вотъ уже и «посадъ», при входѣ въ который опять зацѣли неугомонные спутники. Десятокъ шаговъ, и мы уже на берегу рѣки. Рѣка мѣстами мелкая настолько, что можно мальчику безъ боязни перейти съ одного берега на другой. «Батюшка! Какая это рѣка?» «Москва-рѣка, которая течетъ около насъ,—около Бабьяго городка»... «А почему же она такая мелкая?» Отвѣтъ былъ данъ надлежащій. «Батюшка, батюшка, вонъ переходятъ черезъ рѣку!..» Намъ подали двѣ грязненькія плоскодонныя лодочки и при помощи лишь шестиковъ перевезли насъ къ другому берегу. Мальчики лишь только увидели рѣку и узнали, что рѣка мелкая, дно песчаное, просили позволенія искупаться... Выкупались... Поднялись на берегъ... Идемъ превосходнымъ заливнымъ москворѣдскимъ лугомъ. Цвѣтовъ, цвѣтовъ на немъ!!.. Вотъ мы уже подъ стѣнами обители. Выстроились въ пары и прямо въ св. ворота къ собору, желая первымъ долгомъ поклониться нетлѣннымъ мощамъ св. Саввы. Но... соборъ запертъ. Пришлось идти въ гостинницу къ учит. пѣнія Кондратьеву.

Не теряя ни минуты времени, я пошелъ къ о. архимандриту—намѣстнику Саввина монастыря съ цѣлію просить себѣ благословенія—отслужить молебенъ преп. Саввѣ предъ ракою его св. мощей и литургію раннюю (15 іюня), причемъ я выразилъ желаніе свое и спутниковъ, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ пѣли наши школьники. О. намѣстникъ, узнавъ, откуда я и съ какими учениками пришелъ, упомянулъ между прочимъ, что это—первый слу-

чай паломничества къ нимъ церковно-приходской школы изъ Москвы: до насъ изъ Москвы церковно-приходскихъ школъ не было ни одной. Препятствій къ исполненію просяимаго, конечно, не встрѣтилось, а когда я, вызванный разговоромъ, упомянулъ еще, что пѣніе нашихъ мальчиковъ заслуживало не разъ одобреніе, то о. намѣстникъ сказалъ, что онъ придетъ къ литургіи—послушать пѣніе. Приказалъ о. архимандритъ отвести нашимъ мальчикамъ помѣщеніе для ночлега—монастырскую церковно-приходскую школу и намъ комнату (№) въ гостинницѣ. Просиль я позволенія провести мальчиковъ по покоямъ царя Алексѣя Михайловича, послушать благовѣсть царя-колокола и на все дано было разрѣшеніе. Сейчасъ же заняли мы школу и, такъ какъ благовѣстили къ поздней литургіи, мы направились въ соборъ. Несмотря на раннее пробужденіе и значительный все же—для дѣтскаго возраста—переходъ, всѣ выстояли литургію до конца, также и общій молебень, послѣ котораго уже прикладывались къ мощамъ Угодника Божія.

Какъ вкусенъ и сладокъ потомъ показался намъ чай, который мы пили около монастырской чайной на свѣжемъ воздухѣ!

Въ началѣ 1-го часа дня всѣ мы большой семьей (23 чел.) отправились осматривать замѣчательныя окрестности обители. Спускались къ св. колодцу, были у скита, поклонились образу св. Саввы въ его пещерѣ. Какъ извѣстно, эта пещера поразительно мала и низка. Долго мальчики не отходили отъ пещеры, стоя кучкой у входа въ нее и вспоминая изъ недавно слышаннаго, какъ св. Савва при жизни удалялся въ свою пещеру. Отсюда мы перешли въ такъ называемую «Америку»¹⁾. Проходя лѣсомъ, мальчики уви-

¹⁾ Здѣсь около пещеры съ нами разговорился одинъ москвичъ, назвавшій себя по фамил. „Спир—въ“. Узнавъ, какъ и когда мы добрались до Саввина монастыря, „С—въ“ похвалилъ путешественниковъ, выразивъ, впрочемъ, изумленіе тому: „какъ могли и такіе (указалъ на 2—3 самыхъ маленькихъ) дойти“.

дали бѣлку на верхушкѣ дерева и, разумѣется, зашумѣли: «бѣлка, бѣлка»... она стала прыгать съ дерева на дерево, скоро скрылась съ нашихъ глазъ. Рассмотрѣть ее все же успѣли мальчики. Захотѣлось намъ побывать и въ Дютъковѣ (дер.), къ которой дорога чудно хороша и такъ легка, что мы положительно не замѣтили, какъ вышли къ самой деревнѣ... Расположившись на откосѣ горы (невдалекѣ отъ деревни) въ заросли для отдыха, мы могли любоваться чудной картиной при полнѣйшей тишинѣ и дышать чистѣйшимъ благораствореннымъ воздухомъ. Во время этого отдыха нашъ хоръ устроилъ репетицію и молебна, и литургии. И что это было за пѣніе подъ открытымъ небомъ!.. Напр., живо помню, какъ бы слышу пѣніе: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ»..., какъ будто дѣти хотѣли самому небесному своду, окружающимъ горамъ и лѣсу показать, какъ они могутъ отъ полноты своего усердія воспѣвать Творца такихъ красотъ, которыя они, по милости Его, въ сія минуты созерцаютъ,—возблагодарить за Его щедроты и — что они дѣйствительно готовы молиться Богу своей чистой дѣтской молитвой.

Пробывъ около Дютькова мин. 30—40, мы двинулись въ обратный путь. Переходя черезъ Розвадню (притокъ Москвы-рѣки), не упустили мы случая освѣжиться, искупавшись въ довольно холодной водѣ. И освѣжились же, несмотря на полдень іюнскаго дня *истекшаго* лѣта: вода тамъ страшно холодна. При возвращеніи изъ Дютькова намъ, конечно, пришлось подняться на гору, крутизна которой не была замѣчена при спускѣ съ нея и дала себя почувствовать лишь теперь.

Вернувшись изъ Дютькова часа въ 3, мы стали собираться на молебенъ, служить который мы условились до вечерни... Парами «въ ногу» прошли мы разстояніе до собора. Скоро намъ отперли храмъ; инокъ зажегъ лампы предъ ракою Угодника Божія; возжена была и свѣча, поставленная нами еще за поздней литургіей отъ лица всѣхъ... Волѣдъ за моимъ возгласомъ: «Благословенъ Богъ нашъ»...

раздалось «стройное» дѣтское пѣніе, разносившееся по собору и вырывавшееся, какъ оказалось, наружу. (О. архимандритъ, вечеромъ приходившій посмотрѣть, какъ мы устроились въ школь, самъ въ разговорѣ упомянулъ о «стройности» пѣнія и о «шествиіи въ ногу»). Кончился молебенъ, всѣ въ порядкѣ прикладывались къ нетлѣннымъ мощамъ пр. Саввы, послѣ чего тотчасъ же (должно думать, здѣсь такой обычай) цѣловали руку «гробоваго іеромонаха», старца съ наперснымъ крестомъ, который, непосредственно по окончаніи нашего молебна, занялъ свое мѣсто.

По окончаніи молебна, я обратилъ вниманіе мальчиковъ на внутреннее устройство собора Рождества Пр. Богородицы и просилъ ихъ запомнить, потому что, добавилъ я, этотъ соборъ очень похожъ на соборъ «у Троицы», въ которомъ почиваютъ мощи пр. Сергія, учит. пр. Саввы. Только этотъ соборъ старше, древнѣе троїцкаго.

Вотъ уже и благовѣсть къ вечернѣ. Мы не выходили изъ стѣнъ обители и одни изъ первыхъ явились къ Богослуженію. По окончаніи вечерни, двинулись снова гулять — на этотъ разъ къ Звенигороду (городу): хотѣлось намъ послушать знаменитое звенигородское эхо. Пошли вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. Мальчики, затѣявшіе только предъ тѣмъ игру «въ солдаты», по моему предложенію, выстроились въ ряды и подъ командою ихъ «офицера», солиста Гаврилова съ пѣніемъ: «мы—славн. артисты» пошли впереди насъ. Все разстояніе (1—2 вер.) прошли «мигомъ», и вотъ уже подъемъ на отвѣсную гору, на которой стоитъ старый звенигородскій соборъ. Поднялись—мѣстами чуть не ползкомъ — по невообразимо-узенькой тропинкѣ. Вотъ и соборъ, около него большая площадь, а съ западной стороны соборной площади еще значительное возвышеніе. Здѣсь эхо. Для опыта наши солисты (Гаврил. и Коробч. Пав.) пропѣли дуэтъ «птичка»... «...встрепенется и поетъ», взятое полнымъ голосомъ и нарочито прерванное, правда отозвалось въ горахъ съ по-

разительную ясностію и вызвало bis со стороны бывшихъ не вдалькѣ лицъ, о которыхъ, какъ слушателяхъ, мы и не думали... Вполнѣ довольные испытаніемъ «эхо» мы отправились иной дорогой (прѣзжей, по лѣв. бер. Москвы-рѣки) подъ кровъ обители. Вечеръ былъ прекрасный; мѣста такіа чудныя; усталости не чувствовалось никакой, и мы еще не мало времени провели на южномъ скатѣ монастырской горы, расположившись, какъ хотѣлось каждому, у самой монастырской стѣны на зеленой травѣ. (Здѣсь часть нашихъ спутниковъ не устояла при видѣ «Розвадни», и особенные любители искупались еще разъ)..

Группа малышей нашихъ обратила на себя вниманіе бывшихъ гдѣсь лицъ. Одинъ изъ бывшихъ—гр. Олсуфьевъ, узнавъ, что мальчики изъ Москвы и пришли «съ батюшкой и учительницей», поинтересовался знать: «какой именно школы мальчики, гдѣ школа находится въ Москвѣ, какъ дошли и когда, гдѣ успѣли побывать и когда намѣрены возвратиться въ Москву?»

Но вотъ уже и 10 часовъ вечера.

Зная, что сегодня (14-го) дѣти ходили очень много, что утромъ придется вставать рано, а затѣмъ пройти немалое разстояніе до Голицына, я предложилъ всѣмъ ложиться спать.

15 іюня — день памяти св. Іоны, митр. Московскаго. Служеніе ранней литургіи назначили въ придѣлѣ 4-хъ святителей Московскихъ. Дѣти съ учительницей и учителемъ пѣнія явились къ чтенію часовъ, — и почти всѣ съ просфорами... Съ самаго начала литургіи и до конца мальчики показали себя опытными въ пѣніи и заслужили одобреніе. О. архимандритъ сдержалъ свое слово, былъ за ранней литургіей и, по выслушаніи ея до конца, прислалъ всѣмъ мальчикамъ листочки (юбилейные) о св. Саввѣ, Сторожевскомъ Чудотворцѣ «въ награду за хорошее пѣніе». Отслушавъ въ послѣдній разъ молебень (общій) св. Саввѣ и приложившись къ нетлѣннымъ его мощамъ, мы обошли въ послѣдній разъ весь монастырь, долго стояли

около окованнаго вяза—свидѣтеля сѣдой старины, зашли въ монастырскую лавочку, и каждый приобрѣлъ себѣ на память образокъ или крестикъ и книжку (нѣкоторые приобрѣтали и то, и другое), и затѣмъ направились подкрѣпить свои силы на предстоящей намъ теперь весьма немалый путь.

Немного позднѣе 9 часовъ утра мы были готовы къ выходу. Чинно подошли мы къ вратамъ св. обители, поклономъ отблагодарили за все, оказанное намъ, и направились въ обратный путь знакомой уже дорогой, предпочитая ее пыльному шоссе. День обѣщаль быть таковой же жаркій. При переходѣ чрезъ Москву-рѣку нѣкоторые выкупались... Когда поднялись на гору и готовы были скрыться въ лѣсу, мы, какъ и наканунѣ, остановились на молитву, пропѣли тропарь Чудотворцу Сторожевскому и земнымъ поклономъ испросили себѣ благословенія его. Полюбовавшись на прощаніе чуднымъ видомъ на св. обитель и ея окрестности, двинулись мы въ путь-дорогу, укрываясь въ чащѣ лѣсной отъ солнечныхъ лучей. Два-три раза пришлось замедлять движеніе, такъ какъ въ лѣсу по дорогѣ было довольно много земляники. Верстахъ въ 4-хъ отъ монастыря лежитъ дер. Клопово, въ которой мы рѣшили сдѣлать большой (около часа) привалъ: пили чай, закусывали... Разстояніе отъ Клопова до Аляхова прошли совершенно незамѣтно: дѣти и мы собирали землянику, которой здѣсь было особенное изобиліе. И какая же сочная и крупная!.. Въ виду самаго Аляхова мы рвали землянику съ вѣтками: хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить любезную гостепріимную хозяйку. И когда мы проходили мимо санаторіи, Николаю Михайловичу отъ дѣтей я поднесъ просфору, а учительница супругъ съ дочкою землянику. Любезные хозяева просили насъ снова зайти, но мы рѣшительно отказались, потому что 1) мы только что отдохнули и подкрѣпились, 2) временемъ приходилось дорожить. Путь отъ Аляхова чрезъ знакомое намъ Раево (здѣсь мы запаслись водой въ дороге) и лѣс-

комъ пройденъ весело... Вотъ мы на опушкѣ лѣса, и видно шоссе... Рѣшили вздохнуть минуту 15—20.

Остается теперь пройти по открытому мѣсту вер. около 3... 4-й часъ іюньскаго дня (да еще добавить: нынѣшняго лѣта). Жара чуть не тропическая... Вѣтеръ не колыхнеть... Воды съ нами уже ни капли... Ноги свои мы вчера не жалѣли нисколько: и по горамъ ходили, и на колокольнѣ мы были... сегодня встали рано... идемъ съ 9¹/₂ час. Нѣкоторые начинаютъ понемногу ослабѣвать, стараясь впрочемъ не показывать этого товарищамъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ, разумѣется, усталость давала себя чувствовать больше... раздаются возгласы: «скоро ли?..» Разговоры прекратились совсѣмъ, да и нельзя говорить: во рту сухо до послѣдней степени; ноги и у взрослыхъ рѣшительно отказываются двигаться... идемъ всѣ «на трехъ» (одинъ чуть не сквозь слезы сказалъ: «если бы не палочка—палочки были у всѣхъ, кажется,—я бы не могъ и идти»). Но вотъ подходимъ къ дер. «Вяземы», гдѣ напередъ посланный долженъ былъ приготовить намъ пить и ѣсть... «Подходимъ»... легко сказать! Мы идемъ, а къ деревнѣ почти не подвигаемся. 20 челов. растянулись здѣсь *не меньше*, какъ на версту. Послѣднія силы... и мы вошли въ деревню, но, о Боже милосердый, «напередъ посланный» показывается въ другомъ концѣ очень длинной деревни; мы его едва видимъ. Слѣдовательно, чай приготовленъ тамъ!.. Изъ всѣхъ почти домовъ съ великимъ любопытствомъ разсматриваютъ усталыхъ путниковъ... Наконецъ, едва переступая, мы подошли къ садику около самаго шлагбаума (здѣсь «чайная»), гдѣ все было готово на 3—4 столахъ.

И что тутъ было! Я никогда не забуду, какъ Анастасія Дмитріевна и жена учителя Кондратьева (большое ей спасибо!) едва успѣвали наливать въ чашки чай, и мы втроемъ (я, Кондратьевъ и дядька) успѣвали лишь получать черезъ окно чайники съ горячей водой и возвращать ежеминутно обратно пустые. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ... Сильная, жгучая жажда утомлена... Еще мину-

та—одинъ мальчикъ благодарить, за нимъ другой, третій. Нѣкоторые же никакъ не могутъ утолить свою жажду: пьютъ и пьютъ... Когда остались 3—5 мальчиковъ, тогда можно было намъ вспомнить и о себѣ. Мы тоже весьма нескоро утолили жажду, хотя пользовались въ изобиліи лимономъ (незамѣнимая вещь въ лѣтнихъ путешествіяхъ)...

Повѣрятъ ли намъ, если мы къ сказанному прибавимъ одно воспоминаніе. Кончили мы это достопамятное чаепитіе, Ан. Дм. случайно, можетъ быть, обратила вниманіе на свои пальцы и оказалось: отъ разливанія чая за 13, 14 и 15 іюня (всего 6 разъ, причемъ каждый разъ до 20 чел.) у ней осталась память на указательномъ пальцѣ правой руки. И немудрено, если вспомнить при этомъ, что одинъ мальчикъ самый, кажется, маленькій выпилъ въ Вяземахъ 17 чашекъ (правда небольшихъ, какія обыкновенно подаются въ «чайныхъ»). — Лишь только мальчики напились чаю, какъ затѣяли уже и игру. Такъ быстро отдыхаетъ юность отъ большой, повидимому, усталости... Съ полчаса времени послѣ чая провели мы нѣсколько особеннымъ образомъ: я взялъ съ собою въ дорогу одну небольшую, интересную книжку: «Степанычъ старичокъ». Ее я началъ читать еще въ Клоповѣ за чаемъ, продолжалъ читать дорогой. Здѣсь же въ Вяземахъ послѣ чая я изъ этой книги прочиталъ очень немало. Мальчики кучкой расположились около меня на травѣ. Наше чтеніе привлекло вниманіе и постороннихъ: изъ оконъ дома слушали чтеніе нѣсколько человекъ. Чтеніе пришлось прервать, чтобы не опоздать къ поѣзду, отходившему прямо со ст. Голицыно. Мы снова могли завладѣть отдѣльнымъ вагономъ и со всѣми удобствами прибыли въ Москву въ 8 час. веч. Бодрыми совсѣмъ отдохнувшими мальчики покинули вагонъ и отправились къ родителямъ въ сопровожденіи учителя Кондратьева и дядьки. Такъ кончилось наше путешествіе въ обитель св. Саввы, Звенигор. Чуд. Воспоминанія объ этомъ путешествіи, думается, навсегда останутся живыми у насъ и у дѣтей.

Много мнѣ потомъ пришлось выслушать отъ разныхъ лицъ, что дѣти, какъ нельзя больше, остались довольны.

Описаніе этого 3 дневнаго нашего путешествія будетъ неполно (а можетъ быть инымъ покажется и не правдоподобнымъ: около 20 чел. малышей и—никакихъ приключеній за 3 дня!), если умолчать о приключеніяхъ съ нами въ дорогѣ. Когда мы, въ 6 ч. у. выбравшись изъ Аляхова въ монастырь въ количествѣ 23 челов., прошли версты 2 и двигались лѣскомъ съ пѣніемъ, вдругъ одинъ изъ насъ услышалъ сзади дѣтскій крикъ. Кто бы это?!.. «Мальчики, стой!..» «Всѣ ли здѣсь?..» Считаемъ и—одного, самаго маленькаго нѣтъ... Кричимъ, зовемъ то по имени, то по фамиліи, отвѣта нѣтъ... «Ау-у-у!!..» несется отъ насъ, а отвѣчаетъ лишь лѣсъ... Волнуемся всѣ... А онъ тихо выходитъ изъ лѣсу и спокойно объясняетъ: «я землянику крупную нашель»... Послѣ этого стали считать дѣтвору чаще, а лѣсомъ зорко слѣдили, чтобы не разбрѣдались. Это разъ.

2-е (на обратномъ пути): когда мы, въ виду уже шоссе и дер. Вяземъ, отдохнувъ на опушкѣ лѣса мин. 15—20, прошли сажен. около 200, одинъ мальчуганъ спохватился, что у него фуражки на головѣ нѣтъ. «Гдѣ жъ она?» «Я ее вонъ тамъ забылъ»... «Ну, бѣги... И ты, братъ, ступай съ нимъ; ищите оба»... Нашли; бѣгутъ раскраснѣвшіеся. Вотъ и все, что хранить память объ этомъ интереснѣйшемъ путешествіи.

Свящ. С. Лаврентьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О МОЛИТВѢ.

Понятіе о молитвѣ.—Молитва необходимая и важнѣйшая обязанность каждаго христіанина.—Молитва какъ врожденная потребность нашей разумной природы.—Всеобщность молитвы.—Недоумѣнія и возраженія, какія высказывались и высказываются противъ молитвы съ цѣлю умалить ея значеніе, подорвать и даже совсѣмъ уничтожить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ молитвы.—Отрицаніе необходимости и пользы молитвы, даже самой возможности ея, на томъ основаніи, что нѣтъ Провидѣнія Божія, а все совершается съ необходимостью по неизмѣннымъ естественнымъ законамъ.—Рѣшеніе этого возраженія, какъ наиболѣе серьезнаго и важнаго. Вѣрна-ли естествознательная теорія, отрицающая промыслительную силу Божію и признающая самоуправленіе міра?—Вопросъ о Промыслѣ Божіемъ при свѣтѣ Слова Божія, святоотеческихъ твореній и по соображеніямъ разума.—Молитва возможна, разъ существуетъ Богъ-Промыслитель.—Она (молитва) и дѣйствительна, ибо, дѣйствуя на милосердіе Божіе, можетъ, такъ сказать, побѣдить естественные законы, которые натуралистами признаются непобѣдимыми, и можетъ измѣнить теченіе вещей, происходящее по этимъ законамъ.—Установленіе истинной точки зрѣнія на самые законы.—Выводъ и заключеніе.

Что такое молитва? Еще изъ уроковъ дѣтства мы знаемъ, что молитва есть возношеніе ума и сердца христіанина къ Богу для прославленія Его святаго имени, или для принесенія Ему благодарности, или для испрошенія отъ Него благъ. Молитва составляетъ необходимую и важнѣйшую обязанность каждаго христіанина. Ее, какъ священный долгъ и обязанность христіанина предъ Богомъ, внушаютъ и Священное Писаніе и постоянное преданіе Церкви. Въ Свящ. Писаніи заключаются прямыя повелѣнія Божія, обязывающія насъ молиться. Еще въ Ветхомъ За-

вѣтъ Богъ устами царственнаго пророка Давида сказалъ: пожри Богови жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя. Призови Мя въ день скорби твоея, и изму ти, и прославиши Мя (Псал. 49, 15). А въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Господь говорить: бдите на всяко время молящеся (Лук. 21, 36); бдите и молитесь, да не внидете въ напасть: духъ бо бодръ, плоть же немощна (Мѡ. 26, 41). Кромѣ того въ Вѣтхомъ и Новомъ Завѣтѣ находится множество примѣровъ молитвы, между которыми безмѣрно возвышается примѣръ Самого Спасителя. Молитва была любимѣйшимъ Его занятіемъ среди всѣхъ обстоятельствъ жизни, среди подвиговъ ученія, чудотвореній и страданій, и Онъ цѣлыя ночи проводилъ въ ней (Лук. 3, 21; 5, 16; Мѡ. 14, 23; Евр. 5, 7 и мн. др.). Молитву, какъ необходимую и важнѣйшую нашу обязанность, внушаютъ намъ св. Апостолы и словомъ и собственнымъ своимъ примѣромъ. Они не только на словахъ говорятъ: всякою молитвою и моленіемъ молитесь на всяко время духомъ (Ефес. 6, 18), непрестанно молитесь, о всемъ благодарите (1 Сол. 5, 18), но и сами постоянно пребывали въ молитвѣ (Дѣян. 1, 14; 3, 1; 10, 9 и мн. др.). То же внушаютъ и св. Отцы Церкви, для которыхъ молитва была стихіею жизни. Молитвою питали они духъ свой, въ молитвѣ находили подкрѣпленіе и успокоеніе для себя среди волненій жизни; молитвою приготавливали себя на подвиги, соединенные съ великими пожертвованіями и т. п. Къ молитвѣ побуждаютъ насъ безпредѣльная благость и милосердіе Божіе къ молящимся, и величайшія блага, прибрѣтаемыя чрезъ нее отъ Бога. Въ разныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія находятяся указанія на то, что молитва низводитъ благодать Св. Духа въ сердца наши (Лук. 11, 13), укрѣпляетъ нашу вѣру, надежду и любовь (Ефес. 3, 14—21), прибрѣтаетъ просвѣщеніе нашему уму (Псал. 118, 18; Іак. 1, 5; Ефес. 1, 16—18), укрѣпляетъ волю въ дѣланіи добра (Евр. 13, 20—21); молитва утѣшаетъ сердце въ скорби страданій (Псал. 114; 117, 5—6; 49, 15 и др. Іак. 5, 13) и вообще можетъ

приобрѣтать намъ все, что служить въ истинному нашему благу во времени и вѣчности (Іоан. 14, 13; 16, 23; Марк. 11, 24). Но особенно подробно и весьма часто о пользѣ и важности молитвы говорятъ св. Отцы и подвижники добродѣтели, опытомъ узнавшіе пользу и важность молитвы. Они усвояютъ ей такое же значеніе въ духовной жизни христіанина, какое имѣетъ дыханіе въ жизни естественной. Какъ въ жизни естественной, въ комъ есть хотя слабые признаки дыханія, въ томъ есть признаки жизни; таеъ въ жизни духовной, въ комъ есть начатки молитвы, въ томъ есть признаки жизни: состояніе человѣка безъ молитвы есть состояніе бездыханнаго. Св. Іоаннъ Златоустъ о молитвѣ пишетъ: «что для тѣла свѣтъ солнца, то для души молитва. Она есть занятіе общее человѣку съ Ангелами; ею мы вступаемъ въ ихъ общество, дѣлаемся соучастниками ихъ жизни, состоянія, достоинства, благородства, мудрости, разумѣнія. Кто не молится Богу и не имѣетъ усердія непрестанно бесѣдовать съ Нимъ, тотъ мертвъ, бездушенъ, безмысленъ... Молитва дѣлаетъ жизнь человѣка правильною и стройною, не допускаетъ въ душу ничего низкаго и непристойнаго, поселяетъ отвращеніе къ порочнымъ наслажденіямъ; никто безъ молитвы не можетъ проводить жизнь добродѣтельную». Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ пишетъ: «что можетъ быть святѣе того, кто бесѣдуетъ съ Богомъ? что праведнѣе? что достойнѣе? что премудрѣе? Если бесѣдующіе съ мужами мудрыми отъ частаго собесѣдованія скоро сами становятся, подобно имъ, мудрыми: то что сказать о тѣхъ, которые въ молитвѣ своей бесѣдуютъ съ Богомъ? Какою мудростію, какою добродѣтелію, вѣдѣніемъ, добродушіемъ, цѣломудріемъ и кротостію должно исполнить ихъ молитвенное о семъ ихъ къ Богу прошеніе? Поистинѣ тотъ не погрѣшитъ, кто признаетъ молитву виною всякой добродѣтели и правды, и кто почитетъ невозможнымъ, чтобы безъ молитвы душа сдѣлалась благочестивою»¹⁾. Все это побуждаетъ признавать молитву

¹⁾ См. слово 1 и 2 о молитвѣ.

одною изъ существенныхъ обязанностей христіанскихъ. Къ молитвѣ призываетъ насъ всецѣлая наша зависимость отъ Бога, сознание нашей бѣдности и ограниченности и потребность для насъ высшей помощи. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «если Самъ Господь молился, если Апостолы молились, если всѣ святые молились, если тѣ, которые обладали величайшею вѣрой и не знали за собою никакихъ преступленій, имѣли нужду въ молитвѣ,—въ молитвѣ постоянной и неослабной: то какъ можемъ мы, имѣя тысячи недуговъ, не употреблять противъ нихъ врачество молитвы?» Къ молитвѣ должны побуждать насъ и пагубныя послѣдствія происходящія отъ небреженія о ней. Исторія свидѣтельствуетъ, что гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ нѣтъ уваженія въ дарамъ и обѣтованіямъ Божиимъ, которыя Господь по безпредѣльному милосердію Своему являетъ намъ. Гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ оскудѣваетъ и мало-по-малу вовсе погасаетъ вѣра, любовь, надежда и всякая другая добродѣтель, ибо онѣ въ молитвѣ находятъ для себя пищу и подкрѣпленіе. Гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ не можетъ быть благодати Божіей и Духъ Святой не можетъ имѣть мѣста. Гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ легко нарушается всякая обязанность, тамъ открывается удобное поползновеніе ко всякому пороку, тамъ является дерзость на всѣ злодѣянія, жизнь духовная наконецъ совершенно погасаетъ, человѣкъ подвергается всѣмъ искушеніямъ и бѣдствіямъ и выходъ къ лучшей будущности долженъ остаться для него невозможнымъ ¹⁾. Наконецъ, молитва составляетъ необходимую нашу обязанность еще потому, что молиться—вполнѣ естественное дѣло для человѣка. Молитва есть необходимая потребность нашей разумной природы, притомъ врожденная потребность. Это видно изъ того, что она (молитва) сама собою вырывается изъ дѣтскихъ устъ («Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу» Мѡ. 21, 16). Это же доказывается далѣе тѣмъ, что люди на всѣхъ ступеняхъ своего умствен-

¹⁾ О должн. пресв. прих. Изд. 24. 1850 г. § 182, стр. 232.

наго и нравственнаго развитія, всегда при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ изливали свои молитвенныя чувства, обращали свой взоръ къ небу и здѣсь искали себѣ успокоенія. Еще древніе философы (Цицеронъ, Аристотель, Сенека) свидѣтельствовали о томъ, что нѣтъ ни одного народа до такой степени грубаго и дикаго, чтобы не было у него религіи. Согласно съ ними и Вайтцъ, авторъ «естественной антропологии народовъ», не называетъ намъ ни одного народа, который бы не имѣлъ религіи. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» говоритъ, что у самыхъ дикихъ народовъ замѣтно присутствіе благоговѣнія предъ Богомъ. Вундтъ въ сочиненіи «Душа человѣка и животныхъ» говоритъ, что тщательное наблюденіе открывало религію у самыхъ грубыхъ дикарей. А если была религія, то, несомнѣнно, была и молитва, такъ какъ религія необходимо содержитъ въ себѣ молитву. Религія же всегда существовала и будетъ существовать въ человѣчествѣ, и ничто не можетъ вытѣснить ея. Не менѣе важно для насъ въ разсматриваемомъ отношеніи слѣдующее свидѣтельство: «когда нисходишь до самыхъ дальнѣйшихъ глубинъ исторической жизни, до какихъ только можетъ довести нить филологической науки,—говоритъ знаменитый французскій филологъ Пиктетъ,—не увидишь уже здѣсь храмовъ, создаемыхъ рукою человѣка, но за то слышишь молитвы, возсылаемыя Богу подъ открытымъ сводомъ небесъ нашими самыми отдаленнѣйшими предками и видишь ихъ курящіяся жертвы»¹⁾).

¹⁾ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1874 г. кн. 2. стр. 119.—Врожденности молитвы нисколько не противорѣчитъ существованіе такъ называемыхъ атеистовъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ образованному обществу, во-первыхъ, потому, что у нихъ уже „сожженная“ совѣсть, они заглушили въ себѣ эту потребность, а во-вторыхъ—ихъ отрицаніе молитвы только кажущееся: оно основывается не на внутреннемъ убѣжденіи, но условливается или влияніемъ какой-либо страсти, или пустымъ желаніемъ показать себя предъ другими; при наступленіи такъ называемыхъ критическихъ обстоятельствъ жизни оно (отрицаніе) пропадаетъ: вытѣшнѣй безбожникъ снова становится, по

Противъ молитвы высказывались и высказываются различныя недоумѣнія и возраженія, прямая цѣль коихъ умалить значеніе молитвы, подорвать или даже совсѣмъ уничтожить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ молитвы. Одни противники совсѣмъ отрицаютъ молитву, считая ее невозможною и даже глупостью со стороны человѣка. Противниковъ этихъ можно, въ свою очередь, раздѣлить на двѣ группы: къ одной принадлежатъ тѣ, кои при своемъ отрицаніи выходятъ изъ такого положенія: все совершается по необходимости по законамъ природы, а потому молиться бесполезно; къ другой группѣ принадлежатъ тѣ, кои выходятъ изъ понятія о неизмѣняемости Божества. Они возражаютъ: могутъ ли быть допускаемы молитвы при неизмѣняемости Божества? Допуская дѣйствительность молитвы, надобно въ тоже время допустить измѣненіе намѣреній въ Божествѣ. Допуская молитву, нужно допустить, что Богъ можетъ перемѣнять Свои рѣшенія. Другіе противники молитвы считаютъ ее бесполезною, основывая свои соображенія на томъ, что въ жизни очень многіе изъ молящихся людей не получаютъ никакихъ плодовъ отъ своихъ молитвъ. Есть такіе, которые стараются ослабить значеніе и необходимость молитвы, выдвигая вопросъ о ея умѣстности. При этомъ разсматриваются всѣ три вида молитвы. Такъ, возражаютъ противъ славословія и благодаренія: Богъ, будучи Самъ въ Себѣ всесовершенъ и преславенъ, не нуждается въ прославленіи Его; всегда довольный Своими совершенствами, не требуетъ угожденія рукъ человѣческихъ въ знакъ благодарности къ Нему. А въ такомъ случаѣ не излишня-ли молитва хвалебная и благодарственная. Но не излишня-ли и просительная молитва? Какое значеніе мо-

отзывамъ знаменитыхъ врачей, человѣкомъ вѣрующимъ и молится. Атеисты не рождаются, а воспитываются; значитъ, атеизмъ есть слѣдствіе превратнаго воспитанія, извратившаго въ человѣкѣ религиозный инстинктъ, а извращеніе послѣдняго возможно, какъ и вообще всегда и вездѣ возможны извращенія и уклоненія отъ нормы, не уничтожающія самой нормы.

жетъ имѣть послѣдняго рода молитва, когда Богъ знаетъ всѣ наши нужды и готовъ даровать намъ все полезное? Кромѣ указанныхъ есть такіе, которые совсѣмъ не отрицаютъ значенія и необходимости молитвы, а умаляютъ ея значеніе, говоря: молись, когда хочется. Есть и другія возраженія и недоумѣнія касательно молитвы, но изъ всѣхъ этихъ возраженій наиболѣе серьезно и важно первое, ибо сторонники этого возраженія опорю для своего отрицанія хотятъ сдѣлать науку. На этомъ возраженіи противъ умѣстности и полезности молитвы и остановимся.

«Нѣтъ Провидѣнія, но все въ жизни природы и въ жизни человѣчества происходитъ по неизмѣннымъ законамъ природы, дарованнымъ ей Творцомъ... Міръ владѣетъ полною автономіею и совершенно независитъ отъ Бога въ жизнепроявленіи и жизнеразвитіи». Такое мнѣніе существовало еще въ древнія времена, но оно даетъ себя чувствовать и въ нашъ вѣкъ, вѣкъ прогресса, цивилизаціи. И въ наше время въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества держатся мнѣнія, что въ природѣ неизмѣнно господствуютъ законы физическіе, химическіе, органическіе и опредѣляютъ безусловно всѣ ея явленія. Ни настоящее, ни прошедшее природы не представляютъ будто бы никакихъ случаевъ нарушенія этихъ законовъ, которое могло бы вести въ мысли о вліяніи на ходъ міра какой-либо посторонней внѣшней силы. Подобно этому и всѣ явленія психической жизни индивидуумовъ, всѣ событія исторической жизни человѣчества могутъ,—говорятъ,—быть объяснены изъ естественной связи причинъ и дѣйствій ¹⁾. Мы здѣсь, какъ и въ природѣ, не найдемъ признаковъ вмѣшательства какой-либо сверхъестественной силы. Если бы такое вліяніе высшей силы было, то оно не замедлило бы сказаться въ необыкновенныхъ по временамъ перерывахъ дѣйствія физическихъ и

¹⁾ „Человѣкъ, говоритъ Монтескье, какъ бытіе естественное, подобно другимъ тѣламъ, управляется неизмѣнными законами“.—„Вѣра и разумъ“ 1888 г. № 15, стр. 9277.

психическихъ силъ, во внесеніи въ общій порядокъ міра новыхъ предметовъ и явленій. Но ничего подобнаго нѣтъ. Однимъ словомъ, Богъ, — говорятъ, — не вмѣшивается въ жизнь міра. Куда бы мы ни заглянули, вездѣ находимъ замкнутую цѣпь причинъ и дѣйствій.

Но если такое мнѣніе справедливо, то молитва, которую христіанинъ признаетъ цвѣтомъ своей христіанской жизни по вѣрѣ, эта бесѣда человѣческаго сердца съ Богомъ, не имѣетъ мѣста, потому что молиться въ томъ случаѣ, когда все совершается по разъ навсегда установленнымъ и неизмѣннымъ естественнымъ законамъ,—это нѣчто такое, что не можетъ быть совмѣстно съ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ. Всякая просительная молитва о сохраненіи во время бури, о дождѣ, о выздоровленіи болящаго и т. п., и всякая благодарственная и хвалебная послѣ обильнаго плодородія и жатвы есть будто бы глупость и заблужденіе. Зачѣмъ, напр., просить дождя, когда метеорологія убѣждаетъ насъ, что паденіе дождя совершается по извѣстнымъ законамъ? Зачѣмъ молиться о выздоровленіи болящаго, когда онъ долженъ умереть, такъ какъ статистика указываетъ цифру ежегодно рождающихся и умирающихъ? Въ этомъ случаѣ, «моленіе Богу есть настолько же ничтожное суевѣріе, какъ обращеніе къ бурѣ съ просьбою снабдить насъ смѣлостію для встрѣчи ежедневныхъ затрудненій, просьба къ заразѣ быть снисходительною къ нашимъ слабостямъ, мольба къ землетрясенію простить наши грѣхи»¹⁾. Человѣкъ, имѣющій глубокую и горячую увѣренность въ томъ, что вслѣдствіе его молитвы измѣнятся внѣшнія событія и теченіе вещей и что онъ получитъ просимое,—такой человѣкъ дѣлается, говорятъ, жертвою обманчивой иллюзіи. Самые уже законы, по которымъ развивается и сохраняется міръ, не могутъ допустить никакого исключенія по нашей ли молитвѣ, или по чему либо иному: они неизмѣнны. Послѣднее есть будто бы фактъ, вполне доказанный наукою. Въ случаѣ

¹⁾ „Достоверность чудесъ“.—*Прав. Обзор.* 1876 г. т. 2, стр. 261.

какого либо уклоненія отъ законовъ природы, или нарушенія ихъ, или приостановленія дѣйствія этихъ законовъ весь космосъ долженъ обратиться въ безпорядочный хаосъ. Такъ и должно быть, такъ какъ молитва (просительная) предполагаетъ нарушеніе этихъ законовъ.

Итакъ, по этому безотрадному ученію, молитва бесполезна и даже совсѣмъ невозможна. Обязанность человѣка, коль скоро все совершается по неизмѣннымъ законамъ природы и притомъ съ неумолимою необходимостью — преклоняться предъ силою необходимости, предъ тѣмъ, что должно быть, а не молиться. Наивно и безразсудно, — говорятъ, — вообразать, будто можетъ измѣниться теченіе вещей по молитвѣ человѣка.

Вл. Масловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ж И З Н Ь

ПУСТЫННИЦЫ АНАСТАСІИ (СЕМЕНОВНЫ ЛОГАЧЕВОЙ), ВПОСЛѢДСТВІИ МОНАХИНИ АѦАНАСИИ,

И

ВОЗНИКНОВЕНІЕ НА МѢСТѢ ЕЯ ПОДВИГОВЪ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ *).

Познакомившаяся съ Настасьешкой, дѣвица Параскева Иванова Котова жила у нея въ ея землянкахъ по недѣль и болѣе, посѣщала ее и въ Ардатовскомъ монастырѣ. Сія-то Котова передаетъ объ Анастасіи, что она никогда не говорила праздныхъ шутивыхъ словъ; походка ея была скромная, лицо чисто ангельское, всегда на улыбѣ; кушала она одинъ разъ въ день къ вечеру и то весьма мало; пища ея была самая суровая. Правило ея келейное было самое продолжительное съ акаѣистами, молитвою Иисусовою, Пресвятой Богородицѣ, какъ исполняется въ Саровской пустыни. Ляжемъ спать,—разсказывала Параскева,—въ одно время, но проснусь я, а она стоитъ или молится, или читаетъ св. Евангеліе, которое она читала каждодневно, прочитывая по евангелисту. Если оставались на ночлегъ посторонніе, то она удалялась въ малую землянку и тамъ совершала свое правило.

Анастасіи Семеновнѣ думалось, что всѣ ея подвиги малы и незначительны. Она предприняла сорокадневный постъ и неподвижное стояніе на камнѣ, который въ настоящее

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1902 г.

время находится не въ дальнемъ разстояніи отъ Курихи, приблизительно въ $\frac{3}{4}$ версты. О семъ ея подвигъ знала только Анна Кокужева, передавая о немъ д. Кавлей крестьянамъ: Антону Зуеву и Кудей Василю Андрееву. Съ помощію Божіею, она преодолѣла всѣ трудности сего подвига, но за такыя подвиги не оставлялъ ея въ покоѣ исконный врагъ рода человѣческаго, діаволь; онъ злобствовалъ на то, что былъ побѣждаемъ и низлагаемъ простою самоучкою въ подвигахъ благочестія, крестьянскою дѣвицею. Появлялись около ея землянки-кельи лѣсные звѣри со страшнымъ ревомъ, готовые разломать келью и ее пожрать; иногда представлялась вся келлія въ пламени; иногда подходило къ келліи много народа съ намѣреніемъ раскидать ее по бревнушку. Съ помощію Божіею она не поколебалась, не утрапалась и не возмущалась отъ сихъ явленій вражійхъ: исчезали и разсѣвались сіи видѣнія и страхованія отъ крестнаго знаменія съ молитвою Іисусу и Пресвятой Богородицѣ. Было и такое обстоятельство: пришли къ ней цыганки, какъ бы попросить ея совѣтовъ; но подвижница уразумѣла, кто были эти цыганки, такъ какъ онѣ вошли и не положили на себя крестнаго знаменія, и сказала имъ: прежде прочитаемъ молитву Господню.—Мы не знаемъ молитвы,—отвѣтили онѣ. Говорите за мною, и начала читать: Отче нашъ и проч.; какъ договорила до словъ «но избави насъ отъ лукаваго», то эти цыганки съ стремительностію бросились въ дверь, въ коридорчикъ попадали одна на другую и исчезли съ великимъ шумомъ.

Когда Анастасія Семеновна поселилась во второй своей землянкѣ, то ей желательно было имѣть вблизи колодезь, чтобы не сходить подъ гору за водою къ ручью и не восходить на гору къ колодцу у первой землянки. Однажды она вмѣстѣ съ дѣвицею Маріею Гавриловною, монахинею Ардатовскаго женскаго монастыря, которая проживала у нея подолгу, упражняясь вмѣстѣ съ нею въ благочестивыхъ подвигахъ, раздѣляя съ нею труды, и которая впоследствии сама прославилась даромъ совѣта

и прозорливости,—вышли и стали совѣщаться, гдѣ бы покопать, чтобы открыть источникъ воды. По совѣтѣ, Анастасія вошла въ келлію, а Марія Гавриловна ¹⁾ оставалась еще на томъ же мѣстѣ, гдѣ держали совѣтъ. И вотъ видитъ она предъ собою благообразную монахиню въ мантии у одной ели. Монахиня спросила ее: «что вы хотите тутъ дѣлать». Ищемъ родниковой воды. Здѣсь будетъ вода, сказала она, дай мнѣ заступъ. Марія Гавриловна имѣла въ рукахъ тяпку, которую и подала ей. Она, принявши тяпку, начертала ею крестъ на землѣ три раза, потомъ три раза копнула и заструилась вода. Марія засмотрѣлась на воду, а монахиня скрылась. Ей думалось, что къ нимъ зашла какая-либо гостья, входитъ въ келлію и спрашиваетъ: а гдѣ же гостья то? Никакой гостьи не было. Послѣ не малаго времени, проведеннаго Анастасіей Семеновной въ молитвѣ, ей было откровеніе, что въ образѣ монахини являлась Богоматерь. Мѣсто сіе, по смерти монахини Аѳанасіи, было въ забвеніи. около 15 лѣтъ; потомъ племянникомъ ея Павломъ Логачевымъ, Василиемъ Андреевымъ, крестьянами села Кудлей былъ возобновленъ сей колодезь, называемый святымъ (прежній видъ источника не сохраненъ); надъ нимъ устроена сѣнь въ родѣ часовни, весьма приличная, настоящею начальницею, монахиною Людмилою ²⁾. Черплющіе и съ вѣрою пьющіе воду изъ сего колодца получаютъ исцѣленія отъ болѣзней (объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). Елка, около которой стояла Богоматерь, растеть; въ ней помѣщенъ, по преданію Анастасіею, образъ Святителя и Чудотворца Николая, иконописный, ко-

¹⁾ Сія Марія извѣстна была въ Ардатовскомъ ж. монастырѣ подъ именемъ схимницы Маріи Гавриловны; жизнь ея во многихъ отношеніяхъ замѣчательна; изреченія ея и наставленія переходятъ отъ одного къ другому, какъ руководственныя въ жизни при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

²⁾ Объ этомъ явленіи Богоматери Марія сообщала въ монастырѣ Ардатовскомъ; Анастасія—проживавшимъ у нея Илевскимъ дѣвицамъ, вышеупомянутымъ просвириямъ дѣвицамъ, сообщившимъ и мнѣ о семь.

торый отъ времени такъ обветшалъ, что остается въ цѣлости одно лицо его,—заплываетъ въ елкъ со всѣхъ сторонъ отъ ея утолщенія.

Однажды Анастасія Семеновна возвращалась въ ночное время осенью изъ Кудлей. Проходя лѣсомъ отъ деревни Кавлей, она озарена была сверху свѣтомъ и осмотрѣвшись увидала на воздухѣ пятиглавый храмъ, который предшествовалъ ей, и не въ далекомъ разстояніи отъ ея келли-землянки исчезъ,—именно надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ въ настоящее время и на самомъ дѣлѣ стоитъ деревянный пятиглавый храмъ.

Въ другое время по свидѣтельству однихъ въ бодрственномъ состояніи, а—другихъ въ сонномъ было ей такое видѣніе. Она стояла внѣ своей келліи и видитъ: Іоаннъ Креститель и Симеонъ Богопріимецъ несутъ большой деревянный крестъ за среднюю поперечину; за ними слѣдовалъ о. Серафимъ Саровскій. Дошедши до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ храмъ, всѣ они остановились и сказали: <здѣсь долженъ быть храмъ>, а сами стали разсматривать мѣстность и показывать, гдѣ должны быть построены корпуса для жилища монахинь. Сямъ закончилось видѣніе ¹⁾.

¹⁾ О всемъ вышеописанномъ передавали монахини: Людмила, Павла Ард. ж. монастыря, Параскева Котова, а также и родные Анастасіи. Крестьянинъ села Кавлей Елисей Ивановъ Балясовъ передъ своимъ концомъ передалъ Антону Зуеву, что вдова ихъ Дарья, пробираясь по ручью къ Семеновнѣ, увидала медвѣдя, идшаго къ ней, испугалась, закричала,—крикъ услышала Семеновна, вышла и покойно скалала: Мишенька! успокойся, не трогай. И медвѣдь ушелъ на противоположную гору. Когда писалъ я сіи строки,—да проститъ мнѣ читатель за откровенность,—тогда я и самъ, хотя со словъ свидѣтелей писалъ, сомнѣвался въ дѣйствительности разсказа о медвѣдѣ, думалъ: у о. Серафима въ жизни упоминается про медвѣдя, ну и Настасьюшкѣ нужно приклеить. Въ это время медвѣдь подошелъ весьма близко къ скотному и гостинному двору на Курихѣ и сталъ ревѣть. Скотина перепугалась, монашки болѣе того переполошились,—наревѣлся, а по выраженію монашекъ наозоровался, и ушелъ. Это было къ вечеру 6 іюня 1898

Укрѣпившись въ подвигахъ благочестія, всегда ограждаемая страхомъ Божиимъ, Анастасія не только принимала къ себѣ приходящихъ, а иногда и сама навѣщала нѣкоторыхъ боголюбцевъ. Изъ своего затвора она ежегодно отправлялась великимъ постомъ въ Ардатовскій женскій монастырь, гдѣ въ сіе время исповѣдывалась и приобщалась святыхъ Христовыхъ таинъ; иногда тамъ же она проводила и недѣлю свѣтлаго Христова воскресенія. Ее такъ полюбила начальница сего монастыря, мать Серафима, что и сама ее навѣщала въ ея землянкѣ, иногда и со священникомъ о. Іоанномъ Смирновымъ (умершимъ) въ лѣтнее время съ своими пѣвчими, гдѣ совершали богослуженіе, а иногда о. Іоаннъ по исповѣди приобщалъ ее и святыхъ Христовыхъ таинъ. Такъ однажды по словамъ монахини Алевтины, бывшей въ то время пѣвчею въ хору, они изъ деревни Кавлей пришли на Куриху пѣшкомъ ¹⁾, и батюшка съ ними былъ, кельяземлянка не замкнута, хозяйки нѣтъ. Мало повременили, и вотъ идетъ Анастасія изъ лѣсу почти до пояса мокрая съ ягодами. Священникъ ей сказалъ: вотъ я принесъ съ собою святыхъ Христовыхъ таинъ, чтобы тебя приобщить, а ты должно быть не готова къ сему великому таинству. Нѣтъ, батюшка, я приготовилась и готовлюсь, а для васъ гостей нарвала ягодъ. Это было часовъ въ 10 утра. О прибытіи нашемъ она не была предварена. Однажды Анастасія была у игуменіи, матушки Серафимы, послѣдняя спросила ее: какъ ты не боишься жить въ такомъ уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ?—Чего мнѣ бояться?—А звѣрей? А враговъ демоновъ?—Что они мнѣ сдѣлають? Развѣ они сильнѣе Иисуса Христа Господа или Его пречистой Матери? Я объ этомъ нынѣ уже и не думаю.—Такъ въ ней окрѣпла вѣра въ помощь Божію! Между прочимъ одному крестьянину

г. Такое совпаденіе съ моими думами и сомнѣніями меня такъ озадачило, что вѣра сказаніямъ объ Анастасьишкѣ стала тверже, глубже запала въ мое сердце. *Св. А. П.*

¹⁾ Проѣзду на лошадахъ еще не было, нужно было пѣшкомъ идти.

села Кудлей Василию Андрееву, имѣвшему намѣреніе жить по ея подобію въ уединеніи, и спросившему о семъ у ней совѣта, она такъ отвѣтила: «какъ трудно сидѣть покойно нагому въ муравьиной кочкѣ, такъ трудно жить и въ уединеніи». Такъ и оставилъ сей крестьянинъ намѣреніе.

Однажды она прибыла въ Илевскій заводъ, гдѣ уже носился о ней слухъ, какъ о великой подвижницѣ; пришли къ ней три дѣвицы послушать ея бесѣды, а главное намѣреніе ихъ было просить ее о принятіи ихъ къ себѣ въ пустынное сожителство. Хотя сіи дѣвицы: Пелагія, Любовь и Татіана были несовершеннолѣтнія, а Любовь имѣла отъ роду только 14 лѣтъ, но предвидя, что онѣ неуклонно будутъ шествовать по избранному ими иноческому пути, согласилась принять ихъ къ себѣ. Около 24 ноября 1852 года онѣ были у Настасьюшки, и вотъ что онѣ здѣсь нашли: землянка, въ которую изъ-подъ горы былъ входъ самый узкій до коридора ползкомъ; коридоръ темный; дверь входная въ землянку небольшая; въ кельѣ три окна вершковъ по 6 квадратныя, лавки и русская печь. Правило молитвенное дѣвицы совершали также, какъ и въ Саровѣ: въ полночь Анастасія ихъ будила на молитву,—за полунощницу полагали по 200 поклоновъ съ молитвою Иисусовою и по 100 съ молитвою Пресвятой Богородицѣ. Сама же она уединялась еще въ тѣсную, рядомъ стоящую землянку, гдѣ подолгу пребывала въ молитвѣ. Не обязывая новоначальныхъ къ чтенію святаго Евангелія, сама она каждодневно прочитывала по евангелисту. Пища была для нихъ такая: щи, забѣленные сѣмечкомъ конопляннѣмъ, и каша съ нимъ же; сама же Анастасія, или благовидно уклонялась отъ сей пищи или, если и вкушала, то весьма мало. Иногда употребляли въ пищу и толокно. Въ пятницу дозволялось ѣсть только по одному разу въ сутки. Послѣ принятія пищи по ея указанію полагали по 100 земныхъ поклоновъ. Постелью для подвижницы былъ ветхій зипунишко, изголовьемъ служилъ деревянный отрубокъ, закрытый подушкою изъ хлопковъ и платкомъ.

Рукодѣлье ея было пряденіе льна, шерсти и проч. Безъ дѣла она никогда не оставалась.

Посвѣтители съ своими духовными нуждами являлись къ Анастасіи Семеновнѣ часто. Такъ какъ чрезъ это она отвлекаема была отъ молитвы, то она вознамѣрилась устроить отдѣльную для себя землянку, въ 40 саженьяхъ отъ той, въ которой жили, Пелагія, Любовь и Павла. Лѣсъ для сруба, который нужно было запускать въ землю, отшельницы носили на себѣ, а тяжелыя деревья привлекали веревками по землѣ. Во вновь ископанную землянку въ 2 аршина ширины, три арш. длины, Анастасія стала часто уединяться, и свидѣтелемъ ея молитвенныхъ подвиговъ былъ только Богъ. Она съ такимъ сокрушеніемъ и умиленіемъ молилась Богу, что слезы ручьями текли по ея ланитамъ; такъ воспаряла къ Богу на молитвѣ умомъ и сердцемъ, что часто не слышала, когда войдешь къ ней: нужно было громко сказать, чтобы вывести ее изъ молитвеннаго углубленія. Сознавая трудность и тяготу пустынноческой уединенной жизни, дѣвица Пелагія и Татіана (умершая), по совѣту Саровскаго іеромонаха Агаѳодора, переселились въ Ардатовскій Покровскій женскій монастырь, куда послѣдовала за ними потомъ и дѣвица Любовь, проживши съ Анастасією только девять мѣсяцевъ ¹⁾.

¹⁾ Есть преданіе, которое держится во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, что около того мѣста, гдѣ жила и спасалась Анастасія Семеновна въ недалекомъ разстояніи жили неизвѣстные затворники въ такихъ же землянкахъ (3 или 4 лица). Съ однимъ изъ сихъ старцевъ, украшеннымъ сѣдинами, встрѣтилась Марія Гавриловна; видя въ немъ раба Божія, поклонилась ему и сказала: научи насъ, какъ намъ спастись. Живите всегда такъ, какъ теперь живете, и спасетесь, былъ его отвѣтъ. Павелъ Логачевъ, спасшійся отъ нравственной гибели по молитвамъ Семеновны,—позднѣе, когда она была уже въ Томской губерніи,—говорить, что одинъ изъ сихъ затворниковъ, девяностолѣтній скончался въ селеніи Т. Майдана Тамб. губерніи, сказавши предъ самою своею смертію, что онъ спасался около Курихи. Мать Людмила, бывшая Любовь, слышала изъ устъ Семеновны, что она однажды мало помозилась и легла спать,

Желающихъ съ Настасьешкой пожить и поучиться доброй и благочестивой жизни являлось не мало; но обитать въ землянкѣ при суровой пищѣ желавшіе не могли, да и землянка была тѣсна—аршинъ шести квадратныхъ внутри; посему они удалялись отъ нея или въ монастырь какой-либо, или же возвращались въ свои дома. По сей-то причинѣ, чтобы устроить удобное помѣщеніе для желающихъ съ нею пожить, а равно и для проходящихъ, Анастасія вознамѣрилась поставить надъ среднею землянкою домикъ, для чего заготовленъ былъ и лѣсъ. Ей сказали, что въ Удѣльномъ лѣсу строить дома безъ разрѣшенія начальства не возможно. Посему-то по совѣту опытныхъ людей она подала прошеніе по начальству Удѣльнаго вѣдомства объ отводѣ Удѣльной земли для устройства общины. Прошеніе вернули въ мѣстное волостное правленіе, или попрежнему въ «приказъ» съ предписаніемъ: учинить по сему дознаніе какъ о просительницѣ, ея жизни, такъ и о мѣстѣ ея жительства.

Волостной старшина, крестьянинъ деревни Таторшева Алексѣй Емельяновъ, прибывши въ село Кудлеи, откуда происходила Анастасія, на мірской сходкѣ, созванной имъ по сему дѣлу высказалъ такое мнѣніе, что если построится на Курихъ монастырь, то лѣсъ отойдетъ къ монастырю, а съ нимъ и всѣ угодья—луга, пчелиныя пасѣки и проч. Согласно мнѣнію старшины, крестьяне дали такой отзывъ объ Анастасіи, что она не можетъ устроить общины, такъ

и слышитъ стукъ и голосъ: „развѣ такъ пустынницы молятся и спасаются“. Деревни Кавлей крестьянинъ Иванъ Молчатникъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ потомъ поселилась Настасьешка, ночью слышала пѣніе и службу сихъ затворниковъ, какъ бы въ землѣ, которое его своею пріятностію плѣнило и перепугало неожиданностію, такъ что онъ едва, едва выбрался изъ лѣса. О семъ передаетъ той же деревни крестьянинъ Антонъ Зуевъ. Монахини Людмила и Павла и дѣвица Котова утверждаютъ, что Анастасія пользовалась совѣтами сихъ затворниковъ, они укрѣпляли ее въ подвигахъ благочестія и ободряли ее во время искушеній и нападеній отъ діавола и смущеній отъ вражінхъ и плотскихъ помысловъ. *Священникъ Александръ Приклонскій.*

какъ часто бываетъ не въ своемъ умѣ. По такому отзыву крестьянъ, утвержденному приказомъ, послѣдовало распоряженіе выслать съ Курихи Логачеву Анастасію. Волостной старшина, прибывши на Куриху, самъ сталъ раскидывать ея жилище, но она покойно смотрѣла на сіи дѣйствія. Нарвавши луку, она сказала старшинѣ: «Алексѣй Емельяновичъ! ты усталъ, времени уже не мало, иди, я приготовлю позавтракать». — Я не завтракать сюда прибылъ, а тебя отсюда выгнать, былъ его отвѣтъ. — Такъ что же? Закусимъ, да и пойдемъ, — и я съ вами.

По сказанію другихъ, дѣло было такъ: пріѣхалъ управляющій Удѣльною конторою Нижегородской губерніи, которому волостной старшина доложилъ о Курихинскомъ дѣлѣ; по его распоряженію, Анастасія и была удалена съ своего мѣстожителства. Уходя съ Курихи Семеновна заплакала и сказала: «хотя меня отсюда и изгоняютъ, но сіе мѣсто не будетъ забыто Богомъ».

Но, очевидно, оба эти сказанія не противорѣчатъ одно другому: управляющій былъ властью распорядительною, а старшина — исполнительною.

Это происходило въ 1855 году; съ этого-же времени Анастасія была причислена къ Ардатовскому Покровскому ж. монастырю, съ которымъ издавна имѣла сношеніе. Въ книгахъ сего монастыря подъ № 140 за 1859 годъ первый разъ записана она такъ: «солдатская дочь Анастасія Семеновна Логачева». Съ таковою противъ нея отмѣткою: «на испытаніи съ 1855 года». Съ Курихи Анастасія переселилась на свою родину въ село Кудлеи, гдѣ въ построенной недалеко отъ храма кельѣ и проживала нѣкоторое время. Въ подпольѣ своей кельи она вырыла могилу, куда поставила гробъ, въ который и сходила для молитвы съ памятію о смерти, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаясь. А чтобы ее никто не беспокоилъ, прибѣгала къ такому средству: разгласить по селу, что уходитъ на богомолье; затворить окна; извнѣ замкнетъ дверь; такъ и остается въ кельѣ, и живетъ, какъ въ пустынѣ. Въ сіе

время она предприняла молитвенный подвигъ за своего родного брата Павла, въ пьяномъ видѣ удавившагося. Пошла первоначально къ Пелагiи Ивановнѣ блаженной, жившей въ Дивѣевскомъ монастырѣ, посоветоваться, что бы ей сдѣлать для облегченiя загробной участи своего брата, несчастно и нечестиво окончившаго свою земную жизнь. На совѣтъ рѣшено было такъ: затвориться Анастасiи въ своей кельѣ, поститься и молиться за него, ежедневно прочитывать по 150 разъ молитву: Богородице, Дѣво, радуйся... По истеченiи сорока дней, она увидала глубокую пропасть, на днѣ которой лежалъ какъ бы кровавый камень, а на немъ лежали два человѣка съ желѣзными цѣпями на шеѣ и изъ нихъ одинъ былъ ея братъ ¹⁾. Когда она сообщила о семъ видѣнiи блаженной Пелагiи, то послѣдняя посоветовала ей повторить подвигъ. По истеченiи вторично 40 дней, она увидала ту же пропасть, тотъ же камень, на которомъ были тѣ же два лица съ цѣпями на шеѣ, но только ея братъ всталъ, походилъ около камня, опять упалъ на камень, и цѣпь оказалась на шеѣ его. По передачѣ сего видѣнiя Пелагiи Ивановнѣ, послѣдняя совѣтовала въ третiй разъ понести тотъ же подвигъ. Черезъ 40 новыхъ дней Анастасiя увидала ту же пропасть и тотъ же камень, на которомъ находился уже только одинъ неизвѣстный ей человѣкъ, а братъ ея уходилъ отъ камня и скрылся; оставшiйся на камнѣ вслѣдъ говорилъ: «хорошо тебѣ, у тебя есть на землѣ сильные молитвенники». Послѣ сего блаженная Пелагiя сказала: «твой братъ освободился отъ мученiя, но не получилъ блаженства». О семъ передавали ея родной братъ и племянники, какъ о непреложной истинѣ.

Свящ. Александръ Приклонскiй.

(Продолженiе слѣдуетъ).

¹⁾ Этотъ братъ ея Павелъ, какъ кантонистъ, жилъ въ Кудлеяхъ до 8 лѣтъ, гдѣ и писался въ церковныхъ росписяхъ, а потомъ былъ взятъ въ ученье, впоследствии говорятъ былъ при какой-то должности, якобы межевьямъ, но достовѣрно неизвѣстно.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИННОКЕНТІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ и ТАВРИЧЕСКІЙ.*)

ХІІІ.

Весною 1853 года пр. Иннокентій прибылъ въ Одессу изъ Петербурга, куда ѣздилъ для присутствованія въ Св. Синодѣ въ послѣдній разъ.—На политическомъ горизонтѣ видны были черныя грозовыя тучи: отношенія Россіи и Турціи обострились; война становилась неизбежною... Пр. Иннокентій отлично зналъ положеніе дѣлъ на востокѣ отъ грековъ, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, и еще до начала войны чрезъ оберъ-прокурора Св. Синода доводилъ до свѣдѣнія Государя о желаніи одного митрополита грека сдѣлать секретно весьма важныя политическія сообщенія, хотя Государь и отклонилъ такое предложеніе ¹⁾).

Въ томъ же 1853 году былъ объявленъ манифестъ о войнѣ Россіи съ Турціей. Когда же на сторону послѣдней стали западныя державы—Англія, Франція и Сардинія,—и русскій флотъ пересталъ существовать, тогда вся тяжесть войны обрушилась на побережье Чернаго моря, т.-е. на

*) Продолженіе. См. декабрьск. кн. *Душепол. Чтенія* 1901 г.

¹⁾ Письмо оберъ-прокур. Св. Синода, гр. Протасова къ пр. Иннок. напеч. въ *Цер. Вѣд.* 1900 г. № 50.

епархію пр. Иннокентія. Тяжелое время пришлось переживать тогда и Херсонской паствѣ и ея достойному архипастырю!

Въ эту-то тягостную для нашего отечества годину пр. Иннокентій предсталъ русскому обществу во всемъ блескѣ энергической дѣятельности и силы проповѣдническаго слова. «Его геройское, истинно-христіанское мужество и присутствіе духа во время обложенія и бомбардированія Одессы непріятельскимъ флотомъ, скажемъ словами митр. Макарія, его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни...., его путешествіе въ Крымъ...., его священнослуженіе и рѣчи въ самомъ Севастополѣ среди громовъ войны, — все это озарило имя Иннокентія новою блистательною славою,—славою высокаго патріота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству или вмѣстѣ съ нею собственную душу»¹).

Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій пр. Иннокентій объѣхалъ весь Крымъ и представилъ оберъ-прокурору Св. Синода гр. Протасову «дневникъ» этой «любопытной и опасной» поѣздки, какъ называетъ ее оберъ-прокуроръ въ своемъ письмѣ²).

Предвидя появленіе грознаго непріятельскаго флота предъ своимъ каедральнымъ городомъ, Иннокентій сталъ заблаговременно готовиться къ встрѣчѣ враговъ. 4 апрѣля 1854 года онъ чрезъ благочинныхъ распорядился, чтобы градское духовенство собралось къ нему вечеромъ на другой день, такъ какъ онъ считаетъ необходимымъ побесѣдовать съ нимъ и дать ему нѣкоторыя наставленія «въ виду тревожныхъ, грядущихъ дней». Это распоряженіе архипастыря по духовному вѣдомству. Но пр. Иннокентій указывалъ и мѣры обороны города; такъ, онъ считалъ необходимымъ сооруженіе нѣсколькихъ батарей около одного изъ пред-

¹) Вѣнокъ на могилу пр. Иннок. Погодина. 34 стр.

²) *Христ. Чтен.* 1884 г. I, 515.

мѣстій города, извѣстнаго подъ именемъ «Пересыпь» и прилегавшаго къ взморью. Но командующій войсками находилъ это излишнимъ и не послушалъ совѣта Иннокентія. Но послѣдствія показали, что предположенія архипастыря были совершенно основательны.

8 апрѣля непріятельскій флотъ явился въ виду Одессы и городъ оказался «въ полной блокадѣ». «Обстоятельства чрезвычайныя и нерадостныя; но я не знаю почему, что-то въ нихъ нѣтъ дѣйствительно страшнаго»,—пишетъ Иннокентій. «Вотъ мы (я первый) спокойно работаемъ въ саду, между тѣмъ какъ англичане въ зрительныя трубы смотрятъ на насъ съ пароходовъ»¹⁾.

8 апрѣля 1854 г. было въ великій четвергъ. Пр. Иннокентій совершалъ литургію въ каедральномъ соборѣ. Молившійся народъ въ виду грозившей опасности находился въ невольномъ смущеніи. Архипастырь явился къ нему съ словомъ утѣшенія, которое онъ началъ словами Спасителя: «да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ!» (Іоан. 14, 1; 16, 33).

На другой день—9 апрѣля—въ великую пятницу, когда непріятель тѣснѣе обложилъ Одессу, Иннокентій снова выступаетъ предъ гражданами съ словомъ утѣшенія. Въ этой проповѣди предъ плащаницею онъ указалъ, что враги воюють съ нами изъ-за того, что мы просили свободы вѣры и совѣсти для своихъ собратій по вѣрѣ, жившихъ подъ игомъ магометанъ,—изъ-за того, что желали спасти Крестъ Христовъ и Евангеліе отъ совершеннаго уничиженія предъ кораномъ. Указавъ на неосновательность помощи магометанамъ со стороны христіанъ, Иннокентій восклицаетъ: «Увы, сладчайшій Іисусе! много слышалъ Ты хуленій со креста Твоего; надлежало, наконецъ, услышать Тебѣ и эту ужасную хулу, услышать уже не со креста,

¹⁾ Письмо къ одному петер. другу. Напечат. въ *Христ. Чтен.* 1881 г. I, 802.

а со престола славы Твоя на небеси, услышать не отъ враговъ, а отъ собственныхъ послѣдователей Твоихъ!.. Итакъ, Ты не совершилъ дѣла спасенія нашего, якоже подобало! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего Креста и Евангелія: для сего въ помощь Тебѣ потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!..»

10 апрѣля въ великую субботу непріятельскій флотъ началъ бомбардировку Одессы. Съ ранняго утра надъ Одессой раздались первые раскаты вражескихъ бомбъ, дрогнула земля, затряслись стѣны домовъ, и солнце скрылось въ тучахъ порохового дыма. Удары соборнаго колокола призывали молящихся въ храмъ. «Когда я пришелъ въ церковь, рассказываетъ очевидецъ, то глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина. Пр. Иннокентій, смиренный и покойный, стоитъ на амвонѣ посреди церкви въ полномъ облаченіи, готовый приступить къ священнодѣйствію. Коль скоро онъ прослѣдовалъ въ алтарь, въ ту минуту раздается трескъ отъ лопнувшей вблизи непріятельской бомбы; осколокъ попадаетъ въ куполь собора; все потрясается; стекла сыплются изъ верхнихъ оконъ, и масса людская какъ-то заколебалась. Пресвященный выходитъ изъ царскихъ вратъ со свѣтильниками и благословляетъ всѣхъ. Лицо этого великаго витія представляло въ тотъ моментъ поистинѣ апостольскій видъ: никакого смущенія или возбужденія; одна лишь скорбь просвѣчивалась на немъ»¹⁾. Служившіе вмѣстѣ съ пр. Иннокентіемъ передавали, что онъ въ моментъ разрыва бомбы поблѣднѣлъ, какъ полотно, но въ то же время до того владѣлъ собою, что взялъ свѣщники, вышелъ съ ними, благословилъ небольшую группу предстоявшихъ и произнесъ свое успокоительное слово. Въ немъ архипастырь утѣшалъ своихъ слушателей, восхвалялъ ихъ за то, что они не рѣшились оставить гроба Спасителя даже и въ такія минуты, когда смерть носилась надъ ихъ собственными головами, и высказалъ увѣренность

¹⁾ Странн. 1888 г. I, 285.

въ скорое окончаніе осады Одессы. «За великою субботою, утѣшалъ пр. Иннокентій, всегда слѣдуетъ свѣтлый день воскресенія: не замедлить и за настоящею, сугубо-великою для насъ, субботою послѣдовать сугубо-великое воскресеніе, т.-е. вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золь»...

Не съ меньшимъ, если еще не съ большимъ мужествомъ и твердостію духа, чѣмъ въ соборѣ, пр. Иннокентій встрѣтилъ опасности отъ враговъ въ своемъ домѣ. Онъ, какъ самъ рассказываетъ, нѣсколько часовъ сидѣлъ у окна своей комнаты и слѣдилъ за движеніями непріятельскихъ пароходовъ, хотя изъ за любопытства могъ поплатиться жизнью. «Мой домъ былъ первый подъ выстрѣлами», писалъ Иннокентій Палаузову... «Мнѣ не захотѣлось оставить дома въ такія минуты, и я видѣлъ все сраженіе, какъ на ладони». «Несмотря на то, что мы первые были подъ выстрѣлами, писалъ онъ пр. Макарію, любопытство превосходило страхъ, и мы большую часть дня провели въ смотрѣніи на эту ужасную картину... Къ вечеру уже орудія непріятельскія прямо были наведены на городъ, т.-е. на насъ. Тутъ мы прочь отъ оконъ»... «Какъ-то Господь не далъ мнѣ страху, и мы спокойно служили во всѣ эти дни, хотя все тряслось отъ выстрѣловъ»¹⁾.

11 апрѣля, въ день св. Пасхи, непріятель прекратилъ огонь. Это дало пр. Иннокентію поводъ произнести приличныя случаю проповѣди и на литургіи и на вечерни. 14 апрѣля непріятельскій флотъ и совсѣмъ оставилъ Одессу и направился къ Севастополю. Это было побужденіемъ для гражданъ совершить благодарственное молебствіе, на которомъ пр. Иннокентій снова произнесъ слово по поводу такого радостнаго для города событія, какъ прекращеніе бомбардированія. 18 апрѣля такое же молебствіе было совершено архипастыремъ и на площади.

¹⁾ Письма къ Палаузову въ *Русск. Стар.* 1883 г. III, 193 стр. Письма къ Макарію въ *Церк. Вѣст.* 1883 г. № 26.

Такъ какъ послѣ 14 апрѣля опасность для Одессы до времени миновала, и непріятельскія силы сосредоточились въ южныхъ предѣлахъ Херсонской епархіи, то Иннокентій обратилъ свой взоръ сюда. Послѣ неудачнаго для русскихъ Альмскаго сраженія, наши войска начали отступленіе; для непріятели былъ открытъ путь къ Симферополю и Севастополю... Русскихъ объяла паника; многіе изъ жителей этихъ городовъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Крымскіе татары злорадствовали, узнавъ о пораженіи русскихъ, нарядились по праздничному и поджидали своихъ мнимыхъ избавителей. Въ это-то время упадка духа у русскихъ, унынія среди православныхъ, Иннокентій явился въ Крымъ. 13 сентября совершенно неожиданно, одинъ, безъ свиты, прибылъ онъ въ Симферополь и, къ своему огорченію, повсюду находить малодушіе и уныніе. 14 сент. Иннокентій совершаетъ въ Александро-Невскомъ соборѣ покаянное молебствіе и произноситъ слово на текстъ: «миръ вамъ». «Сіи самыя слова любви и успокоенія, говорилъ архипастырь, мы дерзаемъ обратитъ нынѣ къ вамъ, жители богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну нашу иноплемениковъ: миръ вамъ!» Обличивъ далѣе малодушіе русскихъ, коснувшись измѣнническаго поведенія татаръ, ораторъ утѣшаетъ слушателей указаніемъ на благопріятный поворотъ обстоятельствъ и увѣряетъ ихъ въ безопасности. «Никогда нехорошо и неблагоразумно предаваться воображенію опасностей, говорилъ пр. Иннокентій, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные и нелегковѣрные люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ; то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны

нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ» и т. д. «Вмѣсто безотраднaго и бесплоднаго смущенія» пр. Иннокентій совѣтуетъ гражданамъ «оказать усердіе» войскамъ, которыя «спѣшатъ на защиту» ихъ, и обратиться «къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій». — Эта проповѣдь, какъ говорятъ, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, и они, понявъ свое малодушіе, «отъ стыда краснѣли и плакали».

На другой день пр. Иннокентій обратился къ жителямъ Симферополя съ новымъ словомъ, также на текстъ: «миръ вамъ», которое онъ началъ такъ: «не опечалилъ ли я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленные? — По той же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горькое»... Желая возбудить мужество жителей Симферополя, архипастырь говорилъ: «не надобно забывать, что на васъ смотрять отсюда, о васъ говорятъ вездѣ, что всѣ истинные сыны отечества, самъ благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ не малодушія, даже не одного обыкновеннаго мужества и присутствія духа, а какого-либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія»... 16 сент. пр. Иннокентій долженъ былъ разстаться съ Симферополемъ, «дабы посѣтить и другіе грады и мѣста полуострова» и направилъ свой путь въ Карасубазаръ и Феодосію, имѣя конечную цѣлю своего путешествія—посѣщеніе Севастополя. Въ Карасубазарѣ, какъ самъ онъ говорилъ въ своей проповѣди 17 сент., его «не ожидали и не думали, чтобы онъ могъ явиться среди ихъ въ настоящее время». Здѣсь Иннокентій совершилъ покаянное молебствіе и убѣждалъ жителей отложить страхъ и смущеніе, успокоиться духомъ, въ увѣренности, что «Господь не оставитъ своимъ заступленіемъ вѣрную Ему Россію». Прибывъ въ Феодосію, пр. Иннокентій «былъ пораженъ пустыннымъ видомъ» города: «казалось, что въ немъ нѣтъ уже никого изъ жителей, и всѣ оставили его, кромѣ малаго

числа стражи военной». «Тѣмъ отраднѣе для меня, говорилъ архипастырь при совершеніи покаяннаго молебствія, видѣть теперь весь этотъ храмъ наполненный молящимися». И началъ говорить въ утѣшеніе жителей, въ «подкрѣпленіе вѣры и ободреніе на молитву».

Но побывать въ Севастополѣ на этотъ разъ пр. Иннокентію не удалось, «потому что всѣ пути были уже пресѣчены врагами», какъ говорилъ самъ архипастырь и «долго странствовалъ вокругъ города по разнымъ мѣстамъ, оставилъ полуостровъ Крымскій и возвратился въ Одессу».

1855-й годъ принесъ мало утѣшительнаго для нашего отечества. Въ февралѣ этого года былъ объявленъ Высочайшій манифестъ о государственномъ вооруженіи, — ясный знакъ нашихъ военныхъ неудачъ и нашей малоподготовленности къ отраженію враговъ. По прочтеніи этого манифеста въ недѣлю Православія, 13 февраля 1855 года, Иннокентій произнесъ въ Одесскомъ соборѣ слово, въ которомъ выражаетъ увѣренность, что Россія не уступитъ малодушно побѣду надъ собою и правымъ дѣломъ своимъ и не отречется изъ страха предъ врагами отъ своего великаго и святого назначенія. 18 февраля наше отечество постигло великое горе: скончался Государь Императоръ Николай Павловичъ, къ которому пр. Иннокентій относился съ благоговѣніемъ. «Исторія не представляетъ, говорилъ знаменитый архипастырь, такого вѣнценосца, который могъ бы рядомъ стать съ нашимъ государемъ по великодушію, по крѣпости царскаго слова, по рыцарской чести. Въ этомъ отношеніи онъ исполнилъ среди царей земныхъ всего міра и всѣхъ временъ» ¹⁾, «которому Наполеоны и Викторіи годятся развѣ только въ свиту» ²⁾. Понесенная Россією утрата была тѣмъ чувствительнѣе, что смерть Государя послѣдовала въ самое критическое

1) *Стран.* 1888 г. I, 489 стр. „Мои воспомин. объ Иннокентіи“. И. У. Палимпсестова.

2) Письмо Иннок. къ неизвѣст. другу. *Христ. Читен.* 1881 г. I, 802.

время, которое переживало тогда наше отечество. Въ Одессѣ извѣстіе о кончивъ Императора было получено на четвертой недѣлѣ великаго поста. Въ четырехдесятницу этого года пр. Иннокентій задумалъ предложить своимъ слушателямъ цѣлый рядъ бесѣдъ о смерти. Это совпаденіе между темою для проповѣдей и кончиною Государя изумило и самого оратора іерарха.

Между тѣмъ военныя дѣйствія въ Крыму продолжались. Но не были спокойны и жители Одессы: всѣ они были убѣждены, что «заморскіе гости» еще разъ подступятъ къ ихъ городу, и желали встрѣтить врага въ большей готовности, чѣмъ въ первый разъ. Въ этихъ видахъ были усилены и исправлены нѣкоторыя прибрежныя укрѣпленія, а нѣкоторыя возведены вновь.

При освященіи новыхъ одесскихъ батарей 14 мая 1855 года пр. Иннокентій произнесъ знаменитую рѣчь. «Мечу Божій, говорилъ между прочимъ ораторъ, доколѣ будиши сѣщи и не видиши почити въ ножны твоя?.. Увы, бѣдныи родъ человѣческій, какъ немного уразумѣлъ ты, въ продолженіе цѣлыхъ седми тысячъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію! Увы, святая вѣра христіанская, такой ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ прочими народами!»

И далѣе Иннокентій указываетъ на то, что народы запада, называясь христіанами, проливаютъ свою кровь за непримиримыхъ враговъ христіанства, чтобы продлить ихъ тиранское владычество надъ христіанами. «Господи и Владыко царствъ и народовъ, въ заключеніе обращается архипастырь къ Богу, аще посланный Тобою ангель истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ, предназначенныхъ къ истребленію: то да снидегъ сила Твоя и на сіи орудія смерти и на тѣхъ, коиимъ предлежитъ дѣйствовать ими!.. А если въ безднахъ премудрости и милосердія Тво-

его обрѣтается какое-либо средство ускорить концемъ брани и пришествіемъ вождѣннаго мира: то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сіи страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ человѣчеству, они умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!..»

Во второй половинѣ мая 1855 г. пр. Иннокентій отправился въ Крымъ, чтобы утѣшить жителей и укрѣпить духъ войскъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ посѣтить «много-страдальный» Севастополь, который «сдѣлался истинною купиною—горить непрестанно и не сгараетъ»¹⁾. «Сколько разъ, говорилъ пр. Иннокентій въ своемъ словѣ, произнесенномъ въ Севастополь 25 іюня 1855 года, покушались мы оставить свое мѣстопробываніе и всѣ дѣла и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе и раздѣлить съ вами ваши чувства и ваши опасности! Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось!». Объ этомъ пріѣздѣ пр. Иннокентія въ Севастополь одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей передаетъ такъ: «я встрѣтилъ его въ Куринной балкѣ... Мнѣ указали, что въ каретѣ, которая стоитъ, пріѣхалъ архіерей; я подошелъ и увидѣлъ въ ней Иннокентія. Не выдавши его почти пять лѣтъ, я нашелъ его очень постарѣлымъ. Я подошелъ къ нему во время: лицъ, которыя должны бы его встрѣтить и принять, по крайней мѣрѣ, позаботиться о ночлегѣ, тутъ не случилось... Мы направились въ сѣверное укрѣпленіе, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться.. Въ сѣверномъ укрѣпленіи онъ остановился въ пустой солдатской палаткѣ и сейчасъ же нашли знакомые ему: тутъ встрѣтился съ нимъ генералъ Тетеревниковъ... Иннокентій говорилъ, что пріѣхалъ посмотреть Севастополь и пройти по траншеямъ; но генералъ ему не совѣтовалъ... Каждый изъ знавшихъ Иннокентія знаетъ, что онъ не

¹⁾ Письм. Иннок. къ Макар. *Церк. Вѣст.* 1833 г. № 26.

боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить или—и болѣе того»¹⁾...

Что пр. Иннокентій дѣйствительно не боялся смерти,—это онъ блистательно доказалъ своею поѣздкою къ графу Сакену. Поѣздка была совершена на катеръ съ сѣверной стороны Севастополя на южную подъ выстрѣлами неприятелей изъ Херсонеса и съ явною опасностію для жизни. «Съ благоговѣніемъ, но безъ страха взошелъ онъ (пр. Иннокентій) на катеръ, благословилъ гребцовъ», рассказываетъ свидѣтель-очевидецъ, сопровождавшій архипастыря. «Мы были уже на серединѣ бухты, какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть, какъ на него подѣйствуетъ и—грѣшенъ,—признаюсь, хотѣлъ, чтобы бомба упала поближе, — она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ... Вотъ идетъ другая и упала впереди насъ,—дѣйствіе то же»... Катеръ благополучно присталъ къ графской (Екатерининской) пристани. Пробывъ у гр. Сакена недѣлю, пр. Иннокентій уже безъ всякихъ приключеній возвратился обратно.

Во время пребыванія своего въ Севастополь, «несмотря на неумолкающіе удары громовые», пр. Иннокентій безбоязненно отправлялъ священнослуженія—литургіи, молебствія, водосвятія; напр., въ соборѣ онъ совершалъ литургію и послѣ нея на площади молебенъ съ водосвятиемъ во время пальбы неприятелей, причемъ нѣсколько бомбъ упало возлѣ собора, и страшный взрывъ закончилъ церковную церемонію.

Свои священнослуженія пр. Иннокентій сопровождалъ назидательнымъ и краснорѣчивымъ архипастырскимъ словомъ, убѣждая войска быть мужественными до конца и неослабно отражать враговъ. «Продолжайте неослабно великое и священное служеніе вашей церкви и отечеству!» говорилъ между прочимъ архипастырь. «Довершайте то»

¹⁾ Вѣнокъ на могилу Иннок. 124 стр.

что начато вами такъ безпримѣрно! Помните, что за вами— Россія, предъ вами—потомство, надъ вами—Богъ и Его всесвятый промысль!»

Въ іюль пр. Иннокентій возвратился изъ Крыма въ Одессу и здѣсь такъ передавалъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ Севастополь: «Мы посѣтили нашъ многострадальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на кушину, горящую и не-сгорающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, синайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ... Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе! Это не городъ, а пространная печь вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ... Представьте дванадцать—нынѣшнихъ—поприць земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга простертыхъ отъ одного до другого края залива морского; вообразите, что это протяженіе земли сдѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и ночь извергаетъ изъ себя огонь, жупель и смерть. И подъ этимъ огненнымъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!..»¹⁾ И подъ этимъ же «огненнымъ вѣнцемъ» находился и самъ неустрашимый архипастырь, не только исполняя обязанности своего сана, но даже дѣлая стратегическія замѣчанія, такъ что «мы не имѣемъ права не поставить безсмертнаго нашего витію въ ряду безсмертныхъ и по силѣ и по крѣпости духа»²⁾.

Въ самыхъ первыхъ числахъ сентября 1855 года въ Одессѣ было получено новое печальное извѣстіе: южная часть Севастополя оставлена нашими войсками и занята непріателемъ (27 авг.). Въ Россіи и особенно въ Херсонской паствѣ распространилось уныніе. И вотъ пр. Иннокентій является предъ своими слушателями съ словомъ ободренія и утѣшенія. 4 сент. онъ произнесъ въ Одесскомъ

†

¹⁾ Изъ слова, произнес. въ одесской Успенской единов. церкви 17 іюля 1855 г.

²⁾ *Стран.* 1888 г. I, 286 стр.

соборъ «слово по случаю унынїа и смущенїа народныхъ мыслей объ оставленїи нами южной части Севастополя», въ которомъ старается разсѣять мрачныя мысли слушателей, указывая, что взятїе Севастополя не было неожиданностію и представляя это событіе не слишкомъ большимъ приобрѣтенїемъ для враговъ.

Вскорѣ послѣ взятїа Севастополя, именно 26 сентября, непріятельскій флотъ явился предъ Одессою, какъ и ожидали граждане города, и до 3 октября стоялъ здѣсь, угрожая всѣми ужасами войны. Все это время пр. Иннокентій не переставалъ совершать покаянныя молебствїа и произносить свои одушевленные проповѣди. 3-го октября непріятель покинулъ Одессу, не причинивъ ей никакого вреда, и архипастыръ немедленно совершилъ въ соборѣ благодарственное молебствїе съ произношенїемъ приличнаго обстоятельствомъ слова.—Взятїемъ Севастополя союзниками собственно и заканчивается Крымская война. Но сказаннымъ не ограничилась энергическая дѣятельность пр. Иннокентїа во время военныхъ дѣйствїй. Особеннымъ предметомъ его пастырской заботливости были госпитали, духовенство въ нихъ, сестры милосердіа, чрезъ которыхъ раненыя снабжались нерѣдко предметами продовольствїа, собранными Иннокентїемъ, духовными книгами и иконами. О госпиталяхъ, о религіозномъ утѣшенїи раненыхъ и т. д. Иннокентій вель непрерывную переписку съ граф. Остенъ-Сакеномъ и другими ¹⁾.

Во время путешествїй по Крыму архипастыръ самъ посѣщалъ лазареты, гдѣ свирѣпствовалъ заразительный тифъ и гдѣ можно было видѣть всѣ страданїа, порождаемыя войною, и здѣсь являлся ангеломъ-утѣшителемъ страждущихъ, не боясь заразы и не отвращаясь отъ картинъ, способныхъ потрясти сердце человѣческое до самой глубины его ²⁾.

¹⁾ См. *Христ. Чтен.* 1884 г. I, 514—515 стр.

²⁾ См. *Стран.* 1888 г. I, 287 стр.

Не говоримъ уже о томъ, что Иннокентій съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ военныхъ операцій, что онъ превосходно зналъ интимную исторію Крымской эпопеи, всѣ злоупотребленія, ошибки дѣйствующихъ лицъ съ русской стороны и т. д. Вся эта кипучая, энергическая и плодотворная дѣятельность пр. Иннокентія въ Крымскую войну снискала ему горячую любовь паствы и русскаго войска, изумленіе русскаго общества къ его мужеству, увеличила славу его, какъ проповѣдника, и окружила его имя новою славою, какъ горячаго патріота и истиннаго пастыря душъ. Его проповѣди быстро распространились по всей Россіи, всюду читались съ воодушевленіемъ и патріотическимъ возбужденіемъ. Оцѣнило дѣятельность пр. Иннокентія въ Крымскую войну и наше правительство—и гражданское и духовное.

23 іюня 1854 года «въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ доблестному служенію Церкви и отечеству, оказанному во время бомбардированія непріателемъ г. Одессы 10 апрѣля 1854 года» пр. Иннокентію былъ пожалованъ алмазный крестъ для ношенія на клобукъ. 10 декабря того же года Св. Синодомъ изъявлена ему признательность «за пастырскую заботливость о воинахъ, пролившихъ кровь за Вѣру, Царя и Отечество въ Крыму». 30 апрѣля 1855 года Иннокентій получилъ благодарственный рескриптъ отъ Вел. Княгини Елены Павловны «за особенное пастырское участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія». 15 іюля того же года чрезъ военнаго министра Иннокентій получилъ Высочайшую благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріателемъ».

1856 годъ принесъ вождельнный для нашего отечества миръ, въ которомъ особенно нуждалась Херсоно-Таврическая епархія, опустошенная непріателемъ и пережившая всѣ ужасы войны. 8 апрѣля этого года пр. Иннокентій отслужилъ благодарственное молебствіе по случаю заклю-

ченія мира между Россією и Турцією съ ея союзниками и произнесъ приличное случаю слово.

Окончилось страшное время военныхъ дѣйствій, и для пр. Иннокентія настало время новыхъ хлопотъ по приведенію въ порядокъ и устроенію того, что было разрушено войной. Опустошенныя святыни края, разоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища павшихъ войновъ и другія епархіальныя дѣла потребовали усиленныхъ заботъ архипастыря. Онъ снова отправился въ путешествіе по епархіи, особенно въ Крымъ, чтобы лично осмотрѣть, гдѣ, что и какъ нужно устроить. Началась работа по возобновленію церквей, поврежденныхъ непріателемъ, по устроенію часовенъ на мѣстахъ знаменитыхъ битвъ, по приведенію въ порядокъ и устроенію кладбищъ и проч. Къ сожалѣнію, пр. Иннокентію пришлось положить только начало этому исправленію, но не суждено было довести дѣло до конца: дни замѣчательнаго витія и архипастыря были уже сочтены...

Въ концѣ своего земного поприща пр. Иннокентій былъ приглашенъ къ участию во всероссійскомъ торжествѣ священнаго коронованія Государя Императора Александра Николаевича, совершенномъ 26 августа 1856 года. Узнавъ о вызовѣ Иннокентія въ Москву, митр. Филаретъ любезно предлагалъ ему для мѣстопробыванія «настоятельскія келліи въ Симоновѣ или въ Златоустовѣ монастырѣ» ¹⁾. Пр. Иннокентій, конечно, отправился въ Москву на торжество коронаціи, но на пути сюда и въ дни коронаціонныхъ празднествъ чувствовалъ себя очень дурно и часто высказывалъ мысль, что больше ему не бывать въ русской столицѣ.

Въ день коронаціи—26 августа—пр. Иннокентій получилъ и послѣднюю свою награду: «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ христіан-

¹⁾ Письма м. Филар. къ Иннок. въ *Христ. Чтен.* 1884 г. I (стр. 219).

скимъ добродѣтелямъ, а въ минувшіе два года увѣнчанные .
достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и
укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани, онъ
Всеилостивѣйше былъ возведенъ въ званіе члена Святѣй-
шаго Синода. Ровно черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого (26
мая) незабвеннаго и «несравненнаго» Иннокентія не стало...

Н. Левитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МУЖИ ДОЛГА.*)

Страница изъ исторіи старой духовной школы.

Особенностию учебнаго строя старой семинарской школы было производство экзаменовъ полугодичныхъ и публичныхъ. Производство экзаменовъ дважды въ годъ—въ декабрѣ предъ праздникомъ Рождества Христова и въ іюнѣ предъ лѣтними каникулами весьма облегчало для учениковъ сдачу экзаменовъ. На полугодичныхъ экзаменахъ требовалось отъ учениковъ знаніе полугодичнаго курса и поэтому для нихъ экзамены не были такимъ тяжкимъ бременемъ, какимъ является производство годичныхъ экзаменовъ, когда отъ ученика требуется знаніе всего пройденнаго въ теченіе учебнаго года научнаго курса. Только по нѣкоторымъ изъ главныхъ предметовъ по окончаніи двухгодичнаго курса на экзаменѣ спрашивали изъ всего пройденнаго курса. Но въ прежнее время на экзаменахъ испытывали учениковъ въ знаніи ими главнаго и существеннаго въ наукѣ, и оцѣнка успѣховъ учениковъ послѣ экзаменовъ производилась на основаніи не устныхъ только отвѣтовъ, но преимущественно на основаніи сочиненій, писанныхъ во время экзаменовъ. Писаніе сочиненій во время экзаменовъ, или такъ называемыхъ экспромптовъ требовало отъ учениковъ особеннаго умственнаго напряженія и внимательности. Хорошо написанное экзаменное сочиненіе замѣняло не вполнѣ удачные отвѣты ученика на экзаменѣ.

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол.* Чт. 1902 г.

Неудачно написанное сочиненіе значительно понижало ученика въ разрядномъ спискѣ, хотя бы устные отвѣты его были удовлетворительны. Въ каждомъ классѣ во время экзаменовъ ученики писали два сочиненія: одно на латинскомъ языкѣ, другое на русскомъ. Темы для экзаменныхъ сочиненій давались общаго, отвлеченнаго характера, которыя требовали отъ ученика не столько знаній, сколько вообще способности къ отвлеченной умственной работѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1852 году ученикамъ высшаго отдѣленія во время экзаменовъ была дана такая тема для сочиненія на латинскомъ языкѣ: *Sine Spirito Sancto non potest veritas cognosci* (Безъ Св. Духа нельзя познать истину). Ученики средняго отдѣленія писали сочиненіе на тему: *Какой умъ достигаетъ христіанинъ чрезъ образованіе ума своего, когда дверь спасенія отверста равно для ученаго и невѣжды?* Какое важное значеніе въ прежнее время придавали экзаменнымъ сочиненіямъ, какъ средству испытанія успѣховъ учениковъ, можно судить по слѣдующему случаю, бывшему въ Виѣанской семинаріи въ 1848 году. Въ году ученикамъ средняго отдѣленія была дана тема: *Понятія или сужденія прежде развиваются въ нашемъ умѣ?* Ученики писали, что развиваются въ умѣ прежде понятія, а потомъ сужденія. Такой отвѣтъ былъ признанъ неправильнымъ, и сочиненія, написанныя учениками, неудовлетворительными и они должны были написать третье сочиненіе на новую тему.

Въ старой школѣ и на экзаменахъ строго выдерживался общій характеръ прежняго образованія. При отвѣтѣ ученика на экзаменѣ обращалось вниманіе не столько на то, твердо ли ученикъ выучилъ учебное руководство, можетъ ли онъ дать отвѣтъ на разные вопросы программы, сколько на ясность и логичность его отвѣта, на то, можетъ ли онъ свободно и умѣло высказать свои познанія. Случалось, что способные, но не отличавшіеся особеннымъ прилежаніемъ ученики выходили отвѣчать на экзаменѣ безъ приготовленія и, стоя на срединѣ предъ экзаменаторами,

составляли отвѣтъ на доставшійся билетъ. И такіе отвѣты экспромптомъ, по школьному выраженію «отъ своего чрева», хотя отступали отъ учебника и вопросовъ программы, признавались удовлетворительными, если обнаруживали логичность и производительность мысли ученика. По воспоминаніямъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ Виѣанской семинаріи ¹⁾, въ его время ректоръ Филоеей на экзаменахъ по словесности первыхъ учениковъ по списку не спрашивалъ отвѣчать по билетамъ, а давалъ имъ обдумать какую-либо мысль или рѣшить какой-либо вопросъ. По окончаніи экзамена ученики выходили отвѣчать на обдуманную ими тему.

Въ прежнее время на экзаменахъ спрашивали всѣхъ учениковъ только по предметамъ главнымъ, а по второстепеннымъ спрашивали не всѣхъ учениковъ. Обычно въ одно засѣданіе производился экзаменъ по нѣсколькимъ второстепеннымъ предметамъ, и нѣкоторыхъ учениковъ спрашивали по одному предмету, другихъ по другому. Производство экзаменовъ по предметамъ второстепеннымъ обращалось въ простую формальность, но исполненіе этой формальности было полезно въ томъ отношеніи, что побуждало учениковъ предъ экзаменомъ просмотрѣть и почитать учебныя руководства, въ которыя въ продолженіе учебнаго года они мало заглядывали, а нѣкоторые и совсѣмъ не заглядывали.

Хотя производство экзаменовъ по многимъ предметамъ обращалось въ простую формальность, но экзамены въ старой школѣ считались *существенною и необходимою* принадлежностію учебнаго школьнаго строя. Старая школа за экзаменами признавала значеніе весьма важной педагогической мѣры. Экзамены, по педагогическимъ воззрѣніямъ прежняго времени, способствовали развитію въ ученикѣ самостоятельности, приучая его самостоятельно при-

¹⁾ Заслуженнаго профессора Московскоі д. Академіи Д. О. Голубинскаго.

обрѣтать, объединять и упорядочивать пріобрѣтенныя въ продолженіи учебнаго времени познанія ¹⁾).

Для учениковъ, годовые успѣхи которыхъ были неудовлетворительны, экзамены были временемъ, когда они могли, при усердномъ приготовленіи, исправить свои недостатки въ учебномъ отношеніи. Нерѣдко случалось, что ученики, заявившіе себя въ теченіе учебнаго года нерадивымъ исполненіемъ своихъ учебныхъ обязанностей, во время экзаменовъ брали себя въ руки, дни и ночи про-сидивали за приготовленіемъ къ экзамену и сдавали ихъ удовлетворительно. И старая школа цѣнила проявленіе твердой воли и способности къ умственному труду въ ученикахъ неуравновѣшаннаго характера, и трудолюбіемъ, заявленнымъ во время экзаменовъ, покрывала недостатки его въ учебное время. Лучшіе ученики, отъ которыхъ не требовали приготовленія классныхъ уроковъ, должны были на экзаменахъ оправдать хорошее мнѣніе о себѣ своихъ наставниковъ, показать себя дѣйствительно лучшими. Хотя хорошіе ученики знали, что и неудачный отвѣтъ не будетъ имѣть какихъ-либо неблагоприятныхъ для нихъ послѣдствій, но боялись неудовлетворительнымъ отвѣтомъ на экзаменѣ посрамить себя въ глазахъ своихъ сотоварищей и наставниковъ и поэтому старательно готовились къ экзаменамъ. Время экзаменовъ налагало на лучшихъ учениковъ особыя нравственные обязанности, и чрезъ это воспитывалось въ нихъ чувство нравственной отвѣтственности, своего нравственного долга. Многіе изъ учениковъ имѣли обычай предъ экзаменами ходить въ лавру и у

¹⁾ Въ настоящее время все болѣе утверждается взглядъ на экзамены, какъ на бесполезную и даже вредную для учениковъ мѣру. Но взглядъ старой школы на экзамены раздѣляется людьми серьезнаго научнаго образованія. Объ образовательномъ значеніи экзаменовъ для учащихся глубоко вѣрное замѣчаніе высказано въ книгѣ: *Ученье и Учитель*. „Когда ученикъ готовится къ экзамену, въ умѣ у него происходитъ художественная работа—какъ собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будетъ высказать на экзаменѣ“.

мощей преподобнаго Сергія искать себѣ благодатной помощи предъ предстоящимъ испытаніемъ.

Для наставника, хорошо знавшаго своихъ учениковъ, экзамены служили средствомъ провѣрить свои свѣдѣнія объ ученикахъ новымъ опытомъ ихъ самостоятельной личной работы. И въ прежнее время осторожные наставники, не считая свои сужденія объ успѣхахъ и способностяхъ учениковъ непогрѣшимыми, считали весьма полезнымъ свои мнѣнія объ ученикахъ провѣрить на экзаменѣ мнѣніемъ другихъ экзаменаторовъ. Бывали случаи, что экзаменъ заставлялъ наставника измѣнять свое мнѣніе объ ученикѣ. Одинъ ученикъ, всегда твердо учившій уроки и своимъ трудолюбіемъ приводившій въ восхищеніе молодаго профессора А. О. Ключарева, на экзаменѣ не оправдалъ высокаго мнѣнія о себѣ своего наставника. Онъ твердо выучилъ къ экзамену учебныя записки, но буквально заучилъ и одну грубую ошибку въ запискахъ, которую допустилъ и при отвѣтѣ. вмѣсто того, чтобы сказать: «наши познанія бываютъ иногда шатки и ненадежны», онъ сказалъ, что наши познанія бываютъ гладки и ненадежны. За такой отвѣтъ онъ получилъ строгій выговоръ отъ своего профессора.

Въ старой школѣ экзамены служили средствомъ провѣрить успѣхи учениковъ по той или другой наукѣ не столько для наставника, сколько для экзаменатора, какимъ по главнымъ предметамъ былъ всегда начальникъ семинаріи ректоръ или его помощникъ инспекторъ. Вопросы экзаменатора и отвѣты на нихъ учениковъ иногда открывали такіе недостатки въ преподаваніи предмета или усвоеніи его учениками, которые въ продолженіи учебнаго года не замѣчались. Экзаменъ, бывшій въ Виѣанской семинаріи въ декабрѣ 1848 года обнаружилъ несогласіе во взглядахъ между наставниками по одному частному научному вопросу. Въ это время ученики 1-го и 2-го средняго отдѣленія экзаменовались вмѣстѣ. По патристикѣ. Ученики 1-го отдѣленія учились патристикѣ у Я. И. Вла-

дыкина, а 2-го у А. О. Ключарева. Ученики 1-го отдѣленія, отвѣчавшіе по лекціями Я. И. Владыкина, отрицали подлинность сочиненій Діонисія Ареопагита, приписывая ихъ лицу, жившему въ позднѣйшее время, а ученики, учившіеся у А. О. Ключарева никакихъ сомнѣній въ подлинности сочиненій Діонисія не высказывали. Такое различіе во взглядахъ, конечно, обратило на себя вниманіе присутствовавшего на экзаменѣ ректора Евгенія и побудило его сдѣлать подтверженіе Владыкину, чтобы онъ въ своихъ лекціяхъ держался принятаго въ православной наукѣ мнѣнія о подлинности писанія, Діонисія Ареопагита.

Въ старой школѣ экзамены были средствомъ испытанія не одного только знанія и умственныхъ способностей ученика, но въ связи съ этимъ и его нравственныхъ качествъ. По способу выражать свои мысли, манерѣ держать себя на экзамены экзаменаторы дѣлали заключеніе о нравственномъ характерѣ испытуемаго. Нужно замѣтить, что въ прежнее время при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ нѣкоторые изъ наставниковъ имѣли обыкновеніе обращать вниманіе и на ихъ нравственныя качества ¹⁾. Однажды профессоръ одного изъ богословскихъ предметовъ перебилъ бойко отвѣчавшаго на экзаменѣ вопросомъ: «ты хорошо отвѣчаешь о нравственныхъ обязанностяхъ, но говорятъ—ты ябедникъ. Правда ли?» Спрошенный и его товарищи засвидѣтельствовали, что онъ не ябедникъ. «Хорошій человекъ?»—спросилъ профессоръ. «Хорошій, хорошій»,—хоромъ отвѣчали товарищи. «А хорошій, такъ довольно, очень хорошо». Хорошему человекъ прощались нѣкоторые

¹⁾ Нѣкоторые изъ экзаменаторовъ имѣли обычай во время экзаменовъ писать подробную характеристику отвѣтовъ ученика. Покойный профессоръ Московской духовной Академіи Ѳ. А. Голубинскій списокъ поступающихъ студентовъ дѣлилъ на три графы. Въ одной подъ фамилей онъ отмѣчалъ его внѣшній видъ и отмѣтки семинарскаго аттестата о его успѣхахъ и поведеніи, во второй о чемъ онъ отвѣчалъ, въ третьей писалъ подробную характеристику его отвѣтовъ.

недочеты въ познаніяхъ, особенно если онъ обнаруживалъ трудолюбіе въ приготовленіи къ экзамену.

Публичные экзамены производились послѣ лѣтнихъ частныхъ въ продолженіе двухъ дней, и время для нихъ назначалось митрополитомъ. Митрополитъ Филаретъ требовалъ, чтобы ему предварительно представлялись конспекты по предметамъ, назначеннымъ для публичнаго испытанія. Конспекты эти иногда подвергались замѣчаніямъ со стороны митрополита Филарета. Въ конспектѣ, представленномъ къ публичному испытанію въ 1841 году изъ ученія объ ересьяхъ и расколахъ, были поставлены такіе вопросы: понятіе о старообрядцахъ. Справедливо ли старообрядцы усвояютъ себѣ наименованіе старообрядцевъ? Митрополитъ замѣтилъ: «Раскольники выдумали для себя наименованіе старообрядцевъ, чтобы симъ унижить православныхъ, какъ будто новообрядцевъ. И православный учитель принялъ сіе даже безъ оговорки! Совѣтуется быть осмотрительнѣе. Сдѣланный вопросъ: справедливо ли называютъ себя старообрядцами, ведетъ къ отвѣту: несправедливо. Зачѣмъ же вы употребляете несправедливое имя? Развѣ дѣло ученыхъ называть вещи несправедливыми именами?» Иногда митрополитъ Филаретъ отмѣнялъ статьи, назначенныя къ публичному экзамену, находя ихъ почему либо неудобными. Такъ однажды онъ отмѣнилъ представленную для публичнаго экзамена по церковной исторіи статью о патріархѣ Никонѣ, и наставникъ долженъ былъ замѣнить представленную статью другою. Митрополитъ Филаретъ придавалъ важное значеніе публичнымъ экзаменамъ, какъ средству познакомиться съ состояніемъ учебной части въ семинаріи, и почти всегда пріѣзжалъ на одно изъ публичныхъ засѣданій, а иногда и на два. Пріѣздъ митрополита сообщалъ экзаменамъ особенный интересъ, привлекая многочисленную публику, которая собиралась послушать, какія возраженія будетъ предлагать на экзаменѣ мудрый святитель. Семинарія старательно приготовлялась къ публичному экзамену въ присутствіи митрополита. Наставники

представляли къ публичному экзамену отдѣлы изъ науки, наиболѣе ими обработанные, чтобы отвѣты учениковъ могли удовлетворить требовательнаго и строгаго экзаменатора. Какихъ заботъ для наставниковъ стоило приготовленіе къ публичному экзамену, можно судить по письму одного изъ профессоровъ Виѣанской семинаріи, писанному въ 1850 году іеромонаху Саввѣ, впоследствии архіепископу Тверскому, учившемуся въ то время въ Московской духовной Академіи. «Вчерашній день чрезъ Григорія Петровича Смирнова просилъ я васъ поискать у кого-либо изъ вашихъ товаришей хоть старенькихъ лекцій Ив. Н. Аничкова по части исторіи церковнаго краснорѣчія объ Іоаннѣ Златоустѣ. Надѣюсь, что по своей добротѣ и расположенію ко мнѣ, вы исполните мою просьбу. Посылается теперь къ вамъ мой служитель: прошу васъ покорно вручить тетрадки, ежели онѣ готовы. Не сталъ бы я такъ настойчиво требовать всего этого, если бы не было мнѣ крайней нужды. Пишу на публичный экзаменъ статью о Златоустѣ: потому совершенно спѣшу болѣе свободнымъ временемъ воспользоваться, чтобы заблаговременно и себя и учениковъ приготовить къ экзамену, за которымъ владыка, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, можетъ обратить на меня особенное вниманіе. Опасаюсь какою-либо, хотя малою неисправностію, оставить во владыкѣ впечатлѣніе не совсѣмъ выгодное¹⁾»).

¹⁾ *Хроника моей жизни. Автобіограф. записки Саввы, арх. Тверскаго.* Причины, по которымъ могъ владыка обратить вниманіе на С. Г. Вишнякова, были слѣдующія: Вишняковъ, съ разрѣшенія семинарскаго начальства, ѣздилъ въ Москву на три дни въ свободное отъ уроковъ время и изъявилъ согласіе на вступленіе въ обязательство съ сиротствующимъ семействомъ священника Бѣльева. Митрополитъ узналъ объ этомъ и выразилъ неудовольствіе какъ на то, что семинарскимъ начальствомъ объ отлучкѣ Вишнякова не было доведено до его свѣдѣнія, такъ и на то, что Вишняковъ вошелъ въ обязательство безъ его разрѣшенія. „Надобно данныя правила всегда исполнять съ точностію, писалъ владыка, потому что уклоненіе, кажущееся незначительнымъ,

Предъ публичными экзаменами наставники обычно репетировали съ учениками представленныя статьи изъ учебныхъ предметовъ. По разсказамъ современниковъ особенно хорошо умѣлъ готовить къ публичному экзамену по богословію ректоръ Виѳанской семинаріи Филоевъ, предлагая имъ и рѣшая съ ними возраженія, какія могли быть предложены на экзаменѣ. Поэтому ученики его бойко отвѣчали митрополиту на публичныхъ экзаменахъ. Впрочемъ возраженія митрополита на экзаменахъ были такъ тонки и неожиданны, что затруднялись отвѣчать на нихъ не только ученики, но и наставники. Митрополитъ Филаретъ имѣлъ обычай, когда ученики не отвѣчали удовлетворительно на его вопросы, спрашивать отвѣта у наставниковъ, при чемъ въ рѣзкой формѣ высказывалъ неодобреніе неудачно рѣшившимъ вопросъ. Не получивъ надлежащаго отвѣта, митрополитъ самъ рѣшалъ предложенный вопросъ. На публичномъ экзаменѣ 1846 года всѣхъ затруднилъ предложенный митрополитомъ вопросъ: въ какомъ тѣлѣ воскреснемъ мы? Отвѣчая самъ на этотъ вопросъ, митрополитъ развилъ мысль, что воскреснетъ человекъ въ тѣлѣ болѣе тонкомъ и что это тѣло онъ имѣеть и въ настоящей жизни. На публичномъ экзаменѣ 1850 года митрополитъ первому ученику высшаго отдѣленія

непредвидѣнно можетъ оказаться важнымъ“. Вишняковъ, вѣроятно, не досталъ лекціи объ Іоаннѣ Златоустѣ и въ 1850 году по исторіи церковнаго краснорѣчія на публичномъ экзаменѣ учениковъ не спрашивали. Изъ богословскихъ наукъ къ публичному экзамену было представлено: по богословію догматическому о лицѣ Іисуса Христа и о таинствахъ, по богословію пастырскому о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ пастыря церкви, по обличительному богословію о лютеранскомъ вѣроисповѣданіи, по классу чтенія Св. Писанія Новаго Завѣта о посланіяхъ Ап. Павла вообще и посланіи къ Филиппійцамъ, Ветхаго Завѣта о книгѣ Притчей Соломона и о пророкахъ послѣ плѣна Вавилонскаго, по церковной исторіи о распространеніи унии, по церковному праву о церковномъ судебномъ правѣ и объ отношеніи церкви къ иновѣрцамъ, по патристикѣ о св. Аѳанасіи Александрійскомъ и св. Кириллѣ Іерусалимскомъ.

И. В. Модестову предложилъ такой вопросъ: слова Спасителя Іудеямъ: *нѣсть ли писано въ законъ вашемъ: азъ рѣхъ: бози есте; аще оныхъ рече боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися писаніе: Ею же Отецъ святы и посла въ міръ, вы глаголете яко хулу глаголеши, зане рѣхъ: Сынъ Божій есмь* (Іоан. 10, 34—36), не даютъ ли основаніе заключать, что Іисусу Христу Божество не можетъ быть усвоено въ томъ же смыслѣ, какъ и Богу Отцу? Модестовъ далъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ митрополита. Кромѣ митрополита на публичныхъ экзаменахъ предлагали вопросы иногда и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ почетныхъ гостей. Извѣстный намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній на публичномъ экзаменѣ предложилъ вопросъ, который затруднилъ не только учениковъ, но и наставниковъ. «На чемъ основываются священники, разрѣшая причастіе лицамъ, виновнымъ въ нѣкоторыхъ тяжкихъ грѣхахъ?» Поводомъ для о. намѣстника предложить такой вопросъ послужили дѣйствія скитскаго духовника, который при исповѣди сталъ поступать по древнимъ церковнымъ правиламъ.

На публичныхъ экзаменахъ спрашивали лучшихъ учениковъ, и только однажды, въ ректорство Леонида, митрополитъ вздумалъ спрашивать второразрядныхъ учениковъ, и, конечно, ученики, не готовившіеся къ экзамену, отвѣчали очень неудовлетворительно. По главнымъ предметамъ спрашивали отъ 12 до 15-ти человѣкъ, а по остальнымъ отъ 8 до 6-ти. Отвѣчать на публичномъ экзаменѣ предъ строгимъ экзаменаторомъ и въ присутствіи сторонней публики было дѣломъ весьма труднымъ, требовавшимъ особенной сосредоточенности и умственнаго напряженія. Отъ сильнаго напряженія и волненія обильный потъ покрывалъ лицо и руки нѣкоторыхъ изъ отвѣчавшихъ учениковъ. На билетахъ, которые держали ученики, отпечатлѣвались слѣды потныхъ и недостаточно чистыхъ рукъ. Разъ митрополитъ, замѣтивъ, что билетъ въ потныхъ рукахъ ученика превратился въ грязный клочекъ бумаги, спросилъ его: «по-

чему ты не моешь рукъ?» Ученикъ, не разслышавшій вопроса и ожидавшій возраженія на отвѣтъ, сказалъ, что онъ не понялъ вопроса. «Почему руки у тебя не чисты», болѣе громкимъ голосомъ, сказалъ Филаретъ. Ученики сознавали, что на нихъ лежитъ серьезная нравственная отвѣтственность на публичныхъ экзаменахъ не только себя показать лучшими, но и поддержать своихъ наставниковъ, честь семинаріи и поэтому старательно приготавливали назначенныя къ публичному экзамену статьи. Но митрополита Филарета не всегда удовлетворяли твердо заученные отвѣты. На экзаменѣ 1858 года митрополитъ Филаретъ выразилъ неудовольствіе на то, что ученики по догматическому богословію обнаружили только твердое знаніе заученнаго. «Что въ этомъ пользы, замѣтилъ онъ наставнику. Требуется не твердое заучиваніе, а разумная передача того, что преподано на урокахъ». На этомъ экзаменѣ первый ученикъ, спрошенный не въ очередь, долженъ былъ отвѣчать на предпоследній билетъ, который онъ зналъ не твердо. Но не зная твердо своего билета, онъ сумѣлъ дать разумный отвѣтъ на нѣкоторые изъ вопросовъ, обозначенныхъ въ билетѣ. Митрополитъ, выслушавъ его отвѣтъ, сказалъ: «ты хорошо говоришь».

Присутствовавшая на публичныхъ экзаменахъ публика съ живымъ интересомъ слѣдила за отвѣтами учениковъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на публичномъ экзаменѣ въ 1867 году, не ученый, но нѣсколько начитанный, подошелъ къ только что отвѣтившему по догматическому богословію ученику и, крѣпко пожимая ему руку, сказалъ: «Поздравляю васъ съ отвѣтомъ. Прекрасно сказали по богословію. Одолжили» ¹⁾.

¹⁾ Публичные экзамены замѣнены были не доставляющими столько тревогъ, но мало интересными, однообразными актами, на которыхъ публика знакомится съ учебнымъ дѣломъ школы не такъ какъ оно ведется, а какъ изображается въ отчетахъ секретаря. Въ этихъ отчетахъ живые люди съ ихъ отвѣтами, возбуждавшими живой интересъ въ публикѣ, превращены въ проценты. Одинъ изъ прстстыхъ людей, съ

По окончаніи публичнаго экзамена митрополитъ Филаретъ заходилъ къ ректору выпить чашку чая и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія относительно отвѣтовъ учениковъ на экзаменѣ. По отъѣздѣ митрополита для наставниковъ и почетныхъ гостей предлагалась трапеза, на которой мирно праздновали завершеніе учебнаго года.

Съ введеніемъ въ семинаріяхъ учебной реформы 1867 декабрскіе и публичные экзамены стали отмѣнять. Митрополитъ Филаретъ былъ противъ такой отмѣны. Педагогическое собраніе Правленія Московской духовной семинаріи журнальнымъ постановленіемъ 27 октября рѣшило отмѣнить декабрскіе испытанія и просить митрополита объ отмѣнѣ и публичныхъ испытаній, но нѣкоторые изъ членовъ Правленія высказались въ пользу сохраненія полугодичныхъ экзаменовъ. Такъ, указано было нѣкоторыми членами Правленія, что полугодичные экзамены необходимы для провѣрки успѣховъ учениковъ сомнительныхъ, оставленныхъ послѣ іюньскихъ испытаній до усмотрѣнія, для сужденія о методахъ и достоинствѣ преподаванія, дабы своевременно могли быть приняты мѣры къ исправленію недостатковъ, для ознакомленія выѣшнихъ членовъ Правленія съ учебною частію въ семинаріи. На журналѣ Правленія семинаріи объ экзаменахъ митрополитъ положилъ слѣдующую резолюцію «Разсужденіе нѣкоторыхъ членовъ въ пользу сохраненія испытаній имѣютъ силу. Лучше не спѣшить перемѣною, нежели поспѣшною скоростію поставить дѣло въ сомнительное положеніе. Въ прошедшемъ году никто не возставалъ противъ испытаній. Почему же нынѣ нѣкоторые находятъ ихъ нетерпимыми? Удержатъ прежній порядокъ испытаній до окончанія нынѣшняго учебнаго курса. Въ первой половинѣ слѣдующаго года войти вновь въ разсмотрѣніе, какъ полезнѣе распорядиться

интересомъ слушавшій отвѣты учениковъ на экзаменѣ, былъ потомъ на актѣ, слушалъ какъ секретарь вычитывалъ проценты успѣвшихъ и не успѣвшихъ и ничего изъ этого не понималъ.

для будущаго курса. Сообщить сіе и Виѣанскому семинарскому Правленію». Въ слѣдующемъ году распорядились уже безъ митрополита Филарета († 19 ноября 1867 г.). Декабрскіе и публичныя экзамены были отмѣнены и время вѣдетъ къ совершенной отмѣнѣ экзаменовъ, по крайней мѣрѣ для учениковъ, имѣющихъ удовлетворительныя годичныя баллы.

Но въ старой школѣ экзамены и были преимущественно испытаніемъ хорошихъ учениковъ. «Экзамень не показалъ много хорошихъ», замѣтилъ однажды митрополитъ Филаретъ на разрядномъ спискѣ учениковъ. Экзамены должны были показать хорошихъ и въ лицѣ ихъ познакомить съ результатами учебнаго года. Старая школа не придавала особенной цѣнности отрывочнымъ знаніямъ, которыя обнаруживалъ ученикъ при отвѣтѣ заданнаго урока, и склонна была признавать очень условную пользу школьной науки. Профессоръ словесности въ Московской семинаріи А. В. по окончаніи двухгодичнаго курса, прощаясь съ своими учениками, сказалъ имъ: «Съ переходомъ въ философскій классъ вы забудете выученную вами теорію словесности. И чѣмъ скорѣе забудете, тѣмъ лучше. Вы спросите меня, зачѣмъ я заставлялъ васъ учить уроки по словесности? Чтобы пріучить васъ къ труду и возбуждать вашу мысль». Экзамены и были испытаніемъ способности учениковъ къ самостоятельному труду и зрѣлости ихъ мысли въ области того или другаго научнаго знанія. Время экзаменовъ требовало особенныхъ напряженій умственныхъ силъ учениковъ, и чѣмъ крѣпче были силы, тѣмъ болѣе предъявлялось къ нимъ требованій. Лучшіе питомцы старой школы вспоминали время экзаменовъ какъ самое трудное въ ихъ школьной жизни, но припоминали, что сдача экзаменовъ доставляла имъ нравственное чувство удовлетворенія отъ сознанія исполненнаго ими долга.

Пр. А. Бляевъ.

ПРОВИДѢНІЕ СПАСЛО.

(Разсказъ изъ дѣйствительной жизни).

Два года тому назадъ скончалась родная сестра моего отца, Марія Ѳедоровна Нечаева, жена діакона села Бужерова, расположеннаго въ 5 верстахъ отъ Новаго Іерусалима. Она была женщина разумная, кроткая и тихая, а главное — терпѣливая. Невзгоды она переносила всегда съ твердымъ упованіемъ на заступленіе Божіе. «Онъ вѣдь видитъ мою скорбь и благовременно подастъ облегченіе» — говорила, бывало, христіански настроенная тетушка среди житейскихъ невзгодъ. Неудивительно, поэтому, что своею ласкою, добротою, сердечностью и любовью такая женщина сумѣла сильно привязать меня къ себѣ, и я горячо любилъ ее, любилъ слушать, когда она рассказывала о событіяхъ изъ своей многотрудной жизни и отмѣчала въ нихъ очевидный перстъ Божій.

Но не о тетушкѣ теперь разсказать я хочу, а объ одномъ событіи изъ ея жизни, о которомъ она повѣдала мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще келейникомъ у незабвеннаго намѣстника Лавры о. Леонида и когда тетушка моя, въ одно изъ посѣщеній обители Преподобнаго Сергія, зашла и ко мнѣ. Это было въ 1882 году. Долго, помнится, мы бесѣдовали съ нею. Много тогда говорила она о томъ, какъ хранить Господь Своею милостію людей, и въ подтвержденіе этой мысли разсказала мнѣ и то, что я намѣренъ передать теперь.

Я была круглой сиротой — такъ, приблизительно, рассказывала мнѣ тетушка. Жила я у своего старшаго брата

псаломщика. Житіе у брата, сельскаго псаломщика, было горевое, полное всякихъ лишеній. Но когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ, я попала въ лучшія условія. Это случилось такъ. Однажды мой братъ взялъ меня въ Москву. Здѣсь мы остановились у ключаря Успенскаго Собора, жена котораго приходилась мнѣ тетужкой. Повидимому, тетужка полюбила меня и оставила у себя гостить. Время летѣло необыкновенно быстро и незамѣтно. Минуло уже два слишкомъ года, а я все гостила. Мнѣ уже шель семнадцатый годъ. Собою я была недурна, какъ говорили добрые люди. У тетужки моей явилась мысль устроить меня, т. е. выдать замужъ. Поэтому она упросила своего мужа, чтобы онъ сѣзидилъ къ Владыкѣ Митрополиту Филарету и попросилъ его дать мнѣ, сиротѣ, мѣсто, т. е. чтобы позволилъ прискаты жениха на должность псаломщика въ Москвѣ. Мужъ тетужки исполнилъ желанія ея и испросилъ у Московскаго Святителя согласіе прискаты жениха сиротѣ. Вскорѣ явился и женихъ—очень хорошій молодой человекъ. Мы повравились другъ другу, и дѣло было лишь за тѣмъ, чтобы поскорѣе освободилось гдѣ нибудь въ Москвѣ мѣсто псаломщика, и тогда должно было состояться наше бракосочетаніе.

Время шло, а мѣсть подходящихъ все не было. Многу стало овладѣвать какое-то тревожное чувство, хотя я и старалась не поддаваться смущающимъ меня мыслямъ. Помня, что безъ воли Божіей ничего не дѣлается, я искала себѣ въ молитвѣ успокоеніе и утѣшеніе. Для этого я часто ходила въ Успенскій Соборъ, гдѣ служилъ мой дяля—ключарь. И отсюда-то—изъ храма Божія я вынесла назидательный урокъ на всю жизнь. Доселѣ я не могу забыть, какъ однажды я пришла въ Соборъ и какъ бы въ отвѣтъ на свои тревожныя мысли услышала слова священной пѣсни: «не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія»... Прихожу на другой день въ храмъ, слышу, къ моему удивленію, поютъ то же. Какъ молода я ни была, но сердцемъ почувствовала, что Господу угодно устроить жизнь мою иначе, чѣмъ я думала. И чувство мое не обмануло меня.

Однажды я пришла изъ храма домой и здѣсь узнала печальную новость: тетушка моя, еще наканунѣ прихворнувшая, совсѣмъ занемогла. Недолго она, дорогая, болѣла. Скоро не стало. Смерть эта настолько повліяла на дядюшку, что онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ нехотя. По лицу его можно было судить, какъ онъ, бѣдный, сильно страдалъ. Тетушку похоронили, а съ ней были погребены навѣки и мои лучшія мечты.

Недолго жила я у дяди послѣ погребенія тетушки, такъ какъ дядѣ было уже не до меня. Однажды онъ откровенно высказалъ, что мнѣ, молодой дѣвицѣ, неудобно жить въ домѣ вдовца, а потому вскорѣ и отправилъ меня къ старшему брату псаломщику въ село Косицы, Верейскаго уѣзда. Вотъ здѣсь-то и началось истинное испытаніе для моей юной души. Разбитыя свѣтлыя мечты, перемѣна обстановки жизни, отсутствіе прежняго довольства, забытыя мною уже нужда и лишенія, снова теперь напоминавшія о себѣ,—все это повергло мою молодую и неопытную душу въ великую печаль и уныніе. Врачевствомъ противъ сего недуга была единственно молитва къ Богу и бесѣда съ подругой дѣтства—съ дочерью мѣстнаго священника Надей, которой я повѣряла всю свою скорбь, и которая умѣла успокаивать меня. Но однажды необыкновенная скорбь овладѣла мною, и духъ унынія едва не угасилъ во мнѣ свѣтильникъ жизни...

Только провидѣнію Божию угодно было спасти мою немощную душу. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ одинъ вечеръ мы очень долго просидѣли съ Надей на крылечѣ дома ея отца. Я совершенно не замѣтила, какъ пролетѣли вечерніе часы. Было уже половина одиннадцатаго, когда я вернулась домой. Братъ мой, Иванъ Ѳедоровичъ, и жена его были люди очень добросердечные, всегда относились ко мнѣ очень ласково. Но на сей разъ жена брата, отпирая мнѣ дверь, встрѣтила меня суровыми словами: «негодная дѣвчонка! что ты до такого поздняго времени болтаешься? Куда ты послѣ этого годишься!»

Этотъ неожиданный укоръ, какъ помню, до того смутилъ меня, что я, проходя мимо нея, могла только лишь тихо сказать: «простите, сестрица». Потомъ, не зажигая свѣта, я прошла въ свою комнату, гдѣ спала. Приготовя себѣ постель, я, по обыкновенію, пала на колѣни и долго молилась и прочитала молитвы на сонъ грядущимъ. Но молитва моя была полна невниманія, несмотря на то, что я старалась вникать въ смыслъ молитвъ. Слова невѣстки: «куда ты послѣ этого годишься» тревожили мою душу и наполнили ее невыразимой тоской. Мнѣ почему-то казалось, что я и дѣйствительно теперь уже никуда не гожусь. Вслѣдъ за этимъ мною овладѣло какое-то отчаяніе, которое такъ крѣпко привязалось къ моей душѣ, что я провела всю эту ночь безъ сна—въ мучительной тоскѣ.

Когда мой братъ ушелъ къ литургіи (день былъ воскресный), у меня началъ выработываться планъ, какъ лишить себя жизни. И этотъ планъ скоро былъ готовъ. Невѣстка моя не замѣтила, что слова ея, сказанныя мнѣ вечеромъ, произвели на мою душу такое пагубное воздѣйствіе и, вѣроятно, даже забыла о нихъ. Утромъ, истопивъ печь, она стала тоже собираться въ храмъ Божій и ласково сказала мнѣ: «Маша, немного погода закрой печь, подмети полъ, запри домъ, а потомъ приходи и ты къ обѣднѣ». Когда она ушла, и я осталась въ домѣ одна, мною овладѣло вновь отчаяніе, и сказанныя мнѣ наканунѣ слова: «куда ты годишься» снова повергли меня въ сильную печаль и уныніе, такъ что я, какъ говорится, не находила себѣ мѣста. Боже мой, что со мной дѣлалось въ эти минуты! Я совершенно впала въ отчаяніе и рѣшилась на страшный поступокъ. Не долго думая, нашла, веревку, перекинула ее черезъ балку въ домѣ, сдѣлала мертвую петлю, встала на сваейку и, полная отчаянія, уже хотѣла ее надѣть. Но вдругъ слышу сильный стукъ въ дверь, какъ будто кто хотѣлъ сорвать ее съ петель. Я какъ бы очнулась отъ изступленія. И какая-то благодатная мысль осѣнила меня. вмѣсто отчаянія, душу мою наполнилъ такой ужасъ предъ своимъ поступкомъ, что я моментально

выдернула веревку и бросила ее подъ печку, а затѣмъ уже побѣжала отворять дверь. Лишь только я отворила дверь, какъ на мою грудь съ плачемъ упала моя дорогая подруга Надя.

«Милая, милая Маша!» — проговорила она. — «Я сейчасъ пришла изъ церкви, гдѣ на меня напала непонятная тоска и какое-то недоброе предчувствіе, и мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ жалко тебя, какъ будто кто-то лишаетъ тебя жизни. Вотъ я сюда къ тебѣ и прибѣжала. Что съ тобой?»

Я, съ своей стороны, настолько была всѣмъ этимъ взволнована, что едва держалась на ногахъ. Помню только, что въ отвѣтъ на эти слова я крѣпко, крѣпко обняла ее и съ рыданіемъ сказала ей:

«Надя, дорогая моя, незабвенная моя! благодарю тебя за то, что ты спасла меня отъ ужаснаго поступка. Никогда, до послѣдняго вздоха я не забуду тебя!»

Я ей рассказала далѣе, что со мною дѣлалось, или вѣрнѣе, что я хотѣла надъ собою сдѣлать. Послѣ этого сейчасъ же я пошла вмѣстѣ съ ней въ храмъ Божій. Господи! Господи! Какимъ блаженнымъ чувствомъ наполнилась душа моя при входѣ въ храмъ Божій. Въ душѣ своей я сознавала всю тягость вины своей предъ Богомъ за свое малодушіе и намѣреніе, и искренно просила себѣ прощенія.

Такъ закончила моя тетушка свой поучительный разговоръ.

Лаврскій іеромонахъ Кронидъ.

ПАМЯТИ С. А. РАЧИНСКАГО.

(† 2-го мая).

Утрата за утратой и на сей разъ утрата особенно тяжелая!..

Кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ у насъ имени С. А. Рачинскаго и кто изъ людей, сочувствующихъ задачамъ воспитанія русскаго народа въ духѣ Православія, не склонялся, въ чувствѣ глубокаго уваженія, предъ его плодотворною дѣятельностію?

Дѣятельность С. А. Рачинскаго на пользу народнаго просвѣщенія не только вызывала сочувствіе и уваженіе со стороны всѣхъ православно-русскихъ людей, но была отмѣчена и съ высоты Царскаго Престола,—въ знаменательномъ Рескриптѣ, отъ 14 мая 1899 года:

«Многолѣтняя ваша дѣятельность на пользу народную обращаетъ на себя особенное Мое вниманіе. Обширное образованіе ваше и опытность, пріобрѣтенную на государственной службѣ въ Московскомъ Университетѣ, посвятили вы съ равныхъ лѣтъ дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родовомъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей государственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей, въ нераздѣльной связи съ церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія,

отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій.

«Близкая сердцу Моему забота о народномъ образованіи, коему вы достойно служите, побуждаетъ Меня изъяснить вамъ искреннюю Мою признательность».

Вотъ высокое свидѣтельство и утѣшительная для труженика похвала, справедливо заслуженная этимъ педагогомъ-идеалистомъ и выдающимся православно-русскимъ человѣкомъ!

Воистину это высокій примѣръ для подраженія!

Только человѣкъ сильнаго характера и глубокой души могъ промѣнять почетное званіе профессора на скромное служеніе темному народу, въ званіи и положеніи народнаго учителя. Только искренняя преданность Православію и вѣра въ его непреложную истину могла одушевить его въ этомъ, сопряженномъ съ заботами, волненіями и трудами, служеніи. И не напрасно въ Высочайшемъ Рескриптѣ на С. А. Рачинскаго указано, какъ на «живой примѣръ дѣятельности, соответствующей государственному и народному призванію благороднаго сословія».

Миръ душъ твоей, добрый труженикъ на Божіей нивѣ!

А. В.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Содержаніе апрѣльской книги

„Богословскаго Вѣстника“

за 1902 годъ.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО НИКИФОРА ИСПОВѢДНИКА СЛОВО
ЗАЩИТУ ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРЫ И СВЯТЫХЪ ИКОНЪ.

РѢЧЬ ПРИ ПОСТРИЖЕНИИ ВЪ МОНАШЕСТВО СТУДЕНТА 4-го КУРС
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ МИХАИЛА СЪНЦОВА, В
ИНОЧЕСТВѢ ЛЕОНИДА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРИ ПОСТРИЖЕН
ВЪ АКАДЕМИЧЕСКОМЪ ХРАМѢ 9-го марта 1902 года. **Епископ
Арсенія.**

ОТНОШЕНІЕ ЦЕРКВИ КЪ НЕПРИНАДЛЕЖАЩИМЪ ЕЙ ХРИСТІА
СКИМЪ ОБЩЕСТВАМЪ. (Изъ лекцій покойнаго профессора Моско
скаго университета, А. С. Павлова).

НА ЧЕМЪ ОСНОВЫВАЕТСЯ ЦЕРКОВНАЯ ЮРИСДИКЦІЯ ВЪ БРАЧ
НЫХЪ ДѢЛАХЪ? (По поводу современныхъ пессимистическихъ воз
зрвнй на семейную жизнь и обуславливаемыхъ ими толковъ печат
о бракъ и развода). **Н. А. Заозерскаго.**

ПОѢЗДКА ВЪ РИМЪ. **В. А. Соколова.**

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. **Н.**

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ **В. А. ЖУ
КОВСКАГО. П. Минина.**

ЗАЧѢМЪ БЛУЖДАТЬ? Размышленія по поводу предполагаемой реформы
нашей средней школы. **А. П. Шостыгина.**

БИБЛИОГРАФІЯ. Значеніе Византии въ исторіи западно-европейской ци
визизации. **А. А. Спасскаго.**

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВ
ВЫ, АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО.

ЖУРНАЛЫ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА 1901
ГОДЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ на годъ:

Съ приложеніемъ двухъ первыхъ томовъ твореній св. Аванасія
Александрійскаго: **семь** рублей безъ пересылки, **восемь** рублей съ
пересылкою внутри Россіи, **девять** рублей за границу.

АДРЕСЪ: *Сергиевъ-Посадъ, Моск. губерніи, Редакція Богословскаго
Вѣстника.*

Редакторъ в.-орд. проф. **А. СПАССКІЙ.**

С Л О В О

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Молю васъ, братіе, азъ узникъ о Господѣ, достойно ходити званіи, въ немъ же званіи быте, со всякимъ смиренномудріемъ (Ефес. 4, 1).

Въ день, посвященный молитвѣ о благоденствіи Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича и о благополучномъ Его царствованіи для блага Церкви и Отечества, прилично и благовременно остановить наше вниманіе, бр., на вышеприведенныхъ словахъ св. Ап. Павла, въ которыхъ онъ призываетъ христіанъ къ достойному прохожденію ими своего званія.

Подъ словомъ званіе св. Апостолъ разумѣетъ вообще призваніе христіанина къ наслѣдію жизни вѣчной во Христвѣ Спасителѣ и умоляетъ насъ во всемъ поступать достойно этого призванія. Но такъ какъ путь къ царствію небесному пролегаеъ для каждаго изъ насъ въ томъ родѣ жизни, который проходимъ мы на землѣ, то и этотъ родъ жизни, указываемый намъ промысломъ Божиимъ, справедливо называется призваніемъ или званіемъ. Достойно проходить служеніе, требуемое отъ насъ нашимъ званіемъ или общественнымъ положеніемъ, значитъ вмѣстѣ соотвѣтствовать и призванію христіанина. Общехристіанское призваніе къ наслѣдію жизни вѣчной во Христвѣ Спасителѣ

не исключаетъ и частнаго призванія каждаго человѣка, потому что достиженіе перваго зависитъ отъ надлежащаго прохожденія послѣдняго. Конечно, частныя свои обязанности каждый знаетъ хорошо; но исполненіе ихъ ведетъ къ успѣху только тогда, когда оно проникнуто скромностію, или, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ, смиренномудріемъ. Это слово св. Апостола не то значить, чтобы мы унижали себя предъ другими и не признавали своего достоинства; нѣтъ; оно требуетъ, чтобы мы, исполняя обязанности своего званія, не гордились этимъ, но признавали, что званіе наше, и дарованіе наше, и успѣхъ, достигнутый нами, есть не столько дѣло нашего искусства, сколько дѣло благодати Божіей. И вызваны мы къ бытію, и поставлены на извѣстную степень въ обществѣ по волѣ промысла Божія; слѣдовательно, на дѣла своего званія мы должны смотрѣть какъ на призваніе свыше и совершать ихъ мы должны съ неослабнымъ вниманіемъ, помня, что за такое или иное исполненіе ихъ мы отдадимъ отчетъ предъ Господомъ Богомъ на страшномъ судѣ и получимъ возмездіе по заслугамъ. Такой взглядъ на дѣло нашего частнаго званія, какъ на дѣло Божіе, заставитъ каждаго изъ насъ быть внимательнѣе съ себѣ и предохранить отъ многихъ ошибокъ и преступленій. Мысль объ отвѣтственности въ будущей жизни и настоящей предъ совѣстію и людьми способна удержать человѣка отъ преступленія, какъ дѣла не соответствующаго нашему призванію. Истинный христіанинъ, будучи убѣжденъ, что Господь возвышаетъ и унижаетъ, обогащаетъ и убожить, остается одинаково внимателенъ къ себѣ, какая бы доля его ни постигла. Чѣмъ выше онъ по своему общественному положенію, чѣмъ шире кругъ его вліянія на другихъ, тѣмъ внимательнѣе онъ къ себѣ и своей дѣятельности, памятуя слова Господа: кому дано много, съ того много и взыщется. Если же жребій его будетъ не видѣнъ и мало замѣтенъ, и тогда онъ будетъ исполнять обязанности своего скромнаго званія съ должнымъ вниманіемъ и аккуратностію,

зная, что онъ получить награду отъ Господа за свое усердіе и вѣрность своему долгу, который указанъ ему свыше. При такомъ отношеніи къ обязанностямъ своего званія, дѣятельность каждаго человѣка, каково бы ни было его общественное положеніе, будетъ способствовать общему благу, ободряя нерѣшительнаго, подкрѣпляя ослабѣвающаго, побуждая недостаточно внимательнаго къ себѣ и къ должному исполненію возложенныхъ на него обязанностей. Пусть каждый членъ общества проходить свое служеніе какъ дѣло Божіе, со смиреніемъ, не гордясь своимъ положеніемъ, но и не пренебрегая имъ, чтобы всѣмъ было видно и поучительно, какъ надобно исполнять свои обязанности для блага общества и славы отечества. Тогда каждый будетъ относиться къ дѣламъ своего званія честно и усердно, представляя, что онъ трудится не предъ людьми и для людей, но предъ Богомъ и для Бога. Судья будетъ стремиться къ неуклонной справедливости, воинъ проникнется мужествомъ, правитель неутомимостію, гражданинъ честностію; словомъ, всѣ общественные дѣлатели будутъ исполнять свои обязанности со вниманіемъ, какъ возложенныя на нихъ самимъ Богомъ, за которыя они должны будутъ дать отчетъ предъ Нимъ. Тогда и облеченные властію будутъ смотрѣть на свои отличія и преимущества не какъ на украшеніе и утѣшеніе свое, а какъ на силы и средства для дѣланія добра тѣмъ, надъ которыми они поставлены начальствомъ. Достиженіе успѣха въ дѣлахъ званія при неослабномъ вниманіи къ нимъ, какъ дѣламъ Божіимъ, будетъ способствовать достиженію общаго блага и побудить каждаго члена общества къ такому же честному и полезному дѣланію.

Въ жизни людей можно отличить два рода отношеній, соотвѣтственно двумъ побужденіямъ къ дѣятельности. Большинство людей относится къ исполненію своихъ обязанностей формально, лишь бы казалось все исправно; а на сколько эта внѣшняя исполнительность можетъ содѣйствовать общему благу, или благополучію, объ этомъ никто

изъ нихъ не безпокоится. И это отъ того, что цѣлью ихъ дѣятельности служить личный интересъ, частное благо, состоитъ ли оно въ приобрѣтеніи средствъ къ жизни или въ полученіи отличій. Понятно, что какъ бы ни была велика и трудна такая дѣятельность, она не имѣетъ нравственнаго достоинства и не заслуживаетъ высшей награды. Такой дѣятель трудится только для себя, преслѣдуетъ свои личные цѣли, и степень его усердія зависитъ отъ количества той пользы, какую онъ ожидаетъ себѣ отъ своего дѣла. Если же, по его расчету, оно не можетъ принести большой личной пользы, то онъ будетъ дѣлать только для виду, хотя бы дѣло его было весьма важно для общаго блага. Совсѣмъ иначе выходитъ, если человѣкъ побуждается въ своей дѣятельности сознаніемъ нравственнаго долга и желаніемъ послужить на общую пользу. Его не останавливаютъ препятствія на пути къ цѣли; онъ дѣйствуетъ съ самоотверженіемъ для благополучія другихъ. Онъ не ищетъ своихъ выгодъ, не желаетъ и награды за свой трудъ здѣсь на землѣ, потому что свое дѣло исполняетъ какъ долгъ, указанный ему Богомъ. Какъ бы ни былъ тяжелъ трудъ такого дѣятеля, онъ не остановится предъ нимъ, потому что видитъ въ немъ волю Божию и свое призваніе. Такимъ образомъ, онъ является не только вѣрнымъ слугою своего Государя, но и благимъ рабомъ Божиимъ, которому обѣщана награда въ будущей жизни. Такъ долженъ поступать каждый изъ насъ, благочестивые слушатели; живя на землѣ, мы должны трудиться для неба и, заботясь о благѣ отечества земнаго, приобрѣтать себѣ отечество небесное. Такова воля Божія о человѣкѣ и такова, слѣдовательно, должна быть цѣль нашей жизни и дѣятельности въ этомъ мірѣ.

Скажутъ, что нельзя оставлять безъ удовлетворенія и житейскія потребности, а слѣдовательно, нельзя исключить изъ дѣятельности человѣка и его личные интересы, потому что они составляютъ условіе его земнаго существованія? Совершенно исключать личные интересы человѣка изъ его

дѣятельности—нельзя, но нужно указать имъ надлежащее мѣсто въ ряду другихъ высшихъ потребностей, а потомъ уже заботиться соотвѣтственно этому и объ удовлетвореніи ихъ. Несомнѣнно, что человѣкъ вызванъ къ бытію для исполненія воли Божіей. Она указываетъ каждому, между прочимъ и въ томъ родѣ жизни, какой выпалъ на его долю, и въ томъ званіи, въ какое поставленъ Промысломъ Божиимъ. Кромѣ множества частныхъ званій и соединенныхъ съ ними обязанностей, всѣ люди имѣютъ одно общее званіе, всѣ призваны къ наслѣдію жизни вѣчной чрезъ Іисуса Христа. Премудрость Божія, указавъ человѣчеству мѣсто и время существованія, порядокъ и образъ жизни, въ то же время назначила въ обязанностяхъ нашего земнаго служенія и путь къ наслѣдію небеснаго царства. Исполненіе каждымъ обязанностей своего званія, какъ воли Божіей, указавшей въ нихъ и средство къ нравственному совершенству и путь къ полученію небеснаго царства, должно составлять главную заботу человѣка и цѣль его дѣятельности. Если же онъ въ своей жизни руководствуется исключительно интересами земнаго существованія и все приносить имъ въ жертву, то онъ совершенно извращаетъ порядокъ, установленный Богомъ. Въ этомъ случаѣ средство обращается въ цѣль, а цѣль въ средство, и человѣкъ вмѣсто воли Божіей исполняетъ только свою волю и всѣмъ жертвуетъ для земнаго существованія, тогда какъ оно должно служить средствомъ для достиженія жизни вѣчной. Пусть каждый дѣятель, и общественный и частный, исполняетъ обязанности своего званія какъ волю Божию, и онъ будетъ не только полезнымъ гражданиномъ своего земнаго отечества, но и наслѣдникомъ небеснаго царства. Если мы будемъ заботиться объ умноженіи такихъ дѣятелей и достигнемъ этого, — тогда и отечество наше будетъ благополучно и Цари наши славны.

Принято думать, что главное средство къ образованію такихъ дѣятелей заключается въ распространеніи просвѣщенія, и если оно проникаетъ во всѣ слои общества, то

мы будемъ имѣть множество самоотверженныхъ труженниковъ для блага отечества. Безспорно, что дѣятель образованный полезнѣе необразованнаго; онъ лучше видитъ и скорѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ этотъ послѣдній, но опытъ показываетъ, что не всегда самые образованные люди бываютъ и самыми полезными общественными дѣятелями. Нерѣдко случается, что образованіе только развиваетъ эгоистическія стремленія и указываетъ средства къ удовлетворенію ихъ. Чтобы образованіе служило на пользу человѣчеству, не нужно понимать его односторонне, исключительно, какъ обогащеніе ума разными свѣдѣніями, а какъ направленіе всѣхъ способностей духа къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ, указаннымъ намъ въ Божественномъ Откровеніи. А оно сообщаетъ намъ, что кромѣ этой жизни есть еще другая, и что будетъ еще второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа для суда надъ людьми, гдѣ каждый дастъ строгій отвѣтъ за свою земную жизнь и за свои дѣла и мысли. Если каждый человѣкъ будетъ твердо помнить, что ему нѣкогда придется отвѣчать предъ Богомъ за свою жизнь, то онъ будетъ соображать свою дѣятельность съ волею Божіею и не сдѣлаетъ намѣреннаго вреда ближнему, для удовлетворенія своего самолюбія. Безъ этого же убѣжденія никакіе законы высшіе, какъ бы строги они ни были, не заставятъ человѣка жертвовать своими интересами, своимъ спокойствіемъ и удовольствіями для блага другихъ. Напротивъ, при мысли объ отвѣтственности не только предъ людьми, но и предъ Богомъ, въ будущей жизни, и необразованные люди могутъ совершать, какъ и совершали, такіе подвиги для блага отечества, которые обезсмертили имена ихъ въ потомствѣ. Наша отечественная исторія никогда не забудетъ высокіхъ подвиговъ простого крестьянина Сусанина и такого же гражданина Минина, которые принесли пользы отечеству не менѣе, чѣмъ образованные ихъ современники—инокъ Палицынъ и князь Пожарскій. Таково значеніе нравственнаго начала въ человѣческой дѣятельности. Го-

воримъ это не въ униженіе умственнаго образованія, но въ виду незаслуженнаго предпочтенія, какое указываютъ у насъ уму предъ другими силами духа, наукъ предъ религіей, отвлеченному мышленію предъ практическою дѣятельностію, чтобы дать должное мѣсто нравственному воспитанію въ системѣ современнаго просвѣщенія. Жизненный опытъ указываетъ, что лучше и безопаснѣе имѣть дѣло съ необразованнымъ, но честнымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ, чѣмъ съ образованнымъ, но не твердымъ въ своихъ нравственныхъ началахъ дѣятелемъ.

Сознавая, что Благочестивѣйшій Государь нашъ, какъ истинный сынъ православной Церкви, есть крѣпкій защитникъ св. православной вѣры, самодержавія и русской народности, есть Отецъ и Покровитель всего искони древняго—родного, будемъ и мы, бр., слѣдовать Его высокому примѣру, сохраняя свою православную вѣру въ неприкосновенности и чистотѣ, какъ драгоцѣнное сокровище, полученное отъ предковъ. Не позволимъ никому извращать ея божественное ученіе и дружно возстанемъ на защиту его противъ дерзкихъ посягательствъ на цѣлость его, откуда бы они ни исходили, отъ кичливаго ли высокоумія, или отъ темнаго невѣжества; тогда весь свѣтъ увидитъ, что мы — не только вѣрнопопданные своего Государя, но и единовѣрные, единокружные съ Нимъ сыны православной Церкви и любезнаго нашего отечества. Будемъ, бр., свято и честно, какъ вѣрнопопданные, и какъ христіане, исполнять всѣ возложенныя на насъ обязанности, чтобы тѣмъ облегчить бремя правленія обширнѣйшею въ свѣтѣ монархіею Государю Императору, и чтобы Благочестивѣйшій нашъ Государь Императоръ Николай Александровичъ могъ утѣшаться и радоваться о благоденствіи своихъ вѣрнопопданныхъ. Принесемъ въ жертву Богу и Его Помазаннику, возлюбленному нашему Монарху, полную готовность и твердую рѣшимость трудиться честно и неустанно для блага нашего отечества. Теперь же, бр., вознесемъ свою горячую молитву къ Царю царей, «да

даруетъ Онъ Благочестивѣйшему Государю Императору нашему Николаю Александровичу глубокой и неотъемлемый миръ, да возглаголетъ въ сердце Его благая о Церкви Божіей и о всѣхъ насъ, подвластныхъ Ему, да въ тишинѣ Его тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (Молит. на лит. Василя В.)», да исполнить Его Господь долгою дней и крѣпостію силъ, и да совершитъ Онъ вся во славу Божию и во благо народа своего. Аминь.

Епископъ Павелъ.

1902 г.
Валаамъ.

ВЛАСТЬ ХРИСТОВА НАДЪ БѢСАМИ

Поученіе въ недѣлю 5-ю по Пятидесятницѣ.

И се возопиша, глаголюще: что намъ и тебѣ, Иисусе Сыне Божій? пришелъ еси съю прежде времени мучити насъ (Мате. 8, 29).

Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи повѣствуется о чудесномъ исцѣленіи двоихъ бѣсноватыхъ, которое совершилъ Господь Иисусъ Христосъ, по прибытіи въ страну Гергесинскую. Они встрѣтили Его, вышедши изъ гробныхъ пещеръ, и закричали: «что тебѣ до насъ Иисусъ Сынъ Божій? Пришелъ ты сюда прежде времени мучить насъ». Прежде всего въ сихъ словахъ знаменательно то, что бѣсы устами одержимыхъ ими исповѣдуютъ вѣру въ Иисуса Сына Божія. Подобную вѣру исповѣдалъ и апостоль Петръ. На вопросъ Христа, обращенный ко всѣмъ апостоламъ: за кого они почитаютъ Его? Петръ отъ лица ихъ отвѣтилъ: «Ты, Христосъ, Сынъ Бога живаго» (Мате. 16, 16). Такимъ образомъ и бѣсамъ свойственна вѣра во Христа, подобная апостольской, слѣдственно вѣра правая. Вообще бѣсы не уступаютъ людямъ въ знаніи правой вѣры и даже, пожалуй, каждый изъ нихъ, живя нѣсколько тысячелѣтій на землѣ и съ каждымъ годомъ умножая свои свѣдѣнія о предметахъ вѣры, даже больше людей знакомъ съ ученіемъ вѣры и вѣрять въ это ученіе. Въ чемъ же разность? Въ томъ, что они нисколько не сочувствуютъ истинной вѣрѣ, принимаютъ ученіе вѣры только къ свѣдѣнію, а отнюдь не къ сердцу. Вѣруя во Христа, они не перестаютъ возставать противъ истинной вѣры

и всячески стараются противодѣйствовать распространенію и утвержденію ея въ людяхъ. Зная истину, они повсюду сѣютъ сѣмена заблужденій, лжемудрованій и суевѣрій, повсюду стараются искоренить вѣру въ Бога и въ Его откровеніе. Зная законъ Божій, они всячески стараются возбудить въ людяхъ отвращеніе къ нему, искушаютъ ихъ на всякіе грѣхи и беззаконія, сами погибаютъ и людей совращаютъ на путь гибели и радуются ихъ гибели. Таково отношеніе бѣсовъ къ вѣрѣ. Къ сожалѣнію, вѣра бѣсовская (Іак. 3, 15) свойственна многимъ людямъ, даже исповѣдующимъ христіанскую вѣру. Это вѣрующіе только по имени: они «устаами исповѣдуютъ, что знаютъ Бога и Христа Его, но дѣломъ отрекаются Его», и въ семъ отношеніи поступаютъ не лучше бѣсовъ. Подобно бѣсамъ они называютъ Христа Сыномъ Божиимъ, вѣрують, что Христось насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія облекся въ человѣческое естество и принесъ за насъ искупительную жертву на крестѣ, но этихъ чрезвычайно великихъ милостей Его къ людямъ не цѣнятъ и безстрашно продолжаютъ осквернять себя тѣмже грѣхами, за которые Онъ пролилъ свою пречистую кровь. Они вѣрують, что Христось есть судья живыхъ и мертвыхъ, но суда Его не боятся, вѣчныхъ мукъ, которыми грозитъ Онъ нераскаяннымъ грѣшникамъ, не трепещутъ, ведутъ жизнь скотоподобную, не помышляя о вѣчности и о загробномъ воздаяніи. Они не отвергаютъ ученія Церкви, основанной Христомъ, о таинствахъ, преподаваемыхъ вѣрующимъ для освященія ихъ благодатію, потребною для жизни духовной и даже для быта житейскаго; но къ таинствамъ не приступаютъ, благодатію, въ нихъ преподаваемою, не дорожатъ, ея не приемятъ, церковному священноначалію не покоряются, церковныхъ уставовъ о постахъ и праздникахъ не исполняютъ, примѣромъ жизни своей соблазняютъ слабыхъ вѣрою и увлекають къ подржанію имъ, почитаютъ себя членами Церкви, но это не живые, а мертвые члены, и вѣра ихъ во Христа есть вѣра поистинѣ бѣсовская.

Бѣсы, исповѣдавъ устами Гергесинскихъ бѣсноватыхъ вѣру во Христа, какъ Сына Божія, присовокупили: *пришелъ еси прежде времени мучити насъ*. Это весьма знаменательно. Бѣсы очень хорошо знали, что Христось пришелъ разрушить царство діавола, царство суевѣрія, нечестія и беззаконія, господствовавшихъ въ языческомъ мірѣ, что изгнаніе бѣсовъ изъ людей есть начало полной побѣды Христа надъ діаволомъ, и что они осуждены на муки вѣчныя, уготованныя отъ вѣчности діаволу и ангеламъ его. Жаль было бѣсамъ разстаться съ своимъ владычествомъ и потому, зная непреложность суда Божія надъ ними, имѣющаго окончательно совершиться во второе пришествіе Христово, они никогда столько не свирѣпствовали надъ людьми, столько не дѣлали имъ зла, какъ во дни перваго Его пришествія. Имъ хотѣлось какъ можно болѣе продлить свое владычество надъ людьми, и вотъ, зная, что имъ не избѣжать вѣчныхъ мукъ, устами бѣсноватыхъ выражаютъ желаніе, чтобы Христось не спѣшилъ приводить въ исполненіе страшный приговоръ надъ ними и отдалить срокъ исполненія этого приговора. По ихъ словамъ, Онъ преждевременно мучитъ ихъ. Въ какомъ отношеніи знаменательно это заявленіе бѣсовъ? Въ томъ отношеніи, что они признаютъ власть надъ собою Христа, что безъ воли Христа они не могутъ вредить людямъ. И дѣйствительно, Христу принадлежитъ власть надъ бѣсами, не только по Его божеству, но и по самому чело- вѣчеству. По божеству Онъ всегда имѣлъ и имѣеть эту власть; но если Онъ по воскресеніи своемъ въ прославленномъ тѣлѣ повѣдалъ: *дадеся Мнѣ всякая власть на небеси и на земли*, то несомнѣнно, что эту власть Онъ стяжалъ по самому чело- вѣчеству. Равно въ этомъ смыслѣ надо понимать и другое Его изреченіе, произнесенное Имъ во дни Его униженія: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*. Подъ словомъ: *вся* должно разумѣть власть Христа, преданную Ему Отцемъ надъ всѣмъ міромъ, слѣдственно и надъ духами злобы. И какъ Онъ пользовался этою властію, видно изъ того, что Онъ не только самолично изгонялъ бѣсовъ,

но тоюже властію облекъ и своихъ апостоловъ. Посылая ихъ на проповѣдь Евангелія, Онъ сказалъ имъ между прочимъ: *бѣсы изгоняйте*. Что сами бѣсы дѣйствительно признавали Его власть надъ собою, и что безъ Его поущенія они не могутъ творить людямъ зло, это видно не только изъ признанія Гергесинскихъ бѣсноватыхъ, но также изъ словъ, сказанныхъ Иисусомъ Христомъ апостолу Петру: «Симоне, се сатана просить сѣяти васъ, яко пшеницу, но Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя». Подъ этимъ сѣяніемъ разумѣются многоразличныя искушенія и козни, какія употребляетъ сатана, чтобы колебать христіанъ въ вѣрности Христу подобно тому, какъ сильная рука колеблетъ рѣшето пшеницы. Какъ во времена ветхозавѣтныхъ діаволь могъ дѣйствовать зловредно въ отношеніи къ людямъ только по поущенію Божію, судя по примѣру Іова, такъ и во времена новозавѣтныхъ діаволь и подчиненные ему злые духи проявляютъ свою пагубную для людей силу тоже по поущенію Божію вообще и въ частности по поущенію Христа Сына Божія,—безъ Его поущенія врагъ Бога и человѣка никакого зла намъ не можетъ сдѣлать.—Но для чего же Господь попускаетъ ему дѣлать зло, своими искушеніями и соблазнами наводитъ насъ на грѣхъ? Такъ Господь поступаетъ отчасти для наказанія за то, что люди совсѣмъ забываютъ Бога и коснѣютъ въ упорномъ противленіи Его волѣ, по словамъ апостола: «какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ: то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства» (Рим. 1, 28),—отчасти для того, чтобы утвердить людей въ послушаніи Богу, въ ревности къ исполненію Его заповѣдей. Съ этою послѣднею цѣлію Господь попустилъ діаволу искусить нашихъ прародителей. И еслибы они выдержали это испытаніе, еслибы не послушались діавола и устояли въ вѣрности Господу Богу, то они окончательно утвердились бы въ добрѣ, отразивъ въ самомъ началѣ искушеніе на зло, и сдѣлались бы подобными ангеламъ добрымъ, которые угрожаемы были тѣмиже искушеніями на зло, но побѣдили ихъ и потому утвердились въ непоколеби-

мой преданности волѣ Божіей. Съ тоюже спасительною цѣлю Господь каждому изъ насъ попускаетъ подвергаться дѣвольскимъ искушеніямъ. Чрезъ борьбу съ ними, чрезъ упражненіе воли въ этой борьбѣ, дается намъ возможность засвидѣтельствовать искренность любви и преданности нашей къ Богу. Если и въ житейскихъ дѣлахъ борьба съ трудностями служить условіемъ успѣха въ преодолѣніи ихъ, тѣмъ паче необходима эта борьба съ трудностями служенія Богу для достиженія успѣха въ семъ дѣлѣ. Испушенія на зло идутъ преимущественно отъ діавола, и благо тому, кто побѣждаетъ ихъ, упражняетъ свои силы въ борьбѣ съ ними. Чѣмъ труднѣе эти испушенія, тѣмъ богоугоднѣе побѣда надъ ними, тѣмъ выше награда за нее. Надобно благодарить Господа за то, что не посылаетъ намъ испушеній, превышающихъ наши силы; но вообще не на силы наши должно надѣяться въ борьбѣ съ ними, а на помощь Божію. Самонадѣянность всего пагубнѣе въ этомъ дѣлѣ. Понадѣялся Петръ своими силами побѣдить угрожавшее ему испушеніе. *Аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогдаже соблазнюся* (Матѣ. 26, 33). Что же случилось? Онъ съ клятвою отрекъся отъ Христа во дворѣ архіерейскомъ. Посему смиренно надобно сознать немощь свою для борьбы съ адскими силами и смиренно умолять Отца небеснаго о помощи Его: *Не введи насъ во испушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*, то-есть, или совсѣмъ не доводи насъ до испушенія, помоги намъ совсѣмъ избѣгнуть его, совсѣмъ не попускай діаволу напасть на насъ, или если Тебѣ угодно попустить на насъ испушеніе со стороны лукаваго, то поспѣши избавить насъ отъ сего испушенія Твоею благодатною помощію въ борьбѣ съ нимъ.

Таковы, братіе, уроки, на которые навело насъ размышленіе о словахъ бѣсовскихъ: *что намъ и тебѣ, Іисусе Сыне Божій? Пришелъ еси прежде времени мучити насъ*. Будемъ всячески избѣгать бѣсовской вѣры и отражать бѣсовскія испушенія смиреніемъ и молитвою.

СМЕРТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ.

Поученіе въ день памяти преподобнаго Михаила Маленна 12 іюля.

Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его (Псал. 115, 6).

Сіе изреченіе Псалмопѣвца святая Церковь прилагаетъ къ преподобнымъ во дни празднованія памяти ихъ. Слово *преподобный* въ переводѣ съ греческаго значитъ *святый*. Всѣ мы призваны къ святости. *Святи будите, яко Азъ святъ есмь*, заповѣдуетъ Господь Богъ. Богъ святъ, а мы созданы по образу Божію и подобію, слѣдственно должны уподобляться Богу въ святости, на каковое подобіе указываетъ наименованіе «преподобный и подобіе». Но такъ какъ въ подвигахъ святости преимущественно свойственно упражняются ведущимъ монашескую жизнь, то преимущественно имъ присвоено это наименованіе.

Въ какомъ смыслѣ Псалмопѣвецъ именуетъ смерть преподобныхъ, или святыхъ *честною предъ Господемъ*? Въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ высокую цѣну въ очахъ Господа. Истинно святые благоугождаютъ Господу не только жизнью, но и смертію, и наипаче смертію, ибо до самой смерти сохраняютъ святость. Господь увѣнчиваетъ славою только тѣхъ, которые сохранили вѣрность Ему до самой смерти, которые святую жизнь кончили святою смертію. *Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10), говоритъ Господь Иисусъ. Только *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 22), говоритъ Онъ же объ исповѣдникахъ и мученикахъ. Тотъ же смыслъ имѣютъ слова Апо-

стола: подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдохъ, сего ради соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, еоже уготова Господь всѣмъ любящимъ Его (2 Тим. 4, 8). Если христіанинъ при самомъ крещеніи далъ обязательство къ сохраненію вѣрности служенія Христу, яко Царю своему и Богу, не на извѣстное только время, а на всю жизнь, то нарушеніе этой вѣрности есть преступленіе не менѣе, если не болѣе тяжкое, какъ нарушеніе, или несохраненіе вѣрноподданнической присяги земному царю. Измѣна царю есть уголовное преступленіе и подвергаетъ измѣнника строгому наказанію. Менѣе ли строгаго наказанія заслуживаетъ подданный Христа, Царя небеснаго, не сохранившій вѣрности Ему до конца земного поприща? Измѣнникъ царю земному лишается всѣхъ правъ и преимуществъ, какія онъ приобрѣлъ на службѣ царю своими заслугами. Какъ бы ни были велики эти заслуги,—онѣ уже не вмѣняются ему и не освобождаютъ его отъ наказанія. Равнымъ образомъ несохранившій вѣрности Христу до смерти лишается надежды на милость и снисхожденіе Божіе по смерти, хотя бы онъ большую часть жизни провелъ свято и богоугодно и даже сподоблялся отъ Господа чрезвычайныхъ даровъ Его благодати. Многіе изъ таковыхъ на страшномъ судѣ будутъ осуждены на вѣчныя муки. Напрасно они будутъ говорить праведному Судіи Христу: «Господи, Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали? И не твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? И не твоимъ ли именемъ многія чудеса твоирили?» Господь объявитъ имъ: «Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе» (Матѣ. 7, 22. 23). Почему такъ строго поступлено будетъ съ пророками и чудотворцами? Нѣтъ сомнѣнія, что они сначала старались вести богоугодную жизнь, иначе бы не удостоились даровъ пророчества и чудотвореній. Къ сожалѣнію, начавъ хорошо, они кончили худо, не устояли на той нравственной высотѣ, за которую сподобились чрезвычайной милости Божіей, впади въ нечестіе и беззаконіе и за сіе заслужили тѣмъ большее осужденіе на страшномъ судѣ, чѣмъ обильнѣе ущедрены

были дарами милости Божіей. Іуда предатель, бывшій въ числѣ двѣнадцати апостоловъ, получилъ отъ Христа одинаковую съ прочими апостолами власть чудесно исцѣлять больныхъ, очищать прокаженныхъ, изгонять бѣсовъ, даже воскрешать мертвыхъ, и конечно пользовался этою властію наравнѣ съ другими апостолами (Матѣ. 10, 8). Однако это не спасло его отъ гибели. Сначала онъ велъ себя хорошо, иначе Господь не избралъ бы его въ апостолы; но онъ не сохранилъ вѣрности Христу до конца жизни, заразился недугомъ корыстолюбія, за тридцать сребрениковъ предалъ Его врагамъ. Къ грѣху корыстолюбія и предательства присоединился еще грѣхъ отчаянія. Раскайся онъ во своемъ грѣхѣ, Господь помиловалъ бы его, ибо нѣтъ грѣха, побуждающаго милосердіе Божіе къ кающемуся грѣшнику, какъ это отчасти видно изъ примѣра разбойника, покаившагося на крестѣ и помилованнаго. Отчаяніе погубило Іуду. Благодать Божія, которая проявлялась надъ нимъ въ продолженіе его апостольскаго служенія, оставила его безъ своей помощи. Начавъ хорошо свое служеніе Христу, онъ въ концѣ своей жизни сдѣлался беззаконникомъ и погибъ самоубійствомъ. Повѣствуется въ церковныхъ лѣтописяхъ о двухъ друзьяхъ, Никифорѣ и священникѣ Саприкіи, жившихъ во времена гоненія на христіанство. Эти друзья изъ-за чего-то поссорились, и Саприкій сдѣлался непримиримымъ врагомъ Никифора. Оба они были ревнителями вѣры Христовой; Саприкію пришлось даже потерпѣть страданія за вѣру, но онъ не удостоился мученическаго вѣнца. Когда онъ осужденъ былъ на смерть, Никифоръ старался примириться съ нимъ и смиренно просилъ у него прощенія. Саприкій отказалъ ему въ прощеніи, питая къ нему непримиримую злобу, даже предъ лицомъ смерти. Что же случилось? Благодать Божія отступила отъ Саприкія, въ наказаніе за его вражду: онъ отрекся отъ Христа и лишился воздаянія отъ Него за подвиги и страданія. Онъ не до конца претерпѣлъ за Христа. Мученическій вѣнецъ достался Никифору, который объявилъ себя христіаниномъ, и казненъ за вѣру вмѣсто Саприкія.

Итакъ, вотъ почему честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его: они сохранили свое преподобіе или святость до самой смерти. Они до послѣднихъ минутъ жизни не ослабѣвали въ подвигахъ благочестія и добродѣтели и благочестивую жизнь кончили благочестивою смертію. Вотъ примѣръ достоподражаемый для всѣхъ, желающихъ получить вѣнецъ живота въ царствіи небесномъ. Онъ дается только вѣрнымъ Христу до смерти. Трудно сохранить сію вѣрность среди неизбѣжныхъ для каждаго искушеній на грѣхи со стороны плоти, міра и діавола. Но чѣмъ труднѣе борьба съ ними, тѣмъ спасительнѣе побѣда. Никто изъ насъ не можетъ похвалиться постоянными успѣхами въ этой борьбѣ, даже праведники признаютъ себя великими грѣшниками и спасаются только покааніемъ. Падая нерѣдко подъ тяжестію грѣховныхъ искушеній, они ничего столько не боятся, какъ умереть безъ покаанія, въ виду того, что смерть безъ покаанія грозитъ лишить ихъ плодовъ подвижничества за прошлое время. Эта боязнь должна быть присуща каждому изъ насъ. Ни о чемъ не должно столько заботиться и молиться какъ о томъ, чтобы скончать жизнь въ мирѣ и покааніи,—въ мирѣ съ Богомъ, съ совѣстію съ ближними, въ покааніи не на словахъ, а въ соединеніи съ ревностію объ умилоствленіи Бога отвращеніемъ отъ грѣховъ и непреклонными усиліями къ побѣжденію ихъ. Благо тому, кто хоть въ концѣ жизни положилъ начало такому покаанію; но горе тому, кто всю жизнь провелъ богоугодно, но предъ смертію совратился съ пути истины и не очистилъ себя покааніемъ: ему уже не вмѣнятся прежніе подвиги и заслуги предъ Богомъ.

Епископъ Виссаріонъ.

ПОДРАЖАТЕЛИ НЕЧЕСТИВАГО ОХОЗИИ.

Поученіе 20 іюля, въ день св. пророка Иліи ¹⁾.

Святый пророкъ Илія жилъ въ царствѣ израильскомъ во дни царя Ахаава и сына его Охозіи. Оба они были нечестивы и поклонялись идоламъ. Случилось, что Охозія расхворался, упавъ изъ окна своего дворца въ Самаріи, и отправилъ пословъ въ сосѣднее государство спросить жрецовъ въ капищѣ языческаго божества Ваала о своемъ выздоровленіи. Пророкъ Илія, по внушенію ангела, встрѣтилъ ихъ на пути, остановилъ и сказалъ: «развѣ нѣтъ Бога во Израиль, что идете вопрошать Ваала, сквернаго бога?» и присовокупилъ: «ступайте назадъ и объявите царю, что не выздоровѣеть, умреть». Услышавъ это, разгнѣванный Охозія послалъ пятьдесятъ воиновъ съ тѣмъ, чтобы они привели къ нему Илію. Илія не послушался и низвелъ съ неба огонь на нихъ и на ихъ начальника. Охозія отправилъ къ Иліи съ тѣмъ же порученіемъ другой отрядъ изъ пятидесяти человѣкъ. Но и они попалины были огнемъ. Охозія послалъ третій отрядъ; но начальникъ отряда, опасаясь, чтобы та же участь не постигла его съ воинами, сталъ умолять Илію о пощадѣ, и спасенъ отъ бѣды. По внушенію ангела, Илія самъ пришелъ къ Охозіи, упрекнулъ его за то, что онъ, вмѣсто того чтобы прибѣгнуть къ Богу израилеву, обратился съ вопрошеніемъ о выздоровленіи къ Ваалу, и въ наказаніе за сіе предсказалъ ему смерть. Предсказаніе немедленно исполнилось (4 Цар. гл. 1).

¹⁾ Говорено въ полураскольническомъ приходѣ.

Грѣхъ, за который царь Охозія наказанъ былъ смертію, есть одинъ изъ видовъ языческаго суевѣрія. Если Охозія обратился съ вопрошеніемъ къ языческому божеству, это значитъ, что онъ отступилъ отъ вѣры въ Бога израилева, единаго истиннаго Бога, промѣнялъ сію вѣру на вѣру въ ложное божество и честь, подобающую истинному Богу, храмъ котораго находился въ Іерусалимѣ, воздалъ бездушному идолу, капище котораго находилось въ одномъ изъ городовъ языческой Финикии. За сію измѣну истинному Богу, какъ за грѣхъ противъ первой заповѣди Десятословія, положена въ Моисеевомъ законѣ смертная казнь. Но такъ какъ во всемъ царствѣ израильскомъ господствовало тогда идолопоклонство и некому было приводить въ исполненіе законъ объ этой казни, особенно въ отношеніи къ царю, покровителю идолопоклонства, то Господу Богу угодно было приговорить его къ смерти чрезъ пророка. Спросимъ теперь, не встрѣчается ли подобный грѣхъ между христіанами? Положимъ, грубаго идолопоклонства не существуетъ въ христіанскомъ мірѣ; но нельзя сказать, чтобы не осталось слѣдовъ его между вѣрующими во Христа. Таковъ, на примѣръ, грѣхъ ворожбы или волшебства, состоящій въ томъ, что нѣкоторые, оставляя вѣру въ силу Божію, вѣрятъ тайнымъ и большею частію злымъ силамъ тварей, именно бѣсовскимъ силамъ и прибѣгаютъ къ ихъ услугамъ. Такіе люди суть тоже что язычники, ибо служащіе языческимъ богамъ служатъ бѣсамъ. Жрецы, исполнявшіе службы ложнымъ богамъ въ языческихъ капищахъ, или дѣйствительно были орудіями бѣсовъ, скрывавшихся въ идолахъ, или обманывали легковѣрныхъ, выдавая себя за истолкователей и исполнителей воли ложныхъ боговъ. Нельзя не признать, что на нихъ очень похожи наши ворожеи, промышляющія при помощи обмана или темныхъ силъ леченіемъ и отгадываніемъ тайнъ. Случилась, на примѣръ, пропажа чего-нибудь въ хозяйствѣ, приключилась болѣзнь скота или человѣка. Чтобы узнать, какъ помочь бѣдѣ, легковѣрные обращаются къ ворожеямъ, которыя за денежное вознагражденіе обманываютъ ихъ от-

гадываніемъ, гдѣ найти прощавшую вещь, даже кого надобно считать воромъ, и берутся лечить неизлечимыя болѣзни. Большою частію обманъ открывається, но это не подрываетъ довѣрія къ обманщикамъ темнаго простонародья. Если изъ десяти случаевъ въ одномъ случаѣ удастся имъ отгадать то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, или вылечить кого-нибудь, этого достаточно для легковѣрныхъ считать ихъ дѣйствительными отгадчиками и даже чудотворными врачами. Тяжкій грѣхъ принимаютъ на душу промышляющіе ворожбою и также обращающіеся къ ихъ помощи. Въ православномъ катихизисѣ тѣ и другіе признаны виновными предъ Богомъ въ нарушеніи первой заповѣди Десятословія.

Къ числу нарушителей первой заповѣди Десятословія, по ученію православнаго катихизиса, относятся также раскольники, которыхъ въ здѣшнемъ приходѣ находится немалое количество. Посему нахожу нужнымъ, не исчисляя другихъ грѣховъ противъ первой заповѣди, обратить вниманіе на грѣхъ раскола. Одни изъ здѣшнихъ раскольниковъ не пріемлютъ священства, другіе имѣютъ лжесвященниковъ. Тѣ и другіе, согласно съ первою заповѣдію, вѣруютъ во единаго истиннаго Бога. Но такъ какъ они враждуютъ противъ Церкви, не слушаются ея, то ихъ вѣра не пользуетъ имъ, ибо, по слову Спасителя, кто Церковь преслушаетъ, тотъ не заслуживаетъ имени вѣрующаго, — онъ есть тоже, что язычникъ. Церковь Христова, по тѣсному общенію со Христомъ, есть тѣло Христово. Раскольники оторвались отъ этого тѣла, слѣдственно чужды Христа, хотя вѣруютъ въ Него. Многіе изъ нихъ до того враждебны Церкви, что почитаютъ грѣхомъ называть Христа *Иисусомъ*, утверждая, что это названіе есть имя антихриста, что православные вѣруютъ въ антихриста, ибо настоящее имя Христа есть *Исусъ*, а не *Иисусъ*. Они же не вѣрятъ обѣтованію Христа о неодолимости Его Церкви, утверждая, что Церкви Христовой давно нѣтъ на землѣ, тогда какъ, по слову апостола Павла, таинство причащенія будетъ совершаться до второго пришествія Христова. Такимъ образомъ, раскольники, хотя исповѣдаютъ

устами ту же самую вѣру, какую мы исповѣдуемъ по символу вѣры, но на дѣлѣ оказываются невѣрующими, ибо вражда ихъ противъ Церкви есть вражда противъ Самого Христа. Въ семъ отношеніи они весьма походятъ на царя Охозію, наказаннаго пророкомъ Ілією за пренебреженіе Бога Израилева и за предпочтеніе Ему Ваала. Въ образѣ Ваала Охозія и подданные его поклонялись діаволу, сами того не подозрѣвая. Діаволь, по слову Спасителя, есть ложь и отецъ лжи. Какъ онъ ослѣплялъ ложью язычниковъ и вооружалъ противъ истиннаго Бога и противъ Его Церкви, хранившейся въ избранномъ народѣ, такъ онъ же ослѣпилъ раскольниковъ тмою грубѣйшихъ заблужденій противъ истинной вѣры, хранимой въ православной Церкви. Опомнитесь, несчастные, поймите, какъ пагубно ваше положеніе въ удаленіи отъ Церкви, поймите, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Перестаньте слушать вашихъ слѣпыхъ вождей подобно тому, какъ поклонники Ваала слушали жрецовъ его, державшихъ выдавать себя за истолкователей воли этого ложнаго божества и увлекавшихъ на путь гнуснѣйшаго суевѣрія легковѣрный народъ. Вы надѣетесь получить спасеніе внѣ Церкви въ сонмищѣ людей враждебныхъ ей. Бросьте эту суетную надежду, внушаемую и поддерживаемую діаволомъ отцомъ лжи. «Развѣ нѣтъ Бога у Израиля, что вы обращаетесь къ Ваалу?» сказалъ Ілія слугамъ Охозіи, посланнымъ къ нему. Развѣ нѣтъ Бога въ истинной Христовой Церкви, въ обществѣ духовнаго Израиля, въ Церкви Бога живаго, въ которой Господь Іисусъ обѣщаль пребывать до скончанія вѣка? Отпавши отъ Церкви Христовой, вы отпали отъ Христа. Поспѣшите возвратиться къ Нему, перестаньте ходить къ Ваалу, перестаньте обращаться къ учителямъ лжи, слугамъ діавола, удерживающимъ васъ въ удаленіи отъ дома Божія, святой Церкви, въ которой сосредоточены всѣ средства спасенія, въ которой изливается на вѣрующихъ много-различная благодать Божія, сообщаемая чрезъ законныхъ служителей Церкви. Поклонниковъ Ваала пророкъ Ілія погасилъ огнемъ съ неба. Огонь геенскій не угасающій, вѣчно

жгущій, но не сожигающій, уготованъ врагамъ Церкви вкупѣ съ діаволомъ и аггелами его. Бойтесь этого огня и страхомъ вѣчныхъ мукъ поспѣшите сбросить съ себя сѣти лжи и лукавства, которыми васъ опуталъ діаволь. Законъ Моисеевъ осуждалъ на казнѣ отпадшихъ отъ завѣта съ истиннымъ Богомъ. Подобная строгость не примѣняется къ уклонившимся отъ новозавѣтной православной Церкви чадамъ ея. Долготерпѣливый Господь щадить ихъ, давая имъ время на покаяніе и ожидая отъ нихъ добровольнаго обращенія. Горе имъ, если они не воспользуются этою милостію Божіею и, закоснѣвая подобно діаволу во враждѣ противъ Церкви, умрутъ безъ покаянія. На томъ свѣтѣ поздно будетъ каяться. А вы, православные христіане, слушающіе меня, благодарите Господа за ту неизреченную милость, что принадлежите къ святой Его Церкви и въ ней обрѣтаете всѣ средства ко спасенію. Дорожите сею милостію, пользуйтесь этими средствами и, живя среди раскольниковъ, не только не увлекайтесь ихъ лжемудрованіями, но еще старайтесь обратить ихъ на путь истины благими вразумленіями, усердною молитвою за нихъ ко Господу и примѣромъ строгой христіанской и церковной жизни.

Епископъ Виссаріонъ.

ЦЕРКОВНЫЯ РАЗНОГЛАСІЯ, НЕ ПРОТИВНЫЯ ПРАВОСЛАВІЮ.

Поученіе въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ.

*Молю вы, братіе, именовъ Господа
нашего Иисуса Христа, да тожде гла-
голете вси, и да не будутъ въ васъ
распри, да будете же утверждены въ
томъже разумнѣи и въ тойже мысли
(1 Кор. 1, 10).*

Сими словами начинается сегодняшнее апостольское чтеніе. Что это за распри, отъ которыхъ апостоль Павелъ предостерегаетъ Коринескихъ христіанъ, убѣждая ихъ, чтобы они всѣ говорили одно и соединены были въ одномъ разумнѣи и въ однѣхъ мысляхъ? «И разумѣю то, объясняетъ далѣе Апостоль, что у васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ» (ст. 12). Это значить, что въ Коринеской церкви появились партіи: одни объявляли себя учениками Павла, другіе—Аполлоса, третьи—Кифы, т.-е. апостола Петра. Были и такіе, которые называли себя только Христовыми. Какъ понимать это раздѣленіе на партіи? Въ томъ ли смыслѣ, что Коринескіе христіане раздѣлились по вѣрѣ на разныя общества, что одни принадлежали къ единой Христовой и апостольской Церкви, другіе же уклонились отъ сего единства на сторону учителей неправой вѣры? Что нельзя понимать въ этомъ смыслѣ, видно изъ того, что въ томъже посланіи Апостоль говоритъ слѣдующее: «кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только слу-

жители, черезъ которыхъ вы увѣровали. Я насадилъ, Аполлосъ поливаль, но возрастилъ Богъ. Насаждающій же и поливающій суть одно. Ибо мы соработники у Бога» (1 Кор. 3, 5. 6. 8. 9). Судя по всему этому, никакъ нельзя думать, чтобы въ основаніи раздѣленія на партіи лежало разногласіе въ вѣрѣ. Ничего подобнаго такому разногласію не было: всѣ члены Коринтской церкви были православные и различались только тѣмъ, что не признавали одинаковаго достоинства въ учителяхъ, однимъ больше нравился Павелъ, другимъ Аполлосъ, инымъ Киѳа; предпочтеніе одному учителю предъ другимъ вызвано было не разностями ихъ въ ученіи вѣры, а разностями ихъ качествъ, нравственными, умственными и можетъ быть даже наружными: одинъ, напримѣръ, увлекался краснорѣчіемъ того или другого учителя, мягкостію въ обращеніи съ учениками, другому нравилось болѣе глубокомысліе учителей, прямота и строгость въ проповѣданіи. Были и такіе христіане, которые высоко цѣнили наружныя достоинства учителя, плѣнялись его осанкою и голосомъ. У каждаго свой вкусъ и разность во вкусахъ сказалась въ пристрастіи къ одному какому-либо учителю съ пренебреженіемъ, или, по крайней мѣрѣ, съ меньшимъ уваженіемъ къ другому. Подобное явленіе было въ послѣдствіи въ одиннадцатомъ столѣтіи въ церкви Константинопольской. Въ народѣ произошелъ тогда споръ изъ-за трехъ вселенскихъ учителей. Спорили о томъ, кому изъ нихъ надобно отдать первенство. Одни ставили выше всѣхъ Василія Великаго, указывая на его твердость духа и основательное разсужденіе, другіе превозносили преимущественно Григорія за высоту и глубину богословствованія, третьи предпочитали обоимъ св. Златоуста за его краснорѣчіе и любовь къ грѣшникамъ. Разногласіе въ сужденіи о достоинствахъ трехъ святителей дошло до того, что одни начали называться Василіанами, другіе—Григоріанами, третьи—Іоаннитами. Эта распря прекращена, наконецъ, самими святителями. Всѣ они явились въ видѣніи Іоанну митрополиту Евхитскому, сначала каждый порознь, а потомъ вмѣстѣ, и заповѣдали ему

объявить всѣмъ, что они одинаково угодны предъ Богомъ, что между ними нѣтъ перваго, нѣтъ второго. Вслѣдъ за тѣмъ установленъ по ихъ внушенію общій для всѣхъ трехъ святителей праздникъ, совершаемый тридцатаго января, и споры изъ-за нихъ уже не повторялись болѣе.

Нѣтъ ли въ наше время подобныхъ разногласій и споровъ въ нѣдрахъ православной Церкви, существенно не вредящихъ православію, но во всякомъ случаѣ нежелательныхъ? Къ сожалѣнію, есть. Случается, что многіе изъ прихожанъ легко примираются съ недостатками священниковъ. Каковъ бы ни былъ священникъ, хорошій ли, или дурной, исправный по службѣ, или неисправный, учительный, или неучительный, для нихъ все равно, потому что благодать священства, каковъ бы ни былъ священникъ, имѣетъ одинаковую силу, не умаляется въ недостойныхъ и не увеличивается въ достойныхъ, такъ что священнодѣйствіе, совершаемое тѣми и другими, одинаково спасительно для всѣхъ. Они довольны священниками достойными, но не презираютъ и не осуждаютъ недостойныхъ. Не такъ разсуждаютъ и поступаютъ другіе. Они очень требовательны въ отношеніи къ священникамъ; они уважаютъ только тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ видятъ совмѣщеніе разныхъ личныхъ и пастырскихъ совершенствъ. Они любятъ присутствовать при совершеніи ихъ священнослуженія, охотно выбираютъ ихъ въ духовники для себя, но избѣгаютъ общенія съ другими, которые неуютны имъ по жизни и по службѣ. Это непохвальная крайность, особенно въ томъ случаѣ, если они подъ предлогомъ достоинства священниковъ, совсѣмъ уклоняются отъ посѣщенія совершаемыхъ ими церковныхъ службъ и даже отъ исполненія долга исповѣди, не обращая вниманія на то, что благодать Божія дѣйствуетъ и черезъ недостойныя орудія.

Есть не мало православныхъ, которые любятъ посѣщать церковныя службы только въ тѣхъ храмахъ, гдѣ пѣніе исполняется голосистыми и искусными пѣвцами и притомъ не по простымъ общепринятымъ напѣвамъ, а по новѣйшимъ, такъ

называемымъ итальянскимъ нотамъ, напоминающимъ иногда свѣтское пѣніе, чуждое церковнаго характера. Другіе же изъ православныхъ терпѣть не могутъ подобнаго пѣнія, и почитаютъ грѣхомъ исполненіе его въ православныхъ храмахъ. Для нихъ всего дороже пѣніе простое, безыскусственное, исполняемое съ благоговѣніемъ немногими, даже однимъ какимъ-нибудь псаломщикомъ. Они обращаютъ вниманіе не столько на пѣніе, сколько на содержаніе церковныхъ пѣснопѣній,—оно главнымъ образомъ ихъ услаждаетъ, умиляетъ и назидаетъ, такъ что, углубляясь въ смыслъ ихъ, они примираются съ неискуснымъ пѣніемъ. Они любятъ посѣщать храмъ Божій не для развлеченія хорошимъ пѣніемъ, а для общенія съ Господомъ, для молитвенной бесѣды съ Нимъ. Конечно, это прекрасно, и дай Богъ, чтобы среди насъ было побольше такихъ любителей церковныхъ молитвъ и богослуженія. Но съ другой стороны, нельзя одобрить ихъ, если сочувствіе ихъ къ простому, безыскусственному церковному пѣнію соединяется съ пренебреженіемъ къ напѣвамъ художественнымъ, хотя бы они согласны были съ требованіемъ церковнаго благоприличія. Таковыя напѣвы весьма полезны въ томъ случаѣ, если производятъ спасительное впечатлѣніе на души людей, привыкшихъ къ невиннымъ эстетическимъ удовольствіямъ.

Тоже надобно сказать о почитаніи святыхъ иконъ. Одни чтутъ иконы только стариннаго письма, не обращая вниманія на нѣкоторыя неправильности въ художественномъ и археологическомъ отношеніи. Послѣдній недостатокъ для нихъ не имѣетъ никакого значенія, ибо иконы пишутся не для глядѣнья, а для моленья; но непохвально то, что они привязанность свою къ стариннымъ иконамъ простираютъ до уничтоженія иконъ, написанныхъ по правиламъ новѣйшаго искусства, но правильно, съ сохраненіемъ церковнаго приличія. Каковы бы ни были иконы по характеру письма, наше чествованіе ихъ относится не къ письму, не къ рисунку, не къ краскамъ, не къ формѣ досокъ, но къ ликамъ Господа и Святыхъ Его, на нихъ начертаннымъ. Можно

возставать противъ слишкомъ натурального изображенія Святыхъ, противъ церковной живописи не всегда скромной и цѣломудренной; но какъ вообще неосновательно предубѣжденіе многихъ противъ иконъ новаго письма, видно изъ того, что чрезъ нѣкоторыя изъ нихъ благодать Божія проявляетъ свою чудотворную силу. Таковы, на примѣръ, Черниговская икона Богоматери, икона Трехъ радостей и икона Споручницы грѣшныхъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ разногласія и пререканій между раскольниками и православными служитъ обрядъ крестнаго знаменія. Этотъ обрядъ есть наглядное выраженіе вѣры въ спасительную силу креста Христова, или точнѣе жертвы Христовой, принесенной на крестъ. Такое значеніе обряда согласно признаютъ православные и раскольники. Но разность въ перстосложеніи: православные творять крестное знаменіе тремя перстами, исповѣдуя вѣру во Святую Троицу; раскольники же двумя перстами, исповѣдуя вѣру въ Богочеловѣчество Христово, то-есть въ догматъ соединенія въ лицѣ Христа двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. Понимать двуперстіе въ этомъ смыслѣ непротивно истинѣ. Къ сожалѣнію, раскольники подъ предлогомъ ревности къ сохраненію этой истины употребляютъ двуперстіе въ знаменіе вражды къ православной Церкви и всячески порицаютъ и хулятъ троеперстіе, называя его щепотью, знаменіемъ антихриста и тремя апокалипсическими жабами. Вотъ причина, почему русская православная Церковь на соборѣ тысяча шестьсотъ шестьдесятъ седьмого года строго осудила двуперстниковъ, имѣя въ виду не догматическое значеніе двуперстія, но кощунственное его употребленіе, какъ знаменіе вражды къ Церкви, благословившей употребленіе троеперстія, искони вѣковъ во всемъ православномъ мірѣ сохраняющаеся. Это осужденіе снято одвако Церковью съ такъ называемыхъ единовѣрцевъ, то-есть лицъ, присоединившихся изъ раскола къ Церкви подъ условіемъ сохраненія двуперстія и другихъ, излюбленныхъ ими обрядовъ. Церковь благословила имъ употреблять двуперстіе съ тѣмъ,

чтобы они не хулили троеперстіе и признавали власть надъ собою законныхъ церковныхъ пастырей. Такъ поступаютъ истинные единовѣрцы. Къ сожалѣнію, есть между единовѣрцами такіе, въ которыхъ, несмотря на то, что православная Церковь признаетъ ихъ своими чадами, не исчезло предубѣжденіе противъ троеперстія: они почитаютъ его грѣхомъ и называютъ щепотью. Православная Церковь снисходительно терпитъ ихъ, видя, что они не прерываютъ союза съ нею, въ надеждѣ, что со временемъ духовное просвѣщеніе поколеблетъ ихъ предубѣжденіе противъ троеперстія. Къ прискорбію, остатки этого заблужденія, наслѣдованнаго отъ раскольническихъ предковъ, замѣчаются во многихъ чадѣхъ обще-православной Церкви, продолжающихъ креститься двуперстно. Православные не должны смущаться этимъ разногласіемъ съ ними, не должны упрекать ихъ за это разногласіе въ виду того, что съ двуперстіемъ соединяется исповѣданіе догматической истины. Приверженцамъ двуперстія, недовольнымъ троеперстіемъ за то, что въ соединеніи съ крестнымъ знаменіемъ оно будтобы знаменуетъ распятіе всѣхъ лицъ Святыя Троицы, достаточно отвѣчать, что распятіе Христово на крестѣ потому для насъ спасительно, что распятый за насъ есть не простой человѣкъ, но одно изъ лицъ Пресвятыя Троицы, что слѣдовательно догматъ о крестѣ имѣетъ связь съ догматомъ о Святой Троицѣ, каковая мысль выражена въ церковномъ пѣснопѣніи: *единородный Сыне и Слове Божій*, гдѣ сказано о Христѣ, что *распялся за ны и смертію смерть поправъ единъ съй святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу*. При такомъ способѣ защиты православнаго крестнаго знаменія легко можетъ быть поддержанъ миръ въ средѣ православныхъ христіанъ и устраненъ поводъ къ расколу. Подобное случайное разногласіе нельзя считать опаснымъ, доколѣ оно не выходитъ изъ предѣловъ православной Церкви и имѣетъ чисто домашній характеръ. Иное дѣло, тѣ разногласія, въ которыхъ выражается вражда противъ Церкви и даже вообще противъ христіанства, каковы ереси и нехристіанскія лже-

ученія. Съ ними никоимъ образомъ нельзя примиряться. «Еслибы даже ангель съ неба сталъ благовѣствовать не то, что намъ благовѣствовали апостолы, да будетъ анаеема», то-есть да будетъ отлученъ отъ Церкви (Гал. 1, 8). Подобное отлученіе недавно Святѣйшимъ Синодомъ произнесено противъ извѣстнаго учителя, дерзнувшаго замѣнить благовѣствованіе, или Евангеліе Христова своевольнымъ измышленіемъ новаго, совсѣмъ противоположнаго ему Евангелія. Отлученіе имѣло цѣлью не только вразумить его и послѣдователей его, но также предостеречь другихъ отъ его заблужденій. Къ сожалѣнію, эта цѣль не достигнута. Вразумленіе только еще пуще озлобило лжеучителя и подало поводъ къ проявленію сочувствія къ нему со стороны его приверженцевъ. Но если уголовной отвѣтственности подлежать не только воры и разбойники, но и пристонадержатели ихъ, то само собой разумѣется, что церковной кары заслужилъ не только помянутый лжеучитель, но и всѣ сочувствующіе ему и своимъ сочувствіемъ поддерживающіе его и поощряющіе къ большой дерзости и наругательствамъ противъ Церкви. Трудно вразумить таковыхъ, дай только Богъ, чтобы этою карою предостережены были отъ увлеченія помянутымъ лжеученіемъ, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые по милости Божіей еще не успѣли заразиться имъ.

Епископъ Виссаріонъ.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

СВѢТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ІОНАНА VII (ЦАЦОСЬ).

БЕСѢДА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

О тѣхъ, за кого молится Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

4) Азъ прославихъ тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ да сотворю. 5) И нынѣ прослави мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть.

Іоан. XVII, 4—10.

§ 1. Въ первой главѣ того же св. Евангелія говорится опредѣленно, что «въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово» (Іоан. I, 1). Совлекся же Онъ сей славы и «плоть бысть и вселися въ ны» (ст. 14), чтобы исполнить волю Божию и совершить великое дѣло искупленія. Теперь же когда предстоитъ Ему воспринять «славу, юже имѣяше у Отца, прежде міръ не бысть», Онъ взираетъ на предстоящее дѣло съ удовлетвореніемъ, которому Самъ только изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ и могъ достойно послужить. «Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ, да сотворю». И важнѣйшимъ въ этомъ дѣлѣ было избрать и основать Церковь, то-есть общество людей, которые будутъ непрерывно приводить въ исполненіе блаженную и милостивую волю Божию и благовѣствовать «евангеліе благодати» (Дѣян. XX, 24). Таково первое слово молитвеннаго общенія Сына со Отцемъ, возвышающее наше восторженное удивленіе и служащее въ помощь нашему учительству.

6) *Явихъ имя Твое челоувкомъ, ихже далъ еси Мнѣ отъ міра: Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси: и слово Твое сохраниша.*

§ 2. Нѣкоторые люди избраны были изъ міра, изъ жителей Іудей, и «даны» Господу Іисусу въ качествѣ апостоловъ Его, чтобы слѣдовать за Нимъ въ земномъ Его служеніи и «быти Ему свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудей, и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли» (Дѣян. 1, 8). Они были Божіими, какъ и всѣ люди: «Сего бо и родъ есмь... О немъ бо живемъ и движемся и есмь» (Дѣян. XVII, 28); и ихъ далъ Отецъ Господу Іисусу. «Твои бѣша и Мнѣ ихъ далъ еси; и слово Твое сохраниша», говорить въ молитвѣ Своей Спаситель. Читая же объ обстоятельствахъ призванія апостоловъ и замѣчая, что послѣдніе тотчасъ же «оставльше вся, въ слѣдъ Его идоша» (Лук. V, 11), мы заключаемъ, что апостолы «даны» были Господу совершенно особымъ нѣкимъ образомъ. Сердца ихъ предуготовлены были въ тому свыше. Всякій, конечно, челоувкъ, когда бы и гдѣ бы онъ ни жилъ, становится рабомъ Христа, будучи привлекаемъ къ Нему Духомъ Божіимъ; но апостолы имѣли призваніе явное и непосредственное, независимое отъ обычнаго вліянія божественной благодати. Въ этомъ отношеніи положеніе ихъ было отлично отъ положенія прочихъ вѣрующихъ; но ученіе, которое преподавалъ имъ затѣмъ «Господь и Учитель ихъ» (XIII, 14), касается и всѣхъ, «вѣрующихъ словесе ихъ ради» (Іоан. XVII, 20).

7) *Нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть.* 8) *Яко глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тиі пріяша, и разумѣша воистину, яко отъ Тебе изыдохъ, и въроваша, яко Ты Мя послалъ еси.* 9) *Азъ о сихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть.* 10) *И Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя: и прославишя въ нихъ.*

§ 3. Господь, зная нашу естественную немощь, оставляетъ намъ залогъ всегдашняго своего ходатайства за народъ

Свой. Подобно тому, какъ по Іудейскому закону первосвященникъ обязанъ былъ молиться за народъ, и Іисусъ Христосъ, достоинство Коего прообразовалось у іудеевъ званіемъ главнаго архіерея, испрашиваетъ въ молитвѣ у Бога вѣрующимъ въ Него обѣщанныя благословія, за которыя крестная смерть Его должна была теперь послужить выкупомъ. Онъ ясно показываетъ намъ, что тѣ, за кого Онъ особо ходатайствуетъ предъ Отцемъ, суть «данные Ему Богомъ». «Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ», невѣрующемъ и некающемся, но о тѣхъ, «ихже далъ еси Мнѣ».

§ 4. Робкая какая-нибудь душа и беспокойная могла бы, конечно, сказать себѣ: если бы дано мнѣ было увѣриться, что слова молитвы Господней касаются и меня или и cadaго, находящагося въ одинаковомъ со мною положеніи, я была бы счастлива. Если бы могла я только увѣдиться, что Богъ отдѣлилъ меня отъ міра, что я дана Христу, я была бы въ мирѣ. Господь и не оставилъ безъ вниманія тревоги душъ, которыя могли бы оказаться въ сомнѣніи, но даетъ имъ достаточно ободренія и увѣренности. Хотя Онъ и ограничилъ молитву Свою опредѣленными лицами («о сихъ молю»), но повѣдалъ намъ, кому принадлежитъ и на чемъ основано это высшее преимущество предпочтенія: «Глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тиі пріяша, и разумѣша воистину, яко отъ Тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси». Вотъ — христіанское вѣрованіе, остающееся всегда тѣмъ же, касается ли оно апостола, или простѣйшаго послѣдователя Христова.

§ 5. Принимать слова Христовы, какъ Божіи; принимать искупленіе, Имъ совершенное, какъ даръ благодати Божіей роду погибшему и извращенному: это и значить принимать Его; а всѣмъ, принимающимъ Его, въ какомъ вѣкѣ и въ какой странѣ ни жили бы они и каковы бы ни были обязанности, къ которымъ они призваны, Іисусъ «даде область чадомъ Божіимъ быти» (1, 12). О нихъ говоритъ Онъ въ молитвѣ: «ихже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя — Моя: и прославихся въ нихъ»

Итакъ, нѣтъ никакой необходимости смотрѣть на то, какимъ образомъ мы избраны, но остановимъ вниманіе на вѣрѣ нашей: если она по признакамъ своимъ—несомнѣнный нашъ удѣлъ, то остальное будетъ обрѣтено въ Богѣ. Всѣ, приходящіе ко Христу и принимающіе отъ Него слово Божіе «и хранящіе е» (Лук. XI, 28) «даны Ему отцемъ» и включены въ Его молитву о вѣрующихъ. Вотъ въ чемъ плоды труда Его, вотъ—воздаяніе за Его страданія и крестную смерть: «Всякъ, говоритъ Господь, видяъ Сына и вѣруай въ Него, имать животъ вѣчный: и воскресу его Азъ въ послѣдній день» (Іоан. VI, 30).

§ 6. Нѣтъ необходимости предполагать, что Господь нашъ не ходатайствуетъ и о мірѣ въ виду того, что молитва Его ко Отцу только за тѣхъ, «елицы пріяша Его» и «увѣроваша во имя Его» (Іоан. 1, 12,—«Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю»). Апостоль Павелъ благовѣствуетъ намъ, что «Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ» (2 Кор. V, 19). И дѣйствительно, Самъ Господь провозглашаетъ положительно, что «не посла Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ міръ» (Іоан. III, 17), и потому, прежде чѣмъ окончить эту чудную Свою и преисполненную любви молитву, прибавляетъ еще: «да и міръ вѣру иметь, яко Ты Мя послалъ еси» (Іоан. XVII, 21). Но хотя Господь нашъ и «есть Спаситель всѣмъ человѣкомъ» (1 Тим. IV, 10), Онъ—Спаситель всѣхъ вѣрующихъ. Принимающіе Его и вѣрующіе во имя Его вступаютъ въ Его стадо, дѣлаясь изъ сыновъ вѣка сего членами Церкви Его, и становятся причастными завѣту и таинствамъ Его. Чрезъ этотъ завѣтъ мы дѣлаемся едино съ Нимъ и Онъ едино съ нами. Онъ хранитъ насъ подъ кровомъ Своимъ и молить о насъ Отца Своего небеснаго, что служить къ славѣ Божіей и къ вѣчному нашему спасенію. Онъ ходатайствуетъ о насъ, взывая: «молю о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ»; прежде чѣмъ быть призванными въ стадо Мое, они были «отъ міра сего»; нынѣ же, увѣровавъ во имя Мое, не уклонившись отъ власти Моей, съ коей явился

Я міру, они <не суть отъ міра>; поэтому Я и молю о нихъ, <да дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержатъ> (Евр. III, 6) и содѣлаются достойными грядущаго вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ.—Кто изъ насъ не желаетъ отъ всего сердца, чтобы и его имя влючено было въ эту молитву Господню? Какое благословеніе выше того, какъ если удостоиваешься молитвы, которую возносить за людей Сынъ Божій? Кому же даровано величайшее сіе благо? Всѣмъ, ибо всѣхъ призываетъ Онъ къ Себѣ, говоря: <Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ> (Іоан. VI, 37). Но необходимо намъ помнить, что для улученія сего блага, должно приходить къ Нему съ полною готовностью. Онъ молится не о мірѣ, но о тѣхъ, кто не отъ міра, кто оставилъ служеніе міру и избѣжалъ его надъ собою власти, чтобы быть въ состояніи служить Господу, подъ покровомъ и державою Коего бывають въ безопасности и наслаждаются великимъ воздаяніемъ. О, если бы и мы оказались въ числѣ тѣхъ, кто оставилъ міръ и принялъ не на словахъ только святую вѣру во Спасителя Христа!

Съ благословенія Его Святѣйшества, перевелъ съ греческаго настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ прот. *Александръ Смирноуло.*

О. ИГУМЕНЪ ДАНИИЛЬ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЕЕСИМАНСКАГО СКИТА И ПЕЩЕРЬ. *)

V.

Итакъ, молодой послушникъ Димитрій въ первоначальные годы своего пребыванія въ Геесиманскомъ скиту находился подъ тремя сильными вліяніями: старцевъ-подвижниковъ, о. строителя Анатолія, и такого великаго мужа, святителя, какъ митрополитъ Филаретъ. Окидывая бѣглымъ взоромъ условія жизни, среди которыхъ началъ свой подвигъ Димитрій, трудно указать еще что нибудь болѣе благопріятное для его всесторонняго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, живя среди такихъ людей и такой нравственной атмосферы, чему нельзя было научиться здѣсь? Предъ его взорами проходила жизнь старцевъ-подвижниковъ, полная разнообразныхъ подвиговъ. Одни изъ нихъ жили подъ землей въ пещерахъ, никогда не показываясь на свѣтъ Божій, другіе въ лѣсу въ небольшихъ хижинахъ-мазанкахъ. Одни невольно поражали всѣхъ одними добродѣтелями, другіе другими. Предъ его глазами проходила жизнь о. строителя скита, отличавшаяся кипучей разносторонней дѣятельностію въ дѣлѣ внѣшняго и внутренняго благоустроенія скита. Благодаря удивительной энергіи этого строителя вездѣ и всюду кипѣла въ скиту работа. Тамъ и тутъ почти изъ ничего, какъ бы по какому волшебному мановенію, возникали различныя зданія, необходимыя хозяйственныя постройки. Средствъ въ скиту не было, но умный и энергичный строитель всегда умѣлъ ихъ откуда-то достать. Постепен-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душеспол. Чит.* 1902 г.

но о. Анатолий такъ благоукрасилъ скитъ, что онъ сталъ совершенно почти неузнаваемымъ. Димитрій былъ свидѣтелемъ жизни и дѣятельности такого великаго мужа, какъ святитель Филаретъ, — мужа великаго ума, мудрости, рѣдкихъ административныхъ дарованій, трудолюбія, высоты духовной жизни. Цѣлыхъ десять лѣтъ онъ былъ у ногъ его. Какая масса народа прошла предъ его глазами, начиная отъ бѣднаго крестьянина и кончая самымъ высокимъ сановникомъ? Сколько пришлось ему наблюдать здѣсь восторговъ народныхъ, слезъ умиленія, видѣть различныхъ жертвъ, слышать горячихъ обѣтовъ исправиться и начать новую жизнь?..

Живя среди такихъ благопріятныхъ условій, Димитрій началъ постепенно сродняться съ мыслию о монашествѣ, впитывать въ себя духъ монашеской жизни. Когда воля начальства призвала его къ монашеству, онъ былъ уже вполне подготовленъ къ нему, полюбилъ его всей душой и не представлялъ для себя возможнымъ устроить свою жизнь еще какънибудь иначе. Нѣкоторые какъ-то безсознательно относятся къ этому великому моменту въ своей жизни. Они какъ бы идутъ въ монашество въ силу только необходимости. Душа постригаемаго Димитрія вся пламенѣла любовью къ иноческой жизни. Замѣчательно, эту свою глубокую, горячую любовь къ монашеству новопостриженный братъ Давидъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни. Онъ такъ любилъ монашество, что никакія невзгоды житейскія не заставили бы его измѣнить монашескому своему званію. Если бы когданибудь его стали изгонять изъ обители, то онъ желалъ бы скорѣе хворостиной торчать тамъ или соромъ валяться на монастырскомъ дворѣ, чѣмъ оставить обитель. Вотъ почему онъ не любилъ тѣхъ монаховъ, на которыхъ монашеская ряса была совершенно случайно надѣта и которые въ своей жизни напоминали собою скорѣе чиновниковъ въ рясѣ, чѣмъ истинныхъ монаховъ. Вотъ почему съ другой стороны онъ всегда былъ пропагандистомъ монашества и другомъ cadaго монаха.

Живя среди такихъ благопріятныхъ условій, о. Данииль необыкновенно полюбилъ свой монастырь. Это также весьма замѣчательная и любопытная черта. Для многихъ монастырь является чѣмъ-то чужимъ. Живя въ монастырѣ, такіе люди какъ бы живутъ гдѣ либо на чужой квартирѣ, которую имъ совершенно безразлично оставить въ тотъ или другой моментъ ихъ жизни, чтобы поселиться на другой. Такой монахъ—плохой работникъ въ монастырѣ. Монастырь ничего отъ него не получитъ. О. Данииль такъ сроднился съ Геосиманскимъ скитомъ, что онъ сталъ для него второю родиной. Для него сталъ теперь дорогъ каждый кустикъ монастырскій, каждый клочокъ монастырской земли. Никакіе соблазны не заставили бы его выдти изъ своего монастыря. Эту любовь къ скиту онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни. Много горя пришлось испытать о. Даниилу въ монастырѣ, но онъ все перенесъ, а не оставилъ его. Ему приходилось по временамъ нести прямо непосильный трудъ, но и это не заставило его бѣжать изъ своего любимаго скита. Рано начали соблазнять о. Даниила настоятельствомъ и архимандритствомъ въ другихъ монастыряхъ. Приглашали нѣсколько разъ въ различныя епархіи, но и это все не соблазнило его и не заставило промѣнять свою обитель на другую.

Нужно ли послѣ всего этого удивляться тому, что онъ, будучи надѣленъ отъ природы хорошими дарованіями, придя въ монастырь съ хорошей заправкой, быстро овладевалъ въ обители каждымъ послушаніемъ, какое давали ему, и началъ скоро обращать на себя вниманіе своего начальства. Для всѣхъ, кто зналъ его, видно было, что въ недалекомъ будущемъ изъ него выработается незаурядный монахъ - дѣятель. Нѣкоторые уже очень рано начали предречать ему блестящее будущее. Не нужно было быть особеннымъ провидцемъ, чтобы, глядя на о. Даниила, не сказать, что его ожидаетъ въ будущемъ. Такихъ людей почти всегда можно опредѣлить съ перваго раза. И дѣйствительно, читая его формуляръ, нельзя не

видѣть, что его награды шли сравнительно довольно спѣшно. Онъ поступилъ въ скитъ въ 1857 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а въ 1858 г. 6 апрѣля ему дали рясофоръ. Въ 1861 г. 28 сентября самъ владыка Филаретъ посвятилъ его въ стихарь. Въ 1866 г. 20 ноября его постригаютъ въ монашество съ именемъ Даниила. Въ 1867 г. 17 ноября его уже рукополагаютъ въ іеродиакона. Это было наканунѣ смерти митрополита Филарета. О. Даниилъ былъ у владыки 16, получилъ отъ него благословеніе на посвященіе. Владыка просилъ его передать благословеніе и всей Геесиманской братіи, а 19 его уже не стало. Въ 1872 г. 20 іюля о. Даниилъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1875 г. 28 ноября назначенъ исправляющимъ должность казначея. Въ 1877 г. 30 сентября онъ уже былъ утвержденъ въ этой должности. Въ 1880 г. 8 іюля награжденъ набедренникомъ, а 27 декабря назначенъ исправляющимъ должность строителя.

Итакъ, черезъ 23 года жизни въ монастырѣ, на 46 году своей жизни, будучи еще сравнительно молодымъ человекомъ, не имѣя никакихъ особенныхъ наградъ, вольноотпущенный крестьянинъ, не надѣявшійся сначала даже и поступить въ монастырь, становится начальникомъ его. Черезъ 23 года жизни въ монастырѣ далеко не каждый бываетъ даже и простымъ іеромонахомъ...

VI.

Назначая о. Даниила на должность строителя начальника скита, высшее духовное начальство не могло сдѣлать болѣе удачнаго выбора. О. Даниилъ прошелъ такую подготовительную школу, которая дала ему всѣ средства къ тому, чтобы быть не только незауряднымъ, но прямо выдающимся настоятелемъ. Въ монастырѣ не было ни одного послушанія, начиная отъ самаго высшаго и кончая самымъ низшимъ, которое не проходилъ бы самъ лично о. Даниилъ. Вслѣдствіе этого ему были прекрасно извѣстны всѣ трудности и недочеты каждаго скитскаго послушанія. Никакое

затрудненіе, какое могло возникнуть при исполненіи того или другого послушанія, не могло застать о. Даниила врасплохъ. И дѣйствительно, представители всѣхъ монастырскихъ послушаній всегда находили въ лицѣ о. Даниила мудраго руководителя. Его совѣты, указанія обыкновенно отличались практичностью, ясностью, опредѣленностью и послѣдовательностью. У него не было противорѣчивыхъ распоряженій, не было, да и не могло быть никакихъ колебаній. А это все вселяло въ подчиненныхъ ему братьевъ монаховъ духъ особой бодрости и энергіи, потому что каждый видѣлъ и ясно понималъ, для чего онъ трудится.

Если каждый человѣкъ сравнительно съ другимъ человекомъ имѣетъ какія либо особенности, то несомнѣнно ихъ имѣетъ и каждый начальникъ монастыря. О. Данииль представлялся взору cadaго, хорошо знавшаго его, прежде всего, какъ прекрасный талантливѣйшій строитель-хозяинъ. Память о немъ, какъ строителѣ, будетъ существовать цѣлыя столѣтія и не погибнетъ до тѣхъ поръ, пока не погибнутъ всѣ его грандіозныя и дорогія сооруженія въ скиту. Много времени намъ потребовалось бы для того, чтобы перечислить ихъ всѣ. Поэтому мы ограничимся лишь немногими.

Самой главной его постройкой, конечно, нужно считать великолѣпный храмъ, что онъ создалъ надъ «погребкомъ» Филиппушки. «Погребокъ» Филиппушки скоро превратился въ рядъ пещеръ съ пещерниками, схимниками. Около «погребка» стала быстро собираться братія. Надъ «погребкомъ» уже появилась церковь. Но число братіи все болѣе и болѣе увеличивалось, Икона Черниговской Божіей Матери, по молитвамъ предъ которой стали совершаться поразительныя чудеса, стала привлекать въ пещеры массы богомольцевъ.

Тѣсная церковка, что была надъ «погребкомъ», далеко уже не вмѣщала всѣхъ богомольцевъ. Нужно было построить новый храмъ. Еще болѣе нужно было построить

новый храмъ потому, чтобы великая святыня убогаго пещернаго храма, чудотворная икона Божіей Матери, находилась въ достойномъ ея величію и святости сооруженіи. За осуществленіе этой настоятельной нужды и принялся о. Данилъ. Его энергіи, заботамъ, труду, находчивости и вкусу обязана пещерная обитель устройствомъ въ ней новаго храма, отличающагося величіемъ и изяществомъ отдѣлки, которая такъ пріятно удивляютъ и поражаютъ собою всѣхъ любителей благолѣпія дома Божія. И дѣйствительно, созданный о. Даниломъ храмъ, по своему изяществу и великолѣпію, является единственнымъ въ своемъ родѣ.

Храмъ построенъ въ древне русскомъ стилѣ 16 вѣка и по наружному своему виду очень красивъ. Въ длину храмъ имѣетъ отъ паперти до горнаго мѣста 18 саж., въ ширину съ двумя придѣлами 15 сажень, а въ вышину съ крестомъ около 20 сажень. Верхъ храма увѣнчанъ пятью куполами въ древне-византійскомъ стилѣ. На среднемъ изъ нихъ крестъ и глава вызолочены черезъ огонь, а остальные увѣнчаны вызолоченными крестами и такими же подзорами. Какимъ огнемъ горятъ они въ солнечный день и какъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе путника. На фронтонахъ храма находятся изображенія святыхъ, писанныя по золотому фону.

Если наружный видъ храма привлекаетъ вниманіе каждаго богомольца, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о внутреннемъ видѣ храма. Каждый, входя въ храмъ, невольно поражается его удивительнымъ великолѣпіемъ, поразительно гармоничнымъ сочетаніемъ архитектурныхъ линій, цвѣтовъ, красокъ, и поразительной гармоничностью всей сложной многопредметной церковной обстановки. Все въ немъ въ одномъ опредѣленномъ стилѣ, начиная отъ самыхъ крупныхъ предметовъ и кончая самыми незначительными, и все проникнуто одной идеей. Всякаго, входящаго въ этотъ храмъ, прежде всего охватываетъ молитвенное настроеніе; и сколько бы человѣкъ ни остано-

вливался на разсматриваніи деталей храма, это молитвенное настроеніе никогда не оставляетъ его ни на минуту. Есть храмы, конечно, гораздо болѣе цѣнные, чѣмъ разсматриваемый храмъ, но какимъ холодомъ вѣть въ нихъ отъ всѣхъ мраморовъ, художественныхъ картинъ, золота и т. п. Находясь въ такомъ храмѣ, думаешь, что находишься не въ домѣ молитвы, а скорѣе въ какомъ-либо прекрасномъ музеѣ.

Къ числу выдающихся по красотѣ и богатству украшеній внутреннихъ сооруженій храма, несомнѣнно, нужно отнести иконостасъ главнаго средняго придѣла. Въ длину онъ имѣетъ 18 арш., а въ вышину 14 аршинъ. Онъ весь сдѣланъ изъ красной мѣди, вызолоченъ по особому способу путемъ гальванопластики, впервые примѣненной въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ этотъ иконостасъ, по способу своего устройства, является первымъ во всей Россіи. Иконостасъ представляетъ собою точную копію съ иконостаса храма св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, построеннаго царемъ Іоанномъ Грознымъ. Колонны, царскія врата, сѣнь надъ ними и вообще весь иконостасъ по мѣстамъ украшенъ чеканной работой и разноцвѣтной эмалью, что придаетъ ему, особенно при солнечномъ освѣщеніи, великолѣпный видъ. Вѣсу въ иконостасѣ болѣе 1000 пуд. На одну его позолоту было употреблено около пуда чистаго золота. Такимъ образомъ этотъ иконостасъ можно назвать вѣчнымъ. Изъ иконъ столь богатаго иконостаса можно отмѣтить слѣдующія. По правую сторону царскихъ вратъ, замѣчательна икона Господа Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ, вышиною около трехъ аршинъ, а шириною болѣе одного аршина. Она украшена драгоценною серебряною вызолоченною ризою весьма высокой художественной работы. По лѣвую сторону царскихъ вратъ — Черниговская икона Божіей Матери, точная копія съ чудотворной. На ней такая же риза, что и на иконѣ Спасителя. Обѣ эти ризы вѣсятъ около двухъ пудовъ и стоятъ около 10.000 руб. Онѣ со-

оружены изъ лампадъ, пожертвованныхъ въ различное время къ образу, но отъ времени пришедшихъ въ ветхость. Весь иконостасъ сдѣланъ необыкновенно художественно въ строго церковномъ, русскомъ стилѣ и производитъ на каждого необыкновенно сильное не только эстетическое, но и глубоко молитвенное впечатлѣніе. Особенно чуденъ онъ въ яркій солнечный день, когда весь бываетъ залитъ солнечными лучами или во время ночного богослуженія, когда онъ бываетъ освѣщенъ многочисленными лампадками или свѣчами громаднхъ паникадилъ храма. Онъ представляетъ собою какъ бы одну какую громаднхъ размѣровъ икону, сіяющую разноцвѣтными эмалями, тонкой, самой разнообразной рѣзбой, переливами позолоты и поразительностью богатаго орнамента.

Стѣны обширнаго храма покрыты живописью, исполненной художникомъ Сафоновымъ. Живопись и богатый орнаментъ къ ней сдѣланы также въ строго церковномъ стилѣ. Живопись занимаетъ средину между самымъ строгимъ византійскимъ стилемъ и новыми иконописными пошибами различныхъ оттѣнковъ и направленій. Замѣчательно, эта живопись не развлекаетъ человѣка; она производитъ сильное впечатлѣніе на каждого, — впечатлѣніе не только художественное, а что всего важнѣе, глубоко религиозное и молитвенное. О живописи одного храма говорили, хотя она была сдѣлана выдающимися художниками: «здѣсь не хочется молиться». Ничего подобнаго нельзя сказать о живописи пещернаго храма. А это немалое его преимущество предъ другими храмами.

Посреди храма виситъ громадное о шести ярусахъ вызолоченное паникадило. Въ притворѣ помѣщено другое, меньшихъ размѣровъ, но очень красиваго рисунка, украшенное по мѣстамъ эмалью. Кромѣ того предъ иконостасомъ висятъ два вызолоченныхъ паникадила, въ которыхъ вмѣсто свѣчей вставлены разноцвѣтные стаканчики. Какъ чудно горятъ они ночью, переливаясь разнообразными огнями. Это какъ бы какой чудный волшебный букетъ, со-

ставленный изъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Предъ мѣстными иконами помѣщены роскошной работы массивные подсвѣчники и лампы, вызолоченные и украшенные по мѣстамъ разноцвѣтной эмалью.

Престоль въ алтарѣ украшенъ богатою металлическою вызолоченною одеждою съ разноцвѣтной по мѣстамъ эмалью. Надъ престоломъ возвышается громадная «шатровая» металлическая вызолоченная сѣнь, богато украшенная вездѣ и всюду разноцвѣтной эмалью. Сѣнь поддерживается четырьмя массивными металлическими вызолоченными столбами, которые также отличаются богатствомъ и разнообразіемъ орнамента. Алтарь полонъ такой красоты, какъ весьма немногіе алтари и болѣе обширныхъ, и болѣе богатыхъ храмовъ.

По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря находится по одному придѣлу. Иконостасы въ придѣлахъ металлическіе высеребранные, очень тонкой работы. Издали они кажутся сдѣланными изъ бѣлаго мрамора.

Вся облицовка стѣнъ храма сдѣлана изъ темнокраснаго бельгійскаго мрамора, клиросы изъ бѣлаго, полъ изъ разноцвѣтныхъ метлахскихъ плитокъ—узорами необыкновенно тонкой и затѣливой работы.

Ничего не будемъ говорить о богатствѣ ризницы этого храма. Тамъ есть одинаковыя облаченія на соборное служеніе въ 20 человекъ. Стоимость всей ризницы, конечно, превышаетъ не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Внизу, подъ главнымъ алтаремъ, находится чудный подземный храмъ во имя архистратига Михаила. Здѣсь помѣщается и величайшая святыня монастыря, чудотворная икона Божіей Матери. Съ сѣверной стороны къ этому алтарю примыкаетъ еще небольшая подземная церковь во имя Антонія и Θεодосія печерскихъ. Въ этой маленькой церковкѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе бѣлоснѣжный мраморный иконостасъ, весьма художественной работы въ стилѣ 17 вѣка. Въ высшей степени замѣчательно здѣсь и паникадило съ 84 лампадками, въ видѣ

большого бронзоваго креста. Оно сдѣлано по образцу паникадила храма св. Марка въ Венеціи. Когда на немъ бываетъ зажжены всѣ лампадки, то оно представляется висящимъ въ воздухѣ «на ничесомъ же», горящимъ разноцвѣтными огнями крестомъ. Стѣны этого храма облицованы очень красивыми плитками металлоиднаго камня. Полъ сдѣланъ изъ великолѣпныхъ метлахскихъ плитокъ.

Храмъ Черниговской Божіей Матери строили съ 1886 года по 1893. Всего на него израсходовано значительно больше 400,000 руб. Жертвовали на постройку этого храма весьма многіе, а одна жертва была ни болѣе—ни менѣе, какъ во 102,000 руб.

Въ этомъ чудномъ храмѣ положительно все замѣчательно. Куда бы въ немъ ни обратилъ свой взоръ богомолецъ, чтобы онъ ни сталъ тамъ изучать самымъ тщательнымъ образомъ, на всемъ вездѣ и всюду онъ замѣтилъ бы печать необыкновенной продуманности, поразительное художественное чутье, пониманіе обстановки, прелесть церковно-археологическихъ деталей, сюжетовъ, удивительное умѣнье собрать и расположить въ извѣстной группировкѣ весь богатый иконописный подлинникъ, все духовно-историческое наслѣдіе церкви.

Изъ другихъ грандіозныхъ построекъ о. Данила мы только кратко перечислимъ слѣдующія. 1) Въ пещерахъ имъ построена колокольная вышиною въ 31 саж. въ древнерусскомъ стилѣ, отличающаяся своеобразной красотой. На колокольнѣ повѣшенъ полный прекрасный звонъ: главный колоколъ въ 1000 пуд., второй въ 500 пуд., третій въ 150 и пуд. и множество меньшихъ колоколовъ. Благодаря такому обилію колоколовъ, скитскій пещерный звонъ отличается могучестью и прелестью. На колокольнѣ помѣщены башенные дорогіе часы, стоимостью около 6000 р., которые выбиваютъ каждую четверть: «кто ты можешь избѣжать смертной часъ». 2) Каменная ограда кругомъ скита на пространствѣ длиною въ 400 саж., вышиною двѣ саж., съ высокими башнями по угламъ. 3) Каменная

ограда кругомъ пещерь длиною въ 300 саж., вышиною въ семь аршинъ. Въ оградѣ сдѣланы келліи для братіи. 4) Гостинница въ пещерахъ въ два этажа, съ 40 номерами. Имъ же построены: братскій каменный двухъэтажный корпусъ, богадѣльня на 20 человѣкъ, больница на 20 человѣкъ, аптека, просфорня, кухня и трапеза въ пещерахъ, конный дворъ и не мало другихъ менѣе значительныхъ построекъ.

Благодаря его постоянному и умѣлому надзору, всѣ отрасли обширнаго монастырскаго хозяйства были въ цвѣтущемъ состояніи. Многіе изъ свѣтскихъ хозяевъ пріѣзжали въ скитъ учиться веденію хозяйства и многому здѣсь успѣвали научиться. О монастырскомъ хозяйствѣ они обыкновенно отзывались съ восторгомъ. На фермѣ, устроенной вдали отъ скита, было 50 головъ прекраснаго рогатаго скота, снабжавшаго скитъ молокомъ и масломъ съ избыткомъ. Тамъ же была устроена монастырская братская прачешная. Кстати нельзя здѣсь не отмѣтить того, какъ умѣло о. игуменомъ разрѣшенъ одинъ изъ труднѣйшихъ практическихъ вопросовъ,—вопросъ о мытѣ братскаго бѣлья, надъ разрѣшеніемъ котораго бьются очень многіе.

На огородахъ въ болѣе, чѣмъ достаточной мѣрѣ для обители, росла кануста, огурцы. Картофель также былъ свой. На пчельникѣ усердно работали пчелки. Сѣнокосы давали не мало сѣна для монастыря. Конный дворъ имѣлъ 30 лошадей. О. Данииломъ даже были построены вдали отъ монастыря двѣ большихъ прекрасныхъ дачи. Оранжереи скита произращали не только цвѣты, поражавшія всегда каждаго посѣтителя своей пышностію, но и различные ягоды, плоды. Многіе положительно недоумѣвали, какимъ образомъ простецы-монахи умѣли содержать оранжерею въ такомъ цвѣтущемъ состояніи.

Словомъ, куда бы ни заглянулъ въ скитѣ посѣтитель, онъ всюду бы увидѣлъ удивительный порядокъ. И дѣйствительно, кто не восторгался чуднымъ благоустрой-

ствомъ пещерь и самаго скита? Тамъ и здѣсь не осталось пяди земли, на которую не было бы обращено вниманіе о. игумена, этого мудраго строителя. Тутъ и тамъ не осталось ничего недостроеннаго и неустроеннаго. Тамъ и здѣсь нѣтъ ни одного предмета, начиная отъ самыхъ ничтожныхъ и кончая самыми большими, на которыхъ бы не лежала печать глубокой осмысленности, простоты и изящества. Скитъ и пещеры—это какъ бы какіе два чудные особые міра, созданные и благоуукрашенные искусной, опытной рукой. Смотря на нихъ, не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество. Пещеры поражаютъ всякаго своими величественными новенькими постройками, дивнымъ храмомъ въ честь Божіей Матери, прекрасными пещерными храмами, отличной колокольной, богатымъ звономъ, полнымъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ, шумомъ богомольцевъ, во множествѣ всегда толпящихся здѣсь, кипучестью жизни. Скитъ поражаетъ богомольца почти первобытной своей простотой. Какъ прекрасны въ немъ, за высокими неприступными стѣнами, эти деревянные келліи, разбросанныя тамъ и сямъ по лѣсу. Какъ чуденъ деревянный храмъ съ его небольшою колоколенкой, устроенной въ чисто древне-славянскомъ стилѣ, съ куполками и куполочками. Въ храмахъ здѣсь нѣтъ ни золота, ни серебра. Всѣ вещи, священные сосуды, предметы, вся церковная утварь сдѣланы въ немъ изъ дерева или же изъ кости. Нѣкоторые предметы выточены самимъ о. игуменомъ Даніиломъ. Нѣтъ золота и серебра даже на облаченіяхъ и св. сосудахъ. Все здѣсь просто. Благодаря тому, что въ скитъ не допускаютъ женщинъ, здѣсь всегда царитъ какая-то необыкновенная тишина. Нѣтъ здѣсь торгу, нѣтъ шуму, нѣтъ говора людской толпы... Проплетется толпа мужичковъ, которые почти всегда переходятъ отъ храма до храма съ непокрытыми головами, въ благоговѣніи и трепетѣ предъ святынями и тишиной этой пустыни. Тамъ старецъ инокъ «ветхій денми» пройдетъ по дорожкѣ, направляясь къ храму, къ своей келліи, или пробредеть

подъ сводами зеленой листвы дремлющихъ деревьевъ. Тутъ работаетъ кучка болѣе молодыхъ иноковъ въ огородѣ, чудныхъ цвѣтникахъ. Такъ и кажется, что находишься гдѣ-либо среди безмолвія какой-либо первохристіанской обители...

Можно положительно сказать, что покойный о. игумень не щадилъ своихъ силъ для благоукрашенія скита и пещеръ, которые онъ любилъ больше, чѣмъ люди любятъ свою родину. Лишь только былъ положенъ послѣдній камень въ стѣны, что строились кругомъ скита, онъ мечталъ уже о постройкѣ около скита большой гостиницы. Мало того, онъ заговаривалъ о постройкѣ въ скиту грандіознаго каменнаго собора, который бы по своему величію не уступалъ пещерному храму въ честь Божіей Матери. Но смерть пресѣкла эту жизнь, полную такой кипучей дѣятельности.

Трудно пересказать, сколько требовалось неутомимой энергіи, чтобы совершить всѣ эти грандіозныя многочисленныя постройки, собрать по копейкамъ на нихъ деньги. А ихъ собрано имъ на обитель всего около 3 милліоновъ рублей. Объ этомъ легко можетъ судить всякій, кому приходилось хотя что-нибудь созидать и собирать деньги на это. Но покойный никогда не гордился этимъ. Не разъ на мое удивленіе, какъ онъ смогъ столько сдѣлать для обители, о. игумень отвѣчалъ:

— Камней-то груды большую оставимъ... А вотъ добрыхъ дѣлъ-то не знаю, сколько принесемъ съ собою на тотъ свѣтъ.

Мы знаемъ, что покойному приходилось кланяться нѣкоторымъ даже въ ноги, чтобы выпросить у нихъ что-нибудь на постройку. Онъ готовъ былъ перенести все и дѣйствительно переносилъ все для блага не своего личнаго, а для блага и благолѣпія своей обители. Въ данномъ случаѣ онъ положительно не щадилъ ни своихъ силъ, ни своего здоровья, ни своихъ средствъ.

Архимандритъ Евдокимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТРИ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО ОПТИНСКАГО СТАРЦА

ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ.*

III. По вопросу о церковномъ поминовеніи лицъ, не принадлежавшихъ къ православной церкви.

Такъ какъ во всѣ времена при служеніи въ православной церкви всегда поминались о упокоеніи души усопшихъ только православныхъ христіанъ, потому въ постановленіяхъ церковныхъ и не пишется о непоминовеніи иновѣрцевъ, ибо нигдѣ ихъ не поминали.

Выписываемъ изъ церковныхъ постановленій, какъ поминались и нынѣ поминаются отшедшіе о Господѣ ¹⁾).

На проскомидіи. «Таже (т. е. потомъ) вземъ іерей пятую просфору, глаголетъ: «О памяти и оставленіи грѣховъ святѣйшихъ патріарховъ православныхъ и благочестивыхъ

*) Продолженіе. См. юньскую кн. *Дух. Чит.* 1902 г.

¹⁾ Это предисловіе написано отцемъ Макаріемъ вмѣсто слѣдующаго, первоначально написаннаго отцемъ Амвросіемъ и содержащаго ту же самую мысль: „Въ постановленіяхъ православной церкви нигдѣ прямо не говорится о томъ, чтобы не помянуть иновѣрцевъ, потому что во многихъ мѣстахъ говорится ясно и утвердительно, что должно помянуть только однихъ православныхъ, *какъ живыхъ, такъ и съ вѣрою и надеждою спасенія и воскресенія скончавшихся*“. Напечатанныя курсивомъ слова: „какъ живыхъ, такъ и“—зачеркнуты отцемъ же Макаріемъ, какъ можно заключить по цвѣту чернилъ.

царей и благочестивыхъ царицъ, блаженныхъ создателей святыхъ обители сея (и другихъ усопшихъ поминаетъ по имени и конечнѣ глаголетъ) и всѣхъ въ надеждѣ воскресенія, жизни вѣчна и Твоего общенія усопшихъ православныхъ отецъ и братій нашихъ, челоуѣколюбче Господи».

На сузубой ектиніи, во время вечерни, утрени и литургии: «Еще молимся о блаженныхъ и приснопамятныхъ патріарсѣхъ православныхъ, и благочестивыхъ царѣхъ и благовѣрныхъ царицахъ, и создателяхъ святыхъ обители сея или храма сею ¹⁾ и о всѣхъ прежде почившихъ отцѣхъ и братіяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду, православныхъ».

На литіи во время бдѣнія: «Еще молимся о успеніи, ослабѣ блаженныя памяти и оставленіи грѣховъ всѣхъ прежде отшедшихъ отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду, православныхъ».

На полунощницѣ: «Помолимся о всякой души христіанъ православныхъ, ублажимъ благочестивые цари, православные архіереи и вся преждеотшедшіе отцы и братію нашу, здѣ лежащія и повсюду, православныя».

На литургии. Прежде освященія даровъ іерей говоритъ «Миръ всѣмъ. Лики поютъ: милость мира жертву хваленія». Іереи въ олтарѣ, въ знаменіе взаимнаго мира и единомыслія, даютъ другъ другу цѣлованіе о Господѣ (въ шею, или въ руку. Въ древніе времена тоже дѣлали всѣ христіане). По освященіи же даровъ, іерей, въ знаменіе единства церкви, поминаетъ въ вѣрѣ почившихъ праотцевъ, патріарховъ, Пророковъ и Апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ и всѣхъ святыхъ. А діаконъ читаетъ диптихи, т. е. помянники усопшихъ вѣрныхъ, отшедшихъ съ надеждою спасенія и воскресенія. (Нов. Скриж. и Служеб.).

Если же открывалось, хотя по времени, какъ видно это изъ церковной исторіи, что кто-нибудь изъ записанныхъ на этихъ таблицахъ оказывался замѣшаннымъ въ ереси,

¹⁾ Эти слова вписаны рукой отца Макарія.

то имена такихъ всегда исключали ¹⁾). Причину сего представляетъ св. Діонисій Ареопагитъ, говоря такъ: «невозможно, чтобы къ Единому вмѣстѣ приводимы были и миротворнаго Единенія съ единымъ были причастниками люди, раздѣленные между собою» (св. Діонисія о церковн. іерархіи гл. 3, отд. 8. Изд. 1855).

Туть же далѣе говоритъ св. Діонисій: «Если бы мы, будучи озарены созерцаціемъ Единого, были собраны во едино въ единовидномъ и божественномъ собраніи, то не допустили бы себя впасть въ особливья похотѣнія, изъ которыхъ образуются земныя и страстныя вражды».

Если бы Римскіе первосвященники не впали въ особое похотѣніе преобладанія, то не враждовали бы на православную церковь по земнымъ и страстнымъ причинамъ. Такъ же и лютеране, и вообще протестанты, если бы не недоговали особливими похотѣніями чревоугодія и высокоумія, то не нападали бы на православныхъ за соблюденіе постовъ и покорность постановленіямъ православной церкви Христовой. Они забыли заповѣдь самого Господа въ Евангеліи: *еще же церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь* (Мат. 18, 17.). Сими словами съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется ясно забота и попеченіе православныхъ въ отношеніи иновѣрцевъ, кто бы они ни были. Но по закону любви церковь наша *молится о соединеніи церквей, т. е. о обращеніи иновѣрныхъ* ²⁾ еще при ихъ жизни съ тою мыслию, чтобы Господь, имиже вѣсть судьбами, обратилъ ихъ къ свѣту истины и привелъ на путь спасенія. Если обратятся, то добро и благо; когда же при жизни своей не обратятся, по недомомымъ намъ судьбамъ Божиимъ, *то по смерти ихъ цер-*

¹⁾ Это слово *исключали* написано отцемъ Макаріемъ вмѣсто *вымарывали*.

²⁾ Такъ исправлены о. Макаріемъ слова о. Амвросія: „дозволяетъ молиться о нихъ еще при ихъ жизни, и сама молится“...

ковъ уже не можетъ ихъ поминать, такъ какъ они не имѣли общенія съ нею при своей жизни ¹⁾).

Достойно замѣчанія, что когда кого-либо изъ православной царской фамиліи выдаютъ въ замужество за ино-вѣрца, то супругъ сей только при жизни его поминается на ектеніяхъ, и при томъ безъимянно ²⁾); по смерти же не поминается. А для царскихъ родственниковъ *могла бы церковь сдѣлать смисхожденіе* ³⁾), если бы это возможно было ⁴⁾).

¹⁾ И эти слова написаны о Макаріемъ вмѣсто зачернутыхъ имъ слѣдующихъ: „то уже по смерти ихъ намъ невозможно утруждать благость Божію о помилованіи оныхъ. Апостоль Павелъ говоритъ: *еретика чловѣка отерамайся, вѣдый, яко развратися таковой и есть самоосужденъ*“ (Тит. 3, 10, 11.).

²⁾ Такъ было при полномъ исчисленіи царской фамиліи на ектеніяхъ, которое отмѣнено потомъ при императорѣ Александрѣ II-мъ.

³⁾ Такъ исправлено о Макаріемъ,—было: „чего бы не сдѣлала церковь“.

⁴⁾ За симъ слѣдовали слѣдующія слова, которыя о Макарій зачеркнулъ: „Если теперъ присутствуютъ у насъ на литургии и ино-вѣрцы, то это—дозволеніе гражданское, а не церковное. Правила соборныя воспрещаютъ имъ быть въ это время въ собраніи церковномъ, особенно послѣ ектеніи: *Оглашеніи изыдите*“.

Р Ъ Ч Ъ

при погребеніи протоіерея Рождество-Богородицкой на Бутыркахъ церкви, Алексія Александровича АНЦЕРОВА († 6 мая).

Зрѣлище смерти всегда возбуждаетъ въ насъ скорбное чувство. Но эта скорбь увеличивается, когда мы расстаемся съ нашими присными, съ которыми соединены были узами родства, пріязни, общеніе съ которыми было для насъ дорого, которые относились къ намъ съ искреннимъ благожелательствомъ.

Святая вѣра наша не воспрещаетъ намъ сѣтованія о скончавшихся братіяхъ нашихъ, но растворяетъ эту скорбь радостію, утѣшая обѣтованіемъ будущей блаженной жизни и призывая насъ при прощаніи съ нашими умершими возносить о нихъ благодареніе Господу. Приидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, *благодаряще Бога*.

Почему же Церковь внушаетъ намъ благодарить Господа при гробѣ умершихъ братій нашихъ? Потому, что Господь Іисусъ Христосъ, принеши себя въ жертву за наши грѣхи, поправъ смерть свою смертію и воскресеніемъ сокрушилъ власть этого страшнаго врага. Для христіанина есть дверь къ новой жизни, лучшей, нескончаемой жизни въ общеніи съ Господомъ и святыми Его, жизни чуждой болѣзней, лишеній, скорбей. Смерть на языкѣ Церкви и называется то успеніемъ, потому что послѣ смерти, какъ послѣ сна, мы возстанемъ къ новой небесной жизни, то предложеніемъ ко отцамъ, то отшествіемъ какъ бы въ дру-

тую страну, то преставленіемъ какъ бы на новое мѣсто, то разрѣшеніемъ отъ узъ, то совлеченіемъ ветхой одежды и облеченіемъ въ новую.

Прїидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, *благодаряще Бога.*

Совершая погребальное пѣніе надъ старцемъ, мирно покоющимся въ этомъ гробѣ, слѣдуя призыву Церкви, вспоминаемъ съ благодареніемъ Господа милости Божіи, явленные въ жизни его. Ибо Господь не оставлялъ его милостію и щедротами своими, исполнялъ благія желанія его.

Первѣе всего не утѣшительно ли видѣть жизнь, ознаменованную долголѣтіемъ, потому что это—одно изъ благословеній Божіихъ: *долгомътеи будещи на земли?* Наблюдая постоянное воздержаніе, почившій не допускалъ никакихъ излишествъ въ жизни и вотъ по милости Божіей достигъ крайняго предѣла нашего житія, указаннаго псалмѣйцемъ.

Изъ этой многолѣтней жизни цѣлое полстолѣтіе посвящено было имъ на служеніе Христовой Церкви. Кто изъ насъ служителей алтаря Господня не просилъ бы этой великой милости Божіей? Но она даруется не многимъ. Все это продолжительное служеніе покойный совершалъ съ неослабнымъ усердіемъ. Всегда готовый служить духовнымъ нуждамъ братій врученной ему отъ Бога паствы, онъ назидалъ ихъ частымъ и благоговѣйнымъ совершеніемъ церковныхъ службъ, поучалъ словомъ, житіемъ, вѣрою, любовію, чистотою. Поистинѣ подвизался подвигомъ добрымъ.

Для блага своихъ духовныхъ чадъ онъ старался сдѣлать и сдѣлалъ все, что только могъ по своему положенію. Скорбя объ участи бѣдныхъ, населяющихъ здѣшнюю мѣстность, открылъ при семъ храмѣ попечительство, въ которомъ нуждающіеся находятъ посильную помощь.

Особенно же почившій былъ озабоченъ христіанскимъ просвѣщеніемъ дѣтей своего прихода, и Богъ благословилъ

его заботы. Устроено училище ¹⁾, которое въ скоромъ времени переполнилось учащимися. Училище это было, такъ сказать, дѣтищемъ покойнаго. Самъ онъ трудился въ преподаваніи уроковъ уже въ старости доброй, когда имѣлъ бы полное право не принимать на себя этихъ не легкихъ занятій. Близко принимая къ сердцу нужды своихъ духовныхъ чадъ, покойный врачевалъ ихъ и отъ недуговъ тѣлесныхъ ²⁾.

Словомъ, онъ желалъ быть отцомъ и другомъ своихъ прихожанъ, относясь къ нимъ съ сердечнымъ участіемъ и благодушіемъ, на которыя и они отвѣтствовали своему доброму пастырю любовью и уваженіемъ. Почившій же почиталъ эти выраженія любви и уваженія лучшею для себя наградою.

Вся долгодѣтная жизнь его была трудъ постоянный, непрерывный. А отдохновеніе отъ трудовъ покойный находилъ среди благословенной семьи своей, утѣшаясь счастіемъ своихъ дѣтей, почтительною къ нему и безграничною преданностію.

Посѣщали усопшаго и скорби—ибо кто изъ живущихъ на землѣ не испытываетъ ихъ? Но Господь подкрѣплялъ его. Скорби эти онъ переносилъ съ терпѣніемъ и спокойствіемъ, какъ подобаетъ истинному христіанину.

Многодѣтнее служеніе Церкви Божіей покойный оставилъ только тогда, когда силы его совсѣмъ ослабѣли и наступили болѣзни старости. Видѣлъ онъ, что Господь, посылая ему болѣзнь, призываетъ къ отшествію въ другой міръ, и многократнымъ принятіемъ святыхъ таинъ, молитвою, богомысліемъ приготовилъ себя къ мирной и непостыдной кончинѣ. О если бы и всѣхъ насъ Господь сподобилъ такъ приготовиться къ отшествію отъ сея временныя жизни!

¹⁾ Иждивеніемъ церковнаго старосты Дмитрія Онисимовича Соскина.

²⁾ Былъ членомъ Гомеопатическаго Общества и лѣчилъ гомеопатическими средствами.

Братія святаго храма сего! Почившій пастырь вашъ полѣвка возсылалъ молитвы о вашемъ здоровіи и спасеніи, многихъ изъ васъ просвѣтилъ святымъ крещеніемъ, иныхъ благословилъ на семейную жизнь, отцовъ вашихъ напутствовалъ въ другую жизнь и молился о упокоеніи ихъ. Не забывайте же и вы его въ молитвахъ вашихъ, да приметъ его Господь во святыхъ обители свои и да услышитъ онъ сей вождѣнный гласъ: *рабе блгій и впрчій вниди въ радость Господа своего.*

Прстоіерей Д. Пъвницкій.

Мая 10 дня 1902 года.

ПУТЕШЕСТВІЕ УЧЕНИКОВЪ МОСКОВСКОЙ МАРОНОВСКОЙ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ МОНАСТЫРИ
НИКОЛО-УГРЪШСКОЙ,
САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОЙ И СЕРГІЕВУ ЛАВРУ.*)

По возвращеніи изъ Звенигорода я далъ мальчикамъ обѣщаніе—побывать и въ Сергіевой Лаврѣ, но добавилъ: «это не скоро,—нужно вздохнуть». Прошло 3 недѣли, и я объявилъ, что 9 іюля мы поѣдемъ «къ Троицѣ»...; «деньги не нужны: билетъ бесплатный, а тамъ насъ напоятъ-накормятъ»... «Къ Троицѣ, къ Троицѣ поѣдемъ», шумно возвѣщаютъ мальчики чуть не каждому встрѣчному. «Батюшка опять съ мальчиками ѣдетъ... теперь къ Троицѣ»,—понеслось по приходу... Я не буду повторять о сборахъ дѣтей въ школу съ вечера, о переходѣ до вокзала и о размѣщеніи въ вагонѣ: все это шло теперь обычнымъ порядкомъ съ тою лишь разницею, что насъ было около 30 человекъ. Изъ Москвы мы двинулись въ 7 ч. у. съ поѣздомъ, который первую остановку дѣлаетъ въ Пушкинѣ. Въ 8½ ч. мы были на ст. Хотьково, гдѣ намъ была разрѣшена остановка¹⁾. По выходѣ со станціи я объяснилъ своимъ богомольцамъ, почему и зачѣмъ мы остановились

*) Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душенол. Чтенія* 1902 г.

¹⁾ При прошеніи о бесплатномъ проѣздѣ необходимо заявлять, гдѣ желательна остановка.

въ Хотьковѣ: чтобы исполнить добрый обычай глубокой старины — поклониться напередъ родителямъ Великаго Угодника, схимон. Кириллу и Маріи, которые погребены здѣсь — въ Хотьковѣ.

Въ монастырѣ лишь только началось водоосвященіе по случаю воспоминанія объ освященіи храма по возобновленіи его. За водоосвященіемъ слѣдовало чтеніе часовъ и литургія, выслушать которую до конца мы не могли, такъ какъ должны были сѣсть къ поѣзду, чтобы быть въ Лаврѣ въ 12 часу. Поэтому послѣ пѣнія «Отче нашъ» мы поклонились предъ гробницей родителей Пр. Сергія и вышли изъ храма. Затѣмъ, попутно осматривая монастырь, мы двинулись къ станціи, гдѣ въ ожиданіи поѣзда не провели и 5 мин. Лишь только сѣли въ поѣздъ, мальчики стали насъ допрашивать: «скоро ли Троица?» Мы отвѣчаемъ спокойно: «столько-то минутъ», а они глядятъ въ окна и нетерпѣливо ждуть: «когда же?..» Зная, что версты за 3 можно и изъ вагона видѣть главу (крестъ и чашу) лаврской колокольни, я насторожилъ своихъ спутниковъ и, когда нужно было, показалъ имъ. Обрадованные мальчики торопливо стали собирать свои вещицы. Минуты 3—4... и поѣздъ вышелъ изъ лѣсу, виденъ уже весь Посадъ, вотъ и Лавра... Всѣ крестятся и молятся... Лишь только остановился поѣздъ, мальчики быстро повыскакали изъ вагона и выстроились въ пары. Стройно прошли мы путь до св. обители, которая, въ лицѣ братіи, оказала намъ съ перваго шага радушіе, ничѣмъ незаслуженное вниманіе и предупредительность. Такъ, лишь только мы съ открытыми головами приблизились къ Троицкому собору, насъ встрѣтилъ помощникъ лаврскаго о. благочиннаго и, узнавъ, кто и откуда мы, предложилъ, если намъ угодно, сейчасъ же начать молебень Угоднику Божию, т.-е. предложилъ самимъ намъ, мнѣ и мальчикамъ, служить и пѣть. (Какъ извѣстно, подобное разрѣшеніе дается очень рѣдко и не должны ли мы считать себя «счастливыми»). Мы, разумѣется, немедленно же восполь-

зовались предложеніемъ. Когда ото всѣхъ насъ возжена была свѣча предъ ракою мощей Пр. Сергія, приступили мы къ служевію молебна. Съ немалымъ трепетомъ нашъ дѣтскій хоръ вошелъ на ступени праваго клироса; не безъ волненія, сознаюсь, возложилъ епитрахиль на себя и я... Волненіе насъ не покинуло и во время служенія молебна... Кончаемъ молебенъ; мальчиковъ Ан. Дм. направляетъ къ ракъ св. и многоцѣлебныхъ мощей Чудотворца Сергія; я намѣреваюсь снять епитрахиль, въ это время ко мнѣ подходитъ староста Общества Хоругвеносцевъ Сергіева Посада—Димитрій Михайловичъ Семеновъ съ почетн. член. того же Общества—Пав. Ив. Г.-Пл. и благодарить за пѣніе, которое онъ сію минуту слышалъ и просить меня-раздать всѣмъ мальчикамъ освященные на мощахъ Угодника Божія крестики-образочки, которые мнѣ тутъ же и вручилъ. Я благодарю его за вниманіе къ нашимъ мальчикамъ, которые ему совершенно незнакомы, а онъ объясняетъ, что пѣніе однихъ мальчиковъ его умилело и тронуло... «Спасибо, что вы (обращаясь ко мнѣ) привезли ихъ на поклоненіе нашему Угоднику»... Я отблагодарилъ еще разъ за лестный отзывъ о пѣніи нашихъ мальчиковъ и за подарокъ... Помощникъ о. благочиннаго предложилъ, если намъ угодно, сейчасъ же пожаловать въ трапезу. Идемъ, разумѣется. Являются наши мальчики въ знаменитую лаврскую трапезную, видятъ трудящихся здѣсь иноковъ, внимательно, съ нѣкоторымъ изумленіемъ разсматриваютъ всю обстановку монастырской трапезной... Братская трапеза уже кончилась... Когда насъ пригласили занять мѣста за столами, мы пропѣли молитву Господню и сѣли; молодые послушники подавали намъ кушанье, а старцы внимательно слѣдили, чтобы ни одинъ изъ насъ не былъ обдѣленъ хоть чѣмъ-нибудь. Во время обѣда намъ было объяснено, что для мальчиковъ отведены два № въ гостинницѣ подъ горой, а намъ сопровождающимъ два № въ «старой лавр. гостинницѣ». При этомъ вниманіе помощника о. благочиннаго было настолько велико, что онъ

всѣ наши вещи (лишнюю верхнюю одежду, узелки) взялся перенести въ №№, чтобы намъ не тратить на это времени. Послѣ трапезы мы рѣшили идти въ пещеры, чтобы тамъ отслужить молебенъ предъ чудотворною иконою Божіей Матери Черниговской. Дорогу мы выбрали не пыльную, а чрезъ оврагъ, мелкоколѣсьемъ и прямо къ такъ называемой киноіи. Здѣсь, какъ извѣстно, погребенъ іеросхимонахъ Филиппъ; спускались мы къ его могилѣ, разсматривали внимательно его вериги и особенно его посохъ съ голубкомъ — очень тяжелый (многіе мальчики поднимали его, чтобы испытать тяжеловѣсность и послѣ спрашивали, какъ же съ такимъ очень тяжелымъ посохомъ можно ходить, да еще въ веригахъ?!). По приходѣ къ пещерамъ первымъ долгомъ отслужили (разумѣется, безъ чьего-либо посторонняго участія) въ пещерномъ храмѣ молебенъ ¹⁾. Затѣмъ почти всѣ осмотрѣли пещеры и перешли въ сосѣдній Геосиманскій скитъ, гдѣ мальчики были поражены безмолвіемъ пустыни: обойдя весь скитъ, мы видѣли лишь двухъ старцевъ у скитскихъ входовъ (сѣв. и юж.). Съ интересомъ осмотрѣли мы деревянный храмъ, перенесенный изъ с. Подсосенья, и чрезъ окно этого храма любовались портретомъ приснопамятнаго митр. Филарета, который кажется совершенно живымъ; были мы и въ другомъ храмѣ (двухъэтажномъ), гдѣ весь иконостасъ, подсвѣчники, паникадила сдѣланы исключительно изъ дерева. Осмотръ Геосиманскаго скита закончили мы купаньемъ въ пруду, послѣ чего отдыхали въ скитской гостинницѣ за чаемъ. Къ чаю намъ одинъ инокъ, 70-лѣтній старецъ, принесъ нѣсколько фунтовъ меда и довольное для нашей «семьи» количество малины.

Оставалось намъ теперь побывать въ Виваніи. Путь

¹⁾ При служеніи молебновъ вездѣ, начиная съ Угрѣнскаго монастыря, поминались имена всѣхъ учениковъ, — не забывали мы помолиться о здравіи и спасеніи и многихъ другихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ школамъ и къ нашей въ частности.

туда лѣсомъ, который около самаго скита разведенъ искусственно. Я обратилъ вниманіе мальчиковъ на посаженные рядами деревья и сказалъ имъ, что нѣкоторые монахи изъ тѣхъ, которые разсаживали эти деревья лѣтъ 30—40 назадъ, живы и сейчасъ. «Такъ трудились монахи въ старину, также трудятся и теперь многіе — и здѣсь, и въ другихъ монастыряхъ», добавилъ я. Какіе-нибудь 15—20 минутъ — мы и въ Виѳаніи. Осмотрѣли всѣ виѳанскіе храмы со всѣми ихъ достопримѣчательностями. Особенное вниманіе дѣтей было обращено на «гору Ѡаворъ» и гробъ Пр. Сергія.

Въ Лавру возвратились мы въ 6-мъ часу. По случаю памяти (10 іюля) Антонія Великаго было всенощное бдѣніе. Мальчики оказались не въ силахъ выстоять до конца; съ началомъ чтенія каѳизмъ мы оставили соборъ и перевели малышей въ отведенное имъ просторное и очень свѣтлое помѣщеніе, гдѣ они сейчасъ же пили чай; вмѣсто ужина здѣсь же мальчикамъ предложено было кипяченое молоко (около ведра), присланное отъ Вознесенскаго о. дьякона (онъ зналъ о прибытіи Маронов. школы на богомолье).

10 іюля раннюю литургію предложено было мнѣ отслужить въ Успенскомъ соборѣ; пѣлъ, конечно, нашъ дѣтскій хоръ. По окончаніи литургіи, приложившись къ мощамъ Пр. Сергія и побывавъ потомъ въ покояхъ Владыки митрополита, мы осматривали лаврскую ризницу. При осмотрѣ ея намъ оказано было также немалое вниманіе: 1) о. ризничій—іером. Аполлосъ распорядился, чтобы намъ при осмотрѣ ризницы не мѣшали другіе, 2) о. Аркадій (іеродіак.—помощникъ о. ризничаго) объяснялъ все безъ малѣйшей поспѣшности, давая полную возможность всякому мальчику рассмотреть ту или другую достопримѣчательность ризницы,—приходилось о. Аркадію не разъ и повторять для мальчиковъ объясненія (нѣкоторые мальчики, видя доброту о. Аркадія, сами стали спрашивать его); вниманіе наше онъ останавливалъ на всѣхъ замѣ-

чательныхъ предметахъ, хранящихся въ ризницѣ. Поэтому осмотръ ризницы продолжался вдвое, если не больше, противъ обыкновеннаго.

Позднюю литургію мы слушали въ Троицкомъ соборѣ. При окончаніи ея, лаврскій о. благочинный соборный старецъ іеромон. Серафимъ передалъ мнѣ, что о. архимандр. Павелъ (намѣстникъ Лавры) желаетъ насъ повидать. Немедленно мы направились къ о. намѣстнику. Насъ всѣхъ пригласили въ залу, куда чрезъ 1—2 мин. и вышелъ древній старецъ—о. архим. Павелъ, обратившійся съ привѣтливыми словами къ нашимъ мальчикамъ. О. архимандритъ, уже освѣдомившійся, какъ мальчики пропѣли молебенъ Угоднику Сергію и литургію, похвалилъ за ихъ усердіе къ церковному пѣнію и сказалъ, что на память о нашемъ посѣщеніи Лавры онъ желаетъ благословить каждого изъ насъ иконами Пр. Сергія. Пока о. архимандритъ благословлялъ дѣтей иконами, бесѣдовалъ съ ними; а когда изъ разговоровъ узналъ, что мы недавно были въ Саввиномъ монастырѣ, и что намъ тамъ очень понравилось, похвалилъ усердіе дѣтей, упомянувъ, что онъ въ той обители трудился 36 л. (если не ошибаюсь), и потомъ спросилъ: «у насъ, т.-е. въ Лаврѣ, всѣмъ ли довольны?» На этотъ вопросъ мальчики единодушно и довольно громко заявили: «всѣмъ, всѣмъ». Прощаясь съ нами, о. архимандритъ пожелалъ дѣтямъ, чтобы они навсегда сохранили въ своей памяти это путешествіе и не забывали въ своихъ молитвахъ призывать на помощь Пр. Сергія, а «если, добавилъ о. архимандритъ, замѣтили какіе-либо недостатки у насъ, покройте все своею любовію». Я счелъ себя обязаннымъ отъ лица всѣхъ сказать, что мы унесемъ съ собою самыя свѣтлыя, добрыя воспоминанія о пребываніи въ Лаврѣ и можемъ только глубокимъ поклономъ отблагодарить за вниманіе къ намъ. Получивъ отъ о. архимандрита любезное приглашеніе сейчасъ же идти въ трапезу, мы еще разъ благодарили его... Когда мы подошли къ трапезной, о. благочинный, стоявшій невдалекѣ и уви-

давший насъ, сейчасъ же ввелъ всѣхъ насъ въ братскую трапезную, гдѣ намъ былъ предложенъ, полагавшійся на этотъ день по уставу, праздничный столъ—изъ 4 блюдъ. Конечно, мы были очевидцами исполненія вѣкового лавр-скаго обычая—вставать для поклона въ извѣстный моментъ во время трапезы. (Мальчики знаютъ, по какому поводу и съ какого времени существуетъ этотъ обычай)...

Пользуясь малолѣтствомъ въ лаврскихъ храмахъ въ послѣобѣденное время, осматривали все не спѣша. Разумѣется, Троицкій соборъ мы осмотрѣли съ возможною тщательностію: близко видѣли деревянный посохъ, мантию Пр. Сергія, св. иконы изъ той самой его кельи, въ которой посѣтила «избранника Пресв. Богородица съ 2 апост.», и другія келейныя его вещицы: ножикъ съ влагалищемъ и ложку; долго-долго малыши глядѣли пробитыя ядромъ желѣзныя двери (съ южной стороны Троицкаго же собора) и съ благоговѣніемъ всѣ прикладывались затѣмъ къ иконѣ Св. Николая (теперь она на паперти), въ которую ударилося ядро, пробившее желѣзныя двери; икона осталась цѣла, пробоина же видна и теперь... При осмотрѣ Троицкаго собора мы, разумѣется, вспомнили, что онъ по своему устройству очень похожъ на соборъ Рожд. Пр. Богородицы въ обители св. Саввы.

Долгое время мы оставались въ кельи Пр. Сергія, по стѣнной живописи вспоминая нѣкоторыя событія изъ земной жизни его и особенно явленіе ему Божіей Матери. Я добавилъ своимъ спутникамъ, что въ память «явленія» здѣсь, въ этой кельи совершается по субботамъ молебень Божіей Матери съ пѣніемъ особеннаго канона, составленнаго по образцу пасхальнаго, напр., «Нынѣ вся исполнишася радости видимая же неизреченныя и невидимая; нынѣ празднуетъ свѣтло стадо твое, Владычице, Тобою обѣщанное заступленіе»; или другой тропарь: «Не ужасайся, избранниче мой, глаголетъ Богомати; приидохъ по-

сѣтити тебе, услышана бысть молитва твоя о ученицѣхъ твоихъ»...

Были въ церквахъ пр. Никона, пр. Михея и другихъ. Все, что могло интересовать дѣтей, напр., св. колодезь, усыпальница Годуновыхъ, гробницы москов. митрополитовъ, — что требовало вниманія и объясненія, все было осмотрѣно. Оставалось полюбоваться на Лавру и ея окрестности съ высоты, и вотъ мы на колокольнѣ. Чуднымъ видомъ, открывающимся съ лаврской колокольни, нельзя было налюбоваться... «Ну, теперь, кажется, все!» «Еще куда бы васъ сводить... хотите въ просфорную?» «Хотимъ, хотимъ»... Идемъ въ просфорную, — входимъ всѣ. Батюшка, встрѣтившій насъ въ просфорной, предложилъ намъ пройти въ пекарню и посмотрѣть, какъ и гдѣ пекутъ просфоры. Мы немедленно спустились внизъ по указанію батюшки, гдѣ увидали тружениковъ, натирающихъ тѣсто для просфоръ. Какой это тяжелый трудъ, видно по лицамъ инокъ, несущихъ это послушаніе. «Вотъ какъ трудятся монахи, видите мальчики», невольно вырвалось у меня... Были и въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ пекутся просфоры. Отъ невыносимаго жара мы едва вышли отсюда... По выходѣ изъ просфорной мы опять направились къ Троицкому собору, приложились къ мощамъ Угодника Божія, испрашивая себѣ благословенія на обратный путь. Съ поѣздомъ въ 2 ч. 30 м. дня мы отправились въ Москву. При удаленіи поѣзда отъ станціи по обычаю всѣхъ богомольцевъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и поклономъ возблагодаривъ Заступника и Чудотворца Сергія, мальчики любовались съ одной стороны на Лавру съ ея великаномъ — колокольней и соборами, а съ другой — на Черниговскій храмъ, скитъ и Виеанію.

Всѣ и всѣмъ довольные возвратились наши юные паломники къ родителямъ, каждый имѣя при себѣ на память св. иконы, вынутую просфору (у нѣкоторыхъ по нѣскольку), книжки, а иные даже съ игрушками для младшихъ братьевъ и сестеръ.

Р. С. Нелишне, думается, привести здѣсь же сумму расходовъ, произведенныхъ за эти 3 путешествія: 1) 6 іюня при 19 челов. истрачено 10 р. 10 коп. (изъ коихъ 4 р. 30 коп. принесены мальчиками); 2) 13 — 15 іюня при 22—3 чел. 16 р. 80 коп., изъ коихъ 5 р. 75 коп.—отъ мальчиковъ и 3) 9—10 іюля при 28 чел. 3 р. 70 коп.

Свящ. С. Лаврентьевъ.

ПАМЯТИ О. ПРОТОІЕРЕЯ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ФЛОРИНСКАГО.

(Къ дню кончины † 12 іюля 1900 г.)

Съ великимъ назиданіемъ, удовольствіемъ и интересомъ читаль я, что напечатано было на страницахъ *Душено-лезнаго Читенія* почившимъ о. Николаемъ Ивановичемъ Флоринскимъ изъ воспоминаній его о профессорахъ Кіевской Духовной Академіи, и о томъ, что съ нимъ было въ разное время. Да и многіе съ превеликимъ назиданіемъ читали воспоминанія о. Николая и изъ такихъ, кои не знали лично о. Николая и были по образованію своему совершенно другого направленія. Такъ сердечность и воодушевленіе о. Николая Ивановича дѣйствовали на сердца тѣхъ, кто читаль его слова.

Но я иначе относился къ о. Николаю Ивановичу. Я учился у него во Владимірской духовной семинаріи. И говорю: царство небесное приснопамятному отцу Николаю Ивановичу, моему учителю, по Владимірской духовной семинаріи. Это былъ замѣчательный человѣкъ! Когда я учился въ упомянутой семинаріи, тамъ служили два брата Флоринскихъ: архимандритъ Митрофанъ, бывшій ректоръ Костромской духовной семинаріи, и о. Николай. Оба они были люди умные, а архимандритъ Митрофанъ былъ даже умнѣйшій человѣкъ,—память вѣчная ему! О немъ я вспоминаю: онъ читаль отлично, служилъ отлично и нѣкоторыя молитвы читаль положительно восхитительно.

О. Николай преподавалъ въ третьемъ высшемъ отдѣленіи обличительное Богословіе, изложеніе заблужденій католичества, протестантства и др., обличеніе раскола и нравственное Богословіе. По симъ предметамъ были какія-то записочки, и мы довольно порядочно знали предметы, такъ что я на приѣмномъ экзаменѣ по обличенію раскола въ Казанской духовной академіи отвѣчалъ довольно порядочно о происхожденіи Бѣлокриницкой іерархіи. И это благодаря о. Николаю Ивановичу.

Но не въ этомъ его заслуга. О. Николай Ивановичъ былъ во всю жизнь тѣмъ, чѣмъ онъ явился въ своихъ воспоминаніяхъ о профессорахъ Кіевской духовной академіи, напечатанныхъ въ *Душеполезномъ Читеніи*, т. е. въ высшей степени человѣкомъ сердечнымъ, энтузіастомъ и человѣкомъ религіознѣйшимъ, благотворительнымъ, милостивымъ, человѣкомъ не отъ міра сего и преподавателемъ преоригинальнымъ. Онъ много и разнообразно знакомилъ насъ съ жизнью, и за это ему спасибо должны были говорить. Бывало, если случится что либо выходящее изъ ряда вонъ, хорошее или худое, онъ не преминетъ сообщить, освѣтивъ фактъ съ надлежащей точки зрѣнія. Очень часто о. Николай въ классѣ читалъ намъ встрѣчавшіяся въ распространенныхъ тогда періодическихъ изданіяхъ интересныя и назидательныя статьи, что имѣло весьма важное и назидательное значеніе. Часто довольно рѣзко въ классѣ осуждалъ поведеніе или неблагоповеденіе нѣкоторыхъ молодыхъ модниковъ священниковъ, тогда уже начинавшихъ появляться въ губернскомъ городѣ. Постоянно въ классѣ указывалъ ненормальныя явленія въ жизни духовенства, наставлялъ и предупреждалъ насъ отъ опасности подвергнуться той или другой страсти. Особенно предостерегалъ онъ насъ отъ опасностей, кои ждутъ нарушителей седьмой заповѣди. Какъ много онъ говорилъ противъ нарушителей этой заповѣди, указывая всѣ вредныя послѣдствія нарушенія!

Теперь только понимаешь, что это былъ оригинальнѣйшій, упредившій даже свое время, человекъ. Такъ онъ поручалъ между прочимъ намъ описывать быть раскольниковъ, проживавшихъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ коихъ мы проживали. Такъ и я описалъ быть раскольниковъ, кои проживали въ томъ селеніи, въ коемъ я родился. Описание вышло небезынтересно. Затѣмъ, по его же порученію, я составилъ изложеніе одной философской статьи, напечатанной въ одномъ періодическомъ изданіи. На этомъ довольно длинномъ разборѣ преосвященный Теофанъ написалъ «добре».

По совѣту того же о. Николая Ивановича я почти неопустительно посѣщалъ служенія приснопамятнаго епископа Теофана, который послѣ каждой литургіи говорилъ проповѣди.

Въ бытность преподавателемъ Владимірской духовной семинаріи, о. Николай Ивановичъ напечаталъ свои воодушевленные воспоминанія о своихъ профессорахъ Кіевской духовной академіи во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, каковыя воспоминанія, думаю, въ 60-тыхъ годахъ я читалъ во Владимірѣ. Разнятся ли эти воспоминанія отъ тѣхъ, что напечатаны въ *Душеполезномъ Читаніи*, не могу сказать. Но тѣ воспоминанія очень интересны были. Замѣчательно, что ни одного слова осужденія профессоровъ. Всѣ отличные!

Но вотъ еще воспоминаніе у меня сохранилось объ о. Николаѣ Ивановичѣ!

Какъ то случайно я зашелъ во Владимірѣ въ Ильинскую церковь. Отпѣвали молодую дѣвушку. О. Николай Ивановичъ говорилъ надгробное слово. И говорилъ такъ, что я глубоко провнѣлся этимъ словомъ, и слезы потекли изъ глазъ. Такъ онъ сердечно и съ умиленіемъ говорилъ, какъ никто другой. Двухъ проповѣдниковъ я слышалъ, кои говорили съ умиленіемъ и сердечно надгробныя слова, это преосвященнаго Никанора и о. Николая Ивановича. И очень много нужно, чтобы проповѣдникъ могъ воздѣй-

ствовать на сердце. О. Николаю Ивановичу это удавалось, потому что всякое его писаніе проникнуто было сердечностію и умиленіемъ!

Въ 80-мъ году я какъ то зашелъ къ о. Николаю, когда онъ служилъ уже въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Онъ далъ мнѣ на память свои слова, говоренныя въ разное время на погребеніяхъ. Слова замѣчательныя. И всѣ они проникнуты были глубокимъ чувствомъ. Это отличительное свойство о. Николая. Онъ же тогда подарилъ мнѣ икону святителя Николая Мурлякійскаго Чудотворца, работы знаменитаго Шорохова, каковую икону и храню до сего времени, и когда смотрю на сію икону, я всякій разъ вспоминаю о. Николая Ивановича.

А. Крыловъ.

СВѢТЛЫЕ ДНИ

ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ.

Давно влекло меня въ Смоленскую, иначе Зосимову, пустынь: такъ много говорили объ ея теперешнемъ благолѣпіи, о строгой жизни иночествующихъ, о продолжительности богослуженія и т. д.

Мнѣ, пишущему эти строки, хорошо были извѣстны также и прежняя бѣдность и убожество этой обители. Зосимова пустынь памятна мнѣ тогда, когда въ ней не было даже и храма, а находилась одна каменная часовня и въ ней могила пустынника-основателя сей обители, схимонаха Зосимы, жившаго въ XVII вѣкѣ; около часовни двѣ-три лачуги-келіи для пустынножителей, а вмѣсто ограды стоялъ простой плетень.

— Это мы больше отъ волковъ, потому звѣря этого зимою бываетъ много, а черезъ изгородь онъ не полѣзеть, — такъ проговорилъ мнѣ одинъ изъ пустынниковъ, показывая рукою на плетень, во время моего пріѣзда въ пустыньку въ 1884 году.

— Голодень звѣрь, лѣзетъ къ намъ, думаетъ поживиться чѣмъ, и не знаетъ того, что часто приходится голодать самимъ пустынникамъ, — съ добродушной улыбкой добавилъ онъ.

— Неужели у васъ бываетъ здѣсь такъ голодно?—спросилъ я.

— Безъ хлѣба не сидимъ, точно... Хлѣбъ и крупица у насъ водятся и маслице имѣется.

— И только?..

— А чего же больше?.. И за то Господа благодаримъ. Разносоловъ у насъ не бываетъ, по пустынному живемъ.

— Въ этихъ келліяхъ? — показывая на мазанки, спросилъ я.

— Въ нихъ, онѣ снаружи кажутъ неприглядными, а внутри ничего тепло... У преп. Сергія, когда онъ основывалъ обитель, и такой не было. А теперь видишь, какое благолѣпіе и благодать процвѣтаетъ въ обители преп. Сергія. Можетъ Господь Іисусъ Христосъ посѣтитъ своею благодатію и нашу убогую пустыньку, и въ ней будутъ и благолѣпные храмы и удобныя братскія кельи. Будущее намъ невѣдомо.

Эти слова простого инока глубоко врѣзались въ моей памяти; я припомнилъ ихъ теперь, когда, по прошествіи пятнадцати лѣтъ, мнѣ снова пришлось быть въ Зосимовой пустыни и видѣть ея благолѣпіе, процвѣтаніе и благоустройство.

Для поѣздки въ Зосимову пустынь я выбралъ самое удобное время—7-го іюля 1900, а на 8 іюля назначено было освященіе тамъ вновь сооруженнаго величественнаго храма.

День былъ прекрасный, жаркій. Я отправился изъ Москвы, по Ярославской желѣзной дорогѣ, до станціи Арсаки. Эта станція отстоитъ отъ Сергіевой Лавры въ 16 верстахъ, а отъ Зосимовой пустыни въ трехъ.

Съ высокой лаврской колокольни пробило два часа, когда поѣздъ плавно подошелъ къ Сергіеву посаду.

На платформѣ, въ числѣ ожидавшихъ прихода поѣзда были: ректоръ московской духовной семинаріи, архимандритъ (нынѣ епископъ) Трифонъ, инспекторъ духовной академіи, архимандритъ Евдокимъ и много другихъ духовныхъ особъ. За 5 минутъ до отхода поѣзда, при звонѣ во всѣ колокола, изъ Лавры прибылъ Высокопреосвященный митрополитъ Московскій и Коломенскій Владиміръ, отправлявшійся на освященіе храма въ Зосимову пустынь.

Поѣздъ двинулся и, черезъ двадцать минутъ, мы уже были въ Арсакахъ. Тамъ духовенства и гостей дожидалось множество различныхъ экипажей.

Отъ Арсакъ до пустыни, на протяженіи 3-хъ верстъ, идетъ довольно сносная дорога лѣсомъ.

Когда мы немного отѣхали отъ станціи, до нашего слуха донесся звонъ въ пятьсотъ-пудовый колоколь.

Вотъ мы и у стѣнъ смиренной и въ смиреніи величественной обители преп. Зосимы.

Чудная и дивная картина передъ нашими глазами: священнослужители обители со своимъ строителемъ о. Германомъ въ блестящемъ облаченіи и вся братія съ достоитимымъ старцемъ, намѣстникомъ Сергіевой Лавры, архимандритомъ Павломъ, у святыхъ вратъ встрѣтили владыку-митрополита, который въ мантии и съ жезломъ послѣдовалъ во храмъ во имя «Всѣхъ Святыхъ», находящійся надъ св. воротами. Московскій соборный діаконъ, о. Сокольскій, провозгласилъ обычное многолѣтіе. Затѣмъ владыка митрополитъ преподалъ свое благословеніе, какъ братіи, такъ и богомольцамъ и, осмотрѣвъ назначенный къ освященію величественный храмъ, во имя иконы Божіей Матери, нарицаемой Смоленскою, направился въ настоятельскія келліи, гдѣ и имѣлъ свое временное пребываніе; прочее духовенство тоже направилось въ отведенныя келліи, а я съ богомольцами сталъ осматривать храмъ и другія зданія пустыни. Началъ я съ главнаго храма, назначеннаго къ освященію. Онъ построенъ въ стилъ XVII-го столѣтія подъ наблюденіемъ архитектора г. Латкова; красивая и грандіозная колокольня и храмъ надъ вратами построены по плану того же архитектора; храмъ довольно обширный, необычайно свѣтлый, съ прекраснымъ дубовымъ иконостасомъ, мастерской г. Конюхова; художественно исполненныя иконы писаны иконописцемъ г. Епанешниковымъ. Стѣны храма частію расписаны священными изображеніями, частію отдѣланы подъ мраморъ. Полъ каменный, мозаичный. Средній или главный храмъ, какъ уже сказано, сооружень

во имя Смоленской Божіей Матери; направо—придѣлъ во имя «преп. Зосимы, Соловецкаго чудотворца»; здѣсь близъ клироса находится и могила первоначальнаго основателя пустыни, преп. Зосимы.

О схимонахъ Зосимѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ письменныхъ извѣстій. Одно только преданіе, черезъ повѣствованіе мѣстныхъ старожиловъ, отчасти удовлетворяетъ наше любопытство. Въ непроходимой лѣсной дебри когда-то стояла убогая часовенька, срубленная трудами старца Зосимы, жившаго въ XVIII вѣкѣ. Около часовеньки стояло нѣсколько маленькихъ келлій, въ которыхъ жили вмѣстѣ со схимонахомъ Зосимомъ люди, ищущіе молитвы, безмолвія и уединенія. Такъ положено было начало пустынножительства.

Старець Зосима велъ въ пустыни съ ученигами строго-подвижническій образъ жизни. Избѣгая мірской славы, проводилъ онъ время въ постѣ и молитвѣ.

Слава о его святой жизни стала распространяться, и къ нему, для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, стекалось много разнаго народа.

Всѣхъ съ любовію встрѣчалъ старецъ Зосима, для всѣхъ у него было готово слово любви и наставленія.

Какъ-то, случайно, мимо пустыньки пр. Зосимы изъ Сергіевой лавры въ Александровскую слободу, проѣзжала царица (одно преданіе называетъ царицу Елизавету Петровну, другое — Наталью Алексѣевну, любимую сестру Петра Великаго).

Царица услышала о святости и благочестіи Зосимы, котораго она знала и прежде; она пожелала его видѣть, испросить у него благословенія и совѣтовъ, и съ этою цѣлію заѣхала къ нему въ пустынь. Въ то время подвижникъ былъ боленъ и близокъ уже къ могилѣ. Онъ удостоился особаго вниманія и благоволенія царицы.

Уѣзжая изъ пустыни, она приказала извѣстить ее о кончинѣ старца-подвижника.

— Я сама приѣду на погребеніе, — сказала царица окружающимъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда царицы, пр. Зосима почилъ о Господѣ, завѣщая похоронить себя смиренно, какъ подобаетъ убогому иноку, и преподавъ послѣднее благословеніе своимъ ученикамъ-пустынникамъ.

Царица, получа извѣстіе о кончинѣ пр. Зосимы, много жалѣла, что не могла по болѣзни быть на погребеніи старца-подвижника, и прислала на похороны много денегъ, приказавъ мѣстному епископу похоронить подвижника съ торжественностію, подобающею его сану.

Пока увѣдомляли царицу, находившуюся въ это время въ Петербургѣ, пока получили отъ нея отвѣтъ, прошло уже болѣе трехъ недѣль; во все это время тѣло усопшаго Зосимы оставалось непогребеннымъ и, несмотря на лѣтній, палящій зной, не подверглось тлѣнію, и даже лицо нисколько не измѣнилось. При громадномъ стеченіи народа, старца Зосиму предали погребенію въ основанной имъ пустынькѣ, въ могилѣ, которую онъ самъ ископалъ и выложилъ кирпичемъ.

Что случилось съ пустыней и съ братіей по кончинѣ пр. Зосимы, достовѣрно не извѣстно. Часовня опустѣла, но, какъ рассказывали старожилы, существовала до 1808 года, а на могилѣ старца лежалъ большой камень съ надписью. Хотя обитель пр. Зосимы пришла въ упадокъ, но память о немъ сохранилась: крестьяне не переставали ходить молиться на могилу подвижника и служили по немъ панихиды. По времени келліи были сломаны, а также и часовня, — неизвѣстно по чьимъ распоряженіямъ. Прошло много лѣтъ, и на мѣстѣ Зосимовой пустыни не осталось никакого слѣда, никакого памятника, кромѣ простого, деревяннаго креста около могилы подвижника. Но окрестные жители не переставали чтить его память и, въ 1848 году, надъ могилою старца-схимонаха поставлена была небольшая, деревянная часовня. Богомольцы стекались въ часовню, особенно въ лѣтнее время. Они несли сюда разныя

приношенія и взаимѣнъ брали кто песочку изъ горы, гдѣ стоитъ часовня, кто воды изъ колодца, находившагося у подножія горы и выкопаннаго, по преданію, старцемъ Зосимою.

Въ 1866 году, владѣлица той земли, гдѣ находится часовня, передала ее во владѣніе Киновійской, иначе Боголюбивой пустыни, основанной схимонахомъ Филиппомъ, близъ пещеръ Геосиманскаго скита.

По кончинѣ схимонаха Филиппа (въ 1869 г.) завѣдованіе Зосимовой пустынькой вручено было сыну почившаго старца, іеромонаху Прокопію. Благодаря его трудамъ, часовня на средства нѣкоторыхъ благотворителей была обращена въ церковь, въ честь явленія иконы Смоленской Божіей Матери и освящена въ 1889 году 24 сентября.

Въ 1892 году, старецъ архимандритъ Павелъ, вступивъ въ управленіе Лаврою, обратилъ свое вниманіе на Зосимову пустынь, окруженную со всѣхъ сторонъ вѣковыми лѣсами, на ея безмолвіе и святость мѣста.

И вотъ, въ теченіе 8 лѣтъ, великими трудами старца, архимандрита Павла, Зосимова пустынь приняла тотъ видъ, въ которомъ и находится теперь, заставляя невольно удивляться труду и энергіи ея возстановителя и украсителя. Зосимова пустынь всецѣло и неотъемлемо обязана своимъ процвѣтаніемъ священно-архимандриту Павлу.

Ровно въ 6 ч. стали благовѣстить ко всенощной. Я поспѣшилъ во храмъ, близъ амвона я увидѣлъ столъ, на немъ находились назначенные къ освященію: дарохрани-тельница, крестъ, евангеліе, дискось, потиръ; тутъ же находились и предметы, нужные для освященія престола: гвозди, ножи, камни, губки, мыло, духи, престольная одежда и прочее. Передъ аналоемъ, на которомъ находилась иконъ Божіей Матери, ректоръ Московской духовной семинаріи архимандритъ Трифонъ началъ всенощное бдѣніе.

«Слава Святѣй, Единосущнѣй и Нераздѣльнѣй Троицѣ», громко и гармонично пронеслось по обширному храму, и

эти слова заставили богомольцевъ присоединиться къ славословію Святыя Троицы.

Лаврскіе пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ, подъ регентствомъ іеромонаха Израиля, прекрасно пропѣли псаломъ: «Благослови душе моя Господа».

Торжественно-возвышенное богослуженіе, при умирительномъ пѣвнн пѣвчихъ и братіи пустыни, невольно располагало къ молитвѣ; несмотря на продолжительность богослуженія, никто не рѣшался прежде времени оставить храмъ. Литія, благословеніе хлѣбовъ и величаніе Богоматери были совершены владыкой митрополитомъ Владиміромъ, соборнѣ съ оо. архимандритами: Трифономъ, Евдокимомъ, Товіею, Никономъ, игуменами: Давиломъ, Памвою, о. строителемъ пустыни Германомъ, о. ризничимъ Сергіевой Лавры іеромонахомъ Аполлосомъ, экономомъ Досиѣемъ, скитскимъ благочиннымъ Досиѣемъ и другими священнослужителями. По прочтеніи евангелія, владыка-митрополитъ прикладывавшихся къ иконѣ Божіей Матери богомольцевъ помазывалъ освященнымъ елеемъ. Въ одиннадцатомъ часу, съ трезвономъ во всѣ колокола, окончилось всенощное бдѣніе, и богомольцы разбрелись на ночлегъ, кто куда.

Услужливый братъ-гостинникъ принесъ мнѣ въ номеръ кипѣвшій самоваръ и кринку молока, а также монастырскій хлѣбъ. Окно моего номера выходило въ лѣсъ, густой, вѣковой. Я отворилъ окно и сталъ любоваться лѣсомъ, окутаннымъ какъ бы темнымъ флеромъ. Тихо было въ этомъ лѣсу, такъ же тихо и въ гостинницѣ. Утомленные богомольцы улеглись пораньше. Я долго любовался изъ окна на уснувшую природу и предавался размышленію о пустыни, для которой наступили поистинѣ свѣтлые дни... Я не могъ не удивляться и не преклоняться предъ промысломъ Божиимъ: еще такъ недавно въ Зосимовой пустыни была бѣдность, стояла убогая часовня-церковка, нѣсколько жалкихъ лачугъ, въ которыхъ ютилась немногочисленная братія; и рѣдко, рѣдко бывало заглянетъ какой-нибудь стран-

никъ-богомольецъ въ пустыньку, чтобы поклониться почивающему здѣсь преп. Зосимѣ. Но вотъ проходить немного лѣтъ, и убожество пустыньки смѣняется благолѣпьемъ; на мѣсть убогой церкви вырастаетъ величественный храмъ; бѣдная звонница замѣняется высокой колокольной съ пятьсотъ-пудовымъ колоколомъ; мазанки-келіи—большими братскими каменными корпусами; изгородь вокругъ обители—высокой съ башнями оградой и т. д. Не забыты и богомольцы, посѣщающіе пустыньку: для нихъ имѣется прекрасная гостинница, съ высокими, чистыми комнатами, хорошо обставленными, съ проведенной водой и со всѣми удобствами.

Въ благолѣпціи и процвѣтаніи обители пр. Зосимы видна особая благодать Божія, почіющая на семь мѣствъ. Мои размышленія были прерваны приходомъ гостинника.

— Благословите убрать самоварчикъ? — спросилъ онъ меня.

— Да, пожалуйста.

Гостинникъ собрался было уйти, но я остановилъ его вопросомъ:

— Скажите, богомольцы у васъ въ будни рѣдко бываютъ?

— Рѣдко, а иной день и совсѣмъ никого не бываетъ, особливо зимой.

— А богослуженіе въ пустыни непрерывно продолжается?

— А то какъ же.. Обѣдня, утренняя и вечерняя всякій день.

Утренняя въ 2 часа ночи, обѣдня въ 6 часовъ, вечерняя въ 4 часа.

— Даже и зимою?—удивился я.

— Непрерывно и неизмѣнно прославлять должны мы имя Божіе,—наставительнымъ тономъ проговорилъ гостинникъ. — Это былъ совсѣмъ еще молодой монахъ съ едва замѣтно пробивавшимися усами и бородой, но у него лицо было блѣдное, постное.

— Лѣтомъ у васъ такъ хорошо, такъ хорошо... ну однимъ словомъ рай земной!.. Но зимою или осенью, воображаю, у васъ въ пустыни страшная тоска. Неужели вы и зимою не скучаете?

— Не скучаемъ, да и скучать-то некогда намъ: церковное богослуженіе, келейное правило, потомъ послушаніе, время-то, и не видимъ, какъ идетъ, а все къ смерти ближе да ближе...

— И вы такой молодой о смерти думаете? — спросилъ я у гостинника.

— А то какъ же, о смерти и своихъ грѣхахъ надо помышлять ежечасно. Простите, спите съ молитвой. Къ ранней обѣднѣ я васъ разбуджу.

Гостинникъ вышелъ.

Было уже довольно поздно, и я легъ на желѣзную кровать, съ чистымъ бѣльемъ, и скоро заснулъ.

На другой день всталъ я рано.

Во время звона къ обѣднѣ, владыка-митрополитъ прослѣдовалъ во храмъ «со славою», т.-е. въ предшествіи полнаго хора пѣвчихъ, въ парадныхъ кафтанахъ, священнослужителей, діаконовъ, со свѣчами и съ рипидами. Въ дверяхъ храма архипастыря встрѣтилъ старецъ-намѣстникъ о. Павелъ и прочіе архимандриты, а также о. строитель Германъ, съ животворящимъ крестомъ. Приложившись ко св. иконамъ, владыка-митрополитъ, оо. архимандриты: Павелъ, Трифонъ, Евдокимъ, Никонъ и другіе священнослужители надѣли поверхъ облаченія бѣлые, перевязанные лентами «запоны» и приступили къ освященію престола.

Столъ съ церковными принадлежностями былъ внесень въ алтарь и приступили къ устроенію престола: вбитію въ него гвоздей по угламъ камнями, залитію мѣста гвоздей воскомъ и т. д. Затѣмъ, по омовеніи престола и окропленіи св. водой, приступили къ его облаченію. За частицами св. мощей, влагаемыхъ въ антиминсъ, изъ храма

направился крестный ходъ во храмъ Всѣхъ Святыхъ, находящійся надъ св. воротами.

Послѣ молитвъ и кажденія, архипастырь возложилъ св. мощи на главу и направился, въ предшествіи крестнаго хода, вокругъ освящаемаго храма.

По прочтеніи молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, владыка-митрополитъ возжегъ изъ кадила свѣчу и поставилъ ее за престоломъ. Обычнымъ многолѣтіемъ, окончилось освященіе храма. Далѣе владыка-митрополитъ съ тѣми же священнослужителями приступилъ къ первой, въ освященномъ храмѣ, торжественной литургіи. Передъ началомъ литургіи архипастырь обратился къ братіи пустыни и къ богомольцамъ съ проникновеннымъ словомъ, по поводу духовнаго торжества, а по окончаніи богослуженія, благословивъ многочисленныхъ богомольцевъ, послѣдовалъ въ келліи настоятеля.

Хоругвеносцы Сергіеваго посада и города Александрова выстроились въ два ряда съ хоругвями; между ними и шествовалъ архипастырь, благословляя на обѣ стороны народъ.

Трапезой, предложенной обителю владыкѣ митрополиту, прочему духовенству и почетнымъ гостямъ, закончилось это рѣдкое духовное торжество.

Народу, собравшемуся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, раздавали въ благословеніе отъ обители металлическіе образки, листки съ краткимъ описаніемъ «Смоленской Зосимовой» пустыни, бѣлый и черный хлѣбъ.

Радость богомольцевъ была большая, общая.

Въ четыре часа дня владыка митрополитъ изъ Смоленской Зосимовой пустыни отбылъ въ Москву.

На другой день 9 іюля, происходило другое духовное торжество: освященіе двухъ боковыхъ придѣловъ; лѣвый, въ честь архангела Рафаила, освященъ былъ о. архимандритомъ Товіей и строителемъ Боголюбивой пустыни о. Прокопіемъ соборнѣ, передъ ранней обѣдней, а до поздней обѣдни освященъ и правый придѣлъ, во имя пр. Зосимы

Соловецкаго чудотворца, самимъ возобновителемъ пустыни, намѣстникомъ Сергіевой Лавры, архимандритомъ Павломъ, въ сослуженіи строителя пустыни о. Германа и другихъ священнослужителей. Удрученный лѣтами, но бодрый духомъ, старецъ-архимандритъ Павелъ, по окончаніи богослуженія, благословлялъ народъ, желавшій принять его благословеніе.

Многіе изъ богомольцевъ, знавшіе раньше убожество пустыни и видѣвшіе теперешнее ея благолѣпіе, выражали старцу-возобновителю свою благодарность — сердечную, простую, у многихъ исторгавшую слезы умиленія.

Эти свѣтлые дни,—дни освященія,—надолго останутся памятными, какъ для иноковъ-пустынниковъ, такъ и для тѣхъ, которые удостоились быть свидѣтелями сего рѣдкаго духовнаго торжества.

Д. Дмитріевъ.

КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.*

О девятой заповѣди.

Девятая заповѣдь Закона Божія читается, братіе, такъ: *не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.* Этою заповѣдію запрещается *ложное свидѣтельство* на ближняго, а также и вообще всякая ложь. Подъ именемъ грѣха ложнаго свидѣтельства разумѣтся, братіе, и ложное свидѣтельство судебное, когда на кого въ судѣ свидѣлствуютъ, доносятъ, или жалуются ложно, и ложное свидѣтельство кромѣ суда, когда на кого *клеветуютъ* заочно, или когда въ лице *порицаютъ* несправедливо. Этотъ грѣхъ, обыкновенно называемый у насъ клеветою, относится къ тяжкимъ грѣхамъ противъ ближняго, ибо клеветникъ посягаетъ на самое дорогое благо ближняго, на честь его и наноситъ тяжкую обиду его сердцу. Какъ велико это благо, объ этомъ говоритъ намъ и слово Божіе. «Доброе имя», говоритъ древній благочестивый мудрецъ, «лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота (Притч. 22, 1); доброе имя лучше дорогой масти» (Еккл. 7. 1). А св. апостоль Павелъ называетъ доброе имя такимъ благомъ, которое даже дороже жизни. «Для меня лучше умереть», говоритъ онъ, «нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою» (1 Кор. 9, 15). Подобно сему учатъ о тяжести грѣха клеветы и св. отцы. «Ближнему великая обида чрезъ клевету», говоритъ св. Тихонъ Задонскій, «не иначе какъ бы отъ кого бѣнъ былъ жезломъ, да еще болѣе. Ибо раны тѣлесныя скорѣе заживутъ, нежели язвы душевныя.

*) Продолженіе. См. юньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

Тѣло жезломъ, а душа поноснымъ словомъ уязвляется. Отъ сего уязвленія печаль, а отъ печали немощь, отъ немощи смерть. И чѣмъ большее поношеніе, тѣмъ большее души уязвленіе и печаль послѣдуетъ. Чѣловѣкъ бо, какъ честолюбивъ, лучше желаетъ лишиться богатства, нежели добраго имени: богатства бо лишившись, можетъ его паки сыскать, а имя доброе весьма трудно возвратить» (Твор. 2 ч. 167 стр.). А какою великою скорбію можетъ отозваться клевета на ближнемъ,—объ этомъ св. Василій по поводу одной взведенной на него клеветы, пишетъ: «какую болѣзнь причинилъ душѣ моей слухъ объ этой клеветѣ?.. Едва не цѣлую ночь провелъ я безъ сна... Сердце мое стало связано, языкъ разслабѣлъ, рука онѣмѣла... едва не дошелъ я до челоуѣконенавидѣнія» (Твор. 6 ч. 138 стр. и 7 ч. 199 стр.). Если, братіе, такъ тяжель грѣхъ клеветы, то какъ нужно намъ стараться избѣгать его, какъ нужно охранять и беречь доброе имя ближняго. И не только самимъ намъ нужно избѣгать клеветы на ближняго, но и не слушать ее отъ другихъ, ибо, если кто слушаетъ клевету на ближняго, тотъ и самъ становится клеветникомъ. «Кто принимаетъ къ себѣ клеветника», говоритъ св. Антоній великій, «того вовлекаетъ онъ во многіе грѣхи. Кто сообщается съ нимъ, тотъ сообщается съ убійцею. Убійца и клеветникъ производятъ одинаковыя дѣйствія. Какъ убійца мечемъ умерщвляетъ тѣло, такъ клеветникъ словами умерщвляетъ душу... Клеветникъ и тотъ, кто слушаетъ его, и вмѣстѣ съ нимъ получаетъ одинаковое осужденіе. Безопаснѣе бываетъ приблизиться къ огню и обжечься имъ, нежели приблизиться къ клеветнику и говорить съ нимъ. И такъ, дѣти мои возлюбленныя, удаляйтесь клеветника. Убѣгайте его, кто бы онъ ни былъ, отецъ ли, или братъ кого нибудь изъ васъ. Лучше жить со львомъ, или со львицею, нежели съ клеветникомъ. Не стыдитесь удаляться отъ него, иначе онъ заразитъ васъ ядомъ» (Изъ сл. о смир.). Другой подвижникъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ даетъ такой совѣтъ въ отношеніи къ клеветнику: «никогда не оказывай», говоритъ

онъ, «уваженія тому, кто злорѣчиво говоритъ тебѣ о ближнемъ; а лучше скажи ему: перестань братъ, я ежедневно падаю въ тягчайшіе грѣхи; какъ же могу осуждать его? Такимъ образомъ окажешь двоякую пользу, однимъ пластыремъ уврачевавъ и себя и ближняго» (Лѣств. сл. 10). Подобно сему говоритъ и еще одинъ изъ подвижниковъ: «если братъ осудитъ брата предъ тобою, смотри, не раздражи его еще болѣе и не скажи: да, это такъ; но или молчи, или скажи ему: я самъ осужденъ и не могу судить другого,—и тѣмъ спасешъ и себя и его» (Письма о хр. жизни, еп. Теофана, 123 стр. приб.). Такъ, братіе, мы должны не только сами не измышлять клеветы, но и не слушать ея отъ другихъ.

Девятая заповѣдь Закона Божія, охраняя доброе имя ближняго, не только запрещаетъ, братіе, клевету на него, но не позволяетъ намъ судить и о дѣйствительныхъ порокахъ или недостаткахъ ближнихъ. *Не судите, да не судими будете*, говорилъ Господь Іисусъ Христосъ. Бываютъ, братіе, случаи, когда нѣкоторыя лица особеннымъ положеніемъ или должностію призываются къ тому, что бы судить о поступкахъ другихъ лицъ; напр. родители обсуждаютъ и наказываютъ за проступки дѣтей своихъ, пастыри обличаютъ поступки пасомыхъ, судьи обсуждаютъ поступки подсудимыхъ; но не эти сужденія разумѣлъ Господь, когда запрещалъ судить ближнихъ. Онъ Самъ говорилъ Апостоламъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди, и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще ли тебѣ не послушаетъ, пойми съ собою еще единого или два; аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви* (Матѳ. 18, 15—17). Самъ же Онъ, какъ вы знаете, братіе, далъ имъ власть вязать и рѣшить, а слѣдовательно и судить грѣхи людей. Апостолы пользовались этимъ правомъ, напр. Апостоль Петръ осудилъ поступокъ Ананіи и жены его, когда они утаили часть своего имѣнія, и наказалъ ихъ смертію (Дѣян. 5, 1—10). Апостоль Павелъ осудилъ коринѣскаго грѣшника, велѣлъ его удалить изъ среды христіанъ, а самихъ коринѣскихъ христіанъ обвинялъ за то, что они не имѣютъ у

себя правильнаго суда (1 Кор. 5 и 6 гл.). Тотъ же Апостоль своему ученику Тимоѳею пишетъ: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2) и еще: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай* (1 Тим. 5, 20). Такимъ образомъ, братіе, Господь, когда запрещаетъ судить ближнихъ, разумѣетъ не тѣхъ, которые судятъ о поступкахъ другихъ, будучи призваны къ тому особымъ положеніемъ или должностію, а запрещаетъ такъ называемые нами пересуды о ближнихъ, когда напр. мы произносимъ невыгодное сужденіе о ближнихъ, когда недостатки или пороки ближняго, неизвѣстные другимъ, дѣлаемъ извѣстными, рассказываемъ о нихъ, когда добрые поступки ближнихъ объясняемъ въ худую сторону, умалняемъ ихъ и т. п. Почему же, спрашивается, мы не можемъ судить и о дѣйствительныхъ порокахъ ближнихъ, если даже мы и не призваны къ тому особою должностію? Прежде всего, братіе, потому, что у каждаго изъ насъ есть свои грѣхи, за ними мы и должны прежде всего смотрѣть, а не за чужими. «Что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего», говоритъ Господь, «а бревно въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемеръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего» (Матѳ. 7, 3—5). Значить, братіе, по слову Спасителя, мы болѣе склонны замѣчать за другими, а за самими собою не смотримъ. Если бы мы строже относились сами къ себѣ, къ своимъ поступкамъ и дѣламъ, то были бы болѣе снисходительны къ другимъ. Тѣ же люди, которые любятъ судить и рядить другихъ, обыкновенно мало слѣдятъ за собою. Однажды фарисеи привели къ Іисусу Христу женщину, обвиняя ее въ тяжкомъ грѣхѣ, и говорили, что ее нужно побить камнями. На это Господь сказалъ имъ: «кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень». Фарисеи, услышавъ это и будучи обличаемы совѣстію, ушли одинъ за другимъ (Іоанн. 8, 3—9). Такъ, братіе, если бы мы построже относились сами къ себѣ, то и не судили бы

другихъ. «Скорые и строгіе цѣнители прегрѣшеній ближняго», говоритъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, «впадаютъ въ сію страсть оттого, что о собственныхъ своихъ грѣхопаденіяхъ не дѣлали еще совершеннаго и безошибочнаго припоминанія, и не прилагали о томъ заботы. Ибо, если кто безъ покрывала самолюбія разсмотритъ въ подробности свои худыя дѣла, то не будетъ уже заботиться ни о чемъ иномъ въ жизни, разсуждая, что на оплаканіе себя самого не достанетъ ему своего времени, хотя бы прожилъ онъ и сто лѣтъ, и хотя бы увидѣлъ, что слезъ изъ очей его вышла цѣлая рѣка Іорданъ. Наблюдалъ я, что такое плачь, и не нашелъ въ немъ даже и слѣда злорѣчія и осужденія» (Лѣств. сл. 10). Такимъ образомъ, братіе, грѣхъ осужденія тяжекъ потому, что осуждающій другого тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не помнитъ и не сожалѣетъ о своихъ грѣхахъ. Но этого, братіе, мало. Осуждающій другого показываетъ тѣмъ самымъ, что и онъ склоненъ именно къ тѣмъ грѣхамъ, которые видитъ и замѣчаетъ въ другихъ, какъ говорится, судить и рядить о другихъ по себѣ. «При видѣ другихъ», говоритъ св. авва Дорошеей, «больше всего должно избѣгать подозрительности, отъ которой происходитъ пагубное осужденіе. Имѣю множество опытовъ, подтверждающихъ ту истину, что всякій судить о другихъ по своему устроенію. Приведу примѣръ. Положимъ, что кому либо случилось стоять ночью на какомъ либо мѣстѣ,—и мимо его идутъ три человѣка. Увидѣвъ его, одинъ изъ нихъ думаетъ: онъ ждетъ кого либо, чтобъ пойти и содѣлать блудъ; другой: это должно быть воръ; третій: онъ сговорился съ кѣмъ либо изъ ближайшаго дома вмѣстѣ пойти куда либо на молитву,—и ждетъ его. Вотъ трое видѣли одного и того же человѣка, на одномъ и томъ же мѣстѣ, однакожь не одно и то же возымѣли о немъ мнѣніе, но одинъ—одно, другой—другое, третій еще иное,—и очевидно каждый—сообразно съ своимъ душевнымъ состояніемъ. Какъ тѣла черножелчныя и худосочныя каждую пищу, которую принимаютъ, претворяютъ въ худые соки, хотя бы пища была

и полезная, такъ и душа, имѣющая худой нравъ, получаетъ вредъ отъ всякой вещи, хотя бы встрѣчаемыя вещи и хороши были. А имѣющій добрый нравъ подобенъ тому, кто имѣетъ тѣло добросочное, при которомъ, если онъ и съѣстъ что либо вредноватое, то оно образуется у него въ хорошіе соки. Такъ и мы, если имѣемъ добрый нравъ, и находимся въ хорошемъ душевномъ настроеніи, то можемъ отъ каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь сія и не была полезна» (Добротолубіе, Т. II, изд. 2, стр. 638—639).

Итакъ братіе, мы не должны судить о другихъ, если даже замѣчаемъ въ нихъ и дѣйствительные пороки, потому что осужденіе ближняго показываетъ съ нашей стороны забвеніе о своихъ грѣхахъ и склонность къ тѣмъ грѣхамъ, которые мы замѣчаемъ въ другихъ. Но и помимо этого, братіе, мы не должны судить о другихъ, если даже видимъ въ нихъ и дѣйствительные недостатки, еще и потому, что сужденія наши не могутъ быть правильными: мы не знаемъ ни состоянія душевнаго своего ближняго, можетъ быть, уже раскаявшагося предъ Богомъ, получившаго прощеніе, ни самой тяжести грѣховъ или поступковъ, по нашему мнѣнію грѣховныхъ. Однажды Господь Иисусъ Христосъ былъ въ домѣ Симона фарисея на вечери. Въ это время одна жена—грѣшница пришла и начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, цѣловать ноги Его и мазать муромъ. Видя это фарисей подумалъ про себя: если бы Онъ, т. е. Иисусъ Христосъ, былъ пророкъ; то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница. Но оказалось, что эта женщина уже получила прощеніе грѣховъ своихъ, такъ что сужденіе о ней Симона фарисея было неправильно (Лув. 7, 36—48). Или вотъ, братіе, другой примѣръ изъ жизни подвижниковъ. Однажды преп. Арсеній, память котораго празднуется 8 мая, тяжело разболѣлся. Инокѣ перенесли его въ церковную больницу и положили на мягкую постель. Старецъ изъ другого монастыря пришелъ посѣтить больного и, увидѣвъ Арсенія на мягкомъ ложѣ, соблазнился и подумалъ: «это ли отецъ

Арсеній? какъ можно ему такъ покоиться?» Но какъ прищелецъ изумился тому весьма неосторожно, то бывший тутъ священникъ отгадалъ мысли его и, отвѣдя въ сторону, спросилъ, кто таковъ былъ онъ, живучи въ мірѣ, и какова была жизнь его?—«Я былъ пастухъ», ничего не подозрѣвая, отвѣчалъ инокъ, «и жилъ въ чрезмѣрной бѣдности и печали».—«А теперь хорошо ли живешь?» опять спросилъ у него священникъ. «Весьма спокойно», отвѣчалъ онъ, «и имѣю все, что мнѣ нужно».—«Знай же», сказалъ священникъ, «что сей старецъ, котораго видишь, былъ второй отецъ царскимъ дѣтямъ; ему предстояли тысячи рабовъ; его постель была мягка и роскошна; его богатства были безчислены: и такъ, не правда ли что ты, послѣ трудовъ мірскихъ, нынѣ покоишься, а отецъ Арсеній послѣ покоя мірскаго нынѣ трудится?» Старецъ признался въ своемъ заблужденіи и, поклонясь въ ноги священнику, просилъ у него прощенія, что въ сердцѣ своемъ толь нагло оскорбилъ праведника (Учил. благоч. 1 ч. 67 стр.). Видите ли, братіе, какъ легко можно ошибиться въ сужденіяхъ о дѣлахъ и о жизни нашихъ ближнихъ. Вотъ почему и слово Божіе и св. отцы запрещаютъ намъ судить о ближнихъ, даже если бы мы видѣли въ нихъ и дѣйствительные пороки. «Кто ты, осуждающій чужого раба?» вопрошаетъ св. апостоль Павелъ, «предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ, или падаетъ. И будетъ возставленъ: ибо силенъ Богъ возставить его» (Римл. 14, 4). «Если бы даже», учитъ св. Іоаннъ Златоустъ, «было истинно то, что ты пересказываешь о ближнемъ, если бы ты былъ совершенно въ этомъ увѣренъ, и тогда подвергнешься наказанію. Ибо не за то, что дѣлалъ другой, Богъ будетъ судить тебя, а за то, что ты говорилъ. *Отъ словесъ бо своихъ осудишься.* Не слышишь ли, что и фарисей говорилъ правду (о мытарѣ): высказалъ то, что было всѣмъ извѣстно, и объявелъ то, что не было тайнаго, и однакожь подвергся жестокому осужденію? Если же и явныхъ грѣховъ оглашать не должны, то тѣмъ болѣе неизвѣстныхъ и нелоказанныхъ. Согрѣшившій имѣетъ нахъ собою Судию

Итакъ ты не предвосхищай себѣ чести, принадлежащей Единородному, Которому предназначенъ престоль суда» (Бес. на Матѣ. 42). «Если увидишь кого», говоритъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, «и при самомъ исходѣ души, падающаго въ грѣхъ; то и въ этомъ случаѣ не осуждай его; потому что судъ Божій сокрытъ отъ людей. Въ великіе грѣхи падали иные явно, но еще большія добрыя дѣла совершали тайно; и обманулись любившіе посмѣваться, вмѣсто солнца схвативъ дымъ» (Лѣств. сл. 10). «Если увидишь очами своими брата согрѣшающаго», говоритъ также одинъ изъ подвижниковъ, «и помысль скажетъ тебѣ: осуди его,—отрѣй сей помысль и скажи ему: анаѰема тебѣ, сатана. Ты виновать, а братъ мой что сдѣлалъ? И утверди сердце твое—не осудить брата: иначе отступить отъ тебя милость Божія» (Письма о хр. жизни. еп. Теофана, 123 стр. приб.). Итакъ, братіе, не будемъ осуждать ближнихъ нашихъ, если даже увидимъ у кого либо и дѣйствительные недостатки. Наоборотъ будемъ стараться никогда не замѣчать пороковъ ближняго, какъ учатъ насъ и св. подвижники. «Слышалъ я о нѣкоемъ братѣ», говоритъ св. авва Дороеей, «что, когда онъ приходилъ къ кому либо изъ братіи и видѣлъ келлію его не выметенною и не убранною, то говорилъ себѣ: блаженъ сей братъ, что отложилъ заботу обо всемъ земномъ и такъ весь умъ свой устремилъ горѣ, что не находитъ времени и келлію свою привести въ порядокъ. Также если приходилъ къ другому, и видѣлъ келлію его убранною и выметенною и чистою, то опять говорилъ себѣ: какъ чиста душа сего брата, такъ и келлія его чиста, и состояніе келліи согласно съ состояніемъ души его. И никогда не говорилъ онъ ни о комъ: сей нерадивъ, или гордъ, но по своему доброму настроенію всѣхъ видѣлъ добрыми, и отъ всѣхъ получалъ пользу. Благій Богъ да подастъ и намъ такое же доброе настроеніе, чтобъ и мы могли получать пользу отъ cadaго и никогда не замѣчать пороковъ ближняго» (Добротол. II т. 639 стр.). Тѣмъ болѣе, братіе, не будемъ разглашать о грѣхахъ или недостаткахъ ближнихъ, а скорѣе

будемъ покрывать ихъ любовію своею, ибо въ противномъ случаѣ и того, о комъ рассказываемъ еще болѣе укрѣпимъ въ злѣ, и тѣхъ, которые будутъ слушать насъ расположимъ къ злу и на себя навлечемъ осужденіе Божіе. «Если открывшій наготу отца своего Хамъ», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «подвергъ себя проклятію, и лишившись одинаковой съ братьями чести, осужденъ служить имъ, если не онъ самъ, такъ всѣ потомки его, то чему подвергнутся тѣ, которые обнаруживаютъ грѣхи братьевъ и не только не прикрываютъ ихъ, но стараются еще сдѣлать болѣе извѣстными, и чрезъ это размножаютъ грѣхи? Потому что, когда ты обнаруживаешь грѣхъ брата, то не только его сдѣлаешь, можетъ быть, болѣе безстыднымъ и не расположеннымъ къ возвращенію на путь добродѣтели, но и тѣхъ, кто будетъ слушать тебя, болѣе укоренишь въ безопасности и расположишь къ упорству во злѣ. Будемъ же избѣгать безстыдства Хамова, а станемъ подражать цѣломудрію скромныхъ сыновей Ноя, которое они обнаружили по отношенію къ наготѣ отца; и такимъ образомъ прикрывать грѣхи братьевъ, не для того, чтобы располагать ихъ къ нерадѣнію, но чтобы, напротивъ, этимъ сильнѣе побудить ихъ къ скорѣйшему освобожденію отъ заразы грѣховной и возвращенію на путь добродѣтели. Ибо для человѣка внимательнаго неимѣніе свидѣтелей грѣховъ его облегчаетъ исправленіе; напротивъ, когда душа потеряетъ стыдъ и увидитъ, что ея преступленія извѣстны всѣмъ, то не скоро рѣшится исправиться, но, какъ бы упавъ въ глубокое озеро и увлекаясь множествомъ волнъ все ниже и ниже, будетъ уже не въ состояніи всплыть на верхъ, впадетъ наконецъ въ отчаяніе и потеряетъ надежду на исправленіе. Посему, прошу, не будемъ ни сами отерывать прегрѣшеній нашихъ братьевъ, ни, когда узнаемъ о нихъ отъ другихъ, домогаться увидѣть наготу ихъ, но, подобно добрымъ сыновьямъ Ноя, прикроемъ ее и постараемся исправить падшую душу увѣщаніями и совѣтами, напоминая ей о величій человеколюбія Божія, о безпредѣльной благодати и безмѣрномъ милосердіи Его» (Изъ 29 бес.

на кн. Бытія). Подобно сему и другой св. Отецъ—Святитель Димитрій Ростовскій поучаетъ: «если ты и явно, своими глазами, видишь согрѣшающаго, то не поноси его и не суди его съ гордостію, чтобы и самому тебѣ также не пострадать; ибо судящій кого либо въ чемъ, самъ тѣмъ же пострадаетъ. Но ты милостиво и съ человѣколюбіемъ покрой его согрѣшеніе и преступленіе, а если можешь, такъ исправь; если же нѣтъ, то съ молчаніемъ пройди мимо, осуждая себя самого; довольно съ тебя и своего зла, а не только что смотрѣть грѣхи другого. Не радуйся паденію ближняго, но, напротивъ плачь и рыдай, считая паденіе его, какъ свое, такъ какъ намъ заповѣдано любить ближняго, какъ самого себя. Аще падаетъ врагъ твой, не обрадуйся о немъ, ниже о соблазненіи его возносися (Притч. 24), говоритъ Соломонъ. Не утѣшайся согрѣшеніемъ другого, чтобъ и о твоёмъ грѣхѣ не порадовались бѣсы и люди. Не велика радость о согрѣшеніи, но болѣе печаль и боязнь о себѣ; ибо только бѣсы радуются погибели грѣшныхъ, такъ какъ и сами окончательно погибли, человѣкъ же долженъ радоваться спасенію человѣческому, чтобы и самому получить отъ Бога спасеніе и милость нынѣ и въ день суда» (Изъ «Алфав. Дух.»).—Итакъ, братіе, видите ли,—какъ тяжекъ грѣхъ осужденія. Будемъ посему всячески остерегаться грѣха и для сего прежде всего строже относиться къ самимъ себѣ, смотрѣть за собою и Бога просить, какъ учить насъ и св. Церковь: *ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя пригрѣшенія и не осуждати брата моего.*

Девятая заповѣдь закона Божія, запрещающая грѣхъ клеветы и осужденія ближняго, запрещаетъ въ то же время, какъ сказали мы, братіе, и всякую вообще ложь. Ложь есть тяжкій грѣхъ: тотъ, кто лжетъ, подражаетъ діаволу, который, по слову Спасителя, *въ истинѣ не стоитъ: яко нпсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ: яко ложь есть и отецъ лжи* (Іоанн. 8, 44). Вотъ почему и Слово Божіе строго осуждаетъ этотъ порокъ. «Мерзость предъ Господомъ—уста лживыя», говоритъ

древній благочестивый мудрецъ, «а говорящіе истину благоугодны Ему (Притч. 12, 22); злой порокъ въ человѣкѣ—ложь; въ устахъ невѣждъ она всегда. Лучше воръ, нежели постоянно говорящій ложь; но оба они наслѣдуютъ погибель. Поведеніе лживаго человѣка—безчестно, и позоръ его всегда съ нимъ» (Сирах. 20, 24—26). «Открывается гнѣвъ Божій съ неба», учитъ св. апостолъ Павелъ, «на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою» (Римл. 1, 18). Слово Божіе указываетъ намъ и примѣры того, какъ Богъ строго наказываетъ за ложь, такъ слуга пророка Елисея Гезій за ложь наказанъ былъ проказою; Ананія и Сапфира также за ложь поражены были смертію. Св. Отцы и подвижники также строго осуждаютъ этотъ порокъ. «Злополученъ и жалокъ», говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, «кто коснѣетъ во всякой лжи; потому что діаволь *искомн ложь есть* (Іоан. 8, 44). Кто коснѣетъ во лжи, тотъ не имѣетъ дерзновенія; потому что ненавистенъ и Богу и людямъ. И кто не станетъ плавать о человѣкѣ, который проводитъ жизнь во лжи? Такой человѣкъ ни въ какомъ дѣлѣ не заслуживаетъ одобренія и во всякомъ отвѣтѣ подозрителенъ. Въ монастырѣ возбуждаетъ онъ гнѣвъ и ссоры, и въ братскомъ обществѣ онъ то же, что ржа въ желѣзѣ. У него дерзкое сердце, и онъ не закрываетъ сего; онъ охотно выслушиваетъ тайны и легко открываетъ ихъ; онъ умѣетъ излагать языкомъ своимъ и тѣхъ, которые твердо стоятъ въ добрѣ. Начинаетъ дѣло и показываетъ, что не онъ причиной дѣлу. Ничего не говоритъ безъ клятвы и думаетъ убѣдить многоглаголаніемъ. Лжець многоизобрѣтателенъ и изворотливъ. Нѣтъ язвы глубже этой, нѣтъ позора выше этого. Лжець для всѣхъ гнусенъ и всѣмъ смѣшонъ. Поэтому будьте внимательны къ себѣ, братія; не коснѣйте во лжи» (Изд. Бог. В. Изъ «Слова о добр. и пор.» 18 №). Но можетъ быть, кто нибудь изъ васъ, братіе, скажетъ, что бываетъ такая ложь, при которой нѣтъ намѣренія вредить ближнему, и посему такая ложь, можетъ быть, и не противорѣчитъ заповѣдямъ Божіимъ. Но нѣтъ, братіе,

и такая ложь непозволительна, потому что несогласна съ любовію и уваженіемъ къ ближнему и недостойна чело-вѣка, и особенно христіанина, каеъ созданнаго для истины и любви. Христіанинъ долженъ подражать Господу Иисусу Христу, Который есть истина (Іоанн. 14, 6). Языкъ данъ намъ отъ Бога для того, что бы мы говорили истину, а не ложь, что бы мы назидали другъ друга въ увѣренности, что за всякое слово праздное должны будемъ, по слову Спасителя, дать отвѣтъ предъ Богомъ (Мате. 12, 26). Кромѣ этого, братіе, какъ бы ни была, повидимому, безвредна ложь, она все-таки несомнѣнно вредитъ нравственному достоинству чело-вѣка, ибо съ одной стороны по привычкѣ чело-вѣкъ легко можетъ перейти отъ безвредной лжи къ таковой, отъ которой можетъ быть и вредъ для ближнихъ, а съ другой—онъ легко можетъ потерять довѣріе къ себѣ отъ другихъ, потому что о немъ привыкаютъ думать, что онъ лжетъ и въ то время, когда говорить правду. Вотъ почему св. апостоль Павелъ учитъ вѣрующихъ отложить прежній образъ жизни ветхаго чело-вѣка, истлѣвающаго въ оболстительныхъ похотяхъ, и облечься въ новаго, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины, и говорить: «посему, отвергнувъ ложь, говорите истину каждый ближнему своему; потому что мы члены другъ другу» (Ефес. 4, 22—25). Итакъ, братіе, христіанинъ долженъ избѣгать лжи. Но можетъ быть при этомъ ктонибудь спроситъ, можно ли и должно ли говорить всегда всякую правду? Должно, братіе, всегда говорить только истину, но не всегда можно говорить всякую истину. Бываютъ случаи, что одному говорить какую либо истину можно, а другому—нѣтъ, ибо будетъ и бесполезно и даже вредно; напр., нельзя, конечно, говорить дѣтямъ о томъ, чего они не могутъ разумѣть или что знать—имъ еще не время. Значитъ, могутъ быть случаи, когда нужно бываетъ и умолчать объ истинѣ, а именно когда говорить о ней и бесполезно и вредно.

Итакъ, братіе, девятая заповѣдь закона Божія запрещаетъ клевету и осужденіе ближняго, а также и вообще всякую

ложь. Слышали вы, какъ тяжки эти грѣхи. Какъ посему мы должны стараться избѣгать ихъ. А для того, что бы лучше избѣжать намъ этихъ грѣховъ, нужно обуздывать языкъ свой, потому что эти грѣхи главнымъ образомъ и бывають отъ нашего невоздержанія въ словѣ, въ языкѣ. Кто много говоритъ праздно, тому, конечно, трудно обдумать каждое свое слово, а посему и трудно избѣжать грѣха. Вотъ почему и Господь Іисусъ Христосъ прямо говорить, что за всякое слово праздное человѣкъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ (Матѣ. 12, 26). Вотъ почему и св. апостоль Петръ учить: *хотяй бо животъ любити и видѣти дни благи, да удержитъ языкъ свой отъ зла, и устынь свои, еже не глаголати лъсти* (1 Петр. 3, 10). А другой Апостоль—св. Іаковъ людей празднословящихъ почитаетъ самообольщенными и пустыми. *Аще кто мнится, говорить онь, въренъ быти въ васъ* (думаетъ, что онь благочестивъ), *и не обуздываетъ языка своего, но лъститъ сердце свое, сею суетна есть въра* (у того пустое благочестіе 1, 26). Тѣхъ же, которые не согрѣшаютъ словомъ, Апостоль почитаетъ совершенными. *Аще кто въ словъ не согрѣшаетъ*, говорить онь, *сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло* (3, 2). Вотъ почему, братіе, и св. отцы и подвижники высоко почитали добродѣтель молчанія, старались обуздывать языкъ свой и учили тому же учениковъ своихъ. «Кто не можетъ», говорить св. Антоній Великій, «хранить устъ своихъ и языка, пусть позаботится, по крайней мѣрѣ, *не много быти въ словесахъ своихъ* (Іов. 11, 3). Блюдишь, человѣкъ, возьми власть надъ языкомъ своимъ, и не умножай словъ, чтобъ не умножить грѣховъ. Положи персть на уста твои и узду на языкъ твой, потому что многорѣчивый человѣкъ не составляетъ въ себѣ мѣста Духу Святому. Если кто, новичекъ еще, бесѣдуя съ тобою, спроситъ тебя о чемъ либо спасительномъ для души его, отвѣтъ ему; если же о томъ, отъ чего нѣтъ ему пользы, будь какъ глухой, который не слышитъ, и какъ нѣмой, который не говоритъ. Понудимъ себя жрѣпкую приставить стражу въ устамъ своимъ, чтобъ о

комъ либо не сказать чего либо худого, потому что худая рѣчь хуже всякихъ ядовъ. Всѣ раны залѣчиваются, а рана отъ языка не имѣетъ врачеванія. Языкъ неосторожнаго оуждателя, движимый діаволомъ, ядовитѣе языка зміина, потому что онъ возбуждаетъ свары и горькія враждованія среди братій, сѣетъ мятежи и злодѣйства между мирными и разсѣиваетъ многолюдныя общества. Итакъ, бѣгайте оужденія другихъ, и прилежите молчанію. Любящій молчаніе пребываетъ близъ Бога и Ангеловъ Его, и въ вышнихъ мѣсто его. Господь говоритъ, что Онъ тогда сохранитъ пути твои—когда ты самъ будешь хранить уста свои» (Притч. 13, 3. Добротол. I т. Изд. 3. Стр. 59—60). Подобно сему и другой подвижникъ преп. Пимень говорилъ: «если будешь соблюдать молчаніе, то найдешь покой вездѣ, гдѣ бы ты ни жилъ» (Дост. сказ. 292 стр.), а св. Памванъ вопросъ: «хорошо ли хвалить ближняго?» отвѣчалъ: «а молчать еще лучше» (282 стр.). Итакъ, братіе, избѣгайте празднословія и будьте осторожными въ словахъ своихъ; любите истину, уважайте доброе имя ближняго и удаляйтесь всякой лжи. Особенно, братіе, при дѣтяхъ воздерживайтесь отъ разговоровъ, обидныхъ для ближняго и не говорите неправды. Сами вы, конечно, знаете, какую великую силу въ дѣлѣ воспитанія дѣтей имѣетъ доброе слово. Все слышанное дѣтьми оставляетъ въ нихъ впечатлѣніе на всю жизнь, и посему всякое дурное слово, злонамѣренно, или по необузданности языка, сказанное, дѣйствуетъ на нихъ растлѣвающимъ образомъ. Наоборотъ, ваша любовь къ правдѣ, уваженіе къ имени ближняго и удаленіе отъ лжи сдѣлаетъ и вашихъ дѣтей правдивыми, почтительными и уважаемыми къ ближнимъ и противниками лжи и неправды. Аминь.

Священникъ С. Садковскій.

Ж И З Н Ъ

ПУСТЫННИЦЫ АНАСТАСІИ (СЕМЕНОВНЫ ЛОГАЧЕВОЙ), ВПОСЛѢДСТВІИ МОНАХИНИ АѦАНАСИИ,

И

ВОЗНИКНОВЕНІЕ НА МѢСТѢ ЕЯ ПОДВИГОВЪ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ *).

Проживши въ своей Кудлеевской кельѣ нѣсколько времени, Анастасія вознамѣрилась отправиться на богомолье въ старый Іерусалимъ. Это было ея завѣтнымъ желаніемъ: чтеніе св. Евангелія развило въ ней чувство любви ко Спасителю, распятому за наши грѣхи на Голгоѣ, гдѣ и хотѣлось ей помолиться. Параскева Егорова утверждаетъ, что предъ симъ временемъ она путешествовала въ С.-Петербургъ съ 6 декабря до Ѧоминой недѣли. Опреѣленно сказать не могу, но кажется, что она попала именно на тотъ корабль, на которомъ отправлялись въ Іерусалимъ Великіе Князья. Въ это время съ нею познакомилось какое-то высокопоставленное лицо, которому она рассказала о своей жизни на Курихѣ и объ изгнаніи ея съ сего мѣста, съ просьбою походатайствовать о разрѣшеніи ей жить опять на Курихѣ и устроить общинку. Совершеннаго отказа не получила, но сановникъ совѣтовалъ ей лучше отправиться для устроенія монастыря въ Томскую губернію—Бійскій уѣздъ. На путешествіе въ Іерусалимъ она употребила 9 мѣсяцевъ. По прибытіи изъ

*) Продолженіе. См. юньскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1902 г.

Иерусалима она отправилась было въ свою любимую Куриху пожить; но скоро опять была изгнана. Послѣ сего она уже отправилась на жительство въ Ардатовскій монастырь; келья Кудлеевская была снесена; при разборкѣ ея, могилу подъ поломъ, а въ оной и гробъ засыпало обвалившеюся землею; по ея желанію гробъ оставленъ въ сей могилѣ. Мѣсто сіе означено часовенкою.

Въ монастырѣ, до постройки своей кельи, Анастасія проживала подъ колокольнею; а по переселеніи въ свою келью проживала тутъ искренняя ея по духовно-нравственной жизни подруга, Марія Гавриловна ¹⁾, прославившаяся даромъ прозорливости и совѣтомъ. Здѣсь въ монастырѣ Анастасія Семеновна жила, отличаясь, по словамъ монахини Нектаріи (Ардатовскаго монастыря, нынѣ живетъ на Курихѣ) полною нестяжательностію и отдавала послѣднія крохи маленькимъ дѣвицамъ, жившимъ въ монастырѣ. Росту она была немного болѣе средняго, лицо было молоджавое, весьма пріятное, всегда какъ бы улыбающееся, благодатное.

Сюда однажды къ ней пришли нѣсколько дѣвицъ изъ неофициальной общины въ селѣ Ризадѣевѣ, Ардатовскаго

¹⁾ Сія схимонахиня Марія къ концу своей жизни ослѣпла; принимала она самое живое участіе въ основаніи обители на Курихѣ чрезъ Н. В. Карамзину. Г-жа Карамзина, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, по смерти игуменіи Серафимы, у Маріи съ новоизбранною игуменію, перевезла схимонахиню въ Ковыляевскій Троицкій женскій монастырь Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, гдѣ игуменію состоитъ Теофанія, жившая въ Ардатовскомъ женскомъ монастырѣ. Схимонахиня Марія крестьянину с. Кудлей Василю Андрееву, пользовавшемуся отъ нея наставленіями, посѣщавшему ее и въ Ковыл. мон., сказала: „ты, Васи, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣ послѣ Крещенія, да привози болѣе свѣчь“. „На что это матушка?“ „Нужно, привози.“ Пріѣхавши въ Ковыляи въ назначенное время, онъ узналъ, что схимонахиню Марію соборовали; при немъ 17 числа января она и скончалась, причѣмъ потребовалось много свѣчь: потому что къ ея погребенію стеклось очень много народу. Жаль, что до сего времени никто не возьметъ на себя труда составить ея жизнеописаніе: по окрестностямъ много разсѣяно ея глубоко назидательныхъ изреченій.

уѣзда, и рассказали объ обидахъ, причиненныхъ имъ старшиною Алексѣемъ Емельяновымъ, который удалилъ ихъ изъ прежняго мѣстожителства, бывшаго около храма, на островокъ. Анастасія имъ довольно загадочно сказала: «приходите ко мнѣ жить». Келейка у нея была небольшая. Куда приходитъ жить къ ней,—дѣвицы не осмѣлились уже переспросить. Когда сей старшина изгонялъ ее изъ Курихи,—она приглашала его позавтракать; а когда услышала обиды другимъ, то вотъ что изрекла: «Алексѣю Емельяновичу добра не будетъ за притѣсненіе». И дѣйствительно, онъ пропалъ въ послѣдствіи неизвѣстно куда, опасаясь кары законной за какіе-то расходы.

Игуменія Серафима, уважавшая Семеновну за ея подвижническую жизнь и молитвенную помощь обращающимся къ ней въ своихъ нуждахъ, дала ей послушницу, горбатую дѣвицу Вѣру. Оказалось, что сія дѣвица была очень своенравна и упряма, старалась дѣлать не такъ, какъ должно, какъ просила Анастасія Семеновна, а иногда и совсѣмъ неприличнѣо.

Умѣвшая побѣждать всѣ трудности пустынной жизни и козни невидимыхъ враговъ, подпала, однако, и сама Анастасія искушенію: изъ устъ ея излилась предъ Богомъ грѣшная молитва противу упрямой Вѣры. Она просила Господа Бога, чтобы Онъ, вразумивши за продерзости Вѣру, избавилъ ее отъ сей послушницы. Сама, какъ новопришедшая, о перемѣнѣ послушницы она просить игуменію не имѣла смѣлости, а также и принести на нее жалобу начальницѣ. Во время таковой ея молитвы является ей Архангелъ Михаилъ, грозный съ пламеннымъ мечемъ, говоря: «развѣ такъ молятся Богу любви и мира»? Въ страшномъ волненіи и испугѣ она только и могла произнести: «Батюшка! Архангелъ Михаилъ! не буду, пощади». Видѣла, какъ онъ сталъ удаляться отъ нея и запѣлъ: «Слава въ вышнихъ [Богу и на земли миръ]... Затѣмъ впала она въ безпамятство и такъ сильно заболѣла, что не было никакой надежды на ея

Монахиня Аѳанасія (прежде пусты-
ница Анастасія Семеновна Логачева).

выздоровленіе. Узнавши о болѣзни Анастасіи, Параскева Котова поспѣшила навѣстить ее. Пришедши вечеромъ, остановилась у входной двери, откуда ей было хорошо видно больную, которую въ сіе время окружали монахини, а съ ними и матушка игуменія. Увидавши Котову, Анастасія дала ей знать, чтобы она подошла къ ней,—по желанію ея Котову одну оставили на ночь при ней. Оставшись наединѣ съ Котовою, она и передала ей о своей грѣшной молитвѣ и явленіи Архангела Михаила. Послѣдній проступокъ Вѣры, вынудившій Анастасію на таковую молитву, состоялъ въ томъ, что она зашла съ корытомъ стирать черное бѣлье къ тому углу, гдѣ стояли святые иконы и гдѣ обыкновенно совершала Анастасія свои молитвы. О семъ обстоятельствѣ знали только схимонахиня Марія и Котова. Вѣру послушницу, изъ-за которой Анастасія едва не лишилась благоволенія Божія, она взяла съ собою и въ Томскую губернію.

Оправившись отъ болѣзни, но еще сильно сокрушаясь о своемъ прегрѣшеніи, Анастасія, по словамъ Котовой, усугубила постъ и молитву, и особенно стала просить и умолять Царицу небесную Пресвятую Богородицу, къ Которой всегда изъ дѣтства въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгала, чтобы Она какимъ-либо знаменіемъ дала Ей знать, что прощается ей сей грѣхъ. Усердная и пламенная ея молитва была услышана. Во время всеобщаго бдѣнія вдругъ она увидѣла предъ собою необыкновенный свѣтъ и, взглянувши вверхъ, увидѣла Божию Матерь, стоящую на воздухѣ въ молитвенномъ положеніи съ распростертыми руками, какъ изображается Она на иконѣ Покрова, но безъ омофора на Ея рукахъ. «Ахъ! Матушка, Царица небесная!»—въ простотѣ сердечной воскликнула Анастасія. «Что съ тобою, матушка?»—спросили ее подошедшія монашки. «Забылась, отвѣтила она, вздремнула.» Видѣніе кончилось, и Семеновна послѣ сего успокоилась ¹⁾.

¹⁾ Вслѣдствіе завѣта Анастасіи никому не говорить о семъ видѣніи, часть II.

Въ 1863 году, вслѣдствіе распоряженія Нижегородскаго Епархіальнаго Начальства, именитый купецъ Сергѣй Петровичъ Петровъ перевезъ Анастасію Семеновну изъ Ардатовскаго Покровскаго женскаго монастыря въ новоустроенный Николаевскій женскій монастырь близъ Улалы, Бійскаго уѣзда, Томской губерніи и за сей годъ она уже не значится вписанною въ книгахъ монастыря Ардатовскаго. Предъ своимъ отъѣздомъ она просила своихъ родныхъ и (знакомыхъ) близкихъ ей, чтобы сохранили святой колодезь на Курихъ, писала о семъ и изъ Сибири, напоминая, что тамъ нѣкогда устроится монастырь. Томскій Пресвященный, пріѣхавшій на открытіе Николаевскаго женскаго монастыря, что на Улалѣ, самъ совершилъ надъ Анастасіею постриженіе въ великій ангельскій монашескій чинъ, привезъ ей готовую сшитую мантию, наименовавъ ее Аеанасіею. Начальницею сего монастыря она пребыла около 5 лѣтъ, а всего прожила тамъ немного болѣе 11 годовъ. Къ концу своей жизни она являла въ себѣ дѣтскую простоту и незлобіе,—за все воздавала благодареніе Господу Богу и, полагая на себѣ крестное знаменіе, говорила: «ну и слава Тебѣ, Господи», хотя бы говорили для нея обидное. Будучи начальницей монастыря, она вела самый простой образъ жизни, одежду носила самую бѣдную, и не оставляла того руководѣлія, которымъ здѣсь занималась. ¹⁾.

Котова тогда только согласилась мнѣ передать о семъ, когда я ей объяснилъ, что, со смертію Анастасіи, ея завѣщаніе не имѣетъ уже силы, что по смерти сообщать о милости Божіей, являемой человѣку, можно, такъ какъ это послужитъ къ славѣ же Божіей.

¹⁾ Кудлеевскій крестьянинъ Василій Андреевъ сообщаетъ слѣдующее о монахинѣ Аеанасіи. Въ Николаевскомъ, что на Улалѣ, монастырѣ ее посѣтила монахиня Троицкаго Ковыляевскаго монастыря (имени ея не упомянуть), бывшая тамъ по сбору съ книгою, и нашла настоятельницу Аеанасію, пряхшую шерсть и притомъ въ весьма плохомъ одѣяніи. Послѣ нѣкотораго разговора, посѣтельница спросила, почему она несетъ до старости такой простой трудъ, не соответствующій ея настоящему положенію, и одѣвается такъ бѣдно. Аеанасія отвѣтила: сей трудъ есть любимое мое занятіе; одежда таковая свойственна.

Кто отрекомендовалъ Анастасію въ начальницы для Николаевского Томскаго монастыря, — объ этомъ я не могъ достать точныхъ свѣдѣній. Здѣшнее преданіе гласитъ, что она взята туда въ начальницы по рекомендаціи высокопоставленнаго лица, познакомившагося съ нею на пароходѣ по пути въ Іерусалимъ.

Предчувствуя свою кончину, монахиня Аѳанасія въ предсмертномъ своемъ письмѣ къ роднымъ, жившимъ въ селѣ Кудлеяхъ, между прочимъ писала о томъ, чтобы они не забывали ее по ея смерти въ своихъ молитвахъ, а равно и ея родителей, Симеона и Мавру, «какъ и я молилась о вашемъ спасеніи и упокоеніи вашихъ родителей.» На отвѣтное письмо отъ родныхъ послѣдовало извѣстіе изъ монастыря, что монахиня Аѳанасія скончалась. По частнымъ свѣдѣніямъ, она скончалась въ 1875 году, имѣя отъ своего рожденія около шестидесяти шести лѣтъ.

Закончу жизнеописаніе монахини Аѳанасіи, положи на себѣ крестное знаменіе, какъ она постоянно дѣлала, и ея же словами, которыя она на закатѣ дней своихъ говорила: «Слава Тебѣ, Господи!» Благодареніе Тебѣ, явившему въ наши дни таковую подвижницу въ дѣлѣ спасенія!

Свящ. Александръ Приклонскій.

ей по ея лѣтамъ, послѣ чего прибавила, что у нея есть и лучшія одѣянія. Оставивъ посѣтительницу, Аѳанасія ушла въ другую комнату, одѣлась въ монашеское одѣяніе и вышла неузнаваемою, какъ по красотѣ лица, такъ и по сіянію отъ него лучезарному. Посѣтительница, какъ выражалась, едва устояла на ногахъ. „Вѣрю, мать Аѳанасія, что у тебя есть все, прости меня маловѣрную.“

МІРЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.*)

IV.

Чародѣйство, волшебство и факиризмъ. Явленія, обнаруживающія дѣйствіе таинственныхъ силъ природы.

Во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ являлись по временамъ замѣчательныя личности, повидимому, одаренныя необыкновенными качествами и сверхъестественною силою,— личности, обладавшія тайною не только повелѣвать силами природы, но и входить въ сношенія съ невидимымъ міромъ духовъ, и вслѣдствіе такого могущества творить самыя чудныя вещи. Это были маги, волшебники, чародѣи, а въ новѣйшее время таковы индѣйскіе мудрецы и факиры. Такъ, сохранилось отъ глубокой древности преданіе о философѣ Пифагорѣ, что онъ декламировалъ свои стихи у береговъ Ниссы, и рѣка отвѣчала ему человѣческимъ голосомъ. Онъ же заставлялъ птицъ повиноваться ему. Жрецъ Калхасъ и прорицатель Тирезій поражали умы современниковъ своею способностью предсказывать будущее. Египетскіе волхвы творили многія магическія чудеса (Исх. 7—8 гл.).

Въ первую эпоху христіанства явились тавматурги, предсказывавшіе будущее и производившіе чудесныя дѣйствія подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ, предъ глазами многочисленной толпы. Такъ, въ Римѣ въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. дѣйствовали Симонъ волхвъ изъ Самаріи

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

и Аполлоній Тіанскій. О Симонѣ рассказываютъ, что онъ заставлялъ статуи ходить предъ толпою, подобно живымъ людямъ; оставался невредимымъ среди пламени костровъ, превращалъ камни въ хлѣбы и поднимался на воздухъ, гдѣ оставался, поддерживаемый невидимою силою. Изъ книги Дѣяній Апостольскихъ мы знаемъ, что онъ хотѣлъ купить за деньги даръ чудотворенія, но былъ отвергнутъ апостолами (гл. 8, ст. 9—25). Преданіе добавляетъ, что онъ послѣ этого заключилъ союзъ съ діаволомъ. Сила впечатлѣнія, производимаго Симономъ на современниковъ, была такъ велика, что имя его стало легендарнымъ.

Другой замѣчательный тавматургъ того же времени былъ Аполлоній Тіанскій, видный философъ и искусный врачъ. Жизнь его описана Филостратомъ. Родился онъ въ 3-мъ году христіанской эры и прожилъ 130 лѣтъ. Путешествуя по дальнимъ странамъ востока, онъ основательно изучилъ магію и тайныя науки. Про него рассказываютъ, будто онъ могъ переноситься самопроизвольно на далекія разстоянія, превращаться въ птицъ, деревья и камни, предсказывать будущее и бесѣдовать съ тѣнями умершихъ. Рассказывали также, что въ Римѣ онъ былъ посаженъ въ темницу по какому-то подозрѣнію, но когда привели его въ судилище, то все, написанное противъ него, вдругъ изгладилось. Когда же судьи начали допросъ подсудимаго, то вокругъ него образовалось облако, и вмѣстѣ съ нимъ Аполлоній исчезъ. Его вторично посадили въ темницу при Домиціанѣ и, опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ, раздѣли, обрили и заковали въ цѣпи, но на другой день въ тюрьмѣ нашли однѣ цѣпи ¹⁾.

Конечно, такихъ волшебниковъ, какъ Симонъ и Аполлоній, было немного, но вообще чудодѣйство было въ то время весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ Римѣ. Тертуліанъ въ своей апологетикѣ свидѣтельствуетъ, что римскіе

¹⁾ М. С. Хогинскій. Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Спб., 1866 г., стр. 6—10.

волхвы, его современники, вызывали призраковъ и тѣни умершихъ, заставляли дѣтей предсказывать будущее, занимались чревовѣщаніемъ и т. п. Извѣстные философы Александрійской мистической школы: Ямвлихъ, Плотинъ и Порфирій занимались вызываніемъ духовъ и бесѣдовали съ ними. Мистики Александрійской школы совершенно исчезли около 6-го вѣка, но ихъ мудрость частью сохранилась и перешла въ руки средневѣковыхъ волшебниковъ и колдуновъ, наслѣдовавшихъ древнимъ магикамъ ¹⁾).

Въ средніе вѣка въ лѣсахъ Германіи и Галліи жили Друиды и жрецы, усвоившіе много тайнъ изъ близкаго общенія съ природою. Они предсказывали будущее, врачевали болѣзни, насылали и снимали порчу, возбуждали стихіи міра, умѣли заклятіями превращать людей въ животныхъ. Независимо отъ этого, волшебство и чародѣйство было повальною болѣзнію въ теченіе всего средневѣковаго періода, о чемъ свидѣлствуютъ безчисленные процессы вѣдьмъ и колдуновъ и поражающее множество жертвъ инквизиціи, достигающее по мнѣнію Маррена, Битнера и др. до девяти милліоновъ.

Вѣкъ просвѣщенія, ознаменованный духомъ крайняго скептицизма и гоненія противъ всего мистическаго, нисколько не препятствовалъ распространенію самой широкой популярности алхимика Ласкараса, универсальныхъ врачей Гасснера и Гритрѣкса, магнетизера Месмера и загадочной личности, извѣстной подъ именемъ графа Сенъ-Жермена.

Но изъ всѣхъ таинственныхъ личностей, которыми такъ богато 18 столѣтіе, наиболѣе прославился и оставилъ по себѣ самое рѣзкое впечатлѣніе въ памяти потомства необыкновенный человекъ, въ сущности гениальный шарлатанъ, извѣстный подъ именемъ графа Калиостро ²⁾). Это

¹⁾ Ibidem, стр. 13—14.

²⁾ По происхожденію Итальянецъ, онъ родился въ 1748 году, умеръ въ 1793 г. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. у Хотинскаго „Чародѣйство и таинств. явл.“, стр. 187—330.

былъ самый удивительный чудодѣй, имѣвшій доступъ ко многимъ европейскимъ дворамъ и массу знатныхъ поклонниковъ. Безъ всякихъ снарядовъ и безъ всякихъ видимыхъ приготовленій онъ производилъ самыя изумительныя чудеса, затмѣвающія фокусы современныхъ спиритическихъ медиумовъ. Онъ излѣчивалъ сотни больныхъ однимъ только видимымъ наложеніемъ рукъ, вызывалъ въ людяхъ всѣ чудеса ясновидѣнія при состояніи полного бдѣнія, а производимыя имъ фантазмагоріи неподражаемы даже при теперешнихъ усовершенствованныхъ оптическихъ снарядахъ. Кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно искусенъ въ чревоушчаніи. Но удивительнѣе всѣхъ его продѣлокъ были фокусы, производимые имъ съ помощью дѣтей, получившихъ у него названіе «голубковъ». Приводимыя къ нему впервые дѣти, съ которыми не могло быть никакой предварительной стачки, видѣли и читали въ зеркалахъ и графинахъ съ водою самыя удивительныя вещи. Самый способъ прорицанія былъ таковъ. Калиостро избиралъ самъ изъ множества приводимыхъ къ нему дѣтей—нѣкоторыхъ. Дѣти получали посвященіе чрезъ наложеніе рукъ, а затѣмъ, поставленные предъ графиномъ съ водою, произносили слова, заключавшія въ себѣ призываніе ангеловъ. По произнесеніи этихъ словъ, чистые духи, будто бы, являлись дѣтямъ внутри графина съ водою. На поставляемые имъ вопросы духи иногда отвѣчали словами, но чаще письменно, причемъ буквы отвѣта начертывались въ графинѣ на поверхности воды и были видимы только дѣтямъ—прорицателямъ. Послѣднія читали отвѣты громкимъ голосомъ ¹⁾.

Подобнымъ же фокусникомъ въ 18 столѣтіи былъ Казанова, а въ 19 вѣкѣ Пинетти и нѣкій вантрилогъ (чревоушчателъ)

¹⁾ Конецъ жизни Калиостро былъ очень печаленъ. Въ сентябрѣ 1783 года онъ былъ заключенъ въ Римѣ въ инквизиціонную тюрьму за чародѣйство и принадлежность къ массонству. Въ 1791 году онъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости, а въ 1793 году найденъ былъ въ тюрьмѣ умершимъ, какъ полагаютъ, насильственною смертію.—Хотинскій. Чародѣйство и проч., стр. 329—330.

Александръ, разыгрывавшій различными голосами самыя сложныя сцены въ то время, какъ губы его оставались сомкнутыми. Они также излѣчивали болѣзни таинственными средствами, а равно обладали способностью одновременно появляться въ разныхъ мѣстахъ.

Для насъ весьма важенъ вопросъ о тѣхъ средствахъ, съ помощію которыхъ какъ древніе магики, Симонъ волхвъ, Аполловіи Тіанскій и др., такъ равно средневѣковые и новѣйшіе волшебники производили свои чудеса. Безспорно, что главными ихъ пособниками были: слабость умовъ и легковѣріе людей, а равно необычайное развитіе воображенія у наблюдателей явленій. Но и независимо отъ этого, внимательное разсмотрѣніе наиболѣе отчетливо описанныхъ чудесъ древняго міра и первыхъ вѣковъ христіанства, приводитъ къ заключенію, что они могли быть совершены только при помощи знанія нѣкоторыхъ таинственныхъ, невѣдомыхъ наукъ, силъ природы и управляющихъ ими законовъ. Маги, жившіе въ тѣснѣйшемъ общеніи съ природою, знали многое, неизвѣстное нашимъ ученымъ. У восточныхъ народовъ, а равно въ древней Греціи и въ Египтѣ были извѣстны многочисленныя тайныя науки, какъ, напримѣръ: магія разныхъ видовъ, звѣздочетство, хиромантія, рабдомантія и др. Обладаніе таинственною мудростью составляло привилегію сословія жрецовъ и отдѣльныхъ кастъ, которыя и были хранителями мистическихъ знаній. Вступленіе въ эти общества новыхъ членовъ предварялось продолжительнымъ искусомъ и страшными заклятіями относительно тщательнаго сохраненія магическихъ тайнъ отъ непосвященныхъ.

О существованіи особыхъ школъ для изученія таинственныхъ знаній можно судить съ увѣренностью какъ по историческимъ даннымъ, такъ и на основаніи слова Божія и житій Святыхъ. Изъ книги Исходъ извѣстно, напримѣръ, что волхвы Фараоновы умѣли обращать жезлы въ змѣй, воду въ кровь, а равно наводитъ на страну жабъ. Можетъ быть, подобныя чудеса представляли собою коллективнымъ

ложновидѣнія, или галлюцинаціи, но важно здѣсь и то, что волхвы постигали тайну психическаго вліянія на созерцателей явленій, умѣли управлять ихъ вниманіемъ и съ необычайною силою поражать ихъ воображеніе. Словомъ, они уже обладали тѣми тайнами психологіи, которыя были частью открыты, а частію поставлены на научную почву величайшими представителями науки (Шарко, Бернгеймомъ и др.) только въ концѣ 19 столѣтія—подъ именемъ гипнотизма, месмеризма, животнаго магнетизма и т. п. Въ житіи священномученика Кипріана сообщаются подробныя свѣдѣнія о его чародѣйскомъ искусствѣ, которымъ онъ обладалъ и пользовался до обращенія своего въ христіанство. На горѣ Олимпѣ, а затѣмъ въ Мемфисѣ, говорится въ житіи, онъ научился величайшимъ дьявольскимъ хитростямъ: онъ умѣлъ показывать различные бѣсовскіе призраки, научился измѣнять свойства воздуха, вызывать вѣтры, насылать громы и дожди, возмущать морскія волны, производить разрушенія въ садахъ, виноградникахъ и на поляхъ, причинять вредъ людямъ и наносить имъ раны. Волхвованіемъ своимъ онъ умѣлъ придать человѣку образъ птицы и надѣлать способностью летанія по воздуху ¹⁾). Онъ могъ производить волхвованіемъ всякія напасти, подобно кознямъ діавола надъ Іовомъ: убивалъ скотъ, поражалъ людей язвами, наводилъ болѣзни на людей и скотъ.

Многіе представители науки также увѣрены, что чародѣи и волшебники производили свои магическія чудеса при помощи знакомства съ таинственными силами природы. Французскій ученый Евсеій Сальвертъ, посвятившій почти всю свою жизнь изысканіямъ надъ волшебными фокусами и тайными науками, доказалъ, что во всѣ времена, въ которыя историческое преданіе помѣщаетъ появленіе мнимыхъ чудесъ, извѣстныя касты и личности, особенно

¹⁾ Житіе добавляетъ: при помощи бѣса, носившаго человѣка по воздуху. См. Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго, октябрь, 2 дня, стр. 11 и 16.

волхвы, жрецы и нѣкоторые философы, обладали значительными познаніями въ области физическихъ наукъ. Поэтому Сальвертъ полагаетъ, что исключивши все, принадлежащее фокусничеству, обманамъ и разгоряченному воображенію, чудеса древнихъ мажиковъ, въ ихъ большинствѣ, входятъ въ рамки естественныхъ явленій, доступныхъ для людей, хорошо знаемыхъ съ физическими науками ¹⁾. Съ другой стороны, извѣстно, что у средневѣковыхъ чародѣевъ весьма важную роль играли: человѣческая кровь, волоса мертвыхъ, дубовая кора, бузина, различныя ядовитыя травы и наркотическія вещества. При процессахъ колдуновъ и вѣдмъ обнаружилось, что нѣкоторыя наркотически дѣйствующія травы (напримѣръ, белладона), а равно и химически составленныя мази, способны были вызывать ложновидѣнія и временныя помѣшательства. Не подлежитъ также сомнѣнію, что колдуны и чародѣи знали много метеорологическихъ примѣтъ, а равно постигали тайны животнаго магнетизма и гипнотизма, которыми и пользовались для своихъ цѣлей. Они умѣли вызывать частныя галлюцинаціи и коллективныя ложновидѣнія. Нѣкоторые же ученые, напримѣръ, проф. Бальфуръ Стюартъ, Подморъ и др. полагаютъ, что они сами обладали замѣчательною гипнотическою, или электро-біологическою силою, съ помощью которыхъ производили свои фокусы и заставляли другихъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Можно думать, что постиженіемъ тайнъ природы и мистическихъ знаній вообще въ высокой степени отличались изъ древнихъ маговъ Симонъ волхвъ и Аполлоній Тіанскій, а изъ новѣйшихъ—Каліостро. Относительно послѣдняго съ значительною вѣроятностію можно полагать, что онъ обладалъ весьма развитымъ искусствомъ возбуждать въ окружающихъ его людяхъ галлюцинаціи. По крайней мѣрѣ, новѣйшія изслѣдованія надъ гипнотизмомъ даютъ

¹⁾ Eusébe Salverte. Des sciences occultes, 3 ed., 1886 r.

включъ къ объясненію многихъ явленій, вызванныхъ искусствомъ Калиостро. Согласно этимъ изслѣдованіямъ, наши психическія способности, подъ вліяніемъ гипноза, освобождаются изъ-подъ контроля собственной воли человека и подпадаютъ власти чужой воли, причемъ свободно воспринимаютъ впечатлѣнія, лишеныя всякой объективной дѣйствительности. Особенная таинственная и фантастическая обстановка волшебныхъ фокусовъ, въ свою очередь, оказываетъ сильное вліяніе на воображеніе и сковываетъ мысль, послѣ чего достаточно одного торжественнаго приказанія мага: «смотри», «слушай», чтобы увидѣть, или услышать что-либо несуществующее на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что волшебники и чародѣи нерѣдко и сами подвергались самогипнозу и связанному съ нимъ самообману. Академикъ гр. Гаспарель, писавшій о продѣлкахъ медиумовъ, утверждаетъ, что они сами первые подвергаются тому впечатлѣнію, которое налагаютъ на зрителей. Ихъ вниманіе, сосредоточенное на призракѣ, порождаетъ у нихъ обманы чувствъ, сообщающіеся остальнымъ зрителямъ ¹⁾).

Если, однако, магическое искусство имѣло нѣкогда свою теорію и требовало изученія многихъ тайныхъ наукъ, то въ послѣдствіи дѣйствительныя научныя тайны, передаваясь отъ одного адепта къ другому чрезъ длинный рядъ поколѣній, до того перемѣшались съ обманами, что, наконецъ, стало очень трудно отличить дѣйствительное отъ призрачнаго, фокусъ отъ загадочной реальности. Наслѣдники Симона и Аполлонія постепенно низошли до уровня простыхъ фокусниковъ. Тѣмъ не менѣе, и въ наши дни есть люди, владѣющіе многими тайнами природы. Таковы индійскіе мудрецы, извѣстные подъ именемъ факировъ.

Индія издавна слыветъ классическою страной разныхъ чародѣевъ, вудесниковъ, жрецовъ черной и бѣлой магіи и т. д. Ловкость и искусство этихъ фокусниковъ до того

¹⁾ Хотинскій. Чародѣйство и пр., стр. 324—325.

изумительны, что передъ разными чудесами, совершаемыми ими, положительно останавливаются въ недоумѣніи самыя острые и наблюдательные умы. По свидѣтельству многихъ очевидцевъ, ученыхъ путешественниковъ и писателей, индѣйскіе чародѣи обладаютъ способностью: производить пламя на обширномъ пространствѣ—безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій и безъ помощи необходимыхъ матеріаловъ, окутывать толпу густыми облаками, или туманомъ, показывать передъ публикою очаровательныя ландшафты природы, производить моментальное появленіе, или исчезновеніе предметовъ, наглядно показывать ростъ растенія—отъ стебелька до деревца, вырастающаго на глазахъ зрителей и т. п. Тѣ же чародѣи, или факиры, прокалываютъ себя кинжалами безъ всякаго вреда, ложатся на горячіе угли, остаются по недѣлямъ и мѣсяцамъ погребенными въ землѣ и затѣмъ снова оживаютъ, хотя и при помощи своихъ пособниковъ. Въ доказательство необычайныхъ способностей индѣйскихъ чародѣевъ, редакторъ весьма распространеннаго англійскаго журнала *Review of Reviews* Стэдъ рассказываетъ слѣдующую странную исторію про двухъ изъ наиболѣе извѣстныхъ индѣйскихъ маговъ, имена которыхъ прогремѣли по всей Индіи и Англии, о профессорѣ Джиганѣ и Яковѣ изъ Симлы. Профессоръ Джиганъ, по словамъ Стэда, можетъ свободно подниматься вверхъ и висѣть въ воздухѣ безъ всякой поддержки, сколько ему угодно,—дѣлать свое тѣло до такой степени твердымъ и упругимъ, что оно становится неподвижнымъ, заставляетъ исчезать свою собственную тѣнь и пр. По его приказанію, изъ земли на глазахъ у зрителей вырастаютъ разные цвѣты, плоды, овощи и растенія. Однимъ усиліемъ воли онъ заставляетъ держаться въ воздухѣ клочки бумаги, книги, зажженную лампу и другіе предметы. Напряженіемъ той же воли онъ заставляетъ эти предметы передвигаться съ одного мѣста на другое и перелетать значительныя пространства. Мелкія монеты, по его приказанію, выходятъ изъ кармановъ присутствующихъ и перелетаютъ къ нему въ руки и т. п.

Но какъ ни удивительны фокусы, показываемые имъ, они все-таки блѣднѣютъ передъ искусствомъ его соперника по профессіи, нѣкоего Якова изъ Симлы. Магическіе фокусы Якова поражаютъ не только простыхъ смертныхъ, но и такихъ искусниковъ, какъ профессоръ Джиганъ. Однажды этотъ послѣдній вздумалъ познакомиться съ Яковомъ и пришелъ къ нему съ визитомъ. Яковъ, слышавшій раньше о чудесахъ, показываемыхъ Джиганомъ, попросилъ того показать кое-что и ему. Джиганъ сталъ отказываться, извиняясь слабостью своихъ силъ и средствъ, но затѣмъ прочелъ нѣсколько мыслей Якову и заставилъ повиснуть въ воздухѣ безъ всякой поддержки палку, принадлежавшую хозяину дома. Одобривъ искусство своего гостя, Яковъ началъ дѣйствовать самъ. Сперва онъ спросилъ Джигана: «гдѣ я нахожусь въ настоящую минуту?» — «Вы стоите предо мною», отвѣтилъ Джиганъ. Яковъ показалъ тогда на открытую дверь, и Джиганъ увидѣлъ двойника хозяина дома, стоящаго въ воздухѣ и совершенно неподвижнаго. Это явленіе продолжалось нѣсколько минутъ. Затѣмъ Яковъ взялъ свою магическую палочку и нѣсколько разъ помахалъ ею вокругъ Джигана. Вдругъ появилась цѣлая туча бабочекъ, окружившихъ Джигана такую плотною массою, что сквозь нее трудно было что-либо видѣть, но Яковъ сказалъ какое-то слово, и всѣ бабочки моментально исчезли. Послѣ этого Яковъ повелъ своего гостя въ комнату, которая, казалось, вся была наполнена страшнымъ пламенемъ, не развивавшимъ, впрочемъ, никакого жара. Отъ одного слова Якова пламя во мгновение ока исчезло.

Во всѣхъ подобныхъ необычайныхъ явленіяхъ большинство ученыхъ видѣли частью фокусничество, частью дѣйствіе гипнотическаго внушенія, частью пользованіе нѣкоторыми, неизвѣстными наука, силами природы, какъ, на примѣръ: животнымъ магнетизмомъ, органическимъ электричествомъ и т. п. Всѣ эти условія, по мнѣнію ученыхъ, могли обнаруживаться въ извѣстномъ рядѣ явленій послѣ-

довательно, или одновременно. Въ частности, по вопросу о пользованіи со стороны маговъ и чародѣевъ таинственными силами природы, особенное предпочтеніе отдается учеными такъ называемой электро-магнетической теоріи. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. По мнѣнію Патегена, Рейхенбаха, де-Роша, Шазарена, Декля, Люи и многихъ другихъ, человѣческій организмъ, тѣла животныхъ и многіе матеріальные предметы имѣютъ въ себѣ большой запасъ электрической энергіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ человѣческій организмъ. Этимъ послѣднимъ, по мнѣнію Тарханова, выдѣляется электрическая энергія при всякомъ мускульномъ движеніи, при всякомъ психическомъ актѣ. У нѣкоторыхъ субъектовъ электро-возбудительная сила достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Такіе субъекты, являющіеся какъ бы аккумуляторами для атмосфернаго электричества, могутъ быть названы гипер-электрогенными. Въ обыкновенномъ состояніи электрическая энергія человѣческаго организма находится въ равновѣсіи и остается незамѣтною. Нарушеніе же этого равновѣсія самимъ человѣкомъ подъ вліяніемъ усилій его воли, или въ зависимости отъ его психики вообще, при совокупности благопріятныхъ условій для обнаруженія внѣшняго электричества, каковы: биполярность человѣческаго тѣла и значительная сила психической энергіи,—способно вызвать многія необычайныя явленія. Такъ, благодаря усиліямъ воли, или болѣзненному разстройству нервной системы, человѣкъ можетъ выдѣлить изъ своего организма положительное электричество въ пространство, и тогда отрицательное электричество, какъ тожественное съ земнымъ, произведетъ отталкиваніе и поднятіе человѣка на воздухъ, а равно полную, или неполную потерю имъ вѣса. Выдѣляя изъ внѣшнихъ предметовъ, усиліями воли, положительное электричество въ пространство, можно вызвать поднятіе тяжелыхъ предметовъ вверхъ и летаніе по воздуху болѣе легкихъ предметовъ. Это особенно удобно сдѣлать тогда, если комнатная атмосфера достаточно насы-

цена отрицательнымъ электричествомъ, какъ это бываетъ на сеансахъ, при скопленіи народа. Управляя электрическою силою, гиперэлектрогенный субъектъ можетъ извлекать, одними усилиями воли, металлическія вещи изъ ящиковъ, или кармановъ присутствующихъ и переносить ихъ съ мѣста на мѣсто; можетъ также заставить двигаться ручки перьевъ, или карандаши, и писать то, что ему желательно. Такая сила, свойственная, по мнѣнію защитниковъ этой теоріи, въ разныхъ степеняхъ всѣмъ людямъ, не зависитъ ни отъ умственного или нравственного ихъ развитія, ни отъ состоянія здоровья, а составляетъ чисто природный даръ человѣка, способный, однако, къ безконечному развитію и усовершенствованію путемъ упражненій и частаго напряженія воли ¹⁾).

Трудно сказать что-либо опредѣленное по поводу этой теоріи. Она слишкомъ гипотетична, своеобразна и настолько нова, что не подтвердилась еще достаточнымъ количествомъ точныхъ наблюденій. Съ другой стороны, современная физическая наука, достигшая значительной высоты развитія, повидимому, довольно обстоятельно ознакомилась съ многоразличными обнаруженіями электрической энергіи, но она ничего не знаетъ о тѣхъ изумительныхъ проявленіяхъ органическаго электричества, о которыхъ трактуетъ изложенная теорія. Безспорно только то, что при помощи извѣстныхъ въ физикѣ электрическихъ приборовъ и машинъ можно достигать довольно изумительныхъ результатовъ, которые могутъ показаться чудесными въ тѣхъ случаяхъ, когда пользованіе снарядами остается скрытымъ для публики. Такъ, въ 1847 году нѣкто Гамулецкій показывалъ въ С.-Петербургѣ своимъ посѣтителямъ въ устроенномъ имъ домашнемъ музеѣ рѣдкостей желѣзную фигуру ангела въ 14 фунтовъ вѣсомъ, свободно державшуюся въ воздухѣ силою противодѣйству-

¹⁾ См. у Битнера, его соч. „Вѣрить, или не вѣрить“, стр. 296—298 и 304—305.

ющихъ магнитовъ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при наблюденіи необычайныхъ явленій, изслѣдованіе мѣста ихъ происхожденія при помощи электроскоповъ вовсе не обнаружило присутствія электричества ни въ почвѣ, ни въ предметахъ.

Однако, мы не имѣемъ основанія отрицать и того, что индѣйскимъ чародѣямъ и профессорамъ магіи извѣстны нѣкоторые секреты природы, еще не открытые официальной наукою и составляющіе ихъ тайну. Не будучи ни глубокими мыслителями, ни учеными естествовѣдами въ точномъ смыслѣ слова, они могли пріобрѣсти многія таинственныя познанія, благодаря постоянному общенію съ природой и своей созерцательной жизни.

Нельзя также отрицать у чародѣевъ и маговъ способности производить силою внушенія многія гипнотическія галлюцинаціи, въ родѣ неожиданнаго появленія пламени, или дыма, тумана, огня, а равно въ видѣ неожиданнаго появленія и исчезновенія предметовъ. Заграничная судебная хроника множествомъ фактовъ подтверждаетъ способность нѣкоторыхъ, даже простыхъ и невѣжественныхъ людей, вызывать гипнотическія состоянія у намѣченныхъ ими жертвъ съ цѣлью насилія надъ ними, или обращенія ихъ въ орудія преступленія. Такое воздѣйствіе можетъ быть производимо нѣкоторыми гипнотизерами даже на значительномъ разстояніи, притомъ не только надъ людьми, но и надъ животными.

Наконецъ, съ христіанской точки зрѣнія вполне допустимы и другія соображенія, нисколько не противорѣчающія указаннымъ естественнымъ объясненіямъ. Дѣло въ томъ, что далеко не все въ необычайныхъ явленіяхъ можетъ быть объяснено изъ дѣйствія невѣдомыхъ наукѣ силъ природы. Поэтому можно допустить помощь и участіе бѣсовъ въ производствѣ чародѣями многихъ необычайныхъ фокусовъ. Бѣсы пользуются заблужденіями и самообольщеніемъ людей съ цѣлью ввергнуть ихъ въ соблазнъ и причинить имъ погибель. Какъ духи болѣе совершенные,

сравнительно съ человѣкомъ, и по уму, и по самымъ условіямъ своего существованія, они, безспорно, лучше людей знакомы съ тайнами природы и ея физическими силами, а потому и лучше могутъ пользоваться послѣдними для производства необычайныхъ явленій, направленныхъ къ соблазну и гибели людей. Возможно, на примѣръ, что именно бѣсы приводили въ движеніе тѣ статуи, которымъ повелѣвалъ ходить Симонъ волхвъ. Житіе священномученика Кипріяна утверждаетъ, что именно бѣсъ носилъ по воздуху тѣхъ людей, которымъ Кипріянъ сообщалъ кажущійся видъ птицы. Такія способности усваиваютъ бѣсамъ Тертуліанъ, бл. Феодоритъ и другіе учителя Церкви. Св. Аѳанасій Великій въ словѣ о воплощеніи свидѣтельствуется, что демоны вводили въ заблужденіе умы людей различными привидѣніями и невѣжественныхъ смертныхъ устрашали призраками. Минуцій Феликсъ говоритъ, что діаволы вдохновляли прорицателей, произносившихъ смѣшанныя съ ложью предсказанія. Самое чародѣйство, какъ извѣстно, преимущественно связано съ язычествомъ, а это послѣднее есть область тьмы и вліянія злого духа, оболочающаго людей чрезъ волхвованія (Ср. Дѣян. 13, 8—10).

Въ нашемъ отечествѣ народная молва много рассказываетъ о различныхъ продѣлкахъ колдуновъ, о порчѣ, посылаемой на людей, объ обращеніи ими людей въ волковъ и т. п. Едва ли всѣ безъ различія фокусы и необычныя явленія, приписываемыя колдунамъ, суть простые продукты народныхъ суевѣрій и ничего незначащія вымыслы. Очень можетъ быть, что колдунамъ извѣстны нѣкоторыя тайны природы, помощью которыхъ они могутъ производить явленія, превышающія обычный порядокъ вещей. Нельзя также отрицать у нихъ способности производить силою внушенія гипнотическія галлюцинаціи. По крайней мѣрѣ, такъ называемая ликантропія, когда человѣкъ воображаетъ себя волкомъ, снимаетъ одежды и удаляется въ лѣса, — есть видъ временнаго помѣшательства, возникающаго подъ вліяніемъ самовнушенія, или сторонняго внушенія. По исте-

ченіи нѣкотораго времени, состояніе помѣшательства проходитъ, и человѣкъ возвращается къ нормальнымъ условіямъ жизни. Народная же молва предполагаетъ дѣйствительное превращеніе человѣка въ волка и полагаетъ причину этого въ заклятіи колдуна, между тѣмъ какъ послѣдній могъ сыграть въ данномъ случаѣ только роль гипнотизера. Наконецъ, можетъ быть колдуны продѣлываютъ свои фокусы и съ помощью бѣсовской силы, тѣмъ болѣе, что, по народной молвѣ, они представляются людьми отчужденными отъ Церкви и ея священныхъ учреждений, а если и пользуются нѣкоторыми священными предметами, то дѣлаютъ изъ нихъ кощунственное употребленіе.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МУЖИ ДОЛГА.*

Страница изъ исторіи старой духовной школы.

По окончаніи экзаменовъ составлялись разрядные списки учениковъ, въ которыхъ ученики каждаго класса дѣлились на три разряда. Причисленные къ первому и второму разрядамъ по окончаніи двухгодичнаго курса переводились въ высшіе классы, а изъ зачисленныхъ въ третій разрядъ одни оставялись на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, другіе увольнялись изъ семинаріи. Старая школа не знала нынѣшнихъ переэкзаменовокъ. Степень развитія ученика и его прилежанія достаточно узнавалась въ продолженіе учебнаго курса, провѣрялись на экзаменахъ, а тѣ или другіе недочеты въ познаніяхъ не считались препятствіемъ не только къ переводу ученика въ высшій классъ, но и зачисленію его въ первый разрядъ. Въ умственномъ развитіи лучшихъ учениковъ, знаніи ими существеннаго въ главныхъ наукахъ школа находила достаточное ручательство въ способности ихъ къ усвоенію новыхъ научныхъ знаній, къ приобрѣтенію ими и частныхъ свѣдѣній, какія могутъ отъ нихъ потребоваться. Случалось иногда, что изъ причисленныхъ къ первому разряду и имѣвшихъ по всѣмъ предметамъ отмѣтку: «очень хорошо» нѣкоторые не только не знали всѣхъ предметовъ очень хорошо, но по второстепеннымъ предметамъ имѣли познанія очень слабыя. Правила требовали, чтобы въ пер-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол.* Чт. 1902 г.

вомъ разрядѣ было не болѣе трети всѣхъ учениковъ класса, но эти правила не всегда соблюдались. Такое несоблюденіе правилъ относительно перваго разряда не разъ вызывало замѣчанія митрополита Филарета. Такъ въ 1840 году на представленіи Правленія Виѣанской семинаріи съ разрядными списками учениковъ митрополитъ написалъ: «Справиться съ существующими правилами законно ли составленъ первый разрядъ учениковъ высшаго отдѣленія, дающій право на званіе студента». По этой резолюціи семинарское Правленіе представило, что въ § 60 начертанія правилъ изображено слѣдующее: первый разрядъ содержать въ себѣ будетъ лучшихъ учениковъ, второй среднихъ, третій посредственныхъ, а предписаніемъ академическаго Правленія отъ 8 марта 1819 года постановлено, чтобы въ первый разрядъ входило не болѣе третьей доли всего числа учениковъ высшаго отдѣленія. Въ списокѣ высшаго отдѣленія къ первому разряду причислены сверхъ третьей части (27 человекъ) еще два ученика: семинарское Правленіе при семъ руководилось изъясненнымъ правиломъ Устава, поелику ученики сіи оказались равными съ нѣсколькими изъ поставленныхъ выше ихъ учениковъ по своимъ способностямъ, познаніямъ и прилежанію, а особенно по благонаравію. Представляя сіе, семинарское Правленіе ходатайствуетъ объ оставленіи въ первомъ разрядѣ прибавленныхъ къ нему учениковъ. На этомъ представленіи резолюція митрополита послѣдовала такая: «Авг. 8. Какъ изъ самаго представленія видно, что разрядный списокъ составленъ не во всей точности согласно съ предписаніями высшаго начальства, то предлагаю Академическому Правленію разсмотрѣть и представить свое заключеніе, можно ли по снисхожденію утвердить списокъ въ настоящемъ видѣ, съ подтвержденіемъ семинарскому Правленію впредь строже держаться данныхъ ему правилъ, или слѣдуетъ составить разрядный списокъ вновь на точномъ основаніи существующихъ правилъ». Академическое Правленіе положило мнѣніемъ изъ учениковъ высшаго

отдѣленія, поставленныхъ въ первомъ разрядѣ отчислить двоихъ во второй и подтвердить Виѣанскому семинарскому Правленію, чтобы оно впредь при составленіи разрядныхъ списковъ поступало согласно предписаніямъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Но случаи причисленія къ первому разряду сверхъ положенной нормы бывали и въ послѣдующее время. Такъ въ 1850 году къ первому разряду причислены были двое изъ учениковъ высшаго отдѣленія сверхъ трети и одинъ изъ нихъ, *Θ. С.*, за удачный отвѣтъ на публичномъ экзаменѣ.

Второй разрядъ состоялъ изъ учениковъ, которые въ спискахъ отмѣчались: прилежанія хорошаго, успѣховъ довольно хорошихъ или средственныхъ. Отъ учениковъ средственныхъ требовалось прилежное изученіе предметовъ главныхъ. Изученіе этихъ предметовъ и для учениковъ съ слабыми способностями не представляло особой трудности потому, что старые семинарскіе профессора умѣли излагать научныя системы на 10—12 писанныхъ листахъ. Отъ учениковъ средственныхъ не требовали, чтобы они все понимали, что учили. Митрополитъ Филаретъ находилъ полезнымъ преподаваніе философіи въ семинаріяхъ на латинскомъ языкѣ по такому соображенію: «Въ исторіи философіи, говоритъ онъ, много высказывается ложныхъ мыслей. Умный пойметъ и обсудитъ ихъ и по латынѣ, а глупый, какъ сорока, заучитъ безъ вреда для себя».

Второй разрядъ состоялъ изъ юношей разнообразныхъ дарованій и познаній. Были такіе, которые по способностямъ и познаніямъ были не хуже зачисленныхъ въ первый разрядъ, были такіе, которые не могли отвѣтить урокъ, если забывали слово, начинавшее извѣстное предложеніе,—борзо говорили до тѣхъ поръ, пока ихъ не перебывали вопросамъ; были юноши даровитые, но крайне лѣнливые въ приготовленіи уроковъ. Третій разрядъ, на семинарскомъ языкѣ, носившій презрительное названіе «трепакъ», состоялъ изъ учениковъ «прилежанія не мис-

гаго» и способностей слабыхъ. Слабые по способностямъ, но не худые по поведенію обыкновенно оставались на повторительный курсъ. Обычай старой школы оставлять на повторительный курсъ въ томъ же классѣ «до усмотрѣнія успѣховъ», въ «надеждѣ успѣховъ» велъ къ тому, что въ каждомъ классѣ сидѣло не мало такихъ учениковъ, для которыхъ школа была богадѣльнею. Нѣкоторые изъ учениковъ, оставаясь въ каждомъ классѣ на повторительный курсъ, достигали возраста очень почтеннаго, не вполне приличнаго для ученика средней школы. Въ Виѣанской семинаріи одинъ изъ оставляемыхъ на повторительный курсъ достигъ такого возраста, что товарищи, иронически опредѣляя его лѣта, говорили про него: «М. ѣлъ траву съ Навуходносоромъ». Старая школа не отрицалась отъ назначенія быть и богадѣльнею, имѣя въ виду не однѣ только цѣли научнаго образованія, но и нужды родителей. По снисхожденію къ этимъ нуждамъ семинарское начальство часто держало въ семинаріи такихъ учениковъ, которые ничему не научились и просуществовали благополучно до окончанія курса только потому, что не заявляли себя чѣмъ-либо худымъ. И замѣчательно, что изъ этихъ неспособныхъ учениковъ выходили нерѣдко примѣрные священнослужители, любимые и уважаемые своими прихожанами.

Стройная система стараго семинарскаго образованія, созидавшаяся не столько внѣшними правилами, сколько живыми дѣятелями школы, имѣла свои достоинства, но и свои недостатки. Недостатки школьнаго образованія сознавались болѣе развитыми учениками во время обученія въ школѣ, яснѣе по окончаніи ими курса, когда жизнь обнаруживала односторонность полученнаго образованія. Какъ отражались недостатки семинарскаго образованія въ сознаніи лучшихъ воспитанниковъ, можно видѣть изъ писемъ двухъ даровитыхъ воспитанниковъ Виѣанской семинаріи М. С. Боголюбскаго и профессора Московской ду-

ховной Академіи П. С. Казанскаго ¹⁾). Старая школа, заботясь объ умственномъ развитіи учениковъ, мало сообщала имъ научнаго знанія. Этотъ недостатокъ прежней школы отмѣчается ея питомцами. «Мы выходимъ изъ семинаріи способными ко многому, не имѣя въ наличіи ничего. Насъ заставляли все сочинять и ничего не знать», писалъ о. протоіерей М. С. Боголюбскій. «Положительныхъ знаній я не много вынесъ изъ семинаріи, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. С. Казанскій. Конечно догматы вѣры зналъ, могъ разсуждать о нихъ, но исторію церкви зналъ мало. Философія почти вся улетѣла изъ головы. По латыни могъ писать и читать безъ затрудненія. По гречески познакомился съ грамматиками Бюрнуфа и Попова. По нѣмецки могъ читать при помощи лексикона. Писать научился живо и свободно». Можно бы думать, что скудость получаемыхъ въ семинаріи научныхъ познаній должна была приводить питомцевъ старой школы къ мысли о необходимости расширенія научнаго семинарскаго курса. Но они, наоборотъ, высказываются за сокращеніе наукъ преподаваемыхъ въ семинаріи. «Въ наукахъ изгоняю патристику, какъ неимѣющую идеи и содержанія, пастырское богословіе, какъ наборъ высокоглаголивыхъ фразъ, гомилетику, которая никого не научила писать проповѣди, каноническое право и туда же герменевтику», писалъ М. С. Боголюбскій. П. С. Казанскій также высказывается за изъятіе изъ семинарскаго курса патристики, гомилетики, ученія о богослужебныхъ книгахъ.

Питомцы старой школы сознавали скудость полученнаго ими образованія, но эта скудость не возбуждала въ нихъ желанія сообщить большую полноту и разнообразіе научнымъ знаніямъ, которыя давала школа. Они видѣли

¹⁾ Письма эти писаны въ концѣ 50-хъ годовъ, когда возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ школъ. Представляя откровенный обмѣнъ мыслей по весьма важному вопросу о школьномъ образованіи, письма эти могутъ быть интересны и для настоящаго времени.

причину скудости знаній питомцевъ старой школы не столько въ томъ, что ихъ учили немногому, сколько въ томъ, что выученное не становилось прочнымъ достояніемъ учениковъ. Поэтому преобразование учебнаго строя въ семинаріяхъ, по мысли М. С. Боголюбскаго и П. С. Казанскаго, должно состоять не во введеніи новыхъ наукъ, обширныхъ программъ, а въ сообщеніи большаго единства школьному преподаванію и большей приноровленности его къ потребностямъ жизни. По мнѣнію М. С. Боголюбскаго, научныя знанія получаютъ неустойчивость въ умахъ учениковъ отъ разнообразія взглядовъ наставниковъ на многіе существенные вопросы въ богословской наукѣ. П. С. Казанскій выражаетъ желаніе, чтобы отвлеченный характеръ преподаванія въ духовныхъ школахъ былъ замѣненъ болѣе жизненнымъ, имѣющимъ въ виду практическія цѣли. «Все преподаваніе богословскихъ наукъ, писалъ онъ, должно быть въ семинаріяхъ пастырскимъ богословіемъ. Раскрытіе какого-либо догмата должно сопровождаться замѣчаніями, какъ легче истолковать этотъ догматъ, какое онъ долженъ имѣть приложеніе къ жизни. Равно и нравственное ученіе сопровождаться наставленіями, какъ его углубить въ сердца слушателей. Всѣ богословскія разсужденія учениковъ должны имѣть форму проповѣдей. Таково должно быть и преподаваніе. Меньше сухой схоластики, болѣе живого чувства. Не проникнутое этою мыслию преподаваніе остается безъ приложенія въ умахъ учениковъ. Они не знаютъ какъ воспользоваться своими свѣдѣніями, какъ ихъ приложить къ дѣлу и потому скоро забываютъ. Доселѣ схоластика господствуетъ у насъ въ учебникахъ, подрѣшленная въ новое время догматикою Макарія».

Несовершенства школьнаго образованія, сознаваемые лучшими воспитанниками старой школы во время обученія въ ней, не возбуждали въ нихъ какого-либо нерасположенія къ этому образованію, а пробуждали стремленіе къ самостоятельному приобрѣтенію научныхъ знаній. Вос-

питанная школою привычка сосредоточивать свою мысль на предметахъ научнаго знанія, разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ и рѣшать его самостоятельно выработывала въ лучшихъ питомцахъ школы широту и самостоятельность мысли, которая сказывались въ очень оригинальныхъ сужденіяхъ ихъ по многимъ вопросамъ духовнаго знанія. Свои оригинальныя сужденія большею частію они таили въ своей душѣ, рѣдко высказывали ихъ въ кругу близкихъ лицъ и всегда подчиняли ихъ живому чувству вѣры и сознанію нравственнаго долга.

Протоіерей А. Бляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА.*)

Пароходъ сталъ на якорь близъ Смирны, и мы за-любовались этимъ древнимъ городомъ. Смирна большой, очень красивый городъ, съ отличной гранитной набережной. Тутъ мы впервые увидѣли караваны верблюдовъ, привязанныхъ гуськомъ одинъ къ другому; у передового виситъ на шеѣ колокольчикъ, и его ведетъ большею частію, вмѣсто человѣка-вожатаго, толковый и осторожный осликъ. Пароходъ ночевалъ въ гавани, гдѣ на него набралось множество торговцевъ, предлагавшихъ намъ туфли, ковры, часы, винныя ягоды, халву и рахатъ-лукумъ; послѣдніе предметы превосходнаго качества и изумительной дешевизны, такъ что мы всѣ усердно ими запаслись. Вечеръ былъ тихій и теплый, вся набережная, съ красивыми восточными домами и почти сплошными магазинами, освѣтилась огнями, и въ разныхъ, говорили, мѣстахъ играла музыка. До поздней ночи мы любовались чудной панорамой моря и города; этой картинѣ придавало еще болѣе волшебный и чарующій видъ сіяніе полной луны... Утро 16-го ноября было великолѣпное, и я, выйдя на палубу, съ восторгомъ любовалась на все меня окру-

*) Продолженіе. См. мартовск. кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1902 г.

жающее: все было ново и оригинально. Смирна, еще красивѣй вчерашняго, красовалась пестротой людей и костюмовъ, все выглядѣло по праздничному и все было залито яркими и горячими лучами солнца. Тутъ меня заинтересовала работа, производившаяся внизу, за бортомъ нашего парохода. Грузили на суда изюмъ, для отправки его къ намъ—въ Россію. Толпа негровъ, черныхъ какъ сажа, съ бѣлыми зубами, таскала огромные кули съ изюмомъ на судно, въ родѣ нашего баркаса и, распоровъ одну сторону куля, высыпала его на дно судна, причемъ, большіе сплшшеся комья растаптывали ногами, а уставшіе отъ труда, тутъ же и ложились на изюмъ спать; съ ними была цѣлая команда ребятишекъ-голышей, тоже негритянь, которые валялись и кувыркались въ этой сладости. Подивилась я на такое безцеремонное обращеніе съ нашимъ излюбленнымъ лакомствомъ и дала себѣ слово впередъ: передъ его употребленіемъ тщательно промывать оный. Въ 3 часа выѣхали изъ Смирны, и къ намъ на пароходъ поступила изъ нея цѣлая компанія молодежи и дѣтей; тутъ были и англичанки, по цѣлымъ часамъ неподвижно и кокетливо сидѣвшія въ креслахъ, и живые веселые французы, хорошенькія гречанки, испанцы, итальянцы и даже одна австріячка, помѣстившаяся какъ разъ надъ моей койкой и очень мнѣ мѣшавшая. Въ наше мирное пребываніе внесено было оживленіе и смѣхъ. Каюты были переполнены, никто никого не стѣснялся, всѣ вели себя по домашнему. Шумъ и веселье у насъ были цѣлый день. Но меня всего болѣе интересовали трюмы и нары 3-го класса, полные нашими паломниками, и я съ искреннимъ уваженіемъ смотрѣла на этихъ изумительно терпѣливыхъ и глубоковѣрующихъ людей. Они, кажется, каждую минуту помнили, что ѣдутъ въ св. землю, освященную стопами Спасителя, и готовили себя къ этому. Пища у большинства изъ нихъ была лишь наши же русскіе черные сухари, размоченные въ водѣ. Едва наставалъ вечеръ, какъ трюмы и нары обращались въ домашнія церкви; въ

болѣ удобныхъ мѣстахъ разставляли они, взятыя съ собою, иконы, налѣпля передъ ними свѣчи, и грамотный изъ нихъ начиналъ вслухъ читать правило, т.-е. молитвы, акаѳисты и каноны. Нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ и умиленіемъ молится на колѣнахъ весь этотъ людъ,—въ нѣсколько сотъ человѣкъ... Глядя на нихъ, невольно и самой захочется присоединиться къ ихъ горячей молитвѣ. Эта общая молитва, видимо, и на турокъ даже дѣйствовала: они, сидя поджавши ноги на своихъ пестрыхъ ваточныхъ одѣялахъ, подолгу и серьезно глядѣли на молящихся христіанъ. Утромъ 17 ноября остановились въ Пирей,—это чисто греческій городъ, подъ бокомъ у Аѳинъ; онъ хотя и небольшой, но опрятный очень. На пароходѣ мнѣ отрекомендовали одного грека, знающаго по-русски, и я, нанявъ каякъ, отправилась съ нимъ осматривать городъ. Выйдя на берегъ, пошли по чистой и широкой набережной, мимо цѣлаго ряда лавокъ, изъ которыхъ одна даже была съ русской вывѣской, гласившей: «продажа чая и сахара». Потомъ мы направились въ городской соборъ, который очень меня заинтересовалъ своею оригинальностью: онъ высокій и свѣтлый, съ однимъ престоломъ; «палаты», т.-е. хоры и скамьи въ немъ такия же какъ и въ патріаршемъ храмѣ Константинополя, но на царскихъ вратахъ, вмѣсто обычнаго образа Благовѣщенія Пресв. Богородицы и евангелистовъ, изображенъ благословляющій Спаситель, во всю величину царскихъ вратъ. Мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери живописныя, только руки на нихъ, какъ перчатками, покрыты серебромъ; лучшее же украшеніе собора—это паникадила: ихъ двѣнадцать и всѣ они густо увѣшаны гранеными хрусталами. Въ 2 часа снялись съ якоря и мы долго еще, съ живымъ любопытствомъ, любовались въ бинокль, влѣво отъ Пирея, на бѣлѣющіяся зданія пресловутыхъ Аѳинъ,—въ древности самаго сердца греческой мудрости. Отъ Пирея до Аѳинъ, говорятъ, всего 20 минутъ ѣзды. Нужно замѣтить, что пароходъ обыкновенно останавливается не

въ Пирей, а въ Хиосъ,halbво въ заливъ, у острова того же имени. Туда, на этотъ разъ, не было ни пассажировъ, ни товаровъ, а въ Пирей было и то и другое. На другой день 18 ноября, съ разсвѣтомъ, я поспѣшила на рубку. Мы плыли мимо острова Крита, и я съ горячимъ интересомъ глядѣла на этотъ многострадальный съ древнихъ лѣтъ и историческій островъ. Въ общемъ видъ онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на двѣ части: большую и малую. Весь островъ въ горахъ, и вершина главной изъ нихъ, въ то время, была закутана облаками. Вечеромъ того дня, по случаю субботы, еще дольше и торжественнѣе шла въ третьемъ классѣ общая молитва, а у насъ, въ общей каютѣ 2-го класса, молодежь шумно встрѣчала наступающее воскресенье: играли въ различныя игры и на инструментъ, вродѣ нашей флейты, пѣли, танцовали чуть не до полуночи, и только когда стали сталкиваться другъ съ другомъ, отъ усилившейся качки, утомонились и разошлись по своимъ койкамъ.

Въ часъ ночи мы покинули Архипелагъ и вступили въ Средиземное море. Съ разсвѣтомъ я несказанно была утѣшена, увидя вдали островъ Патмосъ... Дики и суровы вершины его горъ, но великій образъ Юанна Богослова какъ бы олицетворяется передъ вами и указываетъ на вѣчность; здѣсь онъ видѣлъ небо отверстымъ и написалъ Апокалипсисъ, эту книгу, гдѣ начертана тайна-тайнъ, связывающая видимую землю и видимыя небеса съ новою землею и новымъ небомъ. Многіе мнѣ раньше говорили, что Архипелагъ и Средиземное море одно и то же, въ дѣйствительности же, какъ я сама увидѣла, въ нихъ есть большая разница. Въ сущности Архипелагъ—только большой заливъ Средиземнаго моря и весь онъ усѣянъ островами, вода въ немъ зеленаго цвѣта, тогда какъ Средиземное море безбрежно, и вода въ немъ чуднаго темно-синяго цвѣта.

Всю ночь море сильно бушевало, и на утро 19 ноября всѣ наши танцоры имѣли плачевный, а вмѣстѣ и комич-

ный видъ: всѣ они страдали морской болѣзью; на меня же, какъ и ранѣе, качка, къ удивленію всѣхъ, никакого вліянія не имѣла. Въ 12 час. дня показалась Александрія. Всѣ заволновались: всѣмъ хотѣлось поскорѣй взглянуть на Африканскій берегъ; оттуда къ намъ подошла парусная лодка, съ египетскимъ лоцманомъ въ лохмотьяхъ и съ платкомъ на головѣ, повязаннымъ чалмой. Онъ немедленно и принялъ управленіе нашимъ пароходомъ. Широкой рейдъ Александріи почти весь усѣянъ острыми камнями, и нашъ пароходъ долго лавировалъ между ними. Прошли мимо перваго маяка, возвышающагося въ началѣ рейда, потомъ мимо второго, ближе къ укрѣпленіямъ. Тихо миновавъ сильную крѣпость со множествомъ пушекъ, грозно глядѣвшихъ своими жерлами на проходящіе пароходы, нашъ «Царь», наконецъ, плавно вошелъ въ гавань и остановился у самой пристани.

Александія лежитъ на низменной косѣ, красиво, далеко и широко раскинувшись по берегу своими бѣлыми, красными и желтыми домами, съ плоскими крышами, — среди нихъ то и дѣло возвышаются минареты, не мало также виднѣется куполовъ и колоколенъ съ христіанскими крестами. Въ Александріи, говорятъ, есть церкви всѣхъ вѣроисповѣданій. Отсюда начинается Африка, и египетское владычество; въ 3-хъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ находится столица Египта—Каиръ. Къ сожалѣнію, въ Александріи не имѣется ни русскаго, ни греческаго подворій, чтобы встрѣтить и пріютить православныхъ поклонниковъ. Вслѣдствіе этого никто изъ насъ не рѣшился сойти на берегъ, боясь заблудиться, хотя весь берегъ такъ и кишѣлъ туземцами, грузившими и разгружавшими барки и пароходы. Здѣсь намъ пришлось разстаться съ нашимъ «Царемъ», къ которому мы такъ уже привыкли, и перейти на другой пароходъ, называвшійся «Царевичъ». Этотъ былъ такой же величины, но гораздо проще «Царя» и безъ электричества. Немедленно явились на пароходъ арабы и негры—носпльщики и живо пересадили насъ на ново-

селье. Съ удовольствіемъ я полюбовалась ихъ быстрыми и ловкими движеніями, ихъ смѣтливостью и отвагой, къ тому же они вовсе не такъ назойливы, какъ турки или греки, которые на каждомъ шагу выпрашиваютъ бакшишъ; будучи крайне подвижны—они, кажется, совсѣмъ не знакомы съ усталостью, болѣзнью или горемъ,—всегда веселы,—постоянно смѣются и преуморительно жестикулируютъ, разговаривая съ прїѣзжими или между собою.

Весь этотъ вечеръ мы любовались на живописную Александрію, залитую тысячами огней. По набережной поминутно ходила конка, спѣшно шли египтяне въ своихъ типичныхъ, длинныхъ, синихъ, вродѣ нашихъ рубашекъ, костюмахъ, съ бѣлыми чалмами на головахъ; а среди нихъ, точно какіе гиганты, преважно шагали вереницами навьюченные верблюды. Очень мнѣ хотѣлось, утромъ 19 ноября, побывать въ патриаршей церкви, во имя св. Саввы Освященнаго, за обѣдней, — въ ней есть, говорятъ, гробъ св. великомученицы Екаторины, который, по преданію, находится на мѣстѣ темницы, въ коей св. мученица томилась передъ казнью. Но никто изъ моихъ спутницъ не соглашался идти со мною въ церковь, а проводника у насъ не было, и поэтому мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось отказаться отъ своего намѣренія. Въ два часа дня пароходъ выбрался изъ бурнаго Александрійскаго рейда, и на разсвѣтъ 20 ноября показался колоссальный Портъ-Саидскій маякъ, пароходъ медленно сталъ приближаться къ Суэцкому мысу, далеко выступающему въ море своими каменными стѣнками, почти наполовину уже разрушенными вѣчнымъ прибоемъ Средиземныхъ волнъ. Въ 8 час. утра остановились противъ Портъ-Саида, и къ пароходу сейчасъ же подѣхало множество кайковъ съ арабами, изъ артели компаніи «Кукъ»; артель эта занимается спеціально перевозкою пассажировъ на берегъ и обратно (эта же компанія служитъ въ Яфѣ и Іерусалимѣ). Половина пассажировъ не утерпѣла и, за 20 коп. съ человѣка, перебралась въ кайкахъ на берегъ; всѣхъ очень занимало

то обстоятельство, что они въ первый разъ вступаютъ на Африканскій берегъ. На нашу долю попался въ проводники молодой арабъ, на груди синей куртки котораго было вышито красными русскими буквами: «Мустафа-моладецъ». И дѣйствительно, онъ оказался таковымъ: немного говоря по-русски, онъ вездѣ насъ выводилъ и все показалъ... Портъ-Саидъ большой, красивый, почти европейскій городъ, раскинувшійся на песчаной равнинѣ; въ центрѣ города въ красивомъ саду стоитъ, на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ, грудной бюстъ Лессепса, — строителя Суэцкаго канала. На чистыхъ широкихъ улицахъ много отличныхъ магазиновъ; особенно хороши изъ нихъ тѣ, въ коихъ продаются Японская мозаика, восточныя шелковыя ткани и египетскія издѣлія изъ раковинъ и коралловъ. Прекрасны фотографіи всевозможныхъ видовъ и все сравнительно продается недорого, хотя и запрашивается, по обыкновенію, въ три-дорога. Вообще же путешественникамъ, желающимъ имѣть восточныя диковинки, можно рекомендовать запастись ими именно въ Портъ-Саидѣ. Многіе дома здѣсь очень изящной архитектуры; особенно красиво зданіе правленія Суэцкаго канала, съ высокимъ, голубымъ, фарфоровымъ куполомъ надъ нимъ. Нашъ Мустафа успѣлъ покатать насъ въ кайкъ по каналу, который идетъ параллельно съ рукавомъ Нила, узенькимъ, сажени въ двѣ ширины. Этотъ рукавъ снабжаетъ весь городъ хотя и прѣсной, но невкусной и мутной водой. Другой же прѣсной воды, кромѣ Нила, въ Портъ-Саидѣ совершенно нѣтъ (на востокѣ, вообще, чистая вода рѣдкость, она встрѣчается развѣ только въ источникахъ). Солнце такъ и жгло, чисто по африкански, когда мы въ четыре часа снялись съ якоря. Погода стояла великолѣпная, тихая, такъ что я до поздней ночи просидѣла на рубкѣ. Какъ дивно хороша была эта тихая лунная ночь на безбрежномъ, чудномъ, темно-синемъ морѣ!.. Небо съ луной и міриадами звѣздъ, какъ въ зеркалѣ, отражалось въ необозримомъ водномъ пространствѣ, и невольно вся дума проникалась благоговѣ-

ніемъ и какъ-то яснѣе стала мысль, что и я не одинока, что и обо мнѣ печется и на меня взираетъ Всевидящее Око, Онъ, добрый, милосердый Богъ, Вездѣсущій и все собою Исполняющій!.. Всю почти ночь я не могла заснуть отъ глубоко-радостной мысли: завтра я увижу Іерусалимъ!.. Въ 6 час. утра 21 ноября пароходъ остановился въ виду Яффы: она была прямо на востокъ. Я поспѣшила на рубку, и въ это самое время солнце величественно выкатилось изъ-за священныхъ горъ Палестины, и все разомъ освѣтилось... Слезы невыразимой радости градомъ покатались, когда я увидѣла эти священные горы. Слава Тебѣ, Господи, показавшему намъ свѣтъ, и приведшему насъ въ Твою священную землю! невольно вырвалось изъ груди..

А. Нарцисова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О МОЛИТВѢ.*)

Дѣйствительно, если бы справедливо было то положеніе, что все въ мірѣ и въ жизни человѣчества вообще и въ частности въ каждой отдѣльной сферѣ слѣдуетъ единственно и исключительно неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, тогда вѣренъ былъ бы выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми учеными, будто молитва бесполезна и невозможна. Но чтобы рѣшить вопросъ, возможна ли молитва и имѣетъ ли она значеніе, для этого попытаемся дать посильные отвѣты на нѣкоторые другіе вопросы. Прежде всего, вѣрно-ли то мнѣніе, что нѣтъ Провидѣнія, т. е. промыслительной силы Божіей, а все въ мірѣ и въ исторіи человѣчества совершается по неизмѣннымъ законамъ и изъясняется изъ естественной связи причинъ и дѣйствій? Вѣрна ли такая теорія самоуправленія міра? Начнемъ съ рѣшенія этого вопроса, такъ какъ самая возможность молитвы, различныхъ религіозныхъ обрядовъ, вообще возможность всѣхъ тѣхъ отношеній къ Божеству, которыя мы называемъ религіозными, основывается на увѣренности въ божественномъ воздѣйствіи на міръ и жизнь человѣчества, т. е. въ Промыслѣ Божіемъ. Отвѣтъ на вопросъ: возможна-ли молитва? будетъ зависѣть отъ такого или иного рѣшенія вопроса, вѣрна-ли естествознательная теорія, признающая самоуправленіе міра. По рѣшеніи этого вопроса, для рѣшенія того, можетъ-ли молитва имѣть значеніе или нѣтъ, необходимо установить истинную точку зрѣнія на самые законы природы, т. е. показать, настолько ли они неизмѣнны, какъ о томъ думаетъ и ложная ученость древнихъ мыслителей и современное невѣріе.

*) Продолженіе. См. июньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ древнія времена говорили, что все совершается по неизмѣннымъ законамъ природы, что куда ни заглянуть, вездѣ замѣнутая цѣпь конечныхъ причинъ и дѣйствій. Вѣдь это говорили люди чисто материалистическаго и пантеистическаго направленій. Въ самомъ дѣлѣ, материалисты, не признавая причины всѣхъ вещей, кромѣ механическихъ силъ природы и ихъ чисто случайнаго дѣйствованія, для объясненія существующаго порядка ничего другаго не придумаютъ, кромѣ мысли о господствѣ случая; равно какъ и пантеисты, совершенно отвергая разумно-свободнаго, личнаго Творца міра и на Его мѣсто ставя безсознательно и инстинктивно дѣйствующее начало міра, ничего другаго уже не могутъ придумать для объясненія порядка, кромѣ будто бы царящаго здѣсь закона слѣпой необходимости. Мы не будемъ говорить о сторонникахъ указанныхъ направленій, такъ какъ полнѣйшая автономія міра логически вытекаетъ изъ ученія этихъ направленій. Удивительно то, что теорія самоуправленія міра находитъ сторонниковъ между людьми, раздѣляющими, повидимому, нашу теистическую вѣру. Странно, что невѣріе въ Бога оказывается иногда и въ томъ, кто глубоко позналъ Его твореніе; странно, что отрицаютъ Его содѣйствіе тѣ, которые больше другихъ видятъ Его промыслъ. Такіе люди встрѣчаются и въ новѣйшее время, напр. Дарвинъ, Дрэнперъ, Бокль, Огюсть Контъ и др. Послѣдніе въ упоеніи естественными науками съ торжествующею самоувѣренностью провозгласили господство естественныхъ законовъ и въ природѣ и въ исторіи человѣчества. Они не допускали управляющей воли Божіей, кромѣ только законодательной, которая вложила въ природу законы ⁴⁾. На ихъ взглядъ вселенная представля-

⁴⁾ Большинство натуралистовъ не оспариваютъ того, что Богъ есть Творецъ міра въ его первоначальномъ видѣ. Но, говорятъ они, міръ въ томъ состояніи, какимъ мы видимъ его нынѣ, есть произведеніе естественныхъ законовъ.

еть изъ себя великую систему, обладающую самосохраняющимися и саморазвивающимися законами,—одну великую и прочную машину, которая вѣчно и однообразно стучить и вертится, и вертится притомъ въ порядѣ и гармоніи, и это прекрасное міровое зданіе такъ плотно сомкнуто, что никакая рука ограниченнаго существа и даже Бога не можетъ проникнуть сквозь его связи, не разрушая цѣлаго. Богъ же относится ко вселенной въ качествѣ безучастнаго зрителя, ничѣмъ и никакъ не воздѣйствующаго на ходъ вещей. Естественные законы, по мнѣнію натуралистовъ, господствуютъ во всѣхъ сферахъ бытія и жизни. Это можно видѣть на вышепоименованныхъ личностяхъ. Однихъ физическихъ законовъ, одной естественной связи причинъ и дѣйствій Дарвинъ находитъ совершенно достаточнымъ для происхожденія, существованія на землѣ всѣхъ видовъ бытія и тѣлесныхъ организмовъ. Подобнаго взгляда держатся и остальные поименованные естествовѣды при объясненіи существованія въ человѣчествѣ духовно-нравственной (Дрэннеръ и Бокль) и религіозной (Огюсть Контъ) жизни, ставящая историческій ходъ въ ея развитіи подвести подъ постоянные и неизмѣнные законы бытія.

Того мнѣнія, что въ природѣ и въ исторіи человѣчества господствуютъ естественные законы, конечно, нельзя отрицать. Но справедливо-ли придавать имъ безусловное значеніе и допускать чрезъ это самоуправленіе міра? Если такъ поступаютъ натуралисты, то это еще нисколько не заставляеть и всѣхъ принять эту теорію самоуправленія міра одними естественными законами. Вполнѣ ее можно было бы принять въ томъ только случаѣ, если бы мы достовѣрно знали, что законы природы самобытны и что они сами по себѣ могутъ дѣйствовать цѣлесообразно. Но на основаніи того, что намъ извѣстно о законахъ природы, мы не можемъ принять этой теоріи. Терминъ «самобытный» приложимъ, какъ извѣстно, къ тому только, что само въ себѣ имѣетъ источникъ своего бытія, можетъ существовать само по себѣ безъ всякой посторонней поддержки и дѣйствовать

черезъ себя. А въ такомъ случаѣ законы природы не самобытны. Прежде всего, источникъ своего бытія они имѣють не въ себѣ, ибо произошли они не сами по себѣ, но свое бытіе получили отъ Бога. Но можно ли требовать или ожидать отъ Бога, чтобы Онъ создалъ законы природы самобытными? Не тоже-ли было бы это, еслибы стали требовать отъ Бога, чтобы Онъ, вознамѣрившись создать міръ съ его законами, вмѣсто этого создалъ другаго подобнаго Себѣ бога. Нѣтъ, Богъ не могъ создать законы самобытными, такъ какъ это значило бы ограничить Себя. «Да и мыслимое ли дѣло созидать самобытное, или созданное дѣлать самобытнымъ? Что самобытно,—не нуждается въ созиданіи, а что создано, то по своей природѣ не самобытно, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться самобытнымъ»¹⁾. Между тѣмъ и сами законы ничѣмъ не заявляютъ о томъ, чтобы они были самобытны, или чтобы могли существовать и дѣйствовать сами собою, безъ посторонней поддержки. Законы природы дѣйствуютъ не самостоятельно, хотя натуралисты и говорятъ о фактически несомнѣнной самостоятельности ихъ, а только подъ извѣстнымъ условіемъ. Такой взглядъ на нихъ проводить, напр., архимандритъ (теперь еп.) Сильвестръ. «Законы природы, говоритъ онъ, это ничто иное, какъ тѣ predeterminedныя Богомъ положенія или нормы, въ которыя поставлены и поставляются силы природы и, слѣдуя которымъ неизмѣнно, они производятъ всегда одни и тѣ же слѣдствія. Прямѣе же сказать—законы природы—это тѣ же самыя силы природы, приспособленныя и предназначенныя къ тому, чтобы принять и принимать такія, а не иныя положенія или нормы, и вслѣдствіе этого производить такіе, а не иныя результаты»²⁾. Опытъ и показываетъ, что если дѣйствуетъ какой-либо законъ или сила природы и производитъ со-

¹⁾ „Опытъ Православн. Догмат. Богословія“, арх. (нынѣ епископа) Сильвестра, т. 3, стр. 354.

²⁾ Тамъ же, стр. 356.

отвѣтствующія своему назначенію дѣйствія, то дѣйствуетъ и производитъ свое дѣйствіе исключительно при постоянномъ присутствіи благопріятныхъ для этого условій. Безъ послѣднихъ сила прекращаетъ свое обнаруженіе или дѣйствіе. Органическая, напр., сила дѣйствуетъ подъ условіемъ питанія; растительная сила проявляетъ свое дѣйствіе въ сѣмени, обращая его постепенно въ растеніе, цвѣтъ и плодъ только при благопріятной для растительности погодѣ, достаточной влагѣ, свѣтѣ. Даже жизненная сила, играющая такую важную роль въ органическомъ мірѣ, формирующая и оживляющая организмы, не есть, однакожь, сила самобытная, не можетъ признаваться первоначальною и творческою силою. То же самое нужно сказать и объ общихъ силахъ природы—притягательной и отталкивательной. Всѣ означенныя силы дѣйствуютъ при благопріятныхъ только условіяхъ; въ противномъ случаѣ онѣ или совсѣмъ не обнаруживаютъ себя или не производятъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, какія способны производить. Такимъ образомъ получается рядъ силъ, но не самобытныхъ, а условныхъ, не могущихъ существовать самостоятельно и зависящихъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ другихъ внѣшнихъ условливающихъ ихъ причинъ. Если каждая сила, взятая въ отдѣльности, не можетъ существовать самостоятельно, то то же выйдетъ, если мы возьмемъ ихъ въ совокупности. Послѣдняя не даетъ имъ права на самостоятельное существованіе: складывая нули, не получишь въ результатъ положительной цифры. Въ такомъ случаѣ, если силы природы существуютъ, то только вслѣдствіе постоянного поддержанія ихъ Творцомъ, Который сообщаетъ имъ и дѣятельность и направленіе. По замѣчанію схоластическихъ богослововъ, всякая сила можетъ существовать и дѣйствовать при содѣйствіи той силы, которая ее произвела.

Тѣмъ болѣе нельзя признать законы природы разумными и могущими дѣйствовать сами по себѣ цѣлесообразно. Будучи не самобытны, они не знаютъ и того, для чего существуютъ и не могутъ направлять себя въ одной опредѣлен-

ной цѣли. Будучи безсознательны, законы природы сами по себѣ не могли образовать столь разнообразныхъ организмовъ, представляющихъ громадныя разницы въ своихъ типическихъ и специфическихъ особенностяхъ, которые (организмы)—и въ отдѣльности каждый и всѣ вмѣстѣ—показываютъ мудрое и цѣлесообразное ихъ устройство. Такимъ образомъ законы природы нельзя считать исключительно послѣднимъ основаніемъ порядка, гармоніи и цѣлесообразности, основаніемъ, могущимъ гарантировать собою взаимопричинность и взаимодѣйственность между всѣми міровыми системами и силами, но они нуждаются для этого въ высшей силѣ, ихъ поддерживающей, объединяющей и непрестанно ими правящей.

Такимъ образомъ теорія самоуправленія міра одними естественными силами и законами не вѣрна. Противъ нея говоритъ даже и самое ея происхожденіе. Можно полагать, что она возникла благодаря тому фальшивому направлению позднѣйшаго естествовѣденія, по которому, изучая и изыясняя всякаго рода явленія природы, обыкновенно всегда останавливаются на однихъ физическихъ законахъ, умышленно игнорируя все стоящее выше ихъ, какъ будто эти законы одни могутъ составлять послѣднее основаніе всего существующаго. Разсматривая законы природы, приходишь, напротивъ, къ тому заключенію, что за предѣлами міра существуетъ высшая сила, руководящая законами и направляющая ихъ къ одной общей цѣли, о которой они по своей слѣпотѣ и безсознательности ничего не знаютъ. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, если разберемъ указанныя нами выше теоріи, старающіяся жизнь органическую, историческую жизнь человѣчества и исторію религіи объяснить одними естественными законами, помимо всякаго воздѣйствія на міръ Бога. Подробно разбирать эти теоріи не будемъ, а постараемся дать сильное удовлетвореніе лишь нѣкоторыми критическими замѣчаніями ¹⁾.

¹⁾ Подробный разборъ теоріи Дарвина можно читать у Эбрарда

Всѣ указанная выше теоріи не болѣе, какъ смѣлыя гипотезы, а не научныя, непреложныя истины, и, какъ немѣющія твердыхъ естественнонаучныхъ доказательствъ, навсегда останутся однѣми гипотезами. Начнемъ съ Дарвина. Согласимся съ нимъ, что естественный подборъ и борьба за существованіе суть исключительные факторы въ образованіи различныхъ видовъ ¹⁾. Но все ли изъясняютъ они? По ученію Дарвина, естественный подборъ накапливаетъ полезныя измѣненія въ организмѣ и эти измѣненія потомъ упрочиваются въ видовомъ различіи. Но нужно замѣтить, что внѣшнія состоянія природы никогда не прихо-

„Апологетика христіанства“, въ статьѣ Фрошамера („Приб. къ твор. св. отецъ“ 1841 г.). О теоріи Бокля можно читать у Гусева (*Прав. Обзор.* 1874 г.), у Чельцова (*Хр. Чт.* 1867 г.). О теоріи О. Конта хорошія замѣчанія находятся у Вл. Соловьева въ его сочиненіи: „Кризисъ западной философіи“.

¹⁾ По мнѣнію Дарвина, вся органическая жизнь объясняется изъ дѣйствія естественныхъ законовъ. Богу, по его мнѣнію, не было нужды творить сразу всѣ теперешнія органическія существа. Онъ создалъ незначительное число простѣйшихъ видовъ, можетъ быть, даже одинъ типъ, изъ котораго или изъ которыхъ произошли всѣ существующіе виды. Факторами постепеннаго развитія видовъ Дарвинъ признаетъ, съ одной стороны, естественный подборъ, накаплиющій съ теченіемъ времени полезныя уклоненія въ организмѣ, изъ которыхъ образуется видовое различіе, и борьба за существованіе. На происхожденіе всѣхъ существующихъ видовъ потребовались громадныя періоды времени, такъ что путемъ многовѣковаго процесса, подъ вліяніемъ однихъ, неизмѣнно дѣйствующихъ физическихъ законовъ сами собою образовались вся флора и фауна, всѣ царства природы, всѣ существа отъ растенія до человѣка... Сперва, по мнѣнію Дарвина, произошла первичная кѣлочка, пузырекъ, который сдѣлался зерномъ, зародышемъ для перваго организма; потомъ изъ этого организма развивались все болѣе и болѣе совершенныя виды растеній и животныхъ, пока наконецъ изъ совершеннѣйшей обезьяны произошелъ человѣкъ. Послѣдній по этой теоріи есть только облагороженный выродокъ животнаго царства, развитый родъ изъ породы обезьянъ. Все это произошло безъ частнаго дѣйствія Божія.—Свой взглядъ Дарвинъ изложилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „О происхожденіи видовъ“ и „О происхожденіи человѣка“.

дять въ такое состояніе покоя или застою, чтобы постоянно не возникали новые поводы къ новымъ видоизмѣненіямъ. Прямое отсюда заключеніе, что измѣненія эти постоянно должны продолжаться и измѣняющимся организмамъ нѣтъ никакой возможности упрочиться въ опредѣленныхъ видахъ. Почему ходъ измѣненій упрочился, прекратился, Дарвинъ въ объясненіе этого ссылается на безконечные періоды времени. Но послѣдніе ничего не прибавляютъ къ дѣлу, кромѣ только указанія возможности процесса во времени. Поэтому необходимо предположить высшую разумную силу, которая управляетъ этими измѣненіями. Далѣе, Дарвинъ говоритъ, что благодаря борьбѣ за существованіе организмы несовершенные, неправильные исчезли и замѣнились совершенными и правильными. Но такой результатъ немислимъ, если бы борьба велась чисто слѣпыми силами. При одной только слѣпой борьбѣ за существованіе возможны были бы различныя случайности, возможно было бы торжество неправильнаго надъ правильнымъ, несовершеннаго надъ совершеннымъ, а не наоборотъ. Въ такомъ случаѣ мы совершенно въ правѣ думать, что хотя борьба велась слѣпыми силами, но если въ результатѣ ея оказались правильные и совершенные организмы, то дѣйствовали не однѣ слѣпыя силы, а <за ними стояла, наблюдала и ихъ дѣйствіями руководила сила, имѣвшая въ виду не всякія возможныя случайности, но именно общій порядокъ, общее благобытіе, то есть сила разумная, премудрая> ¹⁾.

¹⁾ „Вѣра въ Бога, какъ всеблагаго міропромыслителя и верховнаго міроправителя“. Г. М—ій. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1874 г. т. 3, стр. 51.—Этотъ взглядъ раздѣляютъ многіе авторитетные естествоиспытатели, не такъ скорые относительно послѣднихъ выводовъ своихъ изслѣдованій: Кювье, Овенъ, Букландъ, Агассицъ, Катрфажъ, А. и Р. Вагнеръ, Миллеръ, Гибель, Ньютонъ и мног. другіе, которые показали несостоятельность дарвиновой теоріи со стороны естественныхъ же наукъ, неподтверждаемость ея со стороны данныхъ опыта. По замѣчанію Ньютона, „происхожденіе новой системы изъ старой (въ орга-

Далѣ, можно ли изъ дѣйствія однихъ только естественныхъ вліяній изъяснить исторію человѣчества? Дрэперъ и Бокль полагають, что можно ¹⁾. Напротивъ, одними есте-

ническимъ и неорганическимъ міръ) безъ посредства силы Божіей есть абсурдъ“.

¹⁾ Теорія естественно-историческаго развитія человѣчества, можно сказать, есть продолженіе дарвиновой теоріи. Если по Дарвину родъ человѣческой образовался дѣйствіемъ однихъ физическихъ силъ и законовъ, то нѣтъ основанія считать всю жизнь, всю исторію его чѣмъ-либо инымъ, какъ только продуктомъ тѣхъ же самыхъ законовъ и вотъ готова теорія естественно-историческаго развитія человѣчества, изложенная въ двухъ сочиненіяхъ, имѣющихъ много почитателей: „Исторія умственнаго развитія Европы“ Дрэпера и „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ Бокля. Дрэперъ утверждаетъ: какъ жизнь индивидуума, такъ и всемірная жизнь человѣчества развивается физиологически, такъ что происхожденіе, существованіе и умираніе націй зависятъ совершенно отъ физическихъ вліяній, которыя, въ свою очередь, суть результатъ неизмѣнныхъ физическихъ законовъ. Дрэперъ и доказалъ это тѣмъ, что провелъ исторію умственнаго развитія Европы въ параллель съ умственнымъ развитіемъ классической древне-греческой мысли, по пяти умственнымъ, соотвѣтствующимъ такимъ же пяти физическимъ возрастамъ индивидуальной жизни, заключивъ отсюда, что жизнь всего народа и всего человѣчества непремѣнно должна проходить послѣдовательно тѣ же возрасты и въ томъ же порядкѣ.

Бокль еще рѣшительнѣе стоитъ противъ всякаго воздѣйствія и вліянія со стороны Бога на ходъ человѣческой жизни, еще рѣшительнѣе утверждаетъ исключительную и безусловную зависимость ея отъ однихъ натуральныхъ законовъ. „Много явленій, разсуждаетъ Бокль, считалось нѣкогда дѣломъ непосредственнаго вмѣшательства Божія въ дѣла человѣческія, но теперь они изъяснены изъ чисто-естественныхъ причинъ,—почему же нельзя думать, что и вся исторія человѣчества можетъ быть выведена изъ однихъ естественныхъ вліяній и законовъ? Статистика—наука самая безпристрастная и математически точная—показываетъ неизмѣнное отношеніе между извѣстными физическими условіями и всѣми человѣческими, повидимому, самыми свободными поступками, каковы, напр., бракъ, всякаго рода преступленія... Поэтому болѣе научное изученіе исторіи должно непремѣнно указать и въ событіяхъ человѣческой жизни такую же неизмѣнную правильность, какую представляютъ для наблюдателя явленія физической природы, такъ чтобы можно было историческія явленія предсказывать съ та-

ственными вліяніями безъ дѣйствія высшей разумной силы никакъ нельзя объяснить ни коренной двигательной силы исторіи, ни общаго ея цѣлесообразнаго теченія. Нѣтъ сомнѣнія, что коренною двигательною силою исторіи служитъ человѣческая индивидуальность. Историческая жизнь складывается изъ различной цѣпи дѣйствій и взаимодѣйствій человѣческихъ индивидуальностей. Но что служитъ причиною разнообразія человѣческихъ индивидуальностей? Естественныя вліянія его не объясняютъ. Бокль, стараясь объяснить индивидуальность подобными вліяніями, открылъ такія непреложныя истины, что обитатель страны жаркой отличается живостью воображенія и глубиною чувства; обитатель страны холодной—сѣверной—спокойною разсудительностью; житель приморскихъ странъ—практическою сообразительностью. Притомъ, одними естественными условіями нельзя вполнѣ изъяснить человѣческой индивидуальности. Человѣкъ обладаетъ такимъ сокровищемъ, происхожденіе котораго, помимо особаго творческаго дѣйствія Бога, невысказуемо, даже и въ томъ случаѣ, если бы исчерпали всѣ естественныя условія, имѣвшія вліяніе на образованіе такого или иного духовнаго склада. Сокровище—это душа съ ея разнообразными свойствами. То же нужно сказать и относительно гениальныхъ людей, имѣющихъ громадное вліяніе на теченіе исторической жизни человѣчества. Непредубѣжденное общечеловѣческое сознаніе всегда

кою же безошибочностью, съ какою астрономъ предсказываетъ различныя явленія и перемѣны въ планетной системѣ. И само собою понятно, что въ этомъ единственно научномъ и истинномъ воззрѣніи вѣра въ божественное міропромышленіе и правленіе должна совершенно исчезнуть, какъ плодъ древняго человѣческаго невѣжества“. На эту тему написана Боклемъ объемистая „Исторія цивилизаціи въ Англіи“. Въ этой исторіи всѣ важнѣйшія историческія событія и лица, весь ходъ политическаго, общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, повидимому, вполнѣ изъяснены и выведены, съ одной стороны, изъ условій природы—климата, почвы и т. п., а съ другой—изъ духовнаго, особенно умственнаго склада народовъ и націй.

считало людей гениальных дѣломъ непосредственнаго творчества Божія. Отсюда и выраженіе, что poeta nascitur, non fit. Такое или иное направленіе гениальности известной личности, конечно, можно изъяснить и изъ естественныхъ историческихъ условій. Но почему известное лицо явилось гениальнымъ? Изъ естественныхъ условій этого нельзя изъяснить, а необходимо допустить воздѣйствіе Божіе.

Вл. Масловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА - ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К. *)

11 ноября 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

Вмѣстѣ съ вами скорблю о случайности, оскорбившей васъ. Вы добрѣ сдѣлали, что благодушно перенесли. Грубаго не передѣлаешь. Самое лучшее — дѣлать такъ, какъ вы сдѣлали... Можетъ быть, онъ отъ этого скорѣе опомнится...

Вамъ же вѣнецъ за смиренную уступчивость. Ибо Господь близъ,—и все видитъ. И ни одна черточка, во имя Его сдѣланная, не пропадаетъ даромъ... Прибавить остается молитву о немъ,—да научится разуму...

Благослови васъ Господи,—и низпосли всякое утѣшеніе...

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

Я долженъ былъ отвѣтить Леонидѣ.—Но адресъ гдѣ-то запалъ,—и я надписалъ:—Въ Москву... въ Аносинъ монастырь Моск. губ... Потомъ нашель адресъ... и увидѣль, что написалъ немножко не такъ... *Дойдетъ ли?*

*) Продолженіе. См. майск. вѣд. *Душеполезнаго Чтенія* 1902 г.

26 ноября.

Милость Божія буди съ вами!

Святое причащеніе да будетъ для васъ путемъ къ духовному вкушенію Господа благодатию Его!

Что Андрей ускользнулъ, можетъ быть и лучше. Въ военной—школа, но для иныхъ она даетъ науку не добра, а зла, и приучаетъ къ нему. — Господь да умудритъ его опытами житейскими.

О поминовеніяхъ супруга—не беспокойтесь!—У васъ въ церкви вѣрно поминаютъ?—И довольно,—въ связи съ вашею и Черничиною—молитвою.—А послѣ можете и еще что устроить...

Сонъ жены послушника, думаю, ихъ касается, а не васъ.

Адресъ на Аѳонь...—въ Рус. мон. *Черезъ Константинополь на Аѳонъ, въ Русскій монастырь святаго Пантелеимона.*

Его Высокопреподобію—о. Архимандриту Макарію...

Но я не знаю — что надо для вѣчнаго поминовенія.—Спрошу. Есть у васъ кто знакомый въ Москвѣ?—Поручите спросить въ Аѳонской часовнѣ.

Милости Божіей желаю вамъ.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

28 ноября 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

Сорадуюсь объ утѣшеніи, какое имѣли вы въ праздникъ Введенія. Да будетъ вамъ сіе въ укрѣпленіе духа.

О дѣтяхъ—что дѣлать? Не скорбѣть нельзя, а ничего не подѣлаешь съ ними. Остается терпѣть и молиться. Бываетъ, что худоба сама обращаетъ на добро. Можетъ быть и ваши всѣ наконецъ увидятъ, что худость жизни и не здорова, и не спокойна, и дорога... И бросятъ ее. — Ибо добро все же у самыхъ худыхъ остается... и голосъ по-

даетъ. Иной разъ оно такъ крикнетъ, что отрезвляетъ и закоренѣлыхъ...

Можетъ быть и обезумѣвшая премудрость (С—ва) очнется. Дай ей Господи! Она добрая и смиренная, а эта немощь одолеваетъ ее... Пожалѣмъ и помолимся.

На Вышу желаете?—Ворота отворены. И Выша всегда вамъ рада.

Поздравляю съ тѣмъ, что пишеть Бѣличка! Какое счастье!

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

30 ноября 89 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ св. причастіемъ.—Тѣмъ, что кое-что изъ молитвословій не выполнено, не смущайтесь.—Если молились сами отъ сердца, и съ вѣрою, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ приступили, — ничего не могли вы лишиться изъ обѣтованій Божіихъ св. причастію положенныхъ.

— Раба Божія Сергія да успокоитъ Господь въ нѣдрахъ Авраама.

— Домашнія тѣсноты, какъ терпѣли, такъ и продолжайте. Это прямой путь въ царство небесное.

— Се рецептъ.—Не спросилъ еще что было отъ сего о. Тихону.—Онъ впрочемъ лѣчится гомеопатією.

— У меня есть аптечка гомеопатическая. И я могу удѣлить вамъ малость. Но вамъ лучше подъ руками имѣть крупинки.—Пропишите мнѣ, какіе медикаменты вамъ требуются. Или лучше выпишите—и аптечку и книжку. Вотъ адресъ: *Въ правленіе общества послѣдователей Гомеопатіи. Спб. Большая Садовая, д. № 12.*

Пропишите средства, какія вы облюбили. Прибавьте къ сему—чтобъ *они сами приложили*, что находятъ гожимъ для вашихъ немощей... Попросите и книжку...

Болѣзни свои опишите поопредѣленію.

Каждый медикаментъ въ пузырьчикѣ—25 к.

Книжка *Соловьева*—2 р. 50 к. съ перес. Приложите рублей 10...—и на все достанетъ (средствъ будетъ болѣе 25—до 30).

Медикаменты бываютъ въ крупинкахъ и капляхъ. Съ *крупинками удобнѣе* обращаться. О болѣзни Чернички очень жалѣю. Помогите ей Господи.

Бѣличка поминала о водицѣ. Евлампій дасть.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

15 генв. 90 г.

Милость Божія буди съ вами!

Господь да утѣшитъ васъ! Надо терпѣть: таковъ предѣлъ Божій, котораго перешагнуть нельзя. Всякій разъ, какъ будетъ забирать за сердце неправость сына, возобновляйте вѣру, что тутъ рука Господня, и Господь посылаетъ вамъ то, за что улучите спасеніе, если благодушно то примете и перенесете. Эта мысль сгладитъ остроту и горечь окружающаго васъ теченія дѣлъ. Господь да благоустроитъ мысли ваши и чувства.

Илію да благословитъ Господь, и да поможетъ ему и уразумѣть истинный путь и устоять на немъ. А вы все продолжайте молиться о немъ. Молитва матери сильнѣе всякихъ другихъ молитвъ о дѣтяхъ.

Вамъ точно слѣдуетъ эпитимія. Но лучше ея будетъ—воздохнуть съ раскаяніемъ къ Господу и просить у Него благодушія на перенесеніе горькаго.

Всякаго вамъ благословенія отъ Господа желаю.

Прилагаю карточки 2.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

4 марта 90 г.

Милость Божія буди съ вами!

Приступаете къ говѣнію. Благослови Господи потрудиться въ дѣлѣ Божіемъ во спасеніе.

А больные все еще больны. Наука терпѣнію всѣмъ вамъ.

Хорошо, что сынъ исповѣдался и причастился. Мнѣ думается, что ему послана сія болѣзнь для сломленія нрава его и для обращенія его къ Богу. Надо ему положить слово съ самимъ собою предъ лицомъ Господа — исправиться во всемъ, и потомъ исполнять его во всей точности. — И оздоровѣть.

Если этого не будетъ, другіе сколько ни молись, милости Божіей не къ чему приложиться.

Господь да управитъ путь жизни его!

«Черничка поправляется». А я думалъ, что она уже давно оправилась. Помогите ей Господи оздоровѣть. Это ей наука беречь здоровье, и быть осторожною. — Пусть въ памяти Божіей держитъ душу свою, а память смертная и сама на глазахъ. Эти двѣ памяти—владычицы трезвенія, страха Божія, святой ревности о спасеніи.

Благослови ее Господи!

Благослови Господи всѣхъ васъ!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

Письмо по почтѣ: вѣрно на почтѣ,—до Выши еще не достигло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

VI. Дѣти.

Какъ бы ни относилась литература къ обществу,— она всегда выдѣляла изъ него учащуюся молодежь. Эта послѣдняя всегда была гумиромъ литературы, которая всегда изображала въ ней идеальную часть общества, всегда была какою-то святынею, до которой не долетали брызги грязи, какою окачивало общество литература. Интеллигентная молодежь всегда представлялась и считалась честною, неподкупною, твердою и убѣжденною хранительницею и носительницею всего возвышеннаго, идеальнаго, передового. Такъ на видъ обстоитъ дѣло и доселѣ, но только на видъ; въ дѣйствительности же въ современной и притомъ вполне либеральной литературѣ появилась и стала чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе весьма замѣтная нотка разочарованія интеллигентною молодежью. И общія разсужденія и отдѣльные, и притомъ немалочисленные, типы рисуютъ намъ интеллигентную молодежь и главнѣйшаго ея представителя— студенчество—зачастую въ весьма неприглядномъ видѣ.

Г. Боборыкинъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ разсказовъ «Однокурсники» («Вѣстникъ Европы» январь и февраль 1901 года), устами героя повѣсти студента Заплатаина, поетъ настоящую отходную современному студенчеству. Уныніе и разочарованіе Заплатаина еще больше отгнѣняются тѣмъ, что въ первой половинѣ разсказа онъ преисполненъ бодрости и самоувѣренности. Студентъ мос-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Читенія* 1902 г.

жовскаго университета Заплатинъ, временно высланный на родину за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, съ бодрымъ духомъ и необыкновенною самоувѣренностью въ культурной силѣ студенчества возвращается въ Москву. Но здѣсь онъ скоро узнаетъ, что прежняго студенчества почти уже нѣтъ—его смѣнили «бѣлоподкладочники», «бирюзовые и темносиніе околыши», «бобровые воротники», «вздыжіе на тысячныхъ «рысакахъ», «націоналисты» проникнутые расовою (племенной) нетерпимостью къ евреямъ, равно какъ и ко всѣмъ недворянамъ ¹⁾. И вотъ Заплатинъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пріятелями-студентами начинаетъ ныть.

— «Въ студенческую братію я совсѣмъ извѣрился,—говоритъ одинъ изъ товарищей Заплатина Шибаевъ.—Да и во всю нашу—съ позволенія сказать—интеллигенцію.

Заплатинъ слушалъ и не возражалъ. То, что говорилъ Шибаевъ, отвѣчало его настроенію. И самъ онъ не очень-то умилялся надъ своимъ голубымъ околышемъ и надъ всѣмъ, что еще не такъ давно манило его въ «обѣтованную землю».

— Хороши молодчики (студенты) гарцуютъ по Москвѣ? А?—продолжалъ Шибаевъ. Вчера меня такой на своемъ жеребцѣ въ яблокахъ чуть не разнесъ на перекресткѣ у Газетнаго. Бобры, бирюзовые околыши... Чѣмъ не «калегварды»?.. Да и тѣ, что обшиваются въ дешевыхъ магазинахъ... Все едино... Пора покончить со всей этой маниловщиной... насчетъ студента. Возводятъ его въ какой-то чуть не мученическій чинъ... А что жъ изъ этого?.. сколько тутъ очутилось зрящаго народа... Панургова стада?.. А самомнѣнія-то во всѣхъ—ведрами, ушатами. Точно преторьянцы, состоящіе при російскомъ прогрессѣ... А я—прямо говорю—за цѣлую дюжину такихъ избранныхъ одного хорошаго рабочаго не дамъ... Бросьте-ка всю эту

¹ „Вы, навѣрное, изъ „іерусалимскихъ дворянъ“,—говоритъ Заплатину одинъ изъ такихъ студентовъ.—Или, можетъ быть, вы изъ дворянъ „Господи помилуй“.

претенціозную канитель! Не стоить... Я вотъ, знаете, къ какому выводу пришелъ?.. Интеллигенція тамъ, на мѣствъ, гдѣ жизнь-то дѣлаетъ народъ, никуда не годится... Мы съ нашей мозговой дрессировкой никуда негодимся тамъ, гдѣ нужно дѣло дѣлать. На первомъ на себѣ я убѣдился. И проклиная—слышите, проклинаяю!—всѣ тѣ учебныя книги и книженки, которыя зубрилъ или штудировалъ гимназѣромъ и студентомъ.

— Какъ же быть?—спросилъ Заплатинъ.

— Бросить все, выкинуть изъ головы горделивую дурь, что я-ста — соль земли! Какъ бы не такъ! Вы просто кандидатъ на казенный или обывательскій паекъ, потому что прошли черезъ нелѣпую процедуру, именуемую экзаменомъ. Тьфу!»

И Заплатинъ ничего не сталъ возражать на эти рѣчи. «Онъ и самъ не лучше этого смотрѣлъ на свою особу, какъ представитель интеллигенціи». Онъ чувствуетъ, что у него нѣтъ уже никакой связи со студенчествомъ и университетомъ. Ему кажутся пошлыми даже самыя слова «учащаяся молодежь», — точно это какое-то привилегированное званіе «въ родѣ мандарина», — и «россійскій прогрессъ».

То же нескрываемое разочарованіе, почти отчаяніе, слышится и въ другихъ повѣстяхъ и романахъ г. Боборыкина; напр. въ романѣ «Переваль» и въ одномъ изъ послѣднихъ его рассказовъ «Все не то». Въ первомъ между прочимъ гегельянецъ идеалистъ князь Жеребьевъ-Зарайскій остается непонятымъ и даже осмѣяннымъ студентами; кромѣ того, тамъ тѣ же сужденія о «нынѣшнихъ» студентахъ, что и въ «Однокурсникахъ». Во второмъ — кромѣ студентовъ и молоденькихъ курсистокъ, выше всякой мѣры, до смѣшного, и совсѣмъ не по своему разуму увлекающихся политической экономіей и марксизмомъ, изображается «эготизмъ» нынѣшней молодежи, т. е. «полное, почти циническое отрѣшеніе отъ [всего, что не они сами: провались вся вселенная, только бы они могли

услаждать свое драгоценное «Я»! Три часа битыхъ шли разговоры, и ни одного слова о томъ, чѣмъ живеть ихъ страна, ни малѣйшаго намека на нужды, интересы, болячки, упованія общества. Такого идеальнаго равнодушія (герой романа — студентъ) еще не видалъ нигдѣ. Что бы ни случилось съ родиной, народомъ—имъ рѣшительно все равно. «Они будутъ отыскивать новые эффекты, вынашивать свои настроенія презирая все остальное человечество»... Онъ нисколько бы не удивился, если бы одинъ изъ этихъ франтиковъ, бритыхъ по англійски, въ высочайшихъ галстукахъ, съ коками на лбу и вискахъ, въ сюртукахъ съ длинной юбкой широкими складками, въ длиннополыхъ, по пяты, пальто и въ особой формы шляпахъ молодыхъ джентльменовъ сказалъ громко и съ намѣренно-брезгливыми интонаціями:

— Въдь въ Индіи тоже голодаютъ каждыя пять лѣтъ. А въ Китаѣ—чаще. Развѣ вы станете изъ-за этого волноваться, снаряжать отряды, покупать хрѣнъ, лукъ и капусту, устраивать амбулаторіи и даровыя столовыя?.. «Это такъ называемые «эстеты». Типы такихъ эстетовъ есть и въ романѣ того же Боборыкина «Жестокіе».

— «Нынѣшняя молодежь разноцвѣтная,—говоритъ старикъ писатель въ «Китайскихъ Тѣняхъ» г. Гнѣдича.—Въ наше время каждый студентъ знамя держалъ строго. Теперь жидко стало. Мы на женщину смотрѣли снизу вверхъ а теперь студентъ считаетъ ни во что сказать женщинѣ дерзость. Мы любили нашъ студенческой мундиръ,—теперь студентъ имъ не дорожить—и не смущается, когда зовуть на станціи жандарма, чтобы оградиться отъ его нахальства»...

— «Бѣлоподкладочники, аристократишки, велосипедисты, винтеры и соержанцы, — вотъ какіе студенты пошли нынче! честить нынѣшнихъ студентовъ одинъ озлобленный шестидесятникъ въ рассказѣ г-жи Крандѣвской «Ничтожные» («Жизнь» апрѣль 1901 г.).—Исключеніе составляютъ рѣдкія единицы, да и эти единицы чтò изъ себя пред-

ставляютъ? Безволіе, безпринципность, узость и мелочность цѣлей, отсутствіе порывовъ, отсутствіе идеаловъ... Убожество полное!»..

И какъ будто въ видѣ иллюстраціи къ этимъ послѣднимъ словамъ въ этомъ же рассказѣ выведенъ типъ затравленнаго нуждой, изголодавашагося и озлобленнаго студента Степана Яблокова. Яблоковъ, кончивъ университетъ, возвращается домой, гдѣ не былъ почти два года, и встрѣчаетъ тамъ все ту же прежнюю, хорошо ему знакомую картину: отца, стараго болтуна-шестидесятника, не желающаго ничего дѣлать и оттого впавшаго въ нищету со всею семьей, мать, едѣно ему преданную, и сестру Клавдію, взрослую дѣвушку, изъ которой бѣдность, изнурительный трудъ (ибо она своими уроками по большей части содержитъ семью) и постоянная нелѣпая и озлобленная болтовня ея отца сдѣлали совершенную истеричку. Все это болѣзненно дѣйствуетъ на Степана, тѣмъ болѣе, что ему и безъ того крайне тяжело.

— «Вотъ ты, напримѣръ, сынъ мой,—кричитъ отецъ Степана, только что передъ тѣмъ разносившій нынѣшнихъ студентовъ,—сынъ Егора Яблокова, того самаго Егора Яблокова, котораго знала и уважала вся столичная интеллигенція семидесятыхъ годовъ... а что изъ тебя вышло? Моего въ тебѣ ничего нѣтъ!.. Я, братъ въ твои годы о подвигахъ грезилъ, о самопожертвованіи... Одними только собственными усиліями мечталъ міръ пересоздать, всѣхъ осчастливить, ибо я вѣрилъ въ себя и дѣйствительно носилъ въ себѣ силу сатанинскую... Я, братъ, въ 19 лѣтъ въ народъ ходилъ, а въ 20 лѣтъ уже разочаровался въ чистомъ народничествѣ и составилъ свою собственную программу общественной дѣятельности... полетъ этакій, цѣлое, понимаешь, міросозерцаніе!.. Шуму надѣлала эта программа въ обѣихъ столицахъ... батюшки мои!.. На сходбахъ, на вечеринкахъ молодежь о ней только и говорила».. И Егоръ Яблоковъ продолжалъ кричать, «ругательски ругать» и разносить все «нынѣшнее», не исключая и Тол-

стого, а Степанъ, слушая эту никому не нужную и глу-боконеинтересную болтовню, думалъ о томъ, что «отецъ несчастный: озлобленный, завистливый и къ тому же бездарный». Да и самъ онъ... «Вотъ онъ кончилъ университетъ и теперь долженъ «дѣлать практическую жизнь», а онъ не знаетъ, какъ ее дѣлать, и не можетъ, и не хочетъ, дѣлать; ибо онъ больной, усталый, ни во что не вѣритъ, во всемъ сомнѣвается, и нѣтъ въ немъ никакихъ надеждъ свѣтлыхъ, никакихъ перспективъ. Наслѣдственность, воспитаніе и эта унижительная, нищенская, преждевременная борьба за завтрашній день, за кусокъ хлѣба убили въ немъ душу, высосали изъ сердца его всѣ живые соки, всю кровь. И, кромѣ отчаянія и злобы постылой, у него ничего нѣтъ, за что можно было бы ухватиться... Вѣдь мы сами, говоритъ онъ сестрѣ,—не «неомарксисты», а «сверхчеловѣчицы», гнилые, никчемные, ненужные... ничтожные неврастеники, нытики, самогрызы, дегенераты, невѣрующіе, мятущіеся въ поискахъ невѣдомаго Бога, блуждающіе въ потемкахъ противорѣчій, какъ въ лѣсу дремучемъ... И тяжело же намъ жить, ахъ, какъ тяжело!.. Говорятъ, у насъ Бога нѣтъ, идеаловъ нѣтъ, вѣры нѣтъ. А развѣ безъ Бога-то легко жить?.. Нука, попробуйте!.. Вообще я «порядочнымъ» человѣкомъ никогда не буду, служить не буду, дѣлать ничего не буду, потому отвратительно... понимаешь? Отвратительно торчатъ гдѣнибудь въ канцеляріи изъ-за того только, чтобы заработать на ши да на сапоги... Мерзко, постыло думать все о щахъ да о сапогахъ, когда душа болитъ, когда нѣтъ главнаго, безъ чего жить нельзя... Понимаешь? Бога нѣтъ, а о сапогахъ забота! И, наконецъ, надоѣли мнѣ, осточертѣли сапоги, будь они прокляты!.. Говорятъ мнѣ: «важны рабочія массы и ихъ интересы», а я говорю, на чтò мнѣ ваши массы? Я ихъ не знаю и вотъ ни капельки не чувствую. У меня у самого наболѣло, и я протестую отъ себя самого, а не отъ массъ»...

Затѣмъ Степанъ рассказываетъ, какъ онъ, лишившись

единственного грошоваго урока, умиралъ съ голоду въ невозможной канурѣ, и если не умеръ съ голоду, то лишь потому, что сначала кормила его объѣдками съ хозяйскаго стола сердобольная хозяйская кухарка, а потомъ взялъ къ себѣ богатенькій товарищъ, кормилъ, одѣлъ и денегъ на дорогу далъ. «Въ это время,—разсказываетъ онъ,—я все бросилъ—университетъ, товарищей и даже книги, которыя такъ любилъ всегда читать... На что?—думалъ я. И въ книгахъ то же, что и въ жизни: резонерство, поученія, наставленія... «Ты,—говорить книга,—Степанъ Яблоковъ, *долженъ* споспѣшествовать дѣлу человѣчества, *долженъ* способствовать осуществленію высшихъ цѣлей на землѣ, высшихъ задачъ и предначертаній, ибо въ этомъ твое человѣческое назначеніе и этого отъ тебя требуетъ прогрессъ и историческая необходимость. И при этомъ *долженъ* споспѣшествовать не по принужденію, а свободно, по своей волѣ». Но, однако, позвольте... А если я вашихъ «цѣлей» и «предначертаній» не чувствую? Если это ваше «человѣчество» меня ни капельки не трогаетъ,—понимаете ли вы это? Не трогаетъ, не стоитъ воть тутъ, въ сердцѣ моемъ... тогда что? Тоже *долженъ*? Чтобы чувствовать—надо вѣрить, а чтобы вѣрить—надо имѣть непосредственность и еще какую-то такую штуку, которой у меня нѣтъ... Еслибы у меня спросили: что надъ нами? Куда все идетъ? Въ чемъ конечная цѣль жизни? Что вѣчное и непреложное, и что временное и условное? То я отвѣтилъ бы: не знаю! А коли не знаю, то какъ же вѣрить?.. Это впервыхъ... Вовторыхъ, вы говорите, что *долженъ* я споспѣшествовать свободно, по своей волѣ. Но если у меня своей воли нѣтъ, тогда опять какъ же быть? А вѣдь ее-таки нѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Свободная воля—опять же результатъ вѣры, здоровой непосредственности сильнаго чувства, ясныхъ, опредѣленныхъ запросовъ и мечтаній. А у Степана Яблокова душа опустошена, выжата, какъ лимонъ, понимаете ли вы это?.. Вы мнѣ говорите: *долженъ*! Ибо—прогрессъ, историческая необходи-

мость, человѣчество, высшія цѣли, высшія предназначенія и проч. и проч... А я вамъ говорю: *вы должны!* вы, вы всѣ съ своимъ прогрессомъ, съ Дарвиномъ, съ Марксомъ, съ Толстымъ, съ социалистами... вы должны были дать мнѣ силы, здоровье, счастье молодости, восторги вѣры, надежды и любви. А вы взамѣнъ этого что мнѣ дали? Яблоковскую нервозность и немощь, безобразное дѣтство, идиотскую гимназію, идиотскій университетъ съ формалистами чиновниками-профессорами и съ этою неподобною «платою за право ученія»... Дали мнѣ... рекомендательныя конторы, чердаки, подвалы и голодь, голодь... непрерывный голодь въ теченіе всей жизни!.. Говорять, въ юности обыкновенно снятся чудесные, фантастическіе сны: вырастаютъ крылья, и люди летаютъ надъ землей... Снятся высокія горы со свѣтлыми сказочными перспективами... А я во снѣ, знаете, что вижу? Жирныя щи, куски мяса, сытныя кудебяки... Такъ вотъ, видите ли... За все то, что *вы должны* были дать мнѣ и не дали, я и плюю на васъ, на ваше человѣчество, на высшія цѣли и предназначенія... Не признаю, отвергаю вашихъ Толстыхъ и Дарвиновъ, социалистовъ и марксистовъ!.. Отвергаю такъ же, какъ и вы меня отвергаете, не признаете, убиваете меня медленнымъ ядомъ презрѣнія своего, глубочайшаго равнодушія ко мнѣ»...

Все это доводило Степана до того, что его «точно тисками желѣзными охватывала безумная тоска, тупая и холодная... и онъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ всѣхъ и отъ всего, одинокимъ, какъ въ могилѣ. И было ему постыло отъ самого себя, мерзко, ненавистно до того, что хотѣлось сейчасъ же умереть, чтобы не чувствовать себя и не сознать. И онъ бросался на постель и начиналъ думать о разныхъ способахъ самоубійства, соображать, какой изъ нихъ легче и болѣе ему доступенъ»...

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АНТОНІИ,
АРХІЕПИСКОПЪ ВОРОНЕЖСКОМЪ и ЗАДОНСКОМЪ ¹⁾.
(1826—46 гг.).**

Былъ я небольшимъ мальчикомъ (10 лѣтъ) въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго духовнаго училища, когда весною 1826 г. звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ г. Воронежа не въ обычное время возвѣстилъ о прибытіи новаго архипастыря на Воронежскую паству, п—го Антонія (Смирницкаго).

Въ этотъ разъ я не видѣлъ вновь прибывшаго епископа потому ли, что не былъ любопытенъ или за множествомъ народа—не могу сказать.—Не пришлось мнѣ близко видѣть его и послѣ—до публичнаго экзамена въ училищѣ. Съ видимымъ безпокойствомъ и страхомъ ожидали владыку всѣ: и начальство училищное, и воспитанники, не зная, какъ взглянетъ на отвѣты высокой экзаменаторъ и какія предъявить требованія; но его кроткій, сіяющій добротою видъ, съ перваго раза успокоилъ и ободрилъ всѣхъ.

Преосвященный Антоній любилъ слушать отвѣты дѣтей какъ въ сей разъ, такъ и впослѣдствіи—преимущественно

¹⁾ Авторъ воспоминаній прот. г. Воронежа Евѣмій Георгіевичъ Свѣтозаровъ († 22 апр. 1900 г.), прослужившій въ священномъ санѣ 64 года, извѣстный старожилъ г. Воронежа, замѣчательный проповѣдникъ и опытный духовникъ, обладавшій феноменальною памятью, благодаря которой многое сохранилось изъ прошлаго Воронежской епархіи, и жаль, что мало предано печати его замѣчательныхъ трудовъ... А. С.

по закону Божію и, если отвѣчалъ воспитанникъ разумно, съ чистымъ и свѣтлымъ произношеніемъ, онъ долго на немъ останавливался и, по окончаніи отвѣта, милостиво-отечески благословлялъ его.

Любилъ такъ же владыка обиходное пѣніе и, въ концѣ экзамена, обыкновенно пѣли по обиходу какой-либо Богородичень или пѣснь канона. Посѣщеніе владыкою Антоніемъ публичныхъ испытаній всякій разъ производило самое отрадное впечатлѣніе и надолго оставляло какое-то радостное настроеніе ⁴⁾.

Я говорю это по собственному опыту, такъ какъ кромѣ участія въ публичныхъ экзаменахъ въ качествѣ ученика, я 15-ть лѣтъ проходилъ должность учителя въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ, во время управленія епархіею архіеп. Антоніемъ.

Въ послѣдній годъ моего ученія въ семинаріи я удостоился получить отъ сего святителя, на публичномъ испытаніи, св. Библию, за весьма хорошіе успѣхи и благо нравіе, и при этомъ онъ сказалъ такія теплыя и душевныя слова, которыя послужили для меня высшею наградою и сохранились навсегда въ памяти и сердцѣ моемъ.

При рукоположеніи меня въ іерейскій санъ въ 1836

⁴⁾ Напрасно отмѣнены публичные экзамены въ духовныхъ школахъ. Хотя они были нѣчто *формальное* или *парадное*, но все-таки поднимали духъ воспитанниковъ, побуждали къ усиленнымъ занятіямъ и къ тщательному составленію своихъ сочиненій, предназначенныхъ для публичнаго произнесенія, давали публикѣ понятіе о состояніи образованія въ семинаріи и были своего рода праздникомъ и торжествомъ семинаріи. На публичные экзамены сходились много посѣтителей, начиная отъ официальныхъ лицъ до мѣщанина, такъ что семинарскій залъ не вмѣщалъ всѣхъ. Если бы на экзаменахъ этихъ не было ничего замѣчательнаго и достойнаго вниманія, могло ли быть такое стеченіе публики? Помню, когда воспитанникъ семинаріи Андрей Сребрянскій въ 1833 г. на публичномъ экзаменѣ произносилъ стихотвореніе „о безсмертіи души“ своего сочиненія, все собраніе поражено было вдохновенною рѣчью автора и съ притаенныхъ дыханіемъ прослушало сочиненіе до конца...
Примѣч. прот. Евв. Святозарова.

тому ¹⁾ молитва: «Божественная благодать» и слова: «прими залогъ сей»... произнесены были имъ съ такою внушительностію и силою, что они глубоко запали въ мою душу и служили для меня указателями въ исполненіи пастырскихъ обязанностей на всю жизнь. Вообще богослуженіе п—го Антонія и чтеніе имъ молитвъ отличалось необыкновеннымъ благодатнымъ умиленіемъ и выразительностію.—Напр., молитву на молебствіи въ Р. Х., по случаю избавленія отечества нашего отъ нашествія Галловъ, онъ читалъ съ такою глубиною чувства и духовною сладостію, что невольно вызывалъ духовное умиленіе и молитвенное настроеніе.

Считаю нужнымъ отмѣтить, что при владыкѣ Антоніи мы не знали пріемныхъ дней и часовъ у него, но, когда предстояла нужда просить его о чемъ-либо или сдѣлать докладъ,—шли къ нему во всякое время, даже вечеромъ, и онъ, добрый пастырь, не заставлялъ ждать себя и 5 минутъ, выходя всегда въ полной формѣ (въ рясѣ и клобукѣ), какъ будто стоялъ на часахъ...

Не даромъ онъ называлъ себя «послушникомъ всѣхъ»...

Будучи молодымъ священникомъ, я съ понятною работію и страхомъ являлся налицо ко владыкѣ,—тогда уже извѣстному всей Россіи по случаю открытія св. нетлѣнныхъ мощей первосвятителя Воронежскаго св. Митрофана ²⁾,—но когда онъ (т.-е. Антоній) выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ и, преподавши милостиво благословеніе, начиналъ первый рѣчь, весь страхъ отходилъ. Дѣлаешься, бывало, непринужденнымъ и свободно изъясняешь свои нужды, или дѣло, ради котораго явился и, что всего замѣчательнѣе, уходишь отъ него успокоеннымъ, обнадѣженнымъ, съ отраднымъ и ободряющимъ чувствомъ.

¹⁾ 13 ноября арх. Антоніемъ, до конца своей жизни весьма благоволившимъ къ о. Евсеію, несмотря на молодость послѣдняго.

²⁾ Въ 1832 г. авг. 6 дня.

Поистинѣ слово его было исполнено какого-то благодатнаго помазанія. Такъ было со мною всегда; думаю, что такъ было и съ другими.

Владыка Антоній любилъ часто служить, особенно въ первые годы своего архіерейства, и всегда послѣ служенія приглашалъ къ себѣ сослужащихъ на трапезу, среди которой велъ бесѣду не о мірскихъ предметахъ или газетныхъ новостяхъ, а всегда о чемъ-либо божественномъ и душеспасительномъ. И какъ поучительна, сладостна и обильна была его бесѣда! Потому, конечно, что шла отъ души и изъ вѣры. Такъ бывало и при другихъ случаяхъ, когда собиралось у него общество духовныхъ или свѣтскихъ лицъ. Вообще арх. Антоній всячески чуждался праздныхъ разговоровъ.

О рѣдкой добротѣ сердца пр—го Антонія, разнообразной христ. благотворительности его и жалости вообще къ несчастнымъ—много писано. Это общеизвѣстный фактъ. А потому считаю излишнимъ приводить случаи въ подтвержденіе сей черты духовнаго его склада. Добротою пр—го Антонія нерѣдко злоупотребляли, но это уже была не его вина.

Побужденія его были чистыя—христіанскія. *«Благотворенія и общенія не забывайте, такова бо жертва»*—вотъ всегдашнее правило его дѣятельности. Когда являлись къ нему благочинные съ годичными отчетами о состояніи церкви и дѣятельности духовенства, онъ каждому твердилъ: *«донесенія о поведеніи и проступкахъ духовенства второстепенное дѣло, ты мнѣ скажи, кто у тебя изъ вдовъ и сиротъ въ безпомощномъ состояніи и нуждается въ неотложной помощи; и присовокуплялъ при этомъ: «тебѣ оставленъ есть нищій: сиру ты буди помощникъ».*

Велико было и смиреніе сего архипастыря и сознание своихъ ошибокъ. Вотъ между прочимъ примѣръ сему, кажется нигдѣ не записанный: какое то дѣло по консисторіи рѣшено было неправильно и противно возрѣвію на оное пр—го Антонія. Владыкѣ доложили, что это произошло

по настоянію тогдашняго кафедральнаго протоіерія М. Подзорскаго. Подъ вліяніемъ этого навѣта пр—й призываетъ сего протоіерія и дѣлаетъ ему строжайшій выговоръ. Опасаясь раздражать болѣе владыку прот. Подзорскій не сталъ оправдываться и по выслушаніи выговора, поклонившись, вышелъ. Черезъ нѣкоторое время выяснилось, что о. Подзорскій ни мало не былъ причастенъ къ сказанному незаконно-рѣшенному дѣлу. Тогда пр—й Антоній, пригласивъ къ себѣ того протоіерія, съ словами: «простите меня о. протоіерей! я васъ напрасно оскорбилъ» поклонился въ ноги. Растроганный такимъ необыкновеннымъ смиреніемъ о. Подзорскій, заплакавъ, самъ палъ предъ нимъ на колѣна, и послѣ всегда рассказывалъ о семъ событіи со слезами умиленія.

Говорили достовѣрные люди, что пр—й Антоній обладалъ даромъ прозорливости, весьма естественнымъ въ человѣкѣ, который всегда настроенъ былъ молитвенно и благодатно. Много было опытовъ высокаго благочестія и великихъ добродѣтелей пр—го Антонія, но время изгладило ихъ изъ памяти.

Вообще надо сказать, что архипастырь сей былъ мужъ высокаго благочестія и нелицемѣрной любви по духу Христову, образъ кротости, незлобія, смиренномудрія, милосердія и благодати.

Духъ святыни и благодатнаго проникновенія отражался и на внѣшности его — не только въ лицѣ и взорѣ, но и въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ, такъ что самымъ внѣшнимъ видомъ онъ возбуждалъ благоговѣніе къ себѣ.

Будемъ молиться дивному во святыхъ своихъ Богу, чтобы Онъ приснопамятнаго святителя Антонія вчинилъ въ ликъ святыхъ и даровалъ намъ въ немъ новаго усерднаго молитвенника о душахъ нашихъ и надежнаго примѣромъ своимъ и жизнію руководителя въ царствіе Божіе.

Сообщилъ свящ. Андрей Соболевъ.

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ АДРЕСЪ
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ слѣдующій представленный Святѣйшимъ Синодомъ Государю Императору благодарственный адресъ отъ лица всего епархіального духовенства Имперіи:

«Благочестивѣйшій Государь.

Державною Волей въ Бозѣ почившаго Родителя Вашего приснопамятнаго Государя Императора Александра III разрѣшено постоянное увеличеніе пособія изъ казны городскому и сельскому духовенству до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначено содержаніе всѣмъ причтамъ Имперіи. Слѣдуя по стопамъ Своего Вѣщеноснаго Родителя, Вы, Государь, съ самаго начала Своего Царствованія внимательно и съ сердечнымъ участіемъ относясь къ нуждамъ вѣрнаго Вашему Величеству епархіального духовенства, разрѣшили другой насущный вопросъ, не менѣе для него важный, именно вопросъ объ обезпеченіи заштатныхъ священноцерковнослужителей и осиротѣвшихъ семействъ ихъ пенсіями и единовременными пособіями Высочайшею отмѣткой на первомъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ о составленіи комиссіи для разрѣшенія означеннаго вопроса: *«Согласенъ. Постышитъ съ разсмотрѣніемъ этого важнаго дѣла»*. Вы изволили явить всю ту заботливость, съ какою относитесь къ нуждамъ пастырей и служителей Церкви и

влили въ сердца ихъ надежду, что не оставите ихъ отеческою любовью.

«Нынѣ Монаршая Милость Вашего Величества объявляется духовенству. Съ чувствомъ безконечной благодарности своему возлюбленному Монарху и съ молитвой на устахъ выслушаютъ пастыри и служители Церкви эту радостную вѣсть, успокоенные отъ тяжелыхъ думъ и заботъ для себя на случай старости и тяжелой болѣзни и за свою семью, отнынѣ не обездоленную и въ случаѣ сиротства. Они тѣмъ съ вѣщшею преданностью имѣютъ себя всецѣло посвятить служенію Церкви святой, Престолу и Отечеству исполненіемъ пастырскихъ и учительскихъ въ церковныхъ школахъ обязанностей, непрестанно вознося къ Престолу Всевышняго горячія молитвы о здравіи и благоденствіи своего возлюбленнаго Монарха. Движимый чувствомъ сердечнаго умиленія и безграничной преданности Вашему Величеству, Всемилостивѣйшій Государь, Синодъ, отъ лица всего епархіальнаго духовенства Имперіи, считаетъ долгомъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ чувства сердечной благодарности за новую Монаршую милость, явленную пастырямъ и служителямъ Церкви и ихъ семействамъ, и призываютъ Божіе благословеніе на Васъ, Государь, Августѣйшую Вашу Семью и на всѣ Ваши Царственные труды и начинанія.

«Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйшіе усердные богомольцы: *Антоній*, митрополитъ Петербургскій и Ладожскій; *Флавіанъ*, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій; *Николай*, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій; *Макарій*, епископъ Томскій и Барнаульскій; *Агапангелъ*, епископъ Рижскій и Митавскій; епископъ *Маркеллъ*».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Убѣжденъ, что епархіальное духовенство съ усугубленнымъ рвеніемъ будетъ нести свое пастырское служеніе въ истинно-христіанскомъ духѣ».

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода:

«Съ чувствомъ сердечной благодарности выслушавъ извѣстіе о Высочайше дарованной пастырямъ и служителямъ Православной Церкви Монаршей милости и знаменательныя слова Благочестивѣйшаго Государя Императора, собственноручно начертанныя Его Величествомъ на письменномъ выраженіи благодарственныхъ чувствъ, Синодъ по поводу означенной Монаршей милости опредѣляетъ: 1) объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи и собственноручной резолюціи Его Императорскаго Величества объявить по духовному вѣдомству, пригласивъ епархіальное духовенство, въ виду столь знаменательнаго въ его жизни событія, въ ближайшій воскресный день совершить благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, и 2) объявить по духовному вѣдомству, что пенсіонный уставъ съ 18 сего іюня получаетъ обязательную силу».

НЕСОКРУШИМОСТЬ БОЖІЯ ЗДАНІЯ.

Поученіе въ недѣлю 9-ю по Пятидесятницѣ.

Божіе зданіе есте (1 Кор. 3, 9).

Съ сими словами, входящими въ составъ сегодняшняго апостольскаго чтенія, апостоль Павелъ обращается къ членамъ коринеской церкви. Онъ обратилъ коринейнъ своею проповѣдію къ вѣрѣ во Христа и положилъ основаніе коринеской церкви. Она есть плодъ его трудовъ, имъ создана. Если же такъ, то почему онъ называетъ ее *зданіемъ* или строеніемъ *Божіимъ*? Потому, что онъ не былъ самостоятельнымъ строителемъ, онъ, вмѣстѣ съ сотрудникомъ своимъ Апполосомъ, былъ только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ въ созданіи церкви. «Кто Павелъ? спрашиваетъ онъ. Кто Апполосъ? Они только служители, черезъ которыхъ коринейне увѣрвали. Я насадилъ, Апполосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій. Мы *(оба)* соработники у Бога, а вы Божія нива, Божіе зданіе» (1 Кор. 3, 5. 6. 9). И такъ, главный основатель и хозяинъ церкви коринеской, какъ и всякой другой, есть одинъ Господь, именно Богъ во Христѣ Иисусѣ. Какъ «нѣтъ иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися», кромѣ имени Христова (Дѣян. 4, 12), такъ нѣтъ иного основателя церкви, кромѣ Христа, стяжавшаго ее своею кровію, какъ явствуетъ изъ сихъ словъ Апостола: *Основанія иного никтоже можетъ положить паче лежащаго, ежесть Иисусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 11). Христосъ есть не

только основатель церкви, но и самое основаніе. Всякое вещественное зданіе стоитъ твердо и непоколебимо, если твердо и непоколебимо основаніе или фундаментъ, на которомъ оно держится. Христось есть краеугольный камень, на которомъ стоитъ и держится основанная Имъ церковь. Твердъ и непоколебимъ этотъ камень. *На семъ камнѣ, самъ Онъ сказалъ, созижду церковь мою и врата адава (то есть, силы адскія) не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18). Это значить, что Церковь Христова сохранится до скончанія вѣка. Сохранится вѣра во Христа, и сколько бы ни было нападеній и гоненій на нее со стороны безчисленныхъ враговъ ея, іудеевъ, язычниковъ, еретиковъ, раскольниковъ и всѣхъ лжеучителей, отрекшихся отъ нея, надъ всѣми она восторжествуетъ. Самый послѣдній и жестокой врагъ вѣры Христовой, имѣющей явиться въ концѣ вѣковъ въ лицѣ антихриста, будетъ убитъ явленіемъ Христа и дыханіемъ устъ Его (2 Сол. 2). До скончанія вѣка пребудетъ въ церкви Христовой благодать Святаго Духа, сообщаемая въ таинствахъ, ибо Духъ Святой, по обѣтованію Спасителя, пребудетъ съ вѣрующими во вѣкъ (Іоан. 14, 16). Объ одномъ изъ сихъ таинствъ, именно о таинствѣ Тѣла и Крови Христовой, апостоль Павелъ прямо сказалъ, что оно будетъ совершаться до второго пришествія Христова. *Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пьете, смерть Господню возеъщаете, дондеже приидетъ* (1 Кор. 11, 27). Если же не прекратится совершеніе сего таинства и другихъ таинствъ до второго пришествія Христова, то, несомнѣнно, не прекратится существованіе церковнаго священноначалія, которому одному принадлежитъ право совершать таинства. Вся исторія Христовой Церкви есть исторія исполненія обѣтованія Христова о неодолимости ея. Она всегда, съ самаго начала своего бытія, имѣла враговъ, нападавшихъ на нее съ грубымъ насиліемъ или съ оружіемъ лжемудрованія, направленнаго противъ ея ученія, почему и называется она Церковію воинствующею. Но эти враги, сколько ихъ ни было и какъ ни казались сильны ихъ нападенія, имѣли

только временный успѣхъ. Враги церкви смѣнялись одни другими, но Церковь всегда побѣждала ихъ, ибо Христосъ, ея основатель и защитникъ, сильнѣе всѣхъ враговъ. Онъ или непосредственно посрамлялъ и даже вразумлялъ ихъ явленіемъ своей благодатной силы, или посредственно, воздвигая противъ нихъ сильныхъ борцовъ въ лицѣ богомудрыхъ мужей, сражавшихся съ ними соединенными силами на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, или каждый отдѣльно—словомъ устнымъ и письменнымъ. Благодаря ихъ усиліямъ, наипаче же благодатной силѣ Божіей, истина Господня не только не помрачалась, но еще выходила свѣтлѣе чрезъ борьбу съ ложью. Вотъ и въ наше время Церковь имѣетъ много враговъ въ лицѣ раскольниковъ, особенно же людей, возстающихъ противъ вѣры во имя науки. Но что расколъ не можетъ рассчитывать на долговѣчное существованіе, это видно изъ того, что онъ состоитъ изъ множества сектъ, одна другой враждебныхъ, и видимо ослабѣваетъ по слову Спасителя: *всякое царство раздѣлившееся на ся, запустѣетъ и всякій градъ, или домъ раздѣлившійся на ся не станетъ* (Мат. 12, 25). Что касается до науки, то не всѣ представители ея являются противниками вѣры, многіе изъ нихъ въ самой наукѣ указываютъ стороны, благоприятствующія ей. По слову одного изъ нихъ, только ложное, одностороннее мірское знаніе враждебно вѣрѣ; истинное же всегда согласно съ нею и откровеніемъ божественнымъ. Много враговъ вѣры, но не мало защитниковъ ея, обладающихъ основательными научными познаніями въ области наукъ богословскихъ, естественныхъ, историческихъ и философскихъ, побѣдоносно отражающихъ нападенія на Христову истину. Жаль только, что враги этой истины и сами рѣдко бываютъ знакомы съ ея защитою, и другихъ увлекаютъ на свою сторону, пользуясь невѣжествомъ ихъ въ дѣлѣ вѣры. Многія изъ лжеученій, направленныхъ противъ христіанскаго ученія, такъ нелѣпы, что легко опровергаются простымъ здравымъ смысломъ. Напримѣръ Христосъ сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся*

приложатся вамъ (Матѣ. 6, 33). Смыслъ ясенъ: искатели царствія Божія, почитающіе его главнымъ благомъ и больше всего на свѣтѣ заботящіеся о спасеніи души и о духовно нравственномъ преуспѣяніи, не потерпятъ вреда для внѣшняго своего благосостоянія,—земныя блага даны имъ будутъ въ награду за ревность о снисканіи благъ небесныхъ, хотя бы они о стяжаніи земныхъ заботились несравненно меньше, чѣмъ о стяжаніи небесныхъ. Не такъ разсуждаютъ современные мыслители. По ихъ ученію, главное благо жизни состоитъ въ матеріально-жизнейскомъ благосостояніи, и отъ него будетъ зависѣть улучшеніе нравственное. Жизнь порочная, говорятъ, происходитъ отъ бѣдности и нищеты; кто обезпеченъ въ средствахъ жизни, тому нѣтъ причины быть недовольну своимъ состояніемъ,—ложь, обманъ, воровство суть слѣдствія этого недовольства. Разсужденіе нелѣпое. Еслибы оно было справедливо, то всѣ люди богатые были бы честны и добродѣтельны, а всѣ бѣдные и нищіе порочны и безчестны. Этого однако мы не видимъ, видимъ скорѣе противное. Съ умноженіемъ богатства умножается гордость, жадность къ новымъ пріобрѣтеніямъ, усиливается притѣсненіе ближнихъ, или безумная расточительность. Напротивъ бѣдность нерѣдко располагаетъ къ смиренію предъ Богомъ, кротости и терпѣнію. Вообще люди ни во что невѣрующіе, отвергающіе бытіе Божіе, промыслъ Божій и загробную жизнь, не могутъ быть искренно добрыми людьми. Король прусскій Фридрихъ I сказалъ: «еслибы я захотѣлъ наказать какую нибудь провинцію, я послалъ бы туда въ губернаторы чиновника, невѣрующаго въ Бога». Переживаемое нами время усиленнаго невѣрія и пороковъ есть поистинѣ несчастное время. Уповательно, что оно продлится недолго. Зло доходитъ до такой крайности, что уже некуда идти дальше, и приходится подумать, не вернуться ли назадъ, слѣдуя примѣру блуднаго сына Евангельской притчи. Додешши до крайней степени разгула и распутства, до нищеты и голода, онъ наконецъ опомнился, вспомнилъ объ отцѣ своемъ, отъ котораго убѣжалъ въ дальнюю страну, и вер-

нулся домой съ раскаяніемъ, и принять былъ отцемъ съ любовію. Дай Богъ, чтобы никому изъ насъ не пришлось испытать участь блуднаго сына, дойти путемъ невѣрія и нечестія до крайности, подобной состоянію блуднаго сына; но еслибы случилось это,—отъ чего сохрани Богъ,—еслибы кто, вступивъ на путь невѣрія, бросилъ отеческій домъ Божій, то есть Церковь Христову, въ нѣдрахъ которой родился, то да поможетъ ему благодать Божія образумиться и поспѣшить вернуться въ сей домъ съ раскаяніемъ блуднаго сына.

Епископъ Виссаріонъ.

РОЖДЕНИЕ ВЪ ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ ПОСРЕДСТВОМЪ БЛАГОВѢСТВОВАНІЯ.

Поученіе въ недѣлю 10-ю по Пятидесятницѣ.

Аще и мнози прѣступны имате, но не мнози отцы, о Христѣ бо Исусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ (1 Кор. 4, 15).

Въ сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи апостоль Павелъ защищаетъ свое апостольское достоинство въ виду тѣхъ уничиженій, какія ему на ряду съ прочими апостолами приходится терпѣть. По внѣшнему своему положенію они ничѣмъ не отличались отъ людей бѣдныхъ и гонимыхъ. Они донинѣ терпятъ голодь, жажду, наготу, побои, скитаются, работаютъ своими руками, служатъ предметомъ насмѣшекъ и хуленій. Но какъ ни велико это уничиженіе, оно не умаляетъ ихъ апостольскаго достоинства, не лишаетъ ихъ права пользоваться чествованіемъ отъ тѣхъ, которые обязаны имъ просвѣщеніемъ христіанскою вѣрою. Преимущественно предъ прочими христіанскими учителями сіе право принадлежало апостолу Павлу. Сравнивая себя съ ними, онъ говоритъ Коринѣянамъ: «хотя у васъ тысячи наставниковъ во Христѣ, но немного отцевъ; я родилъ васъ во Христѣ Исусѣ благовѣствованіемъ». Подъ наставниками онъ разумѣетъ тѣ лица, которыя ученіемъ своимъ только утверждали Коринѣскихъ христіанъ въ вѣрѣ, но не насаждали вѣры. Не ими основана Коринѣская церковь, а другими,—они строили на основаніи, которое прежде ихъ заложено иными руками. Къ

числу этихъ основателей Коринѣской церкви причисляетъ себя апостоль Павелъ. Онъ пришелъ къ Коринѣянамъ, когда они были язычниками, не имѣли никакого понятія о Христѣ Исусѣ. Онъ первый огласилъ ихъ проповѣдію о Христѣ, первый насадилъ въ ихъ душахъ сѣмена вѣры во Христа, первый возродилъ ихъ къ новой благодатной жизни во Христѣ Исусѣ. Эта благодатная жизнь сообщается собственно въ таинствѣ крещенія, которое посему называется духовнымъ возрожденіемъ, рожденіемъ свыше, рожденіемъ отъ Бога. Но сему рожденію предшествовала вѣра. Къ крещенію допускаемы были только тѣ, которые достаточно были приготовлены къ нему ученіемъ вѣры, а «вѣра, по слову того же апостола, отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ» (Рим. 10, 17). Прежде чѣмъ возродиться въ водахъ крещенія, надлежало пройти продолжительный курсъ оглашенія, то-есть прослушать много уроковъ о христіанской вѣрѣ. Апостоль Павелъ много трудился въ дѣлѣ преподаванія этихъ уроковъ. Господь благословлялъ успѣхомъ эти его труды. Слово его глубоко западало въ души слушателей и становилось въ нихъ сѣменемъ, плодомъ котораго являлась новая благодатная жизнь въ таинствѣ крещенія. Получившій эту жизнь становился чадомъ Божиимъ по духу и называлъ Бога своимъ отцемъ. Всѣ таковыя суть чада Божіи потому, что «родились не отъ крови, не отъ похоти плотскія, не отъ похоти мужескія, но отъ Бога» (Іоан. 1, 13). Но не отрицая сего, Апостоль и себя называетъ отцемъ въ томъ смыслѣ, что слово Божіе, которое послужило сѣменемъ ихъ вѣры, было посѣяно имъ. Вотъ почему пріившіе это сѣмя отъ проповѣдниковъ именуются у апостола Петра возрожденными не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, отъ того слова, которое имъ проповѣдано (1 Петр. 1, 23. 25). Вотъ почему апостоль Павелъ, послужившій орудіемъ благодати Божіей въ дѣлѣ насажденія сѣмени слова Божія, могъ сказать Коринѣянамъ: *о Христѣ Исусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ.*

Благовѣствованіемъ азъ вы родихъ. Что значить благо-

вѣствованіе или иначе евангеліе? Значить благая или радостная вѣсть о спасеніи и о Спасителѣ, также о наступленіи царствія Божія, то-есть объ открытіи Церкви Христовой со всѣми ея благодатными средствами для усвоенія спасенія. Что можетъ быть радостнѣе этой вѣсти для человѣка, желающаго спасенія? Человѣкъ прогнѣвалъ Господа преступленіемъ Его заповѣди и изгнанъ изъ рая въ лицѣ Адама, то-есть осужденъ на погибель. И вотъ ему объявляютъ, что Господь преложилъ гнѣвъ на милость и отверзъ вѣрующимъ во Христа Спасителя двери рая небеснаго. Какъ сему не радоваться?—Человѣкъ, по внушенію исконнаго врага Божія діавола, отпалъ отъ Бога и вступилъ въ союзъ съ врагомъ Божиимъ діаволомъ, подчинился его власти и подвергся его мучительству. Какое горькое положеніе! И вотъ ему объявляютъ, что наступило время прекращенія этого мучительства, что насталъ конецъ владычеству діавола, что въ лицѣ Христа Богочеловѣка, родившагося отъ жены, явился обѣтованный сокрушитель главы змѣевой, то-есть побѣдитель діавола. Какъ не радоваться сему?—Человѣкъ явился предъ судомъ Божиимъ неоплатнымъ должникомъ, то-есть безответнымъ грѣшникомъ, ибо ничего нельзя было придумать такого, чѣмъ бы можно было удовлетворить правдѣ Божіей, оскорбленной его грѣхами. Но вотъ ему объявляютъ, что въ лицѣ Христа явился агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра, что жертва, принесенная Имъ на крестѣ за наши грѣхи, вполне достаточна для заглаженія ихъ, что долги намъ прощены, что на крестѣ разодрано рукописаніе грѣховъ нашихъ, подобно тому, какъ добрый заимодавецъ, прощая неоплатнаго должника, разрываетъ въ куски вексель его. Какъ не радоваться сему каждому грѣшнику, ищущему помилованія отъ Господа?—Человѣкъ удалилъ себя отъ жизни въ общеніи съ Богомъ, лишилъ себя благодати Его, безъ которой невозможно истинно жить духовно. И вотъ ему возвѣщается, что ему возвращается сія благодать, что, сподобленный по вѣрѣ во Христа возрожденія въ таинствѣ крещенія, онъ дѣлается сыномъ Божиимъ по благодати, обле-

кается во Христа, то-есть соединяется съ нимъ такъ близко, какъ сорочка близка къ тѣлу, что въ таинствѣ причащенія онъ питается самымъ тѣломъ и кровію Его, что и во всѣхъ таинствахъ изливаются на него потоки благодатной жизни для освященія его по душѣ и по тѣлу, что Церковь Христова, въ которой онъ родился и воспитывается, въ совокупности всѣхъ членовъ и каждый отдѣльно, есть храмъ живущаго въ нихъ Духа Божія. Какое безмѣрное счастье! Какъ не радоваться грѣшнику, который призывается къ сему?

Всѣ ли однако дорожатъ этимъ счастьемъ? Всѣ ли съ радостію внемлютъ благовѣствованію о спасеніи и о Спасителѣ? Мы не говоримъ о нехристіанахъ, совершенно незнакомыхъ съ христіанскою вѣрою, каковыхъ даже въ наше время гораздо больше, чѣмъ христіанъ. Но нѣтъ ли и между христіанами людей, чуждыхъ радости спасенія? Къ сожалѣнію, и между ними есть много такихъ, къ которымъ относятся обличительныя слова Пророка: «нѣсть радоватися нечестивымъ». Ближайшимъ образомъ Пророкъ-обличитель, говоря сіе, имѣлъ въ виду плѣнныхъ Іудеевъ. Когда Киромъ, царемъ Персидскимъ, объявлена была имъ свобода отъ Халдейскаго плѣна и дано дозволеніе возвратиться въ отечество, не всѣ обрадовались этой милости царской, не всѣ воспользовались этимъ дозволеніемъ, многіе, въ продолженіе семидесятилѣтняго пребыванія среди нечестивыхъ язычниковъ, такъ привыкли къ ихъ обществу, къ ихъ обычаямъ, несогласнымъ съ истинною вѣрою, и къ удобствамъ оскѣдности въ иноплеменной странѣ, что вѣсть о свободѣ нисколько не обрадовала ихъ. Они не пожелали разстаться съ Вавилономъ. Они позабыли Бога отцевъ своихъ; выгоды и удовольствія гражданской жизни среди язычниковъ сдѣлали ихъ неспособными цѣнить счастье возвращенія въ отечество. На сихъ нечестивцевъ похожи многіе христіане. Называясь христіанами, они совершенно не цѣнятъ тѣхъ духовныхъ благъ, какія даруетъ истинно вѣрующимъ вѣра Христова. Житейскія заботы, пристрастіе къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ, миролюбіе и плотоугодіе заглушили въ нихъ

духовныя потребности и сдѣлали ихъ скотоподобными существами. Бога они забыли, о спасеніи души не помышляютъ, привычка ко грѣхамъ заглушила въ нихъ голосъ совѣсти, такъ что въ самыхъ тяжкихъ грѣхахъ они не раскаиваются, нужды въ благодати прощенія и освященія не сознаютъ. Поэтому духовная радость, свойственная вкусившимъ сію благодать, имъ совсѣмъ недоступна, они понятія о ней не имѣютъ. «Нѣсть радоватися нечестивымъ». Они совершенно не знаютъ тѣхъ духовныхъ утѣшеній, какія доставляетъ людямъ благочестивымъ чтеніе, или слушаніе слова Божія, молитва, общеніе съ Господомъ въ таинствахъ, участіе въ общественномъ богослуженіи, христіанскіе праздники. Не только всего этого они чуждаются, но и самое напоминаніе обо всемъ этомъ со стороны доброжелательныхъ людей, ихъ попытки образумить нечестивца, возбудить въ немъ желаніе духовной радости, только раздражаютъ его, или вызываютъ съ его стороны глумленія и насмѣшки. Горе нечестивому, до самой смерти не перестающему предаваться однимъ мірскимъ и чувственнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Ему грозитъ на томъ свѣтѣ участь богача евангельской притчи, который всѣ дни жизни проводилъ въ чувственномъ необузданномъ веселіи и по смерти попалъ въ огненную геенну и здѣсь напрасно просилъ Авраама, послать къ нему Лазаря, чтобы онъ нѣсколькими каплями хоть на короткое время устудилъ языкъ его, палимый геенскимъ пламенемъ въ наказаніе за то, что этотъ языкъ во время земной жизни служилъ орудіемъ сластолюбія и гнилословія. Да избавить всѣхъ насъ Господь своею благодатію отъ сей участи.

Епископъ Виссаріонъ.

ЗАПОВѢДЬ БОГА ОТЦА О ПОСЛУШАНІИ ЕГО ЕДИНОРОДНОМУ СЫНУ.

Поученіе въ праздникъ Преображенія.

*Сей есть Сынъ Мой возлюбленный,
о Немже благоволихъ. Того послушайте
те (Мат. 17, 5).*

Такъ возгласилъ Богъ Отецъ съ неба на горѣ Фаворской въ присутствіи небожителей Моисея и Или и троицхъ апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна, о Христѣ Іисусѣ во время Его преображенія. Въ семъ возглашеніи содержится ученіе о достоинствѣ лица Богочеловѣка и заповѣдь о послушаніи Ему.

О величіи лица Христова Богъ Отецъ свидѣтельствуеть тѣмъже словами, какія изрекъ о Немъ при крещеніи Его во Іорданѣ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный о Немже благоволихъ* (Мат. 3, 17). Въ обоихъ случаяхъ подѣ возлюбленнымъ Сыномъ Бога Отца разумѣется Сынъ Его, прежде вѣкъ отъ Него рожденный, Ему единосущный, совѣчный, сопредельный и единовластный, каковымъ могъ быть только едиnorodный, единственный Его Сынъ въ противоположность многочисленнымъ сынамъ Божиимъ не по природѣ, а по благодати усыновленія, каковы святые Ангелы, святые челоѣки и даже всѣ вѣрующіе въ истиннаго Бога. Всѣ они суть твари, получившіе бытіе отъ Него во времени, а не отъ вѣчности. Возлюбленнымъ Богъ Отецъ называетъ своего Единороднаго Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ былъ предметомъ любви Бога Отца отъ вѣчности до

сотворенія міра, какъ исповѣдалъ сіе предъ Отцемъ Самъ Христосъ въ своей первосвященнической молитвѣ въ навечеріе крестной смерти: *яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра* (Іоан. 17, 24). Богъ есть вѣчная любовь. По любви Онъ и міръ сотворилъ, желая сдѣлать причастниками своего блаженства твари. Но твари явились во времени. Кто же могъ быть предметомъ Его любви до ихъ появленія, какъ не Сынъ Его едиnorodный прежде вѣкъ отъ Него рожденный? Блаженство Бога могло ли бы быть полно, если бы не съ кѣмъ было его раздѣлить? Нельзя представить, чтобы въ семъ случаѣ до сотворенія міра Богъ единый былъ одинокъ. Онъ и не былъ одинокъ, ибо отъ вѣчности имѣлъ едиnorodнаго Сына, единственное существо вкупѣ со Святымъ Духомъ. На Нихъ изливалась вся полнота Его любви и вмѣстѣ безконечной радости и блаженства. Самъ едиnorodный Сынъ Бога Отца говоритъ о своемъ отношеніи къ Нему въ книгѣ Притчей, что Онъ принималъ участіе въ сотвореніи міра, и присовокупляетъ: *азъ бѣхъ, о нейже радовашеся Богъ Отецъ, на всякъ же день веселятся предъ лицемъ Его на всяко время* (Прит. 8, 29. 30). Симъ словамъ о довременныхъ отношеніяхъ къ Сыну Бога Отца вполне соотвѣтствуетъ гласъ Бога Отца о Сынѣ: *о немъже благоволихъ*.

Нѣтъ сомнѣнія, что благоволеніе Бога Отца къ Сыну Единородному осталось неизмѣннымъ въ отношеніи къ Нему и по воплощеніи Его нашего ради спасенія. Для нашего спасенія Ему надлежало пострадать и умереть на крестѣ. Эти страданія и смерть имѣли значеніе умиловительной за насъ жертвы, которая была угодна Богу Отцу потому, что принесена была не простымъ человѣкомъ, вообще не тварію, но Богомъ во плоти. Такимъ образомъ открывается передъ нами необходимая связь догмата объ искупленіи съ догматомъ о божескомъ величій лица Христова.

Того послушайте. Заповѣдъ Бога Отца о послушаніи возлюбленному Сыну Его ближайшимъ образомъ относится къ Его ученію о крестѣ, какъ о необходимомъ условіи на-

пего спасенія. Это ученіе предложено было Христомъ всѣмъ Апостоламъ за шесть дней до Преображенія. Христомъ спросилъ тогда Апостоловъ: «за кого они Его почитаютъ?» Симонъ Петръ за всѣхъ отвѣтилъ: «Ты Христомъ, Сынъ Бога живаго». Христомъ одобрилъ его за сіе исповѣданіе и далъ обѣтованіе, что на истинѣ сего исповѣданія, какъ на несокрушимой скалѣ, Онъ воздвигнетъ Церковь свою, неодолимую адскими силами. Нѣтъ сомнѣнія, что Апостолы съ благоговѣніемъ и радостію выслушали отзывъ Христа объ исповѣданіи Петровомъ и сіе обѣтованіе. Надлежало ожидать, что выслушанныя ими слова Христовы послужатъ къ утверженію ихъ вѣры въ Него и къ непрекословному послушанію Ему во всѣхъ отношеніяхъ. Случилось однако пѣчто неожиданное. Вслѣдъ за обѣтованіемъ о Церкви Иисусъ началъ открывать ученикамъ своимъ, что Ему должно идти въ Иерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ, и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть. Не понравилось апостолу Петру предреченіе Христа о необходимости предстоящихъ Ему страданій и смерти. Петръ, какъ и прочіе Апостолы, раздѣлялъ іудейское мнѣніе о земной славѣ и могуществѣ Мессіи, а отнюдь не думалъ объ униженіи Его, верховъ котораго послужилъ крестъ Христовъ. Выслушавъ изъ устъ Христа эту горькую истину, Петръ дерзнулъ прекословить Христу: «будь милостивъ къ себѣ, Господи, да не будетъ этого съ тобою». Слово о Крестѣ не вмѣстилось въ умъ Петра, зараженномъ Іудейскими предрасудками. Для Іудеевъ крестъ Христовъ до сихъ поръ служитъ соблазномъ и причиною ихъ невѣрія во Христа. Вознегодовалъ Христомъ на прекословіе Петра и сказалъ ему: «отойди отъ меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ, потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое». Обличеніе рѣзкое, но вполне заслуженное, ибо Петръ осмѣлился возражать противъ предопредѣленія Божія о спасеніи людей крестною жертвою Богочеловѣка, увлекшись плотскими сужденіями и мечтами Іудеевъ. Христомъ назвалъ Петра сатаною на томъ осно-

ваніи, что и сатана, искушая Христа въ пустыни, желалъ отъвергнуть Его отъ пути униженія и смерти и обѣщаль ему дать во власть всѣ царствія міра, если Онъ поклонится ему-сатанѣ и славу земную предпочтетъ униженію креста, и такихъ образомъ допустить сатанѣ продолжать свое пагубное для людей владычество надъ ними. Христосъ усмотрѣлъ въ прекословіи Петра дѣло сатаны и потому осудилъ его, сказавъ ему тоже, что и сатанѣ-искусителю: «отойди отъ меня, сатана» (Мѡ. 4, 10). Кто не вѣритъ ученію о крестѣ Христовомъ, какъ о необходимомъ условіи нашего примиренія съ Богомъ, кто не слушаетъ этого ученія, исходшаго изъ устъ Христа, тотъ уже не есть христіанинъ. Не слушая Христа, онъ является противникомъ Его и сторонникомъ врага Его діавола. Вотъ причина, почему не только самъ Христосъ тяжело осудилъ Петра за грѣхъ непослушанія и прекословія Ему въ ученіи о крестѣ, но и Богъ Отецъ на горѣ Фаворской предостерегъ Апостоловъ отъ непослушанія Христу и изрекъ заповѣдь о непрекословномъ послушаніи Ему, какъ непогрѣшительному учителю истины, какъ бы ни была горька плотскому человѣческому уму такая истина, какъ тайна Креста Христова. Что дѣйствительно заповѣдь Бога Отца: *того послушайте*, относилась главнымъ образомъ къ сей тайнѣ, это видно изъ того, что бывшіе свидѣтелями Преображенія Господня Моисей и Іліа говорили вслухъ Апостоловъ «объ исходѣ Его, который Ему надлежало совершить въ Іерусалимѣ» (Лук. 9, 31), то-есть о крестной смерти Его.

Непріятно было Петру знать, что Христу надлежало для нашего спасенія претерпѣть крестное страданіе и смерть; но Христосъ не только не скрылъ отъ него и отъ всѣхъ Апостоловъ этой истины, но и послѣ сего неоднократно напоминалъ о ней. Этого мало: укоривъ Петра за его прекословіе слову крестному, Онъ еще потребовалъ отъ всѣхъ своихъ учениковъ, чтобы они, если желаютъ быть Его послѣдователями, обрекли себя на подвигъ самоотверженія и крестоношенія (Мат. 16, 24). Ибо Крестъ Христовъ

имѣть для насъ спасительную силу только подѣ условіемъ исполненія этого требованія. О трудности подвига самоотверженія и крестоношенія, возлагаемаго на послѣдователей Христовыхъ, можно судить по тѣмъ тѣлеснымъ мукамъ, съ какими Христось сравниваетъ этотъ подвигъ. Такъ на примѣръ Онъ говоритъ, что если кого соблазняетъ правая рука или правый глазъ, тотъ пусть отсѣчетъ у себя руку и вырветъ у себя глазъ (Мат. 29, 30). Что это значитъ? Этимъ внушается послѣдователямъ Христовымъ, чтобы они въ борьбѣ съ грѣховными пристрастіями и привязанностями поступали съ такимъ самоотверженіемъ, какое необходимо для перенесенія мучительной операціи избоденія глаза и отсѣченія руки. Случается, что иной завелъ тѣсное знакомство съ людьми въ высшей степени умными и занимательными, но незаконными и нечестивыми. Надо во что-бы ни стало прекратить общеніе съ ними въ виду опасности заразиться ихъ нечестіемъ и беззаконіемъ. Но какъ этого достигнуть, когда привычка къ ихъ по обществу до того овладѣла вами, что у васъ недостаетъ силы воли разстаться съ ними, они сдѣлались для васъ необходимыми и самыми дорогими существами. Но пусть они для васъ также необходимы, какъ правая рука, также дороги, какъ правый глазъ; вы должны непремѣнно бросить пагубное для васъ знакомство, хотя бы для васъ было это такъ больно и мучительно, какъ пожертвованіе глазомъ и рукой. Таковъ подвигъ самоотверженія и креста, требуемый Христомъ отъ своихъ послѣдователей. Совершающій этотъ подвигъ, по слову апостола Павла, подражаетъ Христу распятому, съ тѣмъ различіемъ, что Христось распялся тѣломъ, а грѣшники должны распинать плоть свою съ ея страстями и похотями, убивая не тѣло, а страсти и похоти (Гал. 5, 23). Вообще всѣ заповѣди Христовы требуютъ отъ ихъ исполнителей самоотверженія, ибо при исполненіи ихъ неизбѣжна борьба съ различными искушеніями, идущими отъ нашей плоти, отъ мірскихъ соблазновъ, наипаче же отъ діавола. Что нужно для побѣды надъ этими искушеніями? Нужно самоотверженіе, т. е. отрече-

ченіе отъ своей воли со всецѣлымъ покореніемъ ея волѣ Христовой, всецѣлымъ послушаніемъ Ему, какъ возлюбленному Сыну Бога Отца. Если нельзя было безнаказанно нарушать законъ Божій, данный чрезъ раба Божія Моисея, такъ что всякое непослушаніе заповѣдямъ этого закона влекло за собою праведное строгое наказаніе, то не гораздо ли большому наказанію въ будущемъ вѣкѣ подлежать ослушники воли Божіей, изреченной устами возлюбленного едиnorodнаго Сына Божія (Еф. 2, 23)? Итакъ, *Того послушайте* всѣ желающіе спасенія, уготованнаго только послушнымъ Ему.

Епископъ Виссаріонъ.

ПЛАКАНІЕ О СМЕРТИ.

Поученіе въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы.

*Плачу и рыдаю, егда помышляю
смерть и вижду во гробѣхъ лежащую,
по образу Божію созданную, нашу
красоту, безобразну, безславну, не цмущую
вида, ниже доброты.*

Память смерти или успенія Святыхъ располагаетъ къ радости, потому что путемъ смерти они переселились въ обители Отца небеснаго для вѣчно радостной и блаженной жизни въ общеніи съ Нимъ. Наиначе располагаетъ къ радости память успенія Богоматери, потому что Она, по примѣру Сына своего и Бога, вскорѣ послѣ смерти съ пречистымъ тѣломъ своимъ вознесена на небо и съ тѣхъ поръ содѣлалась ходатайницею за насъ предъ Нимъ. Но сама по себѣ смерть, чья бы ни была, праведниковъ или грѣшниковъ, когда мы помышляемъ о ней или видимъ умершаго, лежащаго во гробѣ, располагаетъ не къ радости, а къ скорби и плачу. Какъ не скорбѣть, какъ не плакать, когда знаемъ, что всѣ мы въ лицѣ Адама приговорены къ смерти въ наказаніе за грѣхопаденіе въ рай! Рай былъ мѣстомъ блаженства. Для обитающихъ въ раю все было приспособлено къ блаженной и счастливой жизни не только по душѣ, но и по тѣлу. Тамъ они не знали ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Въ раю насаждено было древо жизни, плоды котораго предохраняли питающихся ими не только отъ болѣзни, но и отъ смерти по самому тѣлу. Тѣло вѣчно цвѣло бы здоровьемъ, крѣпостію силъ, юношескою

свѣжестію, еслибы душа не осквернила себя грѣхомъ. Душа создана по образу и подобію Божію, и какъ Богъ святъ, такъ и она сіяла святостію, нравственною чистотою. Красота души отражалась и на красотѣ тѣла, такъ что можно сказать, что и тѣло, соединенное съ душею, носило на себѣ черты образа Божія, подобно тому какъ весь вещественный міръ отражаетъ въ своемъ благоустройствѣ слѣды совершенствъ Божіихъ. Къ сожалѣнію, грѣхопаденіе человѣка помрачило въ душѣ его черты образа Божія: умъ его впалъ въ заблужденіе; совѣсть его сдѣлалась равнодушною къ различію добра и зла; въ сердцѣ его открылось пристрастіе къ однимъ земнымъ радостямъ, внѣ общенія съ Богомъ; воля его утратила силу противиться искушеніямъ на зло. Страсти грѣховныя, болѣе и болѣе овладѣвая человѣкомъ, довели его до того, что образъ Божій если не совсѣмъ исчезъ, то, по выраженію церковной пѣсни, *истмьлзъ страстьми*, то-есть повредился отъ преобладанія страстей. Душа низпала до скотоподобія, помышляя объ удовлетвореніи однихъ плотскихъ потребностей и прихотей съ забвеніемъ о Богѣ и объ угожденіи Ему. Жалкое состояніе души отразилось и на тѣлѣ. Въ жизни тѣла, переставшаго питаться плодами отъ древа жизни, произошли неблагопріятныя перемѣны. Оно стало страдать отъ изнурительныхъ трудовъ для пропитанія, на которые осужденъ былъ человѣкъ, отъ голода, холода, зноя, ненастья, отъ разныхъ болѣзней. Въ силу приговора: *земля еси и въ землю пойдеши*, тѣлесная жизнь сократилась, смерть сдѣлалась общимъ для всѣхъ удѣломъ. Тѣло, отражавшее на себѣ совершенства души, украшенной образомъ и подобіемъ Божіимъ, сдѣлалось добычею тлѣнія и червей, стало безобразнымъ и безславнымъ, не имущимъ ни вида, ни доброты. Все это имѣло значеніе наказанія за преслушаніе заповѣди Божіей; все свидѣтельствовало о праведномъ гнѣвѣ Божіемъ. Но не до конца Господь гнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ. Для нашего спасенія сошелъ съ неба на землю единородный Сынъ Божій и содѣлался человѣкомъ, не переставая

быть Богомъ. Онъ явился въ образѣ человѣка для того, чтобы *обновить свой образъ, истлѣвшій страстьми*. Какъ же Онъ совершилъ сіе? Плоть человѣческую, въ которую облекся, Онъ принесъ въ жертву на крестѣ и сею жертвою Онъ не только умилостивилъ Бога Отца, прогнѣваннаго нашими грѣхами, но еще стяжалъ намъ благодать Святаго Духа и сею благодатию въ таинствѣ крещенія возродилъ и обновилъ насъ для жизни въ общеніи съ Богомъ, такъ что все, что мы потеряли въ Адамѣ, возвращено намъ во Христѣ, который есть для насъ второй Адамъ. Онъ оживотворилъ насъ не только по душѣ, возстановивъ въ ней достоинство богоподобной природы, но и по тѣлу, даровавъ намъ надежду воскресенія, ибо какъ въ первомъ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ, второмъ Адамѣ, всѣ оживутъ (1 Кор. 15, 22); «какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка Христа и воскресеніе мертвыхъ (ст. 21). Первый человѣкъ (то-есть Адамъ) изъ земли перстный; второй человѣкъ, то-есть Христосъ, Господь съ неба. И какъ мы носили образъ перстнаго, такъ будемъ носить и образъ небснаго» (ст. 47—49). Это значить, что какъ Христосъ воскресъ и вознесишь съ воскресшимъ тѣломъ на небеса, сіяетъ по самому тѣлу свѣтомъ непреступнаго славы, такъ имѣющіе воскреснуть будутъ сіять подобною славою по самому тѣлу, на которомъ будетъ отражаться свѣтъ отъ прославленнаго тѣла Христова. Всѣ ли однако сподобятся этой славы? Къ сожалѣнію, не всѣ. Воскреснутъ, правда, всѣ, но не всѣ для вѣчнаго блаженства по душѣ и по тѣлу, ибо грѣшники воскреснутъ для вѣчныхъ мукъ и только *праведницы* по воскресеніи, по слову Христа, *просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ*, то-есть неизреченная радость, наполняющая ихъ душу, будетъ сіять на ихъ лицѣ (Матѣ. 13, 43).—Кому изъ насъ, братія, желательно достигнуть этого вѣчно-радостнаго состоянія по душѣ и по тѣлу? Путь къ нему открытъ для всѣхъ. Иди путемъ правды, ибо только праведницы просвѣтятся въ небесномъ царствіи. Дѣла правды суть дѣла свѣта, потому

что въ нихъ просіявають черты образа и подобія Божія. И такъ, если хотите сдѣлаться причастниками свѣта славы Божіей въ царствіи небесномъ, *яко чада свѣта ходите* (Еф. 5, 8), то-есть ведите себя такъ, какъ свойственно людямъ, просвѣщеннымъ вѣрою во Христа и возрожденнымъ къ новой жизни Его животворною благодатію. На томъ свѣтѣ «каждому будетъ воздано по дѣламъ его яже съ тѣломъ содѣла блага или зла». Какъ дѣла правды суть дѣла свѣта, такъ злыя дѣла суть дѣла темныя, потому что творящіе ихъ и не раскаивающіеся помрачаютъ въ себѣ образъ Божій и уподобляются скотамъ несмысленнымъ. И такъ, *отложимъ дѣла темная*, чтобы не попасть во тму кромѣшную, и *облечемся въ оружіе свѣта* (Рим. 13, 12), чтобы сподобиться обитанія въ свѣтлыхъ обителяхъ на небесахъ и въ нихъ блаженствовать не только по душѣ, но и по тѣлу по воскресеніи тѣла изъ мертвыхъ. Желаящіе достигнуть сего блаженства по тѣлу да прославляютъ Бога не только душею, но и тѣломъ, упражняя себя въ подвигахъ самоотверженія и любви къ Богу и ближнимъ, насколько эти подвиги могутъ быть совершаемы тѣлесными членами. Будемъ плакать, помышляя о смерти тѣлесной и взирая на гробъ, но вмѣстѣ будемъ утѣшать себя надеждою на воскресеніе.

Епископъ Виссаріонъ.

ЗНАЧЕНІЕ БОГАТСТВА.

Поученіе въ недѣлю 12-ю по Пятидесятницѣ.

Смшавъ же юноша слово, отиде скорѣя, бѣ бо имѣя стяжанія многа (Матѣ. 19, 22).

Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи содержится повѣствованіе о богатомъ юношѣ,—о его бесѣдѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и о ея послѣдствіяхъ. Это даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о значеніи богатства въ нашей жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что богатство есть такое благо, обладаніе которымъ освобождаетъ человѣка отъ тяжелой зависимости въ матеріальныхъ нуждахъ отъ другихъ и даетъ ему возможность свободно трудиться для своего блага и для общества. Бѣднякъ лишень этой возможности. Всѣ силы его физическія и душевныя направлены къ тому главнымъ образомъ, чтобы достать себѣ и семейству своему насущное пропитаніе, чтобы ни самому не умереть съ голода и дѣтей не пустить по міру. Прежде чѣмъ трудами, часто непосильными, обезпечить свое благосостояніе, бѣднякъ преждевременно разстроиваетъ свое здоровье, надрываетъ свои силы и помираетъ, не успѣвъ насладиться плодами своихъ трудовъ. Притомъ бѣдность, хотя сама по себѣ не порокъ, иногда ведетъ къ порокамъ, побуждаетъ бѣдняка прибѣгать къ нечестнымъ средствамъ для своего прокормленія и нерѣдко доводитъ его до тюрьмы. Вотъ причина, что люди бѣдные завидуютъ богатымъ, воображая, что въ богатствѣ заключается счастье, и даже иногда ропщутъ на Бога за неравно-

мѣрное распредѣленіе земныхъ благъ. По ихъ словамъ, еслибы Господь всѣмъ поровну раздѣлилъ земныя блага, или еслибы сами люди постарались путемъ добровольнаго соглашенія, или пожалуй насиліемъ, достигнуть всеобщаго равенства въ обладаніи земными благами, то всѣ были бы счастливы. Это нелѣпая мечта. Источникъ счастья не во внѣшнемъ довольствѣ, а во внутреннемъ душевномъ мирѣ. Если нѣтъ мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, если беззаконія моя превзыдоша главу мою, то-есть, если я погруженъ въ бездну ихъ, какъ утопающій съ головою погружился въ воду, и лишили меня силы бороться съ ними, если страсти, словно лютые звѣри, терзаютъ мою душу, то я, какъ бы ни былъ богатъ, самый несчастный человекъ; обиліе земныхъ благъ не только не дастъ никакого утѣшенія, скорѣе же они опротивѣютъ мнѣ, не смотрѣли бы на нихъ мои глаза.—Здоровье дороже богатства, и чѣмъ богаче кто, тѣмъ онъ несчастнѣе, если не обладаетъ здоровьемъ и лишень возможности наслаждаться тѣми удовольствіями, какія доставляетъ богатство. Извѣстно также, что мечты богатаго о счастьи разлетаются въ прахъ, или отъ безпокойныхъ заботъ объ умноженіи и сохраненіи богатства, или отъ преждевременной смерти, или отъ опасенія разныхъ потерь и неудачъ, особенно отъ опасенія безумной растраты наслѣдниками скопленныхъ имъ по́томъ и трудомъ стяжаній, или отъ неумѣренной расточительности, сопровождающейся нищетою и голодомъ.—Мнѣніе о несправедливости преобладанія однихъ надъ другими въ матеріальныхъ благахъ привело нѣкоторыхъ къ ученію о необходимости уравниенія всѣхъ въ обладаніи этими благами; но осуществленіе этого ученія привело бы къ новой, несравненно болѣе возмутительной несправедливости, ибо можетъ ли быть что-нибудь возмутительнѣе того, если люди праздные, бездарные и нечестные будутъ имѣть одинаковое участіе въ пользованіи земными благами на ряду съ людьми трудолюбивыми, честными и высокообразованными, если у нихъ отнимутъ право собственности въ пользу людей неимущихъ, провозглашая,

что собственность есть кража? Неравномерное распределение собственности есть дело премудраго и всеблагаго промысленія Божія о людяхъ. Еслибы всѣ одинаково обезпечены были въ средствахъ жизни и никто ни въ комъ не нуждался, то явилось бы затрудненіе въ исполненіи заповѣди о любви къ ближнимъ. Любовь къ ближнимъ проявляется преимущественно въ дѣлахъ милосердія, за которыя Господь Іисусъ на страшномъ судѣ обѣщаетъ даровать милосердымъ наслѣдіе царства небеснаго. Еслибы не было на свѣтѣ голодающихъ, лишенныхъ крова и одежды, болящихъ и тому подобныхъ бѣдствующихъ, еслибы всѣ благоденствовали, то и дѣла милосердія были бы не нужны, количество случаевъ къ упражненію въ сихъ дѣлахъ сократилось бы, остались бы только случаи для творенія дѣлъ милости духовной, совершаемыхъ большею частію только словомъ, тогда какъ мы должны любить ближняго не словомъ, а дѣломъ и истиною. Отъ одного нашего слова никто не будетъ сытъ, одѣтъ и обутъ. Человѣческое общество связуется взаимною любовію членовъ, а эта любовь выражается одолженіями однихъ и благодарностію другихъ. Въ виду всего этого напрасно иные встаютъ противъ богатыхъ людей, не обращая вниманія на то, что богатство даетъ возможность дѣлать много добра для ближнихъ и во славу Божію. Богатство само по себѣ есть благо, зло заключается не въ немъ, а въ пристрастіи къ нему, доходящемъ во многихъ до забвенія Бога, до пренебреженія дѣла спасенія души, до жестокосердія въ отношеніи къ ближнимъ, до полнѣйшаго равнодушія къ ихъ нуждамъ духовнымъ и тѣлеснымъ. Къ числу несчастныхъ, зараженныхъ этимъ пагубнымъ пристрастіемъ, относится богатый юноша, о которомъ идетъ рѣчь въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи. Нельзя не одобрить его за то, что онъ заботился о спасеніи своей души и обратился ко Христу Спасителю съ вопросомъ, что ему нужно дѣлать для спасенія души. Выслушавъ отъ Господа Іисуса наставленіе о соблюденіи заповѣдей любви къ ближнимъ, онъ не только призналъ себя

исполнителемъ этихъ заповѣдей, но спросилъ Христа: «чего еще ему недостаетъ для достиженія большаго совершенства?» Всѣмъ, повидимому, былъ хорошъ юноша, но онъ не замѣчалъ въ себѣ одного главнаго недостатка, именно корыстолюбія, пристрастія къ земнымъ стяжаніямъ, которыхъ у него было много. Вотъ почему Господь Иисусъ для искорененія этого пристрастія предложилъ юношѣ продать свое имущество, раздать его нищимъ и слѣдовать за Нимъ. Не послушался юноша Спасителя, и понятно почему. Корыстолюбіе, которымъ зараженъ былъ юноша, есть порокъ свойственный больше старикамъ, чѣмъ людямъ молодымъ, мечтающимъ скорѣе объ удовольствіяхъ и соединенной съ ними расточительности, чѣмъ о накопленіи и сбереженіи богатства. Старикамъ гораздо труднѣе отстать отъ скупости и корыстолюбія, чѣмъ душѣ молодой. Не таковъ однако былъ юноша, бесѣдовавшій со Христомъ. Недугъ корыстолюбія такъ крѣпко привился къ его душѣ, что борьба съ нимъ оказалась для него непосильною, ибо для искорененія его надлежало употребить самое радикальное средство, притомъ такое, которое могло возымѣть силу только при помощи благодати Божіей. Напрасно онъ похвалился соблюденіемъ заповѣдей, требующихъ любви и справедливости къ ближнимъ. Корыстолюбіе несовмѣстно съ этою любовію и справедливостію. Положимъ, въ юношѣ еще не изсякла ревность, если не къ внутреннему и искреннему, то по крайней мѣрѣ, къ внѣшнему исполненію этихъ заповѣдей; но съ годами эта ревность охладѣетъ. Любостязаніе, по слову апостола Павла, тождественно съ идолослуженіемъ (Колосс. 3, 5). Теперь онъ еще чтитъ отца и мать, но это потому, что они не требуютъ отъ него услугъ. Когда же они будутъ нуждаться въ его услугахъ, — въ болѣзни, въ бѣдности, скупость убьетъ въ сынѣ состраданіе къ нимъ, ему жаль будетъ принять на себя издержки на потребную для нихъ помощь. Теперь юноша удерживается отъ грѣховъ противъ шестой и седьмой заповѣди. Но если подѣ убійствомъ, грѣхомъ противъ шестой заповѣди, разумѣть не одно насильственное отнятіе-

жизни ближняго, а безчеловѣчный отказъ ему въ средствахъ для поддержанія жизни, скупой не удержится отъ этого грѣха. Если законное супружество покажется скупому тяжелымъ по неизбѣжнымъ тратамъ на семью, онъ предпочтетъ остаться холостякомъ и вести незаконную жизнь, посягая на честь оскверняемыхъ имъ жертвъ (развратъ). Теперь онъ не воруетъ и не грабитъ, но со временемъ страсть корыстолюбія ваставитъ его прибѣгать къ безчестнымъ средствамъ для обогащенія себя, на примѣръ, къ жидовскому ростовщичеству, соединенному съ соблюденіемъ законныхъ формальностей для отнятія собственности у ближняго. Теперь онъ смѣло говоритъ, что исполнилъ заповѣдь любить ближняго, какъ самого себя; но это ему только кажется такъ, — это значитъ, что ему еще не представлялся случай доказать искренность своей любви къ ближнему какими-нибудь пожертвованіями изъ своей собственности въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда представится подобный случай, онъ не приметъ никакого участія даже въ тѣхъ людяхъ, которые почитали его своимъ другомъ. Сердцевѣдецъ Господь Іисусъ предвидѣлъ всѣ подобныя послѣдствія любостыжанія, какимъ зараженъ былъ юноша, и потому, жалѣя его, далъ ему совѣтъ, исполненіе котораго могло бы спасти его отъ гибели, потребовалъ отъ него самоотверженія, подобнаго тому, какъ еслибы для избѣжанія зараженія болѣзнію всего тѣла понадобилось отдать руку на отсѣченіе, глазное яблоко на избоденіе. Это мучительная жертва, но вмѣстѣ спасительная, если она необходима для прекращенія опасности загубить преждевременно свою жизнь, опасности зараженія болѣзнію всего тѣла.

Жалко положеніе юноши, не принявшаго отъ Спасителя совѣта, не захотѣвшаго разстаться со своими стяжаніями и отказавшагося отъ общенія съ Нимъ. Но не будемъ осуждать несчастнаго юношу въ виду того, что та же самая опасность грозитъ и каждому изъ насъ. Никто изъ насъ не можетъ ручаться за себя, что устоять противъ искушеній

корыстолюбія. Будемъ подражать Премудрому, который, не надѣясь побѣдить искушеніе любостыжанія, молилъ Господа: «нищеты и богатства не давай мнѣ, питай меня насущнымъ хлѣбомъ, дабы пресытившись, я не отрекся отъ тебя и не сказалъ: кто Господь? И чтобы, обѣднѣвъ, не сталъ красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притч. 10, 8. 9). Отъ опасности богозабвенія, угрожающей богатымъ людямъ, неоднократно Господь Богъ устами Моисея предостерегалъ Израильскій народъ предъ водвореніемъ его въ землѣ обѣтованной. «Здѣсь, когда будешь ѣсть и насыщаться, и построишь хорошіе дома и будешь жить въ нихъ, и когда будетъ у тебя много крупнаго и мелкаго скота, и будетъ много серебра и золота, и всего у тебя будетъ много, то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забылъ ты Господа Бога твоего, чтобы ты не сказалъ въ сердцѣ твоёмъ: «моя сила и крѣпость руки мои приобрѣли мнѣ богатство сіе», но чтобы помнилъ Господа Бога твоего, ибо Онъ даетъ тебѣ силу приобрѣтать богатство» (Втор. 8, 13. 14. 17. 18; 7, 17; 9, 4). Вотъ почему и самъ Христосъ Спаситель, предостерегая насъ отъ пристрастія къ богатству, научилъ насъ просить Отца небеснаго, да даруетъ намъ только хлѣбъ насущный, то-есть да даруетъ намъ только то, что нужно для удовлетворенія потребностей, а отнюдь не для прихотей. Главная потребность для жизни тѣлесной есть хлѣбъ. Если я имѣю хлѣбъ, то, насыщаясь хлѣбомъ, я буду имѣть силы для приобрѣтенія другихъ благъ, потребныхъ для моего благосостоянія. Но и хлѣба я долженъ просить столько, сколько нужно для того, чтобы съ голода не умереть. Я долженъ воодушевлять себя надеждою, что не только буду сытъ и здоровъ, довольствуясь насущнымъ хлѣбомъ, но еще уцѣленъ буду отъ Бога и другими земными благами, если только главнымъ предметомъ моихъ заботъ будетъ царствіе Божіе и правда Божія, то-есть праведная жизнь, согласная съ волею Божіею. Если всего этого я буду искать и желать больше всего на свѣтѣ, то и прочія блага даны мнѣ будутъ

Господомъ безъ особеннаго съ моей стороны труда. Но въ послѣднемъ случаѣ требуется одна предосторожность: *богатство аще течетъ, не прилагайте къ нему сердца* (Псал. 61, 11), чтобы не впасть въ искушеніе корыстолюбія съ его пагубными послѣдствіями, отъ чего да сохранить насъ Господь Своею благодатію.

Епископъ Виссаріонъ.

О. ИГУМЕНЪ ДАНИИЛЪ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЕЭСИМАНСКАГО СКИТА И ПЕЩЕРЬ.*

VI.

О. игуменъ Даниилъ былъ и замѣчательнымъ администраторомъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ въ настоящее время вообще стало трудно управлять людьми. Не мало трудностей выпадаетъ въ данномъ случаѣ и на долю каждаго начальника монастыря. Въ монастыри вѣдь приходятъ люди большею частію почти безъ всякаго образованія, испытавши уже свои силы на всевозможныхъ поприщахъ дѣятельности. Нѣкоторые приходятъ въ монастырь, какъ въ послѣднее свое убѣжище, потому что жизнь нигдѣ не приняла ихъ. Сколько же нужно умѣнья, терпѣнья, чтобы хотя сколько-нибудь перевоспитать пришедшаго, привести его въ разумъ и чувство, заставить хотя отчасти полюбить монашескую жизнь со всевозможными ея ограниченіями и прещеніями. Было одно обстоятельство, которое еще болѣе затрудняло служеніе о. игумена, какъ начальника монастыря. Геэсиманскій скитъ — общежительный монастырь. Въ немъ братія не получаетъ на руки никакихъ денегъ. Монастырь даетъ каждому только пищу и одежду, обувь, бесплатную келлію, отопленіе и освѣщеніе. Кругомъ же скита всюду штатные монастыри, гдѣ, кромѣ бесплатнаго стола и келліи, выдаются на руки еще довольно

*) Окончаніе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чит.* 1902 г.

значительныя деньги. Достаточно при этомъ вспомнить одну Лавру, которая своимъ богатствомъ со всѣхъ концовъ Россіи влечетъ людей къ себѣ. Такимъ образомъ о. игумену приходилось охранять свою братію отъ великаго соблазна—оставить скитъ, чтобы воспользоваться различными внѣшними преимуществами жизни въ Лаврѣ или въ какомъ-нибудь другомъ штатномъ монастырѣ.

Трудно было о. игумену Даниилу пасти и оберегать свое стадо. Однажды, сѣтуя на трудность начальствованія, онъ говорилъ покойному митрополиту Сергію:

— Кто въ нынѣшнее время хочетъ быть начальникомъ, того сначала нужно розгами, потомъ спросить: хочетъ ли онъ начальствовать. Если онъ скажетъ и послѣ этого, что желаетъ быть начальникомъ, то снова его нужно розгами, а потомъ повторить тотъ же вопросъ...

Конечно, приточная рѣчь о. игумена очень понятна. Владыка митрополитъ не только вполне согласился съ нимъ, но и подтвердилъ его мысль различными примѣрами изъ своей жизни.

Но несмотря на всѣ эти затрудненія, о. игумену удалось поддержать въ своей обители не только возможно строгій порядокъ жизни, но и увеличить число братіи до 220 человѣкъ, между тѣмъ какъ раньше здѣсь насчитывалось всего лишь нѣсколько десятковъ.

О. игуменъ Даниилъ имѣлъ особенный даръ быстро понимать людей, умѣнье оцѣнить cadaго по его достоинству, а не по тому, какимъ онъ старается казаться. Когда къ нему кто-либо приходилъ въ келлію или подходилъ подъ благословеніе, онъ такъ внимательно смотрѣлъ на того, такъ слѣдилъ за каждымъ самымъ незначительнымъ его движеніемъ, такъ прислушивался къ каждому его слову, что сразу видно было его намѣреніе — заглянуть въ самую глубь души пришедшаго. Онъ умѣлъ заглянуть въ сердце человѣка, грудь котораго прикрыта армякомъ или тулупомъ, который ничего не видалъ кромѣ своей деревни. Умѣлъ заглянуть и въ сердце человѣка, который

уже успѣлъ растратить на жизненномъ пиру почти все свое духовное, природное и благопріобрѣтенное, богатство. Тамъ и здѣсь онъ могъ наблюдать и ясно видѣть, что осталось пригоднаго для воссозданія человѣка, устройства его жизни совершенно на новыхъ началахъ. Это-то знаніе души человѣческой и дало возможность о. игумену не только не разорить свою обитель, но и благоустроить и благоумножить ее. Замѣчательно, покойный весьма рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ различныхъ людей. Были нерѣдко такіе случаи. Бывало иногда о. игуменъ накажетъ кого-либо изъ братіи или даже вышлетъ какого-нибудь послушника совсѣмъ изъ обители. Нѣкоторые начинали ходатайствовать предъ о. игуменомъ за провинившихся и наказанныхъ имъ. Иногда онъ уступалъ просьбамъ ходатаевъ и прощалъ виноватыхъ. Но вскорѣ ему приходилось раскаиваться въ томъ, что онъ послушался другихъ: прощенные не только не исправлялись, но еще дѣлались хуже. Раскаивались и просившіе за нихъ, свидѣтельствуя, что о. игуменъ былъ дальновиднѣе ихъ.

Принимая въ обитель всегда съ большою осторожностью, о. игуменъ зорко слѣдилъ за каждымъ новопришедшимъ. Отъ его вниманія не укрывался ни одинъ шагъ новичка. Мало того, весьма скоро для наблюдательнаго игумена дѣлались ясными всѣ недостатки и достоинства пришедшаго. Онъ видѣлъ, чего можно было ожидать отъ пришедшаго и чего нельзя,—узнавалъ, какія средства необходимы для руководства его по скользкому и тернистому пути монастырскаго послушанія. Вотъ почему онъ всегда брался врачевать немощныхъ смѣло и рѣшительно. Непокорныхъ и неисправныхъ, какъ онъ самъ выражался, онъ наказывалъ «хотя мягконько, но и крѣпконько». Сварливому и неисправному брату давалось какое-либо болѣе трудное послушаніе, чѣмъ на какомъ онъ былъ прежде. Братъ смирялся, а послушаніе нѣкоторое время оставалось еще на немъ. Бывали случаи, что иной и не выдержать, уйдетъ изъ монастыря. Такого обыкновенно прово-

жали изъ монастыря безъ сожалѣнія и скорби: «худая трава изъ поля вонъ». И дѣйствительно, о. игумену не приходилось раскаиваться. Очень часто доходили до скита слухи, что братъ, оставившій скитъ, не уживался и въ томъ монастырѣ, куда поступалъ, ища свободы и простора. Такимъ образомъ, «испытаніе», назначаемое о. игуменомъ, для многихъ было пробнымъ камнемъ. Кто выдерживалъ его, видно было, что онъ былъ твердый, устойчивый человѣкъ, воинъ Христовъ, настоящій инокъ, котораго не испугаютъ никакія трудности иноческой жизни и никакія послушанія. Благодаря этому въ скиту оставались только хорошіе иноки.

Какъ въ рѣшетѣ просѣваются всѣ сорныя травы, остается одна только чистая пшеница; такъ и въ обители въ горнилѣ испытаній просѣвались всѣ слабые и менѣе способные люди; здѣсь большею частію оставалась только чистая пшеница, люди и высокой духовной жизни, и великаго самоотверженія, трудолюбія, послушанія. И это вполнѣ справедливо. Среди братіи скита есть не мало людей, которые прожили въ обители уже болѣе 40 лѣтъ. Нѣкоторые изъ братіи болѣе 20 лѣтъ не выходили почти даже за стѣны своей обители, иные отказались отъ высшихъ должностей, на какія ихъ приглашали въ другія епархіи. Есть среди братіи и ученые иноки, извѣстные своими трудами, но они нисколько не тяготятся тѣмъ сравнительно скромнымъ положеніемъ, какое занимаютъ все время въ монастырѣ.

Къ мѣрамъ наказанія, впрочемъ, покойный о. игумень прибѣгалъ далеко не всегда. Когда было необходимо, онъ болѣе самъ терпѣлъ отъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ старался воздать имъ должное за ихъ недочеты. Иногда ему говорили даже въ глаза какія-либо дерзости. Видя, что это происходитъ скорѣе отъ нѣкоторой горячности брата, чѣмъ отъ его испорченности, о. игумень сносилъ все молча, или же весьма искусно все обращалъ въ шутку, и подчиненный уходилъ отъ него въ добромъ расположеніи духа, съ миромъ въ душѣ. Иногда онъ выговаривалъ

провинившемуся брату, боясь оскорбить и смутить его, такъ тонко, что тотъ долгое время ничего не понималъ и только въ послѣдствіи догадывался, куда клонилась притча, приточная рѣчь о. игумена. Понявши глубокое благоразуміе о. игумена, онъ оставался вдвойнѣ ему благодарнымъ и признательнымъ. Терпѣніе и искусство о. игумена въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ подчасъ прямо поразительны. Нѣкоторые изъ братіи иногда были видимо къ нему нерасположены, но онъ принималъ ихъ всегда, какъ дорогихъ гостей. Если обѣдалъ дома, то сажалъ за столъ и угощалъ, чѣмъ только могъ и какъ только могъ, совершенно не показывая имъ и тѣни непріязни и нерасположенія. Поступая такимъ образомъ, онъ владѣлъ и душами тѣхъ, которыми бы многимъ не удалось владѣть никоимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ.

За труды, послушаніе и благонравіе о. игуменъ всегда умѣлъ награждать каждого по всей справедливости. Всякій, кто трудился съ полнымъ самоотверженіемъ для обители и былъ весьма полезнымъ въ ней членомъ, прекрасно зналъ, что онъ не останется безъ награды. И дѣйствительно, всѣ подобные труженики иноки отъ о. игумена получали всегда за свои труды должное. Они быстро опережали даже тѣхъ, которые хотя и дольше ихъ жили въ обители, но меньше трудились и меньше сдѣлали для блага ея. Такое отношеніе къ дѣлу вселяло въ каждого работника бодрое настроеніе и придавало ему силы въ трудѣ и борьбѣ, какіе выпадали здѣсь на его долю.

Многочисленные почитатели о. игумена щедро одѣляли его различными дарами. Покойный не любилъ пользоваться всѣми щедротами одинъ только, или, лучше сказать, онъ ими никогда не пользовался. Нерѣдко бывало онъ отсылалъ что-либо изъ присланнаго то одному изъ братіи, то другому. Я и самъ видалъ это не разъ. Такъ поступаетъ хорошій отецъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, которыхъ онъ горячо любитъ. А вниманіе о. игумена къ служившимъ ему просто удивительно. Онъ заботился о нихъ,

какъ отецъ, утѣшалъ въ скорбяхъ, ничего отъ нихъ не запиралъ и ничего не скрывалъ. Умѣлъ онъ цѣнить ихъ заботу о себѣ. Всѣ помнятъ, какъ, наприм., относился о. игумень къ своему недавно умершему келейнику іеромонаху Григорію, отличавшемуся необыкновенною чистотою и высотой жизни, извѣстному нѣкоторымъ весьма высокопоставленнымъ даже лицамъ.

Много приходилось о. игумену переносить всевозможныхъ невзгодъ въ своей трудовой жизни, много терпѣть скорбей и страдать за свою братію, много болѣть тѣлесно. Но приходящіе къ нему по какимъ-либо дѣламъ, кажется, никогда не видали его въ угрюмомъ и раздраженномъ состояніи. Онъ умѣлъ скрыть свое настроеніе и быть съ приходившимъ ласковымъ и добрымъ. Такъ поступаетъ добрый отецъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Боясь омрачить дѣтей и развѣять ихъ беззаботное доброе настроеніе, онъ скрываетъ отъ нихъ тщательно свои скорби, до которыхъ имъ нѣтъ никакого дѣла.

Къ престарѣлымъ, удрученнымъ болѣзнями и не мало потрудившимся для обители старцамъ, о. игумень относился также съ большимъ вниманіемъ. Онъ заботился, чтобы у нихъ рѣшительно ни въ чемъ недостатка не было. Посылалъ имъ иногда что-либо изъ различныхъ вещественныхъ иноческихъ «утѣшеній», посылалъ деньги на различныя ихъ нужды, какъ будто бы они еще были вполне полезные для обители иноки. Онъ приказывалъ братіи ходить за такими старцами съ особеннымъ вниманіемъ, жизнь ихъ обставлялъ возможными удобствами. Нѣкоторые изъ старцевъ жили не одинъ годъ, пользуясь такимъ неизмѣннымъ вниманіемъ своего начальника. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ относился о. игумень къ старцамъ іеромонахамъ Памвѣ и Іереміи.

Обращающихся за помощью о. игумень не любилъ отсылать безъ помощи. Особенно онъ былъ сострадательнъ къ нищимъ. Своимъ келейнымъ онъ всегда давалъ деньги для раздачи ихъ бѣднымъ: кому 3, кому 5, кому 10 коп.,

нѣкоторымъ по 50 коп., а инымъ по рублю. Видя безвыходную нужду, онъ давалъ пришедшему столько, сколько ему было нужно; въ это время уже никто не могъ его отговорить отъ состраданія и сочувствія ближнему. Не жаловалъ онъ только нищихъ здоровыхъ, крѣпкихъ и вполне способныхъ къ труду.

Монаховъ и монашество любилъ и цѣнилъ. Поэтому всегда стоялъ за иноковъ и отстаивалъ ихъ, какимъ бы нареканіямъ ихъ жизнь не подвергалась. Зная прекрасно всѣ недочеты иноковъ, онъ умѣлъ снисходительно относиться къ тому, къ чему другой относится строго, сурово, не пройдя самъ монашеской школы. Онъ умѣлъ отличить важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго, возможное почти отъ неизбѣжнаго.

О. игуменъ не любилъ самъ оставаться безъ дѣла ни одной минуты. Не любилъ онъ бездѣлья и среди братіи. Зорко постоянно слѣдя за собой, онъ не менѣе зорко слѣдилъ и за братіей, прося и требуя, чтобы каждый проходилъ свое послушаніе вполне безукоризненно. Весьма тщательно слѣдилъ о. игуменъ за исправнымъ посѣщеніемъ братіей богослуженій. Зоркій глазъ о. игумена бывало быстро усмотритъ, кого изъ братіи нѣтъ въ храмѣ. По окончаніи богослуженія онъ обыкновенно вызывалъ провинившагося и дѣлалъ ему какое-либо вразумленіе и наставленіе. Особенно внимательно слѣдилъ о. игуменъ за точнымъ выполненіемъ монастырскаго и въ частности скитскаго устава. При немъ было сохранено древнее столповое пѣніе, скитское правило съ многочисленными поклонами, строгость трапезы особенно по постамъ, поддерживалось въ скиту уединеніе и безмолвіе. Можно сказать, что при немъ скитъ не утратилъ того духа, какой царилъ въ немъ въ самомъ началѣ, въ первые годы его существованія. За это нужно сказать особое спасибо о. игумену. Онъ старался даже возстановить упавшее въ скиту схимничество...

Находясь подъ такимъ мудрымъ водительство, братія

монастыря замѣчательно дружно работала на благо своей обители. Это въ значительной мѣрѣ объясняется не только административными способностями о. игумена, но и его чисто личною жизнію.

О. игуменъ не пользовался преимуществами своего положенія и велъ жизнь самую простую. Одѣвался просто. Мало того, иногда онъ появлялся въ такихъ ветхихъ одѣянїяхъ, что въ немъ невозможно было признать игумена. Да и когда онъ шелъ въ храмъ, нельзя было отличить его по одеждѣ отъ братіи. Поэтому незнавшіе лично о. игумена часто за благословеніемъ подходили къ простому іеромонаху, а не къ нему. Если когда ему не приходилось трапезовать съ братіей въ общей трапезѣ, то онъ обыкновенно ѣлъ самую простую сельскую пищу. Только для гостей онъ позволялъ что-либо подавать лишнее. Вина не пилъ и не любилъ тѣхъ, кто его пьетъ, особенно неумѣренно. Вставалъ всегда весьма рано. Если когда не бывалъ у утрени, то въ 5-мъ часу утра его уже всегда можно было видѣть на ногахъ за какой-либо работой.

О. игуменъ не любилъ выѣзжать изъ обители. Только крайняя необходимость заставляла его выѣзжать изъ скита куда-либо по дѣламъ монастырскимъ. Чтобы не дать повода къ различнымъ нареканїямъ на себя, выѣзжая изъ обители, онъ всегда бралъ съ собою кого-либо изъ братіи. Это онъ совѣтовалъ дѣлать и каждому изъ монаховъ. Постоянное пребываніе настоятеля въ обители имѣетъ громаднѣйшее значеніе въ дѣлѣ поддержанія порядка среди братіи. Зная, что настоятель постоянно дома, каждый трудится съ одинаковымъ и неослабѣвающимъ усердіемъ. Мысль, что о. начальникъ дома и видитъ каждый шагъ трудящагося, можетъ каждую минуту придти и посмотрѣть на трудъ того или другого, невольно поддерживаетъ въ каждомъ энергію и не даетъ возможности «пуститься».

VIII.

По отношенію къ мірскимъ о. игуменъ отличался необыкновеннымъ, рѣдкимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Никто изъ приходящихъ къ нему не уходилъ отъ него «тощъ». Это необыкновенное его радушіе снискало ему любовь многихъ людей, изъ которыхъ было не мало и высокопоставленныхъ, и весьма богатыхъ. Радушіе о. игумена неудержимо влекло ихъ къ нему. Когда они только бывали въ Посадѣ, всегда почти считали своимъ долгомъ бывать и въ скиту. И дѣйствительно, что другое, какъ не самое искреннее и беззавѣтное радушіе нужно человѣку богатому, не нуждающемуся ни въ какомъ кускѣ хлѣба, или человѣку высокопоставленному?

Я гдѣ-то читалъ, что на самомъ прекрасномъ пиру можно сохранить полное воздержаніе. Эти строки вполне можно отнести къ покойному о. игумену. Угощая своихъ гостей, онъ почти ничего самъ не ѣлъ. Все лучшее, что подавали къ столу, онъ обыкновенно раздѣлялъ между трапезовавшими, а себѣ оставлялъ только то, что уже оставалось послѣ всѣхъ. Послѣ трапезы онъ старался надѣлать чѣмъ либо каждому еще и на дорогу. Нерѣдко бывало такъ: дарили о. игумену что-либо хорошее его многочисленные почитатели или же поспѣвали рано въ монастырскомъ саду какіе-либо плоды; онъ спѣшилъ тотчасъ же всѣмъ подѣлиться съ своими знакомыми, благотворителями, благодѣтелями. Иногда онъ присылалъ даже на домъ что-нибудь отъ своихъ щедротъ съ особымъ гонцомъ. Если кто изъ именитыхъ людей пріѣзжалъ въ скитъ, о. игуменъ спѣшилъ такъ или иначе оказать ему вниманіе. Пріѣхавшему неожиданно посылалось то прекрасное молоко, то различные монастырскіе фрукты, то бѣлый горячій монастырскій хлѣбъ, то предлагалась монастырская лошадка, то особый проводникъ по скиту и окрестностямъ его, и гость увѣзжалъ всегда очарованный о. настоятелемъ.

Радущіе и гостепріимство о. игумена никогда не оставались вознагражденными, конечно, совершенно добровольно, безъ всякаго принужденія, безъ всякихъ намековъ. Даже больше того, каждый приносилъ лепту въ обитель съ великой охотой. Можно безъ преувеличенія сказать, что «ягодки», «чай» и «трапеза» покойнаго о. игумена стоили многимъ очень дорого... За нихъ ему давали не только сотни и тысячи рублей, но и десятки даже тысячъ. Его умѣнью обходиться съ людьми скитъ въ значительной мѣрѣ обязанъ тѣмъ внѣшнимъ благоустройствомъ и процвѣтаніемъ, какого онъ теперь достигъ. Принимать гостей для истиннаго монаха — плохая забава. Не мало стоило труда, не мало приносило заботъ и покойному это радущіе и гостепріимство. Но онъ забывалъ все—и трудъ, и хлопоты, и нездоровье свое. Часто падая отъ изнеможенія или болѣзни, онъ все-таки старался каждаго обласкать и привѣтить. Онъ зналъ, что трудится не для себя, а для блага своей св. обители, и трудился, сколько могъ и какъ только могъ.

Покойный отличался замѣчательнымъ умѣньемъ сразу безъ всякаго приступа и подхода завладѣть человѣкомъ и заставить его чувствовать себя просто, какъ у себя дома. Бесѣда съ чопорнаго «вы» скоро переходила на «ты» и лилась неукротимымъ потокомъ. Приводились всевозможные примѣры изъ пролога, четьи-миней, изреченія различныхъ старцевъ, отдѣльныя мѣткія выраженія церковно-богослужебныхъ книгъ. Не было случая въ жизни пришедшаго, котораго бы о. игумень не былъ въ состояніи освѣтить съ церковной точки зрѣнія и разрѣшить такъ здраво, такъ трезво, какъ дай Богъ всякому. О. игумень часто любилъ говорить притчами и въ притчѣ иногда высказывалъ очень глубокія мысли. Не только малообразованные, но и весьма образованные люди нерѣдко поражались мѣткостью его сужденій.

Замѣчательно быстро онъ умѣлъ схватывать и основныя черты настроенія, постояннаго душевнаго уклада каждаго.

Для каждаго онъ находилъ особое названіе, которое всегда заимствовалъ изъ евангелія или церковно-богослужебныхъ книгъ. Одинъ у него являлся фарисеемъ, другой саддукеемъ, третій благоразумнымъ разбойникомъ, четвертый мытаремъ, пятый рыбаремъ, себя называлъ «хлопотливой Марѳой» и т. д. Любопытно, слыша изъ его усть и не совсѣмъ лестныя названія, наприм., «фарисея» люди нисколько не оскорблялись, а даже были еще ему благодарны за то, что онъ такъ мѣтко указалъ ихъ склонность къ буквализму и одной бездушной внѣшности. Худощавыхъ и болѣзненныхъ часто любя называлъ: «ну, чахотка, ѣшь или пей». И это «чахотка» такъ произносилъ, что «чахотка» отъ радости не знала, что и дѣлать. Нерѣдко называлъ людей ласкательными именами. Называлъ также часто и монаховъ, какое бы высокое положеніе они ни занимали, и никто не могъ сердиться за это на о. игумена.

Въ разговорѣ часто смѣшилъ своимъ остроуміемъ и находчивостью. Въ рѣчи его иногда встрѣчались монашескія выраженія, которыя всякому новичку казались на первый разъ такъ же понятными, какъ какая тарабарская грамота. Вотъ онъ предлагаетъ «войлочки повалить», вотъ совѣтуетъ «боченочекъ попарить», вотъ просить «изнурить плоть окаянную» и т. д. Первое на языкѣ о. игумена означало: «нужно отдохнуть», а второе—«нужно чай пить», третье—«время обѣдать».

Если бы о. игуменъ умѣлъ снискать себѣ вниманіе только среди купческаго міра, то этому можно было бы еще не особенно удивляться. Но у него друзей и почитателей было множество среди людей различныхъ образованій, всякихъ званій, состояній и положеній. Со всѣми онъ умѣлъ быть прекраснымъ собесѣдникомъ и среди всѣхъ умѣлъ снискать уваженіе къ себѣ, расположеніе и даже дружбу. Трудно перечислить людей, которые были почитателями о. игумена. Вотъ студенты Академій и Университета, ученые иноки. Его гостепріимствомъ пользовались

не только студенты Московской Академіи, но и студенты другихъ Академій. Нѣкоторые изъ нихъ прїѣзжали, напр., даже изъ Петербурга. Со студентами о. игумень становился самъ какъ бы студентомъ. Бывало шуткой или притчей какой-нибудь такъ «мягконько» пробереть себя сѣдника, какъ не пробираетъ его, можетъ быть, никогда и инспекторъ самъ. Особенно онъ былъ внимателенъ къ только что постриженнымъ ученымъ инокамъ. Первые дни по постриженіи имъ всегда приходилось проводить въ скиту. Бывало о. игумень не разъ пришлетъ справиться о здоровьѣ новопостриженнаго, пришлетъ ему или теплый хлѣбецъ, или баночку вареньяца, прося его за «послушаніе» не отказываться отъ присланнаго. Ни одного монаха не отпустилъ онъ отъ себя, не благословивъ его иконкой Черниговской Божіей Матери. Когда къ нему въ послѣдствіи со службы прїѣзжалъ кто-либо изъ молодыхъ ученыхъ монаховъ, полагавшихъ начало въ его обители, онъ принималъ ихъ необыкновенно сердечно и считалъ обыкновенно за своихъ.

Бывало у покойнаго о. игумена и не мало высокопоставленныхъ лицъ; умѣлъ онъ обходиться и съ ними. Послѣ бесѣды съ о. игуменомъ они обыкновенно оставляли обитель съ самыми лучшими представленіями о ней. Когда нужно было, онъ никому не стѣснялся говорить правду. Въ монастырѣ еще сейчасъ многіе помнятъ, какъ онъ сказалъ однажды одному очень большому петербургскому сановнику, говорившему о справедливости, правосудіи, что «правда осталась теперь только у сенаторовъ на пуговицахъ». Сенаторъ не сразу могъ понять эту притчу. Потомъ съ большой любовью рассказывалъ объ этой притчѣ митрополиту Московскому Сергію и своимъ знакомымъ.

Нѣкоторые владыки митрополиты Московскіе Геесиманскій скитъ выбирали мѣстомъ для своихъ лѣтнихъ отдыховъ отъ многочисленныхъ трудовъ и занятій. Здѣсь проводили лѣтнее время митрополиты Іоанникій и Сергій. Покойный о. игумень отличался поразительною способ-

ностью все предусмотрѣть, устранить всякія затрудненія и предоставить высокому гостю рѣшительно все, что способствуетъ хотя немногому отдохновенію отъ трудовъ. И дѣйствительно, здѣсь въ скиту ничто не смущало души архипастыря, утомленнаго многочисленными епархіальными дѣлами. Чудный воздухъ, тишина, постоянно царящая въ обители, благолѣпіе церковныхъ службъ, высота жизни иноковъ, полная благоустроенность ея, — все это производило глубокое умиротворяющее впечатлѣніе на cadaго архипастыря. О. игуменъ готовъ былъ самъ трудиться съ утра до вечера, лично многое дѣлая своими руками, чтобы только ничто не беспокоило его высокаго гостя. И дѣлалъ онъ все это «не воздыхающе», а съ великою радостью и готовностью. Онъ понималъ, какъ трудно и отвѣтственно положеніе архипастыря и какъ много ему приходится болѣть душой за многихъ, зналъ, какъ архипастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ чужими людьми, мало видитъ участливаго, заботливо-нѣжнаго отношенія къ себѣ... И со стороны нельзя не сказать великаго «спасибо» за это почившему о. игумену. Эту заботливость весьма цѣнили и сами архипастыри, приближая его къ себѣ, дѣлая его отчасти участникомъ своей жизни. Они старались и награждать его. Митрополитъ Іоанникій, напр., во время одного изъ своихъ богослуженій въ скиту, возложилъ на о. игумена палицу, не предупредивъ объ этомъ рѣшительно никого. Видно, что это могъ сдѣлать только человекъ, съ любовію относившійся къ о. игумену.

Не падалъ духомъ о. игуменъ, когда у него бывали и великіе князья, коронованныя иностранныя особы, или наши государи. Онъ удостоился принимать у себя въ скиту покойнаго Государя Александра Александровича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича. Не потерялся о. игуменъ и принимая столь высокихъ и рѣдкихъ гостей. Монастырь былъ убранъ зеленью, дорожки усыпаны цвѣтами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма искусно были сдѣланы ковры

изъ цвѣтовъ. Всюду цариль удивительный порядокъ, и чувствовалась неволью какая-то простота, радушіе. Въ селліяхъ о. игумень удостоился угощать высокихъ гостей чудными монастырскими медами, свѣжимъ молокомъ. Кромѣ того, Государю былъ поднесенъ сложной и тонкой работы деревянный письменный приборъ и много различныхъ мелкихъ вещицъ, выдѣлываемыхъ иноками. Были предложены подобные же подарки въ большомъ количествѣ и всѣмъ сопровождавшимъ Государя. Во время встрѣчи Государя случилась одна исторія. Идя по дорожкамъ, усыпаннымъ цвѣтами черемухи, Государь спросилъ одного монаха:

— Зачѣмъ вы такъ много погубили зелени?

Монахъ въ простотѣ сердечной, безъ всякой дипломатіи, спокойно отвѣчалъ Государю:

— Она все равно погибла бы...

О. игумень нашелся и здѣсь. И Государь остался очень доволенъ простотой отвѣта инока.

Нѣкоторыя изъ монастырскихъ произведеній и издѣлій посылались даже ко Двору.

Въ Геесиманскомъ скиту теперь похоронено не мало уже высокопоставленныхъ лицъ, несмотря на то, что скитъ просуществовалъ всего только 50 лѣтъ. Среди нихъ можно указать лицъ изъ княжеской фамиліи, генераловъ, одного извѣстнаго писателя славянофила и не мало другихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Одинъ изъ генераловъ привезенъ сюда для погребенія даже изъ Манчжуріи. Нельзя и здѣсь не видѣть расположенія всѣхъ этихъ лицъ къ обители, какое сумѣлъ возбудить въ нихъ покойный о. игумень. Замѣчательно, онъ какъ бы и по смерти продолжалъ свое искреннее вниманіе къ нимъ. Нужно было видѣть, съ какимъ торжествомъ хоронились здѣсь покойники. На гробы ихъ нерѣдко возлагались вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, что обильно произрастаютъ въ монастырской богатой оранжереѣ, на погребеніе собиралось много братіи. Могилки ихъ также внимательно украшались и украшаются цвѣтами. Словомъ, всюду видна была заботливость и теплое участіе.

IX.

О. игуменъ давно началъ страдать острымъ ревматизмомъ, неподдававшимся лѣченію. Одно лѣто, по настойчивому требованію врачей, и по благословенію владыки-митрополита, о. игуменъ ѣздилъ въ Одессу на одинъ изъ цѣлебныхъ, грязевыхъ ея лимановъ. Проведя тамъ лѣчебный сезонъ, онъ началъ чувствовать себя довольно удовлетворительно. Нужно было ѣхать на другой годъ для продолженія лѣченія. Этого требовали врачи; благословлялъ его на это путешествіе и владыка-митрополитъ. Но о. игуменъ рѣшилъ не ѣхать туда. Для него тяжело было проводить время внѣ своей св. обители. Съ этого времени его болѣзнь начала все болѣе и болѣе усиливаться. Иногда она принимала такое острое теченіе, что о. игуменъ не могъ безъ посторонней помощи даже пошевелиться. При малѣйшемъ прикосновеніи къ больному мѣсту получалась такая острая, жгучая боль, что и терпѣливый о. игуменъ обыкновенно стоналъ. Болѣзнь иногда его приковывала по цѣлымъ недѣлямъ къ постели. Бывало не разъ такъ, что уже начинали даже терять надежду на его выздоровленіе. Но Господь все хранилъ пока его.

О. игуменъ далеко не былъ еще глубокимъ старцемъ, когда началъ довольно часто и опасно болѣть. Несомнѣнно, онъ жилъ бы значительно дольше, если бы, такъ сказать, самъ не сгорѣлъ въ томъ кипучемъ водоворотѣ жизни, въ какомъ вращался столько лѣтъ изо дня въ день. Перебирая мысленно все, что онъ сдѣлалъ на своемъ вѣку, удивляешься, какъ еще онъ дожилъ до этихъ лѣтъ. Многіе на его мѣстѣ значительно скорѣе окончили бы свое земное поприще. О. игумена иногда просили поберечь себя. Обладая горячимъ темпераментомъ, онъ не могъ этого сдѣлать. Не терпѣлъ онъ бездѣлья и не могъ равнодушно относиться ко всему. Онъ постоянно болѣлъ душой за всѣхъ и за все. А это самые ненадежныя натуры.

Принимая все близко къ сердцу, такіе люди обыкновенно меньше на землѣ живутъ, чѣмъ тѣ, которые относятся ко всему совершенно спокойно и вполне равнодушно.

О. игумень имѣлъ особенную любовь къ иконѣ Черниговской Божіей Матери, много надѣялся на ея чудотворную помощь. Не разъ во время острыхъ приступовъ болѣзни онъ обращался къ ней съ самой теплой и горячей молитвой. Со слезами на глазахъ онъ просилъ дать ему пожить еще хотя пять лѣтъ. Просилъ не для себя, а для блага своей, или вѣрнѣе, ея обители, и его молитва какъ бы доходила до Заступницы и небесной Покровительницы монастыря. Онъ вставалъ съ одра болѣзни и снова принимался съ прежнею неутомимою энергіею за дѣло служенія обители. Въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ приступовъ болѣзни о. игумень просилъ Богоматерь дать ему возможность пожить, только еще одинъ годъ, когда онъ окончитъ свои большія постройки, что началъ въ скиту. И на этотъ разъ онъ какъ бы былъ снова услышанъ Богоматерью. Здоровье вернулось къ о. игумену, и онъ спѣшно продолжалъ приводить къ концу начатыя имъ работы по обители. Замѣчательно, когда онъ померъ, въ обители ничего не осталось недостроеннаго и неоконченнаго. Почти только что былъ положенъ послѣдній камень въ послѣднюю грандіозную постройку о. игумена, какъ онъ и скончался.

О. игумень не страшился смерти. Все время онъ дѣятельно къ ней готовился. Гробъ для себя онъ заказалъ за цѣлыхъ десять лѣтъ до своей кончины, такъ что въ немъ пришлось похоронить одного монаха, котораго о. игумень особенно любилъ. Послѣ этого былъ сдѣланъ еще гробъ и снова приготовлено было все необходимое при погребеніи. Не разъ онъ говорилъ о своей смерти съ своими знакомыми, просилъ ихъ молиться за него. Пишущаго эти строки и многихъ другихъ самъ пригласилъ на свое погребеніе, при жизни устроилъ для себя особый склепъ, самъ освятилъ его. Не боялся онъ смерти;

одного только просилъ у Бога, чтобы часъ смертный не засталъ его неожиданно, неподготовленнымъ къ смерти. Послѣдній разъ заболѣлъ о. игумень въ половинѣ декабря прошедшаго года. Это былъ уже послѣдній приступъ болѣзни. О. игумень слегъ въ постель, съ которой ему не суждено было болѣе подняться. Его утѣшали, обнадеживали, но онъ прямо говорилъ всѣмъ, что уже болѣе не жилецъ на свѣтѣ, и началъ дѣятельно готовиться къ смерти. Теперь для него все какъ бы потеряло всякій смыслъ и значеніе. Управленіе обителію онъ передалъ о. казначею. Все, что было ему подарено различными его почитателями, при жизни распредѣлилъ между всѣми монахами и своими знакомыми. При этомъ никто изъ иноковъ многочисленнаго монастыря не былъ забытъ имъ, начиная отъ перваго и кончая послѣднимъ. Никто не былъ забытъ имъ и изъ его почитателей и знакомыхъ. Были посланы посильныя жертвы даже въ нѣкоторыя обители. За нѣсколько дней до Рождества Христова онъ попросилъ своихъ келейныхъ, чтобы его проводили въ пещеры, гдѣ хотѣлъ помолиться послѣдній разъ. О. іеродіаконъ Израиль помогъ ему дойти до пещеръ. Придя въ пещеры, о. игумень прежде всего спустился въ пещерный храмъ, здѣсь помолился предъ иконой Черниговской Божіей Матери и приложился къ ней. Потомъ, онъ прошелъ въ другой пещерный храмъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, помолился и здѣсь. Возвращаясь оттуда, крѣгомъ алтаря Архистратига Михаила, сдѣлалъ нѣкоторыя указанія рабочимъ, что работали здѣсь. Утомившись онъ сѣлъ противъ чудотворной иконы Божіей Матери на лавочкѣ и долго, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы прощаясь съ нею. Когда братія стала подходить къ нему подъ благословеніе, то онъ сказалъ, что пришелъ сюда уже въ послѣдній разъ. Послѣ этого о. игумень поднялся въ верхній храмъ. Тамъ въ это время служили заупокойную всенощную. Пройдя въ алтарь и будучи нѣ въ состояніи стоять, онъ сѣлъ на ступль. Въ это время ему показали икону Спасителя, на-

писанную на стеклѣ на горнемъ мѣстѣ. Онъ посмотрѣлъ ее, но уже видно было, смотрѣлъ не съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на все раньше. И здѣсь вторично онъ сказалъ братіи, окружавшей его, что болѣе сюда самъ никогда не придетъ: «его принесутъ уже сюда». Помолвившись еще разъ здѣсь, онъ отправился въ скитъ. Хотя ему до своей келліи приходилось пройти всего нѣсколько десятковъ сажень, но онъ уже отъ утомленія не могъ идти. Его привезли отсюда въ скитъ въ экипажѣ.

Предъ праздникомъ Рождества Христова силы его еще болѣе ослабѣли. Въ сочельникъ о. игумену какъ будто стало лучше, и онъ началъ собираться даже служить въ самый праздникъ. Тяжело было оставаться безъ службы старому монаху въ этотъ великій день. Но зная, какъ онъ слабъ, ему отсовѣтовали служить. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ все-таки не могъ оставаться дома въ навечеріе столь большого праздника, и пошелъ къ вечернѣ. Отстоявъ съ трудомъ вечерню, на другой день онъ также не могъ остаться дома и опять пришелъ въ церковь. Отстоявъ обѣдню, о. игумень такъ сильно утомился, что едва дошелъ до своей келліи. Предъ все-нощной онъ пожелалъ исповѣдаться. Приглашенъ былъ духовникъ, у котораго онъ и исповѣдался. Отъ переутомленія ко всенощной о. игумень уже не могъ идти. Поэтому службу ему вычитывали въ келліи. Въ самый день праздника за ранней литургіей въ Успенской церкви онъ причащался св. Таинъ. Послѣ этого онъ уже не выходилъ болѣе въ церковь, а слушалъ литургіи и всеобщія бдѣнія изъ окна своей келліи, къ которой примыкаетъ непосредственно Успенскій храмъ. Съ этихъ поръ о. игумень началъ окончательно готовиться къ смерти. Теперь въ него нельзя было вселить даже луча надежды на выздоровленіе. Ничто его уже не интересовало. И тотъ, кто раньше входилъ во всѣ мелочи монастырской сложной жизни и такъ заботился о всѣхъ, сталъ совершенно неузнаваемымъ. Даже на вопросы, всего ближе касавшіеся

его самого, онъ ничего не отвѣчалъ. На вопросъ келейныхъ, что ему приготовить покушать, какую подать одежду или какое бѣлье, онъ всегда отвѣчалъ одинаково: «что дадите».

12 января въ 12 часовъ дня онъ послѣдній разъ вызжалъ на прогулку. Онъ какъ бы хотѣлъ проститься теперь съ тѣмъ міромъ, въ которомъ столько прожилъ.

24 января въ 3 часа дня надъ о. игуменомъ было совершенно елеосвященіе, послѣ котораго съ нимъ прощалась вся братія. Прощаніе было необыкновенно трогательное, картина потрясающая. Многіе не могли въ эти минуты удержаться отъ слезъ и плакали. Плакали не только люди, близко стоявшіе къ нему, но и далеко стоявшіе и мало видавшіе его. Какъ напоминала эта картина картину прощанія отца съ своими дѣтьми. Но здѣсь слезы отъ горечи разлуки умѣрялись твердою надеждою на Божіе милосердіе къ болящему и на продолженіе общенія съ нимъ за гробомъ. Вечеромъ въ день елеосвященія въ 6 часовъ была отслужена всенощная. На этотъ разъ въ храмъ по усердію и вниманію къ болящему пѣлъ весь монастырскій хоръ въ полномъ своемъ составѣ. О. игуменъ слушалъ всенощную изъ келліи.

Послѣ этого, по совѣту доктора, о. игуменъ никого не принималъ къ себѣ, кромѣ духовника, который часто приходилъ исповѣдовать его, и нѣкоторыхъ очень близкихъ лицъ.

За недѣлю до смерти онъ вторично принималъ всю братію и, еще разъ простившись со всѣми, благословилъ каждою иконой Черниговской Божіей Матери. Въ послѣднее время своей жизни никакихъ особенныхъ страданій о. игуменъ не испытывалъ. Были только изрѣдка сердечныя схватки. Поэтому когда бывавшіе у него спрашивали, что у него болитъ, то онъ обыкновенно отвѣчалъ: «ничего не болитъ». Несмотря на большой упадокъ силъ, онъ все-таки продолжалъ еще ходить по комнатамъ, хотя и очень мало. Только за четыре дня до смерти онъ уже оконча-

тельно слегъ въ постелю и не могъ вставать съ нея и уже не вставалъ. Замѣчательно, несмотря на крайне болѣзненное состояніе, онъ просилъ, чтобы ему вычитывали всѣ дневныя службы, которыя онъ старался слушать со вниманіемъ. О. игумень предъ своею смертію почти ежедневно причащался св. Тайнъ.

Во время своей болѣзни о. игумень нерѣдко повторялъ знаменательныя слова: «скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ». Иногда онъ говорилъ, что ему не страшно умирать, а на обычныя утѣшенія бывшихъ съ нимъ отвѣчалъ: «гдѣ вы, я не буду, а гдѣ я, вы всѣ будете». Не задолго до кончины о. игумена одинъ изъ благодѣлателей обители Д. И. Б—въ прислалъ черную съ цвѣточками ризу. Посмотрѣвши на нее, о. игумень сказалъ: «вотъ я умру, вы будете ее тогда обновлять». Слова о. игумена вполне оправдались: выносъ тѣла и первая панихида по о. игуменѣ были совершены въ этой самой ризѣ.

Въ день кончины о. игумена, литургіи по уставу не полагается. Поэтому о. игумень утромъ св. Тайнъ не приобщался. Утреня и часы для него были прочитаны въ келліи. Здоровье его не внушало никакихъ опасеній. Сравнительно съ прошедшими днями ему даже стало какъ будто бы лучше. Глядя на него, нельзя было думать, что это послѣдній день его жизни на землѣ. Въ 8 часовъ утра его посадили въ кресло, сидя въ которомъ онъ выпилъ цѣлую чашку кофе. Послѣ кофе онъ заснулъ и спалъ очень крѣпкимъ сномъ въ теченіе почти двухъ часовъ. Но это былъ его послѣдній сонъ. Проснувшись въ 12 часовъ дня о. игумень немного даже пообѣдалъ. Еще съ утра у него появился кашель. Съ 12 часовъ онъ сталъ постепенно усиливаться. Скоро дѣло приняло такое теченіе, что окружающіе начали уже опасаться за его жизнь. Несмотря на свои страданія, о. игумень заставилъ читать ему акаѳистъ Божіей Матери. Въ 3 часа былъ приглашенъ докторъ, который, осмотрѣвъ больного, на-

чпелъ положеніе его весьма опаснымъ. Начинался отекъ легкихъ. Докторъ началъ предлагать одно за другимъ лѣкарства. Но о. игуменъ сталъ отказываться, съ трудомъ выговаривая при этомъ слова. Онъ хотѣлъ прежде всего пріобщиться св. Таинъ, которыхъ не пріобщался въ этотъ день. Воля о. игумена была исполнена. Сейчасъ же были принесены св. Дары, и онъ былъ пріобщенъ, оставаясь въ полномъ сознаніи. Предъ чтеніемъ отходной о. игуменъ спросилъ: «когда меня будутъ соборовать?» Ему сказали, что его уже соборовали и нѣтъ нужды вторично соборовать. Послѣ этого о. игуменъ спросилъ: «а гдѣ же наша братія?» На вопросъ присутствующихъ: «на что она вамъ? проститься что ли?» о. игуменъ тихо отвѣчалъ: «да». Это «да» было послѣднее его слово, какое онъ сказалъ на землѣ. Сейчасъ же позвали братію. Движеніемъ руки онъ далъ знать окружающимъ, чтобы его посадили на диванъ, что было тотчасъ же исполнено. Начали читать отходную. Вскорѣ послѣ этого онъ впалъ въ предсмертное состояніе и въ такомъ положеніи въ 7 час. 45 мин. вечера тихо скончался на глазахъ у всей братіи. Кончина была настолько тихая и мирная, что братія не замѣтила даже послѣдняго вздоха умершаго. Казалось со стороны, что о. игуменъ тихо заснулъ, а не умеръ. Кончина его—кончина истинно христіанская.

Вѣсть о смерти о. игумена Даниила наполнила большую скорбію не только сердца монастырской братіи, но и сердца всѣхъ, хорошо знавшихъ его. Вотъ почему ко гробу почившаго со дня смерти его начали отовсюду притекать люди для отданія послѣдняго долга. Было не мало пріѣзжихъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Лица, не имѣвшія возможности лично присутствовать на погребеніи, присылали письма, телеграммы, въ которыхъ изливали свою скорбь по случаю смерти о. игумена и выражали свое соболѣзнованіе осиротѣвшей братіи. Приведемъ для примѣра хотя одну изъ подобныхъ телеграммъ.

«Глубоко огорченъ кончиной искренно любимаго мною отца Данила. Вспоминая его всегда неизмѣнную ко мнѣ любовь, полагая, что скитская братія передаетъ землѣ останки своего сына и отца въ день памяти всѣхъ прославленныхъ отъ вѣка преподобныхъ отецъ, въ субботу совершу литургію и панихиду. Восплачемъ, возлюбленный удѣлъ Матери Божіей—Святая Геосиманія! Да будетъ пріять съ ними и нашъ усопшій игумень Данилъ. Поклонъ ему мой до сырой земли. Просящій вашихъ молитвъ любитель скита, грѣшный Епископъ Сергій» (нынѣ Псковскій). Въ нѣкоторыхъ газетахъ были помѣщены замѣтки, посвященныя памяти покойнаго. Изъ корреспонденцій особеннаго вниманія по полнотѣ заслуживаетъ корреспонденція, помѣщенная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Панихиды у гроба служились почти постоянно. Одну панихиду служилъ преосвященный ректоръ Академіи, въ сослуженіи инспектора Академіи, архимандрита Евдокима, и почти всего многочисленнаго академическаго духовенства. А отпѣваніе совершалось съ такою торжественностью, съ какою автору этихъ строкъ до сихъ поръ еще не приходилось видѣть въ своей жизни, да можетъ быть и не придется никогда видѣть.

По смерти тѣло было вынесено въ Успенскій скитскій храмъ. Въ виду малопомѣстительности этого храма и вообще всѣхъ скитскихъ храмовъ, въ виду невозможности присутствовать здѣсь при погребеніи женщинамъ, тѣло покойнаго было перенесено въ пещерный главный храмъ Черниговской Божіей Матери. Но несмотря на громадныя размѣры храма, онъ все-таки весь былъ полонъ молящимся.

Богослуженіе совершалъ преосвященный Ректоръ Академіи, епископъ Арсеній, въ сослуженіи инспектора Академіи архимандрита Евдокима, эконома лавры игумена Досіея, намѣстника Новоспасскаго монастыря игумена Памвы, строителей Махрищскаго монастыря и Зосимовой пустыни, казначея скита, управляющаго пещерами, отца

Варнавы и др. Пѣлъ полный хоръ лаврскихъ пѣвчихъ. За старшаго діакона служилъ архидіаконъ Димитріанъ, отличающійся своимъ необыкновенно трогательнымъ и благолѣпнымъ служеніемъ.

Благолѣпіе священнослужителей, облеченныхъ въ бѣлоснѣжныя облаченія, стройное пѣніе въ минорномъ тонѣ, множество молящихся, возносившихъ молитвы за почившаго единими устами и единымъ сердцемъ, — все это наполняло душу каждаго необыкновенными чувствами. Какъ чудень былъ и этотъ храмъ въ своемъ полномъ блескѣ и полной своей красѣ, залитый весь свѣтомъ, съ массой возженныхъ свѣтильниковъ, — храмъ въ послѣдній разъ пріютившій въ своихъ стѣнахъ своего строителя и хозяина...

На отпѣваніе вышли, кромѣ преосвященнаго Ректора и сослужащаго ему за литургіей духовенства: о. намѣстникъ лавры архимандритъ Павелъ, о. казначей лавры архимандритъ Никонъ, болѣе 40 іеромонаховъ и болѣе 16 іеродіаконовъ. Какъ трогательно было смотрѣть на эти двѣ длинныхъ ленты служащихъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, собравшихся сюда отовсюду изъ своихъ пустынь и различныхъ убѣжищъ. Тутъ были и «ветхіе денги», «сѣдые, какъ лунь», такіе старцы, у которыхъ, казалось, едва душа держалась въ тѣлѣ, и сравнительно съ ними еще совсѣмъ юные. Были и начальники различныхъ обителей, и рядовая братія.

Всему народу были розданы свѣчи. Затеплились сотни огоньковъ вездѣ и всюду. Скоро вся большая площадь храма казалась залитой огнемъ. Священнослужители заняли свои мѣста. Въ храмѣ водворилась полная тишина. Какая чудная и безконечно торжественная эта была минута! Преосвященный сталъ говорить надгробное слово. Преосвященный говорилъ:

«Итакъ, исполнилось твое желаніе, возлюбленный о. игуменъ Данииль. Исполнилось, можетъ быть, даже прежде, чѣмъ ты это предполагалъ. Не разъ еще при жизни ты

мнѣ говорилъ, чтобы я похоронилъ тебя. Теперь я исполняю твою волю.

«Скорбимъ мы всѣ о тебѣ. Скорблю я о тебѣ, ибо лишился въ лицѣ твоёмъ близкаго и дорогого человѣка, столь близкаго, какъ, можетъ быть, ты даже никогда и не предполагалъ. Скорбитъ о тебѣ братія, лишившись своего мудраго руководителя и отца. Скорбятъ о тебѣ люди, живущіе въ міру и глубоко чтившіе тебя за твою жизнь, полную заботъ и различныхъ болѣзней. Многіе изъ нихъ вотъ теперь стоятъ около твоего гроба, проливая слезы и вознося за тебя горячія молитвы къ Всевышнему. Итакъ, не стало рѣдкаго человѣка. Не стало свидѣтеля дѣяній великаго святителя Филарета. Не стало рѣдкаго носителя и выразителя Филаретовскихъ преданій. Не стало истиннаго монаха. Не стало рѣдкаго строителя, начальника и администратора. Не стало отца братіи. Я не буду сплетать на главу почившаго вѣнокъ, въ которомъ онъ теперь не нуждается. Да и зачѣмъ сплестать его? Не краснорѣчивѣ ли всякихъ словъ свидѣтельствуешь о тебѣ вся эта чудная обстановка, среди какой мы сейчасъ находимся. Она создана исключительно твоими руками. Зачѣмъ мнѣ сплестать тебѣ вѣнокъ, когда всюду кругомъ высятся эти величественныя твои созданія—храмы, стѣны, колокольня, корпуса. Они больше говорятъ сердцу человѣка, чѣмъ всякія самыя краснорѣчивыя рѣчи. вмѣсто того, чтобы сплестать тебѣ вѣнокъ, я могу каждому сказать: «возведи окрестъ очи твои и виждь» или еще: «прійди и виждь». Посмотри и убѣдись, что ты не напрасно жилъ на свѣтѣ, что ты не зарылъ своихъ талантовъ въ землю, а работалъ все время, не покладая своихъ рукъ, и обильно приумножилъ данныя тебѣ Богомъ отъ природы таланты. О тебѣ можно смѣло сказать, что ты былъ вѣрный, а не лѣнивый рабъ. А о такихъ рабахъ Господь говорилъ, что они «внидутъ въ радость Господа своего».

Далѣе, преосвященный предложилъ вниманію собравшихся небольшую характеристику почившаго, просиль

всѣхъ блюсти завѣты почившаго и выразилъ твердую надежду на то, что почившій предъ престоломъ праведнѣйшаго Судии не будетъ стоять безъ добрыхъ дѣлъ и безъ молитвъ, какими будутъ сотни людей сопровождать его отшествіе въ иной міръ. Затѣмъ, началось отпѣваніе. Несмотря на то, что монашеское отпѣваніе отличается продолжительностью, оно было выполнено все безъ всякихъ пропусковъ, безъ всякой поспѣшности, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Всѣ весьма горячо и усердно молились за умершаго. Всюду царила тишина. Всѣ какъ бы замерли. Только тамъ или здѣсь по лицу какого-либо почитателя покойнаго тихо катилась слеза. А съ клироса доносилось трогательное и умиротворяющее душу пѣніе. Какъ чуденъ обрядъ христіанскаго погребенія. Какъ много бы потеряли всѣ, если бы въ эти страшные моменты, когда люди лишаются самаго близкаго человѣка, св. Церковь не предстательствовала бы за нихъ своими молитвами.

Трогательно было смотрѣть на прощаніе съ почившимъ. Многіе, творя послѣдній поклонъ предъ гробомъ, долго не могли отъ волненія подняться съ земли. Особенно убивался и скорбѣлъ управляющій пещерами отецъ Досіеѣй, пришедшій одновременно съ почившимъ въ обитель и раздѣлявшій въ жизни съ нимъ все—и горе, и радость.

По окончаніи отпѣванія гробъ былъ поднять іеромонахами и вынесенъ изъ храма. На дворѣ стояло множество народа съ обнаженными головами, легкой вѣтеръ развѣвалъ хоругви, которыя въ стройномъ порядкѣ несли хоругвеносцы. Вотъ вытянулась длинная лента священнослужителей въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Въ преднесеніи хоругвей, при печальномъ перезвонѣ на обѣихъ колокольняхъ,—скитской и пещерной,—въ сопровожденіи братіи обители, множества народа и почти всего духовенства, принимавшаго участіе въ погребеніи, гробъ обнесли кругомъ храма, а потомъ печальная процессія направилась

въ Геесиманскій скитъ. Тамъ, въ особомъ склепѣ, покойнымъ отцомъ игуменомъ было устроено мѣсто для своего вѣчнаго упокоенія. Имъ самимъ оно было освящено и окроплено св. водой. Не разъ при жизни онъ приходилъ сюда и смотрѣлъ на мѣсто своего будущаго покоя отъ заботъ и многочисленныхъ трудовъ.

Процессія съ гробомъ почившаго растянулась на большое пространство. Когда одни были на горѣ Геесиманскаго скита, другіе еще только выходили изъ пещернаго храма. По дорогѣ до могилы было отслужено болѣе 10 литій. У склепа отслужили послѣднюю литію. Провозглашена была послѣдняя вѣчная память. Началось преданіе землѣ. Покрыть крышкою гробъ. Застучали по гробу комки мерзлой земли, и гробъ стали опускать въ склепъ. Тамъ принималъ его на свои руки келейникъ покойнаго о. Израиль, который былъ преданъ покойному необыкновенно, ходилъ за нимъ все время съ бѣльшимъ усердіемъ и самоотверженіемъ, чѣмъ за своимъ роднымъ отцомъ. И здѣсь не обошлось безъ слезъ. Нѣкоторые даже спрашивали: «да умеръ ли онъ?» Не хотѣлось вѣрить, что смерть уже навсегда похитила его изъ среды живыхъ. Покойный такъ сохранился, что въ гробу казался какъ бы спящимъ. Тлѣніе какъ бы совершенно не коснулось его.

По возвращеніи въ обитель, всѣмъ была предложена поминальная трапеза. Трапезовавшихъ угощали съ радушіемъ, напоминавшимъ собою радушіе и гостепріимство покойнаго. Во время трапезы вспоминали о послѣднихъ дняхъ его жизни, о неоднократномъ прощаніи его съ братіей, о благословеніи имъ братіи св. иконами. Вспоминали о послѣднемъ днѣ покойнаго. Не мало и другихъ назидательныхъ и поучительныхъ воспоминаній изъ жизни о. игумена было приведено различными людьми, имѣвшими счастье быть знакомыми съ нимъ. Со стороны казалось, что говорили про *ушедшаго* куда-то. Да, именно онъ *ушелъ* на время туда, куда мы всѣ пойдемъ безъ всякаго исключенія.

Прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня смерти о. игумена Даниила, а тропа къ его могилѣ все еще свѣжа. Думаемъ и вѣримъ, что долго, долго она не зарастетъ, а въ преданіи имя почившаго не изгладится цѣлыя столѣтія ¹⁾. Вѣчный покой тебѣ, рабе благій и вѣрный. Покойся мирнымъ сномъ до радостнаго всеобщаго утра. Если обрѣлъ благодать предъ Богомъ, молись за оставшихся на землѣ. Наша молитва за тебя не престанетъ возноситься къ небу...

Архимандритъ Евдокимъ.

¹⁾ Любовь братіи и мірянъ къ о. игумену нѣкогда выразилась въ поднесеніи ему золотого съ брилліантами креста стоимостью въ 2.500 руб., а вниманіе начальства—въ пожалованіи ордена св. Анны 2-й степени. Думаемъ и вѣримъ, что эта любовь къ о. Даниилу будетъ существовать и въ то время, когда онъ уже находится тамъ за гробомъ, далеко, далеко отъ насъ.

СЕМЬ ПИСЕМЪ ОПТИНСКИХЪ СТАРЦЕВЪ,
іеросхимонаховъ о. АМВРОСІЯ И о. АНАТОЛІЯ

КЪ МОНАХИНѢ NN

ОБЪ УМНОЙ МОЛИТВѢ И О СТАРЧЕСТВѢ.

Ни одно слово опытныхъ въ духовной жизни людей не можетъ не быть дорого и важно человѣку, ищущему духовнаго назиданія и руководства въ дѣлѣ внутренняго, христіанскаго усовершенствованія. Вотъ почему мы думаемъ, что читатели *Душепол. Чтенія*, въ особенности иночествующіе, не посѣтуютъ на насъ за печатаемыя ниже письма блаженныхъ старцевъ Оптиной пустыни, іеросхимонаховъ о. Амвросія и о. Анатолія, къ нѣкоей монахинѣ *объ умной молитвѣ* и отчасти о старчествѣ. Эти письма тѣмъ болѣе интересны, что заключаютъ въ себѣ рѣдкое совпаденіе: они писаны въ одно и то же время, къ одному и тому же лицу, объ одномъ и томъ же предметѣ старцами высокой духовной жизни и большого внутренняго опыта, притомъ со взаимнаго вѣдома и одобренія, такъ что читатель какъ будто одновременно бесѣдуетъ съ ними обоими и слушаетъ, какъ они другъ друга дополняютъ и поясняютъ.

Имя о. Амвросія (Гренкова) прекрасно, конечно, извѣстно читателямъ *Душеп. Чтенія*.

Менѣе извѣстно имя о. Анатолія, и потому считаемъ необходимымъ привести о немъ краткія біографическія свѣдѣнія ¹⁾).

¹⁾ Болѣе подробное жизнеописаніе о. Анатолія и собраніе его пи-

О. Анатолій, въ міръ Алексѣй Моисеевичъ Зерцаловъ, сынъ діакона, окончилъ курсъ въ Калужской духовной семинаріи, послѣ чего нѣсколько лѣтъ былъ чиновникомъ-казенной палаты, а въ 1853 году поступилъ въ Оптиную пустынь, подъ руководство извѣстнаго старца о. Макарія, и проходилъ всѣ обычныя для новоначальнаго монастырскія послушанія.

Будучи внимательнымъ ученикомъ о. Макарія, онъ быстро преуспѣвалъ въ духовной жизни, такъ что въ 1874 году онъ былъ уже назначенъ начальникомъ скита и оставался имъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 25 янв. 1894 года, черезъ два съ половиною года послѣ кончины о. Амвросія. Подобно старцамъ о. Льву и о. Макарію, о. Амвросій и о. Анатолій были связаны узами тѣсной духовной дружбы. Оба они были учениками о. Макарія, у котораго проходили одну и ту же духовную школу, оба они участвовали въ переводахъ и изданіи святоотеческихъ подвижническихъ твореній, оба они явились потомъ духовными руководителями, наставниками и старцами множества душъ, обращавшихся къ нимъ за словомъ назиданія или утѣшенія. Жили они другъ противъ друга. Келлія о. Амвросія находилась по правую сторону св. вратъ скита, а келлія о. Анатолія по лѣвую. Къ той и другой были пристроены снаружи «хибарки» для приема постороннихъ посѣтителей, въ особенности женскаго пола. Всѣ посѣщавшіе о. Амвросія считали долгомъ посѣтить и о. Анатолія — иныхъ самъ о. Амвросій передавалъ для духовнаго руководства о. Анатолію; иные черезъ о. Анатолія обращались къ о. Амвросію. Къ о. Анатолію, еще при жизни о. Амвросія, обращались столь многіе, что иногда ему приходилось сразу отвѣчать на полтора и

семь готовится къ печати, почему всѣхъ, кто имѣетъ о немъ какія-либо свѣдѣнія или письма его, — просимъ не отказать сообщити ихъ по адресу — г. Козельскъ, Калуж. губ., настоятелю Оптиной пустыни, о. игумену Ксенофонту, или г. Саратовъ священнику Сергію Четверикову, во 2-ю гимназію.

болѣ писемъ, не говоря уже о томъ, что въ хибаркѣ у него постоянно толпились духовныя дѣти, жаждавшія личной бесѣды. Въ послѣдніе годы жизни о. Амвросія, о. Анатолій очень много помогаль ему по устройству Шамординой обители, къ которой и самъ онъ былъ душевно расположенъ. — Объ о. Анатоліи передають, что онъ имѣлъ особенный даръ умной молитвы, а служеніе его было особенно торжественно и умирительно. — Онъ былъ высокаго роста и величественной внѣшности. Письма его отличаются горячимъ одушевленіемъ «видящей» вѣры и по мѣстамъ повѣтической красотой изложенія, а вообще — проникнуты простотою, задушевностью и шутливостью. Въ своихъ письмахъ онъ главнымъ образомъ призываетъ къ несомнѣнной вѣрѣ, къ смиренію, терпѣнію и самоукоренію.

Послѣ смерти о. Анатолія остались нѣкоторыя отрывочныя его записки, толкованія на нѣкоторыя мѣста Свящ. Писанія и др. бумаги. — Погребенъ о. Анатолій въ монастырѣ, съ правой стороны главнаго храма Введенія Божіей Матери, къ западу отъ старцевъ Макарія и Амвросія. На его могилѣ воздвигнуть изящный памятникъ бѣлаго мрамора съ надписью: «терпя потерпѣхъ Господа, и внять ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей и отъ брениа тины, и постави на камени нози мои и исправи стопы моя: и вложи во уста моя пѣснь нову, дѣніе Богу нашему» (Псал. 39, 1—4).

Свящ. С. Четвериковъ.

Письмо 1-е (о. Анатоля).

16 февр. 78 г. Батюшка о. Амвросій посылаетъ тебѣ благословеніе. И азъ грѣшный молюсь за тебя, чтобы тебя Господь сподобилъ со святыми въ вѣчной славы своей царствовать. А что матушка и казначея тебя пробираютъ: за это я имъ очень и очень благодаренъ. И ненапрасно. А потому что въ свѣтѣ ничто такъ не помогаетъ молитвѣ, какъ терпѣніе скорбей и любовь къ ближнимъ. Такъ что если бы у тебя не было скорбей, то нужно бы молить милосердаго Господа, чтобы Онъ ихъ послалъ тебѣ... А что дѣлается въ сердцѣ, не безпокойся. Иисусово имя безпокоитъ врага душъ нашихъ, который поселился было въ сердцѣ—вотъ онъ и возится; а ты дѣлай себѣ заповѣданное. Помни, что призываемый тобою Иисусъ сильнѣе врага. Непремѣнно разыщи книгу «семь словъ Марка Подвижника» и читай постоянно. Такъ таки и сиди надъ ней! Миръ тебѣ! Считаю себя хуже всѣхъ на свѣтѣ—вотъ тебѣ и повеселѣть!

Письмо 2-е (его же).

16 апр. 86 г. Получилъ твое письмо и спѣшу тебя успокоить. Первое—ты не слушала меня. Я тебя не одинъ, а много разъ предостерегалъ: когда будетъ утверждаться молитва, *отнюдь не спускай вниманія внизъ*. Иначе блудная страсть замучитъ. И это не есть прелесть, а дѣло естества, происходящее отъ *неправильнаго* умнаго дѣланія. Вотъ если бы ты эту сладость приняла за *благодать*, тогда была бы прелесть. А теперь еще можно поправить дѣло. Тѣмъ больше, что ты сама сознаешь путаницу. А исправленіе начни съ того—*не спускай внизъ вниманія*; а держи умъ въ срединѣ сердца. А если онъ у тебя ужъ повадился спускаться внизъ, то оставь *на время*, и займись чтеніемъ. Хорошо, если бы ты приобрѣла книгу Павсія Величковскаго. Тебѣ надо ее прочесть. Держись этого

правила, и не погибнешь. Молитвы же не оставляй. Такия уклоненія случаются со многими. Миръ тебѣ и спасеніе!

Письмо 3-е (его же).

26 янв. 87 г. Миръ тебѣ и благословеніе Божіе... Получилъ письмо твое. Вижу грусть твою и болѣзнь твою. Ты ропщешь, что я оставилъ тебя. Это неправда: всегда помнилъ и помню, и сердцемъ сочувствую, но я не хотѣлъ понуждать тебя, когда ты изъявила желаніе перейти къ другому отцу. Если бы тебѣ отвѣтить, то нужно бы: или соизволить тебѣ, или возбранить. Но если возбранить, то ты пожалуй приписала бы это самолюбію моему; а соизволить—значить, взять на свою душу отвѣтственность, если новый наставникъ поведетъ тебя инымъ путемъ. А для тебя это вдвойнѣ опасно, потому что ты проходишь путь умной молитвы. А если онъ этого пути и самъ не знаетъ? Куда онъ тебя заведетъ? У меня были опыты, что ученые и даже очень ученые по книгамъ, на дѣлѣ ни на волосъ не понимали этого духовнаго дѣланія. Потому что этотъ путь дается не книгою, а кровью. *Дажь кровь и прими духа.* Но теперь вижу, что твое желаніе перейти къ другому было капризомъ, и потому я обращаюсь къ тебѣ по старинному. Богъ да проститъ тебя во всѣхъ прегрѣшеніяхъ твоихъ. Молитву Иисусову держи по силѣ! А когда ослабѣешь, держи одну память присущія Божія. Что молитва твоя не непрерывна, не скорби:—это тебѣ рано. А благодари Бога за то, что есть.

Письмо 4-е (о. Амвросія).

24 апр. 87 г. Сестра о Господѣ и чадо духовное М. Письмо твое отъ 4-го апр. получилъ. Пишешь, что старцы тебя совсѣмъ оставили. Не думали тебя оставлять, но недосугъ не дозволяетъ писать тебѣ часто. Пишешь, что во время молитвы у тебя бываютъ плотскія движенія и скверные хульные помыслы. Должно быть, ты во время молитвы

держишь вниманіе ума внутри очень низко. Сердце человека находится подъ лѣвымъ сосцемъ, и ежели молящійся человекъ держитъ вниманіе ума ниже, тогда и бываетъ движеніе плоти. Держи больше устную молитву, тогда и избавишься отъ подобныхъ движеній; отъ устной молитвы никто не впадалъ въ прелесть; а умную, сердечную молитву безъ наставленія проходить опасно.

Такая молитва требуетъ наставленія, безгнѣвія, молчанія и смиреннаго самоукоренія во всякомъ непріятномъ случаѣ. Поэтому безопаснѣй всегда держаться молитвы устной, такъ какъ мы скудны въ терпѣніи, смиреніи и безгнѣвіи; потому и требуется молиться особенно во время смущенія и за себя и за оскорбившихъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ. Болѣе писать недосужно. Держись смиренія и самоукоренія, и поможетъ тебѣ Господь.

Простишь пріѣхать. Если и пріѣдешь, не скоро доберешься; потому что я сталъ старъ и слабъ, и народомъ очень обремененъ. Миръ тебѣ и Божіе благословеніе! Многогрѣш. І. Амвросій. Отцу Анатолю пиши и проси отвѣта.

Письмо 5-е (о. Анатоля).

30 окт. 89 г. Миръ тебѣ и благословеніе Божіе, предодобная мать М! Письмо твое получилъ. Когда оно послано, не выставлено. А я тебя просилъ обозначать число и годъ и проч. И грозилъ, что писать не буду. Все ничего! За то и попускаются тебѣ испытанія!

Получивши письмо, я отложилъ его, чтобы заняться особо. Но оно исчезло. Келейники и я все перебрали, перетрясли; но письма нѣтъ. Вотъ только что, случайно, мнѣ отыскали его. Прочитавши письмо твое (отъ неизвестнаго числа), я тогда же пошелъ къ батюшкѣ Амвросію. И вмѣстѣ разбирали его. Мы не нашли въ молитвѣ неправильностей. Только такихъ вещей, какъ благоуханіе, принимать не должно. Объ этомъ пишетъ св. Симеонъ

Новый Богословъ во 2-мъ образѣ молитвы. Сердечнаго мѣста упорно отыскивать не должно: когда возрастетъ молитва, она сама отыщетъ оное. Наше стараніе—заклю-чать умъ *въ слова*—Г. І. Х. С. Б. п. м. Святитель Димитрій учить: «гдѣ умъ, тамъ и сердце».

Что молитва прерывается, это иначе и быть не можетъ. А если постоянно стоитъ, то, учать св. отцы: «убойся. Это волчій путь». А какъ говорить? Что видимъ въ воз-духѣ? То дождь, то солнце, то снѣгъ, то вѣтеръ, то жаръ, то холодъ. Такъ и въ нашемъ устроеніи: одно состояніе быть не можетъ и не должно. А когда прекращается мо-литва умная, берись за устную, или за чтеніе. А когда и это нейдетъ, берись за подѣліе.

А перемѣнять руководителя на полдорогѣ опасно. Ко-нечно, перейти къ батюшкѣ ровно все равно, но это отъ того, что ученіе наше одно; и учитель намъ былъ одинъ. Но не всѣ такъ.

Есть пословица: «каждый молодецъ на свой образецъ». Къ батюшкѣ Амвросію всегда можешь писать, ничто же сумняся. А къ неизвѣстнымъ опасайся. Особенно при твоёмъ устроеніи на полдорогѣ. Богъ тебя благословить продолжатъ начатое дѣло, нимало не утрашайся, ни усумнѣвайся. Богъ намъ помощникъ. Самочинникамъ, правда, должно бояться. А кто, сознавая свою немощь, вопрошаетъ другихъ, тотъ благонадеженъ. Только всегда укоряй и смирай себя. Миръ тебѣ и спасеніе.

Письмо 6 е (о. Амвросія).

7 ноября 89 г. Сестра о Господѣ и чадо духовное М. Миръ тебѣ и Божіе благословеніе и всякое утверженіе въ истинѣ. Возмогай о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его. Письмо твое получилъ. Ты приносишь жалобу на о. Анатолія, что онъ не отвѣчаетъ. Недавно приходилъ ко мнѣ о. Анатолій и съ сожалѣніемъ говорилъ, что долго не отвѣтилъ на твое письмо важнаго содержанія отъ мно-

жества хлопотъ и забвенія. И прибавилъ, что недавно послалъ тебѣ заказное письмо, которое теперь, вѣроятно, ты уже получила.

Тебя врагъ смущаетъ разными недоумѣніями. Отцы святые совѣтуютъ не страшиться, призывая имя Божіе, тѣмъ болѣе, что не самочинно, а по благословенію начала ты дѣло сіе. А чего не понимаешь, оставляй безъ особеннаго значенія, не отвергая и не принимая, какъ совѣтуетъ преп. Маркъ Подвижникъ духовнымъ младенцамъ, какъ, напримѣръ, то, что ты видѣла Христа Распятаго внутри сердца и Спасителя, сѣдящаго въ темницѣ въ красной одеждѣ, и какой-то непонятный свѣтъ. Это и подобное тому предоставляй все волѣ Божіей, говоря себѣ, Богъ единъ вѣсть полезное и спасительное. Прочитай въ Добротолюбіи всѣ мѣста о прелести и остерегайся обозначенныхъ признаковъ прелести. Остальное предоставляй все волѣ Божіей.

Пишешь, что когда творишь молитву, смотришь на сердце. Отцы святые совѣтуютъ во время молитвы смотрѣть внутрь сердца, а не сверху, и не сбоку, и особенно, если вниманіе ума нисходитъ ниже сердца, тогда возбуждается плотская страсть.

Пишешь, что на праздникъ Іоанна Богослова ты отъ изнеможенія ушла изъ церкви въ келлюю и, лежа на постели, увидѣла бѣгущаго врага во всемъ его безобразіи. Впередъ, если изнеможешь въ церкви, сиди, или лежи, но не уходи. Вообще знай, какъ и сама ты читала въ книгахъ отеческихъ, что ни противъ чего такъ врагъ не возстаетъ, какъ противъ молитвы Іисусовой. Поэтому, какъ начала ты держаться молитвы Іисусовой, то и не оставляй ее, а продолжай, уповая на милость и помощь Божію. Силенъ Господь и Царица небесная сохранить насъ отъ золь и бѣдъ, наносимыхъ врагами душевными.

Еще пишешь, что нѣкоторыя сестры у васъ относятся къ Аеонскимъ старцамъ. Но ты ихъ не знаешь, и они тебя. Поэтому и не можетъ быть удобно такое отношеніе.

Призывая на тебя миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ благожеланіемъ многогр. І. Амвросій.

Р. С. Еще въ письмѣ твоемъ сказано, что у тебя дня три было сильное плотское волненіе.. Вѣроятно, осудила кого, или поущено было къ смиренію и испытанію.

Письмо 7-е (о. Анатоля).

$\frac{22}{18}$ іюля 90 г. Миръ тебѣ и благословеніе Божіе! Письмо твое получилъ и внимательно прочелъ. Ничего въ немъ особеннаго не нашелъ касательно молитвеннаго прохожденія. Читай еще 43 главу Каллиста и Игнатія, тамъ всѣ случайности описаны.

А что прекратилась молитва, тому, конечно, есть причина: или самомнѣніе, или осужденіе; а главное, чтобы мы были смиренными.

Касательно явленій свѣта тамъ желтаго или бѣлаго и еще чего—не принимай, какъ тебѣ сказано, т.-е. не проклинай и не увлекайся. Прочти у Марка Подвижника въ Сотницахъ и будь спокойна.

Съ подлинными вѣрно: *Свящ. С. Четвериковъ.*

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ.

Прежня распоряженія о крестныхъ ходахъ.—Крестный ходъ и молебеніе за избавленіе отъ крамолы.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ возбужденія и питанія религіознаго чувства въ сердцахъ добрыхъ христіанъ по справедливости всегда почитались, обставленные особенною торжественностію, крестные ходы. Духовный смыслъ и высокое значеніе ихъ приснопамятный святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, опредѣляетъ такъ: «когда вступаешь въ крестный ходъ, помышляй, что идешь подъ предводительствомъ святыхъ, которыхъ иконы въ немъ шествуютъ, и приближаешься къ самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменуетъ и призываетъ святыню небесную. Присутствіе Креста Господня и святыхъ иконъ, и кропленіе священою водою очищаетъ воздухъ и землю отъ нашихъ грѣховныхъ нечистотъ, удаляетъ темныя силы и приближаетъ свѣтлыя»⁴⁾.

Въ виду такого высокаго значенія крестныхъ ходовъ и ихъ религіозно-воспитательнаго значенія, Церковная Власть всегда заботилась объ ихъ благолѣпнн и старалась устранить всякіе безпорядки, могущіе возникнуть при совершеніи ихъ.

Такъ, въ 1773 году были составлены слѣдующія правила въ руководство духовенству при крестныхъ ходахъ въ Москвѣ.

⁴⁾ См. въ *Душеполезномъ Чтеніи* сентябрь 1893 г.

1. «Когда куда, въ который день крестному хожденію быть должно, тогда всѣмъ тѣмъ священникамъ и діаконамъ, сколько когда ихъ, изъ котораго сорока къ подъему святыхъ иконъ и для вспоможенія имъ на перемѣну, по разсмотрѣнію Большаго Успенскаго собора ключарей назначено будетъ, собираться въ тотъ день къ Успенскому собору заблаговременно, и не позже начала осьмагаго часа по полуночи, а прочимъ всѣмъ, для учрежденія къ тому крестному ходу между собою хорошаго порядка, въ восемь часовъ, и быть всѣмъ безотлучными во всякой готовности и исправности, и для того тѣмъ ключарямъ, сколько когда изъ котораго сорока къ подъему святыхъ иконъ и для вспоможенія первымъ на перемѣну священниковъ и діаконовъ потребно будетъ, давать отъ себя знать заблаговременно и неотмѣнно, наканунѣ того дня, консисторіи, а отъ консисторіи закащикамъ, а на противу того онымъ закащикамъ, получать извѣстія того жъ часа, назнача тѣхъ священниковъ и діаконовъ требуемое число, и подтвердя имъ всѣмъ, чтобъ они въ назначенное время и мѣсто неотмѣнно явились, посылать о нихъ къ тѣмъ ключарямъ имянные реэстры, по которымъ и должны они, кому изъ нихъ, при какой иконѣ быть, и кому ихъ въ случаѣ усталости перемѣнить должно, учинить надлежащее распоряженіе и тѣмъ священнослужителямъ о бытіи каждому изъ нихъ при своемъ мѣстѣ безотлучно, и о перемѣнѣ другъ друга безотговорочно строжайшее подтвержденіе, потому что въ который крестный ходъ, которому сороку и сколько какихъ святыхъ иконъ и для подъема ихъ священнослужителей должно быть, о томъ всемъ въ консисторіи обстоятельнаго свѣдѣнія нѣтъ, а находится оное въ Успенскомъ соборѣ по записной книгѣ у ключарей».

2. «Во время къ сбору на Ивановской колокольнѣ благовѣста самимъ сороковымъ закащикамъ каждому своего сорока священнику и діакону въ обыкновенномъ мѣстѣ уставить по сорокамъ и десяткамъ стройно по два въ

рядъ, и притомъ подтвердить имъ, чтобъ они до понесенія хоругвей и до начатія процессіи стояли неподвижно, а какъ она начнется, то потомъ изъ нихъ слѣдовать съ крайнимъ благоговѣніемъ, порядочно, по сорокамъ и десяткамъ, и подъ смотрѣніемъ десятонаачальниковъ, а надъ ними самими закащиковъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, діаконамъ по два въ рядъ и каждому въ своемъ сорокѣ и десяткѣ, не переходя съ мѣста на мѣсто; за діаконами приходскихъ ружныхъ и соборныхъ церковей священникамъ по два же въ рядъ и такимъ же порядкомъ, какъ и діаконамъ, и вмѣсто себя викарныхъ отнюдь не посылать, и какъ отъ святыхъ иконъ, такъ и отъ бываемыхъ въ тѣхъ крестныхъ хожденіяхъ властей, впередъ не уходить».

3. «При всемъ же томъ онымъ священникамъ и діаконамъ никакого, какъ между собою, такъ и съ посторонними ни съ кѣмъ празднословія, а наипаче смѣхотворства, и другихъ неприличныхъ священному чину безчинствъ, отнюдь не производитъ и никакихъ непристойностей не чинить, а притомъ и тростей въ рукахъ не имѣть, а наблюдать каждому изъ нихъ приличную ихъ сану честность и благопристойность».

4. «По приходѣ въ учрежденное мѣсто крестнаго хода быть имъ всѣмъ въ церкви, куда оный ходъ бываетъ, неисходно, и при возвращеніи онаго хода въ Успенскій соборъ всякій бы изъ нихъ явился къ своему десятонаачальнику и закащикю, и шли бы всѣ таковымъ же порядкомъ, какъ и изъ собора, чего надъ ними накрѣпко наблюдать десятонаачальникамъ и самимъ закащикамъ, а сверхъ ихъ и череднымъ десятскимъ, коихъ каждому закащикю для должныхъ къ поправленію непорядочно идущихъ разсылокъ неотмѣнно имѣть при себѣ съ каждаго десятка по два человѣка; кто жъ изъ оныхъ священнослужителей къ крестному ходу не явится и во время онаго куда отлучится, или же въ какой неблагопристойности окажется, о тѣхъ всѣхъ, а особливо о неявившихся къ поднятію свя-

тыхъ иконъ, закащикамъ неопустительно репортовать въ консисторію, а консисторіи по разсмотрѣніи для оштрафованія бы въ силу полученнаго изъ конторы Святѣйшаго Синода, 1772 года, августа 24 дня, Указа представлять во оную Святѣйшаго Правительствующаго Синода контору со мнѣніемъ».

5. «Ежели же кто изъ тѣхъ священнослужителей заболѣзнію, или другою какою благословною виною въ крестномъ ходу быть не можетъ, то оный долженъ наканунѣ, или по крайней мѣрѣ того дня поутру, дать знать о томъ закащику письменно, а оному по самоличномъ того освидѣтельствваніи, по тому жъ объ немъ въ срокъ въ консисторію репортовать»¹⁾.

Извѣстно, что начало царствованія въ Бозѣ Почившаго Государа Императора Николая Павловича сопровождалось печальнымъ недоразумѣніемъ. Несмотря на отреченіе Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Константина Павловича отъ престола, по кончинѣ Императора Александра Павловича, Онъ провозглашенъ былъ Императоромъ съ присягою на вѣрнопопданство Ему, а затѣмъ, когда Цесаревичъ подтвердилъ Свое отреченіе, на престолъ вступилъ Великій князь Николай Павловичъ, издавши манифестъ о провозглашеніи Его Императоромъ и о принятіи присяги на вѣрность Ему. Этимъ недоразумѣніемъ воспользовались люди неблагонамѣренныя и произвели страшный открытый бунтъ. Твердымъ характеромъ и несокрушимою силою воли Императора Николая I, при помощи Божіей, мятежъ былъ подавленъ, и тогда Указомъ Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы отъ 17 іюля 1826 года за № 508 было предписано, чтобы 19 іюля того же года было совершено, вслѣдствіе Высочайшей Его Императорскаго Величества.

¹⁾ Приложение къ Указу Моск. Свят. Синода Конторы отъ 10 іюля 1773 г., за № 3003, въ архивѣ Успенскаго собора.

воли, благодарное Господу Богу молебствіе за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіями всему Россійскому Государству (14 декабря 1825 года), съ крестнымъ ходомъ, который долженъ былъ отправиться изъ Чудова монастыря на площадь, гдѣ устроено было мѣсто или амвонъ, по особымъ составленнымъ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ чину и церемоніалу, по примѣру С.-Петербургскаго.

Таковъ былъ церемоніаль крестнаго хода и благодарственнаго Господу Богу молебствія за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіями всему Россійскому Государству.

1. Юля 19 дня, въ понедѣльникъ священники, діаконы и потребное число причетниковъ соберутся въ Успенскій соборъ въ шесть часовъ утра.

2. Облаченія должны быть праздничныя, парчевыя, цвѣтныя, а бѣлымъ и бархатнымъ одноцвѣтнымъ не быть, чтобы не было большого разнообразія.

3. Для позднихъ литургій оставить благочиннымъ въ каждомъ вѣдомствѣ по три священника, изъ старшихъ лѣтами и болѣе немощныхъ.

4. Для лучшаго соблюденія порядка, назначаются распорядителями, кромѣ Успенскаго сакелларія, Златоустовскій архимандритъ, и протоіереи—каедральный и Казанскій отъ Калужскихъ воротъ.

5. Собравшіеся въ Успенскій соборъ поднимаютъ святыню по обыкновенію,—кромѣ большаго фонаря и большаго креста, — и принесутъ въ Чудовъ монастырь, въ Алексіевскій алтарь, прямо, есть ли еще не началась литургія, а есть ли началась, то чрезъ алтарь Благовѣщенскій.

6. Хоругви будутъ ожидать на паперти.

7. Въ назначенный часъ въ Алексіевской церкви совершена будетъ Божественная литургія, въ которой сослужащими будутъ члены Синодальной Конторы и Успенскіе пресвитеры.

8. Къ сей литургіи соберутся, какъ преосвященные

архіереи, такъ и настоятели монастырей, съ облаченіями, означенными во второмъ пунктѣ.

9. По окончаніи литургіи долженствующіе нести святыню стоять въ готовности во святомъ алтарѣ; а преосвященные архіереи, и прочее старшее духовенство, вышедъ изъ алтаря, становятся, какъ бываетъ на молебнахъ въ присутствіи Высочайшей фамиліи.

10. При срѣженіи Государыни Императрицы будутъ преосвященные архіереи, сакелларій съ крестомъ и протоіакоу со святою водою.

11. Когда Государыня Императрица изволить стать на своемъ мѣстѣ; тогда хоръ начинаетъ пѣть: «Спаси, Господи, люди Твоя», а духовенство идетъ изъ алтаря чрезъ церковь въ порядкѣ, какъ въ крестные ходы, не останавливаясь среди церкви, но безъ поспѣшности, дабы начальствующій имѣлъ удобность кадить переносимую святыню.

12. Хоругви идутъ впереди до приготовленнаго амвона, дошедъ же до него, располагаются около него, на южной и сѣверной сторонѣ, а на восточной стануть военныя знамена.

13. Какъ скоро духовенство сойдетъ съ паперти Чудовской, младшіе начнутъ останавливаться по обѣимъ сторонамъ, и продолжаютъ располагаться симъ порядкомъ до амвона, такъ чтобы святыня, старшее духовенство и Высочайшая Фамилія проходили къ амвону между двумя рядами духовенства. При семъ надлежитъ наблюсти, чтобы старшій конецъ процессіи достигалъ до амвона.

14. Несущіе святыню взойдутъ на амвонъ и стануть съ восточной стороны на амвонѣ и ступеняхъ.

15. Архимандриты стануть на амвонѣ на сѣверной и южной сторонахъ, оставляя мѣсто для Высочайшей Фамиліи; прочее духовенство, которое не помѣстится въ рядахъ до амвона, станеть по сторонамъ амвона на ступеняхъ и внизу; пѣвчіе у амвона внизу. Пѣніе тропаря оканчивается, и начинается благодарный молебенъ по чину, съ предписаннымъ дополненіемъ.

16. Предъ благодарственною молитвою протодіаконъ авственно для услышанія всѣхъ и для распоряженія въ войскѣ, протяжно возглашаетъ: *Паки и паки во умиленіи сердца и колѣна преклоньше, Господу помолимся.*

17. Послѣ пѣсни: *Тебе, Бога, хвалимъ*, и отпусва, многолѣтіе Высочайшей Фамиліи по обыкновенію.

18. Потомъ: *графу Михаилу и вѣмъ православнымъ воинамъ, души своя за вѣру, Царя и Отечество положившимъ вѣчная память.*

19. Далѣе: *всему вѣрному, храброму, Христоролюбивому воинству многая лѣта.*

20. За симъ начальствующій кроплетъ святою водою знамена и войско. При семъ, смотря по расположенію войска, распорядители примѣчаютъ, возвратится ли начальствующій къ амвону, или съ самымъ дѣйствіемъ кропленія возвращаться будетъ въ монастырь. Въ семъ послѣднемъ случаѣ отдадутъ знакъ, чтобы процессія прежнимъ порядкомъ возвращалась въ Чудовъ, съ наблюденіемъ, чтобы духовенство, стоящее въ рядахъ, оставалось въ семъ порядкѣ, доколѣ возвратится Высочайшая фамилія.

А вотъ и самый чинъ благодарственнаго молебствія 19 іюля 1826 года.

«При выходѣ изъ церкви съ крестнымъ ходомъ, пѣвчіе поютъ тропарь: *Спаси, Господи, люди Твоя* и проч., повторяя оный до пребытія процессіи на назначенное мѣсто. Потомъ начинается молебное пѣніе по чиноположенію. Пѣвчіе поютъ на обѣ стороны псаломъ 19-й: *Услышитъ тя Господь въ день печали*: съ припѣвомъ: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покарайтесь, яко съ нами Богъ.* По окончаніи псалма ектенія: *Миромъ Господу помолимся.* Въ сей ектеніи прошеніе: «о святѣмъ храмѣ семъ» — опустить.

Потомъ, послѣ прошенія: «о плавающихъ», читатъ слѣдующее прошеніе, вновь составленное: *о еже даровати намъ благодать отнынѣ и до вѣка вѣрою и любовію возвъщати хвалу и благодареніе Богу нашему, подавшему державу Благочестивѣйшаго Императора нашего силу и утвержде-*

ніе, и воздавшему намъ радость спасенія Своего, Господу помолимся.

По семъ изъ благодарнаго молебна, за исключеніемъ изъ него двухъ первыхъ прошеній, читая два прошенія слѣдующія:

О еже и нынѣ послушати насъ и проч.

О еже избавити церковь Свою и проч. до конца ектеніи.

Тропари: *Спаси, Господи, люди Твоя и проч. Слава: Твоихъ благодѣяній и проч. И нынѣ: Богородице, хрестіанамъ Помощнице..* Провименъ гласъ 7-й: *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творяй чудеса.*

Стихъ 1-й: *Сказалъ еси людемъ силу Твою.*

Стихъ 2-й: *Ръхъ: нынѣ начахъ; сія измѣна Десницы Вышняго.*

Стихъ 3-й: *Помянухъ дѣла Господня, яко помяну отъ начала чудеса Твоя.*

И паки: *Кто Богъ велий.*

Апостолъ: Коринѣ. зач. 172. Евангеліе: Луки зач. 85. Ектенія: *Помилуй насъ, Боже.*

Послѣ прошенія о христіюбивомъ воинствѣ читать сіе, вновь составленное, прошеніе: *Еще молимся о еже пріяти Господу Спасителю нашему исповѣданія и благодареніе насъ, недостойныхъ рабовъ Своихъ, яко отъ неистовствующія крамолы, злоумышлявшей на ниспроверженіе вѣры православныя и Престола и на разореніе всего царства Россійскаго, явилъ есть намъ заступленіе и спасеніе Свое.*

За симъ читать изъ обыкновеннаго благодарнаго молебна: *яко же нынѣ милостивно услышалъ еси молитвы рабовъ Твоихъ и проч.*

Наконецъ сіе вновь же составленное прошеніе: *Еще молимся о воинъхъ нашихъ, неистовую крамолу истребившихъ и души своя за вѣру, Царя и Отечество положившихъ, яко да дастъ имъ Царь Славы въ день праведнаго воздаянія вѣнцы нетлѣнныя, насъ же всѣхъ во благочестіи и единомысліи соблюдетъ и утвердитъ.*

По возгласѣ, благодарственная молитва и пѣснь: *Тебе, Бога, хвалимъ и проч.*

Послѣ многолѣтія Государю Императору и Высочайшей Его Фамиліи протодіаконъ провозгласить вѣчную память графу Михаилу и всѣмъ воинамъ, души своя за вѣру, Царя и Отечество положившимъ.

Наконецъ многолѣтіе всему вѣрному, храброму и христіюбивому всероссійскому воинству».

Нельзя не видѣть, какая ясная печать глубокой мудрости лежитъ на этомъ богослужебномъ чинѣ, и не трудно представить, съ какою силою должно было звучать во всѣхъ истинно-русскихъ и благочестивыхъ сердцахъ это глубокознаменательное молебствіе! *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога* (Евр. 13, 1). Вотъ точный смыслъ сего назидательнаго богослужебнаго обряда.

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЄ ОТЪ ІОАННА

СВѢТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ІАННА VII (ЦАЦОСЬ).*)

БЕСѢДА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Продолженіе молитвы Господа объ ученикахъ Своихъ.

11) *И ктому нѣсмь въ мѣръ, и сѣи въ мѣръ сущь, и Азъ къ Тебѣ гряду. Отче Святый, соблюди ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы.* 12) *Егда бѣхъ съ ними въ мѣръ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ и никтоже отъ нихъ погибе токмо сынъ пошибельный: да сбудется писаніе.* 13) *Нынѣ же къ Тебѣ гряду, и сѣя глаголю въ мѣръ, да имуть радость Мою исполнену въ себѣ.* Іоан. XVII, 11—13.

§ 1. Приведенныя слова Господни показываютъ намъ, съ какою нѣжною любовью печется Онъ объ остающихся въ мѣрѣ семъ ученикахъ своихъ, предусмотрительно заботясь о ихъ благополучіи и безопасности. Апостолы должны были оставаться въ мѣрѣ, потому что этого требовали неисповѣдимые совѣты Вышняго; а оставаясь въ мѣрѣ, они должны были подвергнуться соблазнамъ его и вѣсѣмъ бѣдствіямъ, какими ни удручается человѣкъ во всякихъ обстоятельствахъ жизни.

*) Продолженіе. См. юльскую кн. Душепол. Чтенія 1902 г.

§ 2. И дѣйствительно, сколь многообразнымъ испытаніямъ подвергнуться предстояло апостоламъ! Прежде всего должны они были устоять противъ укоровъ, поруганій и угрозъ, какіе вынесъ тотчасъ же во дворѣ архіереевомъ блаженный Петръ, когда его спрашивали «еда и ты ученикъ еси чловѣка сего?» (Іоан. XVIII, 17), «не азъ ли ты видѣхъ въ вертоградѣ съ Нимъ?» (ст. 26).—Во-вторыхъ, имъ предстояло еще претерпѣть гоненія и сильныя опасности, веденными быть къ начальникамъ и синедріону, который запретилъ имъ «отнюдь не провѣщавати ниже учити о имени Іисусовѣ» (Дѣян. IV 18). Много существовало внѣшнихъ искушеній со стороны міра, чтобы увлечь и апостоловъ, какъ многихъ другихъ, и отклонить ихъ отъ любви и почитанія Сына Божія.

§ 3. Была опасность и въ нихъ самихъ: опасность гордости, зависти, превозношенія, совопросничества, различныхъ умствованій,—опасность, какой подпадаютъ весьма часто люди, и не вслѣдствіе особенно большихъ искушеній.

§ 4. Имѣя въ виду это послѣднее, Христось горячо молится о нихъ, говоря: «Отче Святыи, соблюди ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы». Чтобы ни одинъ изъ нихъ не отдѣлился отъ священнаго союза Церкви; чтобы не существовало среди самихъ учениковъ Моихъ раздѣленій, расколовъ, враждебныхъ соревнованій, распрей, но да будутъ едино, какъ и мы, едино—по волѣ, по дѣйствию, по любви, по мысли, по ученію. «Соблюди ихъ, Отче Святыи, во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ..... Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ и никтоже отъ нихъ погиге токмо сынъ погигельный: да сбудется писаніе»: «Сынъ чловѣческій идетъ, якоже есть писано о Немъ» (Матѣ. XXVI, 24). Писанію надлежитъ исполниться чрезъ предательство Іуды: «чловѣкъ міра моего, на негоже уповахъ, ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе» (Пс. XL, 10), и «будутъ дніе его мали, и епископство его пріиметь инъ» (Пс. CVIII, 8). Сынъ погигельный пострадалъ, слѣдовательно, какъ говорилось объ этомъ раньше въ Писаніи. Но другихъ я «соблю-

дохъ во имя Твое»: они просвѣщены ученіемъ Моимъ, утверждены наставленіями Моими и воодушевлены примѣромъ Моимъ. «Нынѣ же къ Тебѣ гряду», Отче; а тѣ, «ихже даль еси Мнѣ должны остаться въ мірѣ съ прочими, будучи окружены опасностями и тягостями, и подвергаясь нападеніямъ лукаваго. «Отче Святой, соблюди ихъ во имя Твое, ихже даль еси Мнѣ»!... Господь живо представляетъ всѣхъ будущихъ Своихъ учениковъ, ихъ истинное положеніе, угрожающія имъ опасности и средства ко спасенію. Дѣло, которое предстояло совершить имъ, чтобы «извѣстно званіе свое творити» (2. Петр. 1, 10), конечно, не незначительно, не легко для нихъ, ибо они «въ мірѣ суть». Міръ, гдѣ вращаются они, полонъ опасностей, между тѣмъ какъ Тотъ, Кому даны они, скрылся съ глазъ ихъ; Спаситель не съ ними на землѣ, чтобы учить, наставлять и утѣшать ихъ въ бѣдствіяхъ и гоненіяхъ на нихъ міра сего.

§ 5. Однако, они имѣютъ Утѣшителя на небѣ, бодрствующаго и промысляющаго о нуждахъ ихъ. Хотя «Сатана проситъ сѣяти ихъ, яко пшеницу, но Христосъ молится о нихъ, да не оскудѣетъ вѣра ихъ» (Лук. XXII, 31—32), и это служить явнымъ свидѣтельствомъ тому, съ какою нѣжною любовью печется Онъ о вѣрующихъ и находящихся подъ Его заступничествомъ. «Се Азъ съ вами есмь, говоритъ Онъ, во вся дни, до скончанія вѣка» (Матѣ. XXVIII, 20).

§ 6. У Него всегда то же сердце, та же милостивая снисходительность, то же сочувствіе, какими вдохновлены всѣ слова Его. Хотя Онъ и совершененъ по существу, но не смотритъ съ презрѣніемъ или безучастіемъ на искушенія, какимъ подвержены и часто уступаютъ плоть и кровь. Онъ отнюдь не отвергаетъ рабовъ Своихъ потому, что они опутаны житейскими занятіями, которыя ихъ обременяютъ или услаждаютъ, томятъ или радуютъ. Зная о такомъ попеченіи Господнемъ и о промыслѣ Его, мы должны быть утѣшены, не какъ «неимущіи архіереа не могуща спострадати немощемъ нашимъ» (Евр. IV, 15). Хотя Христосъ и вознесся на небо, Онъ не перестаетъ относиться съ сочувствіемъ ко всѣмъ,

временно остающимся въ мірѣ, для достиженія спасенія. Онъ видитъ съ небесъ бремена людскія и, сострадавъ намъ въ нашихъ испытаніяхъ и немощахъ, даруетъ силу для преодоленія ихъ.

§ 7. Еслибы какой-либо морякъ, носимый волнами и борющийся противъ бури, зналъ бы навѣрное, что друзья его на сушѣ осведомлены объ опасности, въ какой онъ находится, и молятся о спасеніи его, то и одна бы только такая мысль доставила ему утѣшеніе и мужество. Ученики Христовы именно въ подобномъ положеніи, потому что сердце Господне всегда съ ними; Самъ Онъ говоритъ: «Се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка» (Матѣ. XXVIII, 20) и будетъ, и естъ всегда вблизи къ намъ, сострадавъ намъ въ немощахъ и испытаніяхъ нашихъ и ходатайственно молясь за насъ на небесахъ.

§ 8. Какое въ этомъ ободреніе для христіанина въ борьбѣ его противъ «похоти плотскія, и похоти очесъ, и гордости житейскія, яже не суть отъ Отца, но отъ міра сего суть» (1 Іоан. II, 16). Тотъ, чьи мы послѣдователи и почитатели, непрестанно молитъ Отца помочь намъ въ немощахъ, простить беззаконія, невѣдѣніе и нерадѣніе наши и безопасно привести насъ чрезъ земной путь на небеса, гдѣ царствуютъ миръ, правда, истина и веселіе. «Нынѣ Азъ къ Тебѣ гряду, и сіи въ мірѣ суть, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ... да имутъ радость Мою исполнену въ себѣ... и да прославлюся въ нихъ». Имѣя такое дѣйственное ходатайство на небѣ предъ Богомъ и Отцемъ, будемъ держаться упованія нашего, которое—Самъ Христъ, «Его же аки кошву имамы души твердо же и извѣстну» (Евр. VI, 19); въ такомъ случаѣ искушенія міра насъ не поколеблять и мы никого не будемъ бояться: «аще Богъ по насъ, кто на ны?» (Римл. VIII, 31). Ибо упованіе наше «Христъ пришедъ архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, сирѣчь не сея твари, ни кровію козлею ниже тельчею, но своею кровію» (Евр. IX, 11—12), «тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ

Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ» (Евр. VII, 25). Имѣя на небѣ такого Архіерея, такого Утѣшителя, мы должны приносить Богу, какъ жертву, «словесное служеніе» (Римл. XII, 1) и «поклоненіе духомъ и истиною» (Іоан. IV, 23), не требующее ни трудовъ большихъ, ни большихъ подвиговъ, но сокрушеніе сердца, любовь, цѣломудріе, незлобіе, долготерпѣніе и глубочайшее смиреніе: «такowymi бо жертвами благоугождается Богъ» (Евр. XIII, 16) и за нихъ воздаеть мздою многою. Принося такія жертвы, мы удостоиваемся обѣцанныхъ намъ благъ благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.—Аминь.

Съ благословенія **Его Святѣйшества**, перевель съ греческаго настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ прот. *Александръ Смирнопуло-*

БЕСѢДА СЪ РАСКОЛОУЧИТЕЛЕМЪ И. П. УСОВЫМЪ О НЕЗАКОННОМЪ УЧРЕЖДЕНІИ БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ ¹⁾.

Описываемая бесѣда происходила въ населенной старообрядцами австрійскаго толка деревнѣ Сукинѣ, Нижегородской губерніи. Послѣ обычной молитвы Св. Духу «Царю небесный», православный миссіонеръ открылъ ее прочтеніемъ слѣдующихъ словъ св. Евангелія:

«Явился Исусъ ученикомъ своимъ, воставъ отъ мертвыхъ, на мори Тиверіадстѣмъ... Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Исусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ? Глагола ему: ей Господи, ты вѣси, яко люблю тя. Глагола ему: паси агныцы моя. Глагола ему паки второе: Симоне Іонинъ, любиши ли мя? Глагола ему: ей Господи, ты вѣси, яко люблю тя. Глагола ему: паси овцы моя.

¹⁾ Побужденіемъ для изложенія настоящей бесѣды послужило для насъ не одно желаніе познакомить практическихъ противъ раскола дѣятелей съ оригинальными приѣмами, какіе употребляются на бесѣдахъ для защиты Бѣлокриницкой іерархіи, воспитанными въ Швецовской школѣ расколоучителями; но также и желаніе познакомить читателей съ развязностью сужденій сказанныхъ расколоучителей о свидѣтельствахъ историческихъ и съ ихъ беззащѣтными отзывами о нѣкоторыхъ православныхъ лицахъ, столь много потрудившихся въ дѣлѣ вразумлѣнія заблудшихъ старообрядцевъ. Эти сужденія и отзывы, безпреувеличенія нами воспроизводимые, служатъ лучшею характеристикою современныхъ представителей австрійскаго раскола, лжеученіями которыхъ, въ наше время, способны даже „умиляться“ разные гг. Стаховичи, требуя полнѣйшей свободы для пропаганды этихъ лжеученій.

Глагола ему третіе: Симоне Іонинъ любиши ли мя? Оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли мя? И глагола ему: Господи, ты вся вѣси, ты вѣси, яко люблю тя. Глагола ему Іисусъ: паси овцы моя» (Іоан. зач. 67).

Блаженный Теофилактъ, изъясняя эти слова Евангелія, между прочимъ говоритъ: «Понеже убо конецъ имаше съ ними (апостолами) обѣда, Петру паству вселенныя поручаетъ Господь».

Послѣ прочтенія приведенныхъ словъ Евангелія и блаженного Теофилакта, миссіонеръ сказалъ въ заключеніе слѣдующіе: «Защитники Бѣлокриницкой іерархіи, желая оправдать незаконность епископскихъ дѣйствій въ Бѣлой Криницѣ митрополита Амвросія, говорятъ: какъ св. апостоль Петръ, отрехшись отъ Господа, послѣ раскаянія въ этомъ отреченіи снова сталъ истиннымъ апостоломъ, такъ будто бы и Амвросій, находясь нѣкоторое время въ заблужденіи Греческой церкви, послѣ раскаянія въ этомъ заблужденіи при поступленіи въ старообрядчество, сдѣлался изъ неправославнаго митрополита митрополитомъ православнымъ. Но изъ прочитанныхъ словъ Евангелія и толкованія на оныя блаженного Теофилакта видно, что Апостола Петра, послѣ его отреченія, возстановилъ въ достоинствѣ апостольскомъ самъ Господь трикратнымъ вопрошеніемъ: «любиши ли мя?» и самъ же Господь «поручилъ» ему «паству вселенныя» словами: «паси овцы моя»; поэтому я долженъ спросить старообрядцевъ: кто же Амвросія, бывшаго, по ихъ мнѣнію, еретикомъ, возстановилъ въ Бѣлой-Криницѣ въ достоинствѣ истиннаго или православнаго митрополита, и кто поручилъ ему тамъ старообрядческую паству? На этотъ вопросъ мы и будемъ ожидать отъ нашего собесѣдника отвѣта ¹⁾).

¹⁾ Въ деревнѣ Сузинѣ, произведены были съ г. Усовымъ подъ рядъ три бесѣды. На одной изъ предшествовавшихъ бесѣдъ, этотъ расколочитель, усиливаясь доказать возможность прекращенія въ церкви и новаго возникновенія въ ней чрезъ м. Амвросія епископскаго чина, не однократно указывалъ именно на примѣръ св. ап. Петра, послѣ отрече-

Усовъ: Почтенные слушатели! Сегодня у насъ бесѣда о митрополитѣ Амвросіѣ и о нашей іерархіи. Прежде чѣмъ отвѣтить на поставленный миссіонеромъ вопросъ, я считаю нужнымъ сообщить вамъ: кто былъ Амвросій, что это за личность? Въ исторіи г. Субботина сообщаются объ Амвросіи слѣдующія свѣдѣнія: Амвросій родился въ 1771-мъ году. Отецъ его былъ священникомъ румелійскаго города Уноса. Въ 1811-мъ году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, Амвросій женился и тогда же Уносскимъ митрополитомъ Матеемъ поставленъ во священника ¹). Послѣ смерти жены (1814 года), оставившей Амвросію сына Георгія, онъ провель еще три года въ званіи приходскаго священника и потомъ, въ 1817 году, рѣшился принять постриженіе въ иночество. Въ 1823 году Амвросій сдѣланъ, въ санѣ игумена, настоятелемъ Троицкаго монастыря, что на островѣ Халби; а въ 1827 году, константинопольскій патріархъ Константій взялъ Амвросіа на должность протосингела великія церкви. Наконецъ, въ 1835 году, патріархомъ Григоріемъ, въ сослуженіи нѣсколькихъ епископовъ, Амвросій возведенъ былъ въ санъ митрополита на Босно-Сараевскую кафедру. Одна боснійская лѣтопись отзывается объ Амвросіи такъ: «этотъ владыка былъ святой человекъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды» ²). Но защищая народные

ченія отъ Господа, снова ставшаго въ числѣ апостоловъ. Это указаніе и послужило темою для настоящей бесѣды.

¹) Не одни безноповцы, но не рѣдко и австрійцы поставляютъ въ вину православной церкви рукоположеніе во священники молодыхъ лицъ; но вотъ, первый и главный родоначальникъ старообрядческой іерархіи поставленъ былъ во священника только 20 лѣтъ отъ роду.

²) Въ виду того, что г. Усовъ и К^о придаютъ важное значеніе этому отзыву объ Амвросіи боснійской лѣтописи, приводя его (не только на бесѣдахъ, но и въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ) даже какъ свидѣтельство законности происшедшей отъ Амвросія Бѣлокриницкой іерархіи, считаемъ не лишнимъ сказать, что объ Амвросіи существуютъ отзывы и совсѣмъ иного рода. Такъ, наприм., въ отвѣтахъ Констан-

интересы, Амвросій вошелъ въ столеновеніе съ турецкими правителями Босніи; по ихъ настоянію, въ 1840 году, онъ былъ отозванъ изъ Сараева въ Константинополь (Истор. Бѣловрин. іерархіи. Субботинъ, т. I, стр. 365—367). Видите,—заключилъ Усовъ чтеніе Исторіи,—самый злѣйшій врагъ старообрядчества—г. Субботинъ ¹⁾, и тотъ свидѣтель-

гинопольскаго патріархата на вопросы объ Амвросіи пункты старообрядцевъ, поданные ими въ Патріархію въ 1875 году, сказано, что въ архивѣ Константинопольскаго патріархата нашлось увѣщательное письмо Константинопольской Церкви къ Амвросію, помѣченное іюлемъ мѣсяцемъ 1841 года. Въ этомъ письмѣ говорится, что на Амвросіа босносараевскими христіанами подано было въ Патріархію прошеніе, въ которомъ излагались „разныя злоупотребленія Амвросія, правонарушенія, насильственныя требованія и грабительскія поборы“, почему Босно-сараевская паства вынуждена была ходатайствовать предъ Константинопольскимъ патріархомъ даже „объ удаленіи Амвросія изъ епархіи, какъ не выдающая въ немъ никакого архипастырскаго попеченія и духовнаго надзора“ (см. „Братск. Слово“, 1876 года кн. 2, ст. III, стр. 206). А греческій архимандритъ Германъ, въ своемъ сочиненіи о расколѣ и другихъ ересяхъ въ Россіи, говоритъ объ Амвросіи слѣдующее: „Амвросій, бывшій митрополитъ боснійскій, родомъ изъ Уноса, лишенный своей должности за всяческія злоупотребленія, чловѣкъ ничтожный, презрѣнный, безграмотный, легкомысленный и не имѣющій никакого значенія, чуждый всякаго истиннаго достоинства, бессмысленный и любостыжательный удобно уловленъ былъ видомъ предложеннаго ему (старовѣрами) высшаго достоинства... Его бѣгство (въ Бѣлую-Криницу) передается и доселѣ какъ смѣшное и нелѣпое событіе... Константинопольская патріархія... рѣшительно не могла подозревать, что въ этомъ ничтожномъ лицѣ откроется мессія старовѣровъ, отецъ и основатель многочисленной теперь раскольнической іерархіи,“ (См. „Братск. Сл. 1876 г. кн. 2, отд. III, стр. 223). Итакъ, при восхваленіи нравственныхъ качествъ Амвросія, г. Усову и К^о не слѣдуетъ упускать изъ виду и эти, сейчасъ приведенные нами объ Амвросіи, довольно авторитетные отзывы.

¹⁾ Итакъ, г-да Усовы нисколько не стыдятся публично называть г. Субботина „злѣйшимъ врагомъ старообрядчества“, а между тѣмъ этотъ мнимый ими „врагъ“ ни мало не затруднился значительно ослабить своими соображеніями значеніе сообщенія о непристойномъ отношеніи къ своей паствѣ Амвросія на Босносараевской кафедрѣ, изложеннаго даже въ официальномъ документѣ Константинопольскаго патріархата

ствуешь объ Амвросіи, что онъ возведенъ въ санъ митрополита законно, соборомъ архіереевъ греческой церкви, что онъ былъ святой жизни человѣкъ и что совершенно невинно, за одно покровительство бѣднаго народа лишень былъ, по происку турецкихъ пашей, Босно-Сараевской каѳедры, но не былъ однако лишень епископскаго сана.

Миссіонеръ: Бесѣда у насъ не о личныхъ качествахъ Амвросія. Мало ли было хорошихъ и добродѣтельныхъ людей, а потомъ сдѣлавшихся ни куда не годными. И Іуда первоначально былъ апостоломъ Господа, а потомъ сдѣлался Его предателемъ. Вы, г. Усовъ, отвѣчайте на поставленный вопросъ...

Усовъ: Не перебивайте мою рѣчь, дайте докончить. Вы потомъ будете разбирать мои слова. Я продолжаю: когда Амвросій находился въ Константинополѣ заштатнымъ митрополитомъ, въ это время наши старообрядческіе иноки—Павель и Алимпій, познакомившись съ Амвросіемъ, неоднократно вели съ нимъ разсужденія о заблужденіи Греческой церкви и о правотѣ нашей старообрядческой, причемъ наши иноки предлагали Амвросію оставить заблужденія Греческой церкви и присоединиться къ нашей. На первыхъ порахъ Амвросій не соглашался на такое предложеніе, признавая греческую церковь справедливѣе старообрядческой; но когда со стороны нашихъ иноковъ представлены были Амвросію ясныя и несомнѣныя доказатель-

(см. „Брат. Сл.“ 1876 г. кн. 2, отд. III, стр. 210—224). Такого безпристрастнаго отношенія въ изслѣдованіяхъ о расколѣ едва ли можно встрѣтить даже и у тѣхъ „литераторовъ“, которые почитаются расколоучителями своими „друзьями“. Итакъ, г-да старообрядцы, что вы ни говорите, а долгъ справедливости требуетъ признать, что г. Субботинъ, во всѣхъ своихъ писаніяхъ о расколѣ руководился единственно принципомъ *справедливости*. Если же онъ вынужденъ былъ постоянно говорить горькую для старообрядцевъ правду о питомцахъ Швецовской школы, своими многочисленными сочиненіями изуродовавшихъ въ старообрядчествѣ все то, что иногда заслуживало нѣкоторой симпатіи, то кто же виноватъ въ этомъ? Вѣдь нельзя винить зеркало, если наше собственное лицо дѣйствительно безобразно.

ства заблужденія греческой церкви и правоты церкви нашей, тогда онъ, вполне убѣдившись сими доказательствами, охотно оставилъ греческую церковь и по искреннему убѣжденію принялъ старообрядческую религію. Итакъ, если Амвросій, пребывая въ заблужденіи греческой церкви, возведенъ былъ въ санъ митрополита законно, соборомъ греческихъ архіереевъ, и если онъ принялъ нашу религію въ силу собственнаго убѣжденія, сознавъ ея правоту,—то насъ нужно спрашивать не о томъ, кто возстановилъ Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ въ достоинство истиннаго митрополита и кто поручилъ ему старообрядческую паству, а о томъ, правильно ли мы Амвросія приняли «въ сущемъ санѣ» митрополита?

Миссіонеръ: Мой собесѣдникъ не желаетъ отвѣчать на поставленный вопросъ, а поучаетъ меня предложить другой вопросъ, какой ему самому желательно. Это показываетъ, что или не въ состоявіи отвѣтить удовлетворительно на поставленный вопросъ, или имѣетъ причины, побуждающія его уклониться отъ прямого отвѣта. Такъ или иначе, но мы должны знать, слушатели, что г. Усовъ даже и попытки не сдѣлалъ отвѣчать на поставленный вопросъ. О томъ, правильно или неправильно приняли старообрядцы Амвросія въ санъ митрополита,—мы поговоримъ нѣсколько послѣ; теперь же я долженъ замѣтить, что г. Усовъ, восхваляя нравственныя качества Амвросія, совершенно несправедливо сказалъ, будто онъ поступилъ въ старообрядческую религію «по убѣжденію»: это—великая ложь со стороны моего собесѣдника. Амвросій самъ, въ отвѣтъ на вопросные пункты константинопольскаго патріарха Анѳима о причинахъ его бѣгства въ Бѣлую-Криницу, сознается, что ушелъ къ старообрядцамъ не потому, якобы увидѣлъ неправоту Греческой церкви и якобы убѣдился въ правотѣ старообрядчества, а единственно по причинѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился онъ, не имѣя каедръ¹⁾. Люди, по убѣжденію поступающіе въ ту или

¹⁾ Отвѣтъ Амвросія къ патр. Анѳиму, см. въ „Матеріалахъ для Истор. Бѣлокр. іерарх.“. Издан. г. Сувб. стр. 236.

иную «религію», нисколько не заботятся о житейскихъ выгодахъ, какія можетъ доставить имъ новая религія; но митрополитъ Амвросій, прежде чѣмъ поступить въ «старообрядческую религію», постарался заключить съ Павломъ и Алимпіемъ «условіе», которымъ обезпечивалось его безбѣдное существованіе въ Бѣлой-Криницѣ и которымъ въ лучшемъ видѣ устраивалась жизнь, бывшаго тогда въ крайней бѣдности, его родного сына—Георгія. Въ этомъ «условіи», подписанномъ названными старообрядческими иноками и самимъ Амвросіемъ, между прочимъ говорится: «По прибытіи въ нашъ (Бѣловриницкій) монастырь его преосвященство (долженъ) неотложно поставить въ намѣстника себѣ другого епископа изъ нашего духовенства... Его высокопреосвященство будетъ жить въ Бѣлой-Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, на всемъ монастырскомъ содержаніи; *сверхъ же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго золота, пока онъ будетъ живъ... При томъ же обязуется монастырь дать его родному сыну г. Георгію Поповичу коштъ на дорогу до Босніи и обратно на привезеніе своей жены оттуда; еще купить ему въ Бѣлой-Криницѣ домъ, съ принадлежащимъ ему дворомъ и огородомъ, въ вѣчную его собственность» (См. «Матеріалы для истор. Бѣлокрин. іерархіи». Издан. г. Субботина, стр. 135). Итакъ, повторяю, г. Усовъ совершенно несправедливо сказалъ, будто Амвросій поступилъ въ старообрядческую религію «по убѣжденію», сознавъ ея правоту. И отвѣтъ Амвросія патріарху Анеиму, и особенно заключенное между Амвросіемъ и бѣловриницкими иноками «условіе», въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ истинныя причины и побужденія, по которымъ Амвросій рѣшился принять «старообрядческую религію». На такой поступокъ убѣдили Амвросія не представленные Павломъ и Алимпіемъ доказательства, а 500 червонцевъ австрійскаго золота.*

Усовъ: Прочитаннаго миссіонеромъ «условія» въ подлинникѣ нигдѣ не находится. Самъ г. Субботинъ, въ своей

Исторіи, говорить, что документъ этотъ «истребленъ о. Онуфриемъ, бывшимъ старообрядческимъ епископомъ, въ 1858 году» (см. Истор. Бѣлокр. іерарх., т. I, стр. 397); а если сказанный документъ «истребленъ», то какимъ же образомъ онъ могъ быть впослѣдствіи напечатанъ? Въ «Матеріалахъ», гдѣ напечатано прочитанное миссіонеромъ «условіе», названное г. Субботинымъ «секретнымъ», сказано, что оно печатается «со списка, принадлежащаго издателю», т. е. г. Субботину; но съ чего же могъ быть написанъ этотъ «списокъ», когда подлинникъ «истребленъ?» Г. Субботинъ напечаталъ въ своихъ «Матеріалахъ» не это одно «секретное условіе», но еще и другое «секретное» же, якобы выданное отъ имени Амвросія старообрядческимъ инокамъ. Обоихъ этихъ «секретныхъ» условій мы не признаемъ подлинными; они, очевидно, составляютъ собственное произведеніе г. Субботина и имѣютъ такое же достоинство, какъ и пресловутое «дѣяніе» на Мартина еретика. А въ подлинномъ условіи, какое дѣйствительно было заключено между Амвросіемъ и старообрядческими иноками и которое также напечатано г. Субботинымъ въ его «Матеріалахъ»,—ни о какихъ пяти стахъ червонцахъ не упоминается, какъ не упоминается и объ обязательствѣ купить для Амвросіева сына домъ въ Бѣлой-Криницѣ.

Миссіонеръ: «Условія» заключались съ Амвросіемъ въ 1846 году, а подлинникъ «секретнаго» условія истребленъ былъ Онуфриемъ, какъ сказано въ Исторіи, уже въ 1858 году. Въ продолженіи этихъ 12-ти лѣтъ, могло быть списано съ подлинника не одинъ, а нѣсколько экземпляровъ. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ, списанныхъ съ подлиннаго условія г. Субботинъ и имѣетъ у себя, съ котораго онъ и напечаталъ въ «Матеріалахъ» «секретное условіе». Стало быть, называть это условіе «произведеніемъ г. Субботина», могутъ только люди, съ омраченною расколомъ совѣстію. Притомъ же, подлинность отвергаемаго вами «секретнаго условія» подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Бѣлокриницкій монастырь, дѣйствительно платилъ Амвросію

500 червонцевъ до конца его жизни. Когда же монастырь замедливалъ своевременную уплатою этихъ червонцевъ, тогда Амвросій съ настойчивостью требовалъ ихъ отъ монастыря, угрожая, въ противномъ случаѣ, даже проклятіемъ поставленному имъ въ Бѣлой-Криницѣ епископу Кириллу. Такого рода случай даже и былъ; въ 1859 году, когда Амвросію не были своевременно доставлены монастыремъ условленные червонцы, въ то время Амвросій, предавъ проклятію поставленнаго имъ Кирилла, писалъ, между прочимъ, въ Бѣлюю-Криницу: «Отъ теперъ я всѣхъ васъ дѣлаю бевпоповчиками»¹⁾. Понятно, Амвросій не могъ бы съ такою настойчивостію требовать отъ монастыря червонцы, еслибы не существовало заподозрѣннаго вами въ подлинности «секретнаго условія».

Усовъ: О проклятіи Амвросіемъ Кирилла «налгалъ» Филаретъ, бывшій у насъ въ Бѣлой-Криницѣ архидіакономъ, онъ негодяй, распутный, воръ²⁾; онъ и архивъ то утащилъ у насъ изъ Бѣлой-Криницы, можно ли такому человѣку довѣрять?!

Миссіонеръ: Успокойтесь, не волнуйтесь! Мы бесѣдуемъ не для того, чтобы судить о личностяхъ, или порочить и бранить личностей; намъ нужно дознать истину! Что вы ни говорите, а того, что Бѣлокриницкій монастырь ежегодно платилъ Амвросію до конца его жизни 500 червонцевъ,—этого факта вы никакой бранью не опровергнете.

Усовъ: Но еслибы и дѣйствительно старообрядцы платили Амвросію 500 червонцевъ,—что же въ этомъ для старообрядцевъ порочнаго? Пять сотъ червонцевъ на наши деньги

¹⁾ См. брошюру: „Былъ ли и остался ли Амвросій предавъ старообрядчеству“? стр. 29 и 30.

²⁾ Мы съ прискорбіемъ воспроизводимъ эти слова расколоучителя, съ неимовѣрною наглостію отвергающаго и порицающаго все, что только служитъ къ разъясненію обстоятельствъ, сопровождавшихъ незаконное учрежденіе Бѣлокриницкой лжеіерархіи. И съ такою-то омраченною совѣстію люди, являются теперъ у старообрядцевъ „кандидатами“ на „епископское“ званіе!...

составляютъ только полторы тысячи рублей; а ваши архіереи получаютъ по двадцати (!), по пятидесяти (!!), даже по сту (!!!) тысячъ рублей! Да и миссіонеры-то получаютъ по 1200 рублей въ годъ,—такой окладъ жалованья положенъ имъ соборомъ ихъ епископовъ, состоявшимся въ Казани въ 1885 году.

Миссіонеръ: Не усмотрите ли и въ этомъ «ереси» за нашею церковію?.. Впрочемъ, оставимъ это, поднятое вами лустословіе; вернемся къ Амвросію. Говоря объ уплатѣ старообрядцами Амвросію 500 червонцевъ, мы обращаемъ вниманіе не на количество ихъ, а на то, за что именно платились эти червонцы. Православные архіереи и миссіонеры получаютъ на свое содержаніе (но не столько же, сколько сказалъ г. Усовъ, а въ нѣсколько разъ менѣе) за ихъ служеніе церкви Божіей, что согласно и съ Божіимъ закономъ: «аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, говоритъ св. ап. Павелъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ... Дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ, и служащіи олтарю, со олтаремъ дѣлятся. Тако и Господь повелѣ: проповѣдающимъ благовѣстіе, отъ благовѣстія жити» (1 Кор. гл. 9); а митрополиту Амвросію платили старообрядцы по заключенному условію, полторы тысячи рублей за его отступленіе отъ Греческой церкви, въ истинности которой онъ никогда не имѣлъ сомнѣнія, платили за его переходъ въ старообрядческую церковь, въ правотѣ которой никогда не былъ увѣренъ, платили, наконецъ, особенно за то, что онъ, вопреки апостольскимъ и святоотеческимъ правиламъ, поставилъ для старообрядцевъ архіерея,—за тавія преступныя дѣянія еслибы Амвросій получалъ отъ старообрядцевъ не полторы тысячи, а хотя бы только «тридцать сребренниковъ», и тогда онъ одинаково заслуживалъ бы строгаго осужденія и порицанія. Амвросій, какъ мы сказали, самъ о себѣ говоритъ въ отвѣтахъ на вопросные пункты патріарха Анеима, что онъ ушелъ къ старообрядцамъ въ Бѣлую Криницу не по убѣжденію, но по причинѣ стѣснительныхъ

обстоятельствъ и «ради спокойствія»¹⁾); а св. соборъ Соединенія говоритъ: «иже не исполненія ради божественныхъ заповѣдей, но *покоя ради* и сребролюбивыя ихъ воли отъ престола на престолъ переходятъ сами о себѣ (т. е. самовольно), таковіи въ жребій окаянному Іудѣ, предавшему Господа, отлучени суть» (Кормчая, л. 570). Но, довольно о личности Амвросія! Кажется мы достаточно уже познакомились съ нею, согласно желанію г. Усова. Для насъ собственно важно ознакомиться не съ личностью Амвросія, т. е. не съ его добрыми и худыми наклонностями, но съ его *іерархическими правами* въ Бѣлой-Криницѣ. Поэтому я возобновляю свой вопросъ: кто Амвросія возстановилъ въ Бѣлой-Криницѣ въ достоинствѣ истиннаго митрополита, и кто поручилъ ему тамъ старообрядческую паству?

Усовъ: Мною было доказано, что Амвросій рукоположенъ въ санъ митрополита законнымъ порядкомъ—соборомъ греческихъ епископовъ, поэтому съ моей стороны требуется еще доказать только: правильно ли наша церковь оставила его, по присоединеніи, въ санѣ митрополита? Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ 8-мъ правилѣ 1-го вселенскаго собора: «О именовавшихъ нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской церкви, благоугодно святому собору, да по возложеніи на нихъ рукъ пребываютъ они въ клирѣ». На основаніи этого правила мы и оставили Амвросія въ прежнемъ его санѣ.

Миссіонеръ: Разсмотримъ повнимательнѣе, дѣйствительно ли согласно 8-му правилу перваго собора состоялся переходъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу и его тамъ, «въ сущемъ санѣ», чинопріятіе?

1) Правило говоритъ: «О именовавшихъ себя нѣкогда *чистыми*», т. е. еретиками; а митрополитъ Амвросій никогда не «именовалъ себя еретикомъ», и греческую церковь, отъ которой отступилъ, никогда не признавалъ «еретическою».

¹⁾ Отвѣтъ Амвросія см. въ „Матеріалахъ для Истор. Бѣлокр. іер.“ Издап. г. Суббот. стр. 236.

2) Въ правилѣ сказано: «во присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской церкви»; а митрополитъ Амвросій, именно отъ «Каѳолической церкви» и ушелъ въ Бѣлую-Креницу, вступивъ здѣсь въ раскольническое общество, не составлявшее Каѳолической и Апостольской церкви.

3) Въ правилѣ говорится: «благоугодно святому собору, да повозложеніи на нихъ рукъ (т. е. послѣ присоединенія къ церкви еретическихъ клириковъ третьимъ чиномъ), пребываютъ они въ клирѣ»; а митрополитъ Амвросій присоединенъ былъ къ обществу раскольническому, и присоединенъ былъ не «черезъ возложеніе рукъ», а чрезъ мѣропомазаніе, т. е. не третьимъ, а вторымъ чиномъ.

4) Въ правилѣ сказано: «прежде же всего подлежить имъ (т. е. присоединяющимся къ церкви еретическимъ клирикамъ) письменно исповѣдывати, яко прилѣпятся и послѣдовати будутъ опредѣленіямъ Каѳолическія и Апостольскія церкви: а митрополитъ Амвросій именно «прежде всего» озаботился заключить съ Бѣлокреницкими иноками «письменное условіе», по силѣ котораго старообрядцы должны были платить ему за вступленіе въ расколъ опредѣленное жалованье и въ лучшемъ видѣ устроить положеніе, до сихъ поръ бѣдствовавшего, его родного сына Георгія.

5) Въ 8-мъ правилѣ читаемъ: «Надобно, чтобы они (т. е. присоединяющіеся къ церкви еретическіе клирики) во всемъ послѣдовали опредѣленіямъ Каѳолическія церкви»; а митрополитъ Амвросій, поступаая въ расколъ, эти именно «опредѣленія Каѳолической церкви» нарушилъ самымъ непозволительнымъ образомъ. Такъ, наприм., 15-е правило второперваго собора говоритъ: «аще который пресвитеръ, или епископъ, или *митрополитъ*, дерзнетъ отступити отъ общенія съ патріархомъ... прежде соборнаго оглашенія и совершеннаго осужденія его, учинить расколъ: такому святой соборъ опредѣлилъ быти совершенно чужду всякаго священства», а митрополитъ Амвросій «именно прежде соборнаго оглашенія и осужденія» отступилъ отъ общенія съ своимъ патріархомъ, не указавъ за нимъ даже ни одной

«ереси», подлежащей соборному обсужденію: слѣдовательно, онъ, по силѣ «опредѣленія Каѳолической перьви», изложеннаго въ 15-мъ правилѣ второперваго собора, долженъ быть признаваемъ «совершенно чуждымъ всякаго священства».

6) Наконецъ, 8-е правило перваго собора изложено для руководства православнымъ епископамъ, которымъ и принадлежитъ право оставлять или не оставлять присоединяющихся отъ ереси елириковъ въ ихъ степеняхъ священства; а въ Бѣлой-Криницѣ, во время вступленія Амвросія въ расколъ «въ сущемъ санѣ» митрополита, восхитили себѣ это право: инокъ Геронтій, священноинокъ Иеронимъ, уставщикъ Кипріянь Тимофеевъ, яские вупцы: Никифоръ Панкратіевъ, Яковъ Желѣзняковъ, Логинъ Богомолвъ и прочіе депутаты-міряне, «соборне» обсуждавшіе и рѣшившіе принять Амвросія «чрезъ миропомазаніе въ сущемъ санѣ»¹⁾. «Что твориши себе пастыря, овца сый?»—строго говоритъ такимъ не призваннымъ судьямъ святой 6-й Вселенскій соборъ (правил. 64).

Изъ сказаннаго видно, что какъ незаконное бѣгство Амвросія отъ своего патріарха, такъ и совершенное надъ нимъ Бѣлой-Криницѣ «чинопріятіе» равнымъ образомъ и признаніе его тамъ въ санѣ митрополита лицами, не имѣющими на то никакого права, совершились не только не на основаніи 8-го правила перваго собора, какъ несправедливо утверждаетъ г. Усовъ, но въ явное нарушеніе и поправаніе онаго правила. При томъ же, я долженъ сказать, что мой совопросникъ привелъ 8-е правило совершенно не къ дѣлу. Вѣдь, вопросъ-то мой не въ томъ состоитъ, можно или нельзя принимать въ церковь еретическихъ елириковъ въ ихъ степеняхъ священства, а въ томъ, кто имѣетъ право распорядиться о присоединеніи такихъ елириковъ «въ сущемъ санѣ», и кто именно можетъ присоединенному отъ

¹⁾ См. „Соборное дѣяніе о чинопріятіи Амвросія„ въ „Матер. для Истор. Бѣлокр. іерарх.“. Издан. г. Суббот. стр. 170.

ереси епископу вручить православную паству? Изъ Евангелія мы видѣли, что отрекшагося отъ Господа апостола Петра возстановилъ въ достоинствѣ апостольскомъ самъ Господь, Онъ же поручилъ ему и паству вселенныя; а митрополита Амвросія,—спрашиваю я моего собесѣдника,—*кто* возстановилъ въ Бѣлой-Криницѣ въ достоинствѣ истиннаго митрополита, и *кто именно* поручилъ ему тамъ старообрядческую паству? На этотъ вопросъ, г. Усовъ, до сихъ поръ, даже попытки не сдѣлалъ отвѣтить.

Усовъ: Миссіонеръ спрашиваетъ меня все объ одномъ и томъ же. Но я раньше доказалъ, что Амвросій еще до перехода къ старообрядцамъ былъ дѣйствительнымъ митрополитомъ, возведеннымъ въ этотъ санъ соборомъ греческихъ епископовъ, поэтому я не понимаю: о какомъ еще особомъ возстановленіи его въ санѣ митрополита меня спрашиваютъ? Митрополичьяго сана никто, никогда не снималъ съ него. Для Амвросія, по правиламъ, требовалось только сознать заблужденіе Греческой церкви, отречься отъ этого заблужденія и воспринять ученіе нашей православной церкви,—что онъ и сдѣлалъ,—послѣ чего онъ самъ собою становился митрополитомъ уже православнымъ. Относительно же того, кто Амвросію поручилъ старообрядческую паству?—я долженъ сказать слѣдующее: если Амвросій, послѣ присоединенія къ нашей церкви, сталъ уже митрополитомъ православнымъ, то само званіе митрополита и налагало на него пастырскія обязанности. Разъ онъ митрополитъ, онъ и долженъ былъ, въ силу этого званія, пасти православныхъ христіанъ, каковыми онъ призналъ именно насъ, старообрядцевъ. Пасеніе христіанъ составляетъ прямую обязанность каждаго митрополита, поэтому я также не понимаю,—о какомъ еще особомъ порученіи, или врученіи Амвросію старообрядческой паствы меня спрашиваютъ? Это порученіе дано ему самимъ званіемъ митрополита. Вотъ, наприм., мы называемся христіанами. Это званіе налагаетъ на насъ и обязанности христіанскія, какъ наприм., возношеніе къ Богу молитвы, соблюденіе устано-

вленныхъ постовъ, твореніе милостыни и прочихъ добрыхъ дѣлъ. Уже ли эти христіанскія обязанности, состоящія въ дѣлахъ любви и милосердія, мы не имѣемъ права выполнять свободно волею, но должны предварительно получить на выполнение ихъ особое отъ кого-то порученіе? Если такъ, то вы, пожалуй, спросите и о томъ,—кто поручилъ намъ вѣровать въ Бога? И такъ, поставленный миссіонеромъ вопросъ: кто Амвросія возстановилъ въ Бѣлой-Криницѣ въ достоинствѣ истиннаго митрополита, и кто поручилъ ему старообрядческую паству?—я считаю праздною и неосновательною къ намъ, старообрядцамъ, придирею. Надѣло надо смотрѣть гораздо проще: пребывавшій въ заблужденіи греческой церкви митрополитъ Амвросій, съ отреченіемъ отъ онаго заблужденія и съ воспринятіемъ ученія православнаго тотчасъ же, самъ собою, сдѣлался митрополитомъ православнымъ; а ставъ таковымъ, онъ уже по необходимости долженъ былъ воспринять на себя и обязанности, соединенныя съ званіемъ митрополита, какъ и каждый христіанинъ необходимо долженъ исполнять обязанности, соединенныя съ званіемъ христіанина. И какъ каждый христіанинъ долженъ исполнять эти обязанности безъ особаго на то порученія или полномочія, такъ и митрополитъ Амвросій долженъ былъ исполнять въ Бѣлой-Криницѣ свои митрополичьи обязанности, не нуждаясь для того ни отъ кого въ какомъ-либо порученіи или полномочіи. Вотъ мой отвѣтъ на вопросъ миссіонера!

Миссіонеръ: Теперь, дѣйствительно, мы выслушали отъ г. Усова отвѣтъ на поставленный вопросъ; но справедливъ ли эготъ отвѣтъ? согласенъ ли онъ съ ученіемъ св. Писанія и святоотеческаго ученія?—Разсмотримъ. То, что каждый изъ насъ долженъ свободно волею вѣровать въ Бога и свободно волею выполнять обязанности христіанина,—это совершенно справедливо; но несправедливо то, что г. Усовъ, въ обсуждаемомъ вопросѣ, отождествилъ не отождествляемое,—не положилъ различія между закономъ *нравственнымъ* и закономъ *пастырства* или *учительства* цер-

ковнаго, забывая или не понимая, что церковное пастырство и учительство есть *власть*, установленная Богомъ, которую никто не можетъ воспринять *самовольно* въ силу требованій того же нравственного закона, по силѣ котораго мы должны свободною волею исполнять обязанности христіанскія. «Како проповѣдять, аще не послани будутъ?»—спрашиваетъ св. апостоль Павелъ (Римлян. 10, 15). Только лютеране учатъ, что для воспринятія власти пастырства и учительства церковнаго, не требуется никакого полномочія со стороны высшей церковной власти, а достаточно будто бы одного избранія на эту должность мірянами. И г. Усовъ, проповѣдуя возможность самовольнаго воспринятія власти на управленіе паствою, проповѣдуетъ именно церковную анархію, ниспровергаетъ порядокъ іерархической власти, установленный въ церкви самимъ Богомъ, и является въ данномъ случаѣ проповѣдникомъ лютеранской ереси. Св. апостоль Павелъ пишетъ: *никто же самъ собою приѣмлетъ честь, но званъ отъ Бога, якоже Ааронъ. И Христосъ не себе прослави быти первосвященника, но глаголавый къ нему: Сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя* (Евр. 5, 4—5). Видите, слушатели, даже Христосъ не самъ собою присвоилъ себѣ славу быть въ своей церкви Первосвященникомъ, но имѣлъ на сіе *посланничество* отъ Бога Отца, о чемъ Онъ и объявилъ, по воскресеніи, своимъ апостоламъ, сказавъ: «яко же *посла мя* Отець, и азъ *посылаю вы*» (Іоан. 20, 21); а г. Усовъ проповѣдуетъ, что для управленія паствою не нужно имѣть ни отъ кого никакого посылства или порученія. И даже надъ моимъ, совершенно законнымъ, вопросомъ: «кто поручилъ Амвросію старобрядческую паству?»—глумится, говоря: «вы, пожалуй, спросите и о томъ, кто поручилъ намъ вѣровать въ Бога?» Не очевидно ли, что г. Усовъ, глумясь надъ моимъ вопросомъ, глумится именно и надъ посланничествомъ отъ Бога Отца Спасителя въ міръ, глумится, далѣе, надъ посланіемъ Господомъ въ міръ для проповѣди Евангелія апостоловъ: *и Азъ посылаю вы*; глумится, наконецъ, надъ Богоучре-

жденнымъ порядкомъ воспринятія іерархической власти, существующимъ въ Христовой церкви отъ временъ апостольскихъ. Вотъ до чего довело моего собесѣдника упорное его желаніе защитить неправо дѣло, совершенное Амвросіемъ и надъ Амвросіемъ въ Бѣлой-Криницѣ! Однако же, для того, чтобы сколько-нибудь прикрыть это нечестіе, г. Усовъ прибѣгаетъ къ лукавому ухищренію. На первый взглядъ покажется, что онъ какъ будто и не окончательно отрицаетъ Богоучрежденный порядокъ іерархической власти, ибо то-и-дѣло упоминаетъ о возведеніи Амвросія въ санъ митрополита законнымъ порядкомъ, соборомъ греческихъ епископовъ. Но говоря о законномъ произведеніи Амвросій въ митрополиты, г. Усовъ умышленно умалчиваетъ о самомъ существенномъ въ этомъ дѣлѣ, умалчиваетъ о томъ, что соборомъ-то греческихъ епископовъ Амвросій поставленъ былъ въ митрополиты для *православной Босносараевской паствы*, а не для состоявшей въ отлученіи отъ церкви старообрядческо-Бѣлокриницкой паствы. Вѣдь, еслибы кто-нибудь изъ васъ, слушатели, поставленъ былъ начальникомъ, наприм., сельскимъ старостою въ этой деревнѣ Сукинѣ, а онъ объявилъ бы себя такимъ старостою въ другой деревнѣ, Елесинѣ,—законно ли бы это было? Конечно, нѣтъ! Подобно этому должно судить и объ Амвросіи: онъ былъ законнымъ митрополитомъ тамъ, куда поставленъ, т. е. на Босно-сараевской каедрѣ; но когда онъ самовольно объявилъ себя митрополитомъ же въ Бѣлой-Криницѣ, куда никто не поставлялъ его митрополитомъ, здѣсь онъ и является уже самозванцемъ, какъ явился бы самозванцемъ тотъ, кто рѣшился бы объявить себя старостою въ Елесинѣ, опредѣленный на такую должность въ Сукино. Но продолжимъ разсмотрѣніе отвѣта г. Усова. Вынужденный въ видахъ оправданія учиненнаго Амвросіемъ въ Бѣлой-Криницѣ беззаконія проповѣдывать даже лютеранскую ересь, г. Усовъ не затруднился и самый мой вопросъ признать «праздною и неосновательною къ старообрядцамъ придиркою». Но вопросъ мой, какъ вы слы-

пали, обоснованъ былъ на словахъ Евангелія и на ученіи блаженнаго Теофилакта. Если, по мнѣнію г. Усова, для Амвросія, бывшаго, по мнѣнію старообрядцевъ, еретикомъ, не требовалось въ Бѣлой-Криницѣ возстановленія въ достоинство православнаго митрополита, и если, по его же мнѣнію, для Амвросія не нужно было ни отъ кого никакого порученія на пасеніе старообрядческой Бѣлокриницкой паствы, и даже самый вопросъ объ этомъ онъ считаетъ «праздною и неосновательною къ старообрядцамъ придиркою»: то ужели и Господь «праздное» дѣло совершалъ, почитая нужнымъ *лично* возстановить апостола Петра, послѣ его отреченія, въ достоинствѣ апостольскомъ? Ужели «празднымъ» и «неосновательнымъ» дѣломъ было также и личное «порученіе» Господомъ апостолу Петру «паствы вселенныя?» Очевидно, раціоналистическія воззрѣнія г. Усова на права іерархической власти, граничатъ съ глумленіемъ надъ дѣйствіями самого Господа, проявленными Имъ въ отношеніи къ апостолу Петру. И такъ, данный г. Усовымъ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ, несоотвѣтствуетъ ученію Слова Божія и ученію святоотеческому, и выражаетъ собою несомнѣнно еретическія мысли. Въ православной церкви никто, никогда не присваивалъ себѣ самовольно епископскихъ дѣйствій, ибо «восхищающіе недарованное, раздражаютъ Бога, якоже сынове Корреовы и Іюзія царь», — говорится въ правилѣ свв. апостолъ (см. Кормч. л. 30); а митрополитъ Амвросій именно самовольно присвоилъ себѣ епископскія дѣйствія въ Бѣлой-Криницѣ, а потому онъ и подлежитъ означенному прещенію свв. апостоловъ.

Миссіонеръ Теодоръ Кругловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ
ИННОКЕНТІЙ,
АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ и ТАВРИЧЕСКІЙ.*)

XIV.

Пр. Иннокентій никогда не отличался особенно крѣпкимъ здоровьемъ, а лѣтъ за девять до смерти началъ хворать часто. Въ 1847 году, будучи еще на Харьковской кафедрѣ, предъ поѣздкою въ С.-Петербургъ для присутствования въ Св. Синодѣ, пр. Иннокентій тяжело заболѣлъ. «Странное дѣло! пишетъ онъ своему петербургскому другу отъ 30 апрѣля 1847 года. Въ жизни моей какъ будто такой законъ, что предъ поѣздкою изъ одного мѣста въ другое я подвергаюсь тяжелой болѣзни. Нынѣшнюю весну я недугую уже въ другой разъ. Среди поста было болѣе недѣли труднаго нездоровья... Послѣ праздника посѣщенъ былъ двумя тяжкими недугами, изъ коихъ одинъ передалъ меня другому. Теперь, слава Богу, прошли оба, оставивъ за собою только сугубую слабость въ силахъ». Поэтому пр. Иннокентій находилъ, что ему «необходимо еще недѣли двѣ, а можетъ быть и три, посидѣть дома и подышать украинскимъ воздухомъ, иначе можно навликать на себя новую бѣду»¹⁾).

*) Продолженіе. См. іюньскую вн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

¹⁾ См. *Рус. Стар.* 1879 г. (24 т.) 668—669 стр.

На новую кафедру—въ Одессу—пр. Иннокентій явился, по его собственнымъ словамъ, «съ истощенными силами», что замѣтили лица, знавшія архипастыря раньше, въ Кіевѣ.

Состояніе здоровья было для пр. Иннокентія побудительною причиною — желать перемѣщенія на Херсоно-Таврическую кафедру, занимая которую онъ имѣлъ полную возможность пользоваться благодатнымъ воздухомъ Крыма. Въ этихъ же видахъ, при ежегодныхъ обзорѣніяхъ своей епархіи, пр. Иннокентій неопустительно посѣщалъ Крымъ, проживалъ въ немъ дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ епархіи; напротивъ съ величайшею неохотою отрывался онъ отъ юга для того, чтобы ѣхать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ—въ 1849—1850 г.—пр. Иннокентій, какъ сказано выше, заболѣлъ тяжело. Возвратившись въ свою епархію преосвященный нѣсколько поправилъ свое здоровье: на него благотворно подѣйствовали и теплый климатъ юга, и путешествіе по прекраснымъ мѣстамъ обширной епархіи, и близость моря; но послѣ этого здоровье знаменитаго архипастыря никогда вполне не восстанавливалось, и преосвященный былъ вынужденъ все чаще и чаще прибѣгать къ лѣченію. Нерѣдко стали посѣщать его и мрачныя мысли о близкой кончинѣ.

1851 годъ принесъ новое ухудшеніе въ здоровьи пр. Иннокентія. «Новый годъ, писалъ этотъ архипастырь пр. Макарію 14 января 1851 года, что-то начался для меня тяжело,—около трехъ недѣль страдаю отъ простуды,—въ постелю не кладеть, но и дѣлать ничего путемъ не даетъ»¹⁾.

Въ іюнѣ того же года, отправляясь въ Крымъ, пр. Иннокентій пишетъ петербургскому другу: «я отправляюсь въ Крымъ, и велитъ ли Господь возвратиться оттуда?» Это опасеніе, впрочемъ, было вызвано естественными причинами—развитіемъ въ Крыму разныхъ болѣзней; но Иннокентію не было чуждо и томительное предчувствіе неда-

¹⁾ Церк. Вѣст. 1883 г. № 26.

лекой смерти: «ужь не передь концемъ ли жизни, пишетъ онъ одновременно съ предшествовавшимъ, во мнѣ родилась охота, и немалая, заняться пересмотромъ прежде писаннаго мною?»¹⁾

Лѣтомъ того же года въ бесѣдѣ съ проф. Кіевской дух. Академіи, протоіереемъ Скворцовымъ, ревизовавшимъ Херсонскую семинарію, пр. Иннокентій на замѣчаніе ревизора, что кіевляне надѣются видѣть херсонскаго архипастыря у себя на митрополіи, сказалъ: «но у меня есть предчувствіе, что тамъ мнѣ не быть; я умру на югѣ»²⁾.

Подъ конецъ осени 1851 года пр. Иннокентій, возвратившись въ Одессу изъ странствованія по епархіи, подвергся тяжкому страданію въ правой рукѣ отъ ревматизма, и эта болѣзнь продолжалась всю зиму и весну (1852 г.), не оставляла и лѣтомъ. По совѣту врачей пр. Иннокентій выдержалъ полный курсъ минеральныхъ водъ и въ 1852 году отправился въ Крымъ пользоваться сакскими гремями³⁾.

Въ 1853 году, по возвращеніи изъ Петербурга, куда пр. Иннокентій ѣздилъ въ послѣдній разъ, онъ выдержалъ снова двухмѣсячное леченіе минеральными водами⁴⁾.

Наступившая затѣмъ Крымская война потребовала отъ пр. Иннокентія чрезвычайнаго подъема, сильнаго напряженія физическихъ и духовныхъ силъ. Какъ извѣстно, война эта не была счастлива для русскаго оружія, и всѣ военныя неудачи наши болѣзненно отзывались въ чуткой душѣ Иннокентія, подрывая и безъ того некрѣпкое его здоровье. Какъ тяжело отражались на знаменитомъ архипастырѣ вѣсти о неуспѣхахъ русскихъ въ Крымскую войну, объ этомъ можно судить по разсказу И. У. Палимпсестова въ «воспоминаніяхъ объ Иннокентіи». «При-

¹⁾ См. *Рус. Стар.* XXIV, 681 и 690 стр.

²⁾ *Стран.* 1887 г. III, 610 стр.

³⁾ Письмо Иннок. къ гр. Протасову. *Христ. Чтен.* 1886 г. I, 236.

⁴⁾ Письмо Иннок. къ Вел. кн. Копст. Никол. *Ibid.* 229 стр.

хожу я, говорить этотъ авторъ «вспоминаній», и это было именно въ тотъ день, наканунѣ котораго пришла въ Одессу роковая вѣсть о злополучной для насъ битвѣ на Черной. Иннокентій вышелъ ко мнѣ изъ своей спальни. Смотрю я на него и вижу страшную перемѣну: глаза какъ будто какіе-то мутные, блуждающіе; все лицо, какъ говорится, осунулось, измялось¹⁾. Можно послѣ этого судить, что переживалъ пр. Иннокентій послѣ того, какъ посѣтилъ «многострадальный» Севастополь, увидѣлъ его положеніе, получилъ затѣмъ вѣсть о взятіи этого города врагами Россіи, а также услышалъ прискорбное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича?.. «Въ эти два года, писалъ знаменитый архипастырь Н. Н. Романовскому 1-го марта 1856 г., мы пережили какъ будто 20 лѣтъ»²⁾. Лица, видѣвшія пр. Иннокентія въ Севастополѣ во время осады этого города и знавшія пресвященнаго раньше, находили его «очень постарѣлымъ». Да, «Крымская война преждевременно ускорила смерть и Государя Николая Павловича, такъ уважавшаго свѣтлый умъ Иннокентія, и смерть самого Иннокентія, котораго душа изболѣлась, глядя на русскую голгоу»³⁾.

Когда окончилась Крымская война, и жизнь вступила въ обычную колею, пр. Иннокентій ясно почувствовалъ тотъ упадокъ силъ, который былъ прямымъ послѣдствіемъ сильнаго подъема ихъ въ военное время. Въ 1856 году, во время поѣздки въ Москву на коронацію Государя Императора Александра II, Иннокентій чувствовалъ себя дурно и предчувствовалъ близость своей кончины. На обратномъ пути изъ Москвы въ Одессу Иннокентій посѣтилъ Харьковъ и отсюда проѣхалъ въ любимый имъ Святогорскій монастырь, въ которомъ, предчувствуя близкую

¹⁾ Стран. 1888 г. I, 488—489 стр.

²⁾ Пис. Инн. къ Романовскому напеч. въ *Вѣр. и Разум.* 1886 г., I, прим. къ 163.

³⁾ Стран. 1887 г. III, 611.

свою кончину, просилъ прощенія себѣ у настоятеля обители и братіи, такъ какъ не надѣялся уже болѣе увидѣться съ ними въ здѣшной жизни ¹⁾).

Съ наступленіемъ 1857 года пр. Иннокентій сталъ чувствовать себя все хуже и хуже, хотя съ энергіею продолжалъ заниматься епархіальными дѣлами и по обычаю весною отправился въ странствованіе по епархіи. 17 апрѣля онъ въ послѣдній разъ совершилъ литургію и благодарственное молебствіе по случаю дня рожденія Государа въ Одесскомъ соборномъ храмѣ и въ тотъ же день въ шесть часовъ вечера выѣхалъ въ путь. Одессу оставилъ пр. Иннокентій не въ веселомъ расположеніи духа. Сопровождавшій архипастыря протоіерей Логиновскій достаточно подробно описалъ предсмертное путешествіе по епархіи знаменитаго іерарха и послѣдніе дни его жизни.

Отправившись изъ Одессы, пр. Иннокентій въ два дня (18 и 19 апрѣля) проѣхалъ Николаевъ, Херсонъ, Алешки, Перекопъ и прибылъ 20 апрѣля въ мѣстечко Акъ-мечеть, гдѣ совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ въ церкви, опозоренной бунтовщиками-татарами. 21 апрѣля архипастырь былъ въ раззоренной Евпаторіи и служилъ въ соборѣ, изъ котораго отправился на то мѣсто, гдѣ, во время двукратныхъ попытокъ вырвать Евпаторію изъ рукъ враговъ, легло нѣсколько тысячъ нашихъ воиновъ; долго молился на этомъ мѣстѣ и убѣждалъ гражданъ соорудить тамъ памятникъ, съ часовнею внутри.

На слѣдующій день Иннокентій сравнительно здоровый и веселый прибылъ въ Симферополь и остановился у кн. Воронцова. 23 апр. онъ совершалъ въ соборѣ литургію и произнесъ прекрасное слово о загробной жизни—блаженствѣ праведниковъ и мученіяхъ грѣшниковъ. «Всѣ слушали съ умиленіемъ, говорить прот. Логиновскій; многіе воздыхали, а на глазахъ иныхъ виднѣлись слезы... Никто изъ предстоящихъ не думалъ тогда, конечно, что это уже послѣднее слово нашего Златоуста»...

¹⁾ Впечатлѣнія Украйны и Севаст. Муравьева. 2 стр.

Въ Симферополѣ пр. Иннокентій пробылъ два дня и занимался благоустроениемъ раззореннаго Крымскаго полуострова. Такъ онъ указалъ мѣста въ этомъ городѣ для новой Петро-Павловской церкви и для новой церкви греческой; настаивалъ на необходимости устройства церкви въ военномъ Симферопольскомъ госпиталѣ; замѣщалъ вакантныя священническія мѣста; замышлялъ даже измѣненіе формы консисторскаго дѣлопроизводства.

25 апрѣля пр. Иннокентій посѣтилъ мѣсто Альмской битвы и разсматривалъ, гдѣ бы лучше поставить памятникъ-часовню. Вечеромъ того же дня архипастыръ прибылъ въ Бакчисарайскій Успенскій скитъ, въ которомъ прожилъ два дня, занимаясь дѣлами, какъ этой обители, такъ и сосѣднихъ церквей и монастырей, дѣлая свои замѣчанія и указанія относительно благоустройства свята. Здѣсь же 27 апрѣля преосвященный почувствовалъ боль въ лѣвомъ боку. Ночь на 28 число онъ провелъ безъ сна, безпокойно; боль усиливалась.

Однако на другой день онъ рѣшился ѣхать въ Балаклавскій монастырь и здѣсь уже слегъ совсѣмъ, такъ что 2 мая пожелалъ исповѣдываться, а 3 мая причастился св. Тайнъ. Въ этомъ монастырѣ Иннокентій пробылъ до 7 мая, былъ очень слабъ, лишился сна и аппетита, просилъ молиться за него въ церкви, но не переставалъ заниматься дѣлами епархіи, а также исправлялъ акаѳистъ ко причащенію св. Тайнъ. Дальнѣйшая повѣзка по Крыму, конечно, была отложена; пр. Иннокентій началъ торопиться возвращеніемъ въ Одессу. «Ахъ, какъ бы скорѣе домой.. пожалуй и умрешь здѣсь»,—нѣсколько разъ говорилъ онъ въ Балаклавскомъ монастырѣ.

7 мая, простившись съ братією обители, Иннокентій отправился въ кафедральный городъ и чрезъ Симферополь и Николаевъ 11 мая прибылъ въ Одессу. 12 мая былъ составленъ консилиумъ докторовъ, въ которомъ на слѣдующій день принялъ участіе и знаменитый Пироговъ; но на поправленіе здоровья архипастыря оказывалось такъ

мало надежды, что больной почти не захотѣлъ и лечиться. Въ это время, по словамъ протоіерея Логиновскаго, пр. Иннокентій оставался въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умѣ, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ; рѣчь его была кратка и отрывиста; нерѣдко видѣли его жолѣнопреклонно молящимся; не разъ говорилъ онъ окружающимъ о близкой своей смерти; лежалъ онъ рѣдко, а почти всегда дни и ночи или ходилъ тихо по комнатамъ, или сидѣлъ, склонивши голову на грудь, блѣдный, изнеможенный. Впрочемъ больной архипастырѣ не оставлялъ занятій: то слушалъ чтеніе книгъ, преимущественно проповѣдей м. Филарета, то пересматривалъ и исправлялъ службу священномученикамъ Херсонскимъ, то слабою рукою иногда писалъ молитвы и стихи изъ псалмовъ Давида.

Чувствуя приближеніе своей смерти, пр. Иннокентій озаботился заготовленіемъ духовнаго завѣщанія, по которому всѣ свои деньги раздалъ: 1) сиротамъ, воспитывавшимся въ женскомъ Михайловскомъ монастырѣ; 2) основаннымъ имъ въ Крыму обителямъ; 3) родственникамъ своимъ и 4) лицамъ, бывшимъ у него въ услуженіи. Свое знаменитое сочиненіе, сданное тогда уже въ печать, — «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» Иннокентій завѣщалъ попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и низшимъ консисторскимъ чиновникамъ. Корректуру этого печатаемаго сочиненія архипастырѣ самъ прочитывалъ еще 25 мая, т.-е. наканунѣ своей смерти. Въ этотъ день до трехъ часовъ пополудни преосвященный пробылъ на своей дачѣ, даже осматривалъ садъ и хозяйство; по возвращеніи въ городъ, принималъ у себя графа Строганова и бесѣдовалъ съ нимъ около часу. Послѣ всеобщей онъ разговаривалъ на балконѣ съ преосвященнымъ викаріемъ, отправлявшимся въ Іерусалимскую миссію и даже «просилъ приготовить для него особое помѣщеніе въ Іерусалимѣ, когда, Богъ дастъ, тамъ будетъ». «Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ онъ велѣлъ

тогда выпустить изъ клітокъ всѣхъ птичекъ на волю. Въ 11 часовъ ночи былъ съ нимъ сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся болѣе часа. Къ этому времени поспѣшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодарилъ ихъ за участіе, но говорилъ, что у него ни что не болитъ... Послѣдніе два съ половиною часа провелъ въ безпокойствѣ, но, какъ и прежде, въ совершенно полномъ умѣ и умиленно-молитвенномъ расположеніи духа...; приказалъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна на полу въ гостиной... Уже свѣтало; часъ былъ пятый въ началѣ—праздникъ св. Троицы (26 мая). Владыка всталъ, набожно перекрестился нѣсколько разъ, прошелся тихо по комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня,... умиленно сказалъ: «Господи! какой день!..» Потомъ приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза: «а, вотъ этакъ хорошо». Потомъ, сказавъ поспѣшно: «скорѣе поднимите меня» и на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣно-преклоненный, незамѣтно скончался¹⁾.

Заунывный звонъ соборнаго колокола извѣстилъ жителямъ Одессы, что они лишились любимаго ими архипастыря, незабвеннаго, несравненнаго Иннокентія, и что въ русской землѣ однимъ великимъ человѣкомъ стало меньше!..

Замѣчательно, что первое свое служеніе въ Одессѣ пр. Иннокентій совершилъ въ Троицынъ день и въ Троицынъ же день оставилъ свою паству и переселился въ жизнь вѣчную.

Мѣстомъ вѣчнаго упокоенія для пр. Иннокентія послужилъ Одесскій каѳедральный Преображенскій соборъ, столь любимый самимъ архипастыремъ.

Печальный обрядъ погребенія знаменитаго іерарха и славнаго витія херсонскаго архіепископа Иннокентія, по

¹⁾ О послѣднихъ дняхъ жизни Иннокентія см. „Вѣнокъ на могилу высокопр. Инн., архіеп. Таврическаго“. Погодина. 44—61 стр.

распоряженію Святѣйшаго Синода, совершилъ Кишиневскій архіепископъ Иривархъ ¹⁾, тотъ самый архипастырь, который былъ преемникомъ пр. Иннокентія на Вологодской кафедрѣ, котораго почившій владыка считалъ «однимъ изъ достойнѣйшихъ пастырей», который былъ нѣкогда наставникомъ Иннокентія въ наукахъ и котораго, наконецъ, скончавшійся Херсонскій архипастырь желалъ имѣть наставникомъ и въ жизни духовной.

Въ погребеніи пр. Иннокентія съ архіепископомъ Иривархомъ приняли участіе и бывшій викарій Херсонской епархіи, пр. Поликарпъ ²⁾, и все одесское духовенство, лишившееся своего славнаго архипастыря — своего отца и благодѣтеля.

Н. Левитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Иривархъ (Поповъ), впоследствии архіеп. Рязанскій, скончался на покой 25 сент. 1877 года.

²⁾ Пр. Поликарпъ (Радкевичъ) скончался въ санѣ епископа Орловскаго 29 августа 1867 года.

О МОЛИТВѢ.*)

Если дѣйствиємъ однихъ естественныхъ условій нельзя объяснить силъ индивидуальныхъ, этихъ коренныхъ силъ человѣческой исторіи, тѣмъ болѣе ими нельзя объяснить общаго теченія исторической жизни человѣчества. На послѣднюю такъ или иначе вліяютъ различныя естественныя условія. Этого нельзя отрицать. Но нужно быть далекими отъ признанія за этими условіями абсолютнаго значенія въ дѣлѣ развитія исторической жизни. Разсматривая теченіе исторической жизни, мы замѣчаемъ въ ней удивительную гармонію, въ чемъ не отказываютъ ей и сами Дрѣперъ и Бокль. Это ясный знакъ того, что здѣсь дѣйствуютъ не одни законы природы, такъ какъ они сами по себѣ, какъ слѣпыя и неразумныя, не могутъ направлять себя и дѣйствовать цѣлесообразно. Кромѣ того, въ исторіи человѣчества мы замѣчаемъ опредѣленную цѣль, средства къ достиженію этой цѣли и удивительное приспособленіе послѣднихъ къ первой. Цѣль, которой служитъ человѣчество—постепенное осуществленіе послѣднимъ въ своей жизни въ возможной полнотѣ идеи истины и добра,—иначе говоря, постепенное приближеніе человѣчества къ Богу. Внимательное наблюденіе надъ ходомъ умственной и нравственной сторонъ въ жизни человѣчества убѣдитъ насъ въ этомъ. Впрочемъ, на первый взглядъ умственная сторона въ жизни человѣчества представляетъ смѣсь истины съ заблужденіями; мы видимъ, что истина преслѣдуется и, подавляемая ложью, какъ будто

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

совершенно исчезаетъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: истина все болѣе и болѣе развивается, крѣпнеть, забитая она снова оживаетъ и приобретаетъ еще большую силу. Подобно и нравственная сторона въ жизни человѣчества представляетъ все большее и большее осуществленіе послѣднимъ въ своей жизни идеи добра. Правда, на первый взглядъ она покажется намъ борьбою благородныхъ стремленій съ эгоистическими, борьбою свободы съ деспотизмомъ, общаго блага съ благомъ частнымъ.

Итакъ, исторія человѣчества есть постепенное осуществленіе идей истины и добра; въ ней мы видимъ такую связь событій, въ силу которой все предыдущее служитъ средствомъ для послѣдующаго. Кто же направляетъ человѣчество къ этой цѣли? Кто премудро приспособляетъ средства къ достиженію этой цѣли? Кто есть высочайшая истина, Кто есть высочайшее, совершеннѣйшее добро, Тотъ, безъ сомнѣнія, и ведетъ человѣчество къ указанной цѣли и искусно приспособляетъ средства къ достиженію ея, т. е. Богъ. «Онъ не только не стоитъ внѣ всякаго отношенія къ человѣческой исторіи и не исключается ею, но, напротивъ, служитъ самымъ глубочайшимъ двигателемъ ея, поелику Онъ не только вообще творитъ, но такъ или иначе опредѣляетъ самыя коренныя силы этой исторіи—именно, человѣческія духовныя силы, и не только опредѣляетъ эти силы однажды навсегда въ моментъ созданія ихъ, но и потомъ ихъ укрѣпляетъ, воспитываетъ, вдохновляетъ ¹⁾. А ссылаться на слѣпые, безсознательные механическіе законы, или утверждать, что все это происходитъ въ силу «историческаго метода», какъ выражаются Бюкль и Дрэперъ, значитъ ничего не сказать.

¹⁾ „Вѣра въ Бога какъ всеблагаго міропромыслителя“, стр. 55.—А вотъ что говоритъ Фихте: „Богъ самъ творитъ исторію. Если изъ событій отдаленнѣйшихъ, повидимому, самыхъ безсвязныхъ и случайныхъ выходитъ результатъ, отрывающій въ нихъ вмѣсто случайности проникающее осуществленное ими мысле-отношеніе и цѣле-отношенія, то это представляетъ намъ фактическое доказательство цѣлеполагающей дѣятельности Божественнаго міроправителя“.

Разбираемая нами теорія самоуправленія міра одними естественными законами, теорія, по всей видимости, самая роковая для идеи промысла Божія, вторглась своею разрушительною силою даже въ глубочайшую и высочайшую сферу религіи. Съ наибольшою рѣшительностью и безпощадностью это сдѣлалъ Огюсть Контъ, извѣстный основатель такъ называемой позитивной философіи, приложившій основной законъ развитія и къ религіи, считая ее продуктомъ чисто естественныхъ вліяній ¹⁾). Сдѣлаемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній и о теоріи Огюста Конта.

Мы не отвергаемъ постепенности въ развитіи религіознаго сознанія, но ея не исключается божественное воздѣйствіе на духъ человѣка въ сферѣ религіи. Все дѣло въ томъ, что нужно правильно понимать и представлять это воздѣйствіе. Послѣднее можно сравнить съ фактомъ чувственнаго воспріятія. Извѣстный предметъ дѣйствуетъ на

¹⁾ Что религія есть продуктъ чисто естественныхъ вліяній, Огюсть Контъ доказываетъ это постепенностью въ развитіи религіознаго сознанія человѣчества. „Я увѣренъ, говоритъ онъ о себѣ, что я открылъ великій и постоянный законъ исторіи человѣческаго духа, который состоитъ въ томъ, что человѣческая мысль и жизнь въ своемъ постепенномъ развитіи проходятъ послѣдовательно три различныхъ состоянія—сначала дѣтское состояніе или мечтательно вѣрующее, потомъ состояніе метафизическое или отвлеченно-философское и, наконецъ, состояніе чисто научное или позитивное. Эти три великія ступени проходитъ человѣческій разумъ въ своемъ стремленіи къ совершенному знанію или истинѣ. Но и самая первая теологическая или религіозная эпоха проходитъ три момента: сначала фетишизмъ, соотвѣтствующій самому первобытному состоянію человѣчества, потомъ политеизмъ, бывшій достояніемъ древняго цивилизованнаго міра—восточнаго и греко-римскаго, и, наконецъ, монотеизмъ, составляющій достояніе, но не постоянное, новаго европейскаго цивилизованнаго міра. Къ монотеизму умъ человѣческій переходитъ отъ политеизма постепенно чрезъ посредственную ступень идеи постоянства или судьбы, внушаемой наблюденіемъ неизмѣннаго порядка міра, такъ что не будь даже іудейскаго, такъ называемаго, богооткровеннаго монотеизма, все равно мысль человѣческая необходимо пришла бы къ нему по закону постепеннаго развитія“.

нашу душу. Послѣдняя отзывается соотвѣтствующимъ ощущеніемъ, которое есть ея собственное состояніе, есть нѣчто активное и никогда не производимое изъ внѣшняго возбужденія. Воздѣйствіе Божіе пораждаетъ въ нашей душѣ религіозныя состоянія и настроенія, которыя составляютъ ея собственность, а не внѣшнія, пассивныя, въ которыхъ она не принимаетъ никакого дѣятельнаго участія. Душа можетъ перерабатывать ихъ въ представленія, понятія, сводить эти понятія въ систему. Различіе въ религіозныхъ состояніяхъ и настроеніяхъ, въ ихъ переработкѣ въ представленія, понятія и въ систематизированія послѣднихъ, конечно, бываетъ, но это происходитъ вслѣдствіе различія въ умственномъ и нравственномъ состояніяхъ человѣчества. Когда человѣчество живетъ въ сферѣ бытія чувственнаго, тогда и представленія его носятъ натуралистическій характеръ. Религіозныя представленія дѣлаются чище и возвышеннѣе, когда духовныя силы его крѣпнутъ и оно возвышается надъ сферою бытія чувственнаго.

Но абсолютной постепенности въ исторіи религіи допустить нельзя. Изучая исторію религіи, мы встрѣчаемся съ такого рода новыми религіями, которыхъ нельзя вывести изъ предшествующаго религіознаго развитія, такъ что къ старымъ религіямъ онѣ относятся отрицательно. «Элементы новой религіи хотя, пожалуй, существовали и въ старой, но существовали въ такихъ беспорядочныхъ соединеніяхъ, что они представляли не то вовсе, что даетъ новая религія, поставляя эти элементы въ совершенно новыя комбинаціи». Этотъ фактъ совершенно новыхъ религій въ концѣ разрушаетъ теорію Огюста Конта, отрицающую въ религіозной жизни человѣчества промыслъ Божій. Если бы одни естественныя законы обусловливали исторію религіи, то послѣдняя не представляла бы такихъ скачковъ и перерывовъ. Если же подобное существуетъ въ видѣ религій совершенно новыхъ, то, слѣдовательно, для объясненія ихъ нужно допустить внѣшнее творческое начало. Такимъ на-

чаломъ является Богъ, Который возбудилъ въ душѣ и первыя религіозныя расположенія ¹⁾).

Разсмотрѣніе теорій, старающихся жизнь органическую историческую жизнь человѣчества и исторію религіи объяснить одними естественными силами и законами, приводитъ къ тому, что во всѣхъ сферахъ бытія дѣйствуетъ промыслительная сила Божія, хотя и на ряду съ этими силами и законами ²⁾. Взглядъ же ученыхъ, будто бы они все въ мірѣ и въ исторіи человѣчества вывели изъ естественныхъ законовъ, свидѣлствуетъ ни о чемъ другомъ, какъ только о ихъ «самообольщеніи». Мы уже не говоримъ о томъ, что новѣйшее естествовѣдѣніе пока еще далеко не можетъ похвалиться полнымъ и всестороннимъ знаніемъ законовъ природы ³⁾, а также искусствомъ посредствомъ ихъ вполнѣ удовлетворительно изъяснить всѣ міровыя явленія, такъ какъ эти изъясненія, особенно если они касаются выходящаго за предѣлы чисто физическихъ законовъ духовно-нравственнаго и религіознаго порядка вещей, часто оказываются совершенно несо-

¹⁾ На указанныя выше теоріи критическія замѣчанія находятся въ статьѣ „Разборъ древнихъ и новѣйшихъ мнѣній, противныхъ ученію о промыслѣ Божіемъ“.—*Воин. Епарх. Вѣдомости*, 1887 г., стр. 105—110.

²⁾ Ту мысль, что естественные законы не исключаютъ міроуправленія Божія, можно объяснить такимъ сравненіемъ. Какъ движенія нашихъ членовъ совершаются по физико-химическимъ законамъ необходимости, и, однакожь, вызываются не этими законами, а нашею сознательною волею; и какъ равно отправленія нашего организма совершаются по законамъ необходимости, однакожь человѣкъ силою своей воли можетъ дѣйствовать посредствомъ нервовъ на эти отправленія, можетъ ускорять или замедлять ихъ: такъ и ходъ міровыхъ явленій, хотя совершается по естественнымъ законамъ необходимости, однакожь приводится въ дѣйствіе и управляется волею Божіею.—Эбрардъ. Апологетика, т. 1, стр. 215.

³⁾ По вполнѣ справедливому замѣчанію Руссо, природу мы знаемъ еще недостаточно для того, чтобы говорить о томъ, каковы ея законы.—См. ст. „Мѣсто и значеніе чудесъ въ системѣ христіанства“.—*Христ. Чт.* 1863 г., т. 3.

стоятельными и расходящимися съ дѣйствительностью, А, напротивъ, допустимъ даже, что оно рано или поздно успѣетъ достигнуть полнаго знанія законовъ не только чисто физическаго, но и духовно-нравственнаго и религіознаго бытія, а также, что въ состояніи будетъ посредствомъ этихъ законовъ изъяснить если не всѣ, то почти всѣ явленія какъ физическаго, такъ и духовно-нравственнаго міра. Но и въ этомъ случаѣ можетъ ли остановиться наша мысль на однихъ законахъ природы, какъ на послѣднемъ основаніи, при объясненіи существующаго порядка вещей?... Изученіе, поэтому, законовъ природы, гдѣ-бы они ни изучались, въ мірѣ-ли физическомъ, или духовно-нравственномъ, въ судьбѣ-ли частныхъ людей, или въ исторіи человѣчества, чуждое, конечно, всякихъ предубѣжденій, ни въ какомъ случаѣ не должно приводить къ ослабленію или даже совершенному ислѣженію мысли о Верховномъ промыслителѣ и міроправителѣ, а скорѣе должно вести къ ея просвѣтленію, оживленію и укрѣпленію. Это самымъ дѣломъ оправдывалось въ лицѣ Ньютона, Кеплера, Линнея и другихъ естествоиспытателей. Означенные ученые серьезно изслѣдовали и болѣе другихъ знали силы и законы природы; однакожь чѣмъ болѣе узнавали природу, тѣмъ болѣе проникались благоговѣніемъ къ ея Творцу и Промыслителю и становились религіознѣе. Кеплеръ опредѣлившій отношеніе всѣхъ планетъ въ солнечной системѣ, открывшій пути, по которымъ планеты обращаются около солнца, говоритъ: «нельзя не допустить, что есть Умъ, который управляетъ законами природы». Свое сочиненіе о гармоніи Кеплеръ заключаетъ слѣдующими словами: «Благодарю Тебя, Создатель и Богъ мой, что Ты даровалъ мнѣ эту радость о твореніи Твоемъ, это восхищеніе дѣлами рукъ Твоихъ. Я выполнилъ свое жизненное призваніе, благодаря мышленію, способность и силу коего даровалъ Ты мнѣ. Я открылъ величіе дѣлъ Твоихъ людямъ, насколько могъ мой конечный духъ постигнуть Твою безконечность. Если я сказалъ что-нибудь недостойное Тебя, то прости меня благостію и

милосердіемъ Твоимъ. Благословляйте Господа небесныя силы! Душа моя, благословляй Господа!»¹⁾). Исаакъ Ньютонъ, открывшій общіе законы вселенной, говоритъ: «надо полагать, что всему порядку и гармоніи вселенной есть разумная причина, которая одна управляетъ міромъ, произведши гармонію и разнообразіе, но не слѣпой случай. Поэтому нужно предполагать существованіе Бога живаго, личнаго, а не мертваго,—безличнаго, Богъ живой всѣмъ движетъ и всѣмъ управляетъ. Онъ есть Творецъ и Промыслитель»²⁾). Вслѣдъ за открытіемъ законовъ притяженія и тяготѣнія, Пьютонъ въ умиленіи воскликнулъ: «Я узрѣлъ Господа въ дѣлахъ Его и законахъ природы, обнаруживающихъ существованіе мудрости и силы, независимыхъ отъ матеріи»³⁾). Линней въ сочиненіи «Systema naturae» исповѣдуетъ величіе и премудрость Бога—Творца и Владыки вселенной⁴⁾). Коперникъ, опредѣлившій отношеніе нашей планеты къ солнечной системѣ, нашедши у прежнихъ естествоиспытателей одно противорѣчіе гипотезъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ законы природы подчиняются такому Уму, который всѣмъ управляетъ,—что законы сами по себѣ не могутъ существовать безъ Ума высшаго»⁵⁾). Нельзя не вспомнить въ высшей степени справедливаго замѣчанія англійскаго философа Бакона Веруламскаго, что только легкое и поверхностное занятіе наукою можетъ вести къ безбожію, болѣе же полное и основательное приводитъ къ религіи⁶⁾). Справедливо-ли, поэтому, отрицаніе Провидѣнія учеными естествовѣдами, когда многіе и изъ ихъ лагеря признаютъ его? Бенеръ, принадлежавшій къ тому же лагерю (т. е. къ естествоиспытателямъ), написалъ

¹⁾ *Христ. Чтеніе* за 1887 г. см. ст. „Вѣра и знаніе“. „Догматическое богословіе“ арх. Іустина, ч. I, стр. 274.

²⁾ „Догматическое богословіе“ арх. Іустина, ч. I, стр. 274.

³⁾ *Христіан. Чтеніе* за 1887 г. см. ст. „Вѣра и знаніе“.

⁴⁾ *Правосл. Собесѣдникъ*, 1871 г. ч. 2, стр. 277—279.

⁵⁾ „Догмат. богослов.“ Іустина, стр. 273.

⁶⁾ Основное Богословіе, Августина, изд. 2, стр. 47.

огромную книгу «Библия природы», коей назначеніе «быть колючимъ шипомъ для совѣсти невѣрующаго въ Провидѣдѣніе....., противодѣйствовать кичливости высокоумнаго мудреца»¹⁾). Въ этомъ сочиненіи онъ между прочимъ говорить: «когда я узнаю, что въ малѣйшихъ частицахъ кристалловъ и клѣточекъ растеній дѣйствуютъ тѣ же законы, которые господствуютъ и во всей системѣ необъятнаго мірозданія,—когда я нахожу, что каждая капля моей крови, каждое волокно моего нерва состоитъ изъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая составляетъ, само по себѣ, правильную организацію и въ то же время гармонируетъ съ цѣлымъ, тогда поневолѣ я чувствую, что жизнь и существо мое во всемогущей и премудрой десницѣ Того, Кто жизнь моей жизни»²⁾). А немного раньше онъ говоритъ слѣдующее: «порядокъ и глубокій смыслъ природы, удивительное единство въ разнообразномъ проявленіи святаго закона, дивная гармонія и неисчерпаемое обиліе жизни во вселенной, это тысячегласное свидѣтельство о бытіи безконечнаго духа, доставляетъ намъ лучшій способъ убѣдиться въ томъ, что вѣчная мудрость и любовь владѣютъ во вселенной»³⁾).

Дѣйствительно, отрицать Провидѣніе и утверждать, что все совершается исключительно только по законамъ природы съ необходимостью, значить утверждать, что всѣмъ заправляетъ случай, волѣ котораго Творецъ предоставилъ все въ мірѣ и даже нашу жизнь. Но что такое случай? Это нѣчто необъяснимое, несуществующее, которое, однакожъ, управляетъ всѣмъ. Нѣтъ, «въ Божіемъ мірѣ нигдѣ не управляетъ слѣпой случай или неразумная естественная необходимость; напротивъ того, скорѣе Божій разумъ исключительно проникаетъ все, предусмотрѣвъ притомъ назначеніе какъ всего мірозданія, такъ и каждаго отдѣльнаго звена его, и на каждомъ изъ нихъ ясно напечатлѣвъ

¹⁾ „Библия природы“ А. Бенера, т. 1, предисловіе.

²⁾ Томъ 1, кн. 1, стр. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 2.

его предназначеніе¹⁾). Богъ опредѣлилъ извѣстное Ему количество дождя для земли и даже сосчиталъ капли дождевыя; Онъ опредѣлилъ количество дней ясныхъ и дождливыхъ, теплыхъ и холодныхъ, каждому дню въ году назначилъ свою степень теплоты, холода и долготы; Онъ опредѣлилъ вѣсь вѣтровъ, количество воздушныхъ явленій, назначилъ пути дождю, молніямъ и громамъ. Иныя изъ нихъ проходятъ мѣста дикія и пустынные, иныя идутъ мѣстами населенными. И не случайно, но по указанію премудраго Зиждителя, дождевыя облака обходятъ иное мѣсто и производятъ въ немъ засуху, или, по слову пророка, превращаютъ землю плодоносную въ «сланость» (соленую степь) отъ злобы живущихъ на ней. Не случайно молнія падаетъ на жилище и голову человѣка: она идетъ путемъ, назначеннымъ ей въ планѣ мірозданія... Злодѣй, роющій яму другимъ, самъ попадаетъ въ нее, конечно, не по случаю, а по промыслу Божію; клеветникъ обличается и безславится не случайно, а по изволенію Отца Небеснаго. Почти никогда не скрываются отъ гражданскаго суда тайный убійца не потому, чтобы люди были слишкомъ проницательны, а потому, что высшій попечитель общественнаго благосостоянія Богъ, такъ сказать, путаетъ преступника въ его сѣтяхъ, и преступникъ, самъ не замѣчая того, оставляетъ ясные слѣды своего преступленія.

Представители такъ называемаго механическаго міровоззрѣнія не въ состояніи оспорить того, что во вселенной и въ судьбѣ людей дѣйствуетъ промыслительная сила Божія, хотя на ряду съ законами природы. Эти представители должны показать и доказать, что не только въ области природы, но и въ человѣческой жизни всегда и во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ дѣйствовали и дѣйствуютъ одни естественные и именно такіе-то и такіе дѣятели. Но кто же и какимъ образомъ можетъ узнать это? Никто изъ представителей естествознанія не можетъ отвѣтить даже на та-

¹⁾ „Библия природы“ Бенера, т. 2, кн. 9, стр. 86.

кой вопросъ: почему именно тогда-то и тамъ-то выпалъ дождь или снѣгъ или почему именно въ такомъ-то году преобладали лѣтомъ необычныя жары, а зимою свирѣпствовали чрезвычайные морозы. Даже на эти вопросы не въ состояніи давать доказательнаго и точнаго отвѣта естествознаніе. Если же нѣкоторые натуралисты и кичатся тѣмъ, будто бы они изъяснили изъ однихъ естественныхъ дѣятелей даже развитіе растительнаго и животнаго царства, то это вѣдь не болѣе, какъ «самообольщеніе». Что же касается до судьбъ человѣчества, отдѣльныхъ народовъ и частныхъ лицъ, то точнѣ также никакому историку не удалось и никогда не удастся изъяснить эти судьбы изъ необходимой лишь натуральной связи причинъ и дѣйствій. Въ этой области даже еще менѣе, чѣмъ въ области природы, возможно такое изъясненіе. Гдѣ дѣйствуютъ существа, одаренныя свободою воли, тамъ, строго говоря, нельзя даже и говорить о существованіи какихъ-либо необходимыхъ законовъ, которымъ бы подчинялась жизнедѣятельность ихъ. Свобода человѣческой воли, оставаясь вѣрною своей природѣ и не подчиняясь съ необходимостью не только вліянію видимаго міра, но даже гораздо вышему вліянію непосредственныхъ дѣйствій промысла Божія, всегда сохраняетъ въ себѣ силу опредѣлять себя въ выборѣ дѣйствій.

Вл. Масловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.*

О десятой заповѣди.

Десятая заповѣдь закона Божія читается, братіе, такъ: *не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.* Этою заповѣдію запрещаются, братіе, желанія, противныя любви къ ближнему, и, что неразлучно съ желаніями, *помышленія*, противныя этой любви. Въ предшествующихъ заповѣдяхъ Закона Божія запрещались преимущественно худыя дѣла, а въ десятой заповѣди запрещаются даже грѣховныя мысли и желанія. Это прежде всего потому, что, когда въ душѣ есть худыя желанія и помышленія, то она уже нечиста предъ Богомъ и Его недостойна, какъ говоритъ Соломонъ: *мерзость Господеви помыслъ неправедный* (Притч. 15, 26). Христіанинъ долженъ служить Богу не внѣшними только дѣлами своими, но и своими внутренними желаніями и помышленіями, заботиться и о чистотѣ сердца своего. Только *чистые сердцемъ*, по слову Спасителя, *Бога узрятъ* и въ небесный Іерусалимъ, по слову Апостола, *не войдетъ ничего нечистаго* (Апок. 21, 27). На страшномъ судѣ Христовомъ мы должны будемъ дать отвѣтъ предъ Богомъ за свои худыя мысли и желанія. «Прійдетъ Господь», говоритъ св. Апостоль Павелъ, «Который и освѣтитъ скрытое во мракѣ, и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога» (1 Кор. 4, 5). Подобно сему учили и св. подвижники. «Если иной разъ что нибудь похитить умъ», говорится напр. въ писаніи инокъвъ Каллиста и Игнатія,

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. Душ. Чит. 1902 г.

«не надо замедлять въ помыслахъ, дабы соглашеніе съ помыслами не вмѣнилось въ дѣло грѣховное въ день суда предъ лицомъ Господа, когда судить имѣеть Богъ тайная человѣковъ» (Добротол. т. 5, стр. 400). Посему, братіе, и нужно намъ очищать себя отъ этихъ внутреннихъ нечистотъ. *Измыйтеся и чисти будете*, говорилъ еще въ ветхомъ завѣтѣ Господь Богъ чрезъ пророка Исаію, *отгымите лукавства отъ дуиъ вашихъ* (Ис. 1, 16). И въ новомъ завѣтѣ св. Апостоль Павелъ призываетъ насъ: *очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страхъ Божіи* (2 Кор. 7, 1).

Есть, братіе, и другое основаніе того, почему запрещаются заповѣдію Божіею не только худыя дѣла, но и грѣховныя желанія и помышленія, а именно эти послѣднія служатъ въ насъ какъ бы сѣменами, отъ которыхъ рождаются первыя, и посему для предупрежденія грѣховныхъ дѣлъ нужно подавлять въ себѣ грѣховныя желанія и помышленія. Всякому нашему дѣлу предшествуетъ обыкновенно мысль или желаніе; посему—каковы мысли наши, или, что тоже, каково сердце наше, таковы будутъ и дѣла наши: отъ худыхъ мыслей происходятъ и худыя дѣла, а напротивъ, добрыя мысли рождаютъ и добрыя дѣла. Такъ и Спаситель учитъ: *благій человекъ отъ благого сокровища сердца своего износитъ благое: и злый человекъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. 6, 45). Также говорить объ этомъ и св. Апостоль Іаковъ: *кійждо искушается, отъ своя похоти влекомъ и прельшаемъ. Та же похоть заченши рождаетъ грѣхъ: грѣхъ же содѣянъ рождаетъ смерть* (Іаков. 1, 14—15). Вотъ, братіе, откуда грѣхи наши: сердце наше есть источникъ грѣха. Сначала зарождается въ насъ грѣховное пожеланіе, потомъ уже грѣхъ открывается наружу, *похоть заченши рождаетъ грѣхъ*. Вотъ почему и Господь Іисусъ Христосъ сердце человѣческое называетъ источникомъ всѣхъ беззаконій, когда говорить: *отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татѣбы, лжесвидѣтельства,*

хулы (Матѣ. 15, 19). Посему, братіе, мы и должны всѣчески бороться съ своими худыми мыслями и желаніями. Когда въ сердцѣ нашемъ не будетъ худыхъ или порочныхъ мыслей и желаній, не будетъ и самыхъ пороковъ, если же мы не будемъ обращать вниманія на свои злыя мысли и желанія, не будемъ бороться съ ними, то рано или поздно они перейдутъ у насъ въ порочныя дѣла. Вотъ почему, братіе, заповѣдъ Божія и запрещаетъ намъ имѣть въ сердцѣ своемъ худыя мысли и желанія.

Десятою заповѣдію Закона Божія сказали мы, братіе, запрещаются вообще мысли и желанія, противныя любви къ ближнему, въ частности же словами: *не пожелай жены искренняго твоего*, запрещаются мысли и желанія сладострастныя, или внутреннее прелюбодѣяніе, а словами: *не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего*,—мысли и желанія корыстолюбивыя и властолюбивыя. Такія мысли и желанія того, что есть у ближняго, обыкновенно называются *завистью*, таеъ что эта страсть и есть именно тотъ грѣхъ, который запрещается десятою заповѣдію закона Божія. Зависть есть мучительное чувство, съ которымъ человѣкъ смотритъ на благосостояніе и счастье ближняго своего; это, по слову св. Василія Великаго, есть «печаль о благополучіи ближняго» и утѣшеніе при видѣ паденія того, кто возбуждаетъ зависть. Грѣхъ зависти есть, братіе, тяжкій грѣхъ. Въ этомъ грѣхѣ люди уподобляются діаволу, который, по зависти къ первымъ людямъ, ввелъ ихъ въ грѣхъ. Посему Апостоль и называетъ зависть *мудростію бѣсовскою* (Іак. 3, 15). Отъ грѣха этого бываетъ, братіе, и много зла между людьми, ибо зависть всегда побуждаетъ завистливаго человѣка къ безчестнымъ поступкамъ. *Идѣже бо, говоритъ Апостоль, зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь* (Іак. 3, 16). «Какъ коршуны», говоритъ св. Василій Великій, «пролетая множество пріятныхъ и благоуханныхъ луговъ, стремятся къ чему либо зловонному

и какъ мухи, минуя здоровое, поспѣшаютъ на гной, такъ завистливые не смотрятъ на святость жизни, на величіе заслугъ, а нападаютъ на одно гнилое, и, если случится кому либо провиниться, они разглашаютъ это всюду и хотятъ, что бы по одному тому судили о человѣкѣ. Ихъ языкъ искусенъ сдѣлать презрѣннымъ похвальное, оклеветать добродѣтель, представивъ ее въ видѣ порока, ей противоположнаго. Мужественнаго называютъ дерзкимъ, цѣломудреннаго—безчувственнымъ, справедливаго — жестокимъ, благоразумнаго — коварнымъ, щедраго — расточительнымъ, бережливаго—скупымъ. Мало того, братіе, зависть дѣлаетъ иногда человѣка убійцею. Она вооружила Каина противъ Авеля, братьевъ противъ Іосифа, фарисеевъ противъ Іисуса Христа. Вотъ почему и Апостоль соединяетъ зависть и убійство, какъ сродные между собою грѣхи (Рим. 1, 29). Но не только вредитъ ближнимъ завистливый человѣкъ, онъ мучаетъ и самого себя. Другіе грѣхи противъ ближнихъ доставляютъ хотя какую нибудь выгоду или по крайней мѣрѣ временное удовольствіе, а завистливый только себя мучитъ и беспокоитъ. «Какъ ржавчина», говоритъ св. Василій Великій, «разъѣдаетъ желѣзо, какъ червь растлѣваетъ плодъ: такъ зависть—душу, въ которой она живетъ. Или, лучше сказать, какъ обь ехиднахъ говорятъ, что они рождаются, прогрызая рождающую ихъ утробу: такъ и зависть обыкновенно пожираетъ душу, которая ею мучится». «Зависть есть», говоритъ св. Тихонъ Задонскій, «печаль о добрѣ и благополучіи ближняго. Мучительная страсть! Въ прочихъ грѣхахъ какая нибудь, хотя мнимая сласть есть, а завистливый грѣшитъ, купно и мучится. Завистливый дѣлаетъ тое, чего и демонъ не дѣлаетъ: демонъ завидитъ только человѣку, а не демону, а человѣкъ человѣку завидитъ» (Твор. т. I, стр. 127—128 стр.). Вотъ, братіе, какъ тяжезь грѣхъ зависти! Какъ посему намъ нужно бороться съ этимъ грѣхомъ! «Нѣтъ ничего хуже зависти», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «чтобы погубить другого, завистливый губитъ и себя самого. Глазь завистливаго

снѣдается печалію. Завистливый живетъ въ непрерывной смерти, всѣхъ считаетъ своими врагами, даже и тѣхъ, которые ничѣмъ его не обидѣли. Онъ скорбитъ о томъ, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется діаволь. Приобрѣлъ ли кто почтеніе у людей? Это не честь; не завидуй? Почтенъ ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобенъ. Но ты не хочешь? Зачѣмъ же еще и губишь себя? Зачѣмъ бросаешь и то, что имѣешь? Ты не можешь сравняться съ нимъ и сдѣлать что нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь раздѣлять съ нимъ труды его, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, радоваться вмѣстѣ съ нимъ, что бы получить пользу отъ этого сорадованія. Вѣдь часто достаточно бываетъ и одного произволенія, что бы получить великое добро. Зависть есть звѣрь ядовитый, звѣрь нечистый, зло произвольное, не заслуживающее прощенія, порокъ, которому нѣтъ оправданія, причина и матеръ всѣхъ золъ. Итакъ уничтожимъ ее съ корнемъ, чтобы избавиться и отъ настоящихъ бѣдъ и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа» (Бес. на Іоанн. 55).

Запрещая грѣхъ зависти вообще и въ частности запрещая мысли и желанія сладострастныя, корыстолюбивыя и властолюбивыя, десятая заповѣдь Закона Божія тѣмъ самымъ научаетъ насъ *хранить чистоту сердца* и быть *довольну своимъ жребіемъ*. *Очисти*, говоритъ Господь Иисусъ Христосъ, *прежде внутреннее сткляницы и блюда* (т. е. души) *да будетъ и внѣшнее ихъ чисто* (т. е. тѣло. Матѣ. 23, 26). Какимъ именно образомъ можно хранить чистоту сердца, — объ этомъ мы уже бесѣдовали съ вами, братіе, при объясненіи шестой заповѣди блаженства и седьмой заповѣди Закона Божія, а именно говорили, что для сохраненія чистоты сердца нужно постоянно бодрствовать надъ собою, быть внимательнымъ къ мыслямъ и желаніямъ, возникающимъ въ душѣ, нужны воздержаніе въ пищѣ и питъѣ, память о смерти, покаяніе и причащеніе св. Христовыхъ Таинъ. Но особенно, братіе, по ученію Слова Божія и св.

Отповъ, для очищенія сердца нужно частое и усердное *призываніе имени Господа нашего Іисуса Христа*. Призываемое съ вѣрою имя Господа нашего имѣеть великую силу для отраженія искушеній. *Именемъ Моимъ бгсы ижденутъ*, сказалъ Самъ Господь (Марк. 16, 17), и еще: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отець въ Сынъ* (Іоанн. 14, 13). Посему, братіе, въ Богу нашему Спасителю мы и должны прибѣгать. «Мы имѣемъ», говоритъ св. Апостоль Павелъ, «не такого первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха. Какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ; то можетъ и искушаемымъ помочь (Евр. 4, 15; 2, 18). Вотъ почему, братіе, св. подвижники призываніе имени Господа Іисуса Христа почитали самымъ дѣйственнымъ средствомъ для очищенія сердца, для борьбы съ помыслами. «Да не пресѣкается у насъ никогда», говоритъ Исихій, пресвитерь Іерусалимскій, «сердечное вниманіе, трезвеніе, прекословіе помысламъ и молитва ко Христу Іисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кромѣ Іисусовой, не найти тебѣ во всю жизнь твою: потому что только Онъ Одинъ Господь, яко Богъ, знаетъ демонскіе ковы, обходы и лукавства. Какъ дождь чѣмъ въ большемъ количествѣ ниспадаетъ на землю, тѣмъ болѣе умягчаетъ ее: такъ и землю сердца нашего радуеть и веселить святое имя Христово, нами возглашаемое, чѣмъ чаще оно призывается. Какъ безъ большого корабля нельзя переплыть морской пучины: такъ безъ призыванія Іисуса Христа не возможно изгнать прилога помысла лукаваго» (Святоот. наст. 194. 215 стр.). «Если войдетъ помысль», читаемъ въ писаніяхъ св. Варсонафія и Іоанна, «не смущайся, но разсмотри что онъ хочеть сдѣлать, и сопротивляйся безмятежно призывая Господа. Господь пришедши въ землю Іудейскую, т. е. въ сердце человѣческое, изгонить бѣсовъ. Итакъ воззови къ нему, какъ ученики: *наставниче, спаси ны, погибаемъ* (Матѳ. 8, 25); и Онъ, пробудившись, запретить вѣ-

трамъ мыслимымъ, и утихнуть; ибо его есть сила и слава во вѣки (Тамъ же 361 стр.).—Кромѣ сохраненія чистоты сердца десятая заповѣдь Закона Божія, сказали мы, научаеъ насъ быть довольными своимъ жребіемъ. Это именно нужно въ противоположность мыслимъ и желаніямъ корыстолюбивымъ и властолюбивымъ. «Великое пріобрѣтеніе», говоритъ св. Апостоль Павелъ, «быть благочестивымъ и довольнымъ» (Тим. 6, 6). И дѣйствительно, братіе, зависть обыкновенно мучить, терзаетъ человѣка и приводитъ его къ преступленіямъ, а довольство своимъ состояніемъ доставляетъ ему миръ и покой. А для достиженія этого покоя нужно, братіе, больше помнить о Богѣ, жить по заповѣдямъ Божиимъ, и чаще помышлять о томъ, что всѣ блага земныя,— и богатство, и почести—непрочны и временны, «Мы ничего не принесли въ міръ», говоритъ тотъ же Апостоль, «явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него. Имѣя пропитаніе и одежду, будемъ довольны тѣмъ. А желающіе обогатиться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть, и въ многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ» (6, 7—10). Подобно сему учили и св. Отцы и подвижники. «Кто міръ сей презираетъ», говоритъ св. Тихонъ Задонскій, «и ищетъ небесныхъ благъ, въ томъ язва сія (т. е. зависть) не имѣетъ мѣста. Для чего завидовать тому въ земныхъ и тлѣнныхъ, кто, ихъ презирая, ищетъ небесная? Вельможа похвалѣ сапожника, портнаго и прочіихъ мастеровъ не завидитъ, понеже лучшую имѣетъ похвалу: такъ, кто къ вѣчнымъ стремится, временныхъ не завидитъ» (Твор. I т. 128 стр.).

Итакъ, братіе, берегите себя отъ злыхъ мыслей и желаній, сохраняйте въ чистотѣ душу свою. Особенно, братіе, берегитесь зависти: чѣмъ бы кто ни владѣлъ, не завидуйте, а пріучайте себя быть довольнымъ тѣмъ, что Богъ далъ и что вы пріобрѣли трудами своими. Если мы, по слову Апо-

стола, ничего не принесли въ міръ, и ничего не можемъ и вынести изъ него, то для чего же мы будемъ губить душу свою привязанностію къ земнымъ благамъ,—привязанностію, которая по слову того же Апостола, приводитъ насъ въ безразсудныя и вредныя похоти и погружаетъ въ бѣдствія и пагубу. Будемъ питать въ душѣ своей истинное благочестіе, которое, по слову Божію, «на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей» (I Тим. 4, 8). Аминь.

Священникъ С. Садковскій.

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

Въ еще худшемъ видѣ изображено студенчество въ повѣсти г. Гарина «Студенты» и въ романѣ г. Энгельгардта «Люди разнаго безумія». ¹⁾ Большинство студентовъ, выведенныхъ здѣсь, изображены въ такомъ безобразномъ и отвратительномъ видѣ, что, кажется, дальше и идти некуда. Не передавая содержания, ограничимся лишь немногими примѣрами. Въ «Студентахъ» студенты Карташевъ, Ларіо и Шацкій проводятъ время въ ночныхъ кутежахъ и оргіяхъ, въ посѣщеніи танцевальныхъ и театральныхъ притоновъ, гдѣ главное—пьянство, обнаженное женское тѣло и канканъ, въ которомъ они не только принимаютъ дѣятельное участіе, но даже становятся виртуозами. Такъ какъ это продѣлывается по ночамъ, а днемъ пріятели спятъ и не видятъ дневного свѣта, то, подъ конецъ, начинаютъ даже сомнѣваться, существуетъ ли онъ?»—«А, можетъ быть, его уже и нѣтъ?»—говоритъ одинъ.—«А не все ли равно?»—отвѣчаетъ другой. Читать въ промежуткахъ между кутежами, они могутъ только «Рокамболя».

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

¹⁾ Содержаніе этого романа—въ нашей ст. „Два міра“ (*Душепол. Чтеніе* 1897 г. іюль).

Студенты г. Энгельгардта руководятся въ большинствѣ такими разсужденіями: «Что такое нравственное и безнравственное, я не понимаю. Есть лишь предусмотрѣнное уложеніемъ о наказаніяхъ... Нравственность—это мое брюхо! Чего брюхо хочетъ, то беретъ, если, конечно, можно взять. Брюхо центръ міра, указатель вселенной»... и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Обычныя занятія этихъ студентовъ—«балы, скабрзные анекдоты, стишки, кутежи, винтъ, театръ, поѣздки «туда» и еще худшія дѣянія и безконечные разговоры объ избранницахъ сердца». Это вполнѣ «идолослужители», по выраженію одного юноши изъ этого романа,—люди упразднившіе въ себѣ всякія духовныя потребности и имѣющіе и преслѣдующіе въ жизни единую только цѣль—«жить въ свое удовольствіе», не разбирая, конечно, при этомъ средствъ.

То же разочарованіе въ студенчествѣ—и въ романѣ г. Потапенко «Встрѣча». Студенты Стаховъ и Плѣшиловъ бесѣдуютъ между собою по поводу студенческихъ бунтовъ:

— «Не поражаетъ ли тебя такое странное явленіе,—говоритъ Плѣшилову Стаховъ,—что въ случаѣ вакого-нибудь протеста курсъ всегда дѣлится на двѣ группы: въ одной исключительно обезпеченные и прилично одѣтые, въ другой бѣдняки. Послѣдніе протестуютъ, а первые примиряются.

— Да вѣдь это, мой другъ, вездѣ, во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ поприщахъ состояніе дѣлитъ людей на двѣ партіи,—отвѣчаетъ Плѣшиловъ.—Это только кажется, что людей раздѣляютъ на лагеря различія во мнѣніяхъ. Ихъ раздѣляетъ различіе въ состояніяхъ. Мнѣнія уже приходятъ потомъ, они присасываются къ тѣмъ, кто имъ годится. И всѣ эти протесты изъ-за пустяковъ, изъ-за того, что профессоръ употребилъ недостаточно почтительное выраженіе по адресу того или другого лица, всѣ они—только поводы для проявленія общей нервозности, постоянно живущаго въ людяхъ протеста по поводу необезпеченности. Повѣрь,

что если бы у этихъ людей всего было вдоволь, они были бы спокойны и спокойнѣе относились бы къ явленіямъ... И для этихъ, для нашихъ пока еще плохо одѣтыхъ товарищей, это вполне достижимо, они къ этому идутъ и придутъ.

Получать дипломы, казенныя мѣста или адвокатскую практику, закажутъ себѣ сюртуки, пиджаки и смокинги у лучшаго портного, и нервы ихъ успокоятся, и они будутъ съ усмѣшкою смотрѣть на тѣхъ, которые тогда еще будутъ плохо одѣты и будутъ протестовать. Вѣдь это такъ всегда бываетъ... Я видалъ людей, которые кончали курсъ въ обтрепанныхъ мундирахъ, а черезъ годъ я встрѣчалъ ихъ съ бобровыми воротниками,—они входили въ ресторанъ Донона обѣдать. Имъ повезло, конечно: не всѣ такъ скоро мѣняютъ воротники, но почти всѣ въ концѣ концовъ мѣняютъ. И тогда нервы ихъ успокоиваются, и они перестаютъ протестовать». Здѣсь бросается тѣнь уже на самое, такъ сказать, святое святыхъ студенчества. Мы, конечно, не станемъ судить, насколько справедливы эти обвиненія по отношенію ко всему студенчеству, но несомнѣнно и тысячекратно подтверждено и жизнью и литературою, что весьма многіе изъ тѣхъ, кто въ университетѣ распинался и кричалъ за права меньшаго брата, народа и т. п., противъ какой бы то ни было власти, и не могъ даже слышать о какой бы то ни было администраціи, кто съ вызывающе нетерпимостью громилъ и называлъ подлецами, крѣпостниками и тому подобными названіями всѣхъ; кто только допускалъ возможность какого бы то ни было подчиненія и компромисса съ существующимъ порядкомъ вещей,—впослѣдствіи дѣйствительно «успокоились», даже заняли отличныя мѣста и высокія посты и или стыдятся своихъ прежнихъ либеральныхъ убѣжденій, какъ мальчишества и не любятъ даже и вспоминать объ этомъ, или, напротивъ, любятъ хвалиться ими подъ сурдинку, въ надежной либеральной компаніи, при плотно закрытыхъ дверяхъ и съ самодовольствомъ повто-

рять: «я тоже пострадалъ за убѣжденія: педлею въ университетѣ въ физиономію далъ и за это былъ подвергнутъ взысканію». «И на этомъ основаніи плутъ и нахаль на всю жизнь прищипливаетъ себѣ ярлыкъ «пострадавшаго за правду». Или вотъ еще тоже несомнѣнный и многократно официально подтвержденный и постоянно подтверждаемый фактъ: неплатежъ бывшими бѣдными студентами, теперь занимающими хорошія мѣста или имѣющими отличную практику, своихъ студенческихъ долговъ, т. е. тѣхъ денежныхъ пособій, которыя имъ во время ихъ студенчества были выданы займообразно Обществомъ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ. При этихъ обществахъ существуютъ даже особыя комиссіи по взысканію долговъ съ бывшихъ студентовъ, по крайней мѣрѣ хоть съ богатыхъ. Сумма неуплаченныхъ долговъ громадна и съ каждымъ годомъ, разумѣется, все возрастаетъ.

Весьма недурную иллюстрацію ко всему сказанному представляетъ разсказъ г. Ивановича «Сборщица», помѣщенный въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» 1901 года. Нѣкая интеллигентная особа женскаго пола на либеральной пирушкѣ, пользуясь веселымъ настроеніемъ участниковъ пирушки, все бывшихъ студентовъ, беретъ съ нихъ слово платить ежемѣсячно по три рубля въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Но когда она отправляется собирать эти деньги, то ее или не принимаютъ и чуть не собаками травятъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ давшихъ обѣщаніе люди богатые, или совсѣмъ отказываются платить и обвиняютъ ее даже въ неблаговидномъ вымогательствѣ, или если и даютъ, то съ такими гримасами и съ такой явной неохотой, что она бросаетъ имъ деньги обратно. Щедрѣе всѣхъ и даже очень щедрымъ оказывается банкиръ, не получившій высшаго образованія и не дававшій никакихъ обѣщаній. Вотъ какими разсужденіями угощаютъ «сборщицу»: «Вотъ, напримѣръ, всѣ уши прожужжали похвалами общественности и порица-

ніями индивидуализма, какъ будто это—безспорное рѣшеніе вопроса!.. И съ какой стати личность должна жертвовать своими интересами для другихъ, для общества? Это какой-то догматъ, а вовсе не доказанное положеніе... Почитайте, чтѣ объ этомъ говоритъ Ницше... Развѣ можно не считаться съ его ученіемъ!.. А Толстой?.. Кажется, авторитетъ по этикѣ?.. А онъ тоже проповѣдуетъ не общественныя добродѣтели, а индивидуальное нравственное совершенствованіе... а все остальное приложится вамъ... Или, быть можетъ, и съ Толстымъ не нужно считаться?..

Теперь рассмотримъ нѣсколько типовъ студентовъ и другихъ образованныхъ молодыхъ людей «новѣйшей форманіи» или «нынѣшнихъ»,—«уравновѣшенныхъ», равнодушныхъ ко всему, кромѣ собственной личности.

Наиболѣе яркій типъ этого рода—это студентъ Алексѣй Ордынцевъ изъ романа г. Станюковича «Равнодушные»,—яркій въ особенности по сравненію съ своимъ отцомъ, честнымъ человѣкомъ и альтруистомъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ наружность Алексѣя, сидящаго за обѣдомъ:

«Изящный блондинъ, съ красивыми, точно выточенными чертами лица, чистенькій и свѣженькій, какъ огурчикъ, выстриженный по модному, подъ гребенку, въ опрятной тужуркѣ, необыкновенно солидный по виду, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ какою-то торжественною серьезностью, точно дѣлалъ какое-то необыкновенно важное дѣло,—очищалъ костянымъ ножикомъ кожу съ сочной груши, стараясь не прихватить сочной части плода. Окончивъ это, онъ разрѣзалъ грушу на куски и сталъ класть ихъ въ ротъ опрятными, съ большими ногтями, пальцами съ противною медлительностью гурмана, желающаго какъ можно долѣе продлить свое удовольствіе. На его лицѣ съ едва пробивающимися усиками и дѣвственной бородкой, на манерахъ, на всей его худощавой, небольшой, строй-

ной фигуркѣ былъ отпечатокъ чего-то самоувѣреннаго, опредѣленнаго и законченнаго, точно это былъ не двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ, полный жажды жизни и мечтательныхъ плановъ, а трезвенный, умудренный опытомъ мужъ, съ выработанными правилами, для котораго всѣ вопросы рѣшены и жизнь не представляется загадкой».

Самъ Ордынцевъ, отецъ Алексѣя, занимаетъ видное мѣсто въ правленіи одной частной желѣзной дороги и только что отстоялъ одного маленькаго служащаго, котораго директоръ правленія хотѣлъ уволить ни за что,— только для того, чтобы дать мѣсто протеже своей знакомой. При этомъ, разумѣется, у Ордынцева не обошлось безъ не совсѣмъ пріятнаго объясненія съ директоромъ. Жена Ордынцева, знакомая уже читателю, ненавидящая мужа за его честность и нежеланіе пользоваться обстоятельствами, узнавъ объ этомъ, осыпаетъ его ядовитыми и язвительными упреками. Раздраженный Ордынцевъ обращается къ сыну и требуетъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе по поводу этой исторіи.

«Алексѣй, опустивъ серьезные голубые глаза на ска-терть, заговорилъ слегка докторальнымъ тономъ, тихо, спокойно, увѣренно красиво:

— Я полагаю, что Гобзья (фамилія директора), со всѣми его взглядами и привычками, какъ унаслѣдованными, такъ и пріобрѣтенными, ты не передѣлаешь, что бы и какъ бы ты ему ни говорилъ. Если онъ съ твоей точки зрѣнія скотина, то таковой и останется. Это его право. Да и вообще навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія—донкихотство и непроизводительная трата времени. Темпераментъ и характера, зависящихъ отъ физиологическихъ и иныхъ причинъ, нельзя измѣнить словами... Человѣкъ поступаетъ какъ ему выгодно, и для лишенія его этой выгоды нужны стимулы болѣе дѣйствительные. Это во-первыхъ. Во вторыхъ,—такъ же спокойно и съ тою же

самоувѣренною серьезностью продолжалъ молодой человекъ,—та маленькая доля удовольствія, происходящаго отъ удовлетворенія эстетическаго ¹⁾ чувства, какую ты получилъ, защищая обиженнаго, по твоему мнѣнію, человекъ, обращается въ нуль передъ той суммою неприятностей и страданій, которыя ты можешь испытать въ послѣдствіи и, слѣдовательно, ты же останешься въ явномъ проигрышѣ... Въ-третьихъ, если Гобзинъ имѣетъ намѣреніе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, удалить служащаго, то, разумѣется, удалить. Ты, пожалуй, отстоишь Андреева, но Гобзинъ уволитъ Петрова или Иванова. Такимъ образомъ, явится перестановка именъ, а самый фактъ несправедливости останется. А между тѣмъ ты, защищая справедливость, не достигаешь цѣли и, кромѣ того, ради ощущенія удовольствія и притомъ кратковременнаго и въ сущности только тѣшащаго самолюбіе рискуешь положеніемъ и тѣмъ самымъ невольно рискуешь не исполнить обязанностей относительно семьи. Кажется, очевидно,—заклучилъ Алексѣй».

Едва сдерживая себя, слушаетъ эти разсужденія сына Ордынцевъ. Мать же, напротивъ, совсѣмъ очарована ими.

Въ другой разъ между отцомъ и сыномъ Ордынцевыми происходитъ разговоръ по поводу голода:

— А о голодѣ слышалъ?—спрашиваетъ отецъ.

— Читалъ,—отвѣчаетъ сынъ.

— И что же?

— Ничего. Извѣстное слѣдствіе извѣстныхъ бытовыхъ условій.

— Равнодушенъ къ этому вопросу?

— Почти.

— И находишь, вѣроятно, что помогать не слѣдуетъ?

¹⁾ Только эстетическаго! Никакихъ нравственныхъ (а тѣмъ болѣе уже религіозныхъ!) чувствъ этой молодой изъ раннихъ матеріалистъ не признаетъ совсѣмъ.

— Нахожу и имѣю основанія находить...

Достойно всяческаго замѣчанія, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, негодяемъ является представитель нынѣшняго, новаго, а не стараго поколѣнія,—фактъ, на который мы указывали и раньше. Г Боборыкинъ роману, въ которомъ изобразилъ эту перемену, и названіе далъ очень характерное—«Переваль».

Не лучше Ордынцева и студенты—Плѣшиловъ и Меркуевъ, выведенные въ романѣ г. Потапенко «Встрѣча», и Илюдоръ Пятовъ изъ повѣсти г. Боборыкина «Однокурсники»—упитанный и холерный миллионеръ-купчикъ, пишущій диссертацию объ Адамѣ Смитѣ и прижимающій покупателя, а между тѣмъ и другимъ обдѣлывающій весьма и весьма некрасивыя амурныя дѣлишки. Всѣ они—карьеристы, скептики и даже циники, съ презрѣніемъ относящіеся ко всѣмъ студенческимъ волненіямъ и движеніямъ и не признающіе никакихъ идеальныхъ запросовъ и стремленій.

Во что обращаются подобные господа, выйдя изъ школы и выступивъ на житейское поприще,—догадаться не трудно. Вотъ напр. молодой «поэтъ» (въ ром. Энгельгарта «Люди разнаго безумія»), проповѣдующій наглость, какъ единую основу отношеній къ людямъ и не стѣсняющійся рассказывать, что онъ жилъ на средства жены, пока они не истощились, а потомъ бросилъ ее съ дѣтьми на произволъ судьбы; или молодой инженеръ (тамъ же), который самъ себя развязно рекомендуетъ: «кукуевецъ, грабитель». Въ романѣ г-жи Назарьевой «Подруга дома» выведенъ молодой врачъ Войцехъ, который не желаетъ служить, подъ тѣмъ предлогомъ, что его убѣжденія не дозволяютъ ему служить правительству, не желаетъ чѣмъ-либо заниматься, а предпочитаетъ жить, ничего не дѣлая на средства жены, которая выбивается изъ силъ и изнемогаетъ, стараясь прокормить его съ дѣтьми. (И такой типъ въ литературѣ далеко не единичный).

— Въ романѣ Гибдича «Туманы» изображенъ между прочимъ интеллигентный молодой человекъ «изъ общества», который обыкновенно принимаетъ на себя продажу билетовъ на благотворительныя лоттереи. Всѣмъ извѣстно, что у него гроша нѣтъ за душою, между тѣмъ какъ онъ развозитъ для продажи билеты, завтракаетъ въ лучшемъ ресторанѣ, и рысакъ дожидается его по цѣлымъ часамъ. Свѣтскія дамы находятъ, впрочемъ, что это такъ и слѣдуетъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Въ послѣднее время замѣчается еще неумѣренное увлеченіе молодежи вообще, въ частности и интеллигентной, различнаго рода физическимъ спортомъ: атлетикой, велосипедомъ, гребными гонками и т. п.,—увлеченіе дошедшее до ненормальныхъ и уродливыхъ размѣровъ и проявленій ¹⁾. И какое самомиѣніе у этихъ молодыхъ людей, считающихъ себя цвѣтомъ націи, показываетъ напр. слѣдующій разговоръ между дядей и племянникомъ-циклистомъ, приведенный хроникеромъ «Новаго Времени»:

Племянникъ доказываетъ дядѣ, что физическій спортъ имѣетъ значеніе не только физическое, но и умственное и эстетическое.

— Ну, ужъ и эстетическое!—усомнился дядя.

— Непремѣнно. Систематическое упражненіе мышцъ обогащаетъ организмъ кровяными шариками, питающими

¹⁾ «Какія дѣла, занятія, помыслы и цѣли наиболѣе и наилучше владѣютъ теперь большинствомъ нашей досужей интеллигенціи?—спрашиваетъ въ „Русской Мысли“ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ юристовъ—и отвѣчаетъ: „Одинъ весь, съ душой и тѣломъ, ушелъ въ свой велосипедъ... Другой, единственный идеаль котораго въ цирковомъ атлетизмѣ, развилъ свои мускулы до безобразія, больше мычить, чѣмъ говорить; глаза на выкатъ, но обличаютъ лишь отсутствіе какихъ-либо думъ въ наголо выстриженной головѣ и какихъ-либо чувствъ въ колесомъ выпяченной груди. Онъ производитъ странное, жуткое и отталкивающее впечатлѣніе самодвижущагося, лишеннаго души, тѣла, чего-то вродѣ новомоднаго автомобиля съ смраднымъ керосиновымъ двигателемъ вмѣсто живыхъ коней“...

мозгъ. *Mens sana in corpore sano*, если вы не забыли по-гречески.

— Да это вовсе не по-гречески.

— Э-э? Ну, я не знаю. Дѣло въ томъ, что кровяные шарики—источникъ всѣхъ высшихъ человѣческихъ способностей, гнѣздящихся въ мозгу. А атлетика способствуетъ образованію этихъ шариковъ. Она развиваетъ умъ, энергію, инициативу. Всѣ виды спорта болѣе или менѣе ведутъ къ тому. Будущее принадлежитъ спортсменамъ.

— Эка, куда хватилъ!—усомнился дядя.

— Непремѣнно!—съ твердостью и достоинствомъ подтвердилъ племянникъ.—Случалось ли вамъ когда-нибудь видѣть за городомъ, на полномъ ходу, цѣлый эскадронъ бициклистовъ? Согнувшись дугой, они несутся на своихъ стальныхъ коняхъ, непреодолимые, ненастигаемые, и все въ страхѣ сторонится отъ нихъ. Это—люди будущаго, которые завоюютъ міръ. А лавры чемпионовъ «борьбы»? Когда вы видите тысячную толпу, оцѣпенѣвшую въ ожиданіи побѣды, слѣдящую воспаленными глазами, съ прерваннымъ дыханіемъ, за этими извивающимися, дивно соразмѣренными, могучими тѣлами—вы чувствуете, что эта толпа уже рабски принадлежитъ своимъ героямъ, что она одурѣла отъ экстаза и отъ запаха пота... Да, *cher oncle*, этотъ благородный запахъ пота производитъ на современную толпу такое же дѣйствіе, какъ на дикарей запахъ человѣческой крови. Будущее принадлежитъ намъ—атлетамъ, велосипедистамъ, гонщикамъ, спортсменамъ всѣхъ категорій. Мы будемъ обладать мышечной силой и энергіей, дающею власть, наша кровь изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ все болѣе обогащаться шариками, тогда какъ вы, *cher oncle*, будете вырождаться въ своихъ потомкахъ. И мы заберемъ ваши богатства, вашу власть, вашихъ женщинъ, ваши почести, чины, ордена, звѣзды...»

Дядя пораженъ.

Не пускаясь въ подробности, скажемъ лишь, что въ еще худшемъ и вообще въ самомъ непривлекательномъ видѣ,

за нѣкоторыми лишь исключеніями, изображена современная гимназическая молодежь въ романахъ и очеркахъ: «Люди разнаго безумія» Энгельгардта, «Сергій Шумовъ» Тимковскаго, «Гимназисты» и «Студенты» Гарина, «Гимназисты» Яблоновскаго, «Гимназическіе Очерки» Николаева и нѣкоторыхъ другихъ. «Бурсаки» Помяловскаго— только невинные и несмысленные младенцы въ сравненіи съ этими во всякомъ злѣ искусившимися юношами.

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МІРЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.*)

V.

Непокойные дома.

Подъ именемъ «непокойныхъ» въ литературѣ психизма извѣстны дома, которые становятся цѣлью нападенія какой-то непонятной силы, причиняющей вредъ обитателямъ и лишаящей ихъ спокойствія. Не только въ незначительныхъ городахъ и селеніяхъ, но и въ весьма многолюдныхъ центрахъ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, весьма нерѣдко въ томъ, или другомъ жиломъ помѣщеніи, по ночамъ, а иногда и среди бѣлаго дня, раздаются необъяснимые стуки въ стѣну, или въ двери; звонки звонятъ сами собою; мебель двигается безъ видимой причины; по воздуху летаютъ, срываясь съ полокъ, или съ оконъ, посуда, горшки съ цвѣтами и другіе предметы; иногда слышатся вздохи, стоны и звуки невидимыхъ шаговъ; по временамъ являються и привидѣнія. Въ этихъ явленіяхъ обыкновенно довольно рѣзко обнаруживается враждебность и духъ разрушенія: наносятся ушибы, даже пораненія обитателямъ дома и находящимся въ немъ стороннимъ людямъ, разбивается и повреждается домашняя утварь, портятся различные запасы; иногда происходитъ и самовозгораніе предметовъ. Такія явленія обыкновенно называются самопроизвольными медиумическими явленіями.

*) Окончаніе. См. июльскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1902 г.

За исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда причина безпокойныхъ явленій скрывалась въ сознательномъ и намѣренномъ обманѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ самыя строгія разслѣдованія не только не могли обнаружить участія въ безпокойныхъ явленіяхъ кого-либо изъ людей, присутствующихъ на мѣстѣ, или вблизи, но даже доказывали совершенную нелогичность такихъ предположеній. Извѣстно, напримѣръ, что человѣческая рука можетъ бросить камень, или вещь, только по прямой линіи, которая, по законамъ тяготѣнія, можетъ искривляться только внизъ. Между тѣмъ, летающія вещи, или камни, описывали такіе круги, или углы, которые при обыкновенномъ бросаніи совершенно неестественны и невозможны. Равнымъ образомъ, сила паденія летающихъ вещей иногда встрѣчаетъ на пути какъ бы препятствія. Камень, съ силою разбивающій оконное стекло, падаетъ не на разстояніи отъ него, а у самаго окна по отвѣсной линіи, или же увязаетъ въ самомъ окнѣ. Нѣкоторыя тяжелыя тѣла, летящія съ быстротою, падаютъ безъ шума, и наоборотъ, легкія производятъ стукъ. Нерѣдко, при паденіи на присутствующихъ тяжелыхъ и опасныхъ предметовъ, не чувствовалось никакого удара, а только легкое прикосновеніе. Все это говоритъ о физической невозможности естественнаго происхожденія явленій и заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать въ нихъ дѣйствіе особыхъ, неизвѣстныхъ наукъ, законовъ трансцендентальной физики и химіи. Съ другой стороны, цѣлесообразность и относительная разумность таинственныхъ явленій, при совершенной невидимости производящихъ изъ агентовъ, наводитъ на мысль объ участіи въ нихъ разумныхъ существъ.

Сила, дѣйствующая въ непокойныхъ домахъ, обыкновенно обладаетъ извѣстною степенью индивидуальности, такъ какъ характеръ явленій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ строго опредѣленный: въ однихъ домахъ явленія ограничиваются безпричиннымъ передвиженіемъ

мебели, въ другихъ полетомъ находящихся въ комнатѣ вещей, въ иныхъ—бросаніемъ, неизвѣстно откуда прилетающихъ, камней, или же разнаго рода стуками и звуками. Продолжительность явленій также бываетъ неодинакова. Въ Берлинѣ, напримѣръ, бросаніе камней въ одномъ домѣ на Эльзасской улицѣ въ 1890 году длилось шесть недѣль. Въ Парижѣ одинъ домъ былъ бомбардированъ камнями въ теченіе двухъ недѣль. Иногда явленія периодически повторяются въ извѣстные сроки и имѣютъ опредѣленную длительность и порядокъ; иногда же неожиданно возникаютъ и затѣмъ прекращаются на очень долгое время.

Несмотря на всю загадочность явленій, происходящихъ въ непокойныхъ домахъ, реальность ихъ не можетъ быть отрицаема. Случаи самопроизвольнаго движенія предметовъ и полета разныхъ вещей были констатированы самыми достовѣрными и безпристрастными, даже скептически настроенными, свидѣтелями. Многіе случаи доходили до суда и вызывали самое строгое разслѣдованіе. Такъ, самопроизвольныя медиумическія явленія, происходившія въ квартирѣ капитана Липецкой конно-эстапной команды Жандака, окончившіяся въ іюль 1853 года пожаромъ, были предметомъ разбирательства въ Харьковскомъ уѣздномъ судѣ. — Извѣстный архипастырь, просвѣщеннѣйшій философъ и богословъ, Высокопреосвященный Никаноръ, повидимому, допускалъ реальность такихъ явленій. Въ одной своей проповѣди по вопросу о самоубійствѣ и овліяніи въ данномъ случаѣ бѣсовской силы, почтенный архипастырь приводитъ безъ всякаго опроверженія разсказъ, слышанный имъ еще въ дѣтствѣ въ образованной средѣ. Въ водяной мельницѣ, стоявшей среди весьма населеннаго города (Могилева), нѣкогда прежде повѣсился какой-то несчастный пьяница. Мельница эта запустѣла и не возобновлялась, потому что народъ былъ убѣжденъ, что въ ней являются нечистые духи и обѣгаль это мѣсто. Массивное зданіе мельницы, среди губернскаго населенія, стояло многіе годы и никто не хотѣлъ разобрать его даже

на дрова. Пр. Никаноръ сообщаетъ и другой случай: въ одномъ католическомъ монастырѣ зарѣзался одинъ, впадшій въ инохондрію, инокъ. Обитатели смежныхъ келлій слышали предъ этимъ въ кельѣ шумъ и чужіе голоса, бесѣдовавшіе съ самоубійцей, между тѣмъ какъ тамъ вовсе нельзя было предполагать присутствія постороннихъ людей ⁴⁾. Наконецъ, въ наши дни предпринимаются даже научныя попытки доказать реальность необычайныхъ явленій, происходящихъ въ непокойныхъ домахъ. Одну изъ такихъ попытокъ представляетъ сочиненіе серьезнаго ученаго М. Петрово-Соловова подъ заглавіемъ «Медиумическія физическія явленія» (1901 г.).

Для уясненія нѣкоторыхъ особенностей безпокойныхъ явленій разсмотримъ болѣе выдающіеся случаи.

Помѣщикъ Оренбургской губерніи В. А. Щаповъ, на запросъ мѣстнаго отдѣленія Императорскаго географическаго общества отъ 18 января 1871 года, сообщаетъ слѣдующее о загадочныхъ явленіяхъ, происходившихъ въ его домѣ. Съ 16 ноября начали въ домѣ раздаваться сильные стуки въ стѣну, какъ бы кулакомъ, а равно барабаненье по стеклу; надъ потолкомъ слышалась пляска. Позже къ этимъ явленіямъ присоединилось дикое «уканье» въ трубѣ, самопроизвольное летаніе разныхъ вещей, напримѣръ—валенковъ, ботинокъ и т. п., паденіе тяжелыхъ тѣлъ безъ стука и легкихъ со стукомъ, появленіе прозрачныхъ свѣтящихся шаровъ и проч. Затѣмъ стуки и разныя другія явленія начали преслѣдовать жену Щапова на каждомъ шагу: частые прерывистые стуки раздавались по ручкѣ дивана, на которомъ она сидѣла,—въ шкапу, въ которомъ она ставила посуду, въ кладовой и въ другихъ мѣстахъ. Обезпокоенная этими явленіями, семья Щапова переехала въ г. Илекъ. Тамъ одинъ знакомый Щапова, врачъ Шустовъ, объяснилъ эти явленія дѣйствіемъ электричества и магнетизма, проявлявшихъ свою энергію или вслѣдствіе

⁴⁾ Поуч., бес. и рѣчи. Ч. II, стр. 505.

особаго состава почвы подъ домомъ, или вслѣдствіе особыхъ индивидуальных свойствъ въ организациі жены Щапова, около которой большею частью группировались явленія. Съ отъѣздомъ Щаповыхъ въ городъ явленія въ ихъ домѣ на хуторѣ прекратились, но съ возвращеніемъ ихъ домой стали повторяться и принимать все новыя формы: ножи и вилки, а также и другіе предметы, съ вечера положенные въ шкафъ съ запертыми на ключъ дверцами, съ силою разлетались по комнатамъ, или вонзались въ стѣну у того мѣста, гдѣ сидѣла жена Щапова. Въ то же время стуки въ стѣну сопровождали пѣнію кого-либо изъ присутствующихъ, точно при этомъ соблюдая тактъ и ритмъ напѣва. Пробовали перебирать разные мотивы только въ умѣ, безъ всякихъ звуковъ, но и тогда аккомпаниментъ получался совершенно вѣрный. Онъ прекращался лишь при исполненіи священныхъ пѣснопѣній. Явленія эти продолжались въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, неизмѣнно въ присутствіи жены Щапова, именно около нея, каждый разъ часъ, или два съ небольшимъ. По поводу этихъ явленій Уральскимъ губернаторомъ была назначена ученая коммиссія для разслѣдованія, но членамъ ея пришлось быть только свидѣтелями явленій. Мало того, въ самыхъ явленіяхъ стало обнаруживаться дѣйствіе высшей разумности. Слѣдователи, напримѣръ, спрашивали о разныхъ событіяхъ въ области политики, и отвѣты давались стуками вѣрные и точные, какъ относительно времени событія, такъ и относительно мѣстъ и лицъ. Между тѣмъ жена Щапова вовсе не была знакома съ этими событіями. Отвѣты давались и на вопросы, выраженные на иностранныхъ языкахъ, которыхъ не знала жена Щапова.

Въ концѣ января 1871 года Щаповы переехали въ городъ и вернулись на хуторъ въ мартѣ. Явленія возобновились съ новою силою, но на этотъ разъ безъ обязательнаго присутствія жены Щапова. Такъ, однажды тяжелый диванъ, на которомъ лежала старуха, мать Щапова, запрыгала на всѣхъ четырехъ ножкахъ. Тогда же отъ

вылетѣвшей изъ-подъ умывальнаго швапчика искры загорѣлось въ спальнѣ ситцевое платье. Въ послѣдующіе дни началось самовозгараніе разныхъ предметовъ, и между прочимъ дважды само собою воспламенилось платье на женѣ Щапова и причинило ожоги тушившему платье заѣзжему сосѣду, вовсе не причинивши никакого вреда самой Щаповой. Послѣ всего этого домъ былъ сломанъ и на другомъ мѣстѣ построень новый. Въ этомъ послѣднемъ никогда уже не наблюдалось безпокойныхъ явленій ¹⁾.

Въ 40-хъ годахъ въ Черниговѣ, въ домѣ священника І. Михайлова, челоуѣка самой строгой жизни, неоднократно происходили безпокойныя загадочныя явленія, обыкновенно въ присутствіи его племянницы: разные предметы двигались сами собою; мѣдный подсвѣчникъ и ножи перелетали съ мѣста на мѣсто; картофель и свекла срывались со скамьи и летали по кухнѣ. Съ отъѣздомъ племянницы священника, явленія въ его домѣ прекратились, а затѣмъ начались въ новомъ мѣстѣ ея пребыванія.

Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* за 1896 годъ нѣкто Пономаревъ рассказываетъ о необычайныхъ явленіяхъ, наблюдавшихся имъ въ 1863 году въ Кіевской губерніи. Прибывши на стоянку въ деревню Квитки, въ 10 верстахъ отъ г. Корсуня, онъ вмѣстѣ съ другими офицерами уланскаго полка расположился въ одномъ удобномъ домикѣ-особнякѣ, оставленномъ жившимъ въ немъ ранѣе управляющимъ имѣніями мѣстнаго мецената. Тотчасъ явившійся къ нимъ управляющій разъяснилъ, что со дня его переѣзда въ этотъ домъ, въ немъ по ночамъ раздавался какой-то гулъ, напоминающій стонъ, а равно наблюдалось безпричинное перемѣщеніе мебели. Промаявшись два мѣсяца, онъ переѣхалъ въ другой домъ. Относительно же оставленнаго имъ безпокойнаго дома управляющій рассказалъ мѣстную легенду: въ этомъ домѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ одинъ изъ управляющихъ, находясь

¹⁾ Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Спб., 1901 г., стр. 325—334.

въ бѣлой горячкѣ, перерѣзалъ всю семью, въ томъ числѣ грудного ребенка. Послѣ этого новый управляющій прожилъ въ томъ же домѣ пять мѣсяцевъ, и однажды утромъ былъ найденъ лежавшимъ на полу безъ признаковъ жизни. Не придавая значенія разсказу управляющаго, офицеры прекрасно устроились въ новомъ помѣщеніи и весело болтали, собравшись въ столовой. Вдругъ около полуночи раздался какой-то гулъ, словно кто-либо молотомъ колотилъ по желѣзу, а вслѣдъ за этимъ въ домѣ послышался стонъ. Гулъ и стонъ продолжались въ теченіе часа. Офицерами, прислугою и часовыми было произведено самое тщательное изслѣдованіе дома и прилегавшаго къ нему сада, но ничего подозрительнаго не было найдено. Послѣ этого одинъ изъ молодыхъ офицеровъ отказался жить въ безпокойномъ домѣ и пріискалъ себѣ у одного крестьянина удобный домикъ-особнякъ, но въ первую же ночь вынужденъ былъ сбѣжать изъ своего новаго помѣщенія. Его начали безпокоить сильныя стукн въ дверь, за которою, однако, никого не оказывалось, причѣмъ выходная дверь оставалась все время плотно запертою. На другой день хозяинъ дома, старикъ-крестьянинъ, съ разными извиненіями возвратилъ офицеру деньги за квартиру и разсказалъ происшедшій въ его домѣ случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мужъ жившей при немъ внучки приревновалъ свою жену къ одному парню и зарѣзалъ ее, послѣ чего пытался покончить и съ собою. Его вылѣчили и сослали на каторгу, но онъ дорогою померъ. Послѣ этого дважды въ мѣсяцъ регулярно кто-то по ночамъ стучится въ дверь. Это же заставило и хозяевъ оставить безпокойный домъ. Вскорѣ офицеры получили приказъ идти на зимнія квартиры въ Каменецъ-Подольскую губернію, и вопросъ о таинственныхъ явленіяхъ остался неразъясненнымъ.

Въ слободѣ Липцахъ Харьковской губерніи въ 1852—1853 годахъ въ домѣ капитана Жандака происходили слѣдующія загадочныя явленія: глиняный кувшинъ самъ собою пролетѣлъ изъ одной комнаты въ другую и раз-

бился вдребезги, едва не ранивъ денщика; пролетѣвшая по воздуху тарелка ушибла хозяйку дома; горящіе угли неожиданно оказывались въ разныхъ мѣстахъ, производя поджоги; неизвѣстно откуда прилетѣвшій булыжный камень разбилъ фонарь въ сѣняхъ; кирпичи сами собою отдѣлялись отъ кухонной печи и, попадая въ присутствующихъ, производили ушибы; изготовленное для пирога тѣсто на глазахъ у всѣхъ покрылось слоемъ золы, посыпавшейся откуда-то сверху; мокрый и холодный песокъ падалъ откуда-то на спящихъ въ то время, какъ двери были заперты на ключъ, а окна закрыты ставнями. Во время совершенія молебствія съ чтеніемъ заклинательныхъ молитвъ, неизвѣстно откуда вылетѣвшій булыжникъ, ударивъ священника въ правое плечо, упалъ со звономъ въ котелокъ со святою водою; въ это же время расщепило доску образа; котелъ съ кипяткомъ самъ собою вылетѣлъ изъ печи и, ударивъ въ бедро хозяина дома, отскочилъ и расплескался. Послѣ молебствія явленія временно прекратились, но затѣмъ возобновились съ прежнею силою, причемъ къ нимъ стали присоединяться и человѣческіе стоны. Наконецъ, послѣ многократнаго самовозгоранія крыши домъ сгорѣлъ. По народному преданію, въ этомъ домѣ дворникъ зарѣзалъ двухъ монахинь, зашедшихъ на ночлегъ, и скрылъ ихъ въ подвалѣ. По другому извѣстію, одинъ солдатъ, осужденный на каторгу по донесенію капитана Жандака, предъ отъѣздомъ пригрозилъ ему: «попомнишь меня». Какъ бы то ни было, явленія въ домѣ Жандака, закончившіяся пожаромъ дома, были предметомъ разбирательства въ Харьковскомъ земскомъ судѣ, вслѣдствіе чего реальность ихъ едва ли подлежитъ сомнѣнію ¹⁾).

Явленія, происходяція въ непокойныхъ домахъ, безспорно принадлежатъ къ числу наиболѣе темныхъ и загадочныхъ феноменовъ психизма. Самый вопросъ о непокойныхъ домахъ, въ виду отсутствія опытовъ научной

¹⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Духовный міръ, стр. 283—291.

разработки его, слѣдуетъ считать младенческимъ вопросомъ. Правда, были высказаны нѣкоторыми изслѣдователями психизма догадки о характерѣ явленій и созданы гипотезы. Но эти послѣднія представляютъ собою лишь первыя попытки разобратся въ хаосъ явленій, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто окончательное и прочно установленное въ психизмѣ. Изложимъ нѣкоторыя гипотезы.

Знаменитый представитель современнаго обкультизма Дю-Прель и глава спиритовъ А. Н. Аксаковъ объясняютъ загадочныя явленія въ непокойныхъ домахъ теоріями анимизма и спиритизма. Слѣдуетъ помнить, говоритъ Дю-Прель, что загадочныя явленія въ непокойныхъ домахъ могутъ быть одинаково какъ анимическими, такъ и спиритическими, т.-е. они происходятъ либо съ помощью неизвѣстныхъ силъ *живыхъ* людей, либо съ помощью извѣстныхъ силъ невидимыхъ посредниковъ, духовныхъ существъ. Въ первомъ случаѣ явленія происходятъ въ болѣе слабой степени и часто въ связи съ нахожденіемъ посредника въ экстазѣ, или безсознательномъ состояніи, которые служатъ условіями явленій. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Аксакова, есть одно изъ доказательствъ того, что *невидимыми* виновниками явленій могутъ быть только умершіе люди, ибо ненормальныя силы живыхъ людей, обнаруживающіяся въ экстазѣ, суть нормальныя силы умершихъ.

Что касается способовъ дѣйствія невидимыхъ посредниковъ, а равно ближайшихъ причинъ непокойныхъ явленій, то мнѣнія психистовъ расходятся. Одни психисты признаютъ эти явленія за галлюцинаціи, вызываемыя дѣйствіемъ на обитателей дома со стороны невидимыхъ разумныхъ существъ, обладающихъ извѣстною индивидуальностью. Другіе полагаютъ ближайшую дѣйствующую причину этихъ явленій въ физическихъ условіяхъ: такъ, шумы, стоны, звуки въ непокойныхъ домахъ, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ дѣйствительныхъ звуковыхъ сотрясеній воз-

духа, пола и стѣнъ, — свѣтотыя явленія—отъ сотрясенія эѳира. Однако, и тѣ и другіе видятъ конечную причину какъ галлюцинацій, такъ и реальныхъ физическихъ воздѣйствій, обусловливающихъ явленія, въ самой субстанціи духа умершихъ, и такимъ образомъ допускаютъ загробное телепатическое вліяніе на обитателей дома. По этой теоріи, наше высшее трансцендентное я, или субстанція духа, бодрствуетъ во время сна, экстаза, обморова и въ другихъ состояніяхъ. Она переживаетъ разрушеніе тѣла и, какъ всегда энергичная по своей природѣ, можетъ проявлять свою жизнедѣятельность въ непокойныхъ домахъ и разныхъ таинственныхъ явленіяхъ ¹⁾. Въ подтвержденіе этого приводятся многочисленные случаи, когда появлявшіеся въ домахъ призраки были узнаваемы по портретамъ умершихъ ранѣе людей. Притомъ, многія условія обнаруженія явленій въ непокойныхъ домахъ вполне аналогичны съ обыкновенными телепатическими явленіями прижизненныхъ и посмертныхъ призраковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ обыкновенныхъ телепатическихъ случаяхъ, при явленіяхъ прижизненныхъ призраковъ, главнымъ условіемъ служатъ сильныя эмоціи индукторовъ, или являющихся лицъ, такъ точно сильныя эмоціи перешедшихъ въ загробный міръ людей, умершихъ въ извѣстномъ домѣ, служатъ главнымъ условіемъ безпокойныхъ явленій. Возможность такого предположенія основывается на томъ, что съ исторіей непокойныхъ домовъ обыкновенно соединяется преданіе о какой-либо, разыгравшейся въ домѣ, драмѣ: убійствѣ, самоубійствѣ, тяжкомъ преступленіи вообще, послѣ которыхъ и начинаются безпокойныя явленія. Виновники этихъ драмъ, въ большинствѣ случаевъ самоубійцы, перешедшіе въ другую, высшую форму существованія, испытываютъ сильныя душевныя волненія: угрызения совѣсти, раскаяніе, ужасъ, отчаяніе. Весьма вѣроятно, что они, сосредоточивая свою

¹⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Духовный міръ, стр. 294.

мысль именно на тѣхъ домахъ, или комнатахъ, въ которыхъ разыгрались страшныя драмы, и обнаруживаютъ волнующія ихъ эмоціи въ соответствующихъ физическихъ явленіяхъ. Далѣе, по телепатической теоріи, взаимодействіе между двумя субъектами облегчается, если мысли обоихъ направлены на одни и тѣ же предметы. Слѣдую этой гипотезѣ, необходимо признать, что телепатическое взаимодействіе между индукторомъ (умершимъ) даннаго непокойнаго дома и вступающими подъ его кровлю лицами потому именно и устанавливается, что вниманіе и мысли обитателей дома бывають обращены на ту же самую мѣстность, ту же обстановку, какъ и вниманіе загробнаго индуктора. Въ виду этого, послѣ передѣлки, или перестройки непокойнаго дома, съ измѣненіемъ окружающей обстановки, обыкновенно прекращались и явленія. Затѣмъ, сосредоточеніе явленій въ извѣстныхъ комнатахъ непокойнаго дома, согласно этой теоріи, объясняется тѣмъ, что въ нихъ образуются, вслѣдствіе сосредоточенія на нихъ мысли загробныхъ индукторовъ, особаго рода *фокусы* телепатической силы, раздражающему дѣйствию которыхъ и подвергаются обитатели дома. Усиленіе, или ослабленіе явленій въ извѣстные промежутки времени обусловливаются, по этой гипотезѣ, усиленіемъ, или ослабленіемъ душевныхъ волненій загробныхъ индукторовъ. Этою гипотезою легко объясняются и тѣ случаи, когда присутствія непокойнымъ домамъ явленія наблюдаются лишь въ годовщины трагическихъ событій: въ данномъ случаѣ происходитъ усиленіе эмоцій, на примѣръ—угрызений совѣсти, загробнаго индуктора. Наконецъ, часы обнаруженія явленій обыкновенно совпадаютъ съ часами разразившейся въ домѣ драмы. Такъ, въ Лондонѣ нѣкоторое время еженочно въ 2 ч. 45 м. изъ комнаты, гдѣ за 50 лѣтъ передъ тѣмъ было совершено самоубійство, раздавались шаги и двигались по анфиладѣ комнать ¹⁾.

1) Прот. Гр. Дьяченко. Духовный міръ, стр. 295—297.

Нѣкоторые психисты дополняютъ эту гипотезу предположеніемъ, что въ непокойныхъ домахъ остается особаго рода эѳирное вещество, выдѣлившееся изъ организма умершихъ въ нихъ лицъ, которое и облегчаетъ установленіе связи между умершимъ индукторомъ и вступающими подъ кровлю дома обитателями.—Что же касается передвиженія различныхъ тѣлъ и предметовъ въ непокойныхъ домахъ, то психисты признаютъ, что духъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ непосредственно дѣйствовать на вещество и производить глубокія измѣненія въ физическомъ мірѣ. Имѣя тѣмъ болѣе возможность дѣйствовать на мозгъ, онъ можетъ вызывать и различные виды душевной дѣятельности у обитателей дома, соответствующія намѣреніямъ индуктора.

Нельзя не признать, что эта гипотеза основывается не на какихъ-либо фактахъ, а на однихъ лишь предположеніяхъ. Она не можетъ быть ни подтверждена, ни доказана. Притомъ, ея объясняется, хотя и не вполне, только очень ограниченный кругъ явленій, какъ, напримѣръ: стоны, вздохи, шаги и другія явленія, не причиняющія вреда обитателямъ дома. Наоборотъ, явленія, носящія характеръ враждебности и разрушенія, вовсе не стоятъ въ какой-либо существенной связи съ содержаніемъ этой гипотезы. Наконецъ, эта гипотеза несостоятельна и въ чисто-логическомъ отношеніи: духи, способные дѣйствовать на вещество непосредственно и обнаруживающіе въ необычайныхъ явленіяхъ высшія совершенства бытія, оказываются совершенно бессильными выразить волнующія ихъ эмоціи и заявить о своемъ присутствіи послѣ передѣлки и перестройки дома.

Что касается способовъ дѣйствія предполагаемыхъ нѣкоторыми психистами *живыхъ* посредниковъ, производящихъ явленія, то сужденія о нихъ большею частью крайне неопредѣленны. По мнѣнію Эд. Гартмана и А. Н. Аксакова, человѣческой организмъ имѣетъ способность при нѣкоторыхъ условіяхъ производить многія физическія явле-

нія, особенно передвиженія неодушевленныхъ предметовъ, виѣ предѣловъ своего тѣла и безъ обычнаго употребленія своихъ членовъ. Можно думать, говорить А. Аксаковъ, что простѣйшія физическія явленія, какъ, на примѣръ: простое поднятіе стола, обыкновенный полетъ вещей и др., зачастую совершаются какою-то физическою силою, доселѣ намъ невѣдомою. Напротивъ, болѣе сложныя явленія, на примѣръ: полетъ предметовъ по кривой линіи, внезапная остановка предмета при полетѣ и затѣмъ паденіе его по прямой линіи, по мнѣнію Аксакова, могутъ быть произведены только матеріализованными органами духовъ, невидимыми для нашего глаза ¹⁾. Другіе изслѣдователи (Круксъ, Рейхенбахъ, Петрово-Соловово), не входя въ частнѣйшія соображенія относительно способовъ происхожденія загадочныхъ явленій, утверждаютъ обще, что они объясняются дѣйствиємъ естественныхъ силъ человѣческаго организма и внѣшней природы, управляемыхъ неизвѣстными намъ законами, а свою конечную причину имѣютъ въ волѣ человѣка, которая можетъ дѣйствовать на неодушевленные предметы на разстояніи.

Въ новѣйшее время пріобрѣла особенную популярность, при объясненіи загадочныхъ явленій, изложенная нами выше ²⁾ электромагнетическая теорія. Согласно этой послѣдней, многія отдѣльныя личности, обладая весьма значительнымъ запасомъ электрической энергіи въ собственномъ организмѣ, а равно пользуясь электрическою силою, заключающеюся въ атмосферѣ и во внѣшнихъ предметахъ, могутъ одними усиліями воли производить различныя перемѣщенія предметовъ, бросаніе камней, летаніе по воздуху вещей, разрывы занавѣсокъ и одеждъ, искусственное самовозгораніе ихъ и т. п. Благопріятнымъ условіемъ для производства такихъ явленій служитъ особый химическій со-

¹⁾ Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Изд. 2, 1901 г., стр. 285—287. Ср. Гартмана „Спиритизмъ“, стр. 67.

²⁾ Въ IV гл.

ставъ почвы подъ непокойными домами ¹⁾). Для производства въ этихъ послѣднихъ необычайныхъ явленій, по означенной теоріи, вовсе не считается обязательнымъ присутствіе въ непокойномъ домѣ самого агента; явленія, въ зависимости отъ извѣстной степени его электрической энергіи и силы воли, могутъ производиться имъ съ успѣхомъ и на значительномъ разстояніи. Побужденіемъ же къ этому могутъ быть враждебныя отношенія агента къ обитателямъ дома, о чемъ свидѣлствуютъ довольно частыя намеки въ повѣствованіяхъ о непокойныхъ домахъ.

Противъ этой теоріи необходимо замѣтить, что точная положительная наука ничего не знаетъ о столь изумительныхъ проявленіяхъ органическаго электричества и о способности людей, при его помощи, производить необычайныя явленія. Съ другой стороны, неоднократно учеными изслѣдователями были производимы въ непокойныхъ домахъ изысканія съ помощью электроскоповъ и другихъ физическихъ приборовъ, но никакого сродства загадочныхъ явленій съ электрическими не было обнаружено. Такъ, во время развитія необычайныхъ явленій въ Мингофѣ, въ Германіи, учитель математики и физики Ашауэръ изслѣдовалъ электроскопомъ весь домъ и громоотводъ, но не нашелъ ни въ составѣ почвы, ни въ предметахъ, никакихъ признаковъ электрической энергіи ²⁾). При изслѣдованіи явленій въ домѣ Оренбургскаго помѣщика Щапова, членами ученой комиссіи были привезены: Лейденская банка, компасы, магнитъ; были устроены въ разныхъ мѣстахъ дома конденсаторы изъ свинцовой бумаги, но и при посредствѣ всѣхъ этихъ приборовъ не удалось уловить ни малѣйшаго намека на сродство явленій съ электричествомъ и магнетизмомъ. Химическія реакціи не показали никакого особенно-напряженнаго состоянія атмо-

¹⁾ В. Битнеръ. Вѣрить или не вѣрить? Сиб., 1899 г., стр. 296—298. 304—305.

²⁾ Прот. Гр. Дьяченко. Духовный міръ. 1900 г., стр. 307.

сфернаго электричества въ помѣщеніяхъ дома, или насыщѣнія окружающаго воздуха сгущеннымъ озономъ. Явленія продолжались попрежнему и группировались около жены Щапова. Никакихъ правилъ, или системы относительно явленій нельзя было установить: первоначально разныя металлическія вещи разлетались въ разныя стороны отъ жены Щапова. Предположили въ ней отталкивающую силу, какъ бы отрицательный токъ. Но тутъ же обнаружили противоположныя явленія: идетъ она въ посудный лкапъ, и лишь только отворить дверцы, на нее сыплются разныя вещи, а затѣмъ летятъ прочь. Заставляли ее до-трогиваться до вещей, и они сначала оставались въ покойномъ состояніи, а затѣмъ начинали летать. Отсюда ясно, что электромагнетическая гипотеза не соотвѣтствуетъ фактамъ и съ логической точки зрѣнія должна быть признана недостаточною.

Гораздо удобнѣе могутъ быть объяснены загадочныя явленія въ непокойныхъ домахъ при предположеніи участія въ нихъ темныхъ силъ. По крайней мѣрѣ, такого участія нельзя игнорировать при объясненіи явленій духовно-нравственной жизни людей. Ученіе объ этой послѣдней стоитъ въ самой тѣсной связи съ ученіемъ о вліяніи на людей бѣсовъ. По ниспаденіи злыхъ духовъ въ область поднебесную (Еф. 2, 2; 6, 12), для нихъ сталъ недоступенъ міръ небожителей, а потому все ихъ злостное вниманіе устремилось на землю, чтобы здѣсь между людьми сѣять, возвращать и укрѣплять зло. По ученію св. апостоловъ, все, что есть злого въ мірѣ, есть дѣло діавола (Іоан. 3, 8. 1 Тим. 5, 15). Вліяніе злыхъ духовъ на людей, по слову Спасителя, простирается до того, что діаволь обитаетъ въ грѣшникѣ, какъ въ своемъ домѣ, и не только самъ обитаетъ, но приводитъ еще лютѣйшихъ духовъ (Мѣ. 12, 43—45). Нападая на истинно-вѣрующіхъ людей, заботящихся о благочестіи, діаволь подвергаетъ ихъ всевозможнымъ искушеніямъ и соблазнамъ, чтобы исторгнуть у нихъ вѣру. Въ ряду различныхъ дѣйствій,

предпринимаемыхъ діаволомъ для оболъщенія людей и обращенія ихъ на путь погибели, весьма вѣроятно, занимаютъ не послѣднее мѣсто и дѣйствія, производимыя имъ въ непокойныхъ домахъ. Въ сужденіяхъ отцовъ Церкви (Кирилла Александрійскаго, Аѳанасія Великаго, Ефрема Сирина и др.) о дѣйствіяхъ демоновъ мы нерѣдко находимъ указанія на многія явленія, подобныя тѣмъ, какія происходятъ въ непокойныхъ домахъ. Предположеніе объ участіи бѣсовъ въ производствѣ безпокойныхъ явленій тѣмъ вѣроятнѣе, что духъ страха, унынія и смущенія, овладѣвающій обитателями непокойныхъ домовъ, вовсе не представляетъ благопріятнаго условія для укрѣпленія вѣры и глубокаго сосредоточенія на своей внутренней жизни.— Является лишь вопросъ: какими способами бѣсы производятъ необычныя явленія, повидимому, превышающія дѣйствіе естественныхъ законовъ и установленный Богомъ порядокъ вещей? Определенный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать очень трудно, такъ какъ мы не знаемъ, какими силами и способностями обладаютъ бѣсы, какъ существа чисто духовныя, принадлежація къ высшему порядку разумныхъ тварей. Безспорно одно, что производимыя ими необычныя явленія не превышаютъ естественныхъ силъ и законовъ природы, и слѣдовательно не чудесны. Быть можетъ, они посредствомъ ложныхъ видѣній оболъщаютъ воображеніе и обманываютъ людей, показывая имъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ ¹⁾. Быть можетъ, они пользуются высшими и тайными, хотя и чисто естественными, силами природы—духовной и вещественной. Діаволу, какъ существу высшаго, по сравненію съ нами, порядка,— притомъ, не связанному матеріальнымъ началомъ, дано знать и совершать много такого, что недоступно намъ. Отсюда, многія его дѣйствія — въ области ли души человѣческой (ложновидѣнія, бѣснованія и др.), или во внѣш-

¹⁾ Такое сужденіе высказываетъ св. Аѳанасій Вел. въ своемъ словѣ „о воплощеніи“.

ней природѣ (превращеніе жезловъ въ змѣевъ, разныя болѣзни и пр.), хотя и не заключаютъ въ себѣ чего-либо сверхъестественнаго, но какъ совершенныя при посредствѣ высшихъ и тайныхъ силъ духовной и вещественной природы, не могутъ быть вполне понятны и объяснимы для насъ.

Въ своемъ обзорѣни мы указали только главнѣйшіе типы загадочныхъ явленій изъ области психической и физической. Изслѣдованіе ихъ приводитъ насъ къ весьма важнымъ психологическимъ и метафизическимъ выводамъ. А именно: таинственныя «психургическія» явленія, насколько они достовѣрны, эмпирически доказываютъ самостоятельную реальность нашей души, ея мощь и способность пересиливать механическія данныя внѣшняго міра. Въ частности, факты непосредственнаго взаимодействія душъ на разстояніи доказываютъ власть нашей души надъ пространствомъ, а факты предвѣдѣнія — власть ея надъ временемъ; факты ясновидѣнія представляютъ собою проэкціи сверхчувственной познавательной способности, направленной на отдаленныя сцены, или на неизвѣстные предметы ¹⁾. На основаніи этихъ фактовъ, душа человѣческая представляется намъ, какъ самобытная сила, обладающая способностями, еще невѣдомыми наукѣ. Отрицать ея самобытную и независимую отъ тѣла дѣятельность было бы столь же неосновательно, какъ и отрицать тѣ факты, которые въ безконечномъ разнообразіи доказываютъ эту истину. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря изученію загадочныхъ явленій, самые великіе и важные для человѣка вопросы изъ святилища вѣры и съ недосыгаемыхъ вершинъ умозрѣнія переносятся на открытую и общедоступную площадь матеріальныхъ фактовъ, для всѣхъ доступныхъ и

¹⁾ Ср. сужденіе Вл. Соловьева въ его „предисловіи“ къ р. пер. соч. „Прижизненные призраки“ и пр., Спб., 1893 г., стр. III—IV и XVII.

убѣдительныхъ. Въ заключеніе должно замѣтить, что, признавая реальность многихъ, строго провѣренныхъ, необычайныхъ фактовъ и явленій, слѣдуетъ избѣгать суевѣрія, или преувеличенной и ложной оцѣнки ничего не значущихъ явленій, а равно не пытаться приподнять завѣсу сокрытаго отъ насъ будущаго, памятуя грѣховность такихъ попытокъ. Суевѣріе есть неправильный и незаконный способъ удовлетворенія присущаго человѣку стремленія къ сверхчувственному и таинственному. Единственный способъ освободиться отъ суевѣрія—это твердая и православная вѣра въ Божественный промыслъ, въ личное безсмертіе и будущую жизнь.

М. Вержболовичъ.

ЧУДЕСНЫЙ СЛУЧАЙ.

(Изъ воспоминаній сторожила).

Наше время считается, обыкновенно, такимъ, когда много стало людей равнодушныхъ въ религіи, такихъ людей, которые хотятъ вѣрить только тому, что можно увидѣть, услышать, или узнать какими-либо внѣшними чувствами. И вотъ, какъ бы наперекоръ такимъ людямъ въ наше же время все чаще и чаще стали обнаруживаться такіе чудесные случаи, предъ которыми подобные люди должны стоять въ безмолвіи, или же напередъ отказаться отъ всякаго объясненія. Случай эти, впрочемъ, бывали и прежде, но никто о нихъ тогда слушать не хотѣлъ, даже не обращали на нихъ ровно никакого вниманія. Объ одномъ такомъ, почти уже забытомъ случаѣ, я и считаю своимъ долгомъ, со словъ одного изъ своихъ прихожанъ, сообщить къ общему свѣдѣнію, помня слова писанія: тайну цареву хранить добро, дѣла же Божія открывать славно (Тов. 12, 11). Это одно изъ тѣхъ поразительныхъ доказательствъ, которыя лишній разъ убѣждаютъ насъ въ томъ, какъ Господь внимлетъ молитвамъ и, чрезъ святыхъ своихъ угодниковъ, исполняетъ прошеніе рабовъ своихъ, съ вѣрою и надеждою къ нему обращающихся: нужно только, по слову писанія, чтобы молящійся просилъ Бога «вѣрою ничтоже сумняся» (Іак. 1, 6) и тогда «дастся ему».

Служа отъ земства въ с. Саловкѣ Сарайскаго уѣзда, говорилъ мнѣ прихожанинъ, я пользовался вниманіемъ тамошняго приходскаго священника о. Г. Любимова (упокой Господи душу его въ селеніяхъ праведныхъ). Нѣсколько разъ

бывалъ я у него для душеполезной бесѣды, иногда и онъ навѣщалъ меня. Въ одно изъ такихъ посѣщеній я замѣтилъ у него заинтересовавшую меня церковную книгу подъ заглавіемъ «Добротолубіе». Я попросилъ батюшку дать мнѣ эту книгу почитать и выписать изъ нея нѣкоторыя мѣста, наиболѣе меня занимавшія. Книга эта до того увлекала меня, что я просиживалъ за нею по цѣлымъ ночамъ. Отъ продолжительнаго ночного чтенія глаза мои стали притупляться, такъ что я вынужденъ былъ купить на лампу матовый абажуръ и на свои глаза синіе очки. Въ то время, когда я такъ зачитывался книгой, мною получено было письмо отъ одного знакомаго мнѣ управляющаго, приглашавшаго меня навѣстить его больную жену. Зная хорошо, что мнѣ придется пробыть тамъ нѣсколько дней, я захватилъ съ собою и любимую книгу, съ намѣреніемъ продолжать тамъ свое чтеніе.

Путь предстоялъ не близкій — верстъ около пятидесяти. Уложивши съ собою все необходимое, я отправился. Какъ предполагалъ я, такъ и случилось на самомъ дѣлѣ: подлѣ больной женщины пришлось пробыть нѣсколько дней. Въ день отъѣзда я запоздалъ и выѣхалъ отъ управляющаго поздно ночью. Ночь была темная, хоть глазъ выколи, дороги не видно, а ѣхать приходилось долго. Такъ какъ прошедшую ночь я провелъ у постели больной, то меня сильно клонило ко сну; я попросилъ возницу послѣдить за моимъ багажемъ, уложеннымъ въ задокъ телѣги, а самъ легъ и скоро заснулъ, заснулъ крѣпко и спалъ, вѣроятно, долго, потому что, когда я проснулся, было уже свѣтло. Смотрю, — и возница мой спитъ, какъ убитый. Мнѣ стало жалко будить его, и я, натянувши вожжи, подсѣлъ къ лошади. Но каково же было мое изумленіе, когда я посмотрѣлъ въ задокъ и не увидѣлъ тамъ своего багажа... Больше всего меня смущала пропавшая книга: книга эта была дана мнѣ отъ священника на время и притомъ книга не его собственная, а церковная, книга новенькая и довольно таки цѣнная. Что дѣлать? Ѣхать назадъ? — но вѣдь это значило сдѣлать

лишній конецъ версть въ тридцать приблизительно. Махнуть на все рукой и продолжать свой путь?—но тогда какъ же покажусь я на глаза къ священнику и что скажу ему въ свое оправданіе... Нѣтъ, ужь лучше вернуться и найти пропавшее. Сказано—сдѣлано. Я взялся управлять лошадыю, а возница шелъ за телѣгою, тщательно разыскивая пропавшія вещи. Но напрасны были наши старанія,—пропавшихъ вещей мы такъ и не нашли. Было грустно и досадно, грусть эта увеличивалась еще представленіемъ о томъ, какъ огорченъ будетъ этой пропажей почтенный батюшка... Я былъ до того смущенъ и взволнованъ всѣмъ происшедшимъ, что не сумѣлъ скрыть этого волненія и отъ своей жены... «Что съ тобою?»—спросила она меня, лишь только я переступилъ за порогъ своего жилища. Когда я рассказалъ ей о случившемся, жена стала меня утѣшать. «Дастъ Богъ, говорила она, найдется и твоя пропавшая книга». Я хотя и твердо вѣрилъ тогда въ помощь Божію, но успокоиться все же не могъ. Я недоумѣвалъ, какъ можетъ найтись пропажа, когда мы чуть ли не по горячимъ слѣдамъ отыскивали ея? Такъ прошло два дня, въ теченіе которыхъ я не пилъ чая и ничего почти не ѣлъ, даже отсталъ за это время отъ грѣховной привычки своей курить табакъ. Къ священнику я не ходилъ и о случившемся ему пока не говорилъ, да и не могъ я сдѣлать этого потому еще, что за всѣ эти два дня я до того ослабъ и изнемогъ, что слегъ въ постель, не переставая притомъ же взывать къ святому своему покровителю Димитрію Солунскому и цѣлителю Пантелеимону, прося ихъ помощи и утѣшенія. Къ утру третьяго дня со мною сдѣлалась легкая дремота, и вотъ что мнѣ приснилось. Подлѣ моей кровати предстали вдругъ св. Димитрій Солунскій и цѣлитель Пантелеимонъ и такъ вротко, такъ умиительно смотреть на меня, а не вдалькѣ отъ нихъ стоитъ маленькая скамеечка и на ней, въ раскрытомъ видѣ, пропавшая книга. Мгновенно я проснулся и тутъ же почувствовалъ въ себѣ какъ бы нѣкоторое облегченіе. Первымъ дѣломъ моимъ

было посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ видѣлась мнѣ пропавшая книга. Но каково же было мое удивленіе, когда я своими глазами увидѣлъ эту книгу, доставившую мнѣ столько заботы и огорченій... Кто нашелъ ее? Какъ очутилась она въ моей комнатѣ? вотъ вопросы, внезапно меня осѣнившіе. Но тутъ вошла моя жена и радостно сообщила мнѣ, что въ то самое время, когда я спалъ, вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина и принесъ пропавшія вещи. Кто онъ и откуда—ничего не сказалъ, сказалъ только, что ему недосужно и что онъ куда-то торопится... «Чтобы обрадовать и успокоить тебя, я первымъ дѣломъ вынула твою книгу и положила ее у твоего изголовья: вотъ она, заключила жена, возьми ее и успокойся. Не говорила ли я тогда, что надѣйся на Бога, и Онъ поможетъ тебѣ»... Я тѣмъ временемъ успѣшилъ передать ей свое видѣніе, и оба мы возблагодарили тогда Господа за столь поистинѣ дивный и чудесный случай.

Разсказъ этотъ передалъ мнѣ, какъ уже и выше я упомянулъ, одинъ изъ моихъ прихожанъ. Это—старикъ лѣтъ восьмидесяти, выдающійся среди остальныхъ прихожанъ по своей религіозной жизни: каждый четыре поста онъ говѣеть и Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой причащается; не пропускаетъ почти ни одной божественной службы, даже и «за-будни». Ведетъ строгій образъ жизни, отличается искренностію, правдивостію, честностію и т. д.

Я услышалъ отъ старца праведный разсказъ недавно; но среди близкихъ и знакомыхъ ему лицъ онъ уже извѣстенъ давно. Да послужить онъ къ назиданію людей, не вѣрующихъ въ чудесныя воздѣйствія высшаго міра на нашъ, по молитвамъ людей, угодныхъ Бгу!

Вознесенской церкви г. Саранска *Святи. И. Добронравовъ.*

ВЫСОЧАЙШАЯ МИЛОСТЬ ДУХОВЕНСТВУ.

Слава въ вышнихъ щедрому Богу! Благодареніе безпредѣльное любвеобильному Монарху! Признательность глубокая попечительному Начальству!

Насталъ и для православнаго духовенства Руси святой вождедѣнный день, который отнынѣ будетъ для него свѣтлымъ праздникомъ, — день 18 іюня, съ котораго получаетъ обязательную силу Высочайше утвержденный новый пенсіонный уставъ духовенству. Съ облегченнымъ сердцемъ будутъ взирать отнынѣ на свое будущее пастыри и служители Церкви!

Большое событіе не духовно-сословной только, но и общегосударственной важности!

Лишь тотъ, кто смотритъ на наше православное духовенство издали, чрезъ призму пресловутаго некрасовскаго стихотворенія-памфлета («Кому живется весело, вольготно на Руси») и тому подобныхъ произведеній, или тотъ, кто судить о благосостояніи духовенства на основаніи немногихъ, теряющихся въ массѣ, случаевъ сравнительной обезпеченности (въ столицахъ, нѣкоторыхъ большихъ городахъ и мѣстностяхъ)—лишь тотъ можетъ думать, будто оно хорошо обезпечено матеріально и не нуждается въ правительственныхъ о немъ заботахъ. Кто, напротивъ, близко всматривается въ жизнь и быть всего духовенства, особенно же духовенства средней и сѣверной полосъ Россіи, тотъ знаетъ, какаѣ это тяжелая, трудовая, вѣчно-озабоченная, безпросвѣтно-безцвѣтная жизнь!

Вѣчный страхъ предъ безпомощною, необезпеченною старостью и безпріютнымъ сиротствомъ, какъ кошмаръ, давилъ доселѣ душу пастырей и служителей Церкви, часто парализуя ихъ наилучшія намѣренія и начинанія. И кто со спокойною совѣстью рѣшился бы, при такихъ условіяхъ, строго судить и обвинять духовное сословіе за то, что, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ, порою оно прилежало земнымъ заботамъ и житейскимъ попеченіямъ, можетъ быть, больше, чѣмъ позволяетъ его высокое званіе и призваніе?..

Теперь существенно измѣняются условія дѣятельности духовенства. Не связанное въ такой мѣрѣ, какъ прежде, житейскими заботами и попеченіями, оно, безъ сомнѣнія, полнѣе и беззавѣтнѣе отдастся исполненію отвѣтственныхъ обязанностей своего служенія, — во исполненіе надеждъ даровавшаго ему великую милость Монарха, Которому благоугодно было начертать, на благодарственномъ адресѣ, повергнутомъ къ Его стопамъ Святѣйшимъ Синодомъ, слѣдующія знаменательныя слова:

« Убѣжденъ, что епархіальное духовенство съ усугубленнымъ рвеніемъ будетъ нести свое пастырское служеніе въ истинно-христіанскомъ духѣ ».

Да напечатлѣются эти слова въ сердца духовенства, взысканнаго великою Монаршею милостію, неизгладимыми письменами! И да подвигнутъ они его къ точному исполненію даннаго отъ его имени и за него Святѣйшимъ Синодомъ свидѣтельства:

« Съ чувствомъ безконечной благодарности своему возлюбленному Монарху и съ молитвою на устахъ выслушаютъ пастыри и служители эту радостную вѣсть, успокоенные отъ тяжелыхъ думъ и заботъ для себя на случай старости и тяжелой болѣзни и за свою семью, отнынѣ не обездоленную и въ случаѣ сиротства. Они тѣмъ съ вѣщою преданностію имѣютъ себя всецѣло посвятить служенію Церкви святой, Престолу и Отечеству исполненіемъ пастырскихъ и учительскихъ въ церковныхъ школахъ

обязанностей, непрестанно вознося къ Престолу Всевышняго горячія молитвы о здравіи и благоденствіи своего возлюбленнаго Монарха».

Да будетъ это высоко-авторитетное свидѣтельство, исполненное вѣры въ духовенство, выраженіемъ его дѣйствительныхъ стремленій, которыя отнынѣ съ особенною силою должны сдущевлять его дѣятельность!

Это будетъ наилучшимъ отвѣтомъ духовенства на дарованную ему Высочайшую милость.

И будетъ тогда служеніе духовенства, отсель спокойнаго за свою будущность, благоплодно и радостно.

Но дабы радость эта была *исполнена въ себѣ*, дабы все духовенство могло принять участіе въ ней, да будетъ позволено высказать и еще одно пожеланіе. Пусть Высочайшая милость, нынѣ дарованная духовенству, изольется, по крайней мѣрѣ, на бѣднѣйшихъ и наиболѣе безпомощныхъ изъ числа тѣхъ пастырей и служителей Церкви, которые вынуждены были выйти «въ заштатъ» до нея, дабы и они могли принять участіе въ пѣсни благодаренія, воспѣваемой нынѣ православнымъ духовенствомъ, отъ края и до края нашего необъятнаго отечества, щедрому Богу и Его любвеобильному Помазаннику!..

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1902 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

Стран.

1. СЪЯТЕЛЬ. (Стихотвореніе). Свящ. В. Бѣлкина.	3—3
2. БЕСѢДЫ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА. Святѣйшаго Патріарха Вселенскаго АНѦИМА VII. Перевелъ съ греч. Прот. А. К. Смирнопуло.	4—8 163—171 348—352 552—556
3. ЗНАЧЕНІЕ ЧУДЕСЪ ВЪ ДѢЛѢ ВѢРЫ ВО ХРИСТА И ХРИСТОВУ ЦЕРКОВЬ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго.	9—15
4. РАСКОЛЬНИКИ ВРЕМЕНЪ ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ И НОВОЗАВѢТНЫХЪ. Его-же.	16—21
5. ОБЪЯСНЕНІЕ ЦЕРКОВНАГО ПѢСНОПѢНІЯ ПРАЗДНИКА ВОЗНЕСЕНІЯ. Его-же.	22—26
6. РОЖДЕНІЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ И БЛАГОДАТНОЕ. Его-же.	27—31
7. ИСТИНА АПОСТОЛЬСКАГО И СВЯТООТЕЧЕСКАГО УЧЕНІЯ. Его-же.	32—37
8. МУЖИ ДОЛГА. Ректора Виѣанской Духовной Семинаріи, прот. А. А. Бѣлѣва.	38—49 298—310 433—439
9. ПРОСВѢТЛЕНІЕ ОЧЕЙ СЛѢПОРОЖДЕННАГО — СИМВОЛЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ОМРАЧИВШИХСЯ УМСТВЕННЫХЪ ОЧЕЙ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. Свящ. П. Орлова.	50—57
10. ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ФЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА къ Н. И. К.	58—61 459—463
11. О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМЪ ОТКРОВЕНІИ. И. П. Ни- колина.	62—78
12. ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ. Сообщилъ Начальникъ Оптинскаго Скита Іеромонахъ о. Іосифъ.	74—76
13. КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ. Свящ. С. М. Садковскаго.	77—98 229—237 398—411 594—601
14. ЦАРСТВЕННЫЙ МУЧЕНИКЪ. (Съ приложеніемъ рисунка). Д. С. Дмитріева.	99—110
15. ЖИЗНЬ ПУСТЫННИЦЫ АНАСТАСІИ (СЕМЕНОВНЫ ЛО- ГАЧЕВОЙ), ВПОСЛѢДСТВІИ МОНАХИНИ АѦНАСИИ, И ВОЗНИКНОВЕНІЕ НА МѢСТѢ ЕЯ ПОДВИГОВЪ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ. (Съ приложеніемъ рисунка). Свящ. А. Приклонскаго.	111—122 172—281 412—417

16. О. ИГУМЕНЪ ДАНИИЛЬ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЕОСИМАНСКАГО СКИТА И ПЕЩЕРЪ. (Съ приложеніемъ портрета). Инспектора Московской Духовной Академіи, архимандрита Евдокима..... 123—139
210—219 353—365 507—522
17. СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОЙ ШЕСТОЙ ГИМНАЗИИ, ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА РЯЗАНЦЕВА. Свящ. С. В. Успенскаго..... 140—144
18. СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА РЯЗАНЦЕВА. Свящ. М. П. Фивейскаго..... 145—149
19. ПУТЕШЕСТВІЕ УЧЕНИКОВЪ МОСКОВСКОЙ МАРОНОВСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ МОНАСТЫРИ НИКОЛО-УГРЪШСКОЙ, САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОЙ И СЕРГІЕВУ ЛАВРУ. Свящ. С. Лаврентьева.... 150—158
252—262 374—382
20. СКОРБЬ И УТЪШЕНІЕ..... 159—160
21. РЪЧЬ, СКАЗАННАЯ Г. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, В. К. ФОНЪ-ПЛЕВЕ, У МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, ПРИ ПОДНЕСЕНІИ ЕМУ СВ. ИКОНЫ, 12 апрѣля 1902 г. Архимандрита Нікона..... 161—162
22. СВѢТОНОСНАЯ БЛАГОДАТЬ СВ. ДУХА. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго..... 172—176
23. НЕБРЕЖЕНІЕ О ДѢЛѢ ГОСПОДНЕМЪ. Его-же..... 177—182
24. СТѢНА НЕРУШИМАЯ. Его-же..... 183—187
25. МІРЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ. М. О. Вержболовича..... 188—198
418—432 613—630
26. ТРИ СОЧИНЕНІЯ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА ОТЦА АМВРОСІЯ. Сообщилъ Проф. Н. И. Субботинъ..... 199—207
366—369
27. ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА къ И. А. Л..... 208—209
28. ИЗЪ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ. (Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ). Протопресвитера Большаго Моск. Успенскаго собора, В. С. Мареева..... 220—228
29. НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Свящ. Н. А. Колосова..... 238—251
464—471 602—612
30. О МОЛИТВѢ. Вл. Масловскаго..... 263—271
448—458 584—593
31. ИННОЦЕНТІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОЙ И ТАВРИЧЕСКОЙ. Н. Левитскаго..... 282—297
575—583
32. ПРОВИДѢНІЕ СПАСЛО. Лаврскаго іеромон. Кроніда. 311—315
33. ПАМЯТИ С. А. РАЧИНСКАГО. А. В..... 316—317
34. СЛОВО ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. Преосвященнаго Епископа Павла..... 319—326

35.	БЛАСТЬ ХРИСТОВА НАДЪ БЪСАМИ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго.	327—381
36.	СМЕРТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ. Его-же.	332—335
37.	ПОДРАЖАТЕЛИ НЕЧЕСТИВАГО ОХОЗИИ. Его-же.	336—340
38.	ЦЕРКОВНЫЯ РАЗНОГЛАСІЯ, НЕ ПРОТИВНЫЯ ПРАВОСЛАВІЮ. Его-же.	341—347
39.	РЪЧЬ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ РОЖДЕСТВОБОГОРОДИЦКОЙ НА БУТЫРКАХЪ ЦЕРКВИ АЛЕКСІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АНЦЕРОВА († 6 мая). Прот. Д. Пѣвницкаго.	370—373
40.	ПАМЯТИ О. ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ФЛОРИНСКАГО. А. Крылова.	383—386
41.	СВѢТЛЫЕ ДНИ ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ. Д. С. Дмитріева.	387—397
42.	ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВІИ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА. А. Нарцизовой.	440—447
43.	ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АНТОНИИ, АРХІЕПИСКОПѢ ВОРОНЕЖСКОМЪ И ЗАДОНСКОМЪ. (1826—46 гг.). Сообщилъ свящ. Андрей Соболевъ.	472—476
44.	БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ АДРЕСЪ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.	477—479
45.	НЕСОКРУШИМОСТЬ БОЖІЯ ЗДАНІЯ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго.	480—484
46.	РОЖДЕНІЕ ВЪ ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ ПОСРЕДСТВОМЪ БЛАГОВѢСТВОВАНІЯ. Его-же.	485—489
47.	ЗАПОВѢДЬ БОГА ОТЦА О ПОСЛУШАНІИ ЕГО ЕДИНОРОДНОМУ СЫНУ. Его-же.	490—495
48.	ПЛАКАНІЕ О СМЕРТИ. Его-же.	496—499
49.	ЗНАЧЕНІЕ БОГАТСТВА. Его-же.	500—506
50.	СЕМЬ ПИСЕМЪ ОПТИНСКИХЪ СТАРЦЕВЪ, ІЕРОСХИМОНАХОВЪ О. АМВРОСІЯ И О. АНАТОЛІЯ КЪ МОНАХИНѢ NN ОБЪ УМНОЙ МОЛИТВѢ И О СТАРЧЕСТВѢ. Свящ. С. Четверикова.	534—542
51.	ИЗЪ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ. Протопресвитера Большаго Моск. Успенскаго собора, В. С. Маркова.	543—551
52.	БЕСѢДА СЪ РАСКОДОУЧИТЕЛЕМЪ И. Г. УСОВЫМЪ О НЕЗАВОННОМЪ УЧРЕЖДЕНІИ ВЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ. Миссіонера Θεодора Круглова.	557—574
53.	ЧУДЕСНЫЙ СЛУЧАЙ. Свящ. И. Добронравова.	631—634
54.	ВЫСОЧАЙШАЯ МИЛОСТЬ ДУХОВЕНСТВУ.	635—637

Въ приложеніи:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Съ примѣчаніями Протопресвитера Московскаго Большаго Успенскаго собора В. С. Маркова.	509—524
	525—540 541—556 557—572